

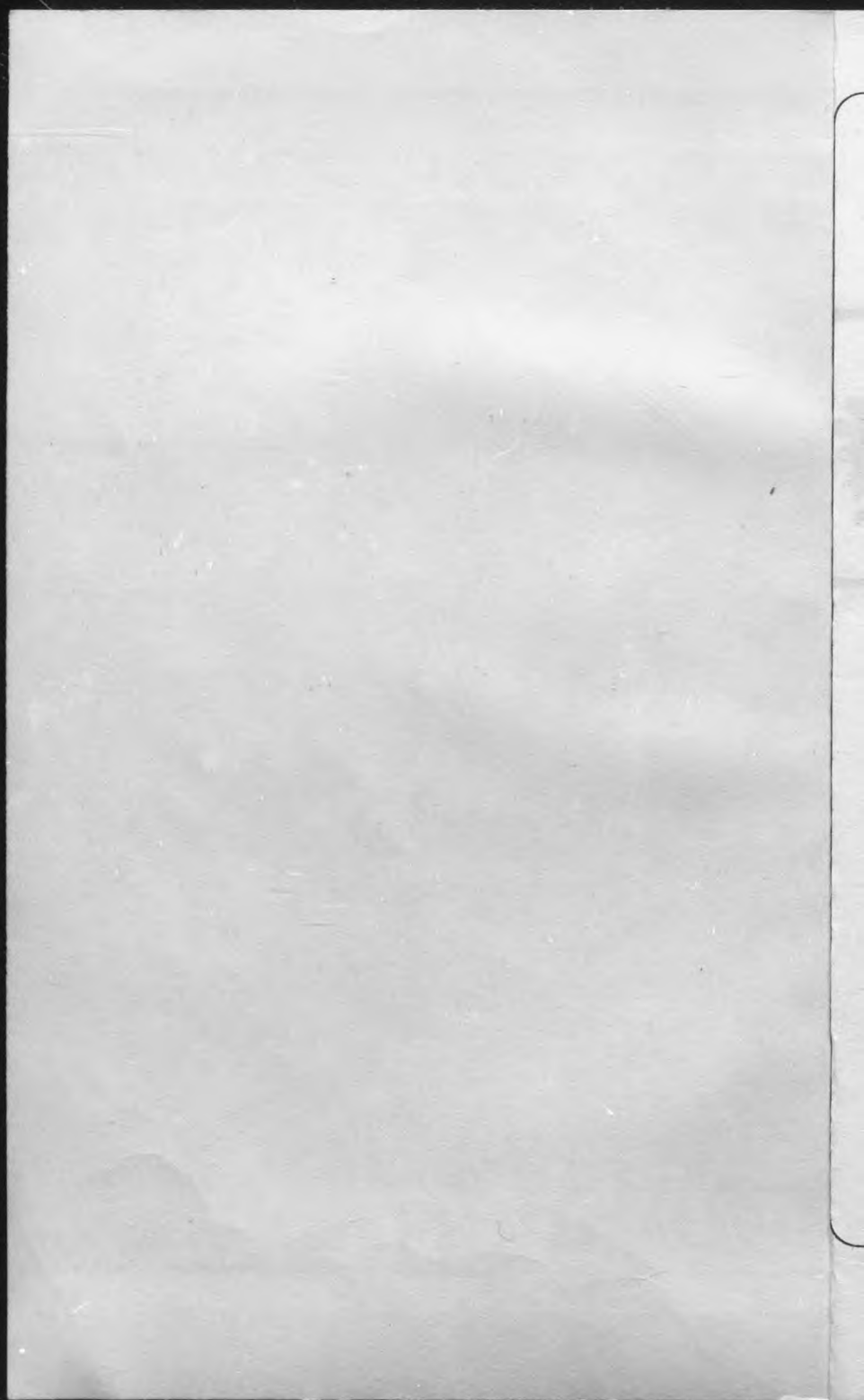
3B

ВИД ГУБЕРНСКОГО ГОРОДА ВЯТКИ /Киров/

В ДЕСЯТИ ТОМАХ

—
Я
И
—

Откуда мы родом?

кр

История

ЭВ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЗЕМЛИ ВЯТСКОЙ

ТОМ
четвертый

ОБЛАСТНАЯ ПИСАТЕЛЬСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
АДМИНИСТРАЦИЯ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ
ВЯТСКАЯ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ПАЛАТА

1995

м 511320

КООРДИНАЦИОННЫЙ СОВЕТ:
А. М. МИХЕЕВ, В. А. НИКОНОВ, В. А. СИТНИКОВ,
Н. Г. ПРОТОПОПОВ, В. В. ВТЮРИН, А. А. ГОРЕВСКИЙ,
Н. В. ПОЛЯКОВ, Ф. И. ЮШИН

РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССИЯ:
В. А. СИТНИКОВ (председатель)
Н. И. ПЕРМИНОВА (заместитель)
О. М. ЛЮБОВИКОВ, А. В. РЕВА, В. А. БЕРДИНСКИХ,
А. Г. ТИНСКИЙ, С. П. КОКУРИНА, В. А. ПОЗДЕЕВ,
Г. Г. КИСЕЛЕВА, В. К. СЕМИБРАТОВ,
А. Н. СОЛОВЬЕВ, В. Ф. ПОНОМАРЕВ

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЗЕМЛИ ВЯТСКОЙ Том 4. История

Художник А. М. КОЛЧАНОВ
Составитель В. А. БЕРДИНСКИХ
Редактор Л. С. ТАТАРЕНКОВА

92+63.3 (2Р-4Кп)
Э-68

ISBN 5-86645-010-0

ИСТОРИЯ ВЯТСКОГО КРАЯ

(От составителя)

И сознание того, что история России — это прежде всего история российской провинции, постепенно проникает в среду не только пишущих историков, но и читающей публики. Между тем идея эта вовсе не нова. «Скажу наперед, не с мыслью о государственности, не с идеей централизации, а с идеей народности и областности я вступаю на университетскую кафедру русской истории... Русская история в самой основе своей есть по преимуществу история областных масс народа, история постоянного территориального устройства, разнообразной этнографической организации... С мыслью об областности и народности я избираю для своих чтений историю великорусского народа или великорусских областей», — заявил молодой профессор Афанасий Шапов, выступая со своей первой публичной лекцией в Казанском университете в 1860 году.

Калейдоскоп шумных политических событий мелькал иллюзорным блеском фейерверков в старой и новой столицах (именно их изучением в основном и занимались русские историки), между тем как крестьянская основа России на протяжении многих столетий менялась очень медленно и крайне неохотно. Бородатых московских царей сменили лоцёные петербургские императоры, а вятский крестьянин (да и не только вятский) продолжал пахать землю той же сохой, в той же сермяге и лаптях и так же представлял себе землю покоящейся на трех китах. Именно вот эта, крестьянская, провинциальная, основа исторической жизни России изучена на сегодня явно недостаточно. И потому остро необходима децентрализация духовно-культурной жизни

страны, создание многих самостоятельных, не зависящих от Москвы, оригинальных культурных центров. Ибо мы должны отчетливо представлять, что историю Твери лучше всего изучать и писать тверичам, Рязани — рязанцам, Нижегородчины — нижегородцам, Вятки — вятчанам... У нас для этого есть все: источники, тонкое понимание основ местной жизни, традиции. За последние десятилетия появились и вполне достаточные для этого квалифицированные силы.

Обратимся опять же к нашей Вятке. Здесь за последние 200—300 лет сложилась устойчивая краеведческая традиция. Каковы ее истоки?

Вятка была своеобразным культурным гнездом, где интерес к истории края стал культурной традицией, а любительские занятия краеведением — почетными. Рассчитывать на внимание столичных историков, исследовавших не только Подмосковье, но и Тверь, Рязань, то есть центр страны, далекая Вятка не могла. Зато благодаря отдаленности основная часть местных культурных сил не выезжала в столицы и вынуждена была проявлять свои таланты здесь, на месте.

Эта культурная традиция проявлялась на Вятке в виде устойчивого интереса к истории родного края у представителей местной интеллигенции: учителей, священников, чиновников, разночинцев. Думается, она начала формироваться еще во время написания «Повести о стране Вятской» — исторической повести конца XVII — начала XVIII веков, на целое столетие удовлетворившей общественный интерес к прошлому нашего края. Широкая распространенность списков повести, — а это десятки экземпляров, — не только среди горожан Вятки, но и в Котельниче, других городах края говорит о том, что ее читали и читали. Связь материалов повести с общерусской историей выводила изображение за узкие рамки провинциального быта, а это было необходимо вятчанам, ошеломленным реформами Петра I, «когда любезное наше отечество стало из ветхого переходить в новое состояние». «Повесть о стране Вятской» не только историческое, но и литературное произведение той эпохи, когда автор еще должен был оставаться анонимным.

Открытие первого вятского историка А. И. Вештомова, в начале XIX века доказавшего, что не только у России, но и у Вятского края есть своя история, которая может стать темой научного сочинения, было поразительно новым для местных обывателей. Впрочем, эту вештомовскую идею приняли и развили в первой половине XIX века единицы. Восторженный разночинец, выросший в эпоху Великой французской буржуазной революции и романтизма в русской художественной литературе, Александр Иванович Вештомов (1768 — около 1830) был сторонником идей просветительства, романтиком по складу характера и деятельности. Целью своих изысканий он считал «благо поселян — сей основы государства». Но его монументальная «История вятчан» весь XIX век оставалась рукописной. Трагедия личности Вештомова как будто предопределена в стихах: «Талант и судьба везде и всегда дышат слепой обоюдной враждой».

60-е и 80-е годы XIX века — время массового интереса разночинной интеллигенции к истории, экономике, культуре родного края. Высокая цель вывести русский народ из унижения и темноты путем просвещения одушевила десятки вятских историков — известных, малоизвестных и совсем еще неизвестных. Народническая закалка отразилась на всей деятельности замечательных местных историков А. С. Верецагина, А. А. Спицына, П. Н. Луппова. Внимание к этнографии, повседневному быту крестьянства, тонкое понимание глубинного течения народной жизни, мощной древнерусской струи в обыденности характерно для историков этого поколения. Именно из среды, насыщенной такого рода интересами, вышел великий русский этнограф Д. К. Зеленин.

Круг интересов местных любителей истории был разнообразен: этнография и фольклористика, топонимика и география, статистика и археология. Подобная нерасчлененность исторического познания давала любителям и серьезные преимущества перед узкими специалистами, видимые сегодня отчетливо. Фигуры историков того времени порой очень колоритны, яркие, индивидуальны. Это и желчный реалист щедринского типа А. С. Верецагин (1835—1908), для которого

исследование прошлого — и форма самоутверждения, проявление личности, и единственно доступный ему путь ухода от неприятной действительности. Это и пишущий свои статьи на последней стадии чахотки инспектор народных училищ Глазовского уезда Н. Г. Первухин, на чьи работы приходили запросы в Вятку из Парижа. Это и добрейший и упорнейший в достижении своих целей А. А. Спицын (1858—1931), для которого вятская археология стала одновременно и школой, и трамплином для выхода в большую науку. На его примере мы отчетливо видим, что подпитка, обогащение из нижнего слоя культуры его верхних слоев происходили непрерывно.

Но если работы А. С. Верещагина, А. И. Вештомова, А. А. Спицына, П. Н. Луппова (1867—1949), А. В. Эммусского (1898—1987) имеют первостепенное значение в местной историографии, то ведь помимо них существуют сотни исторических работ других авторов. Микросфера вятских историков, создав своеобразную «социокультурную матрицу» тематики и проблематики краеведческих исследований, лишь после Октябрьской революции проникла в поле внимания широкой публики и начала серьезно влиять в 20-е годы на общественное сознание. Лишь тогда к занятиям краеведением в Вятской губернии обратились сотни людей. Вполне вероятно, что события революции, гражданской войны (то есть живая история, сконцентрированная на небольшом отрезке времени и бывшая для многих частью личной биографии) опрокинули воззрения многих крестьян, интеллигентов, разночинцев, рабочих, традиционно оценивавших время, пространство, идею прогресса с точки зрения донаучных концепций развития мира. Именно тогда историзм начинает пронизывать все сферы общественного сознания.

Разгром краеведения России в 1930 году почти напроцупь уничтожил это течение исторической мысли в его прежнем виде, но культурная краеведческая традиция, в очень ослабленном и гораздо менее серьезном виде, выжила. В 1960-е годы уже началась кое-какая подспудная работа... Создание культурной традиции — труд нескольких поколений людей, и прервать ее, даже выкосив значительную часть носителей этой традиции, достаточно сложно.

Сегодня уже пора, отбросив анекдоты, банальности и стереотипы досужих заезжих литераторов про вятскую чудинку, всерьез и детально изучать богатую историю нашего края. До сих пор в ней много спорного, неясного и неизученного, особенно по истории Вятки XII—XV и XX веков. Письменные источники по первому из этих периодов почти отсутствуют, а археологические памятники все еще недостаточно хорошо изучены. Вдобавок материалы археологических раскопок порой противоречат имеющимся летописным сведениям. Так, до сих пор нет ясности и не умолкают споры историков и археологов по таким важнейшим в истории Вятки вопросам, как время основания первых русских городов в крае (XII или XIV век?), главные пути русской колонизации, политическое устройство Вятской земли в XIV—XV веках (вечевая республика по типу новгородской или сепаратистская вотчина вначале нижегородско-суздальских, а затем галицких князей?). Загадочно и этническое происхождение некоторых народностей края, например, бесермян, тептярей.

Вятка была большим этническим котлом, где происходило смешение русских, татар, финно-угров (удмурты, марийцы, коми). Наложила свой отпечаток и близость Волжской Булгарии, а также давно исчезнувшая из этих мест чужь. Шло взаимообогащение языков, культур, этносов. Не случайно и говор, и физический облик коренного вятчанина столь необычны, а порой и экзотичны для русских — жителей центра страны. В русскую речь здесь органически вплетены удмуртские (в центре и на востоке края), марийские (на юге) слова и понятия.

Очень существенное влияние оказали на север области — Лальск, Кай, Подосиновец — переселенцы из новгородских земель и Великого Устюга. В культурном отношении Вятка в значительной мере принадлежит к очень своеобразному региону русского Севера (Архангельск, Новгород, Вологда)...

На восточные районы области оказали влияние традиции, образ жизни горнозаводского Урала — обширного Пермского края (не будем забывать, что даже епархия была когда-то одна — Вятская и Великопермская). Южные районы (Уржум, Малмыж, Вятские Поляны,

Санчурск) длительное время формировались в условиях мощного культурного воздействия Волжской Булгарии и Казанского ханства. Даже впоследствии эти земли длительное время управлялись из Казани.

Нижегородский край после татарского нашествия стал главной дорогой для потока русских колонистов в область средней Вятки и ее притоков. Это исторический центр края с его древнейшими городами Хлыновом, Котельничем, Орловом, Слободским. Значение политических и культурных связей Вятки с Нижним Новгородом в средние века трудно переоценить.

В условиях такого, очень своеобразного, этно- и геополитического равновесия и происходило развитие Вятского края в XII—XIX веках. По сути дела вятский регион был связующим мостом между центром страны и Уралом, русским Севером и Поволжьем; но мостом, сумевшим изолироваться на безопасном расстоянии в своих лесах и болотах от влиятельных соседей и создать глубоко оригинальную местную культуру. Течение исторических событий то выносило Вятку в центр политической борьбы, то обрекало на безмятежное существование глухого медвежьего угла. Яркая и насыщенная острой борьбой жизнь Вятской земли в XIV—XV веках, драматичные события «Смутного времени» и прифронтовая Вятка в годы гражданской войны — такие эпизоды лишь оттеняли медленность хода истории в другие эпохи. Но и в эти, другие, эпохи внутреннее развитие Вятки — «мужицкого царства» — было не менее интересным и своеобразным. Только разглядеть его очень сложно.

Издание данного тома в серии «Энциклопедия Земли Вятской» подготовлено большим авторским коллективом, объединившим многих вятских историков и краеведов. Это не сухая монография, а научно-популярная книга по истории Вятского края, в которой авторы, каждый в меру своих сил, попытались живо, интересно и фактически достоверно рассказать о наиболее существенных, ключевых периодах в истории Вятки. Это не дискуссионное издание для специалистов, потому полемика в значительной мере исключена.

Мы постарались, чтобы читатели в доступной фор-

ме системных исторических очерков увидели всю сложность, богатство и своеобразие края, в котором они живут.

«Сыны отражены в отцах»... Мы не просто владеем наследством, оставленным нашими предками, мы несем его в своей крови, образе мышления, вкусах и пристрастиях.

В книгу включены очерки классиков местной историографии А. А. Спицына, П. Н. Луппова, А. В. Эммаусского, в основном не публиковавшиеся ранее. Многие материалы написаны молодыми авторами (Ю. Н. Тимкин, Ю. А. Балыбердин, С. А. Куковякин) и опытными историками, краеведами (В. Д. Сергеев, Е. В. Березин, И. И. Стефанова, В. К. Семибратов, Г. Г. Загвоздкин, В. Ф. Пономарев) в 1994—1995 годах специально для данного издания. Большую работу над составлением библиографии и хроники исторических событий провела краевед С. П. Кокурина.

Учитывая, что уже вышло три тома Энциклопедии Земли Вятской — «Города», «Литература», «Ратные подвиги», мы сочли возможным опустить некоторые страницы истории края, а иные осветить лишь кратко, дабы не повторять уже известного. С нашей точки зрения, отдельные тома энциклопедии естественным образом развивают и дополняют друг друга, создавая цельную картину многообразной жизни края на протяжении восьми последних веков.

Мы очень благодарны учреждениям и организациям, оказавшим существенную помощь в подготовке этой книги: краеведческому отделу областной научной библиотеки им. А. И. Герцена, Государственному архиву Кировской области, Центру документации новейшей истории, областному художественному музею им. Васнецовых, Объединенному историко-архитектурному и литературному музею, а также всем, кто оказал содействие и авторам содействие.

Попытаемся же, читатель, вместе с авторами этого тома извлечь из истории не золу, но пламя...

1. ВЯТКА В XII—XVII ВЕКАХ

А. В. ЭММАУССКИЙ

ВЯТКА В XII—XV ВЕКАХ

Вятский край расположен в восточной части Европейской России. Большая часть его территории находится в бассейне р. Вятки. Лишь отдельные восточные районы Вятской земли лежат в верховьях р. Камы и по ее правым притокам. Северные земли края частично расположены в бассейне р. Юга и его притока р. Лузы. Западные районы находятся в верховьях р. Ветлуги, а юго-западные — по течению р. Б. Кокшаги.

Поверхность края имеет общий равнинный характер с наклоном с северо-востока на юго-запад. Однако рельеф края значительно расчленен. С севера на юг по центральной части края тянется пологая возвышенность — Вятские увалы, имеющие высоту до 280 м. На севере в пределы края заходят Северные увалы. На востоке поднимается Вятско-Камская возвышенность, или Глазовский вал, со средней высотой 210 м. Климат края континентальный, с продолжительной холодной зимой и умеренно теплым летом. По растительности и животному миру край относится к нечерноземной лесной зоне с преобладанием хвойных пород.

Полезными ископаемыми край небогат. Однако на его территории встречаются железные и медные руды, фосфориты, известняки, песчаники, гипс, торф и другие ископаемые. Большим богатством края был его животный мир. Водилось много промысловых зверей: лоси, косули, олени, кабаны, лисицы, в том числе черно-бурые, бобры, куницы, горностаи, белки, зайцы, а также медведи, волки, россомахи, рыси и другие. В большом количестве водилась боровая и водоплавающая птица: глухари, тетерева, куропатки, лебеди, гуси, утки, кулики... Реки и озера изобиловали рыбой, в том числе ценной: осетр, стерлядь, сом, судак, щука, лещ, окунь... В лесах имелось много диких пчел.

Коренным населением края были племена угро-финской этнической ветви. В VIII—X веках сформировались народности, главными из которых были удмурты (вотяки, отяки), марийцы (черемисы), коми (зыряне и пермяки), чудь заволоцкая. Основная масса удмуртских племен населяла Вятско-Камское междуречье от р. Чепцы на севере до средней Камы на юге. В исторических условиях того времени удмурты разделились на две группы: северную, концентрировавшуюся по Чепце и ее притокам, и южную,

населявшую правобережье средней Камы. Центральная часть удмуртской земли была слабо заселена.

Марийские племена занимали вятско-ветлужское междуречье и высокое правобережье Волги от низовьев р. Суры до устья Оки. Условия жизни разделили марийцев на две группы: луговых марийцев, занимавших вятско-ветлужский край, и горных марийцев, живших на правобережье Волги. Небольшая часть южных удмуртов и луговых марийцев проживала между низовьем Камы и Волгой на территории так называемой Арской земли.

Племена коми и чуди не составляли компактного населения, а проживали небольшими группами в северных районах Вятского края и в верховьях Вятки и Камы.

Удмурты и марийцы находились на стадии разложения патриархально-родового строя и зарождения феодальных отношений. Главной отраслью их экономики было сельское хозяйство. Судя по археологическим данным, у них существовало пашенное земледелие на основе подсечно-огневой и переложной системы. Начался переход к паровой системе с использованием старопахотных участков. Основными культурами были просо, ячмень, полба, овес, мягкая пшеница, лен. Существовало домашнее скотоводство. Разводились лошади, коровы, овцы, домашняя птица. Огромное значение имели охота, рыболовство, бортничество, сбор дикорастущих плодов, ягод, грибов. Земледельческо-скотоводческое хозяйство сильнее развивалось у южных удмуртов и горных марийцев. У северных удмуртов и луговых марийцев преобладающее значение имели охота и бортничество.

Значительное развитие получило домашнее ремесло: деревообработка, производство шерстяных и льняных тканей, меховых изделий, глиняной посуды, железных и медных орудий и оружия, изделий из кости, женских украшений и т. п. Отдельные ремесла стали выделяться в особые отрасли хозяйства. Появились специалисты-ремесленники, в том числе металлурги, литейщики, кузнецы, ювелиры, гончары, скорняки.

При полном господстве натурального хозяйства удмурты и марийцы начинали втягиваться в торговлю. Существовал межплеменный обмен, устанавливались торговые связи с Русью, Хазарским каганатом и Волжско-Болгарским ханством. Однако эта торговля имела односторонний характер. Иноземные купцы, используя известный им торговый путь по Каме и Вятке, связывавший Поволжье с Уралом и землями Севера, проникали в поселения удмуртов и марийцев и скупали у них пушнину, мед, воск, шкуры и другие товары в обмен на золотые и серебряные изделия, оружие, шелковые ткани и прочие ценные вещи. Эта торговля носила преимущественно меновой характер, но частично расчеты производили и на деньги, главным образом диргеми различной чеканки. Клады дир-

гемов и отдельные монеты в свое время были обнаружены в пределах Вятского края.

Разделение труда, выделение ремесленников, развитие торговли приводили к обогащению некоторой части общинников и ускоряли процесс разложения патриархально-родового строя. Стала формироваться родо-племенная знать, захватившая лучшие земли, охотничьи угодья, скот и закреплявшая их в частную собственность. Возникло резкое имущественное неравенство, положившее начало образованию классов феодалов, крестьян, холопов. Однако этот процесс только начался и еще не привел к развитому феодализму. Сельская община была еще прочной и обеспечивала своих членов землей и средствами производства. Общинный быт поддерживала и языческая религия, корни которой уходили в глубокую древность.

Относительную отсталость удмуртов и марийцев использовала Волжская Болгария, стремившаяся включить их в состав своего феодального государства. В XI—XIII веках южные удмурты и горные марийцы фактически стали подданными Волжской Болгарии. Время от времени болгары собирали дань также с северных удмуртов и луговых марийцев. В то же время волжские болгары оказывали большое экономическое и культурное влияние на удмуртов и марийцев, которые заимствовали у болгар ряд хозяйственных приемов и бытовых обычаев. Цивилизующее влияние на марийцев, удмуртов и коми оказывали и русские, особенно в связи с начавшейся русской колонизацией Вятского края.

* * *

Русские поселенцы, проникавшие в бассейн р. Вятки, двигались из Новгородской земли по Северной Двине, Югу, Моломе и из Владимиро-Суздальского княжества по Волге, Унже, Ветлуге на Молому. Оба потока поселенцев попадали на Среднюю Вятку и заселяли ее берега от Моломы до Чепцы, ставя здесь починки, деревни, погосты. Некоторые из этих поселений укреплялись земляными валами и деревянным тыном. Укрепленные поселки, известные под названием городищ, представляли собой в большинстве случаев очень маленькие поселения. Укрепления предназначались не столько для защиты от вооруженных отрядов врагов, сколько для охраны жилищ и скота от хищных зверей.

Археологические материалы, местные предания и позднейшие записи вятских книжников свидетельствуют о том, что русская колонизация Вятского края началась в XI — начале XIII века. В вятских летописях конца XVII — начала XVIII веков, таких как «Вятский временник», «Летописец старых лет», «Повесть о стране Вятской», «О вятчанех, как они поселились на Вятке», начало проникновения русских в Вятский край датируется 1181 годом. Летописи рассказывают о том, что в этом году отряд новгородцев

овладел удмуртским городком Болваном, стоявшим на правом берегу Вятки близ впадения в нее Чепцы, поселился в нем, назвав его городом Никулицыном. Две последние летописи, кроме того, сообщают, что другой отряд новгородцев захватил марийский городок Кокшаров, переименовав его в Котельнич. Потом оба отряда объединились и построили общий город Хлынов, названный по речке Хлыновице, впадающей в Вятку под этим городом. В более ранних вятских летописях («Вятский временник» и «Летописец старых лет») подобных известий о Котельниче и Хлынове нет. Время взятия новгородцами Кокшарова и основания Хлынова «Повесть о стране Вятской» и сказание «О вятчанех...» не датируют, но, поскольку в данной легенде действуют одни и те же новгородские отряды, очевидно, упомянутые события произошли вскоре после 1181 года. Поэтому не случайно в официальных вятских документах конца XVIII века годом основания Хлынова считался 1199 год.

Критический анализ вятских летописей, проведенный А. С. Верещагиным, П. Н. Лупшовым и другими исследователями, показывает, что указанные в них даты возникновения Никулицына, Котельнича и Хлынова не могут считаться точными, но археологические материалы русских городищ на Вятке показывают, что новгородские и владими́ро-суздальские поселенцы появились в Вятском крае в XI — начале XIII века и основали здесь свои поселки, не являвшиеся еще городами в экономическом и военно-административном смысле этого слова.

Ранняя русская колонизация не носила массового характера. Более широкий размах она приобрела после монголо-татарского нашествия, когда русские люди устремились на север в таежные дебри, чтобы избежать насилий и разорения со стороны золотоордынских захватчиков. Во второй половине XIII — первой половине XIV века на Вятке появляется уже сравнительно много русских поселений, основанных выходцами из Новгородской, Устюжской, Суздальской и Нижегородской земель. Русские расселялись на свободных землях по соседству с марийцами и удмуртами. Но значительная часть нерусских племен под давлением русской колонизации постепенно отходила на юг и восток, предоставляя русским территорию по средней Вятке, Моломе и Чепце.

Основную массу русских поселенцев составляли крестьяне (смерды). Они занимались земледелием, применяя подсеčno-огневую и трехпольную системы. В связи с развитием трехполья главными культурами стали озимая рожь и яровые хлеба: овес, ячмень, пшеница, а также лен и конопля. В огородах выращивали овощи: лук, репу, свеклу, морковь... Большое значение в хозяйстве вятчан имело домашнее скотоводство. Разводились лошади, коровы, овцы, козы, свиньи, а также домашняя птица. Для заготовки кормов на

зимний период использовались пойменные луга, лесные поляны и расчищенные из-под леса пожни. Подсобную роль в хозяйстве играли охота, рыболовство, бортничество. Развивалось деревенско-домашнее ремесло: обработка дерева, кости, металла, глины, кожи, пушнины, шерсти, волокна и других материалов. Деревенское ремесло носило натуральный характер. Ремесленники обслуживали своим трудом односельчан и соседей, работая на заказ и часто из материалов заказчика, не переставая при этом заниматься и сельским хозяйством.

Часть ремесленников, особенно тех отраслей, которые требовали специальных знаний и умений, в том числе кузнецы, литейщики, ювелиры, гончары, скорняки, шорники, оружейники и т. п. стали концентрироваться в наиболее крупных населенных пунктах, где они находили надежный сбыт своих изделий. Этому способствовало и развитие обмена. Вятчане устанавливали торговые связи с марийцами, удмуртами, коми-племенами, хантами, волжскими болгарскими и их потомками чувашами, а также с русскими землями и княжествами. Торговые люди также сосредоточивались в крупных селах, превращавшихся в торгово-ремесленные центры (протогорода). Наиболее крупные из них в XIV — XV веках преобразовались в средневековые города. Древнейшим из них был город Вятка.

Вятка впервые упоминается в летописях под 1374 годом в связи с походом новгородских ушкуйников на Волжскую Болгарию, входившую в то время в состав Золотой Орды. Собравшись в Великом Устюге, новгородцы на 90 больших речных судах-ушкуях спустились по Югу и Моломе в Вятку и по ней дошли до Камы. Выйдя на Волгу, они напали на главный город Волжской Болгарии — Булгар, взяли его и намеревались сжечь, но ограничились тем, что взыскали с населения выкуп — 300 рублей.

Потом ушкуйники разделились на два отряда. Один из них отправился на 50 ушкуях вниз по Волге к столице Золотой Орды Сараю. Судьба его осталась неизвестной. Другой отряд на 40 судах двинулся вверх, пограбил Засурье и Моркваш (районы по рр. Суре и Свияге, населенные горными марийцами и чувашами) и дошел до устья Ветлуги. Здесь новгородцы сожгли свои суда и отправились на конях по берегу Ветлуги на Вятку, где и обосновались.

Описывая этот поход, летописи сообщают, что ушкуйники пограбили Вятку. Но в летописном тексте нет слова «город Вятку». Поэтому многие историки, считавшие, что главный город Вятского края назывался Хлыновом, полагали, что под именем Вятки следует понимать не город, а Вятскую землю в целом. Однако это мнение является ошибочным. Первоначально этот город назывался Вяткой. И в данном случае ушкуйники в 1374 году разграбили город Вятку. Важным доказательством этого является такой документ, как «Спи-

сок всех русских городов дальних и ближних», в котором среди так называемых «залесских» городов после Нижнего Новгорода и Курмыша на Суре стоит город Вятка. «Список всех русских городов дальних и ближних» был составлен, как установил академик М. Н. Тихомиров, между 1387 и 1392 годами. В этом списке, насчитывающем 358 названий, не упоминаются ни Хлынов, ни Котельнич, ни Никулицын, ни какие-либо другие города Вятской земли. Очевидно, кроме Вятки, городов здесь до XV века не существовало. Что касается самой Вятки, как города, то она много раз упоминается вплоть до середины XV века в общерусских летописях и официальных документах в контексте, не оставляющем сомнений, что речь идет о городе, а не о Вятской земле как регионе.

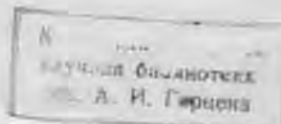
* * *

В эту эпоху на Руси уже существовали развитые феодальные отношения, которые распространились и на Вятскую землю. Господствующее положение занимали крупные феодалы — бояре, правда, немногочисленные, средние и мелкие землевладельцы — житьи люди, купцы и представители православного духовенства. Основную же массу населения составляли крестьяне и ремесленники. В зависимости у бояр и житых людей находились кабальные люди, попадавшие под власть феодалов за долги, и холопы.

Вятская земля пользовалась известной самостоятельностью. Управление было выборным. Во главе его стояли земские воеводы, ватаманы, ведавшие военными и гражданскими делами, и подвойские, выполнявшие судебные функции. В сельских местностях всеми делами ведали сотские и старосты. В случае военной опасности собиралось военное ополчение (рать) из всех способных носить оружие. Воеводы обычно избирались из наиболее знатных и богатых бояр, ватаманы и подвойские из числа житых людей и купцов. Церковное управление сосредоточивалось в руках десятильника (старшего священника).

Примерно в 1378 году Вятская земля формально стала феодальной вотчиной суздальско-нижегородского князя Дмитрия Константиновича, после смерти которого (1383 г.) в Суздальско-Нижегородском княжестве развернулась междоусобная война за наследство между сыновьями умершего князя Семеном и Василием (по прозвищу Кирдяпа), с одной стороны, и их дядей князем Борисом Константиновичем, владевшим Нижним Новгородом в качестве вассала своего старшего брата, с другой стороны. Сыновей Дмитрия Константиновича в этой войне поддерживал великий князь московский Дмитрий Донской, а Борис Константинович искал помощи у хана Золотой Орды Тохтамыша. Оказывая эту помощь и воспользовавшись смертью Донского (1389 г.), хан в 1391 году направил сильное войско во главе с царевичем Бектутом на Вятскую землю,

1
2
3
4
5
6
7
8
9
0
m 541320

чтобы разгромить одно из владений суздальских князей и тем самым подорвать их силы. Татары опустошили русские, удмуртские и марийские поселения, взяли город Вятку, разрушили его и возвратились в Орду с большой добычей.

Вятчане не остались в долгу. На другой год вятская рать совершила ответный поход на подвластную Золотой Орде Волжскую Болгарию, взяла болгаро-татарские города Жукотин и Кошан на Каме и разгромила их.

Проходившая с переменным успехом междоусобная борьба суздальско-нижегородских князей закончилась тем, что Борис Константинович утвердился в Нижнем Новгороде, а его племянники сохранили за собой Суздальское княжество и Вятскую землю. Однако в суздальско-нижегородские дела вмешалась Москва. В 1393 году великий князь Василий I, сын Дмитрия Донского, добился от хана Тохтамыша ярлыка (грамоты) на владение Суздальско-Нижегородским княжеством и присоединил его к Москве. С нижегородским князем Борисом Константиновичем Москва справилась легко. Не поддержанный нижегородскими боярами и народом, он был схвачен, отправлен в Москву и вскоре умер. Но суздальские князья оказали упорное сопротивление Москве. Они сумели получить помощь от нового хана, сменившего Тохтамыша, изгнанного из Золотой Орды в 1395 году знаменитым завоевателем Тимуром (Тамерланом). Хан прислал к ним хана Ейтяка с татарским полком в тысячу человек. Несмотря на эту помощь, суздальские князья потерпели полное поражение и в 1401 году были вынуждены сложить оружие. По соглашению с Василием I бывшее Суздальское княжество было присоединено к Москве, а Семен Дмитриевич и Василий Кирдяпа сохранили за собой Вятскую землю, куда они приехали в том же году.

По летописи, суздальские князья капитулировали после того, как специально посланный великим князем отряд московских войск захватил жену Семена Дмитриевича Александру вместе с боярами и всем княжеским двором. По предположению П. Н. Луппова, правда, недостаточно аргументированному, княгиня Александра в это время жила на Вятке в селе Усть-Чепца (современный г. Кирово-Чепецк). По заключении мира княгиня и ее двор были отпущены из плена.

Судя по всему, именно во время этого междоусобия на Вятку по приказу Тохтамыша были переселены татары из Арской земли. Они обосновались на Нижней Чепце с центром в с. Карине, закрепили за собой крупные участки земли и удмуртских крестьян, став вятскими феодалами, получившими название арских князей.

Князь Семен Дмитриевич был тяжело болен и через пять месяцев умер в Вятке. Вскоре умер и Василий Кирдяпа (в г. Городце на Волге). Великий князь присоединил Вятскую землю к Москве и

передал ее в удел своему брату Юрию Дмитриевичу, владевшему Галицким княжеством, центром которого был Галич Костромской.

Семьи суздальских князей продолжали жить в Вятке. Они завели под городом свое вотчинное хозяйство (села Первое Кирдяпино, Другое Кирдяпино, Кетинино). В 1412 году молодые князья попытались вернуть себе Нижний Новгород, Суздаль и Городец как свою «вотчину и дедину». Они даже выхлопотали в Орде ярлык на княжение. Но это не помогло. Юрий Галицкий изгнал их из Вятки. В 1416 году они вынуждены были приехать в Москву и покориться великому князю. Дальнейшая их судьба неизвестна.

Для управления Вятской землей Юрий Галицкий присылал сюда своих наместников и тиунов. Но местное выборное управление сохранялось. По-прежнему на местах ведали делами земские воеводы, ватаманы, подвойские, старосты. В условиях феодальной раздробленности и отдаленности от Москвы и Галича вятские наместники были довольно самостоятельными.

Борьба с татарами, в которой вятчане принимали активное участие, не имела больших успехов. Хотя Золотая Орда в 1395 году была полностью разгромлена Тимуром, и Русь свыше десяти лет пользовалась относительной независимостью, однако монголо-татарское государство было еще сильным. Чтобы вновь подчинить Русь, ставленник Тимура хан Едигей в 1408 году совершил массированный поход на Москву, в ходе которого подверглись опустошению многие города и села вокруг столицы. Москву удалось отстоять и Едигей ушел обратно, взяв с москвичей контрибуцию 3000 рублей. В ответ на набег Едигея великий князь предпринял удар на Волжскую Болгарию со стороны Вятки. В 1409 году вятский полк под командованием наместника Анфала Никитина спустился по Вятке в Каму и подступил к г. Булгару. Одновременно другой отряд русских шел по Волге на соединение с Анфалом, но опоздал. У Булгара произошло ожесточенное сражение вятчан с татарами, в котором вятский полк был разгромлен, а сам Анфал Никитин попал в плен.

В то же время Москва вела борьбу с Новгородской феодальной республикой, стремившейся сохранить свою независимость от Москвы. Великий князь несколько раз воевал с Новгородом, стараясь, в частности, утвердиться в принадлежавшей Новгороду Двинской земле. В войне 1417—1418 годов приняли участие вятчане. По повелению Василия I галицкий князь Юрий Дмитриевич организовал поход в Заволочье. В походе участвовали галичане, устюжане и вятчане, командиром которых был вятский наместник Михаил Россохин. Им удалось дойти до Холмогор, но здесь они потерпели поражение от новгородских войск и были вынуждены отступить.

Вскоре после этого похода на Вятке вспыхнула внутренняя

борьба. Освободившись из золотоордынского плена, Анфал Никитин сделал попытку вернуть себе власть в Вятке, изгнав оттуда Михаила Россохина. Собрал сильный отряд устюжан, поддержавших его притязания, Никитин двинулся к Вятке. По одним летописям, этот поход совершился в 1418, по другим — в 1421 году. Устюжане сделали попытку взять город Вятку ночным штурмом, но были наголову разбиты войском Россохина, причем сам Анфал и его сын Нестор были убиты.

* * *

В 1425 году умер великий князь Василий I. Его преемником на московском престоле стал его сын Василий II, правивший до 1462 года. В связи с этим новому великому князю необходимо было определить отношения с удельными князьями, в том числе со своим дядей Юрием Дмитриевичем Галицким. Эти отношения были утверждены двумя идентичными договорными грамотами Василия II и Юрия Галицкого от 11 марта 1428 года, по которым князь Юрий получал во владение Звенигород с волостями, Галич с волостями и Вятку со слободами и со всеми местами. Судя по контексту, под Вяткой в данном случае имелся в виду город, наряду с несомненными городами Звенигородом и Галичем. Вятка была еще единственным городом в крае. Кроме нее существовали лишь слободы и места, то есть деревенские поселения. Впрочем, в Звенигородском и Галицком княжествах также не было других городов, кроме Звенигорода и Галича.

Однако крупные торгово-ремесленные поселки, пользовавшиеся самоуправлением (слободы) уже существовали и перерастали в города. Вполне вероятно, что Юрий Галицкий в 30-х годах XV века, готовясь к войне с Москвой, повелел укрепить их земляными валами и деревянными стенами, превратив их тем самым в настоящие города. Этот процесс отразился в духовной грамоте (завещании) Юрия Галицкого, составленной не позднее 1434 года (в этом году князь Юрий умер), в которой он завещал своим сыновьям Вятку с городами и волостями. Судя по всему, такими не поименованными в грамоте городами были Котельнич и Орлов.

Действительно, галицкий князь готовился к войне. Исходя из древних феодально-родовых обычаев, он считал себя старшим в роде московских князей и, следовательно, имел больше прав на великое княжение и Москву, чем его племянник Василий Васильевич. Но добиться своих прав родового старшинства в новых условиях формирующегося единого государства он мог только силой оружия. Вооруженный конфликт, возникший на почве родовых счетов между князьями, положил начало известной в русской истории феодальной войне второй четверти XV века, продолжавшейся двадцать лет (1432—1453 гг.).

В этой войне вятчане выступали на стороне галицкой сепаратистской группировки, что соответствовало интересам вятских бояр, житейских людей и купцов, стремившихся сохранить местную автономию. Вятские полки были главной опорой галицких князей. Война проходила с переменным успехом и чрезвычайно осложнилась вмешательством татар. В 1438 году на территории Волжской Болгарии образовалось отложившееся от Золотой Орды самостоятельное феодальное государство — Казанское ханство во главе с Улу-Мухаммедом, который начал совершать опустошительные набеги на русские земли. От этих набегов особенно страдали московские владения, что крайне ослабляло великокняжескую группировку.

После смерти Юрия Дмитриевича Галицкого сепаратистскую группировку возглавили его сыновья Василий Косой и Дмитрий Шемяка. Вятчане первоначально продолжали служить галицким князьям. В 1436 году они в составе галицких войск Василия Косого приняли участие в большом сражении с московскими полками при селе Скорятине близ Ростова Великого. В этом сражении войска Василия Косого потерпели полное поражение, а сам князь был взят в плен. В это время на помощь Косому спешил новый отряд вятчан, двигавшийся на судах по Волге. У Ярославля им преградило путь семитысячное войско ярославского князя Александра Федоровича Брюхатого. Узнав об этом, вятчане, не доходя 15 верст до Ярославля, высадились на берег, спрятали суда в прибрежных зарослях и двинулись пешим порядком на соединение с Василием Косым. Но по дороге они встретили поспешно отступавших от Скорятины вятчан и узнали, что их князь разбит и взят в плен. Вятчане решили возвратиться на Вятку, отложиться от терпевших неудачи галицких князей и создать свое Вятское княжество, сделав своим князем одного из потомков Кирдяпы. С этой целью они задумали захватить в плен ярославского князя Александра Брюхатого, который был по прямой линии правнуком суздальского князя Василия Дмитриевича Кирдяпы.

Вятские воеводы отправили в стан князя Брюхатого 40 смельчаков, которые, пользуясь утренней мглой, пробрались в княжеский шатер, схватили спящих Александра Федоровича и его жену, выбрались из лагеря, погрузились на княжеские ладьи и стали выгребать на середину Волги. В это время в ярославском лагере поднялась тревога. Княжеские дружинники приготовились открыть стрельбу из луков по вятчанам, но те пригрозили немедленно убить князя и княгиню. Ярославцы были вынуждены начать переговоры с похитителями. Они обещали вятчанам выплатить за освобождение князя «окуп» в 400 рублей, на что Александр Брюхатый дал свое согласие. Приняв предложение ярославцев, вятчане отплыли к противоположному берегу Волги, куда княжеский казначей привез им из

Ярославля условленный «окуп». Но взяв казну, вятчане не отпустили пленников, а быстро пустились вниз по Волге на соединение со своими главными силами. Ярославцы не смогли их догнать. Тем временем вятское войско приготовилось к отплытию и вместе с княжеской четой двинулось в долгий путь, пока не достигло Вятки.

О дальнейшей судьбе князя Александра Федоровича источники не упоминают, но есть основания предполагать, что вятские автономисты недолго держали его у себя и отпустили к отцу. Дело в том, что отец Брюхатого и другие представители суздальской династии в это время вступили в союз с галицкими сепаратистами, надеясь с их помощью вернуть себе наследственные владения и восстановить Суздальско-Нижегородское великое княжество. Проект суздальских князей был оформлен специальным договором, заключенным около 1446 года между Дмитрием Шемякой и потомками суздальско-нижегородских князей Василием и Федором Юрьевичами. По этой грамоте князья договорились о том, что если Дмитрий Шемяка станет великим князем Московским, он передаст Василию и Федору Юрьевичам и их наследникам в полное владение их «праделину, дедину и отчину» — Суздаль, Нижний Новгород, Городец и Вятку — и не будет ни в чем «вступаться» в это владение и посягать на него, в чем князья и поклялись (целовали крест). Следует подчеркнуть, что и в этой грамоте под Вяткой, несомненно, имелся в виду город Вятка, как и другие перечисленные в ней города.

Но замыслам сепаратистов не суждено было сбыться. Силы государственной централизации взяли верх. Галицкая группировка была разгромлена, город Галич взят московскими войсками и разрушен, Дмитрий Шемяка бежал в Новгород и там погиб. Остатки разбитых сторонников феодального автономизма разбежались. Некоторые из них укрылись в Вятке и вместе с вятскими боярами продолжали сопротивление. Во главе вятских сепаратистов стояли местные знатные бояре: земский (выборный) воевода Яков Пунгвин и братья Аникий и Юрий Мышкины. Московский митрополит Иона пытался уговорить их добровольно признать над собой власть великого князя. В 1452 и 1456 годах он прислал в Вятку три «увещательные» грамоты боярам, духовенству и всем вятчанам. Но эта попытка не увенчалась успехом.

Предвидя неминуемое столкновение с московскими войсками, вятские сепаратисты укрепляли города, готовили вооружение. Вполне допустимо высказать догадку, что именно в это время, примерно в 1455 году, в городе Вятке был построен кремль с земляным валом, рвом и деревянными стенами с башнями, названный Хлыновом (он был воздвигнут на высоком крутом берегу реки Вятки при впадении в нее речки Хлыновицы). От названия своего кремля город Вятка с тех пор стал именоваться городом Хлыновом,

хотя во многих случаях употреблялось и древнее название «Вятка». В частности, еще на карте английского путешественника Дженкинсона, изданной в Лондоне в 1562 году, но составленной в Москве на основании русской карты 1497 года, главный город Вятского края обозначен словом «Wjatka». О построении кремля в Вятке сохранилось известие, описанное в «Повести о стране Вятской». В одном из списков этой «Повести» (Рязанцевском), после сообщения о нападениях на Вятку московских войск, казанских татар и других противников, говорится, что «Во многи бо лета во граде Хлынове, где ныне кремль, град построенный жития жителей тех... избраша бо жителie такое угодное место, дабы от нашествия супостатов». Это сообщение прямо указывает на построение внутри города особого укрепленного города, то есть кремля, дабы обороняться от московских, казанских и других «супостатов», что могло быть не раньше середины XV века.

После победы в феодальной войне 1432—1453 годов великий князь Василий II, чтобы сломить сопротивление укрывшихся на Вятке феодальных автономистов, отправил против них в 1457 году свое войско под командованием князя Ивана Васильевича Горбатого, князя Ивана Ивановича Рязанского и воеводы Григория Перхушкова. Московские полки осадили Хлынов, но взять его не смогли. Очевидно, новые рвы и стены кремля надежно защищали город. Чтобы прекратить осаду, богатые вятские бояре и гости (крупные купцы) подкупили Перхушкова и он «им норовил». Возможно, что вятчанам содействовал и князь Горбатый — правнук первого сеньора Вятки суздальско-нижегородского князя Дмитрия Константиновича. Во всяком случае великокняжеские воеводы сняли осаду и увели войска обратно. В связи с этим походом 1457 года во многих русских летописях впервые упоминается город Хлынов, под которым, несомненно, имелся в виду вятский кремль.

Московское правительство не оставило своего намерения подчинить непокорную Вятку. В 1459 году Василий II вновь направил сюда большое войско под командованием князя Ивана Юрьевича Патрикеева. Взяв Котельнич и Орлов, московское войско подступило к Хлынову. Осада затянулась. Хлыновцы, видимо, стали испытывать голод и решили сложить оружие. Они признали власть Москвы. Вятская земля непосредственно вошла в состав Московского государства, но сохранила местную выборную администрацию под наблюдением московского наместника. Описывая этот поход, русские летописцы впервые упоминают под 1459 годом названия всех трех вятских городов — Хлынова, Котельнича и Орлова.

* * *

Несмотря на формальное признание власти московского правительства, часть вятских бояр и житейх людей продолжала

проводить самостоятельную политику. В результате на Вятке во второй половине XV века сложились две группировки — промосковская и антимосковская, которые боролись между собой за руководство Вятской землей. Во главе промосковской группировки стоял земский воевода Константин Юрьев. Вожаком вятских сепаратистов был боярин Иван Аникиевич Мышкин.

В 60-х — начале 80-х годов XV века на Вятке господствовали сторонники Москвы. В 1468 году они участвовали в походе войск Ивана III на Казанское ханство. Однако этот поход принес большие бедствия Вятской земле. Московское командование планировало нанести удар Казанскому ханству с севера. Для этого в Котельниче было сосредоточено большое войско, в состав которого входил и вятский отряд. Отсюда русское войско двинулось вниз по Вятке и вышло на Каму, нанося удары по населенным пунктам ханства. Затем оно отправилось вверх по Каме и Белой воевать подвластные Казани южно-удмуртские и башкирские земли. Казанский хан Ибрагим, воспользовавшись отходом русских войск на восток, собрал свои силы и совершил внезапный набег на Вятскую землю, громя русские поселения и захватывая в плен мирных жителей. Оставшиеся на Вятке небольшие дружины не могли дать отпор татарам. Вятские руководители вынуждены были вступить в переговоры с ханом. Было заключено соглашение, по которому вятчане обязались не участвовать впредь в войне Москвы с Казанью. В обеспечение этого соглашения Ибрагим взял с Вятки заложников, которые вместе с захваченными татарами пленными были уведены в Казань. Лишь после этого русское войско, действовавшее на Каме и Белой, вернулось в Хлынов.

На следующий, 1469-й, год Иван III вновь начал наступление на Казань и отправил часть войск во главе с князем Константином Александровичем Беззубцовым от Нижнего Новгорода по Волге, а другому отряду — князя Даниила Александровича Пенко Ярославского поручил вести наступление в тыл Казани от Вятки. Князь Ярославский с отрядом москвичей, вологодцев и устюжан пришел в Хлынов, но вятчане отказались присоединиться к нему, ссылаясь на договор о нейтралитете с ханом Ибрагимом. Это заставило Ярославского надолго задержаться в Хлынове. Беззубцов один штурмовал Казань и с боем взял казанский посад, освободив из плена всех вятчан, захваченных Ибрагимом, и других русских пленных. Но долго держаться в Казани он не мог и, заключив перемирие с ханом, отошел к Нижнему Новгороду. Князь Ярославский со своим отрядом, к которому все же присоединилась часть вятчан, двинулся вниз по Вятке и вышел на Каму. Здесь он был окружен превосходящими силами татар. Произошло ожесточенное сражение, в котором отряд князя Ярославского потерпел поражение. Сам князь был убит. Пало в бою 430 устюжан и вятчан. Остатки

отряда все же прорвались на Волгу и ушли в Нижний Новгород. Такой исход кампании 1469 года заставил обе стороны заключить мир и прекратить военные действия. Вятские пленники и заложники возвратились на Вятку.

Вятчане содействовали укреплению господства великокняжеской власти в Подвинье, Поморье, Приуралье. В частности, в 1464 году вятская рать по приказу Ивана III совершила большой военный поход в Двинскую землю под командованием вятского наместника Бориса Слепца. В 1467 году отряд вятчан ходил завоевывать мансийское (вогульское) племенное княжество и разгромил дружину местного князя Асыки. Он был захвачен в плен и заключен в хлыновскую тюрьму.

В 1471 году Иван III готовился совершить свой первый массированный поход на Великий Новгород. В Москве было известно, что новгородские бояре надеялись на помощь Великого княжества Литовского и Золотую Орду, хан которой Ахмат (Ахмед) мог внезапно напасть на Москву, когда главные силы Ивана III будут находиться под Новгородом. Чтобы предотвратить эту угрозу, великий князь прислал в Хлынов специального посла с наказом собрать вятское ополчение для войны с Новгородом и в то же время предложить вятчанам совершить вылазку против Золотой Орды, отвлекая ее силы от Москвы. Посол выполнил поручение. Основная вятская рать во главе с Борисом Слепцом двинулась к Великому Устюгу, где поступила под командование опытного московского воеводы Василия Федоровича Образца, с которым начали наступление на новгородские владения в Двинской земле.

В это же время вятский воевода Константин Юрьев, осуществляя замысел московского правительства, совершил свой знаменитый набег на столицу Золотой Орды город Сарай. Собрав небольшой отряд отважных вятчан и пользуясь перемирием с Казанским ханством, он спустился по Вятке и Каме в Волгу, незаметно для золотоордынских сторожевых постов прошел вниз по реке и внезапно ворвался в Сарай. Ханская столица не была укреплена и охранялась небольшим гарнизоном. Большинство татар в это время кочевали на летних пастбищах и сам Ахмат находился в своей степной резиденции. Перебив стражу, вятчане разгромили город, захватили богатую военную добычу и спешно отплыли обратно. Узнав об этом, Ахмат снарядил погоню, которая настигла вятчан и преградила им путь своими судами. Но вятчане смело пробились сквозь них и без потерь скорым ходом ушли от погони. Под Казанью татары сделали новую попытку захватить вятчан, но вновь потерпели неудачу. Вятский отряд Кости Юрьева благополучно вернулся в Хлынов.

Отряды вятчан участвовали и во втором походе Ивана III на Новгородскую республику в 1478 году. Этим воспользовался казан-

ский хан Ибрагим и под предлогом нарушения вятчанами соглашения 1468 года организовал большой поход на Вятскую землю. Его войска осадили Котельнич, Орлов и Хлынов, но вятчане героически обороняли свои города, отражали все приступы татар и продержались до прихода подкреплений из Устюга, после чего изгнали татар из своей земли.

В последней четверти XV века Вятский край представлял собой уже достаточно населенную и экономически развитую область. Город Хлынов стал крупным торговым и ремесленным центром, входившим в число пятнадцати крупнейших городов России. Усиление Вятки вскружило голову автономистов, делавших мечты о создании самостоятельной феодальной республики, подобной новгородской. В 80-х годах XV века они начали борьбу против сторонников Москвы и сумели захватить власть на Вятке в свои руки. Вожаки сепаратистов Иван Аникиевич Мышкин, Пахомий Лазарев, Павел Богодайщиков и другие повели антимосковскую политику. В 1485 году они отказались участвовать в походе на Казань, проводимом Иваном III. Чтобы заставить их повиноваться, московское правительство отправило на Вятку сильный отряд под командованием воеводы Юрия Шестака Кутузова. Московское войско не смогло взять хлыновский кремль и вернулось обратно. Ободренные успехом вятские сепаратисты изгнали великокняжеского наместника и начали фактическую войну против Москвы. Они организовали ряд набегов на Устюг, Вагу и другие волости Московского государства, выпустили из тюрьмы мансийского князя Асыку, стали преследовать Константина Юрьева и других сторонников московской ориентации. Чтобы дискредитировать знаменитого Юрьева в глазах Ивана III, они заставили его взять на себя командование отрядом вятчан, отправленным в набег на Великий Устюг. Дойдя до Осиновца (совр. Подосиновец), Константин Юрьев покинул войско и уехал в Москву. Вятский отряд отошел обратно в Хлынов. Чтобы вразумить вятчан, московский митрополит Геронтий прислал на Вятку в 1486—1488 годах две «увещательные» грамоты, угрожая всевозможными церковными карами. Но эти грамоты не возымели желаемого действия.

В 1489 году Иван III решил покончить с сопротивлением вятчан и направил сюда 64-тысячное войско. Командовали им князь Данила Васильевич Щеня и боярин Григорий Васильевич Морозов. В июле они овладели Котельничем и Орловом, а в середине августа подступили к Хлынову. Когда великокняжеские войска стали готовиться к приступу, подвозить смолу и бересту, чтобы поджечь деревянные стены города, вятские бояре начали переговоры с воеводами, обещая признать власть великого князя. Но Щеня и Морозов потребовали, чтобы они выдали головой Мышкина, Лазарева и Богодайщикова. Вятские бояре не согласились и решили

обороняться. Но в Хлынове начались волнения посадских людей и сторонников промосковской группировки. Под их давлением вятские верхи вынуждены были капитулировать. Московские войска заняли город.

Так, в 1489 году Вятская земля была окончательно присоединена к Русскому государству. Главари сепаратистов Иван Аникиев Мышкин, Пахомий Лазарев и Павел Богодайшиков были увезены в Москву, биты батогами и повешены. В 1490 году Иван III приказал произвести «развод» Вятки. Все бояре, житьи люди, ватаманы, купцы, арские князья, за исключением явных сторонников великокняжеской власти, вместе с семьями были свезены в Москву. Феодалы по приказу Ивана III расселены в качестве служилых дворян в Боровском, Алексинском и Кременецком уездах по рекам Наре и Протве, купцы поселены в городе Дмитрове, арских князей великий князь отпустил обратно на Вятку. Местное самоуправление, сохранявшееся до «развода» Вятки, перестало существовать. В Вятскую землю были присланы наместники, волостели и приказные люди.

А. В. ЭММАУССКИЙ

ВЯТСКАЯ ЗЕМЛЯ В XVI ВЕКЕ

Вятский край вместе с Пермской землей, главным центром которой в то время был город Чердынь, находился на восточной окраине Русского государства. Он граничил с Казанским и Сибирским татарскими ханствами, ставшими после ликвидации Золотой Орды в 1502 году особенно опасными соседями России. Хлынов в XVI веке был самым крупным городом на северо-востоке России. Территория собственно Вятской земли в то время включала лишь северную часть края — бассейн реки Вятки до линии рек Пижмы и Вои. Вятские земли, лежавшие к югу от этих рек, находились под властью Казанского ханства.

Казанские феодалы не только сами часто совершали набеги на Вятку и другие русские земли, но и подстрекали марийскую и удмуртскую знать нападать на русских. Вятчане в XVI веке постоянно жаловались на разорение края «от татар» и «от черемисской войны». Об этом в один голос говорят и современники. Еще Сигизмунд Герберштейн писал в начале XVI века, что из Москвы до Вятки «можно добраться, правда, более коротким, но зато более трудным путем через Кострому и Галич... Ибо помимо того, что путь затрудняется болотами и рощами, которые находятся между Галичем и Вяткою, там повсюду бродит и разбойничает народ черемисы».

Вслед за Герберштейном о нападениях марийской знати на вятчан говорят Александр Гваньини, сочинения которого относятся к 80-м годам XVI века, и Петр Петрей, приезжавший в Россию в начале XVII века. Кроме более короткого, но опасного пути из Москвы на Вятку через Галич, Герберштейн указывает другой, кружный путь через Волгу и Устюг, считая его безопасным. Об этом свидетельствует случай с Кашей Мартьяновым, который ехал в 1557 году из Москвы и был схвачен марийцами на дороге и ограблен. При этом у него была похищена царская жалованная грамота. Взамен ее Мартьянову была выдана новая грамота, в которой имеется приписка: «А наперед того сего же года в Генваре дана была Каше на тот луг моя царя и великого князя грамота жалованная такова ж, и ту деи у него грамоту взяли Казанская черемиса за Устюгом на Кае на реке, тогда как Каша ехал с Москвы на Вятку с Бахтеяром Зюзиным».

Иногда казанские феодалы совершали глубокие рейды по Вятской земле. В 1542 году они провели набег на Устюг, громили русские поселения, опустошали все на своем пути. Но, когда они возвращались с большой добычей обратно, вятчане, сосредоточившись в районе Котельнича, напали на них близ устья Моломы и после тяжелого боя полностью разгромили врагов. Вятчане отбили у татар награбленную добычу и русских пленных, многих врагов перебили, часть захватили в плен. Среди них оказалось много марийцев, которых татары принудили идти с ними в поход. Всех марийцев вятчане отпустили на свободу.

Вятчане приняли участие в генеральной борьбе России с Казанским ханством, развернувшейся в 1551—1552 годах. Особенно важную роль вятчане сыграли в событиях 1551 года, когда в Казани развернулась борьба за власть между феодальными группировками, одна из которых, ориентировавшаяся на Крымское ханство, посадила на престол своего ставленника Утемыш-Гирея, другая же, опираясь на Москву, стремилась совершить переворот в пользу своего кандидата Шах-Али. Опорой Утемыш-Гирея был полк крымских татар во главе с Улан-Кашаком. Вятчане, узнав, что Улан-Кашак со своим отрядом двинулся вверх по Каме, выступили под командованием своего воеводы Бахтеяра Зюзина и напали на крымцев близ устья Вятки. Произошел бой. Вятчане наголову разбили татар, захватили в плен 46 крымцев, в том числе самого Улан-Кашака. Это помогло казанским сторонникам Москвы свергнуть Утемыш-Гирея и провозгласить ханом Шах-Али. Однако через несколько месяцев антирусской группировке удалось вновь прийти к власти в Казани. Шах-Али был свергнут. На ханский престол был посажен нагайский царевич Эдигер.

Все это заставило царя Ивана IV в 1552 году начать генеральный поход на Казань, в котором вятчане участвовали в составе

сторожевого полка (арьергарда) князя Серебряного. Непосредственным командиром вятчан был воевода Григорий Сукин. Казань после ожесточенного штурма 2 октября 1552 года была взята русскими. Казанское ханство перестало существовать как самостоятельное государство, а его территория была присоединена к России вместе с землями, населенными чувашами, мордвой, марийцами, удмуртами, башкирами и другими народностями. Казанские феодалы продолжали борьбу против Русского государства. Они организовали мятежи, вовлекая в них народы Поволжья, главным образом черемисов. Борьба с мятежами получила название «Черемисской войны» (1552—1557 годы). Хлынов и другие вятские города были опорными пунктами русских войск в этой войне, а Вятская земля, главным образом ее южные районы, стала ареной военных действий. В Хлынов прибыл из Москвы с отрядом служилых дворян Даниил Федорович Адашев (брат главного советника Ивана Грозного 50-х годов XVI века), мобилизовал вятчан и вместе с ними в 1553 году ходил походом по Вятке, Каме и Волге. Одновременно на подавление мятежей были направлены значительные силы из Москвы, которые двигались от Волги до Вятки через Арск и Уржум. В результате противники Москвы сложили оружие. Татария, Чувашия, Мордовия, Марийская земля, Удмуртия и Башкирия прочно вошли в состав России.

Вслед затем московское правительство разработало план покорения Астраханского царства и весной 1554 года двинуло вниз по Волге большое войско. В авангарде шел вятский полк под командованием московского воеводы князя Александра Ивановича Вяземского. В районе Черного острова, близ современного Волгограда, вятчане встретили передовые отряды астраханских татар и завязали с ними бой. Он закончился полной победой вятчан. Астраханский хан Ямгургей бежал в турецкие владения. Русские войска заняли Астрахань. Ханом был провозглашен ставленник Москвы Дербыш, признавший себя вассалом Ивана IV.

В 1556 году Дербыш изменил России и стал тайно сноситься с крымским ханом и турецким султаном. Чтобы покончить с сопротивлением астраханцев, Иван IV направил в Астрахань стрелецкий отряд под командованием головы Ивана Черемисина и вятский полк во главе с воеводой Федором Писемским. Вместе с ними в поход отправилась вятская речная флотилия под начальством Ивана Шеломы. Она состояла из больших палубных лодок, двигавшихся на веслах и под парусами. Объединенными действиями московских стрельцов и вятских ратных людей татарские войска были разбиты, хан Дербыш бежал в Крым, Астраханское ханство перестало существовать как государство. Все Поволжье от Нижнего Новгорода до Каспийского моря вошло в состав России.

После ликвидации Казанского и Астраханского ханств русская колонизация бассейна Вятки пошла усиленными темпами, особенно в понизовых вятских землях. Здесь возникло много русских сел, деревень и починок, появились города и слободы. Были построены города Уржум (1584 г.), Царевосанчурск — современный Санчурск (1584 г.), Яранск (1591 г.), Малмыж (1591 г.), а также слободы и крупные села: Кукарка (современный г. Советск — упоминается в 1609 г.), Вятские Поляны (1595 г.), Всехсвятское (современный г. Елабуга — вторая половина XVI века), Сарапул (конец XVI века) и др.

Города и слободы возникли в XVI веке и в северных волостях Вятского края. В 1505 году упоминается город Слободской, выросший из существовавшей еще в XV веке слободы Верхней. В 1546 году выходцами из Слободского был построен город Шестаков (современное Шестаково), в 1558 году гости (именитые купцы) Строгановы построили на верхней Каме город Кайгород (современное село Кай). В конце XVI — начале XVII века возник посад Лальск. Его предшественником был укрепленный поселок, основанный на реке Лале новгородскими выходцами и известный под названием городища Ботище. В 1606 году посад был укреплен острогом с деревянными стенами, башнями и глубоким рвом и преобразован в город Лальск.

Все эти города, слободы и посады стали военными крепостями, административными центрами и торгово-промышленными пунктами.

В конце XVI века на Вятской земле появились монастыри. В 1580 году игуменом Трифоном, прибывшим в Хлынов из Пыскорского монастыря, находившегося на территории вотчины Строгановых, был основан первый на Вятке Успенский монастырь, получивший название Трифонова. В 1582 году иеромонах Павел поставил на Верхней Вятке Преображенский монастырь в селе Екатеринине, близ современного г. Кирса. В 1592 году старец Гурий основал Холуницкий Троицкий монастырь. В 1599 году иеромонах Иосаф Казанец построил в Слободском Богоявленский монастырь. Затем возникли Святицкий монастырь на реке Святице близ Фаленок, Жерновогорский Предтеченский монастырь у слободы Кукарки, Цепочкинский монастырь недалеко от Уржума.

Рост населения способствовал экономическому развитию края. Успешно развивалось сельское хозяйство, расширялась посевная площадь, росло поголовье скота. В XVI веке Вятская земля стала одним из крупных хлебных районов Московского государства. В последней четверти XVI века Вятка была обязана поставлять хлеб в только что присоединенную к России Западную Сибирь (Сибирское ханство Кучума) для снабжения ратных и служилых людей, посе-

ленных в новоустроенных сибирских городах. В 90-х годах Вятка отправляла туда ежегодно 3260 четвертей хлеба, а в начале XVII века — 3423 четверти муки, 507 четвертей круп и столько же толокна, что для того времени являлось крупными поставками*.

Кроме земледелия и скотоводства на Вятской земле развивались домашние промыслы и ремесленное производство. Вятчане успешно занимались охотой на пушного зверя и птицу, ловили рыбу в многоводных в то время реках вятского бассейна, собирали мед и воск в бортных «ухожаях», где водилось большое количество диких пчел, щипали хмель в лесах, собирали грибы, ягоды, орехи, полезные травы. Они также добывали в небольшом количестве железную и медную руду, строительный и жерновой камень, опоку, поваренную соль из растворов, мел, минеральные краски. Занимались вятчане и деревообработкой, кузнечным производством, гончарным делом, выделяли холсты, сермяжное сукно, шубы, валенки, кожаные изделия, свечи, гнали вино, варили пиво.

Современники давали Вятской земле XVI века самые лестные отзывы, считали ее краем изобилия. Князь Андрей Михайлович Курбский, побывавший на правом берегу Вятки во время «Черемисской войны», так описал этот край: «В земле той поля великие, и зело преизобильные и гобзующе на всякие плоды; тако же и дворы княжат их и вельможей зело прекрасны и воистину удивления достойны, и села часты; хлебов же всяких такое там множество, воистину вере ко исповеданию неподобно: аки бы на подобие множество звезд небесных, тако же и скотов различных стад бесчисленное множество, и корыстей драгоценных, наипаче от различных зверей, в той земле бывающих; бо тамо рождаются куницы дорогие и белки и протчие зверие ко одеждам и ко ядению потребных; а мало за тем далек соболей множество такожде и медов; не вем, где бы под солнцем больши было».

Приведенное описание А. М. Курбского относится к поселениям луговых марийцев Вятского правобережья. Под их княжатами и вельможами имелась в виду марийская феодальная знать.

Вятчане использовали для земледелия имевшиеся здесь полосы серых лесных почв, более плодородных, чем подзолистые. При сравнительно небольшой площади посевов особенно важное значение здесь имели скотоводство, рыболовство, охота и другие лесные промыслы.

Сельское хозяйство и деревенско-домашняя промышленность полностью господствовали в Вятском крае в XVI веке. Но известное развитие получило и городское хозяйство. Основное население городов состояло из ремесленников и торговых людей,

* Четверть — мера сыпучих тел, составляла в те годы 4 пуда.

живших на посадах, окружавших городскую крепость, и получивших название посадских людей. Кроме них в городах проживали военные, приказные и церковные люди, а также некоторые феодалы, имевшие городские дворы и усадьбы.

По данным переписной книги города Хлынова 1590 года, не дошедшей до нас, но служившей справочным документом при составлении сохранившейся дозорной книги 1615 года, в Хлынове насчитывалось 375 дворов, из них 273 двора, то есть почти 73 процента, принадлежали посадским людям. В Слободском в начале XVII века насчитывалось 117 дворов, из них не менее 80 — посадских. В XVI веке их было немногим меньше. Примерно такой же состав населения имели и другие города Вятской земли — Котельнич и Орлов. В самых маленьких городах Шестакове и Кайгороде насчитывалось всего несколько посадских дворов. Южные вятские города Яранск, Санчурск, Уржум и Малмыж заметно отличались от северных. Построенные в последние десятилетия XVI века как военные крепости, они были населены преимущественно ратными и приказными людьми. Их посады, примыкавшие к стенам крепостей и огороженные острогом, были весьма тесными и вмещали ограниченное количество дворов, в которых проживали, главным образом, работные люди, обслуживавшие гарнизон крепостей. Большого экономического значения эти города еще не имели.

В отличие от натурального деревенского домашнего ремесла городское ремесло имело характер товарного производства. Посадские ремесленники работали не только на заказ, но и на рынок. Они изготавливали и продавали металлические изделия, гончарную и деревянную посуду, шерстяные и полотняные ткани, ювелирные изделия, кожаные и меховые товары, предметы домашнего обихода, хозяйственные орудия, оружие и другие изделия своего производства. Общего количества городских ремесленников и суммы их производства из-за отсутствия данных установить невозможно. В дозорной книге 1615 года в Хлынове упоминается только 30 ремесленников-профессионалов: сапожники, овчинники, скорняки, рукавишники, портные, седельники, шапошники, колпашники, войлочники, свечники, дегтяри, токари, серебряники, иконники. Но фактически их было значительно больше. Не упомянуты, в частности, плотники, кузнецы, ткачи, которые, по другим источникам, имелись в Хлынове. В Слободском в это время числилось 11 кузниц. Но уже и эти отрывочные сведения свидетельствуют о том, что ремесленная промышленность в Вятской земле к концу XVI века достигла значительного развития и дифференцировалась по специальным отраслям производства.

Большое значение в XVI веке получила торговля. Города Вятской земли становились торгово-промышленными центрами. В

них существовали постоянные торговые заведения — лавки, ларьки, палатки, а также «торги», то есть рынки, на которых велась более или менее регулярная торговля. В Хлынове, по данным дозорной книги 1615 года, насчитывалось 14 лавок, 6 полок (ларьков), несколько торговых амбаров. Имелся и рынок, находившийся на посаде у кремлевской стены. Основными товарами на рынках были хлеб, соль, мясо, сало, свечи, шерсть, щетина, дичь, рыба, холст, сукно, обувь кожаная, лапти, металлические, гончарные, шорные и деревянные изделия.

После окончательного присоединения Вятской земли к Московскому государству (1489 г.) установились тесные торговые связи с Москвой, Устюгом, Вологдой, Галичем, Костромой, Нижним Новгородом и другими центральными городами России. В результате включения в состав Русского государства Казанского и Астраханского ханств, усилилась торговля Вятки с поволжскими землями. Этому способствовал удобный водный путь по Вятке, Каме и Волге. О торговле Вятки с Поволжьем ярко говорят показания Ильи Горчакова (самозванца Лжепетра), данные им на следствии. В частности, рассказывая о своей жизни, он показал, что «пошел на Вятку, нанялся на судне в козаках у вятчанина у торгового человека у Родиона Матвеева сына Котельникова, и жил-де на Вятке, в Хлынове у Родиона полтора года, а с Вятки вышел на Низ в судах, Вяткою рекою да Волгою, на Низ, к Астрахани, с товаром, в повозках вятчан торговых людей Родиона Котельникова да у Федора Резанцева». Как видим, вятские купцы Котельников, Рязанцев и другие оживленно торговали с поволжскими городами, снаряжая собственные речные караваны судов с товарами вплоть до Астрахани.

После открытия в 1553 году морского пути из Белого моря в Англию и основания г. Архангельска вятские торговые люди связались с беломорской пристанью и активно участвовали в архангельской торговле. Тесными были также связи с Пермской землей, а с конца XVI века — с Сибирью. О контактах вятского рынка с общерусским и международным рынками известное представление дает перечень вещей в духовной грамоте (завещании) вятского феодала Ивана Иосифовича Шеломы, составленная 3 июля 1574 года. Среди вещей упомянуты однорядка из «лунского сукна» (лондонского), епанча «нагайская бумажная» (из Ногайской татарской Орды, кочевавшей между Волгой и Яиком), полог шелковый «татарское дело», пояс, шитый золотом, серебром и шелком «шамарханский шелк» (из Самарканда), ковер «сорочинской» (сарацинский, то есть изготовленный в восточных мусульманских странах), медная литая сковорода «полецкое дело» (польская), оловянная винная фляга «немецкое дело», булатная сабля «доновская» (датская, Дома-Дания), сабля

«крымская», боевой топорок «московское дело», серебряная позолоченная чарка «мичурская» (мисюрская, то есть египетская). Кроме того, в духовной грамоте Шелома упоминаются кольца, серьги, ожерелья и другие ювелирные изделия, украшенные жемчугом, который поступал на русский рынок с Востока. Конечно, подобные иноземные товары могли приобретать только богатые люди.

Все это свидетельствует о том, что в XVI веке Вятская земля, оставаясь еще областью полного господства натурального хозяйства, имела заметные сдвиги в сторону товарного производства и денежного хозяйства. Она постепенно втягивалась в растущий всероссийский рынок.

* * *

Крупные выступления во второй половине XVI века происходили среди нерусских крестьян, восставших против феодальной эксплуатации, злоупотреблений воевод, приказных людей и национального угнетения. В 1572—1574 годах вспыхнуло восстание марийцев, к которым частично примкнули удмурты, чуваш и татары. Правительственные войска, сосредоточенные в Муроме, приступили к подавлению восстания. Воеводы вступили в переговоры с восставшими, обещая облегчения их участи, что привело к прекращению восстания. В 1582—1584 годах восстание вспыхнуло с еще большей силой. Царские войска свирепо подавили восстание. Известную роль в его прекращении сыграли царистские иллюзии восставших, которые, узнав о смерти Ивана Грозного, поверили, что новый царь Федор Иванович улучшит их положение. В связи с этим восстанием правительство стало сооружать на марийских землях русские города-крепости, в том числе были основаны Царево-Кокшайск, Царево-Санчурск, Уржум. Но в положении ясачных крестьян ничего не изменилось. В 1590—1591 годах произошло новое восстание марийцев, вскоре подавленное. Закрепляя свое господство, царское правительство продолжало строительство городов, в частности, Яранска и Малмыжа. Эти восстания пытались использовать местные сепаратисты из числа марийских, татарских, удмуртских феодалов, стремившихся отложиться от России и создать свое государство, в котором они могли бы полностью господствовать. В этом стремлении они опирались на поддержку Крымского ханства и Ногайской орды, пытавшихся воссоздать Казанское мусульманское ханство.

Классовая борьба развертывалась и в городах Вятской земли. В 30—50-х годах XVI века значительные волнения вспыхнули в Хлынове, Слободском и других городах. Они были вызваны непомерными поборами и злоупотреблениями наместников, волостелей (должностные лица, управлявшие волостями) и их тиунов. Ремесленники, мелкие торговые люди, посадская беднота протесто-

вали против гнета наместнического управления, против грабительских «кормов», которые собирали тиуны с податного населения. Вятские города слали в Москву челобитные, требуя отмены «кормлений». Подобное движение разворачивалось во многих городах и уездах России. Правительство вынуждено было пойти на уступки.

Города получили «губные грамоты», устанавливавшие выборное управление. Первую «губную грамоту» получил г. Слободской в 1540 году. Остальным городам Вятской земли такие грамоты были даны через два года. В 1557 году система «кормлений» была окончательно ликвидирована на всей территории государства. Вместо наместнического управления вводилась земская система. Местное население стало выбирать земских старост, губных голов, слободчиков, целовальников, сельских старост, сотских. Центральную власть с конца XVI века представляли воеводы, находившиеся в уездных центрах, и городовые приказчики, осуществлявшие военное и полицейское руководство в укрепленных городах. Они были непосредственно связаны с центральными органами власти и руководили деятельностью земских выборных должностных лиц.

* * *

Церковное управление сосредоточивалось в руках настоятеля главной церкви Хлынова — Никольского собора. Обычно он имел сан протоиерея и ведал приходским духовенством. Монашеское духовенство возглавлялось архимандритом Трифонова монастыря. В первой половине XVI века вятское духовенство непосредственно подчинялось московскому митрополиту. В 1555 году в Казани была учреждена православная епархия во главе с архиепископом, и Вятская земля вошла в ее состав. После введения в России патриаршества и разделения Московской патриархии на четыре митрополии: Крутицкую (г. Москва), Ростовскую, Новгородскую и Казанскую (1589 г.), вятская церковь оказалась в ведении Казанского митрополита.

Опричнина Ивана Грозного и острая политическая борьба феодальных группировок, бушевавшая в середине и второй половине XVI века, почти не затронула Вятку: она в опричные годы входила в территорию «земщины» и не испытывала тех преобразований и террористических актов, которые проводились царем на землях, отобранных в «опричнину», и в центральных районах государства. Однако хозяйственное разорение 70-х — 80-х годов XVI века, усиление налогового обложения, последствия длительной Ливонской войны 1558—1583 годов губительно отразились на экономике Вятского края и резко ухудшили положение крестьян и посадских людей.

При Борисе Годунове Вятский край впервые стал местом

ссылки неугодных царю «опальных» людей. Царь Борис разгромил боярскую оппозиционную группировку и сослал ряд бояр, подозреваемых в измене и в попытке «извести царский род», в отдаленные места. В том числе старший из бояр Романовых — Федор Никитич, отец будущего царя Михаила Федоровича, был насильно пострижен в монахи под именем Филарета и сослан в Сийский монастырь. Его брат, Василий Никитич, был отправлен в ссылку на Вятку, в г. Яранск. Здесь он пробыл, правда, всего шесть недель, после чего был сослан еще дальше — на Урал, в г. Пелым. Близкий родственник Романовых князь Иван Борисович Черкасский отбывал ссылку в Малмыже. Через год его участь была смягчена, и он отправился на службу в Нижний Новгород. Другой родственник Романовых князь Александр Репнин был сослан в Яранск, но не в заточение, а на небольшой служебный пост под начальством местного воеводы Андрея Ислентьева. Через некоторое время его перевели на службу в Уфу.

Репрессии обрушились и на связанного с Романовыми вятского игумена Трифона. Борис Годунов отправил хлыновскому городовому приказчику, богатому вятскому купцу Федору Артемьевичу Рязанцеву грамоту с приказанием произвести дозор (ревизию) Успенского монастыря, хотя незадолго до этого монастырь уже подвергался дозору. Видимо, царь Борис рассчитывал уличить Трифона в противогодуновской деятельности. Рязанцев взялся за ревизию с большим рвением и составил дозорную книгу монастыря в самом невыгодном для игумена освещении. Трифон не стал дожидаться окончания ревизии и поспешил уехать из Хлынова в Сольвычегодск под защиту своего могущественного покровителя, знатного гостя и богатейшего вотчинника Никиты Григорьевича Строганова, укреплявшего при содействии Трифона свое господство на вятском рынке. Архимандритом Хлыновского Успенского монастыря был утвержден иеромонах Иона Мамин, выходец из московских дворян.

К концу XVI века в связи с ликвидацией Сибирского ханства Кучума Вятская земля перестала быть окраиной Русского государства. Она стала теперь связующим звеном между центральными, поволжскими, поморскими и урало-сибирскими районами.

А. В. ЭММАУССКИЙ

ВЯТКА В «СМУТНОЕ ВРЕМЯ»

События смутного времени нашли отражение и на Вятке. Осенью 1606 года вспыхнули сильные волнения в Котельниче. Активное участие в них принимали городские ремесленники и

мелкие служилые люди. Во главе восставших были посадские люди из бедноты Сидор Максимов и Андрей Иванов, а также уржумский стрелец Максим Сальцов. К ним примкнули некоторые выходцы из зажиточных слоев города — городской приказчик Ефим Дементьев, священник Харитон и другие. Они отказались повиноваться боярскому царю Василию Шуйскому и объявили себя сторонниками «царя Дмитрия», «учали говорить изменное слово... и наше царское имя поносить, а вора учали величать, которой называется царевичем Дмитрием, что он Москву взял, а с ним де пришло многое множество людей, и на кабаке за него чаши пили».

Подобные волнения низов крайне встревожили торгово-феодалную верхушку города. Возглавлявший ее земский староста Дмитрий Крушаков, очевидно, пытался своими силами подавить движение, но успеха не добился. В это время в Котельнич прибыл отряд ратных людей в составе 48 человек под командованием головы Петра Благово, двигавшийся из Пермской земли к Москве. Котельничский земский староста обратился к Благово за помощью. Но ратные люди, большинство которых было так называемыми даточными людьми, мобилизованными из крестьян и посадских людей, примкнули к восставшим и не только отказались повиноваться Благово, но потребовали, чтобы он сам присягнул и их привел к крестному целованию «за царя Дмитрия». В разгоревшейся перепалке ратники, возглавляемые неким Пантелейко, едва не убили самого командира.

Таким образом, Петр Благово не только не смог помочь котельничской администрации подавить волнения низов, но сам оказался в опасном положении. Купив двух лошадей, он поспешно уехал в Яранск, приказав отряду также двигаться в этот город. На этот раз ратники послушались приказа. Собрав их в Яранске, Благово двинулся в Козьмодемьянск, но по дороге узнал, что в Поволжье восстали русские крестьяне и нерусские народности. Восставшие заняли Арзамас, Алатырь и подступили к Нижнему Новгороду. Не надеясь на верность своих ратников, Благово решил из Санчурска повернуть на Галицкую дорогу, но ратные люди во главе с Пантелейком наотрез отказались идти с ним, покинули Санчурск и разошлись в разные стороны. Петр Благово один уехал через Унжу и Галич в Москву.

Волнения в Котельниче продолжались. Чтобы покончить с ними, хлыновский воевода направил туда отряд стрельцов под командованием сотника Захария Панова. Приход стрельцов заставил восставших прекратить движение. Власть Василия Шуйского была восстановлена в Котельниче.

Осада Москвы силами Лжедмитрия II ослабила центральную власть и создала условия для возникновения новых восстаний на местах. В 1608 году развернулось мощное восстание русских, ма-

рийских, чувашских, мордовских крестьян, посадских и мелких служилых людей в Поволжье, охватившее большую территорию от Казани до Нижнего Новгорода. В январе 1609 года оно перекинулось на Вятскую землю. Нерусские народности выступали не только против феодально-крепостного строя, но и за свои национальные права и интересы. В движении участвовали вместе с ясачными крестьянами и нерусские феодалы, племенная знать. Среди русских участников восстания было немало мелких дворян и детей боярских, служилых и приказных людей, торговцев, церковников. Идеология восставших была царистской. Народ видел в лице самозванца «хорошего царя» и развертывал борьбу во имя «царя Дмитрия».

В начале 1609 года большой отряд повстанцев подступил к Царевосанчурску. Возглавили его русские служилые люди Иван Волинский, Елизар Бартенев и мордовские мурзы (заимствованный от татар титул феодала) Бибай и Теребердей Мустофины. Жители Санчурска без боя отворили ворота города и присягнули на верность «царю Дмитрию». Отсюда повстанцы двинулись на Яранск. Яранский воевода Петр Глухов пытался оказать сопротивление, но его отряд был перебит, а сам он попал в плен. При взятии Яранска 5 января 1609 года повстанцы произвели расправу с городской знатью. Дворы купцов и дворян были разгромлены, некоторые из яранских богатеев убиты. Для управления городом были выбраны: правитель Асанчук Горихвостов из местных дворян и подьячий Павел Мокеев — дьячок яранской соборной церкви.

Горихвостов и Мокеев лишь внешне подчинились повстанческому руководству, а на деле стремились восстановить в Яранске власть московского правительства. Горихвостов вступил в переписку с вятским воеводой князем Михаилом Федоровичем Ухтомским и просил его прислать войска для подавления восстания. Одно из писем Горихвостова перехватили повстанцы. 27 февраля в Яранск прибыл из г. Курмыш дворянин Иван Дубенский, который арестовал Горихвостова и приказал повесить его, чтобы устрасшить противников восстания.

Стремясь расширить свое движение на Вятской земле, повстанцы еще в январе овладели слободой Кукаркой и посадили здесь правителем своего ставленника Афанасия. Это послужило сигналом к восстанию кукарских крестьян против феодального гнета. Восставшие русские и марийские крестьяне напали на Жерновогорский Предтеченский монастырь, разгромили его и уничтожили царские жалованные грамоты, на основании которых монастырь владел землями и крестьянами.

В это же время яранские повстанцы отправили послов в Котельнич с задачей развернуть там агитацию в пользу «царя Дмитрия» и подготовить почву для восстания. Но эти послы были схвачены котельничскими властями и отправлены в Хлынов. Рас-

пространение восстания беспокоило царскую администрацию, которая стала предпринимать более активные меры против повстанцев. Из Казани был отправлен большой отряд стрельцов и ратных людей под командованием стрелецкого головы Истома Хвостова, который двинулся на Кукарку, свирепо подавил крестьянское восстание, очистил слободу от повстанцев и сжег Кукарку дотла.

Князь Ухтомский в свою очередь собирал силы в Хлынове. Но повстанческая армия действовала решительно. Усилившись летом за счет притока новых отрядов из Поволжья, она повела наступление на Котельнич и после недолгой осады в ноябре 1609 года штурмом взяла его. Царский отряд, оборонявший город, был перебит, сотник Захарий Панов захвачен в плен и казнен мучительной казнью — посажен на кол. Многие дворяне и купцы были убиты, а их дворы разграблены. Опираясь на захваченный Котельнич, повстанцы пытались распространить свое господство на центральные районы края. Один из их отрядов, состоявший главным образом из марийцев, прорвался до Верховина, сжег его, но был отбит силами местных крестьян.

Чтобы предотвратить дальнейшее продвижение повстанцев, князь Ухтомский со своими войсками выступил из Хлынова и вошел в Орлов. Двигаться дальше на Котельнич с ограниченными силами он не решился и долго стоял в Орлове в ожидании подкреплений. Лишь в декабре 1609 года, когда на помощь хлыновскому воеводе пришел сильный отряд царских войск под командованием ратного воеводы Петра Ивановича Мансурова, началось наступление на Котельнич. Повстанцы, занимавшие его, не решились сражаться с войсками Ухтомского и Мансурова и отошли к Яранску. Преследуя повстанцев, царские воеводы в январе 1609 года подошли к Яранску. Здесь произошло большое сражение, во время которого, по некоторым данным, князь М. Ф. Ухтомский был убит. Царские войска все же одержали полную победу. Остатки повстанческой армии бежали через Царевосанчурск за Волгу. Восстание там продолжалось еще некоторое время, но в конце концов было подавлено силами казанских, нижегородских и вятских стрелецких отрядов. На Вятке движение также прекратилось. Ратный воевода Мансуров с частью вятских войск ушел в Галич.

В это же время вятчане, совместно с другими городами Севера и Верхнего Поволжья, принимали участие в борьбе против засевших в Тушине польских интервентов.

В марте 1609 года на Вятке было сформировано земское ополчение, которое двинулось к Вологде на соединение с ополчениями других городов. По некоторым данным, количество вятских ратников доходило до тысячи человек. Ополчения северных и поволжских городов соединились в Александровской слободе с войсками князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского (пле-

мянник царя Василия). Вместе с этими войсками вятский отряд принимал участие во всех боевых операциях Скопина-Шуйского против Тушинского лагеря, которые привели к его распаду, бегству Лжедмитрия II в Калугу и его последующей гибели. 12 марта 1610 года Скопин-Шуйский с войсками и ополчениями торжественно вступил в Москву. Однако в разгар торжеств по случаю победы над «тушинским вором» скоропостижно скончался талантливый полководец М. В. Скопин-Шуйский.

Польско-шведская интервенция, отсутствие твердой государственной власти, разорение страны вызвали новые волнения и восстания широких масс. Осенью 1610 года сильное восстание вновь вспыхнуло в поволжских районах, в непосредственной близости от Вятской земли. Как сообщили в Хлынов новому воеводе Пушечникову казанские воеводы и уржумские правители Василий Вельяминов и Юрий Змеев, из Чебоксар двинулись восставшие казаки, стрельцы, посадские люди и крестьяне по направлению на Санчурск и Яранск в количестве 700 человек, а за ними пошли марийские люди из Чебоксарского, Козьмодемьянского, Царевококшайского и Санчурского уездов, причем из Чебоксарского и Козьмодемьянского уездов марийцев собралось 700 человек во главе с ветлужским сотником марийцем Аникием Кошаковым, царевококшайских марийцев насчитывалось до 1000 человек, а командирами у них были русские люди из Чебоксар, санчурских же марийцев собралось до 2000 человек во главе с южским сотником марийцем Еллаем Токшейковым. Повстанческая армия, в составе 4400 человек, по-видимому, овладела Санчурском и Яранском, хотя точных сведений об этом в документах нет.

Русские и марийские повстанцы по-прежнему боролись за «царя Дмитрия», но в это время этот лозунг имел не только антикрепостническое, но и антипольское содержание, поскольку осенью 1610 года покинутый поляками Лжедмитрий II, а после его убийства в декабре того же года его преемник казацкий атаман Иван Мартынович Заруцкий сами выступали против поляков. В связи с этим восстание в Поволжье и на Вятке не получило развития и скоро прекратилось, как только в 1611 году весь русский народ начал активную борьбу против польских и шведских захватчиков.

Стали организовываться народные ополчения, двигавшиеся к Москве. В них активно участвовали и вятчане. В начале 1611 года в Рязани и других городах сложилось Первое ополчение под предводительством Прокопия Ляпунова, Дмитрия Трубецкого и Ивана Заруцкого. Для участия в этом ополчении в Казани сформировался отряд во главе с воеводой В. П. Морозовым, который отправил в Хлынов свою делегацию из 5 человек, чтобы привлечь вятчан к походу против поляков. Переговоры, видимо, были успешны, и вятский отряд соединился с казанским и свияжским под командо-

ванием Морозова. Однако ополчение Морозова пришло к Москве лишь летом 1611 года, когда уже обнаружилась неспособность Первого ополчения выполнить задачу освобождения Москвы от поляков. Разнородное по своему составу и проникнутое внутренними противоречиями, Первое ополчение распалось. После убийства казаками одного из вождей — Прокопия Ляпунова, дворянские и некоторые другие отряды покинули лагерь. Под Москвой остались лишь дружины Трубецкого и Заруцкого, которые были не в силах овладеть столицей.

Осенью 1611 года в Нижнем Новгороде образовалось Второе народное ополчение под руководством земского старосты Нижегородского посада Козьмы Захаровича Минина и князя Дмитрия Михайловича Пожарского, которое в 1612 году выполнило патриотическую миссию, одержало победу, освободило Москву от поляков и положило конец польско-шведской интервенции. В ликвидацию интервенции внесло свой вклад и население Вятской земли. Во Втором народном ополчении Минина и Пожарского участвовал вятский полк под командованием П. И. Мансурова. Очень вероятно, что отряд В. П. Морозова, в состав которого входили вятчане, присоединился ко Второму ополчению вместе с дружинами Трубецкого и другими остатками Первого ополчения.

Вятчане приняли участие и в работе земского собора 1613 года по избранию на царство Михаила Федоровича Романова. Представителей Вятской земли на этом соборе было до десяти человек. Четверо из них подписались под избирательным списком «в товарищев своих место выборных людей». Это были: посадский человек Путило Рязанцев, пушкарь из г. Царевосанчурска Пармен Афанасьев, архимандрит Трифонова монастыря Иона Мамин и протопоп Хлыновского собора Павел Морозов. Они являлись представителями наиболее активизировавшихся на Вятке в период польско-шведской интервенции слоев общества — городских верхов, мелких служилых людей и духовенства.

А. В. ЭММАУССКИЙ

ВЯТКА В XVII ВЕКЕ

Все исторические закономерности и явления, характерные для истории России в XVII веке, проявились и на территории Вятского края. В XVII веке он делился на уезды, которые в свою очередь разделялись на станы, волости, погосты, доли и другие территориальные округа. В Вятском крае было 10 уездов. Из них шесть северных и центральных уездов — Хлыновский, Котельничский, Орловский, Слободской, Шестаковский и Кайгородский —

составляли собственно Вятскую землю как особый географический и экономический район, входивший в состав Северного края, занимавшего обширную территорию от Онежского озера до Урала и примыкавшего к Ледовитому океану. Новые южновятские уезды — Уржумский, Яранский, Царевосанчурский и Малмыжский представляли собой Вятское Понизовье, относившееся к Поволжью. Граница между Вятской землей и Понизовьем проходила приблизительно по течению рек Вои и Пижмы. Кроме того, к Вятскому краю относились некоторые районы, входившие в административном отношении в состав соседних областей. В частности, Сарапульская и Елабужская волости и слобода Кукарка были включены в Казанский уезд, Подосиновская волость — в Великоустюжский уезд, Лузская и Лальская волости — в Сольвычегодский уезд.

Население Вятского края в XVII веке значительно выросло. В 20-х годах в шести северных уездах насчитывалось 3095 сельских населенных пунктов, в которых числилось 7002 жилых дворов и примерно 30 тыс. жителей мужского пола. В этих селениях, кроме того, имелось много пустых дворов и дворовых мест, жители которых переселились в другие места. Таких покинутых усадеб числилось 1291. Крестьяне использовали также бездворные деревни, то есть пустоши и распаханые в лесах участки земли, расположенные вдали от жилой деревни и не имеющие хозяйственных построек. Таких бездворных деревень насчитывалось 972.

В 70—80-х годах XVII века в тех же уездах было 4137 жилых селений, 12227 жилых дворов и 52560 душ мужского пола. Пустых дворов имелось 1565, бездворных деревень 301.

Приведенные данные показывают, что за XVII век в северных уездах Вятского края количество сельских поселений увеличилось на 33,6 процента, жилых дворов — на 74,6 процента, крестьян мужского пола — на 75,2 процента. По-видимому, на многих бывших пустошах и пахотных участках, не имевших дворов, теперь выросли жилые починки, займища и другие поселения. Однако сельские населенные пункты в XVII веке были малодворными. В 20-х годах в среднем они состояли из двух с небольшим дворов (2,26), а в 80-х годах почти из трех дворов (2,95) на одно селение.

В трех южных уездах Вятского Понизовья (кроме Малмыжского) в 70—80-х годах XVII века числилось 7013 жилых дворов. Общее число крестьян составляло 16064 души мужского пола. Население Малмыжского уезда в источниках не показано. Но допустимо принять для этого уезда средний поуездный показатель, равный пяти тысячам душ. В этом случае общее сельское население Вятского Понизовья составит 21064 души. В итоге населенность всего Вятского края в последней четверти XVII века выразится в сумме 73624 души мужского пола, или свыше 147 тысяч человек обоего пола.

* * *

Как и вся Россия того времени, Вятская земля была аграрным краем. Основной и ведущей отраслью экономики являлось сельское хозяйство. В XVII веке здесь широко распространялась трехпольная система земледелия, но сохранялась и подсеčno-огневая система. Усовершенствовались также земледельческие орудия. С XVII века в Вятском крае распространяются соха с железными ральниками, коса-горбуша, железный серп и др. Все это несколько подняло земледельческую культуру, заметно увеличило урожайность хлеба, хотя она оставалась еще низкой. Из-за неблагоприятных погодных условий часто бывали неурожаи и недороды, так что средняя урожайность зерновых культур составляла сам-2-3. Тем не менее хлеб и другие сельскохозяйственные продукты стали производиться в таком количестве, что известная часть их стала отправляться на местный рынок и в другие края России, в частности, в Москву, Двинскую землю, Поволжье, на Урал и в Сибирь. В XVII веке Вятка стала центральным хлебным рынком Севера и одним из крупных поставщиков хлеба на всероссийский рынок.

* * *

Значительное развитие в Вятском крае в XVII веке получили ремесло и промыслы, как городские, так и деревенские. Ремесло отделялось от сельского хозяйства и приобретало характер товарного производства. Ведущее место занимали такие отрасли, как кузнечное, гончарное, плотницкое, столярное, бондарное, шорное, кожевенное, скорняжное, мыловаренное и другие ремесла. Особенно успешно развивалось плотницкое дело и связанные с ним столярное и судостроительное мастерство. Вятские плотники славились далеко за пределами края. По распоряжению правительства большие группы вятских плотников ходили на строительные работы в Москву и другие города России, а также в Верхотурье для постройки судов, на которых доставлялись товары в сибирские города. В XVII веке городские и частично деревенские ремесленники работали на рынок, не отказываясь в то же время изготавливать изделия и на заказ.

Одним из первых заведений мануфактурного типа был крупный винокуренный завод в Хлынове, принадлежавший купцу Аверкию Трапицыну и упоминаемый в документах 1658 года. В конце века в Хлынове возникло еще два винокуренных завода. Один из них принадлежал купцу Рылову, другой — Злыгостеву. В дальнейшем производство вина (водки) стало широко распространяться в Вятском крае.

В 60—80-х годах XVII века в Хлынове действовал колоколотейный завод, основанный мастером Душкиным. Необходимые для отливки колоколов металлы (медь и олово) доставлялись на

завод с Урала. Стали возникать металлургические предприятия мануфактурного типа. В 1689 году хлыновский купец Трапицын построил железоделательный завод на берегу реки Чудовой, притока Вятки, близ села Екатеринино. Добыча железной руды в этих местах производилась еще в XVI веке. В частности, в конце XVI века монахи Верховятского Екатерининского монастыря выделяли здесь кричное железо в сыродутных горнах. Трапицын поставил на своем заводе доменную печь и плавильные горны для перековки чугуна в товарное железо. Позднее появились два небольших железоделательных завода, основанные дворянином А. Колмовским на реке Усте, притоке Ветлуги в пределах Царевосанчурского уезда, и москвичами Носыревыми в Хлыновском уезде. В XVII веке в Вятском крае возникло солеварение. Еще в первые годы века хлыновский посадский человек Кузьма Кулаков организовал добычу соли у р. Соленой, притоке Вятки. Его дело продолжали сын Кузьмы Евстафий Кулаков с товарищами Богданом Балезиным и Демой Плясниным, бравшие этот соляной прииск на оброк у казны в 1624 году. Но, по-видимому, Кулаковская солеварня вскоре прекратила производство в связи с истощением соляного раствора. Соляной промысел не мог получить большого развития в Вятском крае из-за отсутствия богатых месторождений соли.

Во второй половине XVII века возникло крупное производство кирпича. Ремесленным способом кирпич на Вятке выделялся еще в XVI веке. Он шел на кладку печей, дымовых труб, кузнечных горнов. В XVII веке в вятских городах было уже несколько десятков кирпичников, которые были взяты на учет в Московском приказе каменных дел и по его нарядам часто отправлялись в Москву и другие города на каменное строительство. Эта тяжелая повинность сильно тормозила развитие кирпичного производства в Вятском крае. Одни кирпичники вынуждены были долгие годы работать за пределами края, другие прекращали заниматься кирпичным делом, чтобы избежать повинности, третьи, будучи отправлены на казенные работы, убегали с них в неизвестном направлении. Например, в 1653 году из Вятки было отправлено на строительство Валдайско-Иверского монастыря 100 мастеров каменщиков, кирпичников, печников, гончаров. Из них на место явилось только 34 человека, и они через два года тоже сбежали.

Толчком для развития крупного производства кирпича на Вятке явилось начало каменного строительства в Хлынове и других вятских городах. В 1675 году на Вятскую епархию прибыл архиепископ Иона Баранов, который сразу приступил к строительству каменных храмов. Одновременно строились два собора — Троицкий кафедральный и Успенский в Трифоновом монастыре. Для этого строительства потребовались сотни тысяч штук кирпичей. Около 1677 года архиерейский дом построил собственный кирпичный

завод («кирпичный сарай»). Трифонов монастырь тоже построил свой завод.

По своему характеру церковные кирпичные заводы были крепостными мануфактурами. Наемных работников было немного, лишь специалисты-мастера кирпичного дела из числа посадских ремесленников. Подобной же крепостной мануфактурой был, вероятно, и Устинский железоделательный завод дворянина Колмовского. Остальные предприятия мануфактурного типа работали в основном на наемном труде, но работные люди получали небольшую плату, а многие из них находились в долговой кабале у хозяев.

* * *

В XVII веке дальнейшее развитие получила торговля. Во всех городах, слободах и некоторых крупных селах появились лавки, ларьки, рынки. В частности, в Хлынове писцовая книга 1629 года зарегистрировала 6 торговых амбаров, 123 лавки, несколько палаток, харчевен, ларьков, торговавших хлебом, калачами, рыбой, и ряд других торговых заведений. В Слободском в 1628 году было 35 лавок и 5 торговых ларьков (полок). Кроме лавок существовали питейные заведения, так называемые «кружечные дворы». В 1629 году в Хлынове было 8 таких заведений.

Торговля производилась также на рынках (торгах) в базарные дни. Обычно базары проводились в городах и крупных селах один-два раза в неделю и служили средством товарного обмена между городом и деревней, поскольку на них привозили свои продукты крестьяне из близлежащих деревень, а посадские люди доставляли изделия своих промыслов и ремесел. Такую же роль играли ярмарки (сезды), которые стали возникать в XVII веке. На ярмарки съезжались продавцы и покупатели не только из окрестных деревень, но и из других городов и районов. Первая известная нам ярмарка возникла в Хлынове в 1607 году. Она была приурочена к церковному празднику — Семенову дню (1 сентября) и получила название Семеновской. Первоначально она длилась один день и мало отличалась от обычного базара, но потом в связи с увеличением объема торговли ярмарка стала действовать несколько дней и к концу века ее продолжительность достигла двух недель (с 28 августа до 9 сентября). Через сорок лет возникла крупная Алексеевская ярмарка в Котельниче, длившаяся три дня. Впоследствии она стала действовать с 1 по 17 марта (до Алексеева дня). Котельничская ярмарка имела межобластной характер. На нее съезжались торговые люди не только из Вятского края, но и из соседних областей. Появились ярмарки и в других вятских городах и слободах.

Большое значение для Вятки имела торговля с Севером и Сибирью. В таможенных книгах Великого Устюга и Сольвычегодска имеются многочисленные записи о провозе вятчанами товаров

в Устюг, Холмогоры, Архангельск, Вологду, Сольвычегодск. Товары доставлялись в Устюг или на лошадях, или водным путем по Вятке, Летке, Лузе, Югу на гребных судах (баржах, баркасах, дощаниках, лодках). От Устюга до Архангельска пользовались водным путем по Северной Двине. В качестве торговых людей в таможенных книгах упоминаются вятские купцы гостиной сотни, рядовые купцы, посадские люди, крестьяне, купеческие приказчики, каринские татары и представители духовенства. Особенно активно в торговле с Севером участвовали торговцы из Хлынова, Слободского, Лузы и Лальска.

Из перечня товаров, подвергавшихся досмотру и обложению пошлинами, видим, что вятчане привозили на продажу хлеб (рожь, овес, ячмень), льняное и конопляное семя, сало говяжье, кожи, мед, воск, хмель и другие продукты сельского хозяйства. Покупали вятчане в Устюге, Вологде и Архангельске такие товары, как сукно английское, сукно настрофиль, сукно лятчин, сукно одинец, киндяк, мухояр, кострыш, шелк ряжский, камка, атлас, медь, олово блюдное, тазы медные, котлы медные, свинец, топоры, пшени, иголки, рыболовные крючки, ружья (самопалы), порох, лимоны, изюм, перец, сандал, соль, сельди, треска, палтус, осетры, икра, сало ворвань, мыло, квасцы, краски, бумага писчая, карты игральные, ладан и пр. В большинстве случаев вятчане покупали эти и другие товары на небольшие суммы; но некоторые купцы, профессиональные коммерсанты производили торговые операции на крупные по тому времени суммы до 50, 80, 100 и более рублей. Они перевозили свои товары на нескольких подводах или на крупных барках, на которых работали 20—30 гребцов.

В первой половине XVII века вятчане активно участвовали в пушной торговле Севера и Сибири. Охота на пушных зверей была одним из важных промыслов населения Вятского края. Но наиболее ценные породы пушных зверей вывелись в Вятском крае еще к концу XVI — началу XVII века. В частности, соболь почти полностью исчез с Вятской земли и сохранился лишь кое-где в самых глухих лесах в верховьях Кобры, Лузы, Сысолы, Выледи, причем местный соболь был малоценным. В низовьях Вятки водились бобры, но их поголовье тоже сильно поредело. В силу этого вятчане промышляли главным образом охотой на белку, лисицу, горностая, норку, выдру, куницу, причем на первом месте стояла добыча белки. Заготовленную пушнину вятчане, лузяне и лалетяне везли на продажу в Устюг и Сольвычегодск, где в осенние месяцы проводился обширный пушной торг, имевший всероссийское значение.

Некоторые вятчане организовывали свои промыслы в Сибири и добывали пушнину самостоятельно. Всю добытую «мягкую рухлядь», главным образом соболей, бобров и черно-бурых лисиц,

они доставляли затем на Сольвычегодский и Устюжский рынки, о чем имеются многочисленные записи в таможенных книгах этих городов. Партии пушного товара были различны по количеству и ценности шкурок, но во многих случаях они насчитывали десятки сороков (связок пушных шкурок по 40 штук в каждой).

К 60-м годам XVII века Чрезкаменный путь заглох и Мангазея запустела. Вместе с ними захирела пушная торговля Сольвычегодска и Устюга Великого. Основную роль в торговле с Сибирью стали играть Ирбитская и Макарьевская (Нижегородская) ярмарки. Все это привело к упадку пушного промысла на Вятке.

Вятчане принимали некоторое участие и во внешней торговле. После заключения Нерчинского договора 1689 года между Россией и Китаем заметно оживилась русско-китайская торговля, в которую включилась и Вятка. Уже в 1694 году вятский купец Спиридон Лянгусов по поручению Петра I провел в Китай большой караван с товарами. В составе этого каравана были торговые люди из Москвы, Вологды, Нижнего Новгорода и других городов, подчиненные Лянгусову. В Китае они, распродав свой товар, закупили китайские товары и благополучно возвратились в Россию. Впоследствии Спиридон Лянгусов и его сын еще несколько раз ходили с торговыми караванами в Китай.

На основе развития торговли и промышленности росли вятские города. В XVII веке Хлынов был самым крупным городом на северо-востоке Европейской России и немногим уступал центральным. В середине XVII века (1646—1654 гг.) в нем было 4400 жителей, в Слободском — 2100, Котельниче — 940, Орлове — 460, Царевосанчурске — 340, Уржуме — 260, Шестакове — 200, Яранске — 180. По внешнему виду вятские города мало отличались от крупных сел и деревень. Они состояли сплошь из деревянных одноэтажных домов с деревянными же дворовыми постройками и небольшими огородами на усадьбах. Главным отличием их от деревень было наличие укреплений в виде земляных валов и деревянных острогов, а также значительным количеством церквей и часовен, часть которых в крупных городах уже была выстроена из камня и кирпича. В деревянных городах часто вспыхивали пожары, уничтожавшие иногда большую часть посадских дворов. На место сгоревших ставились новые дома из свежего леса, так что вятские города XVII века практически выглядели как новопостроенные.

* * *

В XVII веке в России часто вспыхивали городские и крестьянские восстания. Это был бунташный век.

Крупное восстание произошло в Хлынове в 1635 году. Поводом к нему послужили поборы, которыми обложил городское население воевода Григорий Меньшой Волынский, в сумме 500

рублей. Посадские люди отказались их выплачивать, тем более что незадолго до этого, в 1632 и 1634 годах, в Хлынове произошли сильные пожары, от которых население не успело еще оправиться. Воевода и его помощник Матвей Рябинин, пытаясь силой заставить горожан уплатить «кормы», стали сажать неплательщиков в тюрьму. Это вызвало восстание, в котором участвовало свыше тысячи человек. Восстание перебралось в Орлов и Котельнич. Одним из руководителей движения был котельничский земский староста Трифон Перетолчин. Восставшие жители города Хлынова и крестьяне близлежащих деревень ворвались в кремль, освободили арестованных и произвели расправу с «начальными людьми». Рябинина схватили и посадили под караул. Был убит жадный и жестокий ростовщик Данила Кальсин, взявший на откуп у воеводы сбор «кормов» с населения. Восставшие вернули себе собранные с них деньги. Воевода Волынский сумел, однако, дать весть о восстании в Москву. Оттуда вскоре прибыл карательный отряд боярина Ивана Дашкова, который и подавил восстание. Наиболее активных повстанцев сослали в Сибирь.

Аналогичным было восстание 1673 года, вспыхнувшее в Кайгороде. Непосредственным поводом к нему послужил денежный сбор, которым обложил кайгородцев воевода Г. Х. Волков. Отказавшись платить налог, посадские люди, возглавляемые Аникием Ташкиновым, Дмитрием Беркутовым и Федором Пушкаревым, изгнали из города воеводу, приставов, старост и захватили власть в свои руки. Несколько месяцев кайгородцы жили самостоятельно на демократических началах, пока из Москвы не прибыл стрелецкий полк под командованием головы Леонтия Ермилова, произведший расправу с восставшими. Несколько человек было повешено, многие брошены в тюрьму, избиты до полусмерти.

Наряду с городскими происходили и крестьянские восстания. Сильные волнения развернулись во время Крестьянской войны 1670—1671 годов под предводительством Степана Разина. И хотя Вятская земля не входила непосредственно в район разинского движения, она приобрела важное стратегическое значение, так как наряду с восстанием Разина, охватившим Поволжье, в эти годы развернулось восстание в Башкирии под водительством Сеита Садирова, а на севере бушевало Соловецкое восстание. Вятский край оказался между тремя очагами народного движения, и царское правительство стремилось удержать его под своим контролем, чтобы не дать соединиться повстанческим силам через Вятку.

Правительство царя Алексея Михайловича приказало привести вятские города, потерявшие к тому времени бывшее военное значение, в боевую готовность. Воевода князь Григорий Козловский еще в 1668 году капитально отремонтировал и укрепил крепостные сооружения в городах. В Хлынове была заново построена

деревянная стена с башнями вокруг кремля; вырыт глубокий ров, заполненный водой, перестроен и расширен земляной вал, окружавший посад. На посадском валу тоже построили деревянные стены с башнями. Вал доходил на западе до современной Театральной площади, на севере до линий между улицами Степана Халтурина и Труда, на востоке упирался в крутые берега Раздерихинского оврага и реки Вятки, а на юге шел по левому берегу оврага Засоры. За оврагом на его правом берегу находился окруженный деревянной стеной Успенский монастырь. Вдоль наиболее уязвимой западной стороны посадского вала был вырыт ров, а между ним и земляным валом поставлена деревянная стена. Для усиления обороны Хлынова в 1670 году из городов Орлова и Шестакова было вывезено сюда почти все оружие и боеприпасы. Очевидно, эти небольшие городки не предполагалось защищать.

Непосредственная опасность для Вятского края возникла в 1670 году в разгар восстания Разина, когда в Ветлужском крае появился крупный отряд повстанцев под предводительством донского казака, разинского атамана Ильи Иванова Долгополова (он же Пономарев и Попов). Это крайне обеспокоило царскую администрацию на Вятке. Воевода города Яранска Матвей Корин спешно организовал работу по укреплению города и подступов к нему. Вокруг Яранска был выкопан ров, а за ним поставлен дубовый частокол и вкопаны надолбы. В лесах по дорогам были сооружены засеки. Воевода привел к боевой готовности гарнизон города, в помощь ему вооружил яранских посадских людей и крестьян, расставил повсюду караулы. Для вооружения гарнизона запросил из Москвы ружья. Было прислано 150 мушкетов, которые воевода роздал яранским стрельцам и служилым людям, а также выдал им хлебное жалованье за 1670 год, чтобы укрепить в них верноподданнический дух. Еще большая опасность со стороны разинцев угрожала Царевосанчурску. По некоторым сведениям (показания московского купца Федора Щепоткина), группа повстанцев прорвалась в Царевосанчурск, захватила воеводу и посадила его в тюрьму. Но, по-видимому, повстанцы владели городом недолго и были выбиты оттуда отрядом царских войск.

Повстанческий отряд Ильи Долгополова сформировался в Козьмодемьянске из русских посадских людей и крестьян. К ним присоединилось много марийских повстанцев во главе со своим старшиной Мироном Мумариным, который вскоре стал правой рукой Долгополова. Из Козьмодемьянска восставшие двинулись на Ветлугу, где к ним присоединились местные горожане и крестьяне, в том числе немало вятчан. Отряд вырос до 700 человек. Он делился на четыре подразделения (знамени), одним из которых командовал в звании есаула вятчанин Андрей Федоров Власовых. Первоначально действия отряда Долгополова шли успешно. Им были захвачены

важные опорные пункты на Ветлуге, а затем на Унже. Но осенью 1670 года, после поражения основных сил Разина под Симбирском (1 сентября), положение отряда Долгополова стало критическим. Против него был направлен сильный полк царских войск во главе с воеводой Василием Нарбековым. В декабре 1670 года на Унже произошло сражение, в котором повстанческий отряд был разгромлен и рассеян. С остатками своих сторонников Долгополов бежал в Кологрив.

Здесь у него родился смелый план: захватить Вятскую землю и Соликамский край и поднять здесь знамя восстания. В случае успеха он рассчитывал затем спуститься по Каме в Волгу и соединиться с главными силами Разина. Восстание на Вятке намечалось провести весной 1671 года. С этой целью Долгополов направил на Вятку около 150 повстанцев с наказом поднимать ветлужан и вятчан и сходитьсь на Вятке к середине января 1671 года. Одновременно Долгополов послал в Хлынов 20 разведчиков, чтобы «на Вятке город и городские крепости и ружье высмотреть». Однако этот план не удалось осуществить. В Орлове были арестованы четверо разведчиков, в Яранске — двое. Подвергнутые допросам и пыткам, они признались в участии в восстании и выдали планы повстанцев. Хлыновский воевода Венедикт Змеев немедленно организовал поимку долгополовских агентов. К маю 1671 года было схвачено еще 58 человек. Все они после допросов и пыток были заключены в тюрьму, а в ноябре 1671 года сосланы на поселение в Сибирь. В это же время воеводе В. Нарбекову удалось настигнуть Долгополова с группой повстанцев под городом Тотьмой и захватить их в плен. Началась расправа. Долгополов и пять его ближайших помощников, в том числе вятчанин Власовых, были повешены, остальные сосланы. Марийский старшина Мирон Мумарин, арестованный позднее в Устюге, был отправлен для допросов в Москву. После разгрома отряда Долгополова восстание в Ветлужско-Унжинском крае и в вятских местах прекратилось.

А. А. СПИЦЫН

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ НА ВЯТКЕ В XVII СТОЛЕТИИ (Очерк истории землевладения)

В 1678 г. на Вятке по точному счету было всего 12377 дворов, в т. ч. в Хлынове, главном городе — 581 двор, в Котельниче — 88 дворов, в Орлове — 24, в Слободском — 330. Даже в XVII в. были необитаемы самые центральные местности области, например, берега рек Суны и Вои, середина Чепцы. В 1629 г. три семьи вятчан взяли на оброк дикое раменье по речкам Суне и Вое; в 1647 г.,

восемнадцать лет спустя, они сдают свою землю Успенскому монастырю, потому что «та земля от людей отдалена верст на 100».

Ясно, какого рода землевладение должно было существовать на Вятке долгое время при малочисленности и бродяжничестве населения, при обилии никем не занятых земель: посадский и уездный человек мог «садиться» где было ему удобнее и обрабатывать землю. Каждый был собственником занятой им земли и мог продавать, завещать, менять ее. В этом своем праве он не был никем стеснен; никакого подчинения монастырской, помещичьей или церковной власти он не знал. Имея своих сборщиков податей и часто своих судей, крестьяне мало подчинены были даже наместникам и их тиунам.

Более определенные формы землевладения и вообще экономический быт крестьян начинает принимать со времени первых писцовых книг, составленных в 80-х годах XVI в.

Цель посылаемых из Москвы писцов была чисто фискальная. Пользуясь сложившимися родовыми экономическими формами быта населения известной местности и ничуть не изменяя их, писец должен был возможно справедливее обложить население тяглом.

Появившись на Вятке, писцы увидели, что население страны живет мелкими деревнями, починками и займищами, в два, три, а чаще всего в один двор, иногда каждая семья отдельно, иногда несколько семей вместе, родовой общиной, увидели, что недостатка земли на Вятке нет, и записали крестьян в писцовые книги таким образом: измерили и описали у каждого селения принадлежащую ему землю, луга и лес, по количеству земли и угодий определили подати и для большей легкости сбора их равномерно разложили на все бывшие в наличности семьи каждого селения. Писец не мог, по сложности труда, смерить землю, обрабатываемую каждой семьей в отдельности, знал вместе с тем, что каждой крестьянской семье нужно приблизительно одинаковое количество земли. И вот он ограничивается тем, что точно узнает количество земли, числящейся за селением, требует от посельцев сведений, сколько они считают у семей работников (по старому выражению, людей), и данное количество частей земли отписывает за данным количеством людей, предоставляя затем пользоваться землею сельчанам сообща, как они промеж себя положат. Установление общего всем селением порядка владения землею не было несправедливостью, между тем он очень облегчал взимание податей. Все землевладельцы известной местности составляли стан, волость или слободу и для сбора податей выбирали старост и целовальников. Целовальники получали от воеводы память, сколько всяких денежных сборов по их станам должно быть собрано, расчисляли эти сборы по количеству вытей земли каждого селения, сбор с селения расчисляли по числу писцовых людей и с каждого из них требовали приходящиеся суммы и

общий становой денежный сбор. Мы не знаем на Вятке сельской общины с выборной властью и представительством. При благоприятных условиях она непременно развивалась бы, именно если бы земля имела значительную цену и если бы подати, с нее взимаемые, не были обременительны; на самом деле опустевшее тягло, при тяжести податей и малоценности земли, не представляло для односельчан ничего привлекательного: каждый из них едва нес свое тягло, а в земле нисколько не нуждался. Селение отказывалось нести тягло с опустевшей земли, сочло бы несправедливостью, если бы с него потребовали вносить за приписанную к нему пустую землю подати и предоставляло право распоряжаться этой землей становому целовальнику, наместнику, воеводе, вообще выборной, а чаще административной власти. Установился порядок обложения крестьян по живущим вытям: из общего числа земли целовальники выкладывали выги пустующие и причитывающиеся за них сборы брали с людей, оказавшихся в наличности. Правительство знало только административную, им созданную становую общину и не видело общину сельскую, конечно, потому, что ее не было.

Все мелкие владельцы земли после переписи составили сословие тяглых людей. Вскоре появились люди оброчные. Вольный человек, т. е. не записанный в книги, мог взять на себя или опустевшее тягло, или, высмотрев землю пустующую, еще не обработанную, выпросить ее у воеводы из условного оброка. Можно было взять на оброк какое угодно количество «порошей» земли и обрабатывать ее как угодно: своей семьей, половниками, складниками; воевода следил лишь за тем, чтобы оброк вносили исправно. Когда с течением времени количество оброчных земель увеличилось, они были выделены в особые оброчные станы, земли поделены равномерно между сельчанами, на каждый участок земли и вместе с тем на каждого оброчного человека наложен был равномерный оброк, одним словом, с оброчными землями повторилось то же, что прежде произошло с тяглыми. Оброчные станы не сливались с тяглыми только потому, что оброк, пока известная местность не была вполне заселена, был в каждом стану взимаем не со всех одинаково. Вятский край представляет то оригинальное, замеченное еще Чичериным явление, что в нем каждый стан делился на тяглый и оброчный. С течением времени тягло и оброк мало-помалу выравнивались, а вместе уничтожалось и всякое различие между тяглыми и оброчными станами.

С начала XVII в. в вятской области появляются земли монастырские, которые в течение столетия успевают дорасти до весьма значительных размеров; вместе с тем вырастают земли церковные, наибольшая часть которых при учреждении в Вятке епископии обращается в епископские вотчины. Как и вообще во всех помор-

ских городах, на Вятке не было земель помещичьих, но в той части нынешней Вятской губернии, которая принадлежала к понизовым городам, они в середине XVII в. уже были. В то же время здесь образуются вотчины дворцовые, раздаваемые потом в поместья служилым людям. Не очень были велики на Вятке земли мелких беломестцев: посадских и иных людей, но были значительны земли ясачные, занятые иногородцами и поселившимися среди них русскими. Любопытное и своеобразное явление в истории края представляют земли каринских татар. Кроме того здесь, как и в других местностях, были деревни стрелецкие и пушкарские, ямские, наместничьи и тиуновы. Земских, т. е. принадлежащих земской избе, кажется, не было, хотя и были различные земские угодья, например, покосы.

Крестьяне, не записанные в книги и потому не несущие ни оброка, ни тягла, назывались вольными людьми; это были братья, племянники, дети тяглых и оброчных людей. Вольному человеку была полная возможность взять на себя чье-нибудь пустое тягло, пустую или новораспашную оброчную землю, но кто не хотел или не мог взять землю и вместе с ней подати, для того условия предоставляли различного рода другой исход. Он мог взять землю у кого-нибудь из беломестцев из кортомы, стать кортомщиком, мог сложиться с кем-нибудь из оброчных или тяглых крестьян — стать складником, мог взять землю у беломестца исполу, стать половником, мог пойти к кому-нибудь из крестьян в соседи или подсоседники, в подворники, вообще в захребетники; но чаще всего безземельные и не желающие брать земли крестьяне записывались в бобыли, куда-нибудь в деревню, на церковную землю и пр., а обыкновенно в город. На погостах и в городах всегда бывали избенки нищих, крестьян совершенно обедневших и питающихся подаванием. У богатых посадских и уездных людей живали срочные работники, деловые люди или даже рабы, напр., из калмыков. К концу XVII в. обогатившиеся посадские люди иногда приобретали крепостных дворовых людей по закладным кабалам, но вообще это бывало очень редко. Право держать дворовых людей купцы приобретают только в XVIII в.

Когда в деревне было много земли и угодий и в стане не было слишком много бежавших, вольному человеку всего удобнее было оставаться в тяглом стане. В противном случае можно было решиться взять на оброк новую землю со льготой от податей на несколько лет. Если по бедности и малому числу работников в семье он не мог решиться сесть на оброчную землю, ему лучше всего было идти в половники. В случае же особенной бедности он должен был пойти в бобыли. На землях монастырских, церковных, помещичьих можно было поселиться в том случае, если их владельцы предлагали выгодные условия и если не предвиделось быстрого увеличения

населения этих земель и, следовательно, скорого изменения льготных условий.

Бессемейный вольный человек должен был или идти в работники, или стать бобылем. Прикреплены к земле были одни только занесенные в писцовые книги тяглые и оброчные люди, все остальные крестьяне могли совершенно свободно переходить из одной формы экономического быта в другую. Из крестьянской нищенской семьи можно было сделаться богатым посадским и из посадской, постепенно переходя через тяглое, оброчное и бобыльное состояние, дойти до нищенской избенки. С увеличением или уменьшением населения области, с изъяснением ее экономических и исторических условий изменялось и взаимное отношение друг к другу числа оброчных, тяглых и крестьян всяких других наименований.

ЗЕМЛИ ТЯГЛЫЕ

Тяглыми назывались все без различия крестьяне, сидящие на земле, занесенной первыми писцами в число тяглых. Не знаем ни одного случая, чтобы крестьяне оброчные из других наименований облагались тяглом, если они не селились на пустых тяглых участках. Если воеводам и предписывалось указом вносить кого-нибудь в тягло вновь, то при этом прибавлялось выражение «бывших тяглых», т. е. бежавших от тягла: так строго отличены на языке официальных актов XVII в. тяглые и оброчные люди, конечно, потому, что те и другие несли подати различного наименования и в различном количестве.

Записанный в тяглые люди не имел права оставить своего тягла впусе, чтоб не уменьшить тем сбора податей; за этим правительство вынуждено было следить очень строго. Тяглый человек был прикреплен к своему участку и мог только уйти с него, когда продавал или сдавал его кому-нибудь другому, кто принимал на себя обязанность нести тягло. Мы не знаем случаев продажи тягла, хотя в других местностях России они бывали: это, конечно, потому, что земли на Вятке не имели достаточной ценности. Напротив, мы видим, что огромное число тяглых участков пустует, и становая изба не в состоянии найти охотников на эти жеребы, так что их совершенно свободно раздают воеводы различным беломестцам из самых малых оброков. Только уже с течением времени, когда земли начинают более цениться, становые целовальники требуют себе исключительного права раздачи пустых тяглых земель.

Соседи бежавших крестьян, однодеревенцы не изъявили никакого желания оставить за собой пустые жеребы, так как должны были бы нести за них и тягло, а это было обременительно настоль-

ко, что тягло за пустые участки несли не они, а весь стан по общей раскладке на земле в живущем, на оставшихся в тягле. Мы не знаем случаев, чтобы крестьяне каким бы то ни было образом показали, что они имеют право на пустые земли их деревни, напротив, имеем немало ясных свидетельств, что этими землями распоряжались земские избы, а если выборные старосты оказывались бессильными заселить их, то воеводы. Односельцы не были обязаны даже следить, чтобы в их деревне не было бежавших, за них отвечал весь стан. Беглецы разыскивались становыми старостами, которым воеводы только оказывали свое содействие.

В писцовых книгах отмечаются следующие причины запустения тягла: стал безвестным, умер, взят в солдаты, ходит по миру Христовым именем, убит разбойниками. В 1678 г., по нашему счету, в поморской части Вятской губернии было пустых деревень и пустошей 344, дворов и дворовых мест — 2227.

На общее число дворов в живущем 13205 это число составит шестую часть. Понятными нам становятся постоянные сетования тяглых людей на чрезмерное обременение их податями. Правительство, наиболее дорожа тяглыми людьми, всегда старалось облегчить их положение, «чтоб податей не было». Вот, например, как решительно выражается указ 1688 г., воспрещающий отчуждение тяглых участков частным лицам: «на Вятке и в Вятском уезде, в монастыри и к церквам, беломестцам и всяких чинов людям никаких наших государских тяглых земель и торговых промыслов и никаких угодий покупать и вкладом имать не велено, и площадным подьячим и деревенским дячкам на тяглые земли никаких крепостей никому не писать... а буде кто вятские тяглые земли купить или вкладом возметь, или вкладом в монастырь, или к церквам даст, и тем людям быть от нас великого государя в опале и в наказных, и денег, которые даст за землю или за что за иное какое тяглое угодье, будет лишен». Чтобы облегчить себе уплату тягла, посадские и уездные люди стараются сложить часть его друг на друга. Конечно, это удастся чаще всего первым. Зюздницы волостные люди в 1607 г. пишут: «приезжают к ним в волость кайгородцы посадские и волостные люди и правят на них тягло себе в подмогу, и животы их грабят насильством и сами их бьют... и волочат в напрасных поклепных делах летом в пашенную пору... и впредь от их насильства прожити не мочно». В облегчение себе зюздницы получили право вносить подати прямо в Москву. Сами становые целовальники допускали различные злоупотребления при сборе податей, на одних полагая более, на других менее, с одних требуя немедленной уплаты, с других ожидая долгое время. Потому они и назывались целовальниками, что принимали присягу никому не норовить.

Основною старинною тяглою податью была дань, выплачиваемая некогда в орду; она составляла почти половину всех податей.

Кроме дани тяглые люди несли государственные расходы на управление (кормовые, дьячи, подьяческие пошлыны с них), на войско (пищальные) и местные (ямские, за сибирский хлеб и пр.). С мельниц, кузниц и других оброчных статей, за переходное сено тяглые люди платили особый оброк.

Данные деньги были взимаемы в одном размере с каждого двора, а остальные по особой разверстке. «Верстаться городовым и посадским людям вместе по животам и по промыслам». Выбранный миром земский староста с целовальниками делил в земской избе всех горожан на три разряда: больших, средних и меньших и брал подати сообразно этому делению. Кроме тяглых податей, горожане платили еще разные оброки по оброчным статьям, которые в общем в городах составляли всегда значительную сумму.

И посадские, и уездные люди были положены в одинаковое сошное письмо. Только соха городская составлялась из дворов (по 160 дворов на соху), а уездная была земельная. Вся уездная земля делилась по качеству своему на три разряда: добрую, среднюю и худую. Чтобы облегчить обложение каждого участка земли податями, все три разряда сводились в условную единицу — выть.

Для раскладки и сбора тяглых податей уездные люди избирали особых целовальников, к которым в помощь давались сотские и пятидесятские. Целовальник из съезжей избы от воеводы получал память о том, сколько приходится сборов с его тяглого стана, считал наличные тяглые жеребьи и равномерно распределял между ними общую сумму податей. Получив подать, в один или несколько сроков целовальник давал в ней расписку и в определенные сроки сдавал деньги воеводе, а если дана была эта льгота, то отвозил их в Новгородскую Четвь в Москву.

Кроме указанных податей тяглые люди несли и другие, местные и земские: стрелецкий сибирский доход, ямскую подать, половняничные. Иногда для сбора этих денег существовали особые сборщики ямских денег, иногда подати эти собирались и приказными сборщиками в съезжей избе, когда они шли не на местную земскую потребность. Вообще тяглые люди не вносили своих податей одному какому-нибудь сборщику.

ЗЕМЛИ ОБРОЧНЫЕ

Так назывались государственные, никем не занятые при первых писцах земли, розданные потом из оброка воеводами посадским и уездным людям. На Вятке, как мы уже видели, оброчных земель было так много, что они составляли особые станы в каждом стане и имели особых выборных мирских целовальников. Такое обилие их объясняется обилием пустых земель вообще, тем, что их

можно было взять на очень льготных условиях, напр., с условием не платить оброков в течение нескольких лет, а после того в определенном небольшом размере. Воевода при даче оброчных земель не был стеснен никакими указами; ему приказывалось только отдавать их как можно для казны прибыльнее. Еще менее стеснены были писцы и дозорщики, которые также раздавали массу пустующих земель на оброк.

Отдавались на оброк дикие раменья, земли пустые тяглые, пустые оброчные. Не знаем случаев, чтобы отдавались на оброк из наддачи земли жилые. Хотя земли тяглые и отдавались на оброк, но они продолжали считаться тяглыми. Имел право взять землю на оброк всякий вольный человек, беломестец, а также монастырь, церковь, вероятно, даже тяглые люди, если не оставляли тягла пустым. В каждом стане оброчные и тяглые земли были так перемешаны друг с другом, что земли того и другого именованья бывали одновременно в одной и той же деревне. Так было, напр., в 1699 г. в Филейской слободке: одни крестьяне платили тягло, другие — оброк.

Кроме писцов и воевод раздавались земли на оброк из земских изб. Воеводы при раздаче земель на оброк вообще так много значили, что, напр., распоряжались на пустующих монастырских землях. Льготы воеводы давали не более как на пять лет.

Условия, заключаемые с воеводой, берущим оброчную землю, хорошо рисуются в прилагаемом акте 1665 г. Из этой грамоты мы узнаем, что земля давалась на оброк в беспереводное владение, с обязательством не оставлять ее пустой. Положив труд и деньги на обработку полой земли, оброчный крестьянин становится как бы ее собственником; за ним правительство признает такие же точно права, как и за тяглыми людьми на их землю. Оброчную землю можно продавать, сдать, заложить, променять, завещать, можно принимать на свою полосу крестьян. Никто не имел права на чужую оброчную землю. Владелец ее обрабатывал, оплачивал и распоряжался ею как личным достоянием.

Сходство оброчных земель с тяглыми идет и далее. В большинстве случаев писцы и дозорщики записывали оброчную землю за всем селением, не подворно; по дворам или по хозяевам записывались земли в том случае, если они взяты были вновь на особенных условиях, и тогда оброк крестьянами одной и той же деревни платился различный.

Конечно, воеводы впоследствии старались обложить всех оброчных крестьян одинаковым оброком и притом применительно к количеству тяглых податей; это, вероятно, им удавалось, хотя они и должны были допускать множество исключений.

В 1614 и 1629 г. оброк взимался в следующем размере: 1 рубль 16 алтын 4 деньги с выти земли и 1 д. с копны сена.

Оброк собирался особыми оброчными целовальниками и затем вносился в Приказную избу.

В общем, оброк был менее выгоден для правительства, чем тягло. В 1662 и 1663 г. особыми указами приказано было на Вятке написать в тягло тех бывших тяглых людей, которые поселились на нетяглых землях из оброка воеводских дач, именно потому, что это для казны менее выгодно.

Мы уже знаем, что с введением стрелецкой подати, заменившей как тяглые подати, так и оброки, различие между землями оброчными и тяглыми, можно сказать, совершенно исчезает, остаются только их названия.

ЗЕМЛИ МОНАСТЫРСКИЕ

Монастырские вотчины появляются на Вятке с конца XVI в., с того самого времени, когда правительство решительно начинает стеснять приобретение монастырями земель. Однако местные условия оказались настолько благоприятными для развития у нас монастырских вотчин, что в сравнительно недолгое время они доходят до значительных размеров. Пустые, никем не занятые местности на Вятке были покрыты сплошным дремучим лесом на большие пространства. Немного находилось охотников из вольных крестьян селиться на диком раменье, где на целые десятки верст вокруг не было человеческого жилья.

В 1629 г. три семьи предприимчивых вятчан взяли на небольшой оброк раменьё недалеко от Хлынова, по реке Суне, но оказалось, что они слишком понадеялись на свои силы: 18 лет спустя они должны были сдать землю эту монастырю из прежнего оброка, без всякой выгоды для себя, между тем как они сдали ее, конечно, не в том виде, в каком приняли от воеводы. Монастырь, приобретая в вотчину пустующую землю, тотчас начинал на ней большое хозяйство: переселял своих крестьян из других вотчин, приглашал вольных людей на выгодных для них условиях, сразу тратил на обработку земли значительные суммы — и лес падал, поселки поднимались с удивительной быстротой. Для небольшого хозяйства посадского или уездного человека было всегда достаточное количество земли вокруг города или деревни, им не было необходимости искать клочка пашни в лесной глуши, а монастырь, если бы и имел возможность приобретать пашни уже обработанные, все-таки было бы чрезвычайно затруднен чересполосицей владения, поэтому он волей-неволей стремился дальше от поселений, в глушь, на обширные раменные пустоши, которые к тому же могли быть приобретены с большими льготами или даже в безоборочное пользование.

Монастыри являлись незаменимыми колонизаторами пусто-

ющих окраин страны, и правительство, стесняя льготы монастырей в населенных местностях, вместе с тем предоставляло значительные льготы монастырям окраинным. Заселение севера и северо-востока России много обязано деятельности иноческих обитателей; вятские монастыри превратили в цветущую пашню много пустых земель, которых иначе еще долгое время не коснулась бы соха трудолюбивого пахаря. Самым богатым вотчинником в вятском крае был Успенский монастырь. Первые три деревеньки он приобрел в 1586 г., в 1678 г. на своих землях он имел уже население вдвое больше, чем его было во всех пяти вятских городах, в 1764 г. он сдал в казну 25636 душ крестьян.

Ни на одних пустых льготных землях образовывались монастырские вотчины. В местностях глухих, малодоходных правительство давало на пропитание братии населенные деревни и даже целые волости, оброчные или тяглые. Так, в 1595 г. Успенский монастырь получает Вобловицкую волость, где было не менее 300 душ крестьян. Некоторые земли вятскими монастырями были получены из съезжей избы с оброком, иные — по завещаниям. Были, но очень редко, в монастырях земли закладчиков.

Правительство в XVII в., отводя крестьян и их землю к монастырю, давало ему только два права: право сбора оброка с них в том количестве, какое они вносили прежде в свой стан, и право суда, т. е. защиты крестьян на случай чьих бы то ни было притеснений, чтоб сбору с них не было убыли. Во всех других отношениях крестьяне были независимы от монастыря: могли, посадив на землю вместо себя седока, оставить ее, могли иметь свои оброчные пожни и угодья, и даже обязаны были все подати, кроме оброка, платить сами собою, помимо монастыря-владельца. Для сбора их они даже имели особых старост, хотя, кажется, и не всегда. Едва ли крестьяне обязаны были своему монастырю особыми повинностями, кроме законного оброка в том же размере, в каком его вносили свободные оброчные люди. Большую власть над крестьянами монастыри приобрели впоследствии, в XVIII в., как и все вообще вотчинники. Конечно, монастыри не всегда сдерживались в пределах законности и обычая, при возможности требовали от крестьян и большего, чем на то имели право, по крайней мере, мы знаем случаи упорного отпирательства крестьян от монастыря, доказывавших, что они к монастырю записаны насильем, и рисующих не слишком светлые картины обращения с ними управителей монастырских вотчин. В вятской области монастырские крестьяне находились в особенно привилегированном положении. Лучше всего было положение тех крестьян, которые ничем не были «крепки к монастырю», вольных людей, приглашенных на льготных условиях по заручным записям. Весьма вероятно, что таким людям монастырь оказывал даже подмогу и деньгами, и хлебом.

Вотчина, близкая к монастырю, управлялась непосредственно через монастырь, в вотчины отдаленные отправлялись так называемые поселские старцы, один или два. Отхожие пашни, т. е. такие, на которых по их малой величине не было жилья, распахивались посылаемыми туда крестьянами, а чаще всего монастырскими детенышами, т. е. бобылями и рабочими.

Если монастырь пустел, то его земли раздавались беломестцам и тяглым людям или ими пользовались церковные старосты, отдавая на оброк в пользу церкви.

На всякого рода угоды: пожни, рыбные ловли, бобровые гоны, жерновые ломки всегда бывал большой спрос, и так как поэтому правительство имело от них большой доход, то они редко отдавались монастырям в оброчное пользование, а чаще всего монастыри их приобретали из наддачи, т. е. предлагая воеводе большую сумму оброка. Вероятно, угодыями своими монастыри пользовались с помощью найма. Сено косилось всегда исполу. Не знаем, отдавали или нет монастыри свои угоды частным лицам из оброка.

После хлыновского Успенского монастыря по количеству вотчин вторым был елабужский Троицкий, третьим — котельничский Предтеченский, не многим менее вотчин было у слободского Воздвиженского монастыря. Приводим здесь из составленной Н. А. Спасским таблицы сведения о количестве монастырских вотчин за XVII в.

Названия монастырей	Число дворов	
	1662 г.	1678 г.
Успенский в Вятке	573	980
Крестовоздвиженский, Верхочепецкий	82	176
Богоявленский в Слободском	34	35
Екатерининский, Верховятский	59	45
Троицкий, Усть-Святицкий	30	5
Троицкий, Истобенский	30	15
Введенский в Котельнич. уезде	—	2
Предтеченский в г. Котельниче	95	—
Вознесенский в Яранске	—	32
Покровский в Кукарке	2	—
Тихвинский в Царевосанчурске	—	5
Спасский, Цепочкинский	—	121
Троицкий в Елабуге	140	—
Куринская пустынь в Каю	—	7

ЗЕМЛИ ЦЕРКОВНЫЕ И АРХИЕРЕЙСКОГО ДОМА

При основании нового погоста нередко церкви давалась земля, доходы с которой шли в церковную казну. Заведовали этими землями церковный староста и мирские люди-прихожане, которые общим приговором определяли количество оброка с них. Земля обрабатывалась или церковными крестьянами, если она отведена была к церкви вместе с ними, или бобылями и половниками, если церкви отводилась пустошь. Можно заметить, что в последнем случае обыкновенно приглашались бобыли, вероятно, потому, что это было особенно удобно. Иногда церковная земля отдавалась крестьянам в потомственное оброчное владение, и в таком случае они распоряжались ею как собственностью, напр., могли продать.

Крестьяне и бобыли обязаны были церкви только оброком, а во всем остальном они были вольные люди. Они даже не были судимы причтом и, кроме оброка, во всех других податях тянули к местному тяглу или оброчному стану. Правительство давало оброчные земли с крестьянами только тем церквам, которые были славны угодниками или чудотворной иконой; прочие церкви приобретали земли чаще всего на оброк, как и всякое частное лицо. Так, в 1666 г. берет землю церковный староста Буйской с товарищами, так, в 1635 г. получают дикое раменье по Проснице покровские клирошане. В истории церковных покровских земель мы встречаемся с любопытным случаем закладывания крестьянином в церковь себя и своей деревни.

Церковными землями назывались и те, которые принадлежали причту церкви и были им приобретены или покупкою, или как вклад за вечное поминовение. Обыкновенно для последней цели к церкви прикладывались крепостные покосы, но бывали случаи и прикладывания земель. Такими землями и пожнями священники заведовали как своей личной собственностью, и среди местных актов сохранилось, напр., упоминание о продаже ими церковной пожни в одном месте и покупке в другом.

Частное владение земель. Беломестцы. Помещики.

Всякий посадский, приказный человек, церковник имел полную возможность приобрести земли в частную собственность. Для этого следовало только найти свободную землю, все равно — тяглую, оброчную или пустую, взять ее на оброк из Приказной избы и потом, при переписи, объявить ее своей личной землей; или можно было купить у кого-нибудь тяглую или оброчную землю. Все владельцы земли не крестьяне назывались на официальном языке беломестцами. Одна местная грамота перечисляет звание беломестцев вятских; это были: архиепископские домовые люди, подьячие Приказной избы, церковные причетники и иных чинов люди. К

этому перечню следует прибавить посадских людей, из которых выделились люди гостиной и суконной сотни, как особенно богатые деревнями владельцы-горожане.

Сборы с земель беломестцев были очень неопределенны. Если земля была приобретена в удобном месте, напр., около города, или если приобретена была с условием уплаты всех податей вместе с крестьянами в стан, то с нее шли все денежные и натуральные сборы, как с земли тяглой или оброчной. Но приказные люди умели приобретать деревни в собственность с условием уплаты небольшого оброка в съезжую избу, и в таком случае они отказывались платить что бы то ни было в уездные станы, так что тягло за занятый ими пустующий участок по-прежнему платили тяглые люди по общей раскладке. Так как к тому же тяглые люди уже не могли никому сдать приобретенную беломестцем пустошь, то они очень неохотно примирялись с близостью этих частных владельцев и несколько раз обращались к государю с челобитной воспретить раздачу пустых земель беломестцам или обязать их нести все подати по становой раскладке. Несмотря на благоприятные указы, беломестцы все-таки продолжали пользоваться удобствами своей близости к воеводе и получали от него по-прежнему пустые земли из малого оброка. Правительству отдача земли таким беломестцам, конечно, была невыгодна, потому что они всегда платили со своей земли менее, чем платил бы с нее оброчный или тяглый человек. Если беломестцы и обязывались платить в стан стрелецкие и оброчные деньги, то и пользуясь своим привилегированным положением, они затягивали их уплату или даже вовсе не платили.

Иногда земля по особому царскому указу совершенно обелялась за какую-нибудь службу. Так, Балезины получили в такое пользование деревню за доставку сибирского хлеба.

На землях беломестцев мы видим чаще всего половников. В Совьинской волости были вновь расчисленные починки хлыновцев Андрея Рязанцева и какого-то попа с несколькими дворами половников. Половники же обрабатывали земли беломестцев посадских людей около Хлынова.

Если беломестец не был в состоянии обрабатывать свою землю, то он приглашал себе кого-нибудь в пай, в половину, треть, осьмую, четверть деревни. В таком случае деревнею оба хозяина владели сообща и каждый нес свою долю податей. Припущенные владельцы, компаньоны назывались складниками. Обыкновенно владельцы таких деревень обменивались деловыми росписями, в которых подробно означалось, какой частью кто владеет в земле, огороде, хмельнике, коноплянике, колодце, бане, дворе, хоромах. В деловых росписях редко означались межи владения каждого складника по трудности их определения в письме, а вместо того межы проводились на самой земле. Каждый владелец имел полное

право собственности на свою часть деревни и пользовался ею как хотел: отдавал половнику, нанимал для ее обработки рабочих, продавал, менял, завещал и притом какую угодно часть своего пая. Мы знаем случаи, когда одной деревней владели по пяти складников, иногда восьмью или шестой ее частью; так, деревней З. Костина и дьячка В. Зверева в 1622 г. владели: В. Филимонов, А. Редников, М. Редникова, С. Рязанцев и В. Зверев. Владельцы менялись скоро; при этом условии наиболее богатым складникам удавалось скупить все пай деревни, и они становились единственными ее собственниками. В этом отношении интересно проследить историю постепенного приобретения одной пригородной деревни хлыновцем Рязанцевым. Он скупал пай по $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{6}$ части, выжидая случая купить их долгими годами.

Земли поморских городов, к которым принадлежала и Вятка, вообще не раздавались служилым людям в поместье, и северная часть нашей губернии вовсе не знала помещиков. В XVII в. весьма небольшое число помещичьих земель было в Уржумском, Яранском и Царевосанчурском уездах, входивших в состав понизовых городов. В 1678 г. здесь почти единственным помещиком был Б. М. Хитрово, которому было выделено из дворцовой волости 535 дворов. Кроме того, за детьми боярскими числилось в этих уездах в поместье 38 дворов.

Не имея прав приобретать земли в поместья, люди гостинной сотни могли принимать к себе по закладным кабалам вольных людей в дворовые люди. За право приобрести дворового человека по нашему времени платилось недорого. Петр Рязанцев в своем завещании пишет: «...отдать и Артемью Петрову сыну Кропотину выдать его дворовую жилую крепость и взять на нем восемь рублей прямых денег, а об отпуске из двора воля брата (душеприказчика)».

ЗЕМЛИ ДВОРЦОВЫЕ

Для истории дворцовых крестьян в XVII в. мы имеем мало источников. По местным актам мы знаем историю возникновения одной только дворцовой вотчины, полянской. Вятчане вольные люди явились к казанскому воеводе и сказали, что в таком-то месте есть большая пустая земля и что они готовы сесть в ней в крестьянах за великого государя. Позволение селиться им было тотчас дано. Кроме полянской вотчины известны дворцовые деревни в Сарапуле. В чудесах великорецкого образа св. Николая под 1669 г. упоминается дворцовое село Лебяжье, в 1678 г. дворцовые дворы были в Яранском и Уржумском уездах: в Яранском — 385, в Уржумском — 51 двор. 535 дворов уржумской вотчины, как мы видели, отданы

были в поместье боярину Хитрово. Из того факта, что крестьяне вольные люди сами добровольно закладывались за великого государя, можно заключить, что их положение было по крайней мере ничем не хуже оброчных или тяглых крестьян. Кажется, что вместо всех податей дворцовые крестьяне платили в государеву казну определенный оброк. Так можно думать на основании того, что дворцовые крестьяне в актах называются оброчными.

ЗЕМЛИ ЯСАЧНЫЕ

С инородцев вместо всяких других сборов собирався определенный ясак, и занятые ими земли назывались ясачными. Ясачными назывались и земли русских, поселившихся на инородческих землях и платящих также ясак.

Приобретение ясачных земель русскими был очень несложным. Высмотрев какую-нибудь пустующую ясачную землю, надо было только явиться к казанскому воеводе и просить ее из ясака. Все протесты владельцев — черемис редко имели благоприятный для них исход. Иногда русские беглецы селились среди инородцев силой и даже старались не платить никакого оброка. Ясаком облагали земли и людей приезжающие из Казани приказные. Собирався ясак деньгами по числу дворов, иногда хлебом и медом.

Количество и местоположение ясачных земель, не имея в руках писцовых книг, невозможно определить. Нам известна только та часть этих земель, на которой селились русские люди: земли около с. Лебяжья, Суны, Лудяны и Полянок.

БЕЗЗЕМЕЛЬНЫЕ КРЕСТЬЯНЕ

Мы уже видели, что в XVII в. были на Вятке безземельные крестьяне следующих наименований: половники, бобыли, кортомщики, складники, соседи и подсоседники, подворники, нищие. Каждый разряд этих крестьян создавался не в силу случая или под влиянием администрации, а очень долгими историческими условиями.

Самыми состоятельными из безземельных крестьян были, конечно, кортомщики. Половник нередко получал от беломестца пособие, денежное или натурой, и во всяком случае избу, кортомщик же, взяв из кортомы землю, обрабатывал ее как и чем хотел, без всякого участия владельца деревни. Потому этот разряд безземельных крестьян так мало и был распространен на Вятке, что требовал такой зажиточности, при которой можно было прямо взять на свое имя пустующую оброчную или тяглую землю. Дать землю

на условиях кортомы могли только владельцы многоземельные: церкви, монастыри, помещики. Всего более кортомщиков в вятском крае было в каринских землях. В деревнях татарских, бесермянских и вотяцких «живут русские люди половники, а иные на кортому». Половники и кортомщики жили также в Закаринье, в чепецком и чистянском стану. В вотчинах слободского Богоявленского монастыря переписчик Воейков одни деревни пишет оброчными, другие кортомными. Иногда кортомщики жили большими семьями. Нам известен состав одной такой семьи; в ней были: отец, сын, внуки, срочный работник и складник. Об условиях землевладельца с кортомщиком мы не знаем ничего определенного.

Значительно более был распространен обычай брать из кортомы мельницы, покосы, вообще угодья. Кортонная мельница была у хлыновца П. Рязанцева, который после себя кортомные деньги оставил жене. На кортому отдавалась пожня, принадлежавшая церкви с. Шестакова.

Половники, обязанные иметь свой хозяйственный инвентарь, были более надежными владельцами частной земли, чем бобыли, за которыми нужно было наблюдать и которым надо было дать и лошадь, и соху без надежды получить их обратно, если бобылю вздумается уйти с земли. Половничество было очень развито в вятском крае; и частные владельцы, и монастырские вотчины, и каринские татары, все, кто не сам обрабатывал землю, охотнее всего пускали к себе половников. В 1614 г. в Успенском монастыре на 23 деревни и починка было 39 половничьих дворов, в них 44 человека, а бобылей в то же время там было всего три двора. Получив 4 деревни, монастырь тотчас же селит в них половников. Половники были в церковной Никольской деревне, в чистянском стану. В 1614 г. в церковных и монастырских вотчинах было 140 дворов, в них 159 человек; среди них упоминается очень мало крестьян и более всего половников. В 1678 г. в дер. слободского Богоявленского монастыря значатся только одни половники с детьми и даже складниками. В 1614 г. в деревнях и починках Березовского стану, принадлежащих протопопиче, дьякону, городовому приказчику и подьячему, живут только одни половники. Около 1678 г. посадский А. Рязанцев в Совынской волости расчищает починок и ставит там два двора, где помещаются несколько семей половников. Там же была деревня хлыновского попа, отданная также половникам. Выше перечислены половники, бывшие на землях каринских татар: половничьих дворов в Карине было почти столько же, сколько и княжеских. Совершенно нет половников в городах, у вотяков и весьма редко отмечаются они у крестьян. Упоминание о крестьянских половниках нам встретилось только в верховском оброчном стану.

Мы еще не знаем, на каких условиях принимали владельцы земли половников в XVII в., и принуждены привести здесь выписку

из договорного письма несколько более позднего времени, 1719 г. Половники, вятчане вольные люди, Лаптев и Трещалов, дали С. В. Рязанцеву такое обязательство: «Жить у него хозяина в подгородной его деревне, где он повелит в его хозяйских хоромах, и живучи никакой его хозяйской хоромины своим небрежением не сожечь и не опустошить, и не за каким воровством не ходить; и во всем его, хозяина своего Сидора, и детей его, и прикащиков слушаться, и на всякие его изделия, куды позовут ходить и с коньми своими, и огороды около поль городить и не опустошить, и хлеб скотом не стравить, и жать и молотить с людьми впору, и в скирдах хлеб не изгноить и скотом не стравить, городить лужки накрепко, и солома в обметы обметывать, а старую соломою сорить в назмы, и во дворы возить на своих конех... А за непослушание наше вольно ему хозяину нас с женами и детьми смирять домовным смирением, а нам в том на его хозяина, и на детей, и на прикащиков его в том не бить челом и убытку никакого не чинить». Со своей стороны Рязанцев обязывается дать половникам подмоги 2 р. 10 алт., лошади и 3 осмины ржи; все это по условию полностью возвращается обратно, если половники пожелают перейти к другому владельцу. Приведенный документ рисует условия половнической жизни в чертах не особенно привлекательных, но можно думать, что на самом деле они были не так обременительны, особенно в XVII в. Мы ожидаем особенно тяжелые условия половнического быта встретить в XVIII в., в веке наиболее сильного закрепощения всякого рода крестьян. Вообще же в XVII в. половники были настолько независимы от своих хозяев, что могли, например, помимо их вступить в имущественные договоры с другими владельцами. Так мы знаем, что один половник брал на себя исполу покровскую пожню.

На основании некоторых, впрочем, не слишком надежных догадок, захребетниками на официальном языке назывались те же несущие тягла или оброки люди, которые, живя в одном дворе с тяглыми, в то же время не принадлежали к числу их семьи, т. е. складники, подворники, соседи и работные люди. «Да в 5 дворах поселились в прошлом во 167 году 5 чел., детей и братья два человека да захребетник».

Бобыли, как и половники, были очень распространенным типом безземельных крестьян. Бобыль — это бедный крестьянин, не могущий нести тягла или оброка и даже пойти в половники и потому поселяющийся в городе для случайных заработков или на владельческих землях, где он может наняться в работники или получить из известного оброка клочок земли для обработки.

Более всего бобылей бывало в городах и на небольших владельческих землях, особенно на погостах и у малозначительных монастырей.

КУЛЬТУРА ВЯТСКОГО КРАЯ XVII ВЕКА

На развитие местной культуры огромное влияние оказал процесс русской колонизации края, в результате которого здесь сложилось смешанное русское население, главными компонентами которого были двиняне, новгородцы, суздальцы, нижегородцы, устюжане, москвичи, образовавшие в совокупности местное русское население, получившее наименование — вятчане. Сильнейшее влияние на формирование культуры Вятского края оказало коренное нерусское население — марийцы, удмурты, татары, чувашы, коми и другие финно-угорские и тюркские народности. Все они внесли свой вклад в материальную и духовную культуру Вятской земли. Элементы их культурных традиций в своеобразной форме проявились в быту, народных обрядах, фольклоре, диалектных особенностях языка, прикладном искусстве, хозяйственных приемах. Русские принесли в Вятский край более совершенные формы хозяйства, лучшие орудия производства, строительную технику, письменность, искусство, более организованный социальный и государственный строй. Значительная часть вотяков (удмуртов), черемисов (марийцев), зырян (коми), татар и чувашей была ассимилирована русскими и приняла христианство.

Тормозящим фактором для развития культуры в Вятском крае была отдаленность его от Москвы и других культурных центров России. Это приводило к относительной отсталости местной культуры. До XVIII века здесь не было ни одной школы. Дети духовенства, приказных людей, некоторых купцов получали начальное образование у домашних учителей, какими являлись монахи, попы, подьячие, которые сами были малообразованными людьми. Основная масса населения — крестьяне, ремесленники, мелкие посадские люди — за редким исключением были неграмотными. Тем не менее грамотность, письменность и образованность населения края постепенно росли.

О письменности на Вятке до присоединения ее к Москве сведений не сохранилось. Но она, несомненно, существовала. На раскопках Никулицкого городища был обнаружен стиль для письма (так называемое «писало» — заостренная костяная палочка), аналогичный найденным при археологических раскопках в Великом Новгороде. Это дает основание думать, что вятчане, как и новгородцы, пользовались берестяными грамотами и, следовательно, умели читать и писать. Но самих берестяных грамот на Вятке пока не обнаружено. Наличие на Вятской земле церкви и духовенства, а также какого-то канцелярского аппарата у местных воевод, ватаманов и подвойских тоже свидетельствует о существовании пись-

менности. Со времени окончательного присоединения к Москве, в Вятском крае было создано новое управление, общее для всего Московского государства. Широкое развитие получило письменное делопроизводство. В XVII веке в связи с образованием Вятской и Великопермской епархий расширилось письменное дело в церковном управлении. С развитием торговли и промышленности грамотность в известной степени стала распространяться среди посадских людей и крестьян. Но эта письменность имела чисто деловой, канцелярский характер.

Известный рост образованности и письменности создал условия для зарождения литературы. В последней четверти XVII века при кафедре архиепископа Ионы Баранова сложился кружок книжников, создавший несколько литературных произведений. К ним относятся исторические повествования «Вятский временник», «Повесть о стране Вятской», «Летописец старых лет». Составителем «Вятского временника» считается С. Ф. Попов, дьячок Богоявленского собора, близкий к окружению архиепископа Ионы Баранова. Некоторые статьи «Временника» были написаны сыном Попова, Иваном. Известные нам факты из жизни Попова, правда, очень скудные, говорят о том, что составление «Вятского временника» проходило под наблюдением архиепископа Ионы. Возможно, что он был вдохновителем Попова и снабжал его необходимыми источниками. «Повесть о стране Вятской» была составлена в конце XVII века неизвестными вятскими книжниками, также связанными с кружком архиепископа Ионы. Есть основания полагать, что первоначальный текст «Повести» подвергся переработке в начале XVIII века и дошел до нас в этой более поздней редакции, значительно изменившей текст протографа. Что касается «Летописца старых лет», то его текст был написан разными лицами и в разное время, а затем в начале XVIII века довольно механически соединен в одно общее повествование. По мнению А. С. Верещагина, основная часть «Летописца» была составлена одним из Рязанцевых, известным на Вятке в то время купцом суконной сотни. Последнюю же часть «Летописца» о событиях конца XVII века составил один из церковников, входивших в окружение Ионы Баранова.

По заказу архиепископа Ионы специальный агиограф написал «Житие преподобного Трифона Вятского», в котором действительные факты из жизни основателя Успенского монастыря были переплетены с вымышленными. Автор «Жития» неизвестен, но он, несомненно, был вятчанином, хорошо знавшим местный край и сумевшим отметить некоторые реальные черты быта вятских и приуральских жителей.

В это же время было составлено «Житие блаженного Прокопия Вятского». Этого «святого» вятские деятели канонизировали в прямом смысле этого слова, по образцу известного московского

Василия Блаженного. Прототипом послужил юродивый Прокопий Плушков, происходивший из крестьян Слободского уезда. Он питался подаванием то в Слободском, то в Хлынове, удивляя жителей своим странным поведением. Автор «Жития» связал имя Прокопия с Трифоном Вятским, который исцелил Прокопия от болезни еще в детстве и повлиял на него в выборе жизненного пути. В связи с этим агиографу пришлось сделать Прокопия младшим современником Трифона и датировать его жизнь между 1578 и 1628 годами.

Большим вниманием церковных писателей XVII века пользовалась икона «Николая Великорецкого», культ которой возник на Вятке, вероятно, в конце XV века и получил особенно большое распространение благодаря двукратному «путешествию» этого образа в Москву и обратно; первый раз в 1555—1556 годах при Иване Грозном и второй раз в 1614—1615 годах, в первые годы царствования Михаила Федоровича Романова. Эти «путешествия» снискали большую популярность иконе. В середине XVII века вятские книжники написали «Повесть о явлении чудотворного образа Великорецкого». Но это сочинение явно не удовлетворило вятское церковное руководство, особенно, когда во главе его встал архиепископ Иона.

«Повесть» была написана простым языком в наивно-повествовательном стиле, ничего не говорила о древнем происхождении иконы и прямо указывала, что она составлена на основе смутных преданий. «Слышахом от многих древних людей, — начинается «Повесть» свое изложение, — о проявлении честного сего образа, сие не смехом (не смели — А. Э.) забвению предати... колко возмогахом и слышахом, тако и написахом».

По благословению архиепископа Ионы церковные писатели в конце XVII — начале XVIII века составили новое повествование об иконе Николая Великорецкого, причем за образец они взяли сказание о Тихвинской иконе божьей матери, написанное в 1674 году, под руководством того же Ионы Баранова, который в то время был архимандритом Тихвинского монастыря и привез оттуда в Хлынов это сказание и копию Тихвинской иконы. Вятские агиографы позаимствовали из сказания об этой иконе не только риторический и весьма витиеватый стиль изложения, но и некоторые чудеса и самую дату «явления» иконы — 1383 год.

Таковы исторические и агиографические произведения, составленные вятскими книжниками в XVII веке. Излагая некоторые события русской истории и истории Вятского края, они имеют большое познавательное значение, хотя содержат немало хронологических и фактических неточностей. Развитие письменности на Вятке в XVII веке свидетельствует о зарождении местной литературы. Однако она не являлась изолированной от общерусского лите-

ратурного процесса. Напротив, достаточно ясно прослеживается ее связь с русской литературой того времени. Местные писатели были хорошо знакомы с некоторыми летописями, житийной литературой, творениями «отцов церкви».

Круг чтения вятчан в XVII веке был довольно обширным. В местных монастырях и у частных лиц имелись значительные собрания рукописных книг и новых печатных изданий. До нашего времени сохранились некоторые книги из этих собраний, в частности, «Хронограф» («Гранограф») третьей редакции, «Космография» по Меркатору, «Вятский временник», а также первопечатное Евангелие, изданное Иваном Федоровым...

* * *

Значительное развитие в Вятском крае в XVII веке получило строительное искусство. Жилые дома строились из дерева по установившимся исстари на Руси правилам и приемам. К сожалению, описаний вятских домов не сохранилось, но, несомненно, на их облике сказывалось социальное расслоение общества. Начальные люди, богатые купцы, представители духовенства строили более или менее обширные палаты на подклетьях, с сенями, горницами, светелками, тогда как рядовые посадские люди и крестьяне ютились в маленьких черных избах, крытых соломой. Однако наблюдалось стремление к украшению фасадов домов деревянной резьбой в виде оконных наличников, карнизов, балясин. Вятчане издавна славились искусством резьбы по дереву.

Большой сдвиг произошел в области оборонного и церковного строительства. Накануне Крестьянской войны под предводительством Степана Разина оборонительные укрепления Хлынова подверглись коренной перестройке. Она производилась в 1663—1666 годах. До этого времени город имел деревянные укрепления. Стоявший на мысу, образованном крутыми, высокими берегами реки Вятки и оврага Засоры, кремль был окружен двумя деревянными стенами с восемью башнями. В четырех из них имелись проездные ворота. Общая длина стены достигала 420 саженей. К западу и северу от кремля раскинулся посад, разместившийся между Засорой и Раздерихинским оврагом. Он был окружен деревянным острогом, имевшим подковообразную форму. Западная дуга острога шла от верховьев Раздерихинского оврага до Епихова потока, протекавшего по городу и впадавшего в Засору близ современной улицы Ленина. На западе стена острога доходила почти до современной улицы Свободы. Южной границей города являлся Засорский овраг, за которым стоял Трифонов монастырь, окруженный деревянной оградой. На востоке Хлынов омывался водами реки Вятки, на противоположном берегу которой находилась слобода Дымково. В первой половине XVII века город стал расти в западном

направлении и вышел за пределы острога, достигнув примерно линии современной улицы Володарского. Возникла необходимость значительного расширения посадских укреплений.

В результате перестройки оборонительных сооружений в 1663—1666 годах при воеводе Григории Афанасьевиче Козловском Хлынов превратился в мощную крепость. Деревянные стены были заменены земляными валами. Это больше соответствовало усилившейся за XVII век сокрушительной мощи артиллерийского огня. Каменные или чугунные пушечные ядра довольно легко разрушали деревянные стены, пробивая в них бреши, через которые противник врвался в крепость. Попадая же в земляные валы, ядра зарывались в землю, теряли пробойную силу и практически застревали в валу.

Хлыновский кремль теперь был окружен земляным валом высотой в 7 аршин, на котором были набиты зубцы из заостренных сверху бревен, за которыми находились наполненные землей туры. Высота их равнялась одному аршину. С внутренней стороны вал был укреплен бревенчатыми тарасами, а берег реки — деревянными срубами из пяти рядов толстых бревен. В линию вала были встроены деревянные башни. На западной стороне их было две: Спасская и Воскресенская, на северной — одна Богоявленская, на берегу Вятки — Никольская и на круче оврага Засоры — Покровская башня. Главная из них Спасская башня имела высоту 20 саженей. Остальные были ниже, но тоже достаточно высокие. Верхи башен увенчивались шатровыми крышами. На разных уровнях в башнях были прорезаны бойницы для ведения стрельбы.

Спасская, Воскресенская и Богоявленская башни имели проезжие ворота, которые закрывались створчатыми дверями и падающими сверху деревянными решетками. В наиболее важных местах земляной стены были устроены так называемые «выводы», то есть выступающие вперед от внешней стороны стены четырех-пятистенные срубы, из которых можно вести по противнику как фронтальный, так и фланкирующий огонь. Общая протяженность кремлевской стены (вала и башен) достигала, как и раньше, 420 саженей. Важнейшим средством обороны кремля был ров, прорытый вдоль западной и северной стен вала на протяжении 120 саженей и имевший в глубину 15 и в ширину 14 саженей. Глубина рва в XVII веке измерялась от вершины стены до дна рва («по осыпи вниз»). Таким образом, собственно кремлевский ров имел глубину 12 саженей. Ров пролегал примерно по линии современной улицы Динамовский проезд и был заполнен водой. От проезжих башен через ров были перекинuty мосты с перилами, которые, видимо, можно было быстро развести в случае опасности. Кремль был хорошо снабжен оружием. В башнях стояли большие пищали на колесных станках, имелись склады мушкетов, ручных пищалей, бердышей и другого оружия. Между Спасской и Воскресенской

башнями был устроен пороховой погреб, в который из города шел подземный ход («труба»), выложенный кирпичом и запиравшийся с обоих концов железными решетками.

Сильные укрепления имел также посад города Хлынова. Он был окружен земляным валом в 4 сажени и протяженностью почти 3 километра (1476 саженей). Вал имел подковообразную конфигурацию и охватывал посад с трех сторон. Он начинался от юго-западного угла кремлевской стены, где находился Наугольный вывод. Отсюда вал шел на запад по левому берегу Засоры до впадины в нее с севера небольшого овражка. Здесь вал круто поворачивал на северо-запад и взбирался на холм до его вершины. Отсюда вал поворачивал на северо-восток и далее на восток по склону холма, от которого начинался длинный и пологий спуск к Луковицкому оврагу. Обогнув посад с севера, вал выходил к Раздерихинскому оврагу у его поворота с северного направления на восточное к реке Вятке. Далее вал направлялся по левому берегу оврага до его верховьев, откуда переходил на правый берег Раздерихинского оврага и шел до крутого берега Вятки. Здесь вал круто поворачивал на юг и по берегу Вятки шел до северо-восточного угла кремлевской стены, соединившись с ней около Богоявленской башни. Если принять современную планировку города Кирова, то направления земляного посадского вала от Засоры до Раздерихинского оврага можно провести в основном по улице Володарского (быв. Никитской), Степана Халтурина (быв. Пятницкой) и Труда (быв. Раздерихинской). Вдоль стены вала от Засоры до Раздерихинского оврага был прорыт ров шириной в четыре и глубиной в две сажени. Между ровом и валом был построен острог из заостренных сверху бревен, укреплявший внешнюю сторону вала.

В посадский вал были встроены деревянные башни, подобные кремлевским. Одна из них — Успенская проезжая башня — стояла над кручей Засоры недалеко от угла кремлевской стены. Через нее можно было въехать в город на торговую площадь, находившуюся перед кремлем у Спасской башни. Другая — Никитская проезжая башня — находилась на юго-западном углу вала при повороте его к северо-западу. От этой башни начиналась дорога в Казань. Остатки Никитской башни до сего времени видны на территории Детского парка.

Следующая, самая большая на посадском валу — Московская проезжая башня — стояла в самом западном пункте укреплений на вершине холма. На башне имелась вышка для наблюдения за местностью. Через эту башню шла Московская дорога. За зданием кинотеатра «Победа» сохранились остатки вала, на котором стояла эта башня. Далее находилась Ильинская башня, являвшаяся самым северным пунктом крепости. Она стояла на дуге вала при повороте его на восток. От нее шла дорога к Филейской слободе. Остатки

вала на его северном отрезке сохранились на углу улиц Володарского и Степана Халтурина и близ угла улиц Свободы и Труда. Видимо, на этом месте и стояла Ильинская башня. Следующая — Пятницкая башня — находилась в начале Раздерихинского оврага. Она была проезжей и выводила к спуску на перевоз через реку Вятку. На высоком, крутом правом берегу Раздерихинского оврага, господствуя над речным перевозом, стояла Сретенская башня, от которой вниз сбегала извилистая тропа к реке. На мысу, образованном берегами оврага и реки, был построен вывод «Веселуха». На этом месте теперь стоит береговая десятиколонная ротонда ЦПКО имени Степана Халтурина. Посадский вал замыкала Преображенская башня, стоявшая недалеко от Богоявленской башни кремля и Хлыновского женского монастыря.

Кроме башен в стратегически важных пунктах посадского вала были построены выводы, городни и обламы. Городни представляли собой бревенчатые срубы, наполненные землей и щебнем и покрытые шатровыми крышами. Они на одну сажень были выше уровня вала. На некоторых городнях имелись обламы, то есть выступающие вперед площадки, защищенные деревянным брусом, доходящим до груди человека. Они предназначались для ведения фланкирующего огня. Обламы имелись не только на городнях, но и непосредственно на валу. В целом Хлынов в XVII веке являлся сильной двухрядной крепостью, вполне соответствующей уровню фортификационного искусства того времени. Вместе с тем он по своему облику превратился в красивый город, окруженный зеленеющими валами и увенчанный двенадцатью шатровыми башнями.

Искусство Вятского края, наряду с архитектурой, было представлено живописью, тоже преимущественно культовой. Храмы Вятского края щедро расписывались фресками и украшались многочисленными иконами, выполненными по большей части темперой. Сохранилось свыше ста редчайших памятников церковной живописи XIV—XVIII веков. Стенная роспись и иконы исполнялись местными живописцами, создавшими свою манеру письма. Но часть икон привозилась из Москвы, Суздаля, Владимира и других городов России. Некоторые произведения, написанные неизвестными вятскими мастерами-иконописцами, находятся ныне в собрании Кировского областного художественного музея имени братьев Васнецовых.

Наиболее чтимым на Вятке был образ Николая Великорецкого, считавшийся чудотворным. Время написания этой иконы является спорным. По литературному источнику — «Повести о явлении чудотворного образа Великорецкого», написанной в середине XVII века и основанной на устных преданиях, икона якобы «явилась» в 1383 году на реке Великой одному крестьянину, неиз-

вестному по имени, но некоторые исследователи высказывают предположение, что икона была написана в конце XV — начале XVI века. Культ Николая Мирликийского был вообще широко распространен на Вятке и насаждался церковным руководством, чтобы успешнее христианизировать нерусское население (удмуртов, марийцев, коми). В связи с этим иконописцы создали много икон Николая. Из них следует отметить икону «Никола в житии» с восемью клеймами, то есть отдельными небольшими образками, окружающими центральный образ и изображающие эпизоды из «жития» святого. Эти клейма выполнены с замечательным мастерством.

С конца XIV века стал распространяться культ иконы Владимирской божьей матери, что, вероятно, связано с вхождением Вятской земли в состав Владимирско-Суздальского княжества. К этому времени относится написание иконы Владимирской богородицы, хранившейся затем в церкви села Истобенска. Она является интересным образцом древней темперной живописи. К XIV веку относится также икона «Иоанна Предтечи в житии», находящаяся в Екатерининской церкви г. Слободского. Это уникальное произведение вятской живописи, на котором Предтеча изображен в окружении 13 клейм, передающих отдельные эпизоды из жизни мифического Иоанна Крестителя.

В XVI веке вятские иконописцы создали целую серию икон «нерукотворного Спаса», изображающих лицо Христа, чудесным образом запечатленное на полотняном платке. Из этой серии следует отметить икону «Спас на убрусе», хранившуюся в Серафимовской церкви г. Кирова (древнерусское слово «убрус» означает платок, полотенце). Несколько художественно выполненных икон имелось в Верхочепецком монастыре. Они хранились потом в слободской Екатерининской церкви. Ценны в художественном отношении красногорские иконы, находящиеся в Троицкой церкви села Зыкова Нолпинского района, куда их передали из закрывшейся церкви села Красногорья.

В XVII веке в связи с появлением на Вятской земле монастырей, а затем образованием епархии, духовенство приложило немало усилий, чтобы создать местные «святыни». Во времена архиепископа Ионы был написан образ «Трифона Вятского», деталью которого является рисунок, изображающий кремль города Хлынова с его храмами, палатами и стенами. Под рисунком имеется подпись «Столны Град Хлынов стоит над рекою Вяткою». Это единственный дошедший до нашего времени вид Хлынова конца XVII века. На этом рисунке, несмотря на искаженную перспективу, можно узнать каменный кафедральный собор и архиерейский дом, а это указывает на то, что икона Трифона была написана не раньше 1683 года. Другая икона Трифона сохранилась на иконостасе дере-

вянной Михаило-Архангельской часовни в Слободском. Сам иконостас был создан во время строительства часовни-башни в начале XVII века, но иконы Трифона на нем не было и не могло быть, поскольку Трифон еще не был канонизирован. По-видимому, эта икона была написана и вставлена в иконостас после канонизации Трифона и «открытия» его мощей в 1690 году. Поэтому относить написание этого образа к началу XVII века и считать его подлинным портретом игумена Трифона, как думают некоторые искусствоведы, нельзя.

Кроме икон Николая Великорецкого и Трифона Вятского, местной «святыней» стал образ «Спаса Всемилоствитного», находившийся на паперти Троицкого собора и начавший творить «чудеса» 12 июля 1645 года, в день воцарения второго царя из дома Романовых — Алексея Михайловича. По приказу патриарха Иоасафа эта икона в 1647 году была перевезена в Москву и оставлена там навсегда в Новоспасском монастыре. С нее была снята копия, которую отправили в Хлынов. Фроловские ворота московского кремля, через которые вятскую икону внесли в кремль, были в честь этого события переименованы в Спасские ворота, а Фроловская башня — в Спасскую. Эти названия сохранились до наших дней.

Все эти произведения архитектуры и живописи были созданы трудом и талантом простых русских людей, вложивших в них свое искусство и мастерство.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Вятка в воспоминаниях современников

из «записок о московии»¹ СИГИЗМУНДА ГЕРБЕРШТЕЙНА²

Область Вятка, за рекою Камою, лежит почти в 150 милях на восток от Москвы: кратчайшая дорога к ней идет через Кострому и Галич, но она трудна, ибо кроме болот и лесов, которые затрудняют путь, между Галичем и Вяткою еще разбойничают бродящие там черемисы. Поэтому едут в Вятку через Вологду и Устюг, путем более долгим, но за то более легким и безопасным. Вятка же отстоит от Устюга на 120 миль, от Казани на 60. Страна получила свое название от реки, на берегу которой находятся Хлынов, Орлов и Слободской. Орлов отстоит на четыре мили ниже Хлынова.

¹ Календарь Вятской губернии на 1893 год. Вятка, 1892. С. 341—342 (отд. 3).

² Сигизмунд Герберштейн (1486—1566), родом из Австрии, приезжал в Москву два раза — в 1517 и 1525 г., с дипломатическими поручениями императоров Максимилиана и Карла V. Его сочинение о Москве признается одним из самых капитальных, писанных иностранцами о России. Кроме личных воспоминаний и наблюдений Герберштейн пользовался и русскими летописями.

Потом в шести милях ниже, к западу, стоит Слободской. Котельнич же находится в восьми милях от Хлынова на реке Речице, которая течет с востока между Хлыновым и Орловым и впадает в Вятку. Страна болотиста, бесплодна и служит как бы убежищем беглых рабов; изобилует медом, дикими зверями, рыбой и белками. Прежде она была подвластна татарам, да и теперь по сю и по ту сторону Вятки, в особенности при впадении ее в Каму властвуют татары. Дорога считается там чункасами, а чункас содержит в себе пять верст. Река Кама изливается в Волгу двенадцатью милями ниже Казани; за этой рекой лежит область Сибирь.

ИЗ «ИСТОРИИ О ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ МОСКОВСКОМ»¹ ПЕТРА ПЕТРЕЯ ДЕ-ЕРЛЕЗУНДА²

Княжество Вятка — большая страна, очень изобильная медом, дичью и рыбою; можно поставить ее на ряду с самыми лучшими краями. Но там не очень хлебородная земля, потому что она мшиста и болотиста, орошается множеством рек и речек, и поросла густым кустарником и лесом. Жители пограничны с черемисами, которые часто нападают на них с огнем и мечом и приносят домой много добычи. Встарину владели ими татары. Когда же великий князь Московский покорил Казань, он также овладел и черемисой. По этой области текут две большие реки: одна называется Вятка, от которой страна и город получили свое имя; близь этой же реки построены четыре другие города: Хлынов, Орлов, Котельнич и Слобода. Другая река называется Кама и граничит с Сибирью. Жители области платят великому князю дань, большей частью — мехами.

Исторические очерки

Л. Д. МАКАРОВ

РУССКИЕ ПОСЕЛЕНЦЫ НА БЕРЕГАХ ВЯТКИ (По данным археологических исследований)

Вопрос о времени появления русских людей в бассейне реки Вятки долго оставался нерешенным. Дело в том, что предметом спора ученых была «Повесть о стране Вятской», в которой начало русского заселения края относится к 80-м годам XII в. Казалось бы, все ясно! Однако некоторым историкам (А. А. Спицыну, А. С. Верещагину, Л. Н. Сласской, П. Н. Луппову и др.) показалось подозрительным, что уж очень похожи две даты. Одну из них содержит «Повесть» — 1174 г. как год поселения отряда

¹ Календарь Вятской губернии на 1893 год. Вятка, 1892. С. 342—343 (отд. 3).

² Швед П. Петрей был в России несколько раз с разными поручениями. В его сочинении кроме заимствовавший из разных источников (напр., из наблюдательного К. Буссова, жившего в России с 1601 г. в смутное время), много самостоятельных сведений, которые он имел возможность приобрести во время поездок по России (напр., к третьему самозванцу). Первое издание сочинений П. Петрея вышло в 1620 г.

новгородцев в низовьях Камы, а другую приводят некоторые русские летописи — 1374 г. как год захвата Вятки новгородскими ушкуйниками. А поскольку попавшие в руки исследователей списки «Повести» появились на свет на рубеже XVII—XVIII вв., было высказано предположение, что переписчики либо сам составитель этого литературного памятника, дабы придать Вятке большую древность, намеренно или по ошибке отнесли начало появления новгородцев на Вятке на 200 лет раньше, чем это событие произошло на самом деле. Попытки выяснить истину с помощью других письменных источников, а также данных языкознания, топонимики и этнографии позволили уточнить некоторые не совсем понятные частности, но существенно повлиять на решение проблемы не могли. И лишь раскопки русских археологических памятников дали возможность прийти к более или менее однозначному ответу на вызвавший такие бурные дискуссии вопрос.

Началу ранней славянской колонизации Вятского края благоприятствовала обстановка, сложившаяся в конце I — начале II тыс. н. э. на восточных окраинах Древней Руси, где активно протекали процессы мирного контактирования и смешения с местными финскими племенами. Многие из этих племен упоминает в качестве данников Руси «Повесть временных лет»: «Чюдь, Меря, Весь, Муром, Черемись, Мордва, Пермь, Печера...». Предприимчивые новгородцы организовали в XI—XIII вв. серию крупных походов на европейский Север и даже за Уральский хребет с целью получения пушнины. К началу XII в. их поселения достигают Северной Двины.

Еще более активно заселение северных территорий славянами протекает во второй половине XII в., ознаменовавшейся серьезным соперничеством за стратегически выгодные верхнедвинско-южские территории между новгородцами и ростовцами. В ходе нескольких крупных боевых операций ростовцам удалось переломить события в свою пользу и закрепиться в верховьях Северной Двины, где в 1178 г. была заложена крепость Гleden, а затем и город Устюг Великий в устье реки Юг. Одновременно появляется цепочка городищ в бассейне р. Вычегды. Укрепленные поселения новгородцев возникают в низовьях р. Печоры. Существенный славяно-русский комплекс памятников обнаружен в бассейнах Унжи, Ветлуги и нижегородского участка Волги. Несмотря на упорное противодействие Волжской Болгарии, которая сама стремилась закрепиться на заволжских и двинских землях (вспомним походы болгар 1218—1219 гг. на Устюг и Унжу и ответные акции устюжан и унженцев), ростовцы успешно осваивали и этот регион, закрепляя его за собой постройкой таких военно-политических форпостов, как Городец (середина XII в.), Унжа (начало XIII в.), Нижний Новгород (1221 г.). Кстати, в поселениях самой Волжской Болгарии проживало довольно многочисленное славянское и финское население.

Поэтому те сведения, которые дает «Повесть о стране Вятской», заставляют вполне доверительно отнестись к ее утверждению о начале русской колонизации нашего края по крайней мере в конце XII — начале XIII в. (точные даты все же вряд ли достоверны). Удивительно, но факт — многие приведенные «Повестью», порой даже, казалось бы, недостоверные, сведения с каждым новым шагом в изучении славянских древностей вятской земли так или иначе находят свое подтверждение.

Начнем с того самого городка на Каме, который, как указывает

«Повесть», был выстроен беглыми новгородцами в 1174 г. Попытки соотнести его с каким-либо конкретным местом предпринимались неоднократно, однако вряд ли удастся когда-нибудь отыскать этот городок: 7-летнее существование его — слишком малый срок для отложения значительных культурных остатков. Важно другое — сама вероятность проживания русских людей на северо-восточной окраине Волжской Болгарии. Как уже указывалось, славяно-русские находки в ее прикамских районах достаточно многочисленны. Обнаружены они в сельских поселениях, прибрежных торговых центрах, в городах же выявлены как отдельные русские жилища (например, в Биляре), так и довольно компактные группы жилых и хозяйственных построек (Булгар).

Археологические раскопки, проведенные на Никульчинском городище во второй половине 1950-х годов Л. П. Гуссаковским, а позже Л. Д. Макаровым, дали великолепные результаты. Городище площадью 1 га защищено двумя валами и рвом. Внешний вал сохранился лишь на высоту 1 м, зато внутренний даже сейчас возносится на 4 м. Глубина рва достигает трех метров. В мысовой части имеются остатки более древнего вала высотой до 2 м и почти полностью заплывшего рва шириной 10 м. Эти укрепления отгораживают от основной площадки так называемое «малое городище» (1.500 кв. м.). Именно эта часть памятника и подверглась в основном раскопкам, т. е. «большое городище» почти полностью разрушено церковным кладбищем XVI—XIX вв. и для исследования малоприспособно. Всего было раскопано 1667 кв. м площади.

«Малое городище» было сооружено еще в ананьинское время (IV—III вв. до н. э.), затем укрепления подсыпались людьми хундовской (находки I—V вв. н. э.) и еманаевской (VIII—IX вв.) культур, и, наконец, здесь обосновались те самые «чужд и отяки» кочергинской культуры, которые и обороняли крепость от нападения новгородцев. Следы их проживания явились отдельные предметы и четыре ямы с находками X—XII вв., засыпанные сверху древнерусскими напластованиями XII—XIII вв. От этого начального славяно-русского времени сохранилось всего несколько ям хозяйственного назначения, расположенных равномерно по всей площади «малого городища». Следы наземных домов были, по-видимому, уничтожены при последующем строительстве. Вполне вероятно, что на начальном этапе русские колонисты использовали старые укрепления, доставшиеся им в наследство от прежних жителей, отремонтировав их и дополнительно укрепив.

Настоящим городом Никулицын становится позднее — во второй половине XIII—XIV вв., когда сюда направляется поток беженцев из разоренных монголо-татарами земель. К этому времени относится более 20 ям и сооружений. В их числе 12 жилых и хозяйственных землянок, расположенных на раскопанной части городища тремя рядами параллельно берегу Вятки (с севера на юг), при этом древнейший вал был этими постройками нарушен. Таким образом, приблизительно в это время жители Никулицына соорудили описанные выше грандиозные укрепления, представлявшие собой, вероятно, внутривальные срубы, забутованные глиной, поверх которой располагалась срубная же стена с бойницами для стрельбы, угловыми башнями и воротным устройством для въезда в город. К сожалению, эта часть памятника раскопкам пока не подвергалась. Вдоль крутых склонов мыса был забит частокол.

Сооружение жилых землянок и одно- или двухкамерных полуземля-

нок с глинобитными печами или печами-каменками со всей очевидностью свидетельствуют о южнорусских традициях в домостроительстве, поскольку для северных территорий Руси были характерны наземные срубные дома, более удобные в условиях сурового холодного климата. Сомнительно, чтобы построившие их люди пришли на Вятку непосредственно из киевской или черниговской земель, хотя и этот вариант, конечно, возможен. Однако вероятнее всего, что это потомки тех южан, которых переселил в свои ростово-суздальские вотчины около середины XII в. князь Юрий Долгорукий: их землянки обнаружены во время проведения раскопок в Суздале, Городце, Ярополче и других городах.

Использование землянок под жилье в наших климатических условиях себя не оправдало (в них было холодно и сыро), поэтому уже в первой половине XIV в. начинают строить наземные дома, от которых остались только подпольные ямы. К концу XIV в. жители города производят его перепланировку: постройки располагаются теперь под углом к берегу реки, но параллельно противоположному краю площадки. Одновременно вдоль этого довольно пологого склона вместо ненадежного частокола возводятся новые оборонительные сооружения в виде срубных клетей, нижний уровень которых использовался под жилье и хозяйственные нужды. Между этими укреплениями и первым рядом построек (а всего таких рядов насчитывается на раскопе до 4—5) для проезда было оставлено пространство в виде улочки шириной 2—4 м.

После 1489 г. город Никулицын окончательно захирел и был оставлен его жителями, переехавшими в возникшее рядом село. На городище оставалась лишь церковь, впервые упомянутая в 1620 г., а площадка постепенно заполнилась православным кладбищем.

В ходе раскопок Никульчинского городища выявлено огромное количество разнообразных находок, составляющих едва ли не треть всего древнерусского комплекса памятников Вятской земли. Особенно бросается в глаза преобладание предметов вооружения, почти все категории которого здесь представлены. Это говорит об особом статусе Никулицына в системе обороны края. Однако население города занималось и вполне мирными делами: были найдены остатки гончарного горна, кузницы, домницы для сыродутной варки железа, следы медеплавильного, косте- и камнерезного производств, ткачества, металло- и деревообработки. Горожане обрабатывали землю, выращивали скот, ловили рыбу, охотились. Обнаружены также железное писало — красноречивый свидетель грамотности людей, шахматные фигуры и игральные фишки, детские игрушки и музыкальные инструменты. Находки крестиков и иконок свидетельствуют о православии их владельцев, хотя есть и языческие амулеты, говорящие о сохранении даже в среде городского населения дохристианских предрассудков. Обнаружение импортных украшений и золотоордынских монет характеризует широкие связи Никулицына как с Западом, так и с Востоком. Столь разнообразная материальная культура явно выделяет город из числа других вятских центров и ставит его на первое место в ряду претендентов на роль объединителя как русских поселенцев, так и аборигенов края — удмуртов в какой-то единый политический организм. Однако история распорядилась по-иному.

Рядом с городом возникают селища, в которых жило, по-видимому, посадское население. Так, в 100 м к югу от укреплений городища выявлено Никульчинское поселение, с распаханной поверхности которого (0,5 га)

собран разновременный, в том числе древнерусский, материал. Под остатками XV—XVII вв. выявлен древнерусский культурный слой, в том числе следы срубных сооружений в виде канавок от нижних венцов и подпольная яма крупных размеров (2,6х1,8 м) глубиной до 0,7 м от современной поверхности, в которой найдены железные гвозди и нож, шлаки, кости животных, кремневый отщеп и фрагменты керамики, бытовавшей в пределах XII—XV вв. Направление следов построек вдоль края террасы дает возможность предполагать существование рубленых в виде клетей укреплений посада.

Другое селище — Никульчинское IV — располагалось к востоку от предыдущего на невысокой надпойменной террасе, в которой выявлен обнаженный подмывами реки мощный культурный слой (до 1 м) с находками древнерусского времени. В 150 м к юго-западу от большого вала городища располагался могильник, на котором в 1958 г. Л. П. Гуссаковский выявил одно захоронение, а в 1960 г. — еще 15. На раскопанной части обнаружено 5 рядов погребений, умершие лежали в неглубоких (около 1 м) ямах головами на запад или юго-запад. Никаких вещей при них не обнаружено, лишь в могиле № 6 найдено скопление угля — видимо, признак сохранявшегося еще языческого обряда трупосожжения. О языческих же суевериях, возможно, свидетельствует погребение № 15, в котором умерший лежал с согнутыми в коленях ногами и слегка привалившись на левый бок. Ученые полагают, что такое положение скелета произошло от связывания или же помещения покойного в мешок с целью обезопаситься от козней шамана-волхва после его смерти.

Никулицын стал городским центром формирования сельской округи. Вокруг него в радиусе 20 км обнаружено около десяти поселений, древнейшие из которых относятся к XII—XIII вв. Селища обнаружены и на территории будущего г. Хлынова. Городища были выдвинуты на предполагаемые границы волости. Так, вверх по Вятке роль сторожевой крепости играло расположенное на высоком холме Подчуршинское городище XIII—XIV вв., раскопки которого в 1988 г. на площади 148 кв. м показали мощь оборонительных стен, делавших городок практически неуязвимым со всех сторон. По древнерусской традиции нижний уровень укреплений использовался, как и в других крепостях, под жилье и хозяйственные помещения. Верхний уровень был, по-видимому, покрыт тесовой двускатной кровлей и был снабжен бойницами. Для улучшения обзора и, в случае осады, обстрела неприятеля обычно сооружались башни, что и было предпринято строениями крепости, устроившими предположительно три башни квадратной формы под шатровыми крышами. Одна из башен была проезжей.

Во время раскопок найдены предметы воинского вооружения: 4 железных наконечника стрел, в том числе бронебойный, навершие меча с обломком рукояти, две пластины от панцирного доспеха, бронзовый умбон от щита, обломок лезвия топора, боевые ножи, детали ножен, рукояти ножей, пряжки, кольца и удила от конской сбруи. Однако в свободное от ратных дел время жители крепости занимались и хозяйством: земледелием (найден нож-чересло от плуга и серп), скотоводством и разведением птицы (находки костей, обломка косы), охотой и рыболовством, обработкой металла, плетением, ткачеством, обработкой кости и дерева, строительными и ремонтными работами.

Найдены на городище и бытовые предметы (замки и ключи, обломки железной, бронзовой и глиняной посуды, кресало с кремнями, игральные

кости), украшения (перстни, нашивная бляшка, поясная накладка, свинцовый грузик, фрагмент янтарной бусины), а также створки креста-энколпиона с изображением распятия Иисуса Христа, Богоматери и святых, который был отлит в первой трети XIII в. Судя по найденным во многих глиняных сосудах примесям толченных раковин, шамота (измельченных обломков керамики), кусочков сухой глины, мелконарезанной растительности и даже навоза (на Руси обычно использовали для улучшения технологических свойств глины добавки песка или мелкодробленого камня-дресвы), на поселении проживало и древнеудмуртское население, по-видимому, в основном женщины, выходившие замуж за русских жителей.

Дело в том, что гончарным делом в древности занимались преимущественно женщины. Вот и в данном случае они лепили горшки ручную либо формовали их с помощью гончарного круга, но рецептуру глиняного теста сохраняли традиционную для древних удмуртов. Аналогичная посуда (ее называют славяноидной) обнаружена на большинстве древнерусских вятских поселений, что свидетельствует о значительной доле смешанных браков и постепенном обрусении коренного населения. Помимо посуды об этом говорит и обнаружение бронзовых финно-угорских женских украшений, также сохраняемых их владелицами в память о своем происхождении, а порой и передаваемых дочерям по наследству.

Вверх по Чепце земли Никулицына охранял от вероятного противника гарнизон Кривоборского городища (0,3 га). Здесь выявлены две крупные подпольные ямы с упавшими в них остатками печей и найдены железные (ножи, клин от топора, замок, наконечник стрелы) и глиняные (пряслище, русская и славяноидная посуда) вещи XII—XIV вв. В низовых реки Л. А. Сенникова открыла Усть-Чепецкий могильник, на котором в 1993 г. исследовала 22 погребения, располагавшихся пятью рядами. Останки помещались в неглубоких (35—40 см) ямах головой на запад. В отдельных могилах найдены следы гробовищ, бересты и коры, а также обломки древнерусской керамики, железная скоба и гвоздь. Могильник существовал, судя по особенностям посуды, между XII и XV вв. В пользу ранней даты говорят языческие пережитки: ритуальное битье посуды, обломки которой попадали в ходе похорон в могилы, и признаки культа огня в виде угольков в заполнении ям. А такие черты погребального обряда, как использование конструкций из бересты и коры, примеси раковин в керамике свидетельствуют об этнически смешанном (русско-удмуртском) составе умерших. Проживание здесь некогда удмуртов подтверждают писцовые книги XVII в., особенности местного говора и топонимических названий, содержание русских и удмуртских преданий.

Вниз по Вятке от Никулицына располагался куст поселений, концентрировавшихся вокруг будущего г. Хлынова, на месте которого сначала существовало, по предположению открывшего его в 1956—1958 гг. Л. П. Гуссаковского, неукрепленное поселение. От него до нас дошли следы наземных построек и фрагмент полужемлянки, а также остатки изгороди. Крайними форпостами здесь явились два городища. Одно из них — Чижевское, постоянно посещаемое археологами-разведчиками вот уже на протяжении 225 лет, но так ни разу всерьез и не раскапывавшееся. Выявленные здесь весьма малочисленный древнерусский материал (керамика, железные вещи), но довольно значительный по толщине культурный слой свидетельствуют не только о существовании крепости, но и о месте постоянного поселения.

Другое городище — Вятское — памятник во многом уникальный. Находится он на территории парка им. Ст. Халтурина в г. Кирове. В 1959 г. Л. П. Гуссаковский заложил в мысовой части парка (близ ротонды А. Л. Витберга) серию шурфов, в шести из которых были выявлены дорусские напластования с находками лепной керамики, двух раковин-подвесок, бронзовые копоушки и обоймы от ножа, железного кресала, относящимися к X—XIII вв. (Внизу, под горой, подобран обломок костяной рукояти с навершием в виде бараньих рогов). Эти остатки были перекрыты древнерусским слоем XII—XIII вв., в котором найдены славянская керамика раннего облика, языческий амулет в виде миниатюрной ложки — символа сытости и довольства, а также бронзовая пряжка, аналогичная находкам из Владимирских курганов, некоторые другие вещи. Исследователь сопоставил дорусское поселение с одним из центров древнеудмуртского племени — Ватка, занятым русскими поселенцами, что в какой-то мере подтверждается и удмуртскими легендами. Думается, что Вятское городище играло скорее какую-то другую роль, например, культовую (легенды упорно связывают Ватку именно с этой функцией), нежели роль оборонительной твердыни.

Таким вот образом шло формирование округи-волости г. Никулицына, западной части которой суждено было стать центром нового государства.

Но вернемся вновь к тексту «Повести о стране Вятской». Она сообщает, что, узнав об успешной акции первого отряда, остававшиеся в городе на Каме новгородцы также решили попытать счастья на Вятке. Они «внидоша во устье Вятки реки и идоша по ней вверх до Черемисских жилищ и дошедше до Кокшарова городка обладаема Черемисою (...) и начаша ко граду приступати, и (...) той Кокшаров гряд взяша и обладаша, и те Новгородцы распростиришася и начаша жити на всей Вятской стране и посылаху от себе для уведения вверх по Вятке реке места усматривающе».

Обычно под Кокшаровом историки и краеведы усматривали будущий Котельнич, тем более, что ниже «Повесть» прямо указывает, что Кокшаров «(...) ныне же нарицается Котельнич». Однако имеется ряд неувязок, противоречащих этой традиции. Во-первых, в окрестностях Котельнича полностью отсутствуют топонимы, созвучные названию захваченного марийского городка, зато таковые имеются к западу и югу от р. Пижмы: притоки р. Ветлуги — Малая и Большая Какша, притоки Волги — Большая и Малая Кокшага, приток р. Лаж, впадающей в р. Немду, — Кокша. Во-вторых, северная граница расселения черемисов (марийцев) в X—XIII вв. едва ли доходила до Пижмы и верховий Ветлуги, что делает невозможным связывать с их племенами городок к северу от Пижмы. В-третьих, археологические раскопки на Котельничском городище принесли лишь единичные финно-угорские находки при абсолютном отсутствии лепной посуды. Последняя обнаружена на Ковровском городище вместе с вещами VIII—XII вв., однако имеет прикамский (т. е. древнеудмуртский в данном случае) облик. Бронзовые же вещи, найденные на Скорняковском городище, оставлены населением более раннего, худяковского, времени. Таким образом, древнемарийское присутствие в Котельниче и его окрестностях остается недоказанным.

Представляется, что составитель «Повести», создавший окончательный ее вариант где-то на рубеже XVII—XVIII вв., слел воедино два разновременных события. Одно из них — захват известного нам городка Кокша-

рова, под которым мы видим пока Пижемское городище близ Кукарки (Советска). Здесь вместе с финно-угорскими находками рубежа I—II тыс. н. э. археологами найдены и немногочисленные славянские вещи, среди которых особенно важны наконечники боевых стрел, а также ножи, фрагменты русских горшков и некоторые другие предметы. Любопытно, что, по сведениям кукарского археолога А. С. Лебедева, у местных жителей существовало предание о расположении на городище культового места черемисов-язычников и о русско-черемисских битвах. Вниз по течению р. Вятки и в среднем течении Пижмы в последние годы выявлены древнерусские памятники XII — начала XV в., что позволяет говорить о существовании в этом районе Вятского края русского населения, возможно объединенного в особую (назовем ее Пижемской) волость. Центром ее и стал, вероятно, летописный Кокшаров, а значит, и Пижемское городище.

Памятники, выявленные по правобережью нижнего течения Вятки, тянутся прерывистой цепочкой вплоть до ее устья. Это: Лебяжское городище, где собраны мелкие обломки стенок предположительно славянских сосудов (работы Н. П. Девятовой); поселение Мысы IV, открытое В. В. Ванчиковым, с обнаруженной на нем в ходе раскопок древнерусской керамикой и найденной неподалеку бронзовой подвеской с изображением птиц, обращенных к «древу жизни»; на территории Уржумского кремля также найдена древнерусская посуда; в 1897 г. обнаружен Орловский клад (Малмыжский район), содержавший славянские вещи XII—XIV вв., в т. ч. плетеный серебряный браслет и серебряные денежные слитки — гривны весом 22,3 кг; на позднебронзовом поселении Изран (Вятско-Полянский район) Е. М. Черных нашла в верхних слоях железные предметы XII—XIII вв. (нож, ключ от замка, неопределимая вещь); на расположенном в самом устье Вятки городище Грохань еще до революции собраны древнерусская керамика, металлические и костяные вещи, хранящиеся сейчас в фондах Сарапульского музея. Вне всякого сомнения, обнаружение новых славяно-русских памятников в низовьях Вятки еще впереди.

Лучше исследовано среднее течение Пижмы, где открыто 8 селищ и 2 могильника древнерусского времени. Оба кладбища — явление по-своему уникальное. Особенно выделяется чрезвычайной архаичностью погребального обряда могильник на Еманаевском городище VII—X вв., раскопанный Н. А. Лещинской. Здесь более ранние могилы (а всего их 72) расходятся от центральной овальной площадки в разные стороны наподобие веера, соответственно меняя и ориентацию. Вследствие этого, наряду с обычным расположением головой на запад с некоторым отклонением к югу, пятая часть погребенных имела просеверную ориентацию. Подобная планировка могил выявлена на некоторых кладбищах X—XIII вв. на Новгородчине, причем там «центром притяжения» были более ранние языческие курганы-сопки, на вершине которых предприимчивые православные миссионеры ставили христианские часовни или храмы. Здесь же следов подобных сооружений не обнаружено.

На могильнике выявлены и другие черты, не известные, кажется, нигде более на других славянских территориях. В 7 небольших по размеру ямах обнаружены мелкие калцинированные кости кремнированных покойных, причем эти-то могилы и образуют незаполненную могилами площадку (14х7 м), нарушенную несколькими, очевидно, более поздними, ямами. Еще в 4-х погребениях зафиксирован обряд частичного трупосожжения: в западной половине ям обнаруживались остатки черепа или верхней половины

скелета, а в противоположной — пережженные кости. Найдены здесь и две могилы-кенотафа, т. е. условные захоронения умерших где-то на чужбине людей, тела которых не смогли доставить на родину. При этом в одной из ям находился бронзовый браслет, бытовавший до XIV в. Здесь же были захоронения двух черепов и двух умерших, лежавших с подогнутыми в коленях ногами, — вероятные могилы языческих волхвов, о чем уже писалось выше. Между могил подобраны два фрагмента белоглиняной славянской керамики XII—XIV вв. — признак языческого обычая битья посуды на кладбище.

Таким образом, Еманаевский могильник отражает тот период славянской колонизации Вятского края, когда происходит переход от языческих верований к православию, то есть конец XII—XIII вв. Одной из причин появления здесь славян является бегство язычников от усилившейся в то время христианизации. Летописец указывал «ростовскую чернь» (т. е. простых общинников этой земли), «забежавши та от крещения рускаго» (т. е. православного).

Обнаруженная на средненижемских памятниках древнерусская посуда отличается от найденной на средней Вятке тем, что почти не содержит в примеси толченых раковин и органики, что свидетельствует о неучастии аборигенного населения в жизни данных русских поселений. По-видимому, это объясняется слабой заселенностью бассейна р. Пижмы: все попытки выявить здесь древности моложе рубежа XI—XII вв. оказались тщетными. По-видимому, древние удмурты постепенно покидали эту территорию из боязни подвергнуться марийским нападениям, а марийцы появлялись здесь лишь эпизодически. В это практически пустующее пространство, в этот межэтничный вакуум и вклинились выходцы из Древней Руси, заложив начало складывания здесь особой, Пижемской волости. Но история по-своему распорядилась и ее судьбой.

Второе событие, невольно совмещенное автором «Повести» с более ранним, связано с периодом консолидации русских поселенцев на средней Вятке во второй половине XIII в. К этому времени в районе низовья р. Моломы сложилась еще одна волость, центром которой и стал Котельнич. По-видимому, к середине XIII в. русские поселения Пижемской волости оказались каким-то образом в зависимости от Котельнича, ибо самостоятельной единицей она так и не стала (по крайней мере «Повесть» ее не упоминает). Возможной причиной этого явилось ее географическое положение на магистральном пути Северная Двина — Юг — Молома — Вятка — Кама, что исключало для этой территории спокойную жизнь и требовало безусловной опоры на более стабильную власть, коей и явилось общинное самоуправление Котельнича. Поэтому уже упомянутую фразу «От Кокшарова городка (...), ныне же нарицается Котельнич» можно рассматривать не как акт переименования города, а как подчинение уже русского Кокшарова Котельничу. Может быть, благодаря этой поддержке и дружественному отношению к Вятке со стороны Арской земли русское население Пижемской волости продержалось на местах своего проживания вплоть до середины XV в., когда под воздействием агрессивной политики казанских ханов вынуждено было перебраться на среднюю Вятку.

Город Котельнич располагался первоначально на другом месте, а именно — на Ковровском городище. На каких фактах это основано? В ходе археологических раскопок, проведенных на Ковровском городище, найдены свинцовые подвесные печати и печать-матрица с надписью «печать Григо-

риева», которыми скреплялись официальные документы. Получается, что приблизительно на рубеже XIII—XIV вв. городище являлось резиденцией главы Котельничской общины — земского воеводы Григория. (Еще одна свинцовая актовая печать найдена на соседнем Шабалинском городище).

Городской характер памятника проистекает и из других археологических наблюдений. Расположение крепости на стратегически очень важном участке, в устье р. Моломы, давало возможность контролировать прямой путь из Нижнего Прикамья на Северную Двину. По этой причине здесь были сооружены внушительных размеров оборонительные укрепления, неоднократно обновлявшиеся. Со стороны поля возведены длинные (180 м) ров и вал, причем по гребню вала шла высокая, рубленая из бревен стена с несколькими башнями (следы одной из них в виде комплекса ям зафиксированы в северо-западном углу крепости). Край в общем-то не очень высокой (7—11 м) террасы был дополнительно укреплен сначала бревенчатым частоколом, а позднее, где-то в XIV в., — системой деревянных стен шириной 4—5,5 м с врубленными в них перегородками. Судя по выявленным в ходе раскопок канавкам, образовавшимся в результате вдавливания тяжелых конструкций в грунт, эти стены неоднократно перестраивались. Нижний их уровень (или, если можно так выразиться, этаж) использовался под жилые и хозяйственные надобности и был разделен для этого на отдельные клетки подобно тому, как это имело место на Подчуршинском и Никульчинском городищах. Всего в пределах раскопа насчитывается не менее 9 клеток шириной от 1,5 до 4 м. В одной из них выявлены остатки кузницы — яма с кришами и шлаками и скопление из 4-х инструментов по обработке металла: наковаленка-шперак для мелких работ, заготовка напильника, пила-нож и молоток для специальных работ. Другой отсек использовался под жилье: в его подпольной яме обнаружены остатки глинобитной печи, бытовые предметы, крест-энколпион, обломанный перстень, фрагмент янтарной вещи, наконечник стрелы.

Сами размеры городища (а это около 1 га), наличие дренажной траншеи глубиной более 2 м с основным желобом, покрытым плахой, а также обнаружение нескольких серебряных золотоордынских монет середины XIV в. и, наконец, двух бронзовых стилий для письма свидетельствуют о городском характере этого поселения.

На месте же Котельничского городища приблизительно в то же время, когда возникает Ковровское городище (XIII — начало XIV в.), появляется славянское поселение (может быть, и неукрепленное), остатки которого были обнаружены автором данной статьи в ходе раскопок 1982 г. (350 кв. м), — несколько изгородей жилых полужемлянок и хозяйственных ям, содержащих соответствующие находки. И только в XIV веке, судя по массовости находок, город переносится с Ковровского городища на место первоначального славянского поселка.

Судя по плану города 1784 г., древнейшая его часть располагалась на чрезвычайно узком и длинном мысу высотой 10—15 м, отделенному от основной террасы долиной р. Котлянки. Эта речка имеет исток недалеко от современного кладбища и течет навстречу течению р. Вятки. На плане она огибает мыс и, приняв в себя р. Родионовку, впадает в Вятку к востоку от городища. Размеры памятника в то время составляли приблизительно 510×72 м. В середине XIX в. р. Котлянку по каналу, прорытому в наиболее узком месте перешейка (западнее городища), направили в р. Вятку. В начале XX в. при сооружении железнодорожного моста через Вятку западная часть

мыса была окончательно скрыта вместе с перешейком. Восточная его оконечность также была уничтожена, но при сооружении другого объекта — деревообрабатывающего комбината — уже в советское время. Тогда около 50 м мыса было скрыто, а р. Родионовка направлена в русло р. Котлянки, но только навстречу бывшему ее течению, а затем по новому каналу — в Вятку. Поэтому сохранившийся до нашего времени останец мыса почти наполовину сократился и сейчас имеет размеры 280×65 м. На этой площади в пределах раскопа зафиксировано и изучено более 50 ям и сооружений различного назначения, а также частокотлы на границах усадеб XIV—XV вв. В кремле находились административные, церковные постройки и жилые дома знати, на посаде (в западной части останца) — жилища и хозяйственные постройки торгово-ремесленного населения, размещавшиеся на усадьбах вдоль улиц.

В XVI—XVII вв. кремль обзаводится более мощными укреплениями — бревенчатыми срубами, забутованными глиной, и башнями. Следы одной из башен выявлены на углу бывшей крепости, причем ее нижний этаж имел ширину 6 м и не заполнялся грунтом, а использовался как отопляемое помещение. Обнаружены следы трехкратного обновления этих новых оборонительных укреплений. Очевидно, данные сооружения и упомянуты в переписях XVII века, когда они находились уже в плачевном состоянии и не подлежали ремонту.

В местной краеведческой литературе утвердилось мнение о возникновении вятского Котельнича в 1143 г., к которому относится первое упоминание города под таким названием в древнейших русских летописях. Однако названный в них город никакого отношения к Вятке не имеет, поскольку это был центр небольшого удела Киевского княжества, который фигурировал у летописцев также под 1147, 1148, 1159, 1160, 1162 и 1169-м гг. Поселения под таким или же похожими названиями (Котелен, Котельно, Котельнича, Котлич, Котельско) получили «прописку» в более северных и западных районах расселения славян, и в основном в XV—XVII вв. Вятский Котельнич впервые упомянут под 1459 г. Обнаружение здесь полужемлиночных жилищ в сочетании с названием южнорусского происхождения красноречиво говорит об исходном регионе колонизации Вятского края. Как уже указывалось выше, это не обязательно собственно южная Русь, а скорее выходцы из ее пределов, осевшие в Ростово-Суздальском княжестве.

Практика переноса городов хорошо известна в Древней Руси. Она была вызвана многими причинами военно-стратегического, политического, экономического, демографического характера. Перенос Котельнича на новое место объясняется в первую очередь тем, что Ковровское городище занимало относительно невысокий (7—11 м) мыс, что не могло удовлетворять требованиям безопасности. Расположение Котельничского поселения в этом смысле было более выгодным: оно было на более высоком (до 15 м) мысу, к тому же окружено практически со всех сторон крутыми склонами и водой — Вяткой и Котлянкой, что делало город неприступным.

Вокруг Котельнича (Ковровского городища) сложилась сельская округа, на рубежах которой были возведены крепости. Вниз по Вятке на страже находилось раннее Котельничское городище (Скорняковское). Судя по найденным здесь каменным ядрам, русской гончарной керамике и железным изделиям середины II тыс. н. э., оно использовалось как крепость на подступах к уже более позднему Котельничу. Путь по р. Моломе прикрывало Шабалинское городище, занимавшее площадь более 3 га. На одном раскопе здесь удалось выявить следы оборонительных укреплений,

на другом — два котлована и 6 ям, нарушивших славянский могильник более раннего времени. Найденные на поселении вещи относятся к XIV—XVII вв. Шабалинский могильник (80 погребений) дал картину чрезвычайно архаичного обряда погребения: малая глубина захоронений (0,2—0,4 м), несколько парных могил, следы человеческих жертвоприношений — в двух могилах черепа отрубленных голов находились между ног умерших, еще в одной был расчлененный костяк. Кладбище существовало в XII—XIV вв.

Вверх по Вятке границы Котельничской волости оберегались Орловским городищем. Раскопки здесь провел в 1960 г. Л. П. Гуссаковский (более 70 кв. м). Он выявил подполье наземного дома с находками XII—XIII вв., а также плохо сохранившиеся остатки более поздних жилых и хозяйственных построек, представлявших собой небольшие срубы площадью до 16 кв. м с дощатыми полами и печами-каменками. В этих постройках XIV—XV вв. найдены предметы вооружения, бытовой и хозяйственный инвентарь, а также много костей рыб, диких и домашних животных, скопления стовревшего зерна — ржи, ячменя, овса и гороха. В XVI—XVIII вв. городище использовалось жителями под городское кладбище. По-видимому, Орлов как крепость возникает на рубеже XII—XIII вв., а в XIV в. городище становится детинцем (кремлем) города и центром новой волости. На южных ее подступах сооружается Тороповское городище, существовавшее как крепость в XV—XVI вв. Северные пределы Орловской волости охраняли Вершиняцкое и Подрельское II городища, на которых найдена керамика середины II тыс. н. э.

Сельских поселений древнерусского времени в Котельничской волости найдено пока мало — всего 3. На Шабалинском поселении выявлено несколько хозяйственных ям с находками русской и славяноидной керамики, железных изделий, костей животных и рыб, позволяющих датировать памятник XIII—XVI вв. Полностью раскопано поселение Искра (221 м²), наполовину уничтоженное рекой. На нем выявлены два ряда строений, в т. ч. остатки слегка углубленной столбовой постройки с основанием наземного сыродутного горна и два срубных хозяйственных помещения. Прибрежный ряд сооружений почти не сохранился. На памятнике обнаружено немало находок: русская и славяноидная керамика — как крутовая, так и вылепленная от руки, железные и бронзовые предметы, в числе которых уникальная 8-лепестковая кацья-кадильница, аналогичная находкам XIII—XIV вв. из Новгорода, Корелы и Булгара. В это время и существовало древнерусское поселение на Вятке. В конце XV—XVI вв. на этом же месте вновь возникает русское поселение, от которого до нас дошли следы трех срубных построек, а также обломки керамики и грузил, железные предметы, кости животных. Найдены здесь и находки XVI—XVII вв.: фрагменты глиняной посуды, грузил, стекла, железные скоба и сапожная подкова. Как видим, один раз облюбованное место редко оставалось пустым, поселение же Искра заселялось по крайней мере 5 раз, начиная с эпохи бронзового века.

Дальнейшее развитие событий на вятской земле также достаточно достоверно освещено «Повестью о стране Вятской»: «И абие снидоша послания от обою страну Новгородцев, свыше Вятки реки от (...) Никулицыно, и снizu Вятки реки от (...) Котельнич, и меж собою в разглагольствовании друг друга познавшие и совет объявляюще о усмотрении мест, и тако согласившеся (...), где б им устроити общий един град и замок крепки во утверждение имети от нашествия супостат иноверцев Чуди Отяков Черемис и иных народов».

В этом отрывке отразилось стремление двух волостей — Никулицына и Котельнича — объединиться и заложить общую столицу для того, чтобы отстоять независимость в условиях начавшегося монголо-татарского господства. Именно это нашествие подорвало деятельность Владимиро-Суздальского княжества и Новгородской земли по освоению восточных территорий, что привело к обособлению бассейна средней Вятки. Отсутствие опеки со стороны коренных русских земель и вызвало скорее всего стремление сплотиться для оказания отпора грозной золотоордынской агрессии. На Вятку устремляется поток людей из разоренных земель, что создает благоприятную демографическую ситуацию и способствует консолидации различных групп русского, обрусевшего финского и местного удмуртского населения в рамках возникшего государственного образования — Вятской земли.

Далее в «Повести» говорится: «И по общему согласию во уреченную годину сошедшися народи мнози новгородцев на оной горе (Кикиморской) начаша к соизиданию града место устроить и дресва готувити располагающе како соизидати град. А заутра вставше обретоша некако Божиим промыслом все изготвление пренесено по Вятке реке ниже на высокое ж паче пространнейшее место и широкое поле иже в то время нарицахъся баясково поле». Обычно историки это сообщение всерьез не воспринимали, считая баснословным. Между тем здесь лишь в слегка завуалированной форме рассказано о том, как строился новый город. Заготовка леса, разметка и рубка построек велись, по-видимому, поблизости от будущего города (включая и Кикиморскую гору), после чего срубленные уже сооружения разбирались и сплавлялись по реке к месту возведения крепости, где оперативно собирались вновь.

«Повесть» описывает и устройство укреплений: «Во граде Хлынове (...) построены жития жителей тех крутом храмины друг подле друга в близости задними стенами ко рву ставлены вместо городской стены понеже то место окружено от северной страны ископаным рвом, а от западу и полудни преглубоким рвом а с востоку от реки Вятки высокая гора». Как видим, возведенные сооружения полностью идентичны крепостным постройкам (жылым клетям) как описанных выше городищ, так и городов Киевской Руси домонгольского времени. Однако писцовые книги и планы Хлынова XVII—XVIII вв. указывают в основании кремлевских стен земляные валы. Это несоответствие в сведениях источников обычно решалось в пользу бесспорно достоверных, к тому же и официальных, документов, а данные «Повести» в расчет не принимались.

Но вот в 1983 г. во время осмотра водопроводной траншеи, прорезавшей культурные напластования и посада, и кремля, выяснилось, что под массивным валом шириной не менее 13 м находились бревна и дощатые настилы от полов, оставшиеся от срубных построек более раннего времени. Более того, выяснилось, что эти деревянные остатки располагались прямо на древней поверхности, занятой в то время лесом (на древнем дерново-почвенном слое лежали обломки мелкого хвороста, хвоя и еловые шишки), а значит, были изначальны. Обнаружение заселенного участка на месте города ни в коей мере не противоречит факту существования до него сельского поселения, поскольку все неудобные земли — склоны логов, оврагов, промоин и т. п. — крестьяне оставляли нетронутыми и обычно заросшими лесом. Обследованный нами участок как раз располагался на краю глубокого лога.

В 1956—1958 гг. Л. П. Гуссаковский провел в кремле раскопки, вскрыв в разных местах несколько разведочных шурфов общей площадью 67 кв. м и заложив раскоп в 115 кв. м в северной его части — у фундамента Богоявленского собора постройки 1698 г. На раскопе под метровым слоем строительного мусора, скопившегося после возведения, ремонта и перестройки храма, выявлен более древний культурный слой мощностью свыше 2 метров. В этом слое обнаружены остатки семи слоев бревенчатой мостовой древней улицы, настилавшихся по мере затягивания их грязью (т. е. нараставшим культурным слоем) и составивших основу так называемых строительных ярусов. Таким образом, оказалось, что планировка улиц города, сложившаяся в самом начале его истории, оставалась неизменной на протяжении нескольких сот лет. А это позволяет археологам устанавливать достаточно надежно частоту смены мостовых. В Хлынове они менялись приблизительно через 35—40 лет. Выявленные Л. П. Гуссаковским следы сельского поселения были перекрыты постройками, возведенными уже по городской планировке приблизительно в середине XIII в. (Здесь обнаружены лепная и раннекруговая керамика и отдельные вещи из кости и луба, бытовавшие не позднее XIII в.).

Первоначально улица не требовала замощения, и лишь потом, когда интенсивность городской жизни возросла, а естественный дренаж (после возведения земляных валов) стал невозможен, жители города были вынуждены настилать бревенчатые мостовые. Древнейшая из них (ярус 7) построена, вероятно, во второй половине XIII в. (найденная в этом комплексе керамика лишь чуть более поздняя, нежели из предыдущего яруса). Следующие по времени ярусы содержали более надежно датирующиеся вещи. Так, в шестом найдены стеклянная глазчатая бусина и медный пластинчатый перстень с рифлением, бытовавшие в XIII — середине XIV вв., а также сережка в виде знака вопроса, обычная у русских женщин в XIII—XV вв., и костяная накладка от двустороннего наборного гребня XII—XIV вв., что позволяет отнести ярус к концу XIII — середине XIV вв. Пятый ярус датируется серединой — концом XIV в. по находкам двух бусин (бипирамидальной ребристой многоцветной и винтообразной синей), обломку костяной втульчатой насадки на древко стрелы, квадратной костяной пластинке с четырьмя отверстиями для тканья тесьмы и соответствующей керамике.

Замощение улиц на территории кремля практиковалось приблизительно до конца XVI в., когда благодаря деятельности монаха Трифона начался новый этап церковно-монастырского строительства в городе, потребовавший коренной перепланировки кремля. Площадка, ранее занятая городской улицей с жилыми домами и надворными постройками, попала под Богоявленское кладбище, могилы которого частично разрушили древние напластования.

Известно место древнейшего захоронения жителей Вятки (Хлынова) — им была территория, занятая в 1580 г. Успенским мужским монастырем. Во время земляных работ в 1990 г. у братского корпуса был вырыт котлован под теплотрассу, уничтоживший часть кладбища. В стенках котлована нами зафиксированы резервы трех десятков неглубоких (около метра) могильных ям с человеческими останками, исследовать которые, к сожалению, не довелось. В это же время проводились раскопки в кремле у архиерейских палат (81 кв. м), где удалось обнаружить древнейшие напластования с находками лепной и круговой славянской посуды, стеклянных и янтарной бусин, относящихся ко второй половине XII — середине XIII вв.

Таким образом, хронология строительных ярусов кремля, установленная Л. П. Гусаковским, подтвердилась новейшими исследованиями.

Археологические раскопки памятников периода единой Вятской республики (вторая половина XIII—XV вв.) в какой-то мере уже описаны при характеристике многослойных или долговременных памятников (Никулицын, Котельнич, Орлов, Искра, некоторые другие). Ограничусь лишь двумя поселениями. В 1984 г. был произведен частичный разрез укреплений кремля г. Слободского (12,5 кв. м). Под земляным валом удалось выявить деревянные конструкции от оборонительных укреплений типа «жилых стен», о которых уже неоднократно писано выше, а также фрагменты древнерусской керамики XIII—XIV вв. Это позволяет значительно удревнить время возникновения города, впервые упомянутого под 1489 г. в Едемской летописи.

В самом Хлынове, помимо изученных Л. П. Гусаковским многочисленных сооружений в строительных ярусах, нами расчищено основание жилой постройки, в углу которой обнаружены верхний камень жернова и обломки его нижнего камня, а также многочисленные находки второй половины XIV — первой половины XV вв.: два замка и два ключа, глиняный подсвечник, две бронзовые обкладки, глиняные грузила, пряслица, фрагменты горшков.

В процессе раскопок ряда позднесредневековых поселений Вятского края (а всего их насчитывается в настоящее время свыше 160), предпринятых многочисленными отрядами Камско-Вятской археологической экспедиции, удалось установить ряд их особенностей. Во-первых, деревни этого периода, как и прежде, занимают удобные во всех отношениях берега больших рек или их крупных притоков (Казаковцевское и Починковское I в Орловском, Михоничи III в Юрьянском, Искра, Спасское, Синчатая I, Скорняковское в Котельничском, Мари-Куталки II в Тужинском, Коктыш II в Арбажском, Ботыли III и IV в Нолинском, Пайбулатовское в Кикнурском, Моторки II в Кильмезском районах). В то же время наблюдается освоение и далеко неблагоприятных земель — верховьев небольших рек, пойменных низин, водоразделов и высоких коренных террас (Ильинские I и II в Слободском, Осиновица I, III, V в Юрьянском, Зайченки I—III, Стариковские II, IV, Ключи, Кричицынское, Юбилейное, Мельничата в Котельничском, Щеники в Свечинском, Хорошевское I, Строгановское, Белая Лобань II, Лобань I в Богородском районах). Освоение глубинных земель было вызвано дефицитом пригородных для развития сельского хозяйства угодий на фоне неуклонного прироста численности населения.

Во-вторых, зафиксировано значительное увеличение размеров селищ — от ранних к более поздним. Если до XVI в. их площадь редко превышала 0,3—0,5 га, то в XVI—XVIII вв. наряду с преобладанием таких поселений (более 50%) появляются крупные (0,5—1,0 га) и очень крупные (св. 1 га) населенные пункты. Эти факты также говорят о резких демографических изменениях в вятской деревне позднего феодализма.

В-третьих, несмотря на в целом небольшой размах раскопок на позднерусских поселках (лишь единичные из них раскопаны почти полностью, например, Искра), можно отметить некоторые перемены в их планировке и застройке в сравнении с более ранними. Если на ранних поселениях планировка обычно рядовая (ряд построек вдоль берега реки), то позднее преобладает уличная. Площадь жилых построек постепенно увеличивается,

как возрастает и размер подпольных ям. Обычно угловое расположение печей позднее становится необязательным, зафиксировано и центральное их расположение.

Кроме поселений исследовались и русские могильники XVI—XVIII вв. — Никульчинский II, Подчуршинский, Хлыновский II, Орловский, Котельничский, Спасеский, Гоньба, Благодатский и другие. В отличие от описанных выше древнерусских кладбищ XII—XV вв. на поздних некрополях умершие хоронились по более догматическим строгим правилам, в глубоких могилах, с четкой ориентацией их на запад, без явных признаков языческих традиций, зачастую с нателными крестиками. Находимые в могилах вещи не меняют сути следования православным канонам. Обычно это детали крепежа гробовищ (гвозди, скобы), принадлежности одежды (пуговицы) или обувь (сапоги), изредка женские украшения (серьги). Окончательное закрепление похоронного стандарта связано, по-видимому, с реформами Никона: именно со второй половины XVII в. количество крестов-тельников в могилах явно возрастает. Современный православный погребальный обряд с тех пор почти не изменился.

И. М. ОСОКИН

ЗНАЧЕНИЕ ПРЕПОДОБНОГО ТРИФОНА В ИСТОРИИ ВЯТСКОГО КРАЯ

Основатель Вятского Успенского Трифонова монастыря — преподобный Трифон Вятский (Трофим Дмитриевич Подвизаев) родился около 1546 года в селе Малонемножском (Воскресенском) Пинежского уезда Архангельской губернии на реке Немноге в семье крестьян Дмитрия и Пелагеи Подвизаевых.

Достигнув совершеннолетия, склонный к иночеству, юноша оставил родительский дом. С 22 лет, в 1568 г., он принял монашество под именем Трифона в Пыскорском Спасо-Преображенском монастыре. Через два года после принятия иночества он оставил монастырь и удалился на р. Нижнюю Мулянку, а затем на р. Чусовую, откуда был вынужден уйти в 1580 г., поссорившись с владельцами тамошних мест Строгановыми. И через Кай и Слободской направился в г. Хлынов.

Вскоре после прибытия на Вятку Трифон начинает хлопоты об устройстве в г. Хлынове монастыря, и в том же году преп. Трифон с челобитной отправляется в Москву.

24 марта 1580 г. митрополит Антоний посвятил Трифона в сан иеромонаха, благословил быть строителем монастыря и выдал ему священническую и строительную грамоты. Вернувшись в июле 1580 г. в Хлынов, он приступил к постройке обители, которой руководил до 1601 г. В 1597 или в 1598 г. Трифон удостоивается за свое усердие сана архимандрита. Но в 1601 году преп. Трифон изгоняется из основанного им монастыря. Начались годы скитаний.

В 1608 году он возвращается на вятскую землю, где участвует в окончании постройки Слободского Крестовоздвиженского-Богоявленского монастыря. Но вскоре вновь отправляется в путешествие по поморским городам для сбора пожертвований на устройство Богоявленского монастыря

В 1611 г. или начале 1612 г. Трифон предпринял вторичное и последнее путешествие в Соловецкий монастырь, откуда больным вернулся в Хлынов (15 июля 1612 г.), где и умер в октябре 1612 г. Незадолго до смерти произошло его примирение с братией и возвращение в основанный им монастырь.

* * *

Город Хлынов — так называлась Вятка во времена преп. Трифона — располагался во второй половине XVI в. на том месте, где ныне находятся Кафедральный собор, архиерейский дом и консистория, женский монастырь и присутственные места. Сама природа придавала этому городу вид крепости. С северной и южной сторон он был защищен глубокими рвами (Раздерихинским и Засорой), с востока, от реки Вятки, защищал его высокий и крутой берег реки, а с западной стороны на месте нынешней площади Спасского и Кафедрального соборов было болото. Город имел вид продолговатого квадрата, состоящего из тесно сомкнутых домов, обращенных ко рвам задом. Таким образом, дома заменяли собою как бы городскую стену. С увеличением народонаселения жители стали селиться уже за пределами города, в западную сторону. Таким образом, около города образовался посад, который обнесен был тыном или острогом. Западная часть его проходила приблизительно по линии нынешней Царевской улицы. В отличие от посада старый город назывался кремлем. Для въезда в город в стенах его было несколько ворот, а на углах стен были сторожевые башни. Кругом города, со всех сторон его начинались леса, которые были в таком близком расстоянии, что, по словам летописца, «не далеко от нынешней Воскресенской церкви ходили в чащу леса по ягоды».

Население г. Хлынова было самое сборное и разнообразное как по своему племенному составу, так, главное, и по месту своего первоначального обитания. Здесь были главным образом ближайшие потомки тех «воровских людей, бродников и шестников», которые долгое время составляли маленькую независимую Вятскую республику и при своих смелых набегах по рекам Вятке, Каме и Волге грабили и инородцев, и оседлые поселения русских людей. В религиозно-нравственном состоянии эта сборная вольница стояла очень невысоко. Хотя в Хлынове было уже немало церквей, таковы: Богоявленская, Пятницкая, Николо-Великорецкая — в кремле, Воскресенская и Покровская — в посаде, Успенская — на кладбище, где ныне Трифонов монастырь. Но народ вятский, по памятникам XV в., рисуется крайне в безотрадном виде. «Не знаю как вас называть, — писал митрополит Иона в своем послании вятским жителям, — зоветесь именем христиан, а живете, делая злое, хуже нечестивых, ни по христианству, ни по крестному целованию, ни по Божественному Писанию; святую соборную апостольскую церковь митрополию обидите, и законы церковные и церкви Божии разоряете и грабите все церковные принадлежности: казну и книги, и колокола и творите всякие злые и богомерзкие дела, как поганые».

Такой низкий нравственный уровень вятчан объяснялся, между прочим, тем, что они оставались без всякого религиозно-нравственного руководства. Своего епископа в Вятке еще не было, а влияние Московского митрополита, которому они номинально были подчинены, было слишком слабо как по дальности расстояния, так и вследствие фактической гражданской независимости от Москвы. Вятчане брали себе священников случайных со стороны, часто не зная ничего об их нравственных качествах и даже не спрашивая о том, имеют ли они право священнодействовать.

В другом своем послании вятчанам тот же митрополит Иона пишет: «Не знаем, как назвать вас священниками? От кого вы имеете поставление и рукоположение? Евангельских и апостольских и отеческих поучений сами не требуете, а живя небрежно, сами идете в погибель. Называясь священниками и учителями христианскими, не радуете о своих душах, священства своего не знаете, христиан не наказуете, от злого жития не удерживаете. Мы слышали, что тамошние ваши духовные дети незаконно живут, поимаяще жен до пяти, до шести, до семи, а вы их благословяете и приношение от них принимаете».

Подобным же образом характеризовали священников и паству последующие митрополиты Филипп и Геронтий. В 1489 году после долгой борьбы Вятка подчинилась власти Великого князя Московского Иоанна III. На место вятчан, в значительном количестве сведенных в Московскую Русь, пришли в Вятку устюжане и обитатели северных областей с рек Двины, Печоры, Виляды, из Москвы и Казани. С той поры Хлынов и Вятская область стали неразрывною частью Московского государства. Вятчане стали мало-помалу свыкаться с гражданскими порядками остальной Руси. Кончилась и старая жизнь на Вятке. Началась новая, более благочестивая, московская. В религиозно-нравственном состоянии вятских христиан заметно стал совершаться поворот к лучшему, явилась потребность к жизни по духу христианского учения, а отсюда и стремление к монашеству, как наилучшему способу воплотить в своей жизни начала евангельского нравственного учения.

Вот в это-то время, именно — в 1580 году, и является в Хлынов из Пермской земли преподобный Трифон с целью «восполнить у вятчан скудость к душевному спасению и устроить монастырь к иноческому жительству». И, как нам уже известно, в течение немногих лет создал во всех отношениях благоустроенный монастырь.

Правда, он нашел здесь, как мы видели, вполне благоприятную для своей цели почву. Достаточно было сказать ему несколько прочувственных слов вятским земским людям, и он встретил общее сочувствие к своему делу. Московские власти — гражданская и церковная, вполне уже оценившие к тому времени значение для государства и церкви монастырей на окраинах, не только отнеслись с участием, но и всячески способствовали устройению и процветанию монастыря.

Однако нужно было весьма много личных достоинств, энергии и труда, чтобы добиться поставленной цели. Преподобный Трифон имел к этому все необходимое. В Вятку он пришел человеком в зрелых летах, вполне установившимся, убежденным, неискательным монахом, без всяких претензий на удобства жизни. Он имел уже тогда большую опытность и в монашеских подвигах, и церковном строительстве, обладал также навыком обращаться с людьми сильными и простыми, друзьями и недругами.

В этих его качествах заключалась сила его необычайного успеха. Он сразу же повел дело так, что его личное предприятие стало делом народным, государственным, и дальнейшее устройство монастырей получило жизненность и прочность. Через 20—30 лет после построения монастыря в Хлынове открывается уже целая серия монастырей в Вятском крае.

Таким образом, преподобный Трифон вполне справедливо именуется в грамотах XVII в. «началоположником монашества». В этом заключается общая и вместе основная заслуга преподобного Трифона Вятскому краю.

В частности же, деятельность преподобного Трифона связана главным образом с первым его монастырем в Вятке.

Приютившись за городом, на кладбище, монастырь преподобного Трифона сразу же привлек к себе общее внимание жителей Хлынова. Приходя в монастырь, они с любопытством присматривались к новому для них образу жизни монахов, к их совместному дружному труду по устройению обители, с уважением относились к ним за их любовь и усердие к уставному, истовому совершению богослужения и невольно тяготели к монастырю, где они, кстати, встречали всегда ласковый прием. Но особенно привлекал их внимание основатель и настоятель монастыря, строитель Трифон.

Строгий подвижник, он требовал от братии настоящей монашеской жизни. С самого начала им введена была общая трапеза согласно общежительному уставу, общая одежда, совершенно изгнаны были хмельные напитки, хождение по гостям на пиры и прием у себя по келиям. Строгая жизнь настоятеля и братии действовала на приходящих лучше проповеди. И ныне многие монастыри и многие монашествующие имеют немалое влияние на мирян. Нередко последние обращаются к инокам за наставлением и разрешением житейских сомнений: в слове и примере их жизни надеются почерпнуть для себя наибольшее назидание. В то же отдаленное время, когда люди были непосредственные, цельные, когда количество влияющих на душу нравственных и умственных средств было меньше или совсем таковые отсутствовали, влияние новой монашеской общины было неотразимо.

Поэтому скоро монастырь в Хлынове сделался центром, вокруг которого стали группироваться религиозные люди. Монастырь незаметно, но благоприятно действовал на массы и постепенно, понемногу изменял направление умов, нравственный строй души соприкасающихся с ним. И все они так или иначе спешили выразить свое расположение к монастырю: одни делали приношения и вклады, жертвуя, как видно из дозорной книги Рязанцева 1601 г., разные предметы — колокола, священные сосуды, образа, богослужебные книги, а также пожни, пустоши и «всякое рухло», другие же поступали в состав братства. Община увеличивалась и становилась многолюдной. В 1601 году в ней было уже 45 иноков да два белых священника и, кроме того, 38 слуг монастырских.

Таким образом, монастырь становился великой нравственной силой для населения не только в моменты соприкосновения мирян с монастырской братией, но и в домашней их обстановке, в период переживания ими воспринятых от монастыря впечатлений.

Но если мы припомним, что братия монастыря с первых же пор его существования не оставалась надолго полностью в зданиях монастыря, а распределялась по вотчинам монастырским в качестве простых работников, приказчиков или поселских старост и здесь устраивала свою жизнь по монастырскому режиму, ставя там молитвенные дома и часовни, то нам станет понятно, что влияние преподобного Трифона распространялось по территории всех монастырских владений (а тогда они занимали громадное пространство), и с каждым годом оно становилось сильнее и прочнее, потому что часовни скоро заменялись церквами с приходскою или монастырскою общиной. Влияние это обнаруживалось прежде всего в смягчении нравов и большей религиозности жителей, заметной даже до последнего времени, как о сем свидетельствовал в 1847 г. священник села Вобловицы о. Кибардин, предки которого священствовали в этой вотчине со времен преподобного Трифона.

В других местах влияние преподобного Трифона и его монастыря выразилось стремлением к устройству новых монастырей по примеру Вятского. Так, еще при Трифоне возникли монастыри Верховятский, Екатерининский, Рождественский, Вятскополянский, Слободской-Богоявленский, а вскоре после смерти преподобного возникли Истовенский Троицкий, Котельничский Предтеченский, Вятский Преображенский и многие другие.

Трудно уловить и выразить в конкретных формах все нравственно-религиозное влияние преподобного на души современников, но и эти данные достаточно говорят о наличии такого влияния.

Сфера просветительной деятельности преподобного Трифона и его монастыря не ограничилась однако только этою, так сказать, пассивною стороною дела. Среди существовавшей тогда кругом духовной слепоты и невежества обитель преподобного Трифона была также рассадницею грамотности и книжного просвещения.

Спустя 20 лет после основания монастыря, именно — в 1601 году, когда произведена была дозорная опись монастыря Ф. Рязанцевым, у преподобного Трифона зарегистрировано было богатое, по тогдашнему времени, книгохранилище. Здесь наряду с богослужебными книгами, составлявшими принадлежность церковного богослужения, мы находим «Азбучники», по которым велось обучение первоначальной грамоте, и богатую литературу для чтения: Четыи-Минеи, два Пролога, книгу Измарагд, творения Ефрема Сирина, Андрея Юродивого, Лавры Дорофея, Иосафа Царевича, Лествичника, книгу Василия Великого, жития Александра Свирского, соловецких чудотворцев, миромских чудотворцев, Кирилла Белозерского, Прокопия Устюжского, Антония Римлянина, Стефана и Лазаря Сербских, Николая Чудотворца, десять Сборников, тетрадь о Печерском монастыре и много других.

В келье самого преподобного Трифона в числе книг были между прочим «Азбучники» в белом кожаном переплете и жития святых. Всех книг в монастыре было более 150, причем только 23 печатные, остальные же — рукописные. Стоимость последних на теперешний счет была громадна, потому что переписка была медленна и дорога; например, книга величиною в 600 листов переписывалась целый год и стоила на наши деньги 180—190 рублей.

Такое ценное собрание книг лучше всего свидетельствует о выдающейся любви настоятеля к просвещению, о любви монастырской братии к чтению. Оно дает право думать, что здесь существовало обучение грамоте и что чтением поучительных книг пользовались не одни только монахи, но и посторонние лица. Вятский монастырь при преподобном Трифоне был, таким образом, весьма важным и, может быть, единственным на громадный район образовательным пунктом, где желающие могли удовлетворять свою потребность и в приобретении грамотности, и в дальнейшем просвещении. Под влиянием этой литературы воспитывался неизвестный составитель жития преподобного Трифона, очень вдумчивый и усердный собиратель сведений о его жизни, обнаруживший в своей работе начитанность и в Священном Писании, и в святоотеческой литературе.

Роль преподобного Трифона в деле подъема религиозно-нравственной жизни населения вятской страны простиралась и далее. Есть полное основание думать, что преподобный Трифон оказывал большое влияние непосредственно на церковное управление в Хлынове. Трудно определенно сказать, как организовано было в то время управление на Вятке над церквами городскими и сельскими, кто ближайшим образом заведовал духовенством и

в каких формах выражалось отношение лиц надзора и руководства к Московскому Патриарху, но несомненно, что сношения Патриарха с этой отдаленной, окраинною частью его громадной епархии были случайны и редки, связь его с духовенством и влияние на него были весьма слабы. Едва ли были у Патриарха близкие доверенные лица, которые подлежали проживали в Хлынове для надзора и руководства за духовенством. Несомненно, приходилось доверять это малоизвестным ему местным лицам, стоящим не выше своих собратьев иереев. Таким образом, фактически хлыновские и сельские священники были предоставлены самим себе.

С поселением преподобного Трифона в Вятке представлялась полная возможность изменить это отношение к лучшему. Из жития видно, что Святейший Патриарх Иов «зело любяше» преподобного Трифона, ибо знал его «яко истинный раб Божий есть и добрая дела творит», и, надо думать, питал к нему особое доверие. С другой стороны, преподобный Трифон, не будучи связан родственными отношениями ни с кем из духовенства и мирян, мог свободно и беспристрастно знакомить Патриарха со всем, что происходило на Вятке. Поэтому вполне естественно предположить, что при неоднократных посещениях преподобным Трифоном Москвы Патриарх делал через него распоряжения вятским духовным властям или непосредственно давал ему поручения по епархии и в то же время получал от него нужные сведения об исполнении духовенством сделанных им распоряжений.

И невольный преподобный Трифон оказывался в ряду, а может быть, даже во главе местных церковных властей и здесь действовал с правом контролера, руководителя и, может быть, судьи над духовными лицами на Вятке. Можно даже с уверенностью полагать, что Патриархом вверен был преподобному Трифону надзор за церквами в вятской стране, каковым пользовались архимандриты Пысковского монастыря в Перми Великой. Об этом довольно определенно и ясно говорит одна из редакций древнего жития. Поставивши Трифона в архимандриты, Патриарх Иов, говорится в этом житии, «оные вятские грады и веси ввери ему». Есть, далее, смутное предание, что преподобный Трифон предпринимал даже поездки по вятской стране для обозрения приходских церквей и здесь вводил празднование дней, какие были приняты в его Вятском Успенском монастыре.

Будучи сам строгой жизни и истовым совершителем богослужения, преподобный Трифон, несомненно, требовал того же и от духовенства, и, надо думать, под действием его мер началось улучшение в нравах самого духовенства и в его религиозно-нравственном влиянии на паству. Преемники Трифона, по его примеру и по степени доверия к ним Патриарха, также, можно полагать, пользовались контролем над духовенством. Все это понемногу пролагало путь к открытию на Вятке отдельной епархии.

Не удивительно поэтому, что и первый епископ Вятский Александр (1658—1674 гг.), пока не построен был архиерейский дом, имел пребывание в монастыре преподобного Трифона.

Чисто мирские заботы о пропитании собранной в монастыре братии и полная возможность развить на пожалованных землях земледелие и скотоводство скоро вынудили преподобного Трифона как начальника монастырской общины раздвинуть рамки своей деятельности и приступить к улучшению хозяйственной культуры на многочисленных земельных участках. И вот по указанию настоятеля и под его руководством пустовавшие прежде участки земли обрабатываются под пашню и сенные покосы, природные

богатства утилизируются путем рыбной ловли, охоты, пчеловодства. Прокладываются дороги, строятся мосты, мельницы, воздвигаются поселки, устраиваются «животинные дворы» и так далее. Одним словом, монастырь преподобного Трифона является культурным хозяйственным деятелем в своих многочисленных вотчинах.

В этого рода деятельности преподобный Трифон проявлял особенную любовь. Во всех его действиях виден способный хозяин, твердый, расчетливый и вместе с тем строгий попечитель о нравах насельников в вотчинах. В духовной грамоте преемнику своему Ионе он пишет: «Будь радеть... и о вотчинах, и о угодах монастырских». В одной из сохранившихся грамот преп. Трифона к судейским целовальникам Вобловицкой вотчины имеется между прочим такой наказ: «Велели есми вам... беречи накрепко, чтоб в Вобловицкой волости вин не курили и пив и не варили без явочно, и воровства бы никоторого у них, татбы и разбоя... и душегубства не было, и буде кому надобе которому празднику или по родителям или на свадьбу вина окурити или пива или браги пьяные сварити, им велети к вам являтися, а имати явки с четверти по денге и держати в вашей казне за печатью, а писати в книги, а буде который крестьянин тутошний оучнет вина курити или пиво или брагу пьяную на продажу варити, у тех людей то питье и сосуды винные имати, а их же пеню бити батоги».

Подобным образом организованное культурное руководство преподобного Трифона и ближайших его преемников испытали громадные пространства нынешней Вятской губернии, а таковыми были значительная часть нынешнего Слободского уезда, известная под именем Вобловицкой волости, большая площадь Нолинского уезда (вотчина Ошетская, Курчумская, Сунская, Кырчанская), часть Вятского уезда с нынешними селами Куменой, Рябиновом и Верховкином и Малмыжского уезда — в части Вятскополянской вотчины. Все эти местности с благодарностью за своих предков должны вспомнить сегодня о преподобном Трифоне. Юбилейные дни его есть вместе юбилейные годы приобщения сих земель к общей культуре.

Укажем, наконец, последнюю заслугу преподобного Трифона русскому государству.

В то отдаленное от нас на 300 лет время обширная вятская земля заселена была крайне слабо. Громадные пространства даже по берегам больших рек Вятки, Чепцы, Камы были пустыни, и только случайные путники из Москвы в далекую Сибирь изредка навещали их. Вот такие-то «в пусе лежащие» места и даны были игумену Трифону в конце XVI столетия на прокормление братии. Чтобы получить с них что-нибудь, нужно было заселить их людьми. Поэтому на первых же порах своего существования монастырь вынужден был переселять крестьян из одной вотчины в другую. Одни из таких насельников имели право уйти с новых мест во всякое время, другие же обязаны были посадить вместо себя «садоков», т. е. охотних вольных людей. Кроме них переселялись сюда также и вольные земледельцы, привлекаемые земельными льготами и естественными богатствами монастырских вотчин. Нередко поселялись сюда люди из боярских и царских вотчин, избегавшие законного преследования. Этим путем постепенно заселялись пустые монастырские земли. Началась, таким образом, правильная колонизация, причем новые насельники встречали здесь сдерживающее от хищничества и руководящее начало в твердой руке настоятеля и доверенных его — «посельских старост».

Христианская вера, русская национальность, русский язык и русская

культура проникали в глубь земли вятской, в среду инородцев. Лесные и удаленные от Хлынова вотчины Трифонова монастыря становились опорными пунктами колонизации. Управление вотчинное служило для поселенца-хлебопашца и хозяйственным руководителем, и ссудной кассой, и приходской церковью, и, наконец, приютом под старость. Вокруг монастырских поселений оседало бродячее население, монастырем оно сцеплялось, как сцепляется корнями деревьев забучая песчаная почва.

Таким образом, из инока, скромного подвижника благочестия преподобный Трифон неволью вырастает в государственного деятеля; он становится во главе исторического, доселе еще продолжающегося дела — постепенного заселения и обрусения инородцев русского государства.

Такова, в общем, историческая роль преподобного Трифона в развитии обширного Вятского края.

Труды ВУАК. 1913. Вып. 1—2. С. 97—111 /отд. III/.

II. ВЯТСКИЙ КРАЙ В XVIII ВЕКЕ

А В ЭММАУССКИЙ

ВЯТКА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Важнейшее значение для Вятского края имели административные реформы, проводившиеся правительством Петра I в первой четверти XVIII века. В 1699 году была проведена реформа городского управления. В Москве была учреждена Бурмистерская палата, впоследствии переименованная в Ратушу. В остальных городах, в том числе и вятских, были организованы Земские избы, в которых сидели избранные городским населением бурмистры. Земские избы непосредственно подчинялись Московской Ратуше и ведали городским хозяйством и благоустройством, сбором прямых и косвенных налогов и судебными делами в городах. Таким образом городское население изымалось из-под власти местных воевод. В бурмистры выбирались «добрые» люди, то есть представители зажиточной верхушки посада.

В 1708—1710 годах была проведена губернская реформа, по которой территория России была разделена на 8 губерний (Московская, Ингерманландская с центром в Петербурге, Архангелогородская, Смоленская, Киевская, Азовская, Казанская и Сибирская). Губернии делились на уезды, в большинстве случаев совпадавшими со старыми уездами, существовавшими в XVII веке. Во главе уезда стоял комендант, сосредоточивавший в своих руках все управление в уезде и осуществлявший его через уездную канцелярию. Уезды по-прежнему делились на мелкие административные единицы — волости, станы, погосты, в которых делами ведали целовальники, старосты, сотские и другие местные правители. По губернской реформе 1708—1710 годов основные уезды Вятского края — Хлыновский, Котельничский, Орловский, Слободской, Шестаковский и Кайгородский вошли в состав Сибирской губернии; южные уезды — Яранский, Уржумский, Царевосанчурский и Малмыжский оказались в Казанской губернии, а северные волости — Лальская, Лузская — в Архангелогородской. Центром Сибирской губернии являлся Тобольск, но первый сибирский губернатор князь Матвей Петрович Гагарин предпочел ему Вятку. В 1711 году он приехал в Хлынов и пробыл здесь до 1715 года, управляя отсюда вверенной ему губернией, то есть фактически превратив Хлынов на длительное время в губернский центр. Правление Гагарина, однако, дорого обошлось населению и государству. Он безудержно расхищал казну,

присваивал государственные деньги, собранные с огромной Сибирской губернии. Злоупотребления сибирского губернатора были, однако, раскрыты. В 1717 году над ним было учинено следствие, установившее его вину. Рассмотрев материалы следствия, Петр I страшно разгневался на Гагарина и приказал его повесить. Но не один князь Гагарин брал взятки, грабил казну. Это делали и остальные приказные чиновники, от воевод и бурмистров до писцов и канцеляристов.

Попытки усовершенствовать систему местного управления начались уже с 1712 года, но не имели больших успехов. Только в 1719 году была проведена новая областная реформа, окончательно установившая административное устройство государства. По этой реформе губернии были разделены на провинции. Всего в России образовалось 50 провинций. Во главе провинции стоял воевода, управлявший при помощи провинциальной канцелярии. В руках воеводы сосредоточивались все отрасли управления, кроме военных дел и суда по крупным процессам, которые оставались в ведении губернатора. Кроме общей провинциальной канцелярии были созданы специальные конторы и канцелярии, ведавшие отдельными отраслями управления. Воевода и провинциальные учреждения непосредственно сносились с центральными органами — Правительствующим Сенатом, созданным Петром I в 1711 году и коллегиями, организованными в 1718 году.

Провинции делились на округа, получившие название дистриктов. Впрочем, это название держалось недолго и дистрикты вскоре стали именоваться по-старому — уездами. Во главе дистрикта находился земский комиссар, ведавший всеми делами при помощи уездной канцелярии. Дистрикты — уезды делились на волости и другие мелкие административные единицы, во главе которых стояли выборные местные старосты, сотские и десятские, находившиеся в подчинении уездных и провинциальных властей.

По областной реформе 1719 года Сибирская губерния была разделена на три провинции — Вятскую, Соликамскую, охватывавшую Пермскую землю, и Тобольскую, в состав которой входила вся Сибирь. Вятская провинция была составлена из семи дистриктов — уездов: Хлыновского, Слободского, Котельничского, Орловского, Шестаковского, Кайгородского и Кунгурского. Что касается южно-вятских уездов и городов Яранска, Санчурска, Уржума, Малмыжа и слобод Кукарки, Елабуги и Сарапула, то они вошли в состав Казанской провинции. При образовании Вятской провинции на ее территории, по данным ландратской переписи, числилось 15526 дворов. По городской реформе 1720 года в четырех городах Вятской провинции: Хлынове, Слободском, Кайгороде и Кунгуре были созданы магистраты, в которые посадское население избрало по два

бургомистра. В городах Котельниче, Орлове и Шестакове были организованы ратуши во главе с ратманом.

В последующие годы проводились некоторые изменения в административном устройстве Вятской провинции. Уже в 1721 году Кунгурский дистрикт ввиду дальности расстояния от Хлынова был передан из Вятской провинции в Соликамскую. По ландратской переписи, в нем числилось 3198 тяглых дворов. Без них в Вятской провинции оставалось 14128 дворов. В 1727 году магистраты в городах Хлынове, Слободском и Кайгороде, как и по всей России, были преобразованы в ратуши, так что во всех городах провинции установилось однообразное управление. Наконец, в том же году вся Вятская провинция была переведена из Сибирской губернии в Казанскую, в составе которой стало числиться пять провинций: Казанская, Свияжская, Пензенская, Вятская и Уфимская. Для Вятского края это имело особенно большое значение, так как сблизило его северные районы с южными, исторически тяготевшими друг к другу в экономическом отношении и связанными между собой речной системой бассейна Вятки и Верхней Камы.

* * *

Стремясь создать крупную промышленность, Петр I лихорадочно строил государственные заводы и фабрики и поощрял строительство предприятий частными лицами. Государство предъявляло особенно большой спрос на железо, медь и другие металлы, на сукна, полотно, кожу, парусину, канаты и другие материалы, необходимые для снабжения армии и флота оружием, боеприпасами, снаряжением, одеждой. В результате в первой половине XVIII века в России была создана крупная промышленность, по своему характеру являвшаяся мануфактурной.

Подобные мануфактуры возникли и в Вятском крае. В первые годы XVIII века в низовьях реки Вятки был основан государственный медеплавильный завод, знаменитый тем, что он был первым предприятием в России по обработке меди. Почти одновременно на самом юге Вятского края, близ Елабуги, полковником Нейдгартом, посланным на розыски медных руд в бассейне Камы, был построен Саралинский казенный медный завод на притоке Камы Сарали. В 1725 году он был передан в частные руки. В 1729 году был основан Кирсинский чугунолитейный завод, в 1732 году — Каринский медеплавильный завод, в том же году — Шурминский медеплавильный завод, в 1746 году — Слободской кожевенный завод. Такой же завод был построен в 1747 году близ города Хлынова, на речке Хлыновице, вятским купцом Толмачевым. Завод изготовлял юфть разных сортов. Еще в начале XVIII века в Хлынове возникли два винокуренных завода, один из которых принадлежал купцу Рылову, другой — Злыгостеву. Винокуренные заводы были

также под городом Хлыновом — Талицкий и Никулицкий. Кирсинский завод был построен хлыновским купцом Григорием Вяземским в глухих лесах на речке Кирс, притоке верхней Вятки. Завод был расположен на расстоянии 50—70 верст от рудников, но в непосредственной близости от реки Вятки, представлявшей удобный водный путь для вывоза готовой продукции завода на внутренний рынок. Завод имел одну доменную печь и 5 молотов, из них 4 действующих и один запасной. Он вырабатывал до 23 тысяч пудов чугуна в год, то есть значительно меньше нормы, которая в XVIII веке доходила до 8 тысяч пудов в год на молот. Относительно низкий уровень выплавки чугуна объясняется тем, что завод мог работать лишь 8 месяцев в году вследствие недостатка руды и водной энергии. Впоследствии Кирсинский завод был куплен устюжским предпринимателем Курочкиным и в конце XVIII века имел около 50 постоянных мастеров и рабочих. Он обслуживал чугуном не только вятский край, но многие промысловые районы Прикамья, Поволжья и Севера.

Производство меди в Вятском крае возникло во второй четверти XVIII века. Еще в 1730 году вятчанин И. Тряпицын поставил медеплавильный завод на речке Таишевке, притоке Вятки, у деревни Кукмор, вблизи Вятских Полян. Этот завод получил название Анцубского. В 1732 году вятские купцы Прозоров и Дряхлов поставили большой медеплавильный завод на реке Шурме, притоке Вятки. Он имел 10 плавильных печей и 3 расковочных молота для производства медных листов. Два молота были действующими, один — запасной. Заводу принадлежали 67 медных рудников, часть которых, и притом наиболее крупных, находилась на левобережье Камы, примерно в 250 верстах от завода. Это значительно снижало выпуск продукции, производство которой в 40—60-х годах XVIII века колебалось от 1125 до 2600 пудов в год. Однако, находясь на выгодном месте, в 6 верстах от реки Вятки и в 25 верстах от города Уржума, Шурминский завод успешно конкурировал с другими медеплавильными предприятиями и превратился в самый крупный и процветающий медный завод Вятско-Камского района. Впоследствии владельцы Шурминского завода продали его тульскому предпринимателю Антипу Мосолову.

Первоначально на вятских мануфактурах применялся вольнонаемный труд. Владельцы фабрик и заводов, будучи выходцами из купцов и мещан, не имели права владеть крепостными. Но фактически работные люди, как назывались в то время промышленные рабочие, в большинстве случаев являлись кабальными людьми, попавшими в зависимость к купцам за долги, ссуды и другие кабальные сделки. Впоследствии вятские мануфактуристы воспользовались изданным в 1721 году законом, разрешавшим недворянам покупать крепостных для работы на фабриках и заво-

дах, и стали приобретать крестьян у помещиков, используя их затем на своих предприятиях.

* * *

Основную роль в производстве промышленных товаров по-прежнему играла мелкая промышленность, представленная ремеслом и кустарными промыслами. Мелкая промышленность Вятского края была направлена преимущественно на переработку сельскохозяйственного сырья. Сюда относятся мукомольное, крупианное, маслодельное, салотопное, винокуренное, пивоваренное, кожевенное, сапожное, пимокатное, овчинное, шорное, прядильно-ткацкое производство. Другой весьма распространенной отраслью мелкой ремесленной промышленности была обработка дерева, изготовление телег, саней, колес, бочек, ведер, мебели, сундуков, коробов, корзин, деревянной посуды, сох, борон и других сельскохозяйственных орудий, а также выделка мочала, рогож, кулей, лаптей. Развивалась металлообработка, в том числе кузнечное и слесарное дело, изготовление медных, серебряных и золотых изделий, оловянное и лудильное производство. Большое развитие получила пищевая промышленность, производство калачей, пирогов, пряников, сбитня, кваса. Широко развивалось гончарное и кирпичное производство. Существовало производство предметов одежды: тулупов, шуб, поддевок, кафтанов, шапок, рукавиц, сапог, валенок, поясов. Известное развитие получило мыловарение, изготовление сальных и восковых свеч, предметов религиозного обряда и многое другое. Примером, характеризующим мелкое ремесленное производство в Вятском крае, может служить перечень ремесленников города Хлынова по переписи населения 1726 года. Всего было записано 42 мастера, в том числе 8 крашенинников, 6 серебряников, 6 кузнецов, 4 чеботаря, 3 мыловара, 2 медника, 2 кожевника, 2 свечника, колокольник, горшечник, кирпичник, жерновых дел мастер, портной шапочник, скорняк, шорник, иконописец.

* * *

Развитие мелкой промышленности и появление мануфактуры не изменили аграрного характера хозяйства Вятского края. По-прежнему главной отраслью экономики оставалось сельское хозяйство. В области агротехники в первой половине XVIII века никаких существенных изменений по сравнению с предшествующим периодом не наблюдалось, если не считать некоторого увеличения железных сельскохозяйственных орудий, таких как соха с железными ральниками, коса-горбуша, серп, топор. Преобладающей системой земледелия стало трехполье, но продолжала сохраняться и подсеčno-огневая система. Главными зерновыми культурами были озимая рожь и овес. Высевались также ячмень, яровая пшеница, просо, полба, лен, конопля, горох, но в значительно

меньшем объеме, чем рожь и овес. Урожайность хлебов оставалась низкой. Часто были неурожаи и недороды. Как правило, из каждых десяти лет относительно благополучными по урожайности были лишь четыре. В 20-х годах XVIII века крестьяне Вятской провинции получали в среднем 22,5 пуда ржи и 24,8 пуда овса с десятины. В пониженных районах Вятского края, находившихся в Казанской провинции и имевших более благоприятные почвенные и климатические условия, урожайность хлебов была в полтора-два раза выше, чем в северных.

Основными причинами низкой урожайности являлись примитивная агротехника и недостаток удобрений. Поля удобрялись навозом, но его в крестьянских хозяйствах было мало из-за немногочисленности поголовья скота.

В Вятском крае по-прежнему разводились лошади, коровы, овцы, козы, свиньи, домашняя птица. Однако коровы были мелкими и давали мало молока и мяса. Овцы также не отличались породистостью и выход шерсти, сала и мяса от них был незначительным. Что касается лошадей, то в XVIII веке в крае стала создаваться известная порода коней «вятка», малорослая, но отличавшаяся выносливостью, достаточно быстрым ходом и неприхотливостью.

В первой половине XVIII века население Вятской провинции освоило под земледельческую культуру довольно значительную площадь края. Пашня занимала 3 миллиона десятин, сенокосные угодья — полмиллиона. Это составляло 25 процентов территории провинции. Остальные земли были заняты лесами и болотами. Наряду с земледелием, скотоводством и огородничеством вятские крестьяне почти поголовно занимались промыслами и домашним ремеслом. Широкое развитие получили охота, рыбная ловля, деревообработка, выделка кож и шкур, прядение и ткачество, изготовление животного сала и масла, шуб и валенок, конской сбруи, телег и саней. Сельское хозяйство все больше втягивалось в рыночное обращение и приобретало товарный характер. Хлеб, продукты животноводства, промышленное сырье и кустарные изделия в значительном количестве шли на местные рынки и вывозились за пределы провинции в города Европейской России и в Сибирь. Втягиванию сельского хозяйства в рыночное обращение во многом способствовала налоговая политика государства, переводившая почти все налоги, подати, пошлины и прочие государственные повинности в денежную форму, что заставляло крестьян продавать часть продукции своего хозяйства, чтобы иметь деньги для расчета с казной.

Особенно большое значение имела податная реформа Петра I, вводившая единую подушную подать. По этой реформе, проведенной в 1719 году, объектом обложения становились «души» мужского пола, т. е. все мужчины от рождения до смерти, за исключением

дворянства и духовенства. Подушная подать взималась с городского населения и государственных крестьян в сумме 1 рубль 20 коп. с души в год, с помещичьих и церковно-монастырских крестьян 80 коп. В данном случае учитывалось, что помещичьи и церковно-монастырские из суммы подушной подати в 1 р. 20 коп. должны выплачивать 40 коп. своим владельцам. Для определения количества душ была проведена перепись мужского населения. Но итоги этой переписи оказались явно заниженными, так как многие налогоплательщики сумели укрыться от переписчиков. Поэтому по указу Петра I была проведена проверка или ревизия переписи, которую было поручено организовать военному ведомству. В Вятской провинции первая ревизия была проведена в 1722—1723 годах. При этом в так называемый полковой дистрикт, проводивший перепись от Вятской провинции, были включены из семи уездов лишь пять, а два уезда (Кайгородский и Кунгурский) оказались приписанными к Соликамскому полковому дистрикту.

Тяжесть подушной подати станет очевидной, если учесть, что русский рубль того времени по своей покупательной силе равнялся приблизительно 9 рублям золотом на деньги начала XX века. На рубль времен Петра I можно было купить два центнера ржи.

Особенность Вятки, как и всего Севера Европейской России, заключалась в том, что здесь большинство населения составляли черносошные и ясачные крестьяне, выполнявшие только государственные повинности и платившие феодальный оброк в казну. Поместное землевладение было относительно незначительным и размещалось преимущественно в южных уездах края, входивших в состав Казанской провинции. Крупнейшим землевладельцем оставалась церковь. Вятский архиерейский дом и монастыри владели обширными вотчинами на всей территории края от Синегорья до Вятских Полян. По первой ревизии 1722—1723 годов за 20 вятскими монастырями насчитывалось свыше 35 тысяч душ мужского пола и за архиерейским домом — около 12 тыс. душ, то есть приблизительно 94 тысячи крестьян обоего пола.

Наряду с отработочной рентой (барщиной) духовные феодалы эксплуатировали крестьян в форме продуктовой и денежной ренты, то есть натуральных оброков и денежных платежей. Они взимались в виде окладных и неокладных доходов. К окладным доходам относились прежде всего «окладные деньги», то есть прямой подушный оброк, который в середине XVIII века равнялся 40 коп. с души м. п. в год. В состав окладных доходов входили «вымолочные деньги», то есть обязательная плата за помол зерна на церковно-монастырских мельницах. У Трифонова монастыря в Вятском крае было 22 мельницы. В середине XVIII века монастырь получал с них до 750 руб. «вымолочных денег» в год. Сюда же относились «деньги с подмельничных мест», которые взимались с

крестьянских мельниц, поставленных на монастырской земле. К числу окладных доходов относились также оброчные деньги, собиравшиеся с рыбных ловель, принадлежавших монастырю и арендуемых крестьянами. Всего этих окладных доходов Трифонов монастырь получал со своих вотчин, находившихся в Вятской провинции, около 10 тысяч рублей в год. Примерно такую же сумму он получал и с вотчин, входивших в состав Казанской провинции. Кроме денежных сборов в состав окладных доходов входил «окладной хлеб», то есть натуральный оброк продуктами сельского хозяйства крестьян. Он взимался с каждого оброчного двора в зависимости от размеров наделной земли. С вотчин Вятской провинции Трифонов монастырь собирал «окладного хлеба» около 2100 четвертей ржи, 1900 четвертей овса, 125 четвертей ячменя, 24 четверти пшеницы, 11 четвертей семян льна, столько же конопляного семени, около 22 пудов хмеля и другие продукты. Особыми окладными доходами были «столовые припасы», в состав которых входили свежие и сушеные ягоды (малина, смородина, земляника, черемуха, рябина), свежие, сушеные и соленые грибы, хрен и другие плоды лесов и огородов. «Столовые припасы» собирались «генерально», то есть со всех крестьянских дворов. Сюда относились также мед и воск, которые были обязаны поставлять монастырю крестьяне бортники и пасечники. Меду монастырь получал до 270 пудов в год. Оброчные крестьяне обязаны были поставлять монастырю большое количество мяса, масла коровьего, сыру, сала, яиц и других продуктов. Окладной статьей были также «конюшенные припасы», куда относились различные изделия, необходимые для оборудования монастырских конюшен и скотных дворов, начиная от телег, саней, дуг, хомутов и кончая дровами и круглым лесом. «Конюшенные припасы», однако, собирались не каждый год, а по мере надобности, когда монастырю становились необходимы те или иные изделия. Тяжелой оброчной статьей были «приказные расходы», предназначенные на оплату всевозможных пошлин и сборов при совершении юридических формальностей в казенных учреждениях. «Приказные расходы» собирались с крестьян в денежной форме, по 6 копеек с ревизской души. Всего Трифонов монастырь получал по этой статье свыше 1300 рублей в год. Очень тяжелой для крестьян была повинность, называвшаяся «служительское жалованье». Это были денежные и натуральные оброки, собиравшиеся с крестьян на содержание административного аппарата монастыря, прежде всего многочисленных приказчиков, писцов, присмотрщиков и других монастырских служащих, находившихся на местах, в каждой вотчине и в каждой деревне и управлявших крестьянами. Установить общую сумму «служительского жалованья» не представляется возможным, тем более, что монастырские старцы и служки не ограничивались установленной нормой, а собирали с крестьян деньги и продукты по собственному усмотрению.

Местная торговля сосредоточивалась в городах, где существовали лавки и торговые амбары, действовали рынки в базарные дни, имелись товарные пристани и ямские дворы. Крупнейшими центрами торговли края были Хлынов и Слободской. В Хлынове в 1700 году насчитывалось 100 лавок. Оживленная торговля велась на ярмарках, особенно на Алексеевской в Котельниче и Семеновской в Хлынове.

Заметное развитие получила торговля и в сельской местности. В слободах, погостах и крупных селах появились торжки, съезды, то есть небольшие кратковременные ярмарки, рядки и постоянно действующие торговые заведения. Особенно выделялись посад Лальск и слобода Кукарка. Устанавливалась тесная торговая связь деревенского населения с городским рынком. В источниках середины XVIII века указывается, что крестьяне в больших количествах привозили в Хлынов хлеб, семя льняное, масло коровье, сало говяжье, свежую и соленую рыбу, мед, воск, кожи, пушнину, сукно сермяжное, холст, деревянную и глиняную посуду и другие товары и съестные припасы. Подобного рода продукты крестьяне поставляли и в другие города края. По подсчетам А. И. Комиссаренко, в 1740 году на хлыновском городском рынке обращалось товаров крестьянского производства на сумму 11074 руб. 83 коп. Из них продукты крестьянской промышленности составляли 49,91 процента, продукты земледелия и животноводства — 41,66 процента и продукты охоты (пушнина) — 8,43 процента.

Большого объема в первой половине XVIII века достиг вывоз товаров из Вятского края в другие районы России, особенно в Москву, Петербург, Поморье, Поволжье, Приуралье и Сибирь. Главным предметом вывоза был хлеб и другие сельскохозяйственные продукты. Вятка в те годы входила в число крупнейших хлебных рынков России. Особенно большое количество хлеба шло в Архангельск. Он доставлялся гужевым транспортом из Хлынова и Слободского через Летку в Ношуль, где имела пристань на реке Лузе. Здесь хлеб и другие товары перегружались на суда и сплавлялись, обычно в весеннее половодье, по рекам Лузе и Югу в Северную Двину, по которой шли до Архангельска. Насколько велик был поток грузов, показывает тот факт, что вятские купцы ежегодно нанимали для перевозки товаров на Ношульскую пристань от 7,5 тысячи до 11 тысяч подвод с извозчиками. В 1741 году из Хлынова в Ношуль двадцать вятских купцов доставили 26526 четвертей ржи, 9580 четвертей льняного семени, 1864 четверти пшеницы, 89 четвертей ячменя, 572 куля ржаной муки, 45 кулей ячменной и овсяной крупы, 94 куля толокна, 8 кулей солоду, 835 лагунов сала, 358 пудов меду и ряд других продуктов на общую сумму в 60 тысяч рублей.

Петр I, стремясь сосредоточить внешнюю торговлю в Петер-

бурге, запретил в 1722 году доставлять товары в Архангельск и приказал возить их в Петербургский порт. В силу этого указа вятским торговым людям пришлось вместо удобного пути к Белому морю транспортировать товары в далекий Петербург преимущественно гужевым транспортом. В 1727 году указ Петра I был отменен, и торговля Вятки с Архангельском возобновилась. Но, проложив путь в новую столицу, вятчане продолжали крепить торговые связи с ней. Следует отметить вывоз больших партий кож в Ярославль на кожевенные заводы Ярославской провинции, вывоз водки в Архангельск, Соликамск, Верхотурье, Кунгур, Екатеринбург, Тобольск и другие города.

В свою очередь в Вятский край ввозились многочисленные товары из других городов, особенно из Казани, Астрахани, Нижнего Новгорода, Москвы, Ярославля, Великого Устюга, Перми: железо, олово, металлические изделия, ткани, краски, стекло, бумага и другие промышленные товары. Торговля велась как вятскими, так и приезжими иногородними купцами. На основе этой торговли в Вятском крае стало формироваться местное купечество. Возникли богатые купеческие династии. Особенно выделялись своими капиталами хлыновские купцы Машковцевы, Калинины, Аршауловы, Лянгусовы, Хохряковы, Дряхловы, слободские купцы Платуновы, Хмелевы, Балезины.

А. В. ЭММАУССКИЙ

ВЯТКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Во второй половине XVIII века в Вятском крае, как и во всей России, произошли административно-территориальные изменения, связанные с губернской реформой 1775 года. В Вятском крае она осуществилась в 1780 году. Образовалось Вятское наместничество с центром в Хлынове, который по этому поводу особым указом императрицы Екатерины II был переименован в город Вятку, вернув себе свое древнее первоначальное название. В состав наместничества вошли Вятская провинция и южные вятские уезды, выделенные из Казанской провинции. Наместничество делилось на 13 округ. Центрами 10 округ являлись старые вятские города: Вятка, Слободской, Котельнич, Орлов, Кайгород, Яранск, Уржум, Малмыж, Царевосанчурск, Елабуга. В остальных трех округах центрами стали новые города, преобразованные из поселков, — Глазов (до того — село Глазово), Нолинск (бывшее село Ноли) и Сарапул (Дворцовое село). Главой наместничества был назначенный царской властью наместник. Начальниками округ были капитан-исправники. Во главе городов стояли городничие.

В 1796 году Вятское наместничество было преобразовано в губернию, а округа — в уезды.

Во главе губернии находился губернатор и его помощник — вице-губернатор. В уездах сохранились капитан-исправники. В губернском центре создавались новые правительственные учреждения. Важнейшими из них были: губернское правление, казенная палата, судебная палата, делившаяся на палату уголовных дел и палату гражданских дел, управа благочиния (полицейский орган), губернский магистрат, верхний земский суд, губернский прокурор, приказ общественного призрения (он ведал просвещением, здравоохранением, «богоугодными», то есть благотворительными заведениями). В уездах были созданы: нижний земский суд, уездное казначейство, уездный суд, нижняя расправа, судившая крестьян. Один из древних вятских городов — Шестаков — не образовал своего уезда, утратил статус города и был обращен в село Шестаково Слободского уезда.

В 1802 году Кайский и Царевосанчурский уезды были ликвидированы, а их территории присоединены к соседним уездам. Город Кайгород превратился в село Кай Слободского уезда, Царевосанчурск стал заштатным городом Яранского уезда. В Вятской губернии осталось 11 уездов, которые существовали вплоть до 1918 года. В 1799 году произошла реорганизация церковного управления. Вятская и Великопермская епархия разделились на две путем образования самостоятельной Пермской епархии. На территории Вятской губернии была образована епархия Вятская и Слободская. Управление ею находилось в руках архиерея и духовной консистории, подчиненных Святейшему Синоду. Таким образом, к концу XVIII века Вятский край окончательно сложился в единую губернию с централизованным гражданским и церковным управлением.

* * *

Вятская губерния во второй половине XVIII века оставалась аграрным краем. Общая земельная площадь исчислялась в 15526 160 десятин, или около 169061 квадратной версты. Количество населения в 80-х годах было равно 843208 человек. Таким образом, плотность населения была весьма незначительной и составляла всего 5,65 чел. на одну квадратную версту. Но по отдельным уездам она колебалась довольно сильно. Самым густонаселенным был Вятский уезд, в котором плотность населения доходила до 19,7 чел. на кв. версту. Самым малолюдным был Кайский уезд (1,5 чел. на кв. версту). Население губернии росло сравнительно быстро. По 5-й ревизии, проводившейся в 1796 году, население в губернии исчислялось в 974019 человек, то есть увеличилось на 15,5 процента по сравнению с 4-й ревизией 1782 года. В среднем годовой рост

населения составил 1,3 процента, значительно превышая средний прирост по Европейской России, равный 0,81 процента.

В губернии абсолютно преобладало сельское население. Городских жителей в середине 80-х годов XVIII века насчитывалось 16775 человек, или около 2 процентов населения. По национальному составу население было смешанным. Большинство составляли русские (81,9 процента). Остальное население (18,1 процента) было представлено удмуртами, татарами, марийцами, бесермянами, тептярями и другими народностями.

Социальный состав населения губернии установить довольно затруднительно вследствие неточности и запутанности статистических материалов. Путем сопоставления соответствующих данных для середины 80-х годов получим следующий состав населения государственных крестьян — 567922 человека, экономических, то есть бывших церковно-монастырских крестьян — 115928, дворцовых крестьян — 69756, помещичьих крестьян и дворовых людей — 16858; адмиралтейских крестьян (лашманов), прикрепленных к морскому ведомству для заготовок корабельного леса — 11580; приписных, вотчинных и посессионных рабочих — 34774, ланцев, то есть военизированных крестьян, несших охранную службу в местной ландмилиции, — 9970, мещан — 8564, купцов — 1156, духовенства — 6700, а всего — 843208 человек. Таким образом, основную массу населения губернии составляли крестьяне (почти 93 процента всех жителей), причем абсолютно преобладали государственные крестьяне. Частновладельческих крестьян было немного, всего 9,8 процента крестьянского населения. При этом около 80 процентов из них являлись дворцовыми, то есть принадлежавшими императорской фамилии. Благодаря реформе 1797 года, положение удельных крестьян сблизилось с государственными, с той лишь разницей, что они платили оброки и выполняли повинности не в государственную казну, а в удельное ведомство. Что касается фабрично-заводского населения, то оно состояло в большинстве из прикрепленных к предприятиям крестьян и мастеровых, причем большая часть их (82,8 процента) работала на государственных заводах.

* * *

В экономике губернии на первом месте находилось земледелие. Оно по-прежнему стояло на низком агротехническом уровне. Основными орудиями земледелия были деревянные сохи, бороны, грабли, вилы, мялки, цепи и железные серпы и горбуши. К транспортным средствам относились волокуши на колесных передках, четырехколесные телеги, пологи для возки навоза, дровни и сани. Повсеместно господствовала трехпольная система земледелия и в значительных размерах применялась подсека.

По характеру и уровню земледелия губерния делилась на три основные зоны: центрально-западную, юго-восточную и северо-восточную. В первую зону входили уезды, расположенные по верхнему (за исключением самих верховьев) и среднему течению реки Вятки: Слободской, Орловский, Вятский, Котельничский, Нолинский, Глазовский, Уржумский, Яранский, Царевосанчурский. Во вторую зону входили уезды, находившиеся по нижнему течению Вятки и на правобережье средней Камы: Малмыжский, Елабужский и Сарапульский. К третьей зоне относился обширный Кайский уезд, расположенный на Верхней Каме и в верховьях Вятки. В центрально-западной зоне преобладали суглинистые и супесчаные почвы. Урожай зерновых и других культур обеспечивался здесь только при условии внесения в почву удобрений, в первую очередь навоза. Средняя урожайность была невысокой: рожь — сам-3, ячмень — сам-4, овес — сам-2,5, пшеница — сам-2,5, горох — сам-4, лен и конопля (семя) — сам-2,5. При этом преобладали посевы ржи, овса и ячменя. Остальные культуры производились в незначительном количестве. В юго-восточной зоне почвы были плодороднее. Преобладал нетучный чернозем и лучшие по качеству подзолистые почвы. Земля здесь была еще не полностью истощена, и крестьяне, как правило, не применяли удобрений. Средняя урожайность в этой зоне была несколько выше. Рожь, пшеница, горох, лен и конопля давали — сам-3,5, овес и ячмень — сам-4,5, полба — сам-2,5. В северо-восточной зоне почва отличалась неплодородием. Значительная часть Кайского уезда была заболочена. Холодное и сырое лето не благоприятствовало созреванию хлебов. Урожайность их была ниже, чем в остальных зонах; в среднем рожь, ячмень и овес давали сам-2-2,5. В наиболее благоприятные для сельского хозяйства годы урожаи повышались в полтора-два раза, особенно в юго-восточной зоне. Кроме указанных культур в некоторых местах возделывали в небольшом количестве гречиху (Уржумский уезд), просо и мак (Малмыжский уезд), картофель (Орловский уезд).

Посевная площадь в разные годы была различна, но постепенно увеличивалась. В конце XVIII века (1796 г.) из общего количества земли в губернии, равного 15526160 десятинам, было засеяно в трех полях 1443054 десятины, из них в озимом поле 481018 десятин. Таким образом, посевная площадь составляла всего 9 процентов земли в губернии. Наиболее распаханными были Вятский, Нолинский, Орловский, Котельничский и Глазовский уезды. Валовой сбор хлебов при средней урожайности составил в конце века 4 371 593 четверти, в том числе озимых 1 478 245 и яровых 2 893 348 четвертей. Следовательно, чистый сбор равнялся 2 967 959 четвертям. Населения по V ревизии числилось 916890 человек. Таким образом, на душу населения собиралось 3,2 четверти хлебопродуктов в год.

Считая потребность в хлебопродуктах среднего жителя равной двум четвертям, можно сказать, что Вятская губерния в конце XVIII века производила хлеба больше, чем было необходимо для продовольствия ее населения. Известная часть его вывозилась на рынок. Всего товарного хлеба производилось 1134179 четвертей. Из них 75322 четверти поставлялось на винокуренные заводы, а остальной хлеб поступал в продажу. Большая часть его вывозилась в Архангельск старым путем от Вятки до Ношульской пристани на Лузе, а затем водным путем по Лузе, Югу и Северной Двине, и в Астрахань по Вятке, Каме и Волге. Значительное количество хлеба продавалось на местном рынке. Хлебные цены в конце XVIII века были различны. В центрально-западной зоне они были ниже, чем в юго-восточной и северо-восточной. Кроме того, они колебались в зависимости от рыночного спроса и предложения. В среднем цена ржи была 1 р. 60 коп., пшеницы — 2 руб. 79 коп., овса — 74 коп., ячменя — 1 р. 14 коп., гороха — 2 р. 55 коп. за четверть. Основными хлеботорговцами являлись купцы, скупавшие хлеб у крестьян по более низким ценам.

Однако судить о состоянии обеспеченности населения Вятской губернии продуктами земледелия по средним показателям безоговорочно нельзя. В действительности полного благополучия быть не могло. Крестьянство во второй половине XVIII века было уже неоднородным. В его составе преобладала беднота, которая страдала от малоземелья и недостатка скота, собирала мало хлеба и фактически не имела товарных излишков. Несмотря на это и бедные крестьяне были вынуждены продавать известную часть урожая, чтобы иметь деньги для уплаты налогов, оброков и прочих государственных и феодальных сборов. Сами же крестьяне во многих случаях питались низкокачественным хлебом, часто смешанным с отрубями, костером, лебедой, соломой, сосновой корой и другими суррогатами, или просто голодали.

Дополнением к хлебопашеству служило огородничество. Характерно, что огороды имелись не только у крестьян, но и у городских жителей. Возделывались капуста, лук, редька, огурцы, чеснок, горох столовый, морковь, свекла, бобы, репа, тыква и другие овощи. Большого торгового значения овощеводство не имело, но некоторая часть огороднической продукции шла на рынок. В частности, в городах существовали овощные ряды и палатки. Садоводство, как особая отрасль сельского хозяйства, существовало только в Царевосанчурском уезде. В других районах сады не разводились, хотя в южных городах, по-видимому, отдельные домовладельцы на своих усадьбах выращивали яблони, груши, вишни, малину, смородину, крыжовник и другие ягодные культуры.

Большое значение в сельском хозяйстве имело скотоводство, широко распространенное в Вятском крае. К сожалению, точных

данных о поголовье скота во второй половине XVIII века мы не имеем. Но по некоторым сведениям, касающимся отдельных уездов, можно установить, что в конце века (1795 г.) в среднем на двор приходилось крупного рогатого скота (быков, коров, телят) 3 головы, овец — 4, свиней — 3, лошадей — 2 головы. По 5-й ревизии в губернии числилось 82526 дворов. Разводилась и домашняя птица: куры, утки, гуси. По-прежнему в Вятском крае было развито пчеловодство как бортное, так и пасечное. Значительная часть меда и воска также шла на продажу. В общем, сельское хозяйство губернии, сохраняя в основном натуральный характер, имело уже заметные черты товарного производства.

* * *

Наряду с сельским хозяйством в Вятском крае во второй половине XVIII века интенсивно развивалась промышленность. Особенно широкое развитие получило мелкое товарное производство в виде городского ремесла и кустарных промыслов, обслуживающих нужды местного населения. Наблюдался известный рост городов. По четвертой ревизии 1782 года, в городе Вятке насчитывалось 1579 душ, что составит примерно 3160 человек обоего пола. В Слободском числилось 1183 души, или 2370 чел., в Сарапуле — 1153, или 2300 чел., в Елабуге — 1046, или 2100 чел., в Малмыже — 629, или 1260 чел., в Нолинске — 428, или 860 чел., в Орлове — 418, или 840 чел., в Кайгороде — 375, или 750 чел., в Уржуме — 366, или 730 чел., в Яранске — 361, или 720 чел., в Котельниче — 336, или 670 чел., в Глазове — 257, или 520 чел., в Санчурске — 174 души, или 350 человек. В действительности населения в городах было несколько больше, поскольку при ревизской переписи не учитывались дворяне, чиновники, церковнослужители, купцы первой и второй гильдий, военнослужащие, не облагавшиеся подушной податью. Количество лиц, занимавшихся ремеслом, в ревизских сказках не указано, что затрудняет установление числа ремесленников в городах губернии. Но нам известно, что через 15 лет в городе Вятке насчитывалось 514 ремесленников, что составит 11 процентов от числа жителей в 1797 году.

Городское ремесло было весьма разнообразным. Развивалась металлообработка (серебряники, медники, оловянные кузнецы, слесари, литейщики, изготовлявшие колокола, пушечные стволы), деревообработка (столяры, плотники, бочкари, посудники, изготовлявшие деревянные миски, ложки), обработка кожи (кожевники, овчинники, скорняки, сапожники, чеботари), прядильно-ткацкое и швейное дело (прядильщики, ткачи, набойщики, портные, шапошники, рукавишники) и другие ремесла и промыслы, в том числе мыловары, свечники, хлебники, пряники, печники, горшечники, извозчики, рыбаки, изготовители рыболовных снастей, мастера

глиняной игрушки. Часть горожан работала водниками на речных судах. Многие уходили на отхожие промыслы в другие губернии. По социальному положению часть ремесленников принадлежала к мещанскому сословию и, как правило, входила в цеховые организации. Остальные были государственными крестьянами, переселившимися в города. Ремесленники изготавливали свои изделия преимущественно на продажу, но работали также и по заказу, так что городское ремесло имело характер товарного производства. Большинство из них занималось и сельскохозяйственным производством в качестве подсобного хозяйства. Держали домашний скот и птицу, огороды, сенокосные угодья и пахотные участки на землях, приписанных к городам.

Дальнейшее развитие получила и деревенская промышленность. В конце XVIII века в губернии насчитывалось 14448 сел и деревень. Крестьянское ремесло в значительной степени имело еще натуральный характер.

Особенно много кустарей имелось в Вятском, Слободском, Орловском и Котельничском уездах, а также в пригородных поселках, из которых было легко доставлять продукцию на городской рынок. По ассортименту изделий деревенское ремесло мало отличалось от городского. Важнейшее место занимало производство холста, сермяжного сукна, кож, меховых изделий, деревянной и глиняной посуды, сельскохозяйственных орудий, а также лаптей, корзин и других плетеных изделий. Многие крестьяне занимались извозом, уходили на промысел на заводы и фабрики, на водный транспорт в качестве бурлаков, грузчиков, судовых рабочих, на лесные и строительные работы.

* * *

Значительный шаг вперед во второй половине XVIII века сделала крупная промышленность. К концу века в Вятской губернии насчитывалось около ста предприятий мануфактурного типа. В это время возникли чугунолитейные заводы: Пудемский (1759 г.), Климовский (1726 г.), Залазнинский (1772 г.), Омутнинский (1773 г.), Шурманикольский (1788 г.); железоделательные заводы: Воткинский (1759 г.), Ижевский (1760 г.), Холуницкий (1764 г.), Буйский (1768 г.), Песковский (1772 г.); медеплавильные заводы: Бемышевский (1756 г.), Варзино-Алексеевский (1760 г.), Пыжманский (1763 г.); Косинский стекольный завод (1775 г.); бумажные фабрики: Бахтинская (1760 г.), Косинская (1784 г.), Медянская (1785 г.); Старо-Бурецкая (1786 г.), Портянурская (1789 г.); винокуренные заводы: Павловский, Чернореченский, Екатерининский, Никулицкий, Талицкий, Чураковский, Ошланский, Ключинский, Калининский. В это же время возникло 19 кожевенных, 20 салотопенных, 11 мыловаренных, несколько лесопильных заводов (древнейший из них —

Уржумский построен в 1782 г.), полотняных фабрик (древнейшая — Старо-Бурецкая основана в 1767 г.), кумачовых фабрик, клееваренных заводов и др. Из этих предприятий казенными были Воткинский и Ижевский железоделательные, Павловский, Чернореченский и Екатерининский винокуренные заводы. Остальные предприятия принадлежали частным лицам.

Пудемский чугунолитейный завод был построен казанскими купцами П. Келаревым и А. Ляпиным на речке Пудем, впадающей в Чепцу. Он имел одну доменную печь и два действующих молота. Руда добывалась из 38 рудников, принадлежавших заводу. Чугуна выдавалось до 8 тысяч пудов в год. Через несколько лет владельцы Пудемского завода продали его уральскому горнозаводчику Ивану Осокину. Климковский чугунолитейный завод был основан генерал-прокурором Сената А. И. Глебовым на богатой рудными месторождениями речке Климковке, притоке Белой Холуницы. Завод был оборудован двумя доменными печами и двумя молотами и мог производить свыше 100 тысяч пудов чугуна в год. Используя свое высокое служебное положение, А. И. Глебов приписал к заводу 77 рудников, огромные массивы строительного леса и несколько деревень, крестьяне которых были обязаны выполнять заводские работы. Недостатком завода являлось то, что речка Климковка не могла обеспечить водной энергией производственный процесс завода. Учитывая это, Глебов основал на реке Белой Холунице новый железоделательный завод, хорошо обеспеченный водой. Холуницкий завод имел 15 молотов, из них 12 действующих и 3 запасных. В 70-х годах XVIII века он производил до 140 тысяч пудов железа. Но к этому времени Холуницкие заводы перешли в руки крупнейшего в то время мануфактуриста Саввы Яковлева, купившего их за бесценок у разорившегося генерал-прокурора.

Большую предпринимательскую деятельность в Вятском крае развил Антип Мосолов, приобретший к тому времени Шурминский медеплавильный завод. В 1768 году он основал на реке Буге, притоке Вятки, чугунолитейный и железоделательный завод, получивший название Буйского. Завод имел 5 доменных печей и 5 молотов для производства железа. Ему принадлежало 76 рудников. Мосолов распространил свою деятельность и на верхнюю Вятку, построив на речке Залазне, впадающей в приток Вятки реку Белую чугунолитейный и молотовый завод. Залазнинский завод имел одну домну и 3 молота и производил в год до 75 тысяч пудов чугуна. Для работы на заводе Мосолов переселил из Шурмы свыше тысячи крестьян. Одновременно он переоборудовал Шурминский завод, приспособив его для выплавки чугуна, так что этот завод стал производить и медь, и чугун. Сын Антипа Иван построил на реке Шурме чугунолитейный и железоделательный завод, выпускавший 25 тысяч пудов железа в год. Этот завод стал известен под названием

Шурманикольского. Шурминские заводы производили не только металл, но и готовые чугунные, железные и медные бытовые изделия.

Владелец старейшего Кирсинского завода Курочкин также развертывал свою предпринимательскую деятельность на верхней Вятке. На реке Песковке, впадающей в Вятку, он поставил чугунолитейный завод с одной доменной печью и двумя молотами. Кирсинскому и Песковскому заводам принадлежали свыше 80 рудников и обширные лесные дачи вокруг заводов. Важно отметить, что на этих заводах работы производились преимущественно вольнонаемными рабочими. В противовес Курочкину и Мосолову, конкурирующий с ними владелец Пудемского завода Осокин основал там же на реке Омутной свой чугунолитейный завод с одной доменной печью и 6 молотами. Для обеспечения водной энергией был вырыт обширный пруд. Омутнинскому заводу принадлежало 290 рудников и огромные лесные дачи. Достигнув своей мощности, Омутнинский завод производил до 50 тысяч пудов металла в год.

Основателем Воткинского и Ижевского заводов был известный сановник и царедворец времен Елизаветы Петровны граф П. И. Шувалов. Он был одним из владельцев Гороблагодатских заводов на Урале, производивших чугун. Для переработки его в железо Шувалов построил железоделательный завод на реке Вотке, притоке Сивы, впадающей в Каму. На заводе было поставлено 16 действующих и 5 запасных молотов. Для обеспечения завода водной энергией при слиянии рек Вотки, Саркана и Березовки был вырыт огромный пруд, целое озеро. Одновременно на реке Иже, правом притоке Камы, Шувалов основал другой железоделательный завод, имевший также 16 действующих и 6 запасных молотов. Воткинский и Ижевский заводы работали на чугуне, привозимом из Гороблагодатских заводов. К ним были приписаны лесные дачи в Вятском крае до 800 тысяч десятин и ряд деревень с населением свыше 18 тысяч душ крестьян, обязанных работать на заводах. После смерти П. И. Шувалова в 1763 году Воткинский и Ижевский заводы были взяты в казну, став государственными предприятиями.

Наряду с черной металлургией в Вятском крае получила развитие и цветная. Балахнинский предприниматель Игнатий Осокин поставил на реке Бемыш, притоке Вятки, медеплавильный завод, оборудованный четырьмя плавильными печами. Бемышевский завод имел 182 рудника и производил до 1200 пудов меди в год. Крупный помещик Тевкелев и заводчик Фитонов основали на реке Варзе, левом притоке Камы, Варзино-Алексеевский завод, имевший четыре медеплавильных печи и 322 рудника и добывавший в год до 450 пудов меди. Работы на этом заводе производились крепостными крестьянами Тевкелева. Предприниматель Иван Кобелев построил такой же завод на реке Пыжманке, левом притоке

Вятки, близ Вятских Полян. Пыжманский завод имел четыре плавильные печи и 155 месторождений медистых песчаников, производил около 1500 пудов меди в год. На заводе работали крепостные, купленные заводчиком. Лес для выжиги угля Кобелев арендовал у казны.

Некоторое развитие получила и легкая промышленность. Предприимчивая вятская помещица Е. М. Машковцева основала две писчебумажные фабрики в Вятском уезде. Одна из них Бахтинская, построенная на запруженной речке Чахловице, первоначально выпускала 6000 стоп бумаги в год, а к концу XVIII века довела производство до 8800 стоп. Другая фабрика — Медянская, построенная на притоке Вятки — реке Медяне, производила соответственно 5400, затем 6250 стоп. Вятский служилый татарин Маматов в 1782 году построил ткацкую фабрику на реке Люж (или Ляж), впадающей в реку Немду, в Уржумском уезде. Люжская фабрика производила кумач и пестрядь на 25 станках. На ней работало 40 человек.

Особенно успешно развивалась винокуренная промышленность. Этой отраслью занимались главным образом помещики, использовавшие для винокурения запасы зерна, получаемого в их имениях. Крупнейшими винокуренными заводами были: Никулицкий — полковника Наумова в Вятском уезде, производивший до 54 тысяч ведер водки в год; Чураковский — графини Шуваловой в Нолинском уезде, дававший 40 тысяч ведер; Талицкий — помещицы Посердьевой в Вятском уезде, производивший 34 тысячи ведер; Ошланский — помещика Депрейса в Уржумском уезде с производством до 27 тысяч ведер; Калининский — помещика Юшкова в Уржумском уезде, дававший около 25 тысяч ведер; Ключинский — майорши Лебедевой, производивший 10 тысяч ведер водки. Кроме того, в губернии числилось 16 вотчинных винокурен, в которых помещики курили вино для собственных потребностей, но также, в обход закона, продававшие его потребителям. Значительное количество вина выпускали казенные заводы: Павловский, Чернореченский и Екатерининский.

По экономическому характеру предприятия Вятской губернии были переходными от крепостной мануфактуры к капиталистической. Основную массу рабочих составляли феодально-зависимые крестьяне. По IV ревизии на заводах и фабриках числилось приписных крестьян 14398 человек, посессионных — 1433, купчих — 1556, лашманов — 5790 душ. Но заметную прослойку составляли вольнонаемные рабочие. В некоторых случаях они даже составляли большинство. Так, на пяти металлургических заводах Кайского уезда — Кирсинском, Песковском, Омутнинском, Залазнинском и Пудемском в 80-х годах XVIII века из 1667 рабочих было 1362 вольнонаемных (82 процента) и 305 крепостных (18 процентов). Даже на чисто вотчинных предприятиях имелись вольнонаемные

работники. Так, на писчебумажных фабриках Машковцевой — Бахтинской и Медянской — из 190 рабочих в конце века было 131 крепостной и 59 вольнонаемных. Имелись наемные рабочие и на казенных заводах — Ижевском и Воткинском.

* * *

Во второй половине XVIII века в Вятском крае происходило дальнейшее развитие как местной, так и межобластной торговли. Местная торговля производилась в городах, слободах и крупных селах, где имелись постоянно действующие лавки, ларьки и другие торговые заведения, существовали периодические базары, ярмарки и торговые съезды. Ярмарок было несколько десятков, но большинство из них имело узко-местное значение и длилось не более одного дня. На эти ярмарки съезжались окрестные крестьяне и приезжали из ближайших городов купцы с товарами. Крупных ярмарок, имевших общегубернское значение, было восемнадцать, из них в городе Вятке — две; в Орлове — две, в Орловском уезде — одна, в селе Великорецком; в Котельниче — две, в его уезде — пять; в селах Курино, Макарье, Кобра, Екатеринино, Гостево; в Нолинске — три, в Яранском уезде — одна в слободе Кукарке; в Глазове — две. Такие ярмарки, как Семеновская в Вятке, Алексеевская в Котельниче, Великорецкая и Кукарская имели межобластное значение. На эти ярмарки съезжались продавцы и покупатели не только со всей Вятской губернии, но и из соседних областей. Самой значительной была Алексеевская ярмарка, происходившая в марте (17 марта — день Алексея по церковному календарю) и длившаяся 20 дней. На нее съезжались купцы из Москвы, Нижнего Новгорода, Владимира, Ярославля, Костромы, Вологды, Устюга, Архангельска, Казани, Астрахани, Уфы, Перми, Курска, Калуги, Могилева и других городов России, так что Алексеевская ярмарка имела характер всероссийского торжища. Основные торговые операции производились купцами. В 1796 году в Вятской губернии числилось 322 купца, записанных в гильдии, из них 7 — первой, 32 — второй и 283 — третьей гильдии. Объявленный ими капитал составлял 951817 рублей.

Отпускная торговля Вятской губернии была довольно обширной. Губерния была связана со всеми крупнейшими городами Европейской России и Западной Сибири, к которым вели большие грунтовые тракты, построенные в последней четверти XVIII века и являвшиеся почтовыми дорогами: Московский, Казанский, Уфимский, Сибирский, Соликамский и Ношульский, и удобные водные пути по рекам Вятке, Каме и Лузе. Главными пунктами отпускной торговли были Вятка, Слободской, Котельнич, Орлов, Уржум, Сарапул, Лальск. Основными товарами, вывозимыми из губернии, были рожь, пшеница, овес, мука ржаная, семя льняное, сало

говяжье, масло топленое, кожи, юфть, овчины, меха красной лисицы, куницы, горноста, бобра, белки, зайца, ласки, выдры, рыси, норки, медведя, а также мед, воск, лубье, деготь, смола, рогожи, лес, ведра, кадки, бочки, шубы овчинные, сукно сермяжное, холст простой и тонкий, мешки, валяная обувь, шляпы-гречневники, лапти и ряд других товаров. Из железоделательных, чугунолитейных и медеплавильных заводов вывозилось железо, чугун, металлические изделия, крупные поковки и отливки по специальным заказам. В губернию ввозились преимущественно промышленные товары, в том числе ткани, галантерея, вина, фрукты, москательные и колониальные товары, металлические изделия, предметы роскоши.

* * *

Активное участие трудящиеся края приняли в Крестьянской войне 1773-1775 годов под предводительством Емельяна Пугачева. Вятский край находился в непосредственной близости к территории, охваченной восстанием, а его южные районы входили в сферу действий пугачевских войск. Едва слух о восстании Пугачева достиг Вятского края, крестьяне, работные люди и нерусские народности заводились и начали включаться в борьбу. Одними из первых восстали крестьяне дворцового села Трехсвятского (впоследствии — город Елабуга), а также удмурты и татары, проживавшие в районе этого села. В декабре 1773 года поднялись русские и удмуртские крестьяне в селе Водзимоно и его окрестностях (теперь Вавожский район Удмуртии). В конце того же месяца восстал Ижевский завод, где работные люди изгнали администрацию и обратились к Пугачеву с просьбой принять их под свою власть. В январе 1774 года восставшие овладели Воткинским заводом. Правда, управляющему с помощью правительственных войск удалось отбить завод у восставших.

Восстание все шире распространялось по южным районам Вятского края и охватило Сарапул, Дебессы, Шаркан, Грахово, Алнаши, Кильмезь, Мултан, Вятские Поляны, город Малмыж и ряд других мест. В нем участвовали удмурты, татары, марийцы и русские. Особенно значительным было восстание в Сарапуле в декабре 1773 года — январе 1774 года. На это большое село повел наступление соратник Пугачева, молодой вождь башкирского народа Салават Юлаев. К нему присоединились крестьяне Сарапульской дворцовой волости. 25 декабря повстанцы начали штурм села. После длительного боя они одержали победу и заняли Сарапул.

Весной 1774 года в связи с поражением главных сил Пугачева и отступлением его в Уральские горы восстание в Вятском крае было почти полностью подавлено. Но силы восставших не были сломлены и в мае 1774 года движение стало разгораться с новой силой. Пугачев предпринял наступление с Урала на Казань. Путь

его главных сил шел по территории Удмуртии. В июне Пугачев взял город Осу и вплотную подступил к границам будущей Вятской губернии. Это движение Пугачева вызвало большую тревогу у командования правительственными войсками, которое опасалось, что пугачевцы могут двинуться на Хлынов и оттуда к Козьмодемьянску, выйдя в тыл Казани. Казанский губернатор Я. фон Брант рапортовал Военной Коллегии 27 июня 1774 года: «20 числа было под Осою немалое сражение, а 21-го майор Скрипицын и с командою взят в плен. 22-го числа рождественские крестьяне обще с экономическими приготовили переправу злодеям, и сам злодей Пугачев тут, толпа состоит не менее в 8 тысячах, в том числе яицких казаков человек 200 или более...

В разсуждении каковой опасности и что... злодей Пугачев начал переходить Каму реку, то естли он устремится на Хлынов или на Казань... бросится через Хлынов на Козьмодемьянск, то через возмущение жителей и с Москвою коммуникацию отхватит. А когда пойдет Камою и сухим путем, возмутить может заводских мужиков и вотяков...

А между тем как злодей Пугачев в толпе своей распустил эхи, что он пойдет на Хлынов... то по тем эхам и в Вятской провинции учреждение сделал, также хлыновскому воеводе предписал, взяв с собою из Слободского воеводского товарища и из штатных команд, сколько можно, набрать солдат и ехать на границу своей провинции к стороне Сарапула и Осы. И там, вооружа жителей, стараться елико можно удержать их от волнения и набегающие малые партии всемерно отражать и тем, если не устремится туда злодей, доставил бы он в том краю спокойствие».

Вятский воевода, следуя указаниям казанского губернатора, принял соответствующие меры по охране границ Вятской провинции. Однако Пугачев не пошел на Хлынов. Переправившись через Каму в районе Ножовки, пугачевская армия 24 июня 1774 года без боя овладела Воткинском. Отсюда Пугачев двинулся на Ижевск через села Гольяны и Завьялово. Навстречу ему из Ижевска выступил сильный отряд правительственных войск, сформированный начальником Гороблагодатского горного округа Венцелем. Под Завьяловом 27 июня произошло ожесточенное сражение, в котором пугачевцы наголову разбили отряд Венцеля и в тот же день захватили Ижевск. Венцель был убит. Не теряя времени, Пугачев направил свои войска по казанской дороге. На пути следования Пугачева разгорелось восстание на обоих берегах Камы и Нижней Вятки. Пугачевские отряды, поддержанные вятскими крестьянами, работными людьми, удмуртами, татарами, марийцами занимали важные населенные пункты. Был вновь взят Сарапул, заняты Мензелинск, Елабуга, Малмыж, Мамадыш, в районе которого войска Пугачева переправились через Вятку и стремительно пошли к Казани. Это

движение повстанческой армии привело к широкому движению крестьян Вятского края. Но уход основных сил Пугачева в Поволжье, а затем поражение Крестьянской войны летом и осенью 1774 года значительно ослабили движение на Вятке. Тем временем правительственные войска наводнили районы восстания и приступили к систематическому подавлению восставших масс. Шли кровопролитные бои на местах. В конце концов повстанцы были разгромлены, и в 1775 году Крестьянская война была полностью завершена.

* * *

Культурный прогресс заметно проявлял себя лишь в столицах и крупнейших городах. Что касается окраин и отдаленных провинций, то там еще царила прежняя культурная отсталость, и ростки просвещения едва пробивались сквозь толщу старого, векового уклада жизни.

Мероприятия, проводимые правительством Петра I по насаждению школьного образования в России, практически не выполнялись в Вятской провинции. Указ 1714 года, предписывавший открыть при архиерейских домах и крупных монастырях так называемые цифирные школы, остался на Вятке без движения. Бездейственный епископ Дионисий, сменивший умершего в 1700 году Иону Баранова, и не подумал открывать цифирную школу. Попытка воеводы полковника Чаадаева, правившего в Хлынове в 1721—1724 годах, учредить здесь школу не нашла поддержки у архиерейского приказа и фактически окончилась неудачно. В 1721 году был издан знаменитый «Духовный регламент», в котором, в частности, предписывалось всем архиереям открыть епархиальные школы для сыновей церковнослужителей на средства архиерейского дома. Но это предписание также не выполнялось вятским церковным начальством. Сменивший Дионисия на Вятской епархии епископ Алексей был ярким противником петровских преобразований и преднамеренно не открывал епархиальную школу в Хлынове. Однако по настойчивому требованию Синода ему пришлось в 1727 году объявить об основании начальной епархиальной школы, зачислив в нее 27 мальчиков из семей духовенства. Но фактически никакого обучения этих детей не производилось, и сама школа числилась лишь на бумаге.

В 1733 году Алексея сменил на Вятской епархии епископ Лаврентий Горка. Это был просвещенный и широко образованный по тому времени человек, сторонник реформ и преобразований, соратник Феофана Прокоповича, ближайшего помощника Петра I в проведении церковной реформы, известного ученого и идеолога просвещенного абсолютизма. Как и Прокопович, Лаврентий Горка окончил Киевскую духовную академию, был ее профессором и

ректором, затем служил епископом в ряде епархий. За неполные пять лет пребывания в Вятке Горка развернул большую деятельность по развитию просвещения и культуры. Правда, обладая крутым характером, он, подобно Петру Великому, вел «варварскими средствами борьбу против варварства» и вызвал сильное недовольство среди местного духовенства и отсталой части населения. Но плоды его деятельности имели положительное значение и недаром он получил в народе звание «просветителя Вятской земли».

Уже в 1734 году Лаврентий Горка открыл в Хлынове первую среднюю школу, именовавшуюся Славяно-латинской школой. В нее было зачислено около 400 мальчиков из семей церковнослужителей и посадских людей. Для преподавания Горка пригласил из Киевской академии профессора Финицкого, преподавателя Лещинского, и несколько позднее крупного ученого Иоакима Богомелевского, добившись освобождения его из заточения в Чердынском монастыре, куда он был сослан за выступление против гетманской власти на Украине. Первоначально школа состояла из двух ступеней. Одна из них была начальной школой, в которой дети овладевали грамотой, другая — школой повышенного типа, где ученики обучались латинскому и греческому языкам, основам гуманитарных наук и богословских знаний. В дальнейшем школа была разделена на шесть последовательных классов, и в ней обучалось до 500 учеников. Эта Вятская славяно-латинская школа для того времени была достаточно хорошим учебным заведением. Поэтому, когда после внезапной смерти Лаврентия Горки 10 апреля 1737 года враги епископа пытались закрыть школу, Синод дал указание сохранить ее и продолжать обучение. Правда, Синод не отпустил никаких средств на содержание школы. Более того, по его распоряжению богатая личная библиотека Горки была увезена в Петербург и лишь небольшое количество книг Лаврентия Горки сохранилось на Вятке.

В 1758 году Славяно-латинская школа была преобразована в духовную семинарию. Известную роль в организации семинарии сыграл образованный и склонный к просветительству епископ Варфоломей Любарский, возглавлявший Вятскую и Великопермскую епархию в 1758—1774 годах. Но основную работу в установлении и укреплении семинарии выполнял родственник епископа Петр Любарский, бывший префектом (инспектором) семинарии длительное время, начиная с 1763 года. Учебный план семинарии постепенно расширялся. Стали преподаваться гражданская история, география, алгебра, геометрия, немецкий и французский языки, архитектура и другие светские учебные дисциплины. Однако материальная база семинарии была очень плохой. Духовное ведомство отпускало слишком мало средств на содержание школы. Их

едва хватало на жалованье преподавателей. Сама семинария ютилась в тесных кельях Трифонова монастыря. Лишь преемник Варфоломея Любарского епископ Лаврентий II Баранович, бывший вятским архиереем в 1774—1796 годах, распорядился о построении специального здания для семинарии. Оно было выстроено за городом в Филимоновской архиерейской даче за речкой Люльченкой в 1795 году. В это время в ней обучалось свыше 700 учащихся.

Славяно-латинская школа и духовная семинария сыграли большую роль в развитии культуры Вятского края. Будучи единственным учебным заведением на Вятке до 80-х годов XVIII века, семинария стала рассадником просвещения и образования в обширной Вятской губернии. Хотя она готовила священников и других служителей христианского культа, но далеко не все ее воспитанники посвящали себя церковной деятельности. Многие из них становились учителями, писателями, учеными, общественными деятелями, чиновниками. Появилась своя местная разночинная интеллигенция. Характерной особенностью Вятской семинарии было то, что в составе ее воспитанников имелось немало детей крестьян и ремесленников.

В 80-х годах XVIII века в губернии началось строительство народных училищ, связанное со школьной реформой 1786 года, проводимой правительством императрицы Екатерины II. По этой реформе предусматривалось открытие народных училищ двух типов: малые училища с двухлетним курсом обучения, которые предполагалось открывать в уездных городах, и главные народные училища с пятилетним курсом, создаваемые в губернских городах. В Вятке было основано главное народное училище, а в Слободском, Котельниче, Нолинске и Сарапуле — малые народные училища.

Большую роль в организации и дальнейшем развитии вятских училищ сыграл образованный и преданный просвещению директор главного училища Иван Стефанович, занимавший эту должность до 1800 года. Он много сделал для обеспечения училища учебниками, наглядными пособиями, классной мебелью. Однако правительство отпускало на народное образование крайне мало денег, так что для покрытия расходов по содержанию училищ приходилось прибегать к сбору добровольных пожертвований среди населения. Тем не менее, народные училища имели большое значение для развития грамотности и просвещения в губернии. К концу XVIII века в них обучалось 273 ученика, в том числе несколько девочек. Характерно, что в вятских народных училищах учились преимущественно дети мещан (36 процентов), крестьян (31 процент) и купцов (16 процентов). Дети дворян, чиновников, остальных сословий составляли всего 17 процентов.

Вятка в воспоминаниях современников

ИЗ «ДНЕВНЫХ ЗАПИСОК ПУТЕШЕСТВИЯ
КАПИТАНА РЫЧКОВА¹

ПО РАЗНЫМ ПРОВИНЦИЯМ

РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА» (1770 — 1772 гг. СПб.)

Река Вятка протекает в 40 верстах от Бемышевского завода. Желание мое было, чтоб расположить путь мой по луговой стороне сея реки до пригородка Малмыша; но непроходимые леса, лежащие по сему пути, принудили меня возвратиться на нагорную сторону. Оттуда путь мой начался на запад вверх по р. Вятке. Дремучие леса и высокие хребты каменных гор составляли все проезжаемые мною места, где не видно было ничего примечания достойного.

10 июля прибыл я в пригородок Малмыш, стоящий на берегу р. Шошмы, в 3 верстах от сего поселения, впадающей в р. Вятку. По словам малмышских жителей, и по крепостям, данным их предкам для владения тутошними землями, пригородок Малмыш до взятия Казанского был черемисский город, в котором жил князь Болтуш, владевший древними черемисами. Сей князь, хотя и видел все области великой Татарии покоренные Российской державе, однако же не хотел добровольно подвергнуть народы свои под власть победителей; а сие принудило царя Ивана Васильевича послать некоторую часть ратных своих людей, дабы наказать непокоривого князя. По прибытии российских войск черемисы, отсюду собравшись, дерзнули сопротивляться; но, видя превосходную храбрость сражающихся с ними людей, немедленно разбежались, оставя город во владение победителям, и притом лишившись своего князя, пораженного пушечным ядром. Черемисы погребли его тело на высокой горе, которая поныне Болтушевою горою называется, и сим сохранена память имени сего владетеля. Видно, что княжеское жилище не имело никакого различия от простой черемисской деревни; ибо ни знаков бывшего укрепления, ни остатков каких-либо развалин внутри и вне пригородка не видно.

Когда тишина установлена была во всех завоеванных областях, тогда Малмыш отдан был во владение заслуженным стрельцам; и нынешние жители сего местечка — их потомки. В пригородке Малмыше нет ни торжища, ни зажиточных жителей. Все нынешнее поселение его составляют 2 деревянные церкви и 100 обывательских домов, в которых, как и в Арске, живут пахотные солдаты и бедные купцы, не имеющие иного промысла, как только хлебопашество.

Далее пригородка Малмыша, по пути, ведущему к г. Уржуму, находятся места столь же лесистые, как и во всей той части Вятской страны, которая составляет собственно уезд Казанской губернии. Земли, лежащие

¹Сын известного писателя (автора «Опыта Казанской Истории»), капитан Николай Петрович Рычков, адъютант Академии наук (ум. ок. 1780 г.), был отправлен в путешествие по России с академиком Палласом в 1768 г., описал места по р. Белой до Камы, откуда проехал (в 1770 г.) по нынешним Елабужскому и Сарапульскому уездам; затем из Казани проехал через Арск, Малмыж и Уржум в г. Хлынов и Слободской уезд, до истоков Камы.

на западной стороне р. Вятки, по большей части черноземные, напосенные множеством протекающих там источников и рек. Рожь, пшеница, полба, овес, горох и ячмень — обыкновенный посев здешних земледельцев; по словам их, самый посредственный год приносит вдесятеро против посеянного¹. Обитатели сей благославленной страны суть различные народы, как то: русские, татары, крещенные вотяки и черемисы, живущие по обеим сторонам сей реки. Сколь трудолюбивы они к земледельству, столько же рачительны и к другим частям сельского домостроительства. Имея пространные леса во всех ими обитаемых местах, содержат они довольно число пчел; также и звериные промыслы составляют часть отменного прибытка, в пользу их приносимого. Звери, находящиеся в вятских лесах, лоси, рыси, бобры, куницы, выдры, норки, лисицы, медведи и белки, которых они в осеннее время ловят разными орудиями. Положение мест и изобилие этой земли не уступает местам, находящимся по р. Белой. Но как вся Вятская страна наполнена великим множеством обитателей, то недостает для них такого числа земли, которое бы могло удовлетворять их ревность к трудолюбию; притом лесистые места делают им излишнюю тягость: ибо достать небольшую часть земли к умножению хлебного посева не можно иначе, как рубя деревья и выжигая корни огромных деревьев, отчего происходят там великие пожары, погубляющие множество лесов.

Не доезжая до г. Уржума находился медный завод тульского купца Антипа Мосолова, стоящий от пригородка Малмыша в 50, а от г. Уржума в 25 верстах. Название его Шурминский по имени речки Шурмы, в 6 верстах от завода, впадающей в р. Вятку. В нем 10 плавильных печек; но плавят медь только на шести, а прочие остаются без действия за неимением довольно числа руд. Меди выплавляют на этом заводе от 2000 до 3000 пудов. Несколькими годами ранее этот завод был лучшим из всех заводов, находящихся в Казанской губернии; но непрочное положение здешних руд есть причиною того, что одну часть плавильных печек вынуждены были оставить в недействии, а довольствоваться только теми, которые количество получаемых руд может содержать в беспрестанном действии.

Поскольку летом не удастся иметь такого количества работников, как зимою, по той причине, что все земледельцы заняты домашней работой, то в это время бывает в заводе рабочих людей до ста; напротив того, зимою — более трехсот человек. Собственных заводчика крестьян в Шурминском заводе 161 человек, которые все исполняют должность мастеров, а прочие работы выполняют вольные работники. Поселение заводское составляет одна деревянная церковь и 100 обывательских домов.

Осмотрев оный завод, прибыл я (13 июля) в г. Уржум, стоящий на берегу р. Уржума, вытекающей с западной стороны и в 6 верстах от городского поселения, впадающей в р. Вятку. В нем 3 каменные церкви, до 300 обывательских домов и несколько лавок, в которых продают разную крестьянскую рухлядь. Жители его суть пахотные солдаты, черносошные, купцы и часть инвалидной команды, поселенной особливо слободою на полуденном конце города. В г. Уржуме находится воеводское правление; 12030 душ составляют его уезд, распространяющийся по обеим сторонам р. Вятки до смежной с ним Вятской провинции. Все оные жители суть черемисы, принявшие христианский закон, и русские ясашные крестьяне.

¹ Проса и гречихи во всей здешней стране не сеют, не потому, что земля не производит эти плоды, но следуя только старинному обыкновению.

Между делами в канцелярском архиве думал я найти какое-нибудь известие о древности сего города; но на посланное от меня сообщение Уржумская воеводская канцелярия отвечала, что в старинных делах не значится ни время, когда сей город построен, ни же какие народы прежде всего в сем месте обитали.

Продолжая путь мой между севером и западом, прибыл я в село Покровское (Петровское?), в 20 верстах от г. Уржума находящееся. За ним далее при деревне, Буйским Перевозом называемой, находится высокая каменная гора, при подошве коей протекает р. Вятка. Там находил я камешки, испещренные различными кораллами, и знаки железной руды, которую показывают куски желтой вохры, лежащие между горными слоями и на самом берегу р. Вятки. Для сего в Уржумском уезде на р. Буге построен железный завод тульским купцом Антипом Мосоловым. За оною горою посреди пространной долины находится устье р. Буя, текущей с запада в р. Вятку. Она так, как и р. Уржум, способна отправлять небольшие суда.

От деревни Буйского Перевоза надлежало пересечь на луговую р. Вятку, ибо сия дорога, в рассуждении извилистого течения сей реки, до г. Хлынова есть самая ближайшая. Отсюда 10 верст, продолжая путь мой теми местами, которые составляют начало северной части Казанской губернии, прибыл я к берегам р. Воя, текущей с востока в р. Вятку¹. Сея река тем больше примечания достойна, что она есть граница между Казанским уездом и Вятскою провинциею. За нею далее на север и восток начинаются селения, к Вятскому уезду принадлежащие.

Места, составляющие сию часть Вятской провинции, высокие и гористые, а земли так песчаные, что если бы не удобряли их навозом, то едва ли возможно от них ожидать каких-либо земных плодов. Такого свойства земля распространяется до самого г. Хлынова, но от него далее на север переменяется она в другой вид еще вреднее против первой. ибо вместо сухих песчаных и иловатых земель находятся там непроходимые болота и леса. Великое множество обитателей сей части земли, превосходя пространство ими обладаемых земель, есть причиною, что они с нуждою находят пашни для пропитания своего: ибо на каждую душу, по словам их, не достается более земли, как только высеять одну осьмину хлеба, а этого уже довольно, дабы познать, сколь малым числом дохода пользуются здешние земледельцы, и какую крайнюю нужду претерпевают они в пахотных полях. Сколь жалостно сие в рассуждениях самих земледельцев, то жалостнее еще того, когда рассмотришь, какие вредные отрасли возросли между ними от недостатка земли. Из числа сего главнейшее есть нижеследующее: земледельцы, зная, что нет им никакого способа пропитаться хлебопашеством, отдав участки земли своей за малые деньги зажиточным крестьянам и оставив этот полезный для общества промысел и собственные свои жилища, ищут себе пропитание, нанимаясь в работники на завод, на суда и в другие тому подобные места, а дома и семейства их, оставшиеся без кормильцев, терпят

¹ Вершины р. Воя находятся в той части Вятской провинции, которая лежит к р. Каме. Она берет свои первые истоки из лесистой горы, где недалеко есть вотское село, называемое Ухтымом. Течение ее на запад составляет более 200 верст, и на этом пространстве имеет она различную ширину и глубину, так что в некоторых местах шириною она в 10, 20 и в 30 сажен, и глубина вод ее способна для отправления 4000 пудов нагруженного судна. В вершинах ее обитают крещенные вотяки. Места по ней весьма лесистые.

крайнюю нужду и бедность. Находя сих бедных людей в столь нуждающемся состоянии от недостатка земель, кажется, что полезнее бы было переселить часть вятских жителей в Оренбургскую губернию, где великое множество земли и угодьев пустует, за неимением довольного числа обитателей. Через сие увидели бы мы три пользы: 1) что недостаток вятских земель будет награжден остатками от переселенных земледельцев; 2) что переселенные, обитая посреди пространных и изобильных земель, вскоре придут в наилучшее состояние против прежнего; 3) что сия губерния будет населена земледельцами, столь нужными для нее, учитывая ее пространство и изобилие¹.

Чем ближе подъезжал я к г. Хлынову, тем больше видел я скудность жителей проезжаемых мною мест; а сему нет иной причины, как только то, что число обитателей превосходит пространство их земель. Наконец прибыл я (18 июля) в г. Хлынов, стоящий на западном берегу р. Вятки. В нем 15 каменных церквей, в том числе один мужской, другой девичий монастырь, и более 2000 обывательских домов. Жители его — купцы, пахотные солдаты и разные ремесленные люди, как то: серебряники, медники и оловянные. Купечество по большей части торгует хлебом, салом, юфтью и льняным семенем, что все отпускают к г. Архангельскому. Этот торг до самого Архангельского порта как купечество г. Хлынова, так и прочих уездных городов отправляют водою таким образом: от Хлынова 180 верст отправляют они свои товары гужом до Вокшинской пристани, находящейся в Устюжской провинции на р. Лузе; по ней, нагрузив товаром специально там делаемые суда, идут вниз до соединения ее с р. Юг, из нее выходят в Двину, проходят к г. Архангельскому.

Вятская провинция с полуночной стороны граничит с Архангелогородскою губерніею, с полудня с Казанским, с востока с Пермским, с запада со Свияжским уездами. Народы, в пределах ее обитающие, есть русские, вотяки, пермяки и небольшая часть татар, живущих в Слободском уезде². Главнейшее изобилие Вятской страны состоит в лесах и зверях; ибо леса, лежащие в северной части сей провинции, столь пространны, что никто не знает, где они пресекаются. Вероятно, что они, соединившись с Камскими лесами, распространяются до пределов Северного Оксана³. Обыкновенно там растущий лес есть сосновый, пихтовый, ельховый, липовый и изредка березовый и осиновый, а далее на север находятся кедры и лиственницы. Знатнейшие реки, вытекающие из сих лесов, Кобра и Холуница, которые

¹ Большая часть крестьян, живущих в северной и западной части Вятской провинции, ныне находятся под велеином Коллегии Экономии; но к востоку живущие ясашные крестьяне и крещенные вотяки. Эти последние в лучшем состоянии, нежели первые, по причине избытка их в пахотных землях, а может быть и потому, что они более прилагают старания и трудов к распространению своего земледельства: это одна страна во всей пространной Вятской провинции, где царствует навсегда хлебное изобилие.

² Число подсудных жителей сей провинции до 182000 душ простирается, в том числе одних вотяков 19854 души. Они обитают по большей части по р. Чепце и по впадающим в нее рекам Киле, Нельме, Ободе. Все они без остатку обращены в христианский закон.

³ Если сравнить пространство земли с числом обитающих в сей провинции народов, то неоспоримо, что оно превзойдет число последних. Но когда рассмотреть свойство сей земли, то найдешь, что пространство северной части Вятской страны удобно для обиталища не людям, но зверям, привыкшим жить посреди ужасных болот и лесов, каковы суть там все места.

тем паче полезны, что по ним можно отправлять леса во все места, лежащие внутри Российского государства; иначе бы должны они были оставаться без пользы за неудобопроходимыми до них местами.

Во нравах, в жизни и в самом языке обитателей Вятской провинции отмечается все, что слышим мы по преданиям о нравах древних славян, обитавших в новгородских пределах. Остатки простоты того времени, изобращающей нам приятное добронравие отцов наших, сохранены между вятчанами более всех других потомков сего народа.

Приведя описания мои (20—27 июля) в порядок, посвятил я несколько дней для осмотра мест, лежащих вокруг г. Хлынова. Лучшее, что я там нашел, есть красная краска, находящаяся от города в 8 верстах, близ деревни Хлабуковой, на восточном берегу речки Люльченки. Эта краска лежит тончайшими слоями почти на самой поверхности земли между растущими там сосновыми и можжевельновыми кустами. Добротою и мягкостью своею она столь хороша, что может быть употреблена на крашение различных вещей. Жители г. Хлынова, собирая оную, красят кровли каменных зданий, и уверяют, что она сохраняет от мокроты доски, на кровлю положенные; а иконописцы употребляют ее между дорогими красками на образа и на другие живописные картины и называют ее мумия.

В том самом месте, где находится сия мумия, нашел я еще другого рода краски, из которых одна, так называемая умра, кофейного и темноватого цвета, а другую можно причислить к роду желтой вохры. Последняя из сих красок лежит весьма тонкими прожилками отчасти на берегу речки Люльченки, а больше еще во водорытвинах, находящихся по берегам сего источника.

Сам тот источник, на берегах которого находятся сие цветные земли, достоин также примечания потому, что дно его составляет беловатая, и притом весьма вязкая глина, которую с пользой можно употреблять для делания фаянсовой посуды.

Отсюда дохав до р. Вятки и по ней идучи от запада к востоку, по пути лежащему к г. Хлынову, находится каменная гора, стоящая на восточном берегу сей реки, при деревне, Луковцовой называемой. Там нашел я два признака медной руды, из которых первая видима внутри белого камня, а другая в зеленом песке. Тут же попались мне небольшие куски красного с белыми прожилками агата, достойного примечания тем больше, что поверхность его испещрена некоторого рода кораллами.

Возвратясь с вышеописанных мест, целый день (28 июля) препроводил я, осматривая запустелые городища, в которых до пришествия новгородцев обитали чюдские народы. Первое из них находится в 4 верстах от г. Хлынова, на западном берегу р. Вятки, у деревни Лосевой. В нем, кроме валов, сделанных наподобие полукружия, нет ничего достопамятного. Малое его пространство дает случай думать, что валы служили или замком какого-нибудь селения, или в нем совсем не было никакого жилища, разве только, что древние жители сей земли искали там безопасного убежища во время нашествия своих неприятелей.

Другое городище, находится в 15 верстах от г. Хлынова, и есть то самое место, которое в Вятской летописи названо «Чюдь-Болванским» городом, и которое прежде всего покорили под власть свою славяне, шедшие на поселение в Вятскую страну. Именование «Никулицына», данное сему Чюдскому городу от сих победителей, имеет ныне русское село, стоящее посреди древних валов. Валы, укрепляющие сие достопамятное городище,

круты, пространны и возвышены так, что ни самая древность не могла истребить рачительные труды народов, обитающих в сей стране; но остатков древности никаких в нем не видно.

По пути, ведущему к железным заводам Вятской провинции, был я (1 августа) в г. Слободском, стоящем на западном берегу р. Вятки, от Хлынова в 28 верстах. Жители сего города суть таковые же, как и живущие в г. Хлынове; но купечество в нем несравненно богаче. Торг их состоит в хлебе, в сале, в юфте, и во льняном семени, что все скупая у уездных жителей отправляют в большом количестве к г. Архангельскому. Внутри города есть кожевенные и мыльные заводы; но мануфактурных фабрик никаких в нем не находится. Градское строение составляют 5 каменных церквей, один мужской монастырь, и более 1000 обывательских домов, построенных вдоль крутого берега р. Вятки. Сей город населен пришельцами из Новгорода, и древностью равен он с г. Хлыновом; ибо известно, что некоторая часть древних хлыновских граждан построили его спустя несколько лет от прихода их на Вятку; потом умножен он жителями, приходящими с Устюга Великого для поселения в сию страну.

Отправляясь из г. Слободского (2 августа), переехал я на луговую сторону р. Вятки. Оттуда путь лежал лесистыми местами вверх по р. Холунице, текущей с севера в р. Вятку. Сия река имеет столь крутые и высокие берега, что несмотря ни на множество источников, соединяющих с ее водами, ни на собственную ее глубину, ниже — на весеннее время, умножающее количество вод во всех реках, воды ее неподвижны из берегов своих. Речные берега составляют различные песчаные, глиняные и каменные слои, которые, будучи навсегда отверсты, составляют пестроту своему наиприятнейшее зрелище; шириною она от 20 до 35 сажен, и глубина ее отвечает ширине. По ней весною отправляют с заводов суда, железом нагруженные.

Далее вверх по течению сея реки находится железный Холуницкий завод заводчика Савы Собакина, стоящий в 40 верстах от г. Слободского. Имя его происходит от вышеописанной реки Холуницы, которую запружает пространная плотина, и водами ее действуют все орудия сего завода. В нем нет домны, но только 9 расковочных молотов, которыми куят чугун, привозимый с другого сего ж хозяина завода, в 30 верстах от Холуницкого находящегося. Оба оные завода, недавно купленные Собакиным от его превосходительства Александра Ивановича. Годовая выплавка может простирается до 100000 пудов. Железо, делаемое в Холуницком заводе, есть преимущественнее из всех родов сего металла, ибо оно мягкостью своею подобно больше свинцу, нежели железу, а потому и сделанная из него какого-либо вида орудия признаются от всех художников за самые наилучшие. При начале каждой весны отправляют железо водою в Петербург, нагружая суда при подошве плотины. Оттоль идут они вниз по р. Холунице, Вятке, Каме и вверх по Волге до самого места. Строение судов бывает при заводе, к чему способствует им пыльная мельница и неописанное множество делового леса, растущего во всех тамошних местах.

На другой день (3 августа) отправился я для осмотра Климковского завода, находящегося от вышеописанного в 30 вер. при истоке р. Климковки, а в версте от завода впадающей в р. Холуницу. Две домны отличают его от первого; но расковочные молоты, тут находящиеся, остаются без действия, за неимением в пруду довольного числа воды. Сей завод построен в таком месте, где ближе и удобнее доставать руду, ибо большая часть рудников

находится не в далеком от него расстоянии. Самый лучший из них есть так называемый Кленовский, в 3 верстах от завода находящийся, по пути, ведущему к летнему востоку. Работных людей навсегда в сем руднике бывает 400 и 500 человек, которые достают руду в летнее время развалом, а зимою проходными штольнями и вершлагами. В сравнении с рудами, находящимися в Сибирской и Оренбургской губерниях, сия руда не столь прибыточна.

В сих рудниках не находят никаких окаменелых вещей, но вместо того бывают в них слитки руды, представляющие различные виды. Иные подобны из пшеничной муки испеченному пирогу и просфире, другие как бы окорока свиного мяса. Все сие столь сходно с натуральным видом сих вещей, что не бравши в руки едва распознать можно, что они суть игрушка природы. Камни, являющие подобие хлебов, неведомо откуда приемлют мучную белизну, ибо мне не случилось видеть, посреди какой земли они случаются. Но я нашел некоторые из них вынутые и лежащие на верху рудных бугров, а другие получил я от управителя сего завода тульского купца Григория Владимирова, который, будучи человек любопытный, уделил мне по части от своего собрания.

Проезжая болотистыми и лесистыми местами, на другой день (4 августа) прибыл я к месту, находящемуся в Вятской провинции, в Слободском уезде, от г. Хлынова во 100, а от села Троицкого в 10 верстах, у деревни, называемой Рычковской, где, говорили мне, находится флецовый камень и признаки каменного уголья. Но дошед до слоя каменного уголья, не было никакого способа копать далее к матерiku земному, по причине из земли вышедших вод, а больше еще от дождей, которые почти ежедневно лили во все время моего пребывания в северной части Вятской провинции: от сей чрезмерной мокроты земля непрестанно обваливалась и засыпала копаемую яму, так что все труды рабочих людей были тщетны.

Возвращаясь к г. Хлынову (5 августа), ехал я сквозь те селения, которые находятся по р. Черной Холунище, текущей с севера в реку сего же имени. Там больше мог я заметить бедность обитателей сей страны, питающихся вместо хлеба корою пихтового дерева. Сие жалостное состояние принудило меня любопытствовать, каким образом приготавливают они столь невкусную пищу; а те, кои сим питаются, рассказали мне о том нижеследующее.

Не время назначено у них к собиранию пихтовой коры, но нужные дни гонят их в леса, где ножами соскребают они кору с поверхности дерев. Сырая кора в пищу нимало не удобна; но они, собрав ее, сколько им потребно, сушат в теплых местах, а сухую иные толкут в ступах, иные мелют в ручных жерновах; после сего она бывает так мелка, как ржаная мука. Хлебы из нее делают различным образом: те, кои имеют некоторую часть муки или отрубей, смешивают ее обще с нею, а другие, не имеющие сего, приготавливают пищу из одной истолченной коры, что все делают таким же раствором, как и в обыкновенных хлебах. Через сутки в квашню положенный раствор поспевает, и тогда хозяйка дома валяет его в тонкие крутые лепешки, для того больше, что его не можно сделать такой величины, каков бывает хлеб в домах крестьянских; ибо жесткая кора никогда не пропечется. Возмужавшим людям пища сия не столько вредна; но жалостно видеть бедных младенцев, оным же питающихся. На лицах их написана бедность и бессилие, приводящие в жалость каждого смотрящего на них. В самых возрастных примечается сие: когда он после пихтовой пищи допущен будет

к еде настоящего хлеба, то оказывается такая сильная опухоль в его ногах, что он несколько дней принужден бывает лежать неподвижно.

Земледельцы, обитающие по берегам рек Кобры, Холуницы и по другим рекам близ Вятских вершин, соединяющихся с истоками сей реки, всех больше употребляют в пищу пихтовую кору, к чему способствует великое множество сего рода леса, растущего во всех ими обитаемых местах. Между ними есть еще обыкновение, которым отличаются они от всех земледельцев, ибо возницы на колесах у них совсем не в употреблении. Посреди самого лета возят они все то, что им нужно на саях. Сему причиною отчасти застарелое обыкновение, а больше еще сие, что все те места, где они обитают, чрезмерно болотистые и лесистые, а потому считают они способнее ездить всегда на зимнем ходу. Нечего уже примечать в хозяйстве такого народа, посреди которого владычествует нищета и уныние. Не видно там ни гумен, ни житниц, ниже всего того, что составляет труды и изобилие сельских жителей. Сколь ни бедны земледельцы, обитающие в северной части Вятской провинции, но можно отдать им честь в рассуждении набожности их, ибо почти во всех их селах построены наилучшие каменные церкви. Крещенные вотяки, подсудные сей же провинции, последняя сему народному обыкновению, тоже делают в своих селах, употребляя на то собственное свое иждивение.

От сих селений продолжая путь мой на запад, приехал я (6 августа) обратно в г. Хлынов. Оттуда по общему плану нашего путешествия предписано мне ехать вверх по р. Чепце, дабы сим путем пробраться до пределов Пермской провинции. Приведа в порядок все собранные мною известия, августа 9 дня выехал я из Хлынова, и через 20 верст расстоянием от него прибыл к устью р. Чепцы, с востока впадающей в р. Вятку у деревни, называемой Девятияровой. Сия река есть преизобильнейшая из всех источников, текущих в р. Вятку, и в рассуждении доброты земель и мест, лежащих по ее берегам, и в рассуждении того, что земледельцы, по ней обитающие, несравненно зажиточнее противу живущих в северной и западной части Вятской провинции, обитая посреди изобильных земель и будучи упражнены единым только хлебопашеством. Богатство их состоит во множестве хлеба, который у них повсегодно богатые купцы и крестьяне скупают, и нагрузив суда, отправляют в разные места вниз по р. Чепце, которая для судового хода столько же способна, как и р. Вятка. В предверии Чепского устья не видно ничего более, как только одни высокие каменные горы, по ним глубокие стремнины и расседины, изнутри коих истекают многие источники вод, и огромные леса, растущие на верху горных хребтов. Воды сей реки одинакового свойства с Вятскими водами, и рыбы в ней находящиеся суть такого же рода, как и в р. Вятке.

Осмотря Чепское устье, продолжал я (10 августа) путь мой далее к востоку, держась западного берега сей реки, дабы оным путем пробраться до ее вершин и осмотреть все то, что находится по ней примечания достойного. Частые селения и расчищенные поля делали дорогу сколь способною, столь же и приятною; ибо там видимые луга, долины, леса и высоты каменистых гор, что все составляло глазам зрелище наипрекраснейшее.

Расстоянием от вышеписанного устья в 40 верстах находится село Волчье, стоящее на западном берегу р. Чепцы, на верху превысочайшей горы. Сию гору составляют различные песчаные каменные и шиферные слои, отверстые отчасти чрезмерно ее крутостью, а больше еще от множества изнутри ее исходящих вод. Спустившись на середину сей высоты, найдешь

там тонкий слой черного флеса; за ним далее к подошве горы лежит малинового цвета глина, которая инде затвердела так, как камень; а инде она мягка и подобна красной краске, найденной мною около г. Хлынова.

От сей горы по пути, ведущему к вершинам Чепцы, прибыл я (11 августа) в село Сасы¹. От него далее на восток, расстоянием в 27 верстах, у деревни вотской, называемой Пудем, находятся вершины р. Вятки, выходящие с полуденновосточной стороны и из внутренности пространного увала. Сии истоки, протекши малое расстояние, приемлют в себя различные ключи и речки, с полудня, с севера и с востока текущие, которые, умножив глубину сих вод, составляют р. Вятку.

Далее от села Сусадов², идучи вверх по Чепце верст с 8, протекает р. Легма, стремящаяся с запада в р. Чепцу. Сия река достойна тем большего примечания, что она есть границею между российскими и вотскими селениями; ибо от нее далее к востоку начинаются жилища крещенных вотяков, распространяющиеся до самых Чепских вершин. По ним продолжая мое путешествие, (13 августа) прибыл я в вотское село Глазово, стоящее на западном берегу р. Чепцы. От него расстоянием в 5 верстах на восточной стороне сея ж реки на вершине превысокой горы находится старинное городище, укрепленное с западной стороны крутизною горы, с полудня преглубокою долиною, посреди которой течет р. Пиза, соединяющаяся с источниками р. Чепцы, с востока крутыми валами, касающимися концами своими высоких берегов обеих вышеупомянутых рек. В нем нет никаких достаточных развалин, кроме некоторого числа бутров, находящихся внутри градского укрепления.

От сего места в 20 верстах близ вотского села, называемого Балезино, находится другое сему подобное городище. Валы, его окружающие, столько ж возвышенны, как и первые, но сии разнятся только тем, что укрепление их составляет вид полукружия, пресекающегося у крутизны стоящей тут горы. Вотяки по преданиям сказуют, что как тот, так и другой суть остатки их древнего жилища. Первый из них называют они Илкатар, а последний Курила.

Отголь идучи к востоку, расстоянием в 42 верстах, находится село Полом, стоящее при небольшом истоке, впадающем в р. Чепцу. Неудобь проходимых мест, лежащих к вершинам сея реки, не дозволили мне продолжать по ней далее мое путешествие; итак (16 августа) оставя р. Чепцу, расположил я путь в Пермскую провинцию.

От села Полома предпринял я путь мой к г. Соликамску, лежащему в полупустынном краю Казанской губернии. Дремучие леса составляли все проезжаемые мною места, где не видно было ничего такого, чтоб могло возбудить внимание любопытного читателя. Наконец прибыл я к границам Вятской провинции, находящимся в 40 верстах от вышеупомянутого жительства у деревни Саписосовой (?); за нею далее к полунощи и востоку начинаются селения обитателей Великой Пермии и вотчины господ Строгоновых.

Вершины р. Камы находятся у деревни, именуемой Поломской, на краю полуденной части Вятской провинции. Взяв с собою знающих вожаков, ездил я (августа 17) для осмотра сих достопамятных истоков.

¹ Описка. Может быть, «Сады», т. е. с. Садинское.

² То же.

Истоки Камские выходят изнутри полого увала. Воды сего славного источника, истекая из каменного материка, текут сперва на запад; потом поворачиваются к полунощи. Другие вершины сей же реки находятся в 7 верстах от оных близ вотской деревни Борисады, выходящие с полуденной стороны из того же самого кряжа, и в 3 верстах от первых истоков, соединившись вместе, составляют небольшую речку. Отсель соединенные источники текут прямо на север, где неописанное множество болотных и ключевых вод, соединившись с ними, умножили глубину сея реки так, что в 40 верстах от исходу их малые источники приемлют вид реки, по которой без всякой нужды отправляют суда, хлебом нагруженные. Оттуда устремляется она к востоку и полунощи мимо г. Соликамска и всей Великой Перми; потом идет к полудни, объемля течением своим более 2000 верст, где забрав в себя многие реки, соединяется с р. Волгою у села Богородского, в 60 верстах ниже г. Казани. По причине множества болот, в вершинах ее находящихся, и от великого числа источников, истекающих из гор, лежащих по ее берегам, сия река кажется воднее самой Волги; ибо по ней среди самого лета могут беспрепятственно ходить огромные суда. Земли, около источников Камских лежащие, весьма низкие и мокрые, способны для посева только ржи, а по самой нужде для ячменя и овса. Прочие плоды не могут там родиться по причине холодного воздуха, объемлющего все северные пределы; а больше еще — от множества болотных вод, которыми наполнена вся сия страна.

Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1897 год. Вятка, 1896. С. 1, 10—26 (отд. IV).

Исторические очерки

А. А. МАРКОВ

КУПЕЦ АНФИЛАТОВ

Ксенофонт Алексеевич Анфилатов родился около 1761 г. в семье черносопного крестьянина деревни Вагинской Шестаковского тяглого стана Слободского уезда Алексея Ивановича Анфилатова.

В 1761 г. в семье Анфилатовых произошло важное событие. Дед Ксенофонта Иван Анфилатов, с сыновьями Алексеем и Лукой подали прошение о записи их в цеховые г. Слободского. Прошение было удовлетворено, но семья продолжала долгое время жить в родной деревне, о чем свидетельствуют исповедальные росписи Благовещенской церкви с. Шестакова.

С записью в цех Анфилатовы получили право заниматься наряду с земледелием любым из дозволенных ремесел, но, располагая определенным капиталом («денег 600 рублей»), они предпочли заняться торговлей.

В 1769 г. умерла мать Ксенофонта Алексеевича Меланья Яковлевна, и в 1771 г. его отец женился вторично — на дочери слободского старожила Степана Белослудцева Феодосии.

Когда истек срок записи Анфилатовых в цеховые, братья Алексей и Лука, в отличие от своего отца, решили не возвращаться в крестьянское состояние и подали прошение о записи их в купечество «навечно».

В 1775 г. они уже числились в купцах II гильдии, имели собственный

дом в Слободском и располагали, по их собственным словам, капиталом в 3000 рублей.

В январе 1778 г. Ксенофонту Анфилову был выдан паспорт «в Российские, малороссийские и сибирские города для купечества», под поручительством его дяди, Луки Ивановича. Это было вызвано тем, что в 1777 г. его отца, Алексея Ивановича, выбрали на год в соляные головы г. Слободского, и он не мог в связи с этим отлучаться из города. Вероятно, в этот год была первая его самостоятельная торговая поездка. Хотя, как писал сам К. А. Анфилов, «с самого почти малолетства моего употребил себя на труды и занятия во внутренней и внешней торговле...», но сказать более определенно о начале его торговой деятельности до этого времени сложно.

Во второй половине 80-х годов его отец отошел от дел и поселился в родной деревне, где принялся за постройку каменного храма. 10 сентября 1791 г. он скончался и был погребен в ограде построенной им церкви. На могильной плите выбита надпись: «...лежа безгласный камень сей мимоходящим объявляет... Анфилов Алексей... здесь в гробе... почивает деревни Вагинской житец, потом был слободской купец и бедным помогал в крестьянстве, и строил он храм святой, две службы соверши(л) в гражданстве, в год помре пятьдесят шестый...»

По отходе от дел А. И. Анфилова семейное дело возглавил его брат Лука Иванович. Ксенофонт Алексеевич не имел в это время своего дома и жил с дядей, даже капитал «объявлял обще с ним» и ездил по дядиному поручению для исправления «купеческой коммерции», так как сам Лука Иванович по состоянию здоровья и по избрании на трехлетие (1784—1787 гг.) к заседанию в Слободском магистрате бургомистром отлучаться от города не имел возможности.

Дела Анфиловых в это время значительно поправились. Если в 1780 г. они сообщая объявляли капитал в 2500 рублей, то в 1785 г. семейный капитал был объявлен в 5100 рублей. Но все же его было недостаточно, чтобы поставить дело на широкую ногу. И в 1787 г. они образуют со своим родственником совместную торговую фирму «Илья Платунов, Лука и Ксенофонт Анфиловы». Обороты фирмы простирались от 35 до 130 тыс. рублей. Имена членов фирмы появляются среди купцов, имевших в Архангельске заграничный торг. Фирма просуществовала до 1790 года, когда «по общему дружескому согласию» компаньоны расстались.

1787 г. знаменателен еще и тем, что в этом году Анфиловы записались в I гильдию (объявив капитал в 11000 рублей).

17 декабря 1789 г. Ксенофонт Анфилов избирается на трехлетие бургомистром в Слободской магистрат, как получивший на выборах наибольшее количество голосов (99 против 5).

Важным событием в жизни Анфилова стала покупка им в 1790 г. за 3400 рублей бригантину «английской о двух мачтах, грузу понести могущее 70 мест». Судно получило название «Доброе товарищество».

Следствием этой покупки явилось зачисление Анфилова в 1791 г. в разряд «имянитых граждан», что давало ему право иметь дачи, загородные дворы и сады, ездить в городе в карете, запряженной четверкой и главное — являться на приемы в императорский дворец, правда, последняя привилегия распространялась только на лиц мужского пола.

Характерно, что кораблем Ксенофонт Анфилов обзавелся раньше, чем выстроил для себя отдельный дом. План его «каменного двухэтажного дому в улице Глазовской, идущи из города на правой стороне» был

утвержден вятским наместником 13 мая 1791 г. На этом же дворовом месте, но со стороны Рождественской улицы, были выстроены хлебные лавки и амбары. Рядом с племянником возвел новый дом и Лука Анфилов. И хотя с построения новых домов они стали жить порознь, но дела продолжали вести вместе. С 1791 г. они ведут торговлю совместно с вятскими купцами Николаем и Василием Лаврентьевичами Калининскими, заключив с ними договор на 10 лет.

Дела они вели разные: брали подряды на перевозку казенного вина, торговали ржаной и пшеничной мукой и т. д. Об оборотах фирмы свидетельствует тот факт, что в 1799 г. для доставки к Архангельску товаров им потребовалось 20 барок от 16 до 20 тыс. пудов вместимостью. При том, что этот год был не самым удачным для фирмы, их оборот в Архангельске составил всего 50 тыс. рублей, в то время как в лучшие годы (например, в 1797 г.) достигал 117 тыс. рублей.

В 1797 г. Лука Иванович Анфилов скончался, и Ксенофонт Анфилов начал вести дела самостоятельно. В этом году он объявил свой капитал в 16100 рублей.

В 1793 г. умерла жена К. А. Анфилова, Евдокия Михайловна, дочь канцеляриста Вятской духовной консистории М. Никонова. В браке с Ксенофонтом Алексеевичем прожила она одиннадцать лет и оставила ему двух сыновей, Ираклия и Алексея, и двух дочерей, Марию и Анну. Алексею, младшему, не было и года.

В 1795 г. Ксенофонт Анфилов женился вторично на дочери известного архангельского купца Алексея Попова, Анне, которая была всего на три года старше его дочери Марии (1784 года рождения).

В 1801 г. кончился срок договора с Калининскими, и К. Анфилов повел дело один. В основе его коммерческой деятельности лежала скупка в Слободском и в других местах Вятской губернии ржи зерном и мукой, пшеницы, льняного семени, кож и сала говяжьего, смолы, пеньки, льна, рогож и доставка, а также перепродажа их в Архангельске или отправка на своих судах за границу. Обороты его в Архангельске достигали огромных размеров: в 1801 г. — более 250 тыс. рублей, в 1802 г. — почти 400 тыс. рублей. Подобный размер оборотов потребовал завести свою контору в Архангельске. Эта контора, наряду с тремя другими (Алексея Попова, Степана Митрополова, Павла Дудина), «ни в чем не уступала иностранным», которых насчитывалось в то время в Архангельске до восьми. Более того, в 1802 г. в компании с вологодскими купцами Николаем и Степаном Митрополовыми К. А. Анфилов задумывает учредить в Лондоне «российскую купеческую контору на всех тех правах и преимуществах, каковыми пользуются англичане в России» и вскоре получает на это разрешение от царя Александра I.

В 1802 г. К. А. Анфилова вторично выбрали на трехлетие (1802—1804 гг.) бургомистром в Слободской магистрат. Но исполнял он свою должность не очень ревностно, проводя большую часть времени в торговых разъездах.

В 1803 г. Ксенофонт Анфилов с Алексеем Поповым и гессенкасельским купцом Дорбеккером учредили «Беломорскую компанию» для китобойного и рыболовного промыслов. Несмотря на покровительство царя (вступившего в число акционеров), дела компании с самого начала пошли неудачно. И в 1813 г. компания была ликвидирована. Кредиторам было уплачено не более 8 копеек на рубль.

Войдя в «Беломорскую компанию», Анфилов не ограничился этим и вел целый ряд других торговых операций. Суда с его товарами ходили в

Англию, Голландию, Бремен и Гамбург. Но торговля с европейскими городами из-за неугасавшей европейской войны переживала упадок. Угроза захвата судна или его блокада в одном из европейских портов вызвали необходимость поиска нового, более стабильного рынка сбыта. Поэтому в конце 1805 г. у К. А. Анфилатова возник грандиозный план завести непосредственные торговые сношения с Америкой через Атлантический океан. Проект Анфилатова был совершенной новостью. До 1809 г. в России не было даже дипломатического представителя США.

Правительство пошло ему навстречу. 26 сентября 1805 г. последовал указ на имя министра коммерции графа Н. П. Румянцева, позволявший слободскому купцу Ксенофонту Анфилатову отправить в Соединенные Штаты 3 корабля без взимания с них таможенных сборов. Кроме того, ему было выдано пособие в 200 тысяч рублей.

В 1806 г. К. А. Анфилатов отправил в Штаты 2 корабля: «Иоганнес Баптист» (из Архангельска в Нью-Йорк) и «Эри-Энгель Михаэль» из С.-Петербурга в Бостон. Прибыль от предприятия составила 1 миллион 148 тысяч 913 рублей 75 копеек. Правда, сам Ксенофонт Алексеевич считал эту сумму несколько завышенной. Но результаты предприятия были благотворны не только лично для Анфилатова: они привлекли в Россию американских негоциантов. Так, в 1811 г. в Архангельске существуют уже две американские купеческие конторы. Активизировались и русско-американские дипломатические отношения: в 1808 г. были назначены русские консулы в Бостон и Филадельфию, а в 1809 г. в России появился первый американский дипломатический представитель.

В 1809 г. Ксенофонт Анфилатов отправляет в Америку третий корабль, но в этот раз корабль не вернулся и судьба его неизвестна. В этом году в жизни Ксенофонта Алексеевича происходит целый ряд важных событий. Его вносят в списки первостатейных купцов Слободского. Он покупает два английских корабля из числа конфискованных в кронштадтском порту после разрыва дипломатических отношений с Англией. Но главное — в этом году К. А. Анфилатов начинает хлопотать об учреждении в г. Слободском общественного городского банка. О причинах, побудивших его заняться этим делом, он подробно написал графу Румянцеву и городскому голове И. И. Платуну:

«...Вам самим по опытам и знаниям Вашим довольно известно, что при всех благодетельных попечениях правительства о распространении в России торговли и промышленности в разных мастерствах и ремеслах, первая еще токмо и то в столицах и главнейших городах некоторым образом достигла до цветущего состояния, но и тут, однако же, пользуются ею настоящим образом большею частью те токмо, кои успели приобрести достаточные капиталы, а что принадлежит до купцов малокапитальных и вообще до мастеровых и ремесленников, особенно во внутренних городах, то редкие из них трудами своими могут приобрести себе и столько, чтоб им стало на одно токмо с семействами пропитание и градские повинности. Причиною тому, милостивый государь мой, что во всех прочих городах, кроме столиц, нет никаких особенных средств к денежным пособиям за проценты, которые были бы умеренны, и хотя общий в России закон не позволяет брать процентов более как по 5-ти на сто, но при всех мерах и при всех строгостях правительства, утвердительно сказать можно, что почти повсеместно проценты в партикулярных займах простираются вдвое, а в некоторых местах даже и до 12-ти на сто. И сие то самое зло, которым

пользуются несколько токмо интересантов, служит к угнетению торговли и к недостатку изящности в мастерствах и рукоделиях, которыми соотечественники наши занимаются, а за всем тем для многих и почти для всех тех, которым недостает средства изворотиться в своих нуждах, особливо же в городах внутренних, зло сие вовсе неизбежно по причинам, которые для всякого очевидны и которые настоящий мой предмет заставляет меня показать и здесь...»

«...Способ отвратить зло сие, которое, не смотря на принимаемая от Правительства меры, время от времени возрастает и губит, так сказать, общественную и целого государства пользу, представлялся мне — завести во внутренних городах, по примеру многих иностранных, общественные городские банки, на первой случай из капиталов от добровольных вкладов, и мысль сию основывал я на самом «Городовом Положении», от великодушнейшего Монарха нашего подтвержденном, коим подобное сему заведение имянно позволялось, но, к сожалению нигде, почти в действо произведено не было.

На сей конец будучи рожден и считаясь по званию моему Вятской губернии в городе Слободском, изобразил я во всем пространстве побуждающие к тому причины в письме своем, посланном 1808 году к градскому главе того города второй гильдии Платунову и просил его, чтоб он самое сие письмо и составленной мною план устава общественному городскому банку предложил на рассмотрение Слободского общества с тем, чтобы, при согласии оного на заведение такового банка у себя, и чтобы прочие города могли побуждены быть к заведению и у себя таковых же, употребил, по носимому им званию, просьбу свою к Вашему Сиятельству, яко главному начальнику по части коммерции, для испрошения по предмету сему Высочайшего от Его Императорского Величества утверждения. А чтобы побудить благомыслящих граждан к добровольным вкладкам, сколько изображенною в письме моем и плане устава пользою, более же того собственным моим примером, то жертвовал я для сей пользы из своей собственности и представлял от себя в капитал того общества безвозвратно 25000 рублей...»

Хлопоты К. А. Анфилатова увенчались успехом. 29 октября 1809 г. последовал высочайший указ, дозволявший Анфилатову учредить в г. Слободском городской общественный банк под его «начальством и попечением». Второй пункт указа гласил: «наименовать Анфилатова Директором сего Банка, а банк в честь его имени, Банком Анфилатова. Каковое название сохранить сему банку и тогда, когда со временем поступит оный в управление Городской Думы».

Из-за занятости торговыми делами в Архангельске и С.-Петербурге К. А. Анфилатов не имел возможности лично возглавить управление банком, перепоручив его городскому голове И. И. Платунову. Не смог он приехать и на открытие банка, состоявшееся 31 декабря 1810 г. Но до самой своей смерти К. А. Анфилатов внимательно следил за деятельностью банка.

Но если дела банка пошли успешно, то его собственные дела все больше приходили в упадок. Надо заметить, что общие условия для ведения торговли со времени заключения Тильзитского мира стали для русских купцов, торговавших с европейскими странами, крайне неблагоприятными. В полной мере это сказалось и на К. А. Анфилатове. Особенно сильно повлияло на его торговлю дело о корабле «Фрау Марта», по которому он был обвинен в 1808 г. в нарушении правил торговли английскими товарами и был вынужден выплатить все деньги, вырученные от продажи груза с судна

«Фрау Марта» (127 тыс. рублей). Хотя в 1812 г. Государственный Совет и снял с него все обвинения и выплатил «секвестрованные» у него деньги, но изъятие из оборота почти на четыре года такой крупной суммы не могло не сказаться на торговых делах Анфилатова. В июне 1812 г. Архангельский городской магистрат постановил приступить к описи имущества К. А. Анфилатова и опубликовать извещение о его банкротстве. Через некоторое время был учрежден над Анфилатовым «конкурс» из выбранных из числа кредиторов лиц для выяснения причин разорения. Расследование продолжалось почти три года и было закончено 22 января 1815 г. Рассмотрев все обстоятельства дела, кураторы конкурса пришли к выводу, что Анфилатов потерпел убытки «в торговле своей по причинам разных политических и других непредвиденных перемен и обстоятельств коммерческих», а «обмана и умысла в том не оказалось». Поэтому решено было признать его не банкротом, а упавшим.

Так единственный первостепенный купец г. Слободского Ксенофонт Алексеевич Анфилатов стал простым мещанином того же города, не имевшим даже своего угла. К материальным затруднениям добавилось и личное горе — утонул старший сын Ираклий (1786—1815). В эти трудные годы в его жизни случались и радостные события. В 1814 г. за учреждение Слободского общественного банка он был награжден медалью на голубой ленте.

После разорения К. А. Анфилатов жил то в Петербурге, то в Архангельске, где у его жены был наследственный дом. Там же, в Архангельске, он и умер в 1820 г.

«За все труды его, потери и лишения, досталась в удел нищета, а в утешение на старости лет чистая совесть», — писал о судьбе своего отца Александр Ксенофонтович Анфилатов.

Но дела его не были забыты. До конца своего существования Слободской общественный банк носил имя К. А. Анфилатова. В 1846 г. слобожане «в память Ксенофонта Анфилатова» решили соорудить икону преп. Ксенофонта и Марии. В 1863 г. на средства банка был сооружен памятник на могиле К. А. Анфилатова.

К 100-летию со времени открытия Слободского городского общественного банка была издана биография, составленная Г. А. Замятиным «Ксенофонт Алексеевич Анфилатов» (СПб., 1910).

П. Н. ЛУПPOB

ИСТОРИЯ ВЯТСКИХ СЕЛ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вопрос о появлении и распространении русского населения в бассейне реки Вятки и на правобережье Камы в русской исторической литературе до сих пор остается еще недостаточно выясненным. Мы еще не можем считать твердо установленным, когда и откуда на эту территорию прибыли русские поселенцы. Равным образом, еще не ясно, как русская колонизация развивалась здесь в дальнейшее время, какие части территории Вятской земли и в какой последовательности охватывались ею. В настоящее время еще невозможно установить, когда и кем основан каждый русский населенный пункт и кем пополнялся он впоследствии. Русские заселяли эту

территорию чрезвычайно мелкими поселками-починками или займищами, очень часто в 1 или 2 двора. Нередко починки переносились в другое место, оставляя в прежнем месте «пустоши». Даже в XVII веке, когда русский колонизационный процесс в бассейне реки Вятки имел уже довольно продолжительную предшествующую историю, в северной части этой территории русские селения с 1 или 2 дворами составляли весьма значительный процент общего числа населенных пунктов. С другой стороны, названия селений не отличались достаточной определенностью и устойчивостью, первоначальное название (обычно по имени основателя починка) превращалось со временем в более общее наименование. После установления в России периодических переписей громадное число селений приобретало по два названия: одно — официальное, заносимое писцом в писцовую или дозорную книгу, а другое — народное, под которым населенный пункт был известен среди населения. Часто население даже не знало официального названия своей деревни, а народное название селения не знали или не хотели знать официальные документы (переписи, метрические книги и т. п.). Официальные названия не всегда отличались достаточной конкретностью, позволяющей относить их к тому или другому селению: целый ряд селений имел одинаковые названия (например, по какой-нибудь реке) или различались только эпитетом: «первый», «второй» (деревня Первая Широковская, Вторая Широковская и т. д.), а какая именно деревня разумеется под тем или иным названием, постороннему догадаться было трудно. Устанавливать историю того или иного селения, по народным преданиям также довольно трудно. Относительно селений, существовавших уже сотни лет, более или менее конкретные предания почти исчезли, забыты населением, притом же они вообще являются довольно ненадежным источником для установления хронологических дат появления того или другого селения в особенности.

Что же делать при таких обстоятельствах? Отказаться ли совсем от выяснения истории заселения той или иной местности, или попытаться найти какой-либо выход из этого? Думается, что выход есть.

В массе современных селений есть ряд таких селений, которые в прежние время отличались наибольшей устойчивостью — это именно села, а с XVIII века и заводы. Те и другие для окружающего населения служили своего рода небольшими центрами — торговыми, административными, а села, кроме того, и религиозными.

С этими местными центрами по преимуществу имели дело и местная администрация, и центральное русское правительство, а потому наименования их часто попадали на страницы разного рода документов. Установление даты возникновения таких центров является делом уже более возможным.

Правда, дата возникновения того или иного села во многих случаях не является датой начала русской колонизации на этой территории. Она показывает лишь то, что к моменту образования местного центра на территории уже появились русские селения (починки, займища, деревни), которые пожелали объединиться, но для выяснения хода русской колонизации и эти даты представляются довольно показательными.

К этому способу решил обратиться автор для выяснения хода русской колонизации в пределах бассейна реки Вятки и правобережья Камы.

Для первого раза нами взята основная территория, которая в течение нескольких столетий в русской истории была известна под именем Вятской

земли или, кратко, Вятки и которая в 1780 году целиком вошла в состав вновь утвержденного Вятского наместничества. Мы сделали попытку установить, какие местные центры (города, села, монастыри и заводы) и когда возникли на этой территории до момента включения ее в состав наместничества. И попутно отметить некоторые моменты колонизационного порядка (например, обстоятельства возникновения того или иного центра, число жителей в нем в разные моменты и пр.), поскольку это возможно сделать по состоянию сохранившихся источников.

Источником для этой работы послужили прежде всего переписи населения Вятской земли. Как известно, Вятская земля подвергалась переписям неоднократно. Незадолго до 1546 г. при Иване IV Грозном был переписан Слободской уезд. Далее Вятская земля целиком описывалась в 1590 г., 1615, в 1628—29, 1646, 1654 и 1678 годах; в XVIII веке до 1780 года в ней произведены были три так называемые ревизии населения (в начале 1720 годов — 1743, 1763) Переписи 1546, 1590 и 1654 гг. к настоящему времени не сохранились: от переписи 1590 г. известны лишь некоторые данные, отраженные в переписи 1615 г., а некоторые результаты переписи 1654 г. частично приведены и в Истории вятчан Вештомова. От переписей 1615, 1646 и 1678 годов опубликована в печати лишь очень небольшая часть, а именно: по г. Хлынову, а за 1678 г., кроме того, по уездам Котельничскому и Орловскому. Только из переписей Вятской земли 1628—29, 1646 и 1678 гг. — не опубликованы до сих пор данные об удмуртах и татарах Вятской земли.

Материалы ревизий XVIII века, т. е. так называемые ревизские сказки пока не только не опубликованы, но даже и не выявлены в архивах. И сейчас нельзя сказать, сохранился ли полный комплект их по Вятской провинции хотя бы от одной какой-либо ревизии.

Затем опубликованы некоторые сведения о земельных владениях монастырей Вятской земли и Вятского епископа, а также о населении в этих владениях.

Все эти переписи дают возможность установить, какие населенные пункты существовали на территории Вятской земли к моменту переписи. Но точной даты возникновения того или иного центрального пункта в них часто не оказывается. В этих случаях автору пришлось прибегнуть к архивному материалу как опубликованному в различных центральных и местных изданиях, так и неопубликованному. К сожалению, за более древний период существования Вятской земли архивные материалы почти не сохранились, а за XVII, XVIII вв. сохранились далеко не полностью.

Что касается устных преданий о ходе русской колонизации Вятской земли, то их записано весьма мало и очень немногие из них опубликованы.

Ввиду этого нам не удалось установить точные даты возникновения некоторых местных центров бывшей Вятской земли, главным образом за более древний период, но тем не менее мы решаемся предложить вниманию читателя настоящую работу.

Книжка освободила бы от поисков сведений об отдаленном прошлом отдельных населенных пунктов Вятской земли и в то же время дала бы им твердую хронологическую опору для собирания исторических материалов о них за последующее время.

ВВЕДЕНИЕ

Вятская земля в русской истории становится известной лишь со второй половины XIV века. первое указание на нее в летописях находится под 1374 г. В конце XIV и в самом начале XV в. близкое отношение к Вятке имел Суздальско-Нижегородский князь Семен Дмитриевич. После его смерти Вятская земля была передана во владение Галицкого князя Юрия Шемяки. Около половины XV в. Вятская земля перешла во власть Москвы, но так как вятчане временами нарушали данную ими присягу в верности Москве, то московский великий князь Иван III в 1489 г. послал на Вятку войско для окончательного присоединения Вятки. При этом наиболее значительные люди (бояре, земские и торговые люди) были выведены из Вятской земли и помещены в других местах Московского княжества. После этого в течение двух с лишком столетий Вятская земля управлялась Москвой через наместников и воевод московского князя.

В 1719 г. к Вятской земле были присоединены два уезда соседней Великой Перми: Кайский и Кунгурский. Все три территории составили Вятскую провинцию Сибирской губернии. Через 5 лет (в 1724 г.) Кунгурский уезд был отчислен от Вятской провинции, а в 1727 г. Вятская провинция была передана в состав Казанской губернии.

В 1780 г. Вятская провинция, увеличенная значительной территорией южного правобережья р. Камы, была обращена в особое наместничество Вятское.

Такова хронологическая канва древней Вятской земли. Теперь скажем более подробно о границах ее и о соседних с ней территориях.

С востока с Вятской землей граничила «Великая Пермь», причем пограничная линия, их разделявшая, шла по водоразделу между верховьями рек Вятки и Камы, далее по водоразделу между реками Камой и ее притоком Очерой с одной стороны и рекой Чепцой — с другой, затем спускалась к югу и по р. Сиве (притоку Камы), в среднем течении ее поворачивала на запад и пересекала верховья р. Вятки и Ижа (около устья впадающей в нее реки Чуры), отсюда по водоразделу между р. Чепцой и верховьями р. Кильмези и ее притоков Лумпуна и Лобани шла вплоть до р. Вои, от устья последней поворачивала к северу по левому берегу р. Вятки, около устья Пижмы пересекала эту реку и шла по р. Пижме, пересекала Ветлугу (приток Волги), а отсюда в северо-восточном направлении шла к р. Моломе, пересекала ее несколько выше нынешнего с. Порелей, а затем по речке Шубоюку, правому притоку Моломы, подходила к р. Лузе (притоку Северной Двины), пересекала верховья правых притоков р. Вятки-Великой и Летьки и правого притока Кобры р. Федоровки и в северо-восточном направлении по р. Кобре приближалась к линии водораздела между Камой и Вяткой.

Соседними с Вятской землей территориями были с севера — Поморье, с востока — «Великая Пермь», с юга до начала XV в. — владения Камской Болгарии, с XV в. — Казанское татарское ханство, во второй половине XVI века подчиненное русским государством, на западе с Вятской землей соседило до начала XV в. Нижегородско-Суздальское княжество, в начале XV в. — Галицкое княжество, со второй половины XV в. также подчиненные Москве.

В обширное Поморье, населенное еще в глубокой древности народностями нерусского племени, уже с XI века начинает проникать русское население как с запада — из Новгородской области, так и с юга — с правобережья р. Волги.

Новгородские бояре и торговые люди снаряжали сюю ватаги за пушиной (собольями, лисицами, куницами), захватывали коренных жителей земли, облагали их данью. За новгородскими ватагами продвигались и русские крестьяне-земледельцы и по берегам рек заводили починок и деревни. Несколь-ко позднее в Поморье стало устремляться население с правобережья Волги из Ростово-Суздальской области в поисках более спокойных мест, в особен-ности после татарского погрома, закончившегося подчинением Руси Золотой Орде в первой половине XIII века. По рекам Шексне и Костроме (левым притокам р. Волги) переселенцы поднимались на север. Протекавшая вблизи верховья этих рек река Сухона (приток Сев. Двины) помогала добраться до р. Северной Двины и до второго большого притока ее — Юга. При слиянии этих рек уже в XIII веке образовалась довольно большая колония Ростово-Суздальской земли с г. Великим Устюгом.

В Верхнее Прикамье, прилегавшее к территории бассейна р. Вятки с востока и населенное нерусскими народностями (коми, югрой), точно также довольно рано начали проникать новгородские ватаги. В XIV веке коренное население Великой Перми было обложено данью в пользу Великого Новгорода, но постоянных русских поселений здесь в ту пору было мало. Приток русского населения сюда значительно усилился после подчинения Перми Великой Московскому государству (в конце XV в.). В 1557 г. здесь был построен г. Кай, через который в конце XVI в. была проложена Московская дорога из Москвы в Сибирь. В конце XVI в. здесь уже образовались русские волости — Зюздинская с погостом Зюзино (Афанасьево) и Волосница.

Что касается территорий Средней Камы и Нижней Вятки, то она долгое время не имела русского населения: болгарские и татарские ханства, последовательно владевшие ею, вели очень частые войны с русскими княжес-твами, и русские люди появлялись здесь лишь в виде пленников. После подчинения Казанского царства Москве русское правительство на марийской территории построило ряд русских городов (крепостей) Малмыж, Яранск, Уржум, Сан-чурск, на р. Каме появились русские слободы Елабуга, Сарапул, Оса.

На севере же бывшего Казанского царства, т. е. в ближайшем соседстве с Вятской землей, по-прежнему продолжали проживать нерусские народности — удмурты, мари и частью чуваш и татары. Русские села стали появляться здесь только в XVII веке.

На территорию Средней Волги, вошедшую потом в состав Нижего-родского княжества, русское население начало проникать еще в XII в. В XIII в. (1221) при устье Оки был основан г. Нижний Новгород, сделавшийся вскоре стольным городом Нижегородского княжества. Русские поселения располагались здесь не только по правому, но и по левому берегу Волги, а также по берегам левых притоков Волги — по Нижней Немде и Унже, Моче, Узле, Линде, Керженцу и Ветлуге. Среднее течение р. Ветлуги занято было марийцами.

Территория будущей Вятской земли перед началом русской колониза-ции до известной степени уже была освоена населением, проникшим сюда в более древние времена.

Здесь до начала русской колонизации среди громадных лесов, по берегам р. Вятки и некоторых более значительных ее притоков, были расположены поселения удмуртов, мари, отчасти югры (вогулов и остяков). В интересах выяснения хода русской колонизации необходимо обратить вни-мание на то, что некоторые притоки реки Вятки по своему географическому положению являлись удобными путями для проникновения сюда стороннего

населения. Очень недалеко от верховья р. Моломы, правого притока р. Вятки, начиналась р. Юг, правый приток р. Северной Двины, точно так же в недалеком расстоянии от двух других правых же притоков р. Вятки — Великой и Летки находились истоки р. Лузы, впадающей в Юг, река Кобра, четвертый правый приток р. Вятки, почти соприкасалась с истоками р. Сысолы, большого левого притока р. Вычегды, впадающей в Северную Двину.

Далее верхнее течение р. Вятки приближалось к верховьям речки Волосницы, впадавшей в Каму. Невдалеке от истока р. Чепцы, левого притока р. Вятки, находились истоки р. Очеры, правого притока р. Камы. В западной части территории Вятской земли начиналась р. Ветлуга, которая сближала Вятскую землю и с р. Волгой, и с Северодвиньем (через приток Вохму, своими верховьями приближавшийся к истокам р. Юга, притока Сев. Двины).

В более позднее время уже после расселения русских в разных местах Вятской земли здесь дополнением к удобным водным путям явились сухопутные дороги. к началу XVII в. через Вятскую землю была проведена большая дорога из Москвы в Сибирь (через г. Котельнич, Орлов, Хлынов (современный Киров) и Слободской на г. Кай, во второй половине XVIII в. это направление было заменено новым (через Казань, Малмыж на Соликамск). Далее в начале XVII в. от г. Слободского была продолжена дорога к Ношульской пристани для отправки по ней сырья Вятской земли к г. Архангельску (для продажи иностранцам).

Заселение Вятской земли русскими происходило, конечно, не в одно время и в разных пунктах. О времени колонизации того или иного участка территории можно судить по времени появления здесь местных центров: городов, сел, монастырей, заводов. Обзору этих центров и посвящена предлагаемая работа.

В этом обзоре, кроме времени возникновения того или иного пункта, сообщаются и некоторые другие сведения колонизационного порядка: число жителей в местном центре в ту или иную пору, число крестьянских дворов или душ в монастырских или архиерейских вотчинах, уезд, стан или волость, в состав которых данный пункт входил.

Для выяснения некоторых деталей обзора необходимо сказать еще несколько слов о районировании б. Вятской земли. Еще в документах начала XV в. мы встречаем указание на то, что «Вятка», (т. е. территория Вятской земли) была разделена на волости, названия этих волостей и расположение их по территории остаются неизвестными. В документах XVI-XVII веков кроме волостей упоминаются еще уезды и станы. Из дозорных и писцовых книг 1615 и 1629 гг. мы видим, что к началу XVII века Вятская земля была разделена на 5 уездов: Хлыновский, Орловский, Котельничский, Слободской и Шестаковский. Каждый уезд был разделен на более мелкие территориальные единицы; вот название этих делений:

в Хлыновском уезде станы: Спенцынский с волостью Бритовской, Березовский, Чепецкий, Волковский, Бобинский и Великоорецкий;

в Орловском уезде: Окологородье и Истобенская волость;

в Котельничском уезде волости: Городок, Поломская и починки по речке Куринке; в Слободском уезде станы: Чистянский, Верховский, Холуницкий, Сырьанский и Лужановский;

в Шестаковском уезде — один стан Георгиевский.

В конце XVII века деление на станы еще удерживается, но в некоторых местах вводится более мелкое деление на волости, а в Хлыновском уезде появляется довольно большая территория, называемая «Филипповой Слободой».

Кроме того, в конце XVI в. в Вятской земле появляются особые небольшие территориальные деления — вотчины (монастырские, а со второй половины XVII в. и архиерейские), которые не входили в состав волостей и станов. В XVIII в. число волостей увеличивается во всех уездах Вятской земли, за исключением Шестаковского уезда. В 1763 г. территория этого уезда присоединяется к Слободскому уезду. В этом же году правительство упраздняет и вотчины (монастырские и архиерейские).

ГЛАВА I

МЕСТНЫЕ ЦЕНТРЫ НА ТЕРРИТОРИИ ВЯТСКОЙ ЗЕМЛИ В БАСЕЙНЕ ВЕРХНЕГО ТЕЧЕНИЯ р. ВЯТКИ ДО 1780 ГОДА

В древнее время передвижение населения совершалось главным образом по водным путям (рекам, речкам, озерам). Наличие реки или озера имело существенное значение и при выборе новоселами места постоянного жительства. Основной и самой значительной рекой на территории Вятской земли является река Вятка в ее верхнем и среднем течении, принимающая в себя на этом протяжении ряд притоков (правых и левых) с их притоками.

Ввиду этого обзор местных центров Вятской земли естественнее всего вести по рекам и речкам.

Обзор применительно к прежнему районированию является неудобным ввиду того, что это районирование в течение нескольких веков неоднократно изменялось.

Для большей ясности и отчетливости мы рассмотрим сначала местные центры по верхней Вятке, затем по ее правым притокам, впадающим в верхнем течении и, наконец, по левым притокам. Это составит главу 1. В главе 2 будут рассмотрены местные центры в бассейне средней Вятки. Гранью, разделяющей верхнюю и среднюю Вятку, служит гор. Хлынов.

В тех сравнительно редких случаях, когда местный центр не связан ни с какой рекой, он будет упомянут в зависимости от близости к той или иной речке.

Местоположение всех местных центров определено при помощи карты военно-топографического отдела Главного штаба и карт б. Вятской губернии.

Так как в старых картах некоторые центры обозначены не под одинаковым именем, то в настоящем обзоре для этих центров указываются двойные, а иногда и тройные названия.

МЕСТНЫЕ ЦЕНТРЫ ВЯТСКОЙ ЗЕМЛИ В БАСЕЙНЕ ВЕРХНЕЙ ВЯТКИ

I. По реке Вятке.

1. Село Красноглинское — на левом берегу р. Вятки. Начало заселению местности положили беглые рекруты, в 1737 г. бежавшие с разных сторон, более же всего из Кайского округа. Село образовалось в 1737 г.

2. **Завод Песковский** — на правом берегу р. Вятки при впадении в нее речки Песковки, основан в 1772 г. велико-устюжским купцом I гильдии Ив. Яковлевым Курочкиным. Земля была отведена заводу из окрестных лесных дач (Красноглинский и др.). В 1776 г. на заводе работало 35 мастеровых работных людей и крепостных крестьян.

Сохранилось предание, что еще до основания Песковского завода здесь производилась добыча руды шайкой разбойников.

3. **Кирсинский чугунный завод** — на правом берегу р. Вятки при впадении в нее речки Кирсы, основан в 1729 г. хлыновским купцом Гр. М. Вяземским. Земля для него была отведена из дач Верховятского монастыря, Красноглинской (впоследствии переименованной в Пермскую), Волосницкой и Лойнской волостей. Во время 3-й ревизии (1762) на заводе состояло 48 рабочих.

4. **Екатерининская пустынь** (Верховятский монастырь) — на левом берегу р. Вятки. Была основана в 1582 г. Монастырю еще в XVI в. царем Федором, сыном Ив. Грозного, по верхнему течению р. Вятки и по р. Белой были отведены земли с бобровыми гонами, санными покосами, пашенными местами, с соленой водой и железной рудой, сначала с безоборочное владение, а несколько позднее и за оброк. В 1615 г. на монастырских землях насчитывалось 13 крестьянских дворов (в 3 починках), в 1662 г. — 59, а в 1722 — 159 дворов (с 659 душами муж. п.).

В XVII веке монастырем была начата выделка железа из местных руд под руководством приглашенного специалиста-практика. Несколько позднее (около 1698 г.) на монастырских землях на берегу р. Чудовки купцом г. Хлынова Тряпицыным была устроена доменная печь для плавки чугуна, но в 1720 годах производство было заброшено.

В 1725 г. монастырь вместе с земельными владениями был приписан к Слободскому монастырю, а с 1764 г. совсем упразднен. Через монастырь в XVII и XVIII вв. проложена большая дорога из Москвы в Сибирь.

5. **Село Екатерининское** — образовано одновременно с упразднением монастыря. При третьей ревизии (1763 г.) в нем крестьянских дворов еще не было.

6. **Село Мулино** — на правом берегу р. Вятки существовало уже во время второй ревизии (1744 г., когда оно входило в состав вотчины Хлыновского Трифонова монастыря). Ранее Мулино здесь, по преданию, существовало с. Березовское, покинутое жителями, вследствие частых нападений «чуди» и разбойников.

7. **Село Нагорское** (Рождественское) — на правом берегу реки Вятки основано, по преданию, при Ив. Грозном. С 1595 г. вошло в состав Вобловицкой вотчины Трифонова монастыря, и в 1768 г. вместе с другими вотчинами монастыря передано в ведение коллегии экономии; тогда в нем насчитывалось 38 ревизских душ.

8. **Село Спасское** (Вобловицкое, Полом) — на левом берегу р. Вятки, возникло в XVI веке, упоминается в описи Слободского уезда 1590 г., в 1596 г. вошло в состав Вобловицкой вотчины Трифонова монастыря, в 1601 г. в нем было 18 дворов крестьянских и 3 двора церковников, в 1763 г. оно имело 171 ревиз. душу.

9. **Село Заево** (Архангельское) — в правобережье р. Вятки, открыто в 1776 г. Ранее селение принадлежало Трифонову монастырю, вплоть до секуляризации у монастырей вотчины.

10. Село Сырьяново-Николаевское — на лев. берегу р. Вятки при р. Василькове. Здесь во второй половине XVI века проживали удмурты.

В 1557 г. они обратились в Москву к царю Ив. Грозному с просьбой разрешить им креститься, построить церковь и поселиться особой слободой под управлением двух жителей г. Слободского (Ивашки Бакулева и Федьки Филиппова) и дать им льготу в платеже податей и повинностей. 25 февраля 1557 года такая грамота была дана; церковь была построена при помощи царской казны. В 1629 году на Сырьянском погосте было 49 дворов, в том числе 6 дворов тяглых крестьян, 30 дворов бобыльских, 8 дворов нищих и 5 дворов церковников. В XVII веке через это село проложена большая Сибирская дорога (т. е. из Москвы через Хлынов на Кай и далее через Верхотурье в Сибирь), большая часть удмуртов, по-видимому, вскоре выселилась отсюда в другие места. В 1763 г. в селе насчитывалось всего 17 ревизских душ.

11. Город Шестаков — на правом берегу р. Вятки, возник в 1543—1546 годах, был укреплен деревянной стеной с земляным валом и рвом, следы которых видны еще и в настоящее время. В XVII в. через город была устроена торговая дорога на Ношульскую пристань от г. Слободского, но город развивался медленно, в 1629 г. в нем было всего 50 дворов, 5 дворов казенных — земская и таможенная избы, 2 двора пушкарских и 1 двор рассыльщика, 20 дворов тяглых молодчих (т. е. менее состоятельных) посадских людей, 5 дворов бобыльских, 14 нищенских и 5 дворов церковников.

К городу был присоединен небольшой уезд в виде одного стана, в котором к 1629 г. оказалось 69 деревень и 33 починка с 146 дворами. Перед переписью многие уездные крестьяне, а равно и посадские жители сбежали со своих мест по преимуществу в Пермский уезд, оставив на родине в уезде 147 дворов пустых и 29 дворовых мест без жильцов. После учреждения на Вятке архиерейской кафедры (1656 г.) часть деревень и починков Шестаковского уезда была включена в состав владений Вятского епископа. В 1678 г. в Шестаковском уезде значилось всего 55 деревень с 61 двором. После 3 ревизий (1763 г.), выявившей во всем Шестаковом уезде лишь 150 жителей, Шестаковский уезд был присоединен к Слободскому уезду, а город обращен в село.

12. Село Георгиевское (Залесское) — в правобережье р. Вятки, в 4 верстах от нее, при речке Перервинке. Время основания его неизвестно. В 1629 г. в нем было 17 домов: 5 церковнических, 4 бобыльских и 9 нищенских. В 1749 г. оно было упразднено как село, но осталось волостным центром Георгиевской волости.

13. Город Слободской — на правом берегу р. Вятки, при впадении в нее речки Спировки. Возник в промежуток времени между 1489 и 1505 гг. По обычаю городов феодальной эпохи в нем были устроены городские укрепления — деревянная стена с 2 воротами и с 2 глухими (т. е. непроходными) башнями.

В 1615 г. в нем насчитывалось 158 дворов (119 тяглых, 15 бобыльных, 20 церковных, 2 пушкарских и 2 осадных), 17 торговых лавок и 9 кузниц. В XVII в. город развил довольно большую торговлю с г. Великим Устюгом и затем с Архангельском, куда с половины XVI в. начали прибывать английские торговые корабли. Грузы, предназначавшиеся для Архангельска и для Великого Устюга, г. Слободской отправлял до Ношульской пристани (на р. Лузе), для чего от Слободского до Ношулы в XVII в. была проложена особая дорога (Ношульский тракт). Город сделался уездным центром об-

ширной территории в бассейне Верхней Вятки. В XVII в. в уезде насчитывалось 5 станов: Чистянский, Верховский, Лужанский, Сырьянский и Холуницкий. По 3 ревизии (1763 г.) в г. Слободском оказалось 96 купцов (2 — первой гильдии, 30 — второй и 64 — третьей), мещан 910 и 11 дворовых людей, числившихся за разными лицами. К 1780 г. в г. Слободском насчитывалось 486 домов (5 каменных и 481 деревян). 3 раза в году происходила ярмарка и, кроме того, два раза в неделю базары.

14. **Слободской Богоявленский монастырь** — устроен невдалеке от города на берегу речки Спировки в 1599 г. Очень скоро он начал стремиться к приобретению земельных угодий: испрашивал у правительства землю на оброк, принимал в заклад, скупал крестьянские починки и т. д., на своих землях поселял крестьян. В 1662 г. за монастырем числилось 34 крестьянских двора, в 1673 — 35 дворов, 1722 г. — 76 дворов с 328 душами. В 1725 г. к Слободскому монастырю был приписан Верховятский монастырь со всеми его земельными владениями, в том числе и теми, которые монастырь сдавал в аренду Кирсинскому заводу. В 1763 году при общей секуляризации в России церковных и монастырских имуществ монастырь лишился всех земель и был предназначен к упразднению, но сохранился только благодаря тому, что сюда был переведен штатный Верхотурецкий Крестовоздвиженский монастырь.

15. **Село Успенское** — на правом берегу р. Вятки, возникло до 1615 г.; в 1629 г. в нем было 5 дворов церковников, 22 двора крестьянских и две кельи бобылей. Село входило в Чистянский стан Слободского уезда, в 1763 г. в нем насчитывалось 59 ревизских душ.

16. **Село Спасо-Подчуршинское** — почти рядом с селом Успенским, возникло также до 1615 года. До прихода русского населения здесь жили удмурты, памятником их пребывания служит находящееся здесь городище. В 1629 г. в селе зарегистрировано 5 дворов церковников, 8 дворов бобыльских и 1 нищенская келья. В 1763 г. село имело 9 ревизских душ и подобно селу Успенскому относилось к Чистянскому стану Слободского уезда.

17. **Никулицкий винокуренный завод** — на правом берегу р. Вятки, невдалеке от речки Никульченки; в начале XVIII в. (1720 г.) в документах упоминается под именем государственной никулицкой винокуренной поварни, на которую, между прочим, администрация посылала на урочные годы людей, осужденных за какое-либо преступление. В 1780 г. принадлежал генерал-поручику сенатору Щербинину.

18. **Село Никуличи** (Никулицыно) — на правом берегу р. Вятки, принадлежало к числу древнейших русских поселений. По преданию, записанному уже в XVII в. в «Повести о стране Вятской», здесь в XII в. существовал Чудь — Болванский городок, вероятно, нужно читать: болгарский. В 1181 г. новгородские ушкуйники взяли его приступом и построили здесь город Никулицын. Но эту дату нельзя считать достоверной: о русском населении на средней Вятке летописи начинают упоминать только со второй половины XIV века. Название села происходит, по-видимому, от слова Микулица-Никулица, являющегося уменьшительным именем от имени Микула-Никула. Этим последним именем назывался крещеный татарин или, по некоторым летописям, бесермянин Хази-баба, который в конце XIV и начале XV века имел довольно близкое отношение к нижегородско-суздальскому князю Семену Дмитриевичу, умершему на Вятке в 1402 г., в связи с этой смертью татарский царевич Ентяк в 1408 г., как передают Воскресен-

ская и Тверская летописи, «изобмолвил» Никулу в Москве, т. е. сказал про него какую-то напраслину.

Вероятнее всего возникновение Никулицкого села относится к концу XIV в. В XVII в. оно было очень небольшим селением: в 1629 г. в нем было всего 16 дворов (в том числе 11 бобыльских и 5 церковнических). Оно не было даже административным центром стана. В 1763 г. ревизия насчитывала в нем 49 ревизских душ.

19. **Село Красное** — на левом берегу р. Вятки образовалось между 1677—1686 гг., относилось к Березовскому стану Хлыновского уезда. В 1763 г. имело 31 ревиз. душ. Недалеко от этого села в XVII в. находились две пустоши, которые в писцовой книге названы: Первое Кирдяпино и Второе Кирдяпино. Наименования эти говорят о бывшей принадлежности этих пустошей князю Суздальскому (Василию), жившему в конце XIV и начале XV века и имевшему прозвище «Кирдяпа».

20. **Село Хлыновское** — на левом берегу р. Вятки и при впадении в нее речки Хлыновки (или Хлыновцы), образовалось из монастырской слободки Трифонова монастыря в 1681 г., входило в состав Березовского стана Хлыновского уезда.

21. **Кожевенный завод** был устроен на берегу р. Хлыновки недалеко от села Хлыновки местным купцом Толмачевым в 1747 г. Существовал до 1780-х годов.

22. **Город Хлынов** (совр. Киров) — на левом берегу р. Вятки недалеко от устья впадающей в нее речки Хлыновки или Хлыновцы. «Повесть о стране Вятской», произведение хлыновского книжника конца XVII века утверждает, что Хлынов был основан новгородскими ушкуйниками в конце XII века (приблизительно около 1192 г.). Но эта хронологическая дата, как и остальные даты, приведенные в повести, не заслуживает доверия. В летописи первое упоминание о Вятке вообще, т. е. о местности по течению р. Вятки встречается лишь под 1374 г. Из договорной грамоты великого князя Московского с князем Галицким от 1428 г. видно, что к этому времени города еще не было, а была лишь слобода. К 1434 г. слобода была превращена в город, т. е. была окружена городскими укреплениями; название города «Хлынов» впервые упоминается в документах лишь после 1456 г., когда он находился во владении князей Галицких. В 1489 г. г. Хлынов вместе со всей Вятской страной был окончательно подчинен власти Московского великого князя, причем все торговые и земские (т. е. занимавшие выборные земские должности) люди вместе с семьями были выведены из него и поселены в разных местах около Москвы, а жителям г. Устюга и других мест по Северной Двине было предоставлено право поселиться в Хлынове и во всей Вятской стране. В 1553 г. г. Хлынову Московским правительством было предоставлено право торговать с Пермью, а после открытия торговли с иностранцами в устье р. Северной Двины и после завоевания Казани (1552 г.) и Сибири (1584) Хлынов получил возможность направлять свои товары (главным образом сырье) и к Архангельску, и в Сибирь, и в Южное Поволжье; в конце XVI в. через г. Хлынов прошла большая проезжая дорога из Москвы в Сибирь, заменившая собой более северное направление этой дороги из Москвы (через г. Великий Устюг на г. Кай). Вследствие этого численность населения в г. Хлынове стала значительно увеличиваться: в 1590 г. в нем числилось 314 дворов, в 1616 — 603, в 1629 — 640, в 1646 и в 1678 — 778 дворов. Во второй половине XVII в. (в 1656 г.) Хлынов сделался центром управления обширной епархии (Вятской и Великопермской). Но-

всему епископу «на-прокорм» его с архиерейским двором правительством даны были в разных уездах земли, иногда с крестьянами. В 1727 г. Хлыновскому архиерейскому дому принадлежали вотчины: в Хлыновском уезде: Кармыжская — 230 душ, Бобинская — 1089, Медянская — 88, Окологородская и Кленовская — 253, Косинская и Верхошижемская — 1796 душ, Ошетская — 694, всего 6230 душ. В Слободском уезде Сырьянская — 527 д., Пантыльская — 106, Шестаковская — 82, Елевская — 147, всего 862 души. В Котельничском уезде Васильковская и Сорвижская — 242 души, Вишкильская — 321, всего 2431. Итого во всех архиерейских вотчинах насчитывалось 9523 души мужского пола, а обоего пола было, следовательно, свыше 19000 душ. Кроме архиерея и Трифонова монастыря, владели землями и некоторые церкви Хлынова: в 1654 г. Никольский собор имел 280 дворов, Богоявленский — 72, Троицкая церковь — 49, Рождественская — 27 и Сретенская церковь — 4, всего 432 двора. В 1719 г. г. Хлынов сделался административным центром Вятской провинции Сибирской губернии, а в 1780 г. — центром обширного Вятского наместничества. Пред обращением Хлынова в губернский город в нем насчитывалось 871 дом; в том числе 5 каменных и 866 деревянных; кроме того, 2 каменных здания: 1 — провинциальной канцелярии с двух апартаментов и 2 — архиерейского дома с духовной консисторией; 2 монастыря, 13 приходских церквей, в том числе 11 каменных и 2 деревянные.

23. **Трифонов Успенский монастырь** — на левом берегу р. Вятки при впадении в нее небольшой речки Засоры — был устроен в 1580 г.; с самых же первых годов своего существования монастырь принял усиленные меры к сосредоточению в своем распоряжении земель по р. Вятке в уездах Хлыновском, Слободском и даже на юге Прикамья (около села Вятских Полян). К 1760 г. во владении монастыря оказались вотчины: в Хлыновском уезде Куменская с 3001 рев. душ крестьян, 2) Ошетская — 3340, 3) Курчумская — 3736 д., 4) Сунская — 3754 д., 5) Кырчанская — 5022, 6) Ситьминская — 150, 7) Тимиревская — 271, 8) Комаровская — 109 душ; в Слободском уезде: 9) Воловицкая — 1856 д., 10) Лекомская — 555; кроме того, 4 загородные слободки — 201 душа, 10 подгорных деревень и 4 мельницы — 200 душ. Бобинская деревня за р. Вяткой — 114 душ, 2 деревни около устья р. Чепцы, Десятитяровское и Красное — 61 д., итого 23369 ревиз. душ, или свыше 46700 душ обоего пола. С разных поженок, разбросанных по уездам Хлыновскому и Слободскому, монастырь собирал хлеб, сено, пользовался более чем в 20 местах (озерах, речках, курьях) рыбными ловлями, имел до 25 мельниц и т. д. Все это имущество было секуляризировано у монастыря в 1763 г. при Екатерине II.

24. **Хлыновский Богословский монастырь** — учрежден в 1718 г. около г. Хлынова (ниже по течению реки Вятки) на земле, купленной дьяком Сибирской губернии Василием Окоемовым у крестьянина дер. Авдеевской. К вновь учрежденному монастырю Вятский епископ приписал земельные владения Раифской пустыни и Куринского монастыря в 1734 г. Богословский монастырь обладал 813 ревизскими крестьянскими душами. После отобрания земельных владений монастырь был упразднен (в 1764 г.).

25. **Село Макарье** — на правом (луговом) берегу р. Вятки против г. Хлынова образовалось в 1652 г., в 1763 г. в селе насчитывалось 20 душ мужского пола.

II. По правым притокам в Верхней Вятке, по реке Белой

26. Село Бельское (Троицкое) — на правом берегу р. Белой образовалось в 1732 г. В 1746 г., когда вятское епархиальное начальство при содействии гражданской администрации сделало нажим на удмуртов, принуждая их креститься, то в село Бельское рассыльщиками воеводской канцелярии сгонялись толпы удмуртов и крестились в реке иногда целыми сотнями.

27. Залазнинский железоделательный завод — по левому берегу р. Белой при впадении в нее речки Залазны был устроен в 1772 г. подполковником Осокиным. На завод были переведены рабочие из Шурминского медеплавильного завода, из Смышевского железоделательного завода Калужской губернии и из Тульской губернии.

По реке Кобре

28. Село Синегорское или Синеглинское — на правом берегу реки, почти на крайнем севере Вятской земли. Здесь в XVI в., по преданиям, жили коми, но были вытеснены отсюда бежавшими от военной службы русскими, в начале XVII в. (1626 г.) вся местность по р. Кобре и по другим рекам была отдана на оброк Успенскому Трифонову монастырю и вошла в состав его Вобловицкой вотчины. Село было открыто в начале XVIII в. В 1763 г. в селе насчитывалось 17 ревизских душ.

По реке Летке

29. Село Слудское — на правом берегу реки образовалось в первой половине XVIII в. Метрические церковные книги сохранились в нем, начиная с 1735 г. (Зыряне Лещкие). Но затем из Двинского края сюда стали переселяться русские и заводить здесь починки. Название реки (Летька) произошло, по-видимому, от имени речки, протекающей в Двинском крае (Ледь). Село оказалось на торговой дороге из г. Слободского на Ношульскую пристань.

В 1763 г. в нем вместе с деревней Слудской насчитывалось 96 ревиз. душ. После революции с окружающими селениями перечислено в Коми АССР.

30. Село Холуно-Поломское — на левом берегу р. Летьки при впадении в нее речки Холуянки. В XVII в. здесь вблизи проезжей дороги (из Слободского на Ношульскую пристань) поселились русские, бежавшие из разных мест от военной службы. Село образовалось в 1696 г.

По реке Лекме, притоку Летьки

31. Село Лекма — на правом берегу речки. Местность населена русскими пришельцами с Устюга (некоторые починки получили название Устюжских). В 1626 г. вся местность по обе стороны р. Лекмы с черным лесом, рыбными ловлями в р. Лекме, Жерновской, Репихе была отдана на оброк Вятскому Успенскому монастырю. В 1641 г. здесь на Ношульской дороге из г. Слободского было образовано с. Лекма, которое и сделалось центром Лекомской вотчины монастыря. В 1763 г. в нем насчитывалось 36 ревиз. душ.

По правобережью реки Лекмы

32. Село Совье на Раменье (Спасское) — погост возник в 1615 г. В

1629 г. в нем было только 4 двора церковников, к нему было причислено 12 дер., 3 починка и 6 займищ. Село входило в Верховский стан Слободского уезда, в XVIII веке было центром Совинской волости, состоявшей из 43 деревень. В 1763 г. в селе было 11 ревиз. душ.

По реке Никульчанке, притоку реки Вятки

33. Село Волково — на правом берегу речки, возникло на территории, занятой удмуртами. Первое упоминание о нем встречается в документах от 1552 г. В XVI в. село было центром Волковского стана Хлыновского уезда. В 1629 г. в нем насчитывалось 20 дворов, в том числе 15 бобыльских и 5 дворов церковников, а в 1763 г. 11 ревиз. душ.

На р. Салтановице

34. Талицкий винокуренный завод — недалеко от Хлынова, устроен в начале XVIII в. Во второй половине XVIII в. принадлежал некоему Амосову.

35. Село Богородское — на той же речке ближе к г. Хлынову. В окрестных деревнях существовало предание, что на месте их жили некогда татары. Это было, вероятно, в XIV—XV веках, когда проживали здесь суздальские князья Вас. Кирдяпа и Семен, имевшие тесную связь с татарами. Село в начале XVIII века входило в состав околородной архиерейской вотчины, в 1727 г. имело 22 души.

III. По левым притокам р. Вятки

По р. Омутной

36. Омутнинский доменный и молотовый завод — при р. Омутнице, недалеко от впадения ее в Вятку, был устроен подполковником Осокиным в 1773 г., на первое время он пользовался землями и лесами крестьян Красноглинской волости с платою крестьянам, согласно договору, по 90 р. в год. В заводе владельцем Осокиным были поселены крепостные рабочие из соседнего Приуралья. По 4-й ревизии (1782) за Омутнинским заводом значилось 648 душ, в том числе 48 м. и 57 ж. с завода Юговского, 98 м. и 100 ж. с Курашимского и 113 м. и 121 ж. с завода Игринского.

По р. Черной Холунице

37. Чернохолуницкий завод (железодельный) — на правом берегу речки был устроен в 1764 г. генерал-прокурором Правительственного Сената Глебовым, устройтелем Климовского завода. Заводу были отведены окрестные лесные дачи. Первоначально работали в нем рабочие, привезенные заводчиком с Невьянского завода на Урале. В 1769 г. завод перешел во владение кол. ассессора Саввы Яковлева.

38. Троицко-Холуницкий монастырь — на левом берегу р. Черной Холуницы, недалеко от впадения ее в Вятку «на черном волоку» устроен в 1595 г. царем Федором Ивановичем, сыном Ивана IV. Монастырю было даны на оброк весьма большое количество окрестной земли: от речки Иванцовки до речки Черной, левого притока р. Вятка, а также оба берега р. Вятки от р. Соленой (правого притока р. Вятки) до озера Высокого, с речками (истоками), озерами с рыбными ловлями. Земли эти были изъяты из крестьянского пользования. К 1615 г. монастырь на вотчинных землях завел 5 починков с 10 крест. дворами, а к 1629 г. 5 деревень да 7 починков, в 1722 г. владел 104 дворами с 384 душами. В 1725 г. все земельные владения

вместе с монастырскими землями переданы Слободскому монастырю. В 1763 г. монастырь был упразднен.

39. Село Троицко-Холуницкое — на левом берегу, возникло «на диком лесу» перед 1629 г. Составителем писцовых книг 1629 г. зарегистрировано в селе 4 двора церковников и 8 дворов бобыльских; в XVII в. село входило в Холуницкий стан Слободского уезда. Село находилось на большой Московской дороге в Сибирь до ее закрытия в XVIII в. (через Хлынов и Слободской).

На речке Ивановке

40. Село Ивановское (оно же Соловецкое) — на правом берегу речки, образовалось в начале XVIII века. В записи, сделанной в 1716 г. на одной церковной книге, село названо «новозаводным». Оно входило в Сырянский стан. В 1763 г. в нем было 24 ревиз. души.

На речке Осетровке или Осетрее

41. Село Сырьяново-Всесвятское — на левом берегу речки, недалеко от впадения ее в Вятку, образовалось после составления дозорной книги в 1615 г. «на диком лесу». В 1629 г. в нем числилось 16 дворов бобыльских и 5 дворов церковников. Входило в Сырянский стан Слободского уезда. Через это село в XVII в. проходила большая Московская дорога через Хлынов на Кай и Верхотурье. В 1763 г. в нем насчитывалось 56 ревиз. душ.

По р. Белой Холунице

42. Село Елевское (Петропавловское) — на правом берегу речки, возникло в конце XVII в. (до 1694 г.), было центром вотчины (Елевской) Вятского епископа. В 1717 г. в нем были только 4 двора церковников. По 3-й ревизии (1763 г.) в селе оказалось 12 ревизских душ.

43. Климовский чугунный завод — на правом берегу был устроен в 1759 г. прокурором Сената Глебовым. Заводовладельцем сюда были переселены рабочие с Невьянского завода (из Приуралья), а также крепостные крестьяне, которых, впрочем, было немного. К концу XVIII в. по 5-й ревизии (1795) их насчитывалось 49 человек. В 1804 году всех рабочих на заводе насчитывалось 228 человек, в том числе крепостных 26 человек.

44. Белохолуницкий железоделательный завод — устроен на правом берегу реки тем же Глебовым в 1764 г.

45. Село Кичино — на правом берегу р. Холуницы возникло в первой половине XVIII века (до 1744 г.), вместе с окружающими его деревянными вошло в Холуницкий стан Слободского уезда. В 1763 г. в нем насчитывалось 12 ревиз. душ.

46. Село Холуно-Ильинское — на левом берегу р. Белой Холуницы возникло до 1615 г. По переписи 1629 г., в нем было 36 дворов, в том числе 5 дворов церковников и 31 двор бобыльский. В XVII и XVIII вв. село входило в состав Холуницкого стана. В 1763 г. в нем насчитывалось 137 ревиз. душ.

47. Село Прокопьевское (Вознесенское) — на правобережье р. Белой Холуницы, но вдали от реки (при колодцах) возникло до 1629 г. По переписи 1629 г., в нем зарегистрировано 10 дворов — 4 двора церковников и 7 дворов бобыльских. В XVII и XVIII вв. входило в Сырянский стан, находилось на Ношульском торговом тракте. В 1763 г. имело 6 ревиз. душ. Наименование села (по имени Прокопия Великоустюжского) показывает, что жители данной местности были выходцами с Великого Устюга.

На речке Пантылке, притоке Сомы, впадавшей в р. Белую Холуницу

48. Село Пантыл — основано до 1629 г. Перепись 1629 г. зарегистрировала в селе 16 дворов (5 дворов церковников, 11 дворов бобыльских) и кроме того, 1 келья нищенская. В XVII в. село входило в состав Холуницкого стана Слободского уезда. В XVIII веке часть окрестных селений была передана в состав архиерейской вотчины. В 1763 г. село имело 12 ревизских душ.

На речке Пентере, приток Белой Холуницы

49. Село Вохма (Успенское) — образовалось после 1678 г., входило в состав Пантыльской архиерейской вотчины. В 1763 г. в нем оказалось 8 ревизских душ.

На речке Сенчихе, впадающей в Ужеговицу, левый приток р. Вятки

50. Село Закаринское — на левобережье этой речки возникло в конце XVII или начале XVIII века (не позднее 1708 г.) и скоро сделалось волостным центром Закаринской волости Холуницкого стана Слободского уезда. В 1763 г. имело 26 ревизских душ. Местность, в которой село было устроено, получила название Закаринья потому, что по соседству с ним, ближе к реке Вятке, еще в конце XIV века образовалось татарское селение Карино. Впервые русские поселенцы появились здесь в качестве татарских половников, т. е. обрабатывавших землю татар «исполу». В XVI в. Карино было центром Каринского стана, заключавшего в себе нерусские селения по р. Чепце — татарские, удмуртские и бесермянские. Правительственные распоряжения Москвы направлялись в Карино наравне с городами Вятской земли — Хлыновом, Орловом, Котельничем и Слободой (или Слободским). Название татарского поселка Карино напоминает название одного села в Нижегородской Суздальской области, подаренного местными князьями Нижегородскому Печерскому монастырю в конце XIV в. Отсюда как-будто открывается возможность предполагать, что первоначальные насельники Вятского Карина явились сюда вместе с суздальскими князьями в конце XIV века.

При речке Круглой, притоке р. Вятки

51. Село Круглово — образовалось до 1746 г. из удмуртской деревни, в которой в 1615 г. насчитывалось 22 удмуртских двора, в 1678 г. — 27, а в 1722 — 78 дворов.

В первой половине XVIII в. удмурты как этого селения, так и некоторых соседних селений Каринской волости были обращены в христианство и в селении Кругловском в 1746 г. было образовано село. Оно входило в состав Каринской отяцкой доли. В 1763 г. в нем было 220 ревиз. душ первой Каринской доли и 128 душ второй доли.

По р. Чепце

Река Чепца, берущая свое начало недалеко от р. Очеры, правого притока Камы, всем течением принадлежала всецело Вятской земле. До XIII или XIV в. берега ее были заселены нерусскими народностями, о чем свидетельствует ряд городищ, расположенных главным образом в верхнем и среднем ее течении. Перед появлением русских поселенцев нижнее течение Чепцы занимали удмурты, но в среднем и верхнем течении р. Чепцы и ее притоков были лишь редкие удмуртские селения. Теснимые русскими,

удмурты начали подвигаться от устья Чепцы к востоку, вверх по р. Чепце, вплоть до ее верховьев. Перепись 1678 г. по обоим берегам р. Чепцы насчитала уже 118 удмуртских населенных пунктов с 1246 дворами. Как называлась речка до прихода русских, неизвестно. Русское название реки тождественно с названием реки, впадающей в озеро Чаронцу (около древнего Белозерского княжества). К XVII веку русские успели продвинуться по левому берегу Чепцы до реки Филипповки, а в первой половине XVII века проникли и на правобережье Чепцы. В 1637 г. русский крестьянин так называемой Филипповой слободки Пахом Кошесев с товарищами подал царю Алексею Михайловичу прошение об отдаче на оброк леса «дикого ремения» по левому берегу р. Чепцы от р. Филипповки вверх до р. Святыцы. 11 лет дело это рассматривалось и на Вятке, и в Москве, и в 1648 г. просимая территория была предоставлена Пахому Кошесеву с товарищами. Отведенная земля стала быстро заселяться русскими. В первой половине XVIII в. правительство стало принуждать чепецких удмуртов и бесермян принимать христианство, причем принуждение это сопровождалось иногда и физическими мерами воздействия. Для удмуртов, крестившихся под влиянием этого принуждения, правительство стало устраивать христианские церкви, назначили к ним служителей культа из русских. Скоро в новых селах стали поселяться и русские торговцы (лавочники). Так русский элемент стал проникать уже непосредственно в удмуртские селения и села, образовавшиеся среди удмуртов. Они стали проводниками русского влияния. В конце XVIII в. при новом делении Вятской губернии на волости, удмуртские села были сделаны волостными центрами, в которых все делопроизводство велось на русском языке, отчего русское влияние на удмуртов должно было усилиться. Вот почему мы в дальнейшем в числе местных центров перечисляем села, образовавшиеся среди удмуртов в XVIII веке.

I. По течению р. Чепцы

52. Село Дебессы — на правом берегу реки. Это большая удмуртская деревня, имевшая в 1646 г. 8 дворов, в 1678 — 29, в 1722 — 61 двор и входившая в состав Верхочепецкой 5-й Пургинской доли. В XVIII в. через это село была проведена от Казани большая Сибирская дорога, заменившая собой прежнюю сибирскую дорогу (через Хлынов, Слободской, Кай). В 1746 г. после обращения в христианство окрестных удмуртов здесь было открыто село. В 1763 г. в нем насчитывалось уже 315 рев. душ.

53. Село Полом — на правом берегу р. Чепцы — удмуртское селение, имевшее в 1646 г. 21 двор, в 1678 г. — 35, в 1722 — 18. В XVIII в. входило в состав Верхочепецкой 5-й Пургинской доли. После принятия христианства частью местных удмуртов в селении была устроена церковь. В 1763 г. в селе было 123 ревиз. душ.

54. Село Балезино — на левом берегу р. Чепцы — удмуртское селение, возникло после 1646 г., в 1678 г. имело 44 двора, в 1722 — 26 дв. В 1746 г. после крещения удмуртов было обращено в село, в котором по 3-й ревизии (1763 г.) насчитывалось 278 рев. душ.

55. Село Глазово — на левом берегу Чепцы — удмуртское селение, имевшее в 1678 г. 12 дворов, в 1722 г. — 29 дворов, далее входило в состав Чепецкой Отяцкой волости. В 1746 г. после крещения местных удмуртов было обращено в село. При учреждении Вятского наместничества было обращено в уездный город. Тогда в нем насчитывалось 48 крестьянских, т. е. удмуртских дворов с 212 рев. душами.

56. Село Елово — на правом берегу Чепцы, это удмуртское селение имевшее в 1678 г. 24 двора и в 1722 г. 39 дворов. В XVII и XVIII веках входило в состав Верхочепецкой отяцкой нижней доли. В 1741 г. в деревне Еловской была устроена христианская церковь. В 1763 г. село Еловское имело 227 рев. душ.

Та часть территории Вятской земли, которая была заселена удмуртами, еще в конце XVII в. была разделена на так называемые доли. Долей этих было пять, и назывались они так: 1 и 2 Каринские (недалеко от селения Карина), 3 (Чепецкая нижняя) по среднему течению Чепцы, 4 (Верхочепецкая) выше по р. Чепце и 5 (Верхочепецкая доля) по верховьям рек Чепцы, Ижа и Вотки. Эта последняя доля в XVIII в. была разделена на 2 части, которые также назывались долями — 5-я Пургинская и 5-я Игринская. Деление это в конце XVIII века было заменено делением на волости.

57. Село Низевское — на правом берегу р. Чепцы при озерах Низевском и Назимовском открыто в первой половине XVIII в. Метрические книги сохранились о нем с 1749 г., село входило в состав вотчины Верхочепецкого монастыря. В 1763 г. в нем насчитывалось 50 рев. душ.

58. Село Заозерничное — на правом берегу р. Чепцы при р. Заозернице, возникло в 1651 г. В этом году было дано разрешение Хлыновского протопопа приступить к постройке церкви. В XVII в. и XVIII в. село входило в состав Сезеневской волости. В 1763 г. имело 14 рев. душ.

59. Село Сезеново — на правом берегу р. Чепцы. Погост возник после 1615 г., в 1629 г. в нем было только 7 дворов (4 бобыльских и 3 двора церковников); в XVII в. он входил в Чепецкий стан. В XVIII в. сделался волостным центром Сезеневской волости; в 1763 г. в селе было 19 ревиз. душ.

60. Село Волче-Троицкое — на левом берегу р. Чепцы — существовало уже в 1615 г. В 1629 г. в нем насчитывалось 14 дворов, в том числе 10 дворов бобыльских и 4 церковнических. В XVII веке входило в состав Чепецкого стана, а в XVIII в. сделалось центром особой (Троицкой) волости. В 1763 г. имело 31 рев. душу.

61. Село Чепецко-Ильинское на левом берегу р. Чепцы. Возникло в 1625 г. В 1629 г. имело 22 двора, в том числе 16 бобыльских, 1 нищенскую келью и 5 дворов церковников. В XVII в. входило в состав Чепецкого стана Хлыновского уезда. В XVIII в. было центром Ильинской волости. В 1763 г. в нем было 2 ревиз. души.

62. Никольский погост или погост на устье Чепцы (Никола Чепецкий) — на левом берегу реки, был устроен русскими поселенцами в местности, занятой удмуртами в самом начале русской колонизации. О былом пребывании здесь удмуртов свидетельствуют сохранившиеся предания и наименования некоторых починок и деревень этого погоста. Часть удмуртов после безуспешной борьбы с русскими поселенцами удалились отсюда к востоку по Чепце, а часть, по-видимому, осталась на прежнем месте. Одно из трех сельских обществ в Чепецкой волости вплоть до революции сохраняло наименование «Отяцкого», одна из деревень этого прихода также до революции носила народное название «Вотское». Есть основание утверждать, что здесь (у Николы на погосте) в конце XIV в. укрывалась жена суздальского князя Семена со своими детьми и имуществом, когда он сам находился в земле татарской и служил ханам в надежде получить от них помощь в борьбе с Московским великим князем. В XVII в. погост служил административным центром Чепецкого стана Хлыновского уезда, а в XVIII в. — центром

Никольской волости. В 1614 г. в нем было 15 бобыльских дворов и 13 дворов пустых, в 1629 г. — 55 дворов, в том числе 37 оброчных, 13 бобыльских и 5 дворов церковников, в 1646 г. — 86 дворов. В 1763 г. в селе, называвшемся тогда уже Усть-Чепецким, насчитывалось до 200 рев. душ.

II. По правым притокам р. Чепцы

На речке Шеснец, впадающей в Пызеп, правый приток Чепцы

63. Село Понино — на правом берегу р. Шеснеца. Это большое удмуртское селение, возникшее уже после 1678 г., обращено в село в 1746 г.

На речке Пудемке

64. Пудемский завод — устроен в 1759 г. казанскими купцами Келаревым и Ляпиным на удмуртской территории. На первых порах завод пользовался лесной дачей удмуртов Еловской волости, а также дачами Верховятского монастыря. На завод рабочие были переведены из Омутнинского завода. В 1805 г. на завод работало 30 крепостных и 91 вольнонаемных рабочих.

На речке Алешихе

65. Верхочепецкий монастырь — возник в 1608 г. Царем Шуйским ему даны на оброк «дикое ременье», покосы и рыбные ловли. Монастырь стал поселять на этих землях крестьян. В 1662 г. за монастырем числилось 82 крестьянских двора, в 1678 г. — 176 дворов, в 1722 — 369 дворов, с 1612 душами. В 1763 г. при общей секуляризации архиерейских и монастырских земельных владений вместе с крестьянами были отобраны земельные имущества и у Верхочепецкого монастыря, но монастырь был оставлен в качестве штатного. В 1769 г. монастырь сгорел, а монахи были переведены в Слободской Богоявленский монастырь, который после этого был переименован в Крестовоздвиженский монастырь.

66. Село Николаевское (Березино) — образовалось из заградской слободы Верхочепецкого монастыря. Точная дата возникновения села остается неизвестной, но судя по тому, что к 1742 г. деревянная церковь села сделалась уже ветхой, надо относить возникновение села к концу XVII в. В 1763 г. село имело 20 рев. душ.

На р. Маклаковке

67. Село Роговское возникло в 1682 г., входило в Чепецкий стан Хлыновского уезда. В XVIII в. — в Сезеневскую волость. В 1763 г. имело 16 рев. душ.

На р. Святине

68. Усть-Святицкий Спасский монастырь — основан в 1645 г. вблизи устья речки, на землях, данных ему правительством на оброк. В 1662 г. на монастырских землях насчитывалось 30 крестьянских дворов. В 1685 г. монастырь был закрыт.

69. Село Игумново — образовалось в 1647 г. из заградской слободы Усть-Святицкого монастыря. В XVIII в. входило в Чепецкую волость Хлыновского уезда. В 1763 г. имело 28 ревиз. душ.

III. По левым притокам Чепцы и их притокам

По р. Нязь, левому притоку Лозы, впадающей в р. Чепцу

70. Село Чутырь — бывшая удмуртская деревня, возникшая после 1678 г. и в начале XVIII в. включенная в состав Верхочепецкой 5-й Игринской доли. В 1722 г. в ней насчитывалось 14 дворов. После крещения местных удмуртов деревня была обращена в село (1746 г.). По 3-й ревизии (1763 г.) в нем насчитывалось 67 рев. душ.

По р. Лекме

71. Село Укан на правом берегу речки, бывшая удмуртская деревня, имевшая в 1646 г. 17 дворов, а в 1678 г. — 32 дв. В 1746 г. после крещения местных удмуртов деревня была обращена в село. В 1763 г. село имело 142 рев. души.

По притокам Лекмы, речке Шулшуре и Убытке

72. Село Юкаменское — бывшая удмуртская деревня на левом берегу р. Убытки, на территории, занятой удмуртами и бесермянами. Обращена в село в 1776 г.

По р. Саде

73. Село Сада — бывшее удмуртское селение, оно образовано после 1678 г., в 1722 г. имело 14 дворов, входило в состав Верхочепецкой отяцкой нижней доли. В 1763 г. имело 84 рев. души. Обращено в село в 1768 г.

По р. Святище

74. Село Верховсвятицкое (Ильинское) — образовалось в 1760 г. и вошло в состав Зачурмыжской волости. В 1763 г. не имело ни одного двора.

75. Село Святицкое — на правом берегу р. Святицы, образовалось в 1651 г. после предоставления московским правительством кр. Пахому Кошсееву территории между рр. Святицей и Филипповкой. В XVIII в. было административным центром Святицкой волости, в 1763 г. имело 18 рев. душ.

По речке Белой, притоку Святицы

76. Село Бельское (Богородицкое) — русское селение на левом берегу речки, обращено в село в 1705 г.. В XVIII веке было центром Бельской волости, в 1763 г. имело 4 рев. души.

По речке Сосновке, притоку р. Белой

77. Село Сосновское (Архангельское). Образовано в 1760 году для вновь заведенных в его окрестностях русских починков, служило для них волостным центром. В 1763 г. жили в нем одни церковники. Невдалеке от села (к югу) проходил Казанский «Рубеж», т. е. граница Казанского уезда и Вятской земли.

По речке Польшке

78. Село Польшка — на правом берегу речки возникло после 1686 г., вошло в состав Косинской волости, в 1763 г. имело 12 рев. душ.

По речке Косе

79. Село Верхокосинское (Караул) — при впадении в р. Косу р. Куземки, образовалось в 1747 г. для окрестных новокрещенных удмуртов.

Входило в состав Отяцкой Косинской доли. В 1763 г. в нем жили одни церковники.

80. Село Мухино — на левом берегу р. Косы, образовалось в 1687 г. из дер. Касаткинской, в 1763 г. имело 17 рев. душ.

81. Село Коса — на левом берегу той же реки образовалось в 1643 г. на территории, отданной правительством кр. Пахому Кошесеву «с товарищами» и сделалось центром Косинской волости, в 1763 г. имело 35 рев. душ.

На р. Елганке, правом притоке Косы

82. Село Елгань образовалось в 1766 г., входило в состав Зачепецкой волости. В 1763 г. в селении насчитывалось 64 рев. души.

По речке Суне, притоку Косы

83. Село Верхосунское — на правом берегу речки, образовалось в начале XVIII века (не позднее 1745 г.). При третьей ревизии (1763 г.) в нем жили одни церковники.

84. Село Суна — на правом же берегу Суны, образовалось в конце XVII в., входило в состав Косинской волости, в церковных документах начали в XVIII в. называть иногда Малой Суной. По 3-й ревизии в нем было 9 рев. душ.

По речке Ухтымке

85. Село Ухтым (Екатерининское) — возникло в 1703 г., в 1763 г. имело 2 рев. души.

По речке Леме, левому притоку Косы

86. Село Лема (Богоявленское) — возникло в начале XVIII века, входило в Архангельскую волость, в 1763 г. имело 5 рев. душ.

По речке Исаковке, левому притоку Косы

87. Село Исаковка — возникло в 1734 г., как видно из метрических ведомостей этого села за 1814 г. Входило в Мудровскую волость. В 1763 г. жили в нем одни церковники.

По речке Кордяге, притоку Чепцы

88. Село Рябово — возникло в 1752 г. В 1763 г. в нем жили одни церковники.

89. Село Мудрово (Рождественское, Кордяжское) — на реке Большой Кордяге, недалеко от впадения в нее р. Мудровки, образовалось в 1654 г.

90. Село Поджорново — образовалось в конце XVII или начале XVIII в., начиная с 1743 г. сохранились метрические книги этого села. В 1763 г. в нем насчитывалось 18 рев. душ.

На р. Средняя Кордяга, притоке Большой Кордяги

91. Село Селезениха — основано переселенцами из г. Орлова в 1730—1740 гг., входило в состав Зачепецкой волости, в 1763 г. имело 3 рев. души.

На р. Хмелевке, притоке Большой Кордяги

92. Село Хмелевка построено в 1736 г. Эта дата была обозначена на

хранившемся в церкви деревянном кресте. В XVIII в. село было центром Вознесенской волости Хлыновского уезда. В 1763 г. имело 61 рев. душу.

По речке Филипповке

93. Село Филиппово — построено кр. Пахомом Кошечевым с товарищами в 1643 г., в XVIII в. вошло в состав Мысородигинской волости, в 1763 г. имело 12 рев. душ.

На речке Каменке, правом притоке Филипповки

94. Село Каринка (Архангельское) — образовано в 1674 г., входило в состав Мысородигинской волости Хлыновского уезда, в 1763 г. имело 26 рев. душ.

По речке Пыже, притоку Филипповки

95. Село Пыжа — возникло в конце XVII в., в XVIII в. входило в состав Троицкой волости Хлыновского уезда. До поселения русских в этой местности жили татары, но переселились отсюда в Карино.

По речке Проснице, притоку Вятки

96. Село Ржаной Полом образовалось в XVII веке (между 1658—1660 гг.), в XVIII в. входило в состав Ильинской волости Хлыновского уезда, в 1763 г. имело 29 рев. душ.

По речке Волме, левому притоку Просницы

97. Село Волма — образовалось в 1673 г., о чем говорилось в описи церковного имущества этого села, составленной в 1826 г., в XVIII в. было центром Волменской волости Хлыновского уезда, в 1763 г. имело 10 рев. душ.

По речке Малой Проснице, притоку Просницы

98. Село Просница — образовалось во второй половине XVII в., входило в состав Архангельской волости (Кстининской) Хлыновского уезда, в 1763 г. имело 21 рев. душу.

У верховьев р. Малой Просницы

99. Село Бурмакино (при речке Козихе и Перечихе) — образовалось в первой половине XVII в. (до 1610). В XVIII в., подобно селу Проснице, входило в состав той же Архангельской волости Хлыновского уезда, в 1763 г. имело 45 ревиз. душ.

У речки Полоя, левого притока Большой Просницы

100. Село Кстинино (Архангельское) — одно из древнейших русских селений Вятской земли, образовалось до 1615 г.; в 1629 г. в нем насчитывалось 39 дворов, в том числе 33 бобыльских и 6 дворов церковников. В XVII в. село было центром (административным) Березовского стана Хлыновского уезда. В XVIII в. сделалось центром Архангельской волости того же уезда. В 1763 г. имело 151 рев. душу. Первые русские поселенцы застали здесь удмуртов, следы пребывания которых сохранились в географических наименованиях, каковы, например, Вотская пустошь, Варсеги.

На речке Якимчевке

101. Село Дубягино образовалось до 1691 г. В этом году в одном документе (челобитной причта Покровской церкви г. Хлынова) оно названо Ново-Заводным, первоначально входило в Березовский стан Хлыновского уезда. Позднее причислено к Заякимчевской пятидесятке. В 1763 г. имело 9 ревиз. душ.

ГЛАВА II

МЕСТНЫЕ РУССКИЕ ЦЕНТРЫ ВЯТСКОЙ ЗЕМЛИ В БАССЕЙНЕ СРЕДНЕЙ ВЯТКИ

I. По берегам р. Вятки

102. Село Филейка — на левом берегу реки появилось до 1706 года, входило в Спенцынский стан Хлынова. В 1763 г. имело 24 рев. души.

103. Село Подбельское — в правобережье Вятки несколько вдали от реки. До прихода русских колонизаторов местность была занята удмуртами, о чем свидетельствуют два находящиеся здесь городища, археологами признаваемыми удмуртскими. Русское село образовалось до 1615 г. В 1629 г. в нем было 26 дворов, в том числе 17 бобыльских, 5 тяглых и 4 двора церковников. В XVII в. входило в Великорецкий стан Хлыновского уезда, а в XVIII в. в Великорецкую волость. В 1763 г. имело 243 рев. души (145 черносошных и 98 отказных половников).

104. Город Орлов — одно из древнейших русских населенных мест, превращенное в город (т. е. обнесенное укреплениями) в XV веке, в период времени между 1428 и 1434 г. Имя города (Орлов) в первый раз упоминается в летописи под 1457 г. Имя это напоминало название одного из городов в Северо-Двинье. В 1629 г. в городе насчитывалось 85 дворов, в том числе посадских — 55, бобыльских — 18, дворов приказных, пушкарских и приставских — 5 и дворов церковников — 5. В 1678 г. — 40 дворов, в том числе 22 посадских, 2 избы и 16 дворов церковников.

В XVII в. через город Орлов проведена большая дорога из Москвы в Сибирь. Через Орлов же проходила дорога на Великий Устюг. В конце XVII и начале XVIII в. город принял деятельное участие в торговле с В. Устюгом и Архангельским заграничным портом, отправляя свои товары (сырье) на Ношульскую пристань, откуда они по Северной Двине сплавлялись в Архангельск. В 1780 г. город имел 191 дом. Купечества в нем насчитывалось 25 душ (3 — второй гильдии и 22 третьей гильдии), мещан 290 ч.

105. Село Истобенское — на левом берегу реки Вятки, ниже устья Истобницы, было также одним из древнейших русских населенных мест. Территория, занятая селением, являлась очень удобным пунктом для наблюдения за рекой Вяткой и устьем реки Моломы, и поэтому довольно рано была занята русскими. Этим объясняется появление здесь городища, которое археологи считают русским. Среди населения сохранился рассказ о том, что недалеко от села в XV в. происходила битва вятчан с устюжанами. Точная дата возникновения села остается неизвестной. Первое упоминание о нем в документах относится к 1595 г. Истобенский погост имел 23 двора (15 бобыльских, 2 нищенских и 6 дворов церковников), в 1678 г. — 39 дворов (32 крестьянских или бобыльских и 7 дворов церковников). Кроме того, по этой переписи, в погосте оказалось 66 пустых дворов или дворовых мест.

Икона «Трифон Вятский перед Богоматерью».
Первая половина XVIII века.

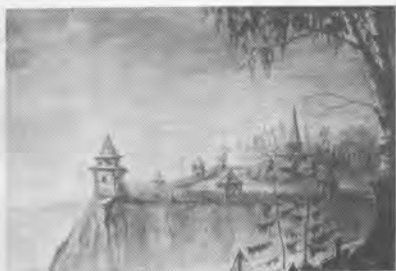
Икона «Трифон и Прокопий
Вятские». Конец XIX века.

Николай Можайский. XVIII век.
Деревянная скульптура из Троицкой
церкви с. Макарье Вятского уезда.

Хлыновский Кремль в XVII веке. Художник А. И. Деньшин (холст, масло).

Слободской кремль в XVI веке.
Реконструкция.

К. А. Анфилов (1761-1820).
Портрет (холст, масло).

План и вид губернского города Вятки XIX века.

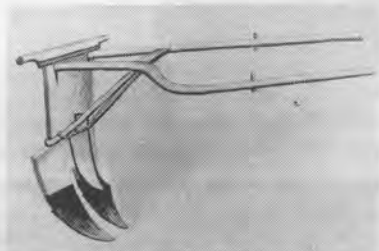

[illegible]

Епископ Вятский и Великопермский
Лаврентий (Баранович).
Конец XVIII века (холст, масло)
(обл. И. А. музей).

А. Фищев. Крестьянская курная изба
в XVIII в. Рисунок.

Вятская соха. XVIII в. Рисунок.

Румянцев Н. Н. (1867-1937 гг.) Посад древнего города Хлынова.
1925 г. Б., гуашь.

Карта Вятской губернии. 1917 г.

С. А. Лобовиков. В ночное.

С. А. ЛОБОВИКОВ (1870-1941). Фотохудожник.
Цикл «Вятское крестьянство». 1900-е годы.

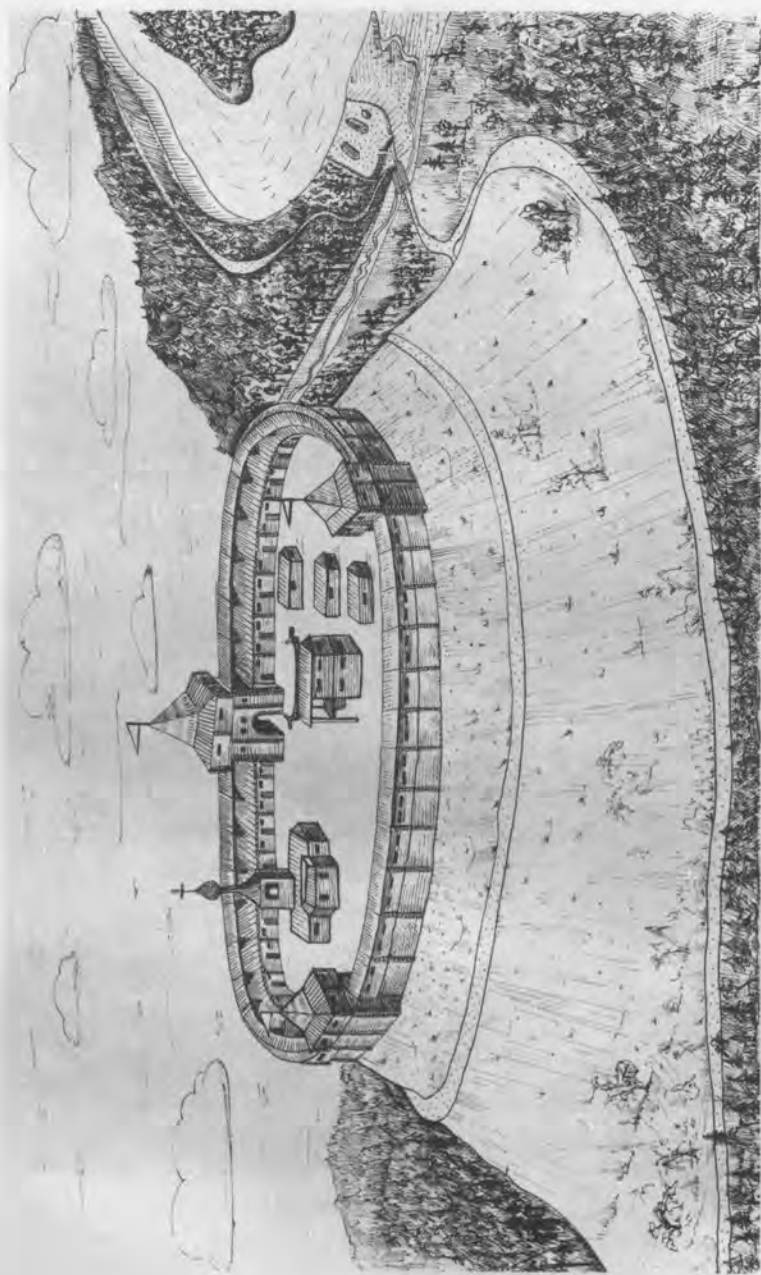
С. А. Лобовиков. Любимый внучек.

С. А. Лобовиков. С покоса.

С. А. Лобовиков. Девочка-удмуртка в национальном костюме.

Реконструкция Подчуршинского городища XIII-XIV вв. (По Л. Д. Макарову).

С. А. Лобовиков. В первый раз верхом.

С. А. Лобовиков. Разговор у колодца.

С. А. Лобовиков. Не пора ли жать?

С. А. Лобовиков. У колыбели.

Торговка квасом в г. Вятке. Начало XX века. С открытки.

Деревня Скопино Вятского уезда в начале XX века. С открытки.

Крестьяне-удмурты. 1924 г.

Л. А. Шишкин. Торговля лаптями в г. Вятке. 1920-е годы.

Вид на село Сметанино Яранского уезда. Начало XX века.

В. М. Репин. Вид на г. Слободской с реки. Начало XX века.

В XVII в. село было административным центром Истобенского стана, в XVIII в. входило в Русановскую волость.

106. Истобенский монастырь — подле села Истобенского был основан между 1595 и 1629 гг. и скоро стал обзаводиться землями. В 1654 г. на землях его насчитывалось 49 крест. дворов, в 1668 — 30, в 1678 г. — 10 и в 1722 — 143 двора с 1176 душами. Но в 1763 г. при общей секуляризации церковных имуществ земли от монастыря отобраны, а монастырь в 1771 г. преобразован в г. Соликамск.

107. Город Котельнич — на правом берегу р. Вятки при впадении в нее речки Котлянки и речки Балакирицы — один из древнейших русских населенных пунктов. По преданию, записанному в «Повести о стране Вятской», здесь до прихода русских был городок марийцев, называемый Кокшаров. Профессор Кротов производил название города от марийского слова Кокшер (обохшее болото, котловина, образовавшаяся после высыхания сырого места), переводом которого служит слово «Котельнич», но он же приводит и другое объяснение слова Кокшаров — от марийского же слова «кокшар» — суковатая жердь (быть может, де город Кокшаров был обнесен забором из суковатых древесных стволов). Но возможно и третье объяснение — от имени первых русских поселенцев, пришедших сюда с берегов Кокшентги, притока реки Ваги, впадающей в Сев. Двину. Они назывались кокшарами. В качестве города русского Котельнич впервые упоминается в летописях под 1457 г., подобно Хлынову и Орлову. В конце XVI в. после устройства в Казанском воеводстве городов-крепостей Козьмодемьянска, Уржума, Санчурина и Яранска (1584) через эти города была проложена из Москвы большая Сибирская дорога, которая далее проходила через Котельнич, Орлов, Хлынов, Слободской. Около этого времени Котельнич сделался административным центром особого уезда. Переписью 1595 г. в нем зарегистрирован 71 двор.

В 1607 г. город был охвачен моровой болезнью, которая уменьшила количество городского населения. Через 2 года 18 ноября 1609 г. Котельнич был разгромлен сторонниками второго самозванца (Вольскими, Казанскими, Козьмодемьянскими, Царевококшайскими, Санчурскими и Яранскими стрельцами и луговыми мари). Заведовавший обороной Котельнича стрелецкий сотник Захар Панов был убит (посажен на кол). Из Котельнича сторонники самозванца разослали во все города Вятской земли грамоты с приказом служить самозванцу, но, услышав о вступлении в соседний город Орлов военных отрядов под предводительством воеводы г. Хлынова князя Ухтомского, поспешили уйти отсюда, причем забрали с собой все вооружение Котельнича.

Ухтомский вступил в Котельнич, привел жителей его к присяге Василию Шуйскому и возобновил городские укрепления. По переписи 1615 г. в Котельниче оказалось: 9 дворов церковников, 3 пушкарских, 40 тяглых, 9 нищенских келий и 1 двор для приезжих, кроме того, 4 деревянные церкви, 37 дворов пустых, 10 пустых же дворовых мест. Перепись 1629 г. в Котельниче насчитала 39 дворов, в том числе 9 дворов церковников, 2 пушкарских, 2 монастырских, 26 тяглых и 1 двор съезжий. Кроме того, 1 монастырь за речкой Балакирицей с 7 монастырскими кельями и 4 бобыльскими дворами и 10 торговых лавок. По переписи 1654 г. в Котельниче было уже 157 домов (147 посадских и 10 дворов церковников), но моровая язва 1657 г. опять опустошила Котельнич. Перепись 1678 г. насчитывает в Котельниче 79 дворов: 16 церковнических, 50 посадских и 7 избенок. В 1687 г.

Котельнич был истреблен пожаром. В XVIII в. в Котельниче положено начало каменной стройке. Первым каменным зданием был местный собор, заложенный в 1703 г. и оконченный через 10 лет.

В XVIII веке котельничские торговые люди начинают производить отпускную торговлю хлебом с г. Архангельском.

В 1780 г. при учреждении Вятского наместничества в Котельниче оказалось 255 дворов, в том числе 183 мещанских, 9 купеческих (3-й гильдии) и 63 содержащих ландмилицию. Кроме того, 3 казенных деревянных здания — воеводская канцелярия, ратуша и дом экономического казначея, заведовавшего бывшими архиерейскими и монастырскими вотчинами.

108. **Котельничский Предтеченский монастырь** — устроен в г. Котельниче в 1613—1614 гг. В 1629 году он получил по царской грамоте земельные угодья, на которых к 1654 г. успел поселить уже 42 крестьянских двора. В 1658 г. монастырь с землями был отдан «на прокорм Вятского епископа». К 1662 г. на монастырских землях оказалось уже 95 дворов. После отобрания в казну архиерейских и монастырских вотчин (1764) монастырь упразднен.

109. **Село Вишкиль** — на левом берегу реки. Вся окружающая его местность была расчищена после 1678 г., селение Вишкиль было основано выходцами с берегов Вохмы, притока р. Ветлуги, вследствие чего здесь встречаются жители с фамилией Вохмянин. Село образовано в 1711 г. и вошло в состав Вишкильской вотчины Вятского епископа. В 1727 г. на погосте, кроме дворов церковников, оказалось 6 крестьянских дворов.

В 1763 г. в нем было зарегистрировано ревизских душ 41; после отобрания земельных имуществ у архиерея село сделалось административным центром Вишкильской волости.

110. **Село Сорвижи** — на правом берегу р. Вятки сделалось селом не позднее 1727 г. В 1763 г. в нем насчитывалось 28 ревиз. душ.

111. **Село Васильково** — на правом берегу р. Вятки недалеко от устья р. Вомы. Местность ранее была занята мари. Русское село образовалось здесь до 1646 г. В 1678 г. в нем насчитывалось 8 дворов крестьян и 4 двора церковников. После 1658 г. вместе с соседними деревнями и починками оно вошло в состав вотчины Вятского епископа. В 1763 г. имело 29 ревизских душ.

112. **Село Ошеть** (Богородицкое) — на левом берегу р. Вятки, на нерасчищенных местах, образовалось в промежуток времени между 1678 и 1717 гг. По переписи 1717 г., в нем оказалось всего 6 дворов (4 двора церковников и 2 бобыльских). Вместе с соседними деревнями и починками оно вошло в состав Ошетской вотчины Вятского епископа. В 1763 г. в нем было 23 рев. души. В XIX веке стало называться Ишетью.

II. По правым притокам р. Вятки и их притокам

По р. Черной

113. **Село Бобино** — вблизи верховья речки Черной, при безымянном истоке. Погост был основан до 1615 года. Название его, по преданию, произошло от прозвища одного из наиболее богатых жителей деревни (Боба). С. Бобино сделалось центром Бобинского стана Хлыновского уезда. В 1629 г. в нем было 37 дворов, в том числе 33 двора бобыльских и 4 двора церковников. Около 1678 г. село вместе с окрестными деревнями царем отдано Вятскому епископу в вотчину. Погост впоследствии слился с бли-

жайшими окрестными деревнями в одно село. В XVII в. через село проходила дорога на Ношульскую пристань. В 1763 г. Бобино имело 118 рев. душ.

По речке Медянке

114. Село Загарье — в недалеком расстоянии от р. Медянки. Образовалось между 1615 и 1629 гг. Название речки напоминает название реки в Нижегородском суздальском княжестве XIV—XV веков. В XVII в. село входило в Великорецкий стан Хлыновского уезда. В 1629 г. имело 16 дворов, в том числе 5 дворов церковников и 11 дворов бобыльских. В 1763 г. в селе было зарегистрировано 8 рев. душ.

115. Село Медяна — в правобережье речки Медянки, вдали от нее, возникло до 1615 г., входило в Великорецкий стан Хлыновского уезда, в 1629 г. в нем было 22 двора (17 бобыльских и 5 дворов церковников). В конце XVII века часть деревень Медянского прихода отдана в состав вотчины Вятского епископа. В 1763 г. село имело 59 ревизских душ.

По реке Великой

116. Село Верходворское — на левом берегу реки в 2—3 километрах от берега. Село образовано в 1684 г., в 1763 имело 30 ревиз. душ.

117. Село Верховино («погост над рекой над Великою») на правом берегу реки Великой в некотором расстоянии от берега. Возникло в конце XVI или в самом начале XVII в. В эпоху польской интервенции было разорено марийцами, казаками и стрельцами-сторонниками 2-го самозванца. Было возобновлено в 1618 г. В 1629 г. на погосте было 5 дворов церковников и 1 двор бобыльский. Село входило в состав Великорецкого стана Хлыновского уезда. В 1763 г. имело 40 рев. душ.

118. Раифская пустынь — на правом берегу реки Великой в 2—3 километрах от берега — была устроена в конце XVII в. на диком берегу «Пышак», данном Хлыновскому Богоявленскому собору в 1692 г. В 1722 г. пустынь владела 13 крест. дворами со 142 душами, в 1724 г. вместе с землей и жившими на ней крестьянами приписана к Хлыновскому Богословскому монастырю.

119. Село Пышак — на правом берегу р. Великой образовалось в первой половине XVIII в. из загородной слободки Раифской пустыни.

120. Село Великорецкое (Великая река, погост Николы Великорецкого) — на левом берегу, при впадении в р. Великую речки Ивакинской образовалось до 1546 г., когда оно упоминается в грамоте Ивана Грозного шестаковцам. В 1629 г. в нем было 5 дворов церковников и 13 дворов бобыльских. В XVII в. село было административным центром Великорецкого стана Хлыновского уезда.

121. Село Чудиновское — на левом берегу реки Великой. До прихода русских здесь, по народным преданиям, была «Чудь безданная», т. е. не платившая податей; часть ее осталась и после появления русских, от нее произошла фамилия «Чудиновских», которая распространилась как в селе Чудиново, так и в окрестностях селения. Село было образовано в 1647 г., входило в Хлыновский уезд; в 1763 г. имело 82 ревиз. души.

По речке Градовице, левому притоку р. Великой

122. Село Гороховское — вблизи верховьев речки Градовицы возникло в начале XVIII века; в 1750 году церковь в нем оказалась уже обветшалой. Село входило в состав Медянской волости. В 1763 г. имело 89 ревиз. душ.

По речке Татарке

123. Село Колково («Волостка» Колково) — существовало уже в начале XVII века. В 1629 г. она заключала в себе 16 деревень. Вероятно, около этого времени Колково было обращено в село, в 1678 г. село имело 5 дворов церковников и 2 нищенские избы (запустевшие). В 1763 г. в Колкове насчитывалось 13 ревизских душ.

По реке Моломе

124. Село Порели — на правом берегу реки образовалось до 1678 г. Переписью 1678 г. в селе зарегистрированы были только церковники (6 дворов). В 1763 г. крестьянских дворов также не было.

125. Село Окатьево — на правом берегу реки Моломы. По преданиям, русское население явилось сюда с берегов рек Сухоны и Юга. Селение получило свое наименование из-за овражистости местности: везде скаты, ровного места нет. Село образовалось в промежуток времени между 1629 и 1646 гг. В 1678 г. имело 8 дворов (6 дворов церковников и 2 жилых) и 6 дворов пустых. В XVIII в. было центром Окатьевской волости. В 1763 г. имело 9 рев. душ.

Через Окатьево проходила большая дорога из Хлынова и Орлова на Великий Устюг.

126. Село Спасское (Преображенское) — на левом берегу при впадении в р. Молому речки Твердой образовалось до 1615 г. В 1629 г. имело 5 дворов церковников и 12 дворов бобыльских. В 1678 г. имело 6 дворов церковников и 14 дворов крестьянских; в XVIII в. было центром Спасской волости. В 1763 г. имело 16 рев. душ.

127. Верхокуринский монастырь — на правом берегу р. Моломы возник в 1676 г. Иногда он назывался Кайгородским, потому что находился в Кайгородской волости Котельничского уезда. В 1722 г. имел уже 25 крестьянских дворов с 268 душами. С этими дворами в 1724 г. он был приписан к Хлыновскому Богословскому монастырю, а в 1764 г. упразднен. На его месте в 1780 г. возникло село Верхокуринское, через 30 лет упраздненное.

128. Село Курино — на правом берегу возникло до 1615 года. В 1629 г. имело 5 дворов церковников и 41 бобыльский двор. В 1678 г. имело 29 дворов (7 дворов церковников и 22 двора крестьянских). Кроме того, здесь насчитывалось до 33 пустых дворов и дворовых мест. В XVIII в. было центром Куринской волости. В 1763 г. имело 45 рев. душ.

129. Село Юрьево — на правом берегу реки образовалось в 1598 г., когда оно входило в Осиновскую волость. В 1629 г. в нем было 47 дворов (42 бобыльских и 5 дворов церковников). В 1678 г. в нем оказалось 29 домов и, кроме того, 16 пустых дворов и 7 дворовых мест. В 1763 г. село имело 77 ревиз. душ.

На реке Кобре, правом притоке р. Моломы

130. Верхо-Кобровский Введенский монастырь — на левом берегу реки Кобры возник перед 1678 г. В 1678 г. ему принадлежало 2 двора крестьянских, а в 1722 г. 79 дворов с 1095 душами, в 1764 г. монастырь упразднен. На его месте было образовано село Верхокобрское, но существовало только до 1805 года.

131. Село Кобра — на левом берегу реки Кобры возникло в первой

половине, принадлежало Кобрскому монастырю. В 1763 г. в нем насчитывалось 5 рев. душ.

На речке Даровской, правом притоке Кобры

132. Село Даровское — возникло в 1717 г. на земле Куринского монастыря, переданной с 1724 г. Хлыновскому Богословскому монастырю. В 1763 г. в селе крестьян не было, жили одни церковники.

На реке Северной Куринке, впадающей в правый приток Моломы Куринку

133. Село Высоковское (Сретенское) — образовалось в первой половине XVIII века. С 1749 г. сохранились в нем метрические книги. Ряд починков, среди которых образовалось село, носил общее наименование Торошиной слободки. Село стало центром Сретенской волости. С 1763 г. крестьянских дворов в нем еще не было.

На речке Полуденной Куринке, впадающей в правый приток р. Моломы Куринку

134. Село Макарье — возникло до 1678 г., значится уже в переписной книге 1678 г. Тогда в нем было 6 дворов (2 бобыльских и 4 двора церковников). В XVIII веке село было центром Макарьевской волости Котельничского уезда. В 1763 г. имело 12 рев. душ.

На речке Елховке, впадающей в Чернявицу, правый приток Моломы

135. Село Екатерининское — образовалось в начале XVIII в. К 1730 г. деревянная церковь успела уже обветшать и была заменена новой. В XVIII веке село было центром Екатерининской волости Котельничского уезда. В 1763 г. имело 13 рев. душ.

По реке Черянище, правому притоку р. Моломы

136. Село Красногорское — впервые упоминается в переписи 1678 г., которая зарегистрировала в нем 9 дворов (5 бобыльских и 4 двора церковников). В XVIII веке оно сделалось центром Красногорской волости Котельничского уезда, в 1763 г. имело 7 ревизских душ.

На речке Дмитриевке, впадающей в Каменку (приток Черянищи)

137. Село Молотниково — образовано до 1615 г. В нем было 9 дворов (4 бобыльских и 5 дворов церковников). В 1678 г. — 12 дворов (6 бобыльских и 6 дворов церковников). В XVIII веке было центром Молотниковской волости. В 1763 г. имело 7 рев. душ.

На верховье речки Косковой, притоке Моломы

138. Село Гостево — первоначально было устроено на реке Моломе во второй половине XV века после победы вятчан над татарами. Как называлось село, когда оно находилось на р. Моломе, остается неизвестным.

В конце XVI или начале XVII века перенесено на нынешнее место, где церковь была выстроена, по рассказам населения, хлыновским торговцем человеком Гостевым. От этой фамилии произошло будто бы и название села. В 1629 г. имело 18 дворов (13 бобыльских и 5 дворов церковников). В 1678 — 12 дворов (6 бобыльских и 6 дворов церковников). Кроме того, было 10 дворов пустых. Фамилии бобылей 1629 г. (3 Вычегжанина и Двинянин)

показывают, что в заселении местности принимали участие пришельцы с реки Северной Двины. В XVIII в. село было центром Гостевской волости Котельничского уезда. В 1763 г. имело 10 рев. душ. Записанный мною в Гостеве рассказ населения о возникновении села на настоящем месте.

По левым притокам Моломы. По речке Боровице

139. Село Боровица — на правом берегу речки, возникло в 1764 г. в бывшей в XVII веке Боровицкой слободке. В это время она не имела крестьянских дворов.

По речке Водской

140. Село Кленовицкое — недалеко от верховьев речки, на Ношульском коммерческом тракте, образовалось в 1777 г.

141. Село Тохтино — на правом берегу речки Водской, устроено «в лесу» в 1691 г. В 1763 г. имело 14 рев. душ.

При речке Мостовице

142. Село Русаново — образовалось в конце XVII в.; в XVIII в. было центром Русановской волости. В 1763 г. крестьян не имело.

По реке Пижме, правому притоку Вятки

143. Село Чистопольское — в левобережье Пижмы (на колодцах); возникло в 1768 г.

На речке Свече, притоке Юмы, впадающей в Пижму

144. Село Юма — возникло в 1717 г. Название села и реки (Юма) произошло от имени главного божества у мари, населявших местность до появления здесь русских.

На речке Каменке, впадающей в речку Кликваж (приток Юмы)

145. Ацвеж (Ачинское) — образовано в 1763 г.

При речке Шуване, притоке Юмы

146. Село Арбаж — основано в 1765 г. В XVIII в. входило в состав Сорвижской волости.

III. По левым притокам средней р. Вятки и их притокам

147. Село Пасегово — на левом берегу речки возникло между 1629 и 1654 гг., входило в Спенцынский стан Хлыновского уезда. В 1763 г. имело 95 рев. душ.

148. Село Бахта — при впадении в Чахловицу речки Бахтинки, возникло до 1615 г., входило в Спенцынский стан, в 1629 г. имело 25 дворов, в том числе 20 бобыльских. В XVIII в. принадлежало к Быстрицкой волости Орловского уезда. В 1763 г. имело 85 рев. душ.

149. Бахтинская писчебумажная фабрика — находилась около села Бахты. Построена в 1760 г. секретарем Вятской провинциальной канцелярии Аверкием Перминовым, в конце 1770-х годов принадлежала хлыновскому же чиновнику Бедареву. В 1763 г. имела 29 рев. душ, очевидно, это были рабочие.

При речке Безымянной

150. Село Вязовское — о времени основания села не сохранилось

точных сведений. Известно лишь, что в 1763 г. оно уже существовало. Оно входило в состав Березовского стана Хлыновского уезда. В 1763 г. имело 8 ревизских душ.

При речке Быстрице, левому притоку Вятки

151. Село **Вожгалы** — на левом берегу р. Быстрицы при впадении речки Лебедки, образовалось не позднее 1604 г., во второй половине XVII в., вошло в состав Кырмыжской вотчины Вятского епископа; в 1727 г. имело 15 дворов, в том числе 10 бобыльских и 5 дворов церковников. При третьей ревизии 1763 г. в нем зарегистрирована 41 рев. душа.

152. Село **Кырмыж** — на правом берегу Быстрицы, образовано в 1621 г., когда была построена первая деревянная церковь, о чем упоминается в клировых ведомостях села за 1817 г. В XVIII в. входило в Архангельскую волость Хлыновского уезда. В 1763 г. имело 10 ревиз. душ.

153. Село **Быстрицкое** (Никола Быстрицкий) — на левом берегу Быстрицы, в первый раз упоминается в одном документе 1595 г., входило в Спенцынский стан Хлыновского уезда. В XVIII в. было центром Быстрицкой волости Хлыновского уезда. В 1763 г. имело 46 ревиз. душ.

По левым притокам р. Быстрицы и их притокам

По реке Большой Кумене

154. Село **Верхокуменское** (Владимирское) — основано незадолго до 1718 г., когда была построена первая деревянная церковь; входило в состав Куменской вотчины Вятского Трифонова монастыря, в 1763 г. имело 9 ревиз. душ.

155. Село **Кумены** (Спасское) — основано до 1678 г. Было центром Куменской вотчины Трифонова монастыря. В 1763 г. имело 44 ревиз. души.

156. Село **Рябиново** (Богоявленское) — вблизи речки Малой Кумены, приток Большой Кумены, возникло до 1704 года, входило в состав Куменской вотчины Трифонова монастыря. В 1763 г. имело 13 рев. душ.

При речке Копанихе, левом притоке Большой Кумены

157. Село **Раменское** (Сморкаловское) — возникло в 1719 г. В XVIII веке было центром Сморкаловской волости. В 1763 г. имело 16 ревиз. душ.

По речке Ивкиной, левому притоку Быстрицы

158. Село **Воскресенское** (Верхне-Ивкинское) — на левом берегу речки возникло в 1768 г.

159. Село **Средне-Ивкинское** — возникло в 1716 г. под названием Верхне-Ивкинского. В XVIII веке было административным центром Ивкинской волости. В 1763 г. имело 23 ревиз. души.

160. Село **Нижне-Ивкинское** — на правом берегу речки Ивкиной, возникло в 1689 г., входило в состав Ивкинской волости Хлыновского уезда. В 1763 г. имело 10 ревиз. душ.

По речке Шмелихе (или Пыртику), притоку Быстрицы

161. Село **Адышево** (Покровское) — на левом берегу речки образовалось до 1696 г., когда оно в первый раз упоминается в документах, входило в Березовский стан Хлыновского уезда. В 1763 г. имело 40 ревиз. душ.

По речке Сингиревке, левому притоку Вятки

162. Село Камешническое — возникло в 1673 г. на левом берегу речки, входило в состав Кленовской волости. В 1763 г. имело 29 ревиз. душ.

По притоку Сингиревки — речке Илгани

163. Село Илганское — на правом берегу речки образовалось из деревни Юркинское (Чеботово). После 1678 г. в переписной книге 1678 г. оно еще не упоминается. В XVIII веке было центром Илганской волости. В 1763 г. имело 7 ревиз. душ.

На речке Коршинке, притоке Илгани

164. Село Коршик — образовано в 1720 г. В 1763 имело 4 ревиз. души.

165. Село Шалегово — вблизи речки Сингиревки «на колодцах», образовано выходцами из-под Устюга. По преданию, они поселились сначала на берегу р. Вятки близ села Истобенска, но после распоряжения царя Ивана Грозного о производстве переписи в Вятской земле удалились вглубь лесов, чтобы не попасть в списки, и основали селение Шалегово, которое в 1602 г. было обращено в село.

166. Село Пустоши (Архангельское) — образовалось в 1689 г., в XVIII в. было центром Истобенской волости. В 1763 г. имело 3 ревиз. души.

По речке Истобнице, левому притоку Вятки

167. Село Спасо-Талицкое (Талица) — образовалось до 1654 года. В XVIII веке входило в состав Русановской волости. В 1763 г. имело 41 ревиз. душу.

При речке Хмелевке, притоке Язевницы, впадающей в Вятку

168. Село Пишалье — образовалось до 1678 г. на пишальском ramenъе, на вновь расчищенном месте. В XVIII в. входило в Русановскую волость, в 1763 г. имело 22 ревизские души.

По речке Косинке, притоку Кишкиля, впадающего в Вятку

169. Село Касино — возникло до 1717 г. в местности, расчищенной из-под леса после 1678 г., входило в состав Верхошижемской вотчины Вятского епископа. В 1717 г. имело лишь 5 дворов церковников, при третьей ревизии в 1763 г. крестьянских дворов в селе также не было.

По реке Шижме, левому притоку Вятки

170. Село Верхошижемское — возникло до 1717 г. в местности, расчищенной из-под леса после 1678 г., входило в состав Верхошижемской вотчины Вятского епископа. В 1717 г. в нем было 4 двора церковников, архиерейский двор на проезд приказных и несколько дворов бобыльских. Ревизия 1763 г. обнаружила в нем 23 ревизские души.

171. Село Зашижемье — на левом берегу р. Шижмы, но несколько вдали от реки («на колодцах») устроено в 1769 г. До 1763 г. селение входило в состав Васильевской вотчины Вятского епископа.

По речке Ситьме

172. Село Ситьма (Афанасьевское) — на левом берегу реки, образовалось в конце XVII века, входило в состав Ситьминской вотчины Трифонова монастыря, в 1763 г. имело 6 ревизских душ.

По речке Лудяне

173. **Село Лудяна** (Экономическое) — в правобережье р. Лудяны, на речке Сараданке, образовалось до 1678 г., входило в состав Кырчанской вотчины Трифонова монастыря. В 1763 г. имело 62 ревиз. души. После секуляризации вотчин у монастырей село стало называться Экономическим, в отличие от села Лудяны, которое находилось в Казанском уезде и называлось Ясашным, так как платило в казну так называемый ясак.

По реке Вое

174. **Село Верховойское** — на правом берегу Вои было обращено в село в 1766 г. из деревни Закамалдинской Ошланской волости, имевшей во время третьей ревизии 48 ревиз. душ.

175. **Село Кырчан** на правом берегу Вои при впадении в нее речки Кырчанки, существовало уже при переписи 1678 г. Было центром Кырчанской вотчины Трифонова монастыря. В 1763 г. имело 155 ревизских душ.

176. **Село Ноли** (Николаевское) — на правом берегу реки Вои устроено в 1668 г. Входило в состав Кырчанской вотчины Трифонова монастыря. Здесь производилась продажа соли, для чего были устроены 2 казенных соляных магазина и 5 магазинов, принадлежащих Строгановым. Жители как этого села, так и ближайшей к нему деревни Копянской занимались скупкой хлеба для разных городов, а кроме того, торговали в лавках мелочным крестьянским товаром. По 3-й ревизии (1763 г.) в Нолях было зарегистрировано 237 душ м. п., и в Копянской деревне 127, в том числе в с. Нолях 160 черносошных и 77 экономических, а в деревне Копянской 53 черносошных и 74 экономических. В 1780 г. при образовании Вятского наместничества село было обращено в город Нолинск. Тогда в нем насчитывалось обывательских домов 103 да в дер. Копянской 46.

177. **По речке Ошлянке**, левому притоку Вои, недалеко от верховья Ошлянки находится село Березник, образованное в 1701 г., входило в состав Филипповской слободки Архангельской волости; в 1763 г. имело 33 черносошных ревизских души.

178. **На правом берегу р. Ошлани** на черном лесу переселившимися из Хлыновского уезда крестьянами было устроено во второй половине XVII века (до 1678), **село Ошлань**. В XVIII веке оно было административным центром Ошланской волости. По 3-й ревизии в нем были зарегистрированы черносошные крестьяне в количестве 26 душ.

На притоке Вои — Курчуме

179. **Село Курчум** (Екатерининское) — образовалось до 1678 г. В XVIII в. входило в состав Курчумской вотчины Вятского Трифонова монастыря, в 1763 г. имело 86 ревизских душ.

На речке Суне, притоке Вои

180. **Село Верхосунское** — на левом берегу Суны возникло в конце XVII или начале XVIII века, входило в состав Ошетской вотчины Трифонова монастыря.

181. **Село Суна** (Вознесенское) — на левом берегу Суны, возникло в 1649 г., было центром Сунской вотчины Трифонова монастыря, в 1763 году имело 185 рев. душ.

На речке Ошети, притоке Суны

182. Село Ошеть (Спасское) — существовало уже во время второй ревизии (1744 г.), в 1747 г. его деревянная церковь по ветхости стала перестраиваться, потому нужно думать, что село образовалось или в начале XVIII века, или в конце XVII века. Село было центром Ошетской вотчины Трифонова монастыря, в 1763 г. имело 39 душ.

IV. На р. Ветлуге, левом притоке Волги

183. Село Знаменское (Крутлыш, Матюги) на правом берегу р. Ветлуги при речке Матюге среди Быстровских и Матюжских починков Котельничского уезда возникло в начале XVIII века (до 1728 года). Первая церковь его сгорела в 1728 г. В 1763 г. в нем жили одни церковники.

V. Села Кайского уезда, присоединенного к Вятской земле в 1708 г.

По течению реки Камы

184. Село Верхокамское (Владимирское) — на правом берегу р. Камы возникло до 1757 г. Начиная с этого года хранились в селе метрические книги. К 1778 г. деревянная церковь его уже изветшала и была заменена новой.

185. Село Зюзино-Афанасьевое — на правом берегу р. Камы образовалось на диком черном лесу. В 1607 г. оно было уже погостом и центром Зюздинской волости, в 1763 г. имело 22 ревизские души.

186. Село Зюзино-Воскресенское — на правом берегу Камы возникло в первой половине XVIII века. Метрические книги до революции хранились в нем, начиная с 1735 года, село входило в состав Зюздинской волости. В 1763 г. имело 10 ревизских душ.

187. Село Зюзино-Георгиевское — на правом берегу Камы, возникло в 1703 г., в XVIII веке входило в состав Зюздинской волости, в 1763 г. имело 10 ревиз. душ.

188. Село Волосническое (Георгиевское) — на левом берегу Камы при впадении речки Волосницы — возникло в первой половине XVIII в., селение находилось на большой дороге из Москвы в Сибирь, было центром Волоснической волости. В 1763 г. имело 56 рев. душ.

189. Село Лойно или Лонья — на правом берегу Камы существовало уже в 1708 г. Находилось на большой дороге в Сибирь, было центром Лойнской волости, в 1763 г. имело 58 ревиз. душ.

190. Село Пушейское (Ильинское) — существовало уже в 1742 г., было волостным центром (Пушейской волости). Находилось на большой дороге из Москвы в Сибирь. В 1763 г. имело 61 ревиз. душу.

191. Город Кай — на левом берегу р. Камы устроен в 1557 г. Строгановым на большой дороге из Москвы в Сибирь через г. Великий Устюг и сразу же сделался административным центром особого уезда. Через Кай же была проложена и позднейшая Московско-Сибирская дорога через города Вятской земли. Кай служил складочным местом для товаров и особенно для соли, добывавшейся в Камском Усольи. В 1658 г. вместе со своим уездом был включен в состав вновь образованной Вятской и Великопермской епархии, в 1718 г. присоединен к Вятской провинции Сибирской губернии, а с 1787 г. вместе со всей Вятской провинцией был причислен в Казанскую губернию. После открытия новой Сибирской дороги (через Казань-Соликамск-Верхотурье) Кай захирел и в 1764 г. был обращен в

пригород, а его уезд присоединен к Слободскому уезду. В это время в нем было 118 деревянных обывательских домов, 2 деревянных же дома (воеводской канцелярии и ратуши) и дом воеводы. В 1850 г. Кай был переименован в село Кайгородское.

192. Село Бутинское — на левом притоке Камы (безымянном) на сухопутной дороге из Лоина в Кай. Образовалось в 1769 г., тогда имело 28 ревизских душ.

193. Село Гидаево — расположено в правобережье левого притока Камы — Порыша на древней дороге в Сибирь (через г. Великий Устюг), в село обращено в первой половине XVIII века. Сделалось волостным центром. В 1763 г. имело 67 ревизских душ.

194. Село Качаново — в правобережье речки Порыша, левого притока в Каму, образовано до 1763 г. Селение находилось на древней дороге из Москвы в Сибирь (через город Великий Устюг). В 1763 г. в нем числилось 14 ревизских душ.

Кроме этих сельских центров, в Прикамье в XVIII веке существовало еще несколько таких же центров, которые были упразднены в XVIII или XIX веках.

Сюда нужно отнести:

195. Село Гушинское (Владимирское) — в правобережье р. Вильвы, впадающей в Порыш, левый приток Камы. Когда оно возникло, сведений не имеется, но уже при 3-й ревизии в списках селения оно значится уже деревней Ольковской, в которой числилось 25 ревизских душ, хотя церковь продолжала в нем существовать и в XIX веке.

196. Великопольское — в 8 верстах от Лоина. О начале его сведений не имеется. Но ко 2-й ревизии (1744 г.) оно значилось уже деревней с 23 ревизскими душами.

197. Тихоновское — в 2 верстах от села Пушейского, оно существовало в 1740 г., но по малочисленности прихожан скоро было приписано к Каю, а в 1799 г. после уничтожения церкви пожаром исчезли и всякие признаки бывшего здесь села.

198. Наконец, в XVIII веке по р. Сыsole, притоку Вычегды, впадающей в Северную Двину, до 1686 г. была устроена Сретенская пустынь, которая, по-видимому, имела небольшое количество приписных крестьян. При общей секуляризации в России монастырских имуществ крестьяне были отобраны от пустыни в казну. По 3-й ревизии здесь были зарегистрированы 67 экономических (т. е. бывших монастырских) крестьян: 3 души при самой пустыни и 64 в дер. Успенской. Пустынь в 1766 г. была обращена в село, но вследствие малочисленности прихожан это село было приписано к с. Гидаеву, которому и принадлежало до революции.

ГЛАВА III

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

В первых двух главах изложены краткие сведения о всех местных русских центрах, какие от начала русской колонизации до 1780 года возникли на территории Вятской земли и присоединенного к ней в начале XVIII века Кайского уезда. Теперь на основе приведенного материала попробуем

сделать общие выводы, характеризующие начальный период русской колонизации территории Вятской земли. Здесь перед нами возникают такие вопросы: I. В какой хронологической последовательности возникали эти центры. II. Откуда появились русские колонисты на Вятской земле. III. Под влиянием каких исторических обстоятельств происходила колонизация Вятской земли. IV. Были ли русские единственными пришельцами на Вятскую землю.

I. Для ответа на первый вопрос расположим все местные центры Вятской земли в хронологическом порядке их возникновения, предварительно разбив их на 4 группы (города, монастыри, села, заводы). У нас получатся следующие 4 перечня.

I. ГОРОДА

№№ п/п	Наименование города	№, под кото- рым населен- ный пункт значится в 1 или 2 главе	Время возникновения
1.	Хлынов	22	Первоначальные
2.	Котельнич	107	слободы обращены
3.	Орлов	104	в города между 1428 и 1434 годами.
4.	Слободской	13	До 1505 г.
5.	Шестаков	11	В 1543—1546 гг.

II. МОНАСТЫРИ

1.	Хлыновский мужской (на реке Вятке)	23	1580 г.
2.	Екатерининская пустынь (на р. Вятке)	4	1582 г.
3.	Троицко-Холуницкий (на р. Черной Холунице)	38	1594 г.
4.	Слободской Богоявленский (на р. Вятке, около г. Слободского)	14	1599 г.
5.	Истобенский (на р. Вятке)	106	1545—1629 гг.
6.	Верхоцепецкий (Крестовоздви- женский на реке Чепце)	65	1608 г.
7.	Предтеченский (в г. Котельниче)	108	1613—1614 гг.
8.	Усть-Святицкий (на р. Святице, притоке Чепшы)	68	1645 г.
9.	Верхокобрский (на р. Моломе)	130	1676 г.
10.	Верхокуринский (на р. Моломе)	127	1676 г.
11.	Раифская пустынь (на р. Великой)	118	1692 г.
12.	Хлыновский Богословский монастырь	24	1723 г.

1	2	3	4
---	---	---	---

III. СЕЛА

1.	Никулицкое (на р. Вятке)	18	конец XIV века
2.	Никольский погост (на р. Чепце)	62	конец XIV века
3.	Гостево (на р. Моломе)	138	в XV веке*
4.	Волковское (на р. Никульчинка)	33	до 1552 г.
5.	Великорецкое (на р. Великой)	120	до 1546 г.
6.	Чепецко-Ильинское (на р. Чепце)	61	1552 г.
7.	Сырьяно-Никольское (на р. Вятке)	10	1557 г.
8.	Спасское (Вобловицкое)	8	до 1590 года
9.	Быстрицкое (на р. Быстрице)	153	до 1595 г.
10.	Истобенское (на р. Вятке)	195	до 1595 г.
11.	Нагорское —«—	7	до 1595 г.
12.	Юрино (на р. Моломе)	127	в 1598 г.
13.	Верховино (на р. Великой)	117	конец XVI — нач. XVII века
14.	Шалегово (на левобережье р. Вятки)	165	1602 г.
15.	Вожгалы	15	до 1604 г.
16.	Бурмакино	99	до 1610 г.
17.	Бахта (на р. Чахловке около г. Хлынова)	148	до 1616 г.
18.	Кстинино	100	—»—
19.	Курино (по р. Молома)	128	—»—
20.	Спасское (Преображенское) на р. Моломе	126	—»—
21.	Молотниково (вблизи Котельнича)	137	—»—
22.	Медяна	115	—»—
23.	Бобино	113	—»—
24.	Холуницко-Ильинское	46	—»—
25.	Спасо-Подчуршино (на р. Вятке)	16	—»—
26.	Успенское (на Вятке)	15	—»—
27.	Волчестроицкое (на Чепце)	60	—»—
28.	Подрелье (на Вятке)	103	—»—
29.	Совье (в правобережье Лекмы, притоке р. Летки)	32	после 1615 г.
30.	Сырьяново-Всесвятское (на р. Осетровке)	41	после 1615 г.
31.	Сезенево (на Чепце)	59	—»—
32.	Загарье	114	1615—1629 гг.
33.	Кырмыж (на Быстрице)	152	1621 г.
34.	Георгиевское (Залесское) около Шестакова	12	до 1629 г.
35.	Троицко-Холуницкое (на р. Черной Холунице)	39	—»—

* В конце XVI в. или XVII в. село было перенесено на р. Коскову, приток Моломы, где и находится в настоящее время.

1	2	3	4
36.	Прокопьевское (вблизи р. Бел. Холуницы)	47	до 1629 г.
37.	Колково (на р. Татарке)	123	около 1629 г.
38.	Пантыл (на р. Пантылке)	48	до 1629 г.
39.	Окатьево (по р. Моломе)	125	между 1629 и 1646 гг.
40.	Пасегово (на р. Чахловке)	146	между 1629 и 1654 гг.
41.	Хмелевка (на р. Хмелевке)	92	1636 г.
42.	Лекма (на р. Лекме, притоке Летки)	31	1641 г.
43.	Филиппово (на р. Филипповке)	93	1643 г.
44.	Коса (на р. Косе)	81	—
45.	Васильково (на р. Вятке)	111	до 1646 г.
46.	Игуново (на р. Святице)	69	1647 г.
47.	Чудиново (на р. Великой)	121	1647 г.
48.	Суна (Вознесенское) (на р. Суне)	180	1649 г.
49.	Святицкое (на р. Святице)	75	1651 г.
50.	Заозерницкое (на р. Чепце)	58	1651 г.
51.	Макарье (на р. Вятке)	25	1652 г.
52.	Спасо-Талицкое (на р. Истобнице)	167	до 1654 г.
53.	Мудрово (на р. Большой Кордяге)	89	1654 г.
54.	Ржаной Полом (на р. Проснице)	96	1658—1660 гг.
55.	Ноли (Николаевское) на Вое (современ. город Нолинск)	176	1668 г.
56.	Камешницкое (на р. Сингиревке)	162	1673 г.
57.	Каринка (на р. Каменке, прит. Филипповки)	94	1674 г.
58.	Волма (на р. Волме)	97	—»—
59.	Красное (на Вятке)	19	1677 г.
60.	Кумсны (Спасское) на р. Кумене	155	до 1678 г.
61.	Пищалье на р. Хмелевке	168	до 1678 г.
62.	Курчум (Екатерининское) на р. Курчумке	178	—»—
63.	Лудяна (Экономическое) по р. Д. Лудяне	173	до 1678 г.
64.	Кырчан (Богоявленское) на р. Вое	175	—»—
65.	Макарье (при р. Куринке)	134	—»—
66.	Красногорье (по р. Чернянице)	136	—»—
67.	Порели (на р. Моломе)	124	—»—
68.	Ошлань (на р. Ошлинке)	177	—»—
69.	Верхошижемское (у верховьев р. Шижмы)	170	после 1678 г.
70.	Илганское (на р. Елань)	163	после 1678 г.
71.	Вохма (Успенское) на р. Пентере	49	1678 г.
72.	Касино	169	—»—
73.	Ошеть или Ишеть (на р. Вятке)	112	1678—1717 гг.

1	2	3	4
74.	Хлыновское на р. Вятке	20	1681 г.
75.	Роговское на р. Маклоковке	67	1682 г.
76.	Верходворское (на р. Великой)	116	1684 г.
77.	Полынка (на р. Полынке)	78	1686 г.
78.	Мухино (на р. Косе)	80	1687 г.
79.	Нижнее Ивкино (на р. Ивкиной)	160	1689 г.
80.	Пустоши (в левобережье р. Вятки)	166	1689 г.
81.	Лубягино на р. Якимчине	101	до 1691 г.
82.	Тохтино (на р. Водской)	141	1691 г.
83.	Елевское (Петропавловское) на р. Белой Холунице	42	до 1694 г.
84.	Адышево (Покровское) на р. Шмелихе	161	1696 г.
85.	Золуно-Поломское (по р. Летке)	30	1696 г.
86.	Пыжа (на р. Пыже)	95	кон. XVII в.
87.	Ситьма (Афанасьевское) на р. Ситьме	172	кон. XVII в.
88.	Николаевское (Березино) на р. Алешихе	66	кон. XVII в.
89.	Просница (на р. Проснице)	98	во 2 пол. XVII в.
90.	Суна на р. Суне, притоке Косы	84	кон. XVII в.
91.	Русаново при р. Мостовице	142	кон. XVII в.

XVIII века

92.	Поджерново (на р. Большой Кордяге)	90	
93.	Верхосунское (на р. Суне, притоке Вои)	172	кон. XVII в. — нач. XVIII в.
94.	Ошеть (Спасское) на р. Ошеть	181	
95.	Синегорье (Синеглинье) на р. Кобре	28	нач. XVIII в.
96.	Вязовское (при р. Безымянной)	150	нач. XVIII в.
97.	Лема (на р. Леме, притоке Косы)	86	—»—
98.	Пышак (на р. Великой)	119	—»—
99.	Горохово (на правобережье р. Вятки)	122	—»—
100.	Богородское (на р. Салтановице)	35	—»—
101.	Екатерининское (на р. Елховке)	135	1701 г.
102.	С. Березник	177	1701 г.
103.	Закаринское (по р. Ужговице)	50	до 1703 г.
104.	Ухтым (Екатерининское)	85	1703 г.
105.	Рябиново (на р. Малой Кумене)	156	до 1704 г.
106.	Бельское (Богородишское) на р. Белой, притоке Святице	76	1705 г.
107.	Филейка (на р. Вятке)	102	до 1706 г.

1	2	3	4
108.	Вишкиль (на р. Вятке)	109	1711 г.
109.	Иванцово (Соловецкое при р. Иванцовке)	40	около 1716 г.
110.	Среднее Ивкино (по р. Ивкиной)	159	около 1716 г
111.	Даровское (на р. Даровой, притоке Кобры западной Моломской)	132	1717 г.
112.	Юма (на р. Свече, впад. в Юму)	144	1717 г.
113.	Верхокуменское (Владимирское) (на р. Б. Кумене)	154	до 1718 г
114.	Раменское (Сморкалово) на р. Копанихе	157	1719 г.
115.	Коршик (на р. Коршинке, притоке Елани)	164	1720 г.
116.	Сорвижи на р. Вятке	110	до 1727 г
117.	Круглыш (Знаменское, Матюги на р. А. Ветлуге)	182	до 1728 г
118.	Бельско-Троишкое (на р. Белой, притоке Вятки)	26	1732 г
119.	Селезениха (на р. Средней Коряге)	91	1730—1740 гг
120.	Исаковка (на р. Исаковке, прит. Косы)	87	1734 г
121.	Красноглинье (на р. Вятке)	1	1737 г.
122.	Елово (на р. Чепше)	56	1741 г.
123.	Кинчино (на р. Белой Холунице)	45	до 1744 г
124.	Мулино (на р. Вятке)	6	1744 г.
125.	Верхосунское (на р. Суне, притоке Косы)	83	до 1745 г.
126.	Круглово (на р. Круглой)	51	1746 г.
127.	Верхокосинское (Караул) на р. Косе	79	1746 г.
128.	Укан (на р. Лекме)	71	1746 г.
129.	Глазово (на р. Чепце)	55	1746 г.
130.	Понино (на р. Шеснец, притоке Пызэпа)	63	1746 г.
131.	Балезино (на р. Чепце)	54	1746 г.
132.	Полом (на р. Чепце)	53	1745 г.
133.	Дебессы (на р. Чепце)	52	1746 г.
134.	Чутырь (на р. Нязи, притоке Лозы)	70	1746 г.
135.	Высоково (Стретенское) на Северной Куринке, притоке Моломы)	133	1 пол. XVIII в.
136.	Низево (на р. Чепце)	57	—»—
137.	Кобра (на р. Кобре, притоке Моломы)	131	
138.	Кобра (на р. Слудка по р. Летке)	29	—»—
139.	Рябово (на р. Б. Кордяга)	88	1752 г.
140.	Сосновка (на р. Сосновке, прит. Белой, впадающей в Святицу)	77	1760 г

1	2	3	4
141.	Верхосвятицкое (Ильинское) на р. Святице	74	1760 г.
142.	Ацвеж (Ачинское при р. Юме)	144	1763 г.
143.	Екатерининское (на р. Вятке)	5	1764 г.
144.	Боровица, при р. Боровице, притоке Моломы	139	1764 г.
145.	Арбаж (при р. Шурване)	145	1765 г.
146.	Верховойское (на р. Вое, притоке Вятки)	174	1766 г.
147.	Елгань (на р. Елгани, притоке Косы)	82	1766 г.
148.	Чистопольское (на р. Пижме)	142	1768 г.
149.	Сада (на р. Саде, притоке Чепцы)	73	1768 г.
150.	Воскресенское (на р. Ивкине)	151	1768 г.
151.	Зашижемье (на р. Шижме)	170	1769 г.
152.	Заево (Архангельское) в правобережье Вятки	9	1776 г.
153.	Юкаменское (на р. Шулуур)	72	1777 г.
154.	Кленовицкое (на р. Водской)	139	1777 г.

IV ЗАВОДЫ

1	Никулицкий винокуренный завод (на р. Вятке)	17	до 1720 г.
2.	Талицкий (на р. Салтановице)	34	нач. XVIII в.
3.	Кирсинский завод (на р. Вятке)	3	1729 г.
4.	Песковский (на р. Вятке)	2	1737 г.
5.	Хлыновский кожевенный (на р. Хлыновице)	21	1747 г.
6.	Климковский чугунный (на р. Белой Холунице)	43	1759 г.
7.	Пудемский завод I (на р. Пудемке)	64	1759 г.
8.	Бахтинская писчебумажная фабрика	149	1760 г.
9.	Чернохолуницкий жел. делательный завод (на р. Черной Холунице)	37	1764 г.
10.	Белохолуницкий завод (на р. Белой Холунице)	44	1764 г.
11.	Залазнинский жел. завод (на реке Белой)	27	1772 г.
12.	Омутнинский доменный и молотовый завод (на р. Омутной, притоке Вятки)	36	1775 г.

В приведенных четырех списках, как видим, не во всех случаях точно определен год возникновения того или иного местного центра. Это объясняется отсутствием соответствующих литературных или архивных материалов. Отсутствие точных хронологических дат особенно досадно для начального периода русской колонизации Вятской земли примерно до 1615 года,

в котором были составлены дозорные книги по этой территории, сохранившиеся до настоящего времени. На основе сохранившихся документов пока возможно установить, что русской колонизацией ранее всего были охвачены следующие участки территории Вятской земли:

I) Нижнее левобережье р. Чепцы, где появились погосты Никольский (у самого устья реки Чепцы), Ильинский и Волчетроицкий.

II) Берега р. Вятки от устья Чепцы до г. Котельнича включительно. Здесь русское население первоначально группировалось около 3 центров: 1. г. Хлынов: погосты Никулицкий, Волковской, Бобинский, Медянский, Бахтинский, Кстининский, Бурмакинский и Вожгальский; 2. г. Орлова: погосты Подрельский, Великорецкий, Верховинский, Быстрицкий, Истобенский, Шалеговский; и 3. Около г. Котельнича: погосты Молотниковский, Гостевский, Юрьевский, Курьинский и Спасопретображенский.

III) Несколько позднее трех городских центров образовались еще 2 городских же центра — в верхнем течении р. Вятки: г. Слободской с окружающими его погостами: Подчуршинским, Успенским и Холуно-Ильинским и г. Шестаков с погостами Сырьяно-Никольским, Вобловицким, Нагорским и несколько в отдалении от них Екатерининской пустошью.

После 1615 г. русская колонизация Вятской земли делает значительные успехи: появившиеся здесь в конце XVI и самом начале XVII века монастыря, получив от Московского правительства более или менее значительные участки земли в разных местах, стремятся к заселению их крестьянами в целях эксплуатации их в свою пользу. Со второй половины XVII века (после 1656 г.) в этой же роли выступает Вятский архиерейский дом, которому Московское правительство также предоставляет землю, частью уже заселенную крестьянами и частью находившуюся еще под лесом. Одновременно с этим идет и вольная русская колонизация свободных земель.

В XVII веке появляются новые русские погосты в бассейне как верхнего, так и среднего течения р. Вятки. Собственно, на р. Вятке появилось лишь 5 погостов: Красное, Хлыновка, Макарье (все три около гор. Хлынова), — Васильково и Ошеть или Ишеть (оба ниже г. Котельнича), остальные погосты возникли по притокам р. Вятки и по притокам этих притоков. В бассейне верхней Вятки особенно большое количество сел возникает по р. Чепце и ее притокам (18 сел), а в бассейне средней Вятки русскими поселенцами осваиваются главным образом реки Быстрица с ее притоками (5 сел), Воя (6 сел) и Молома (5 сел и 2 монастыря).

Всего за 85 лет XVII столетия на территории Вятской земли вновь появилось 63 села и 4 монастыря.

В XVIII веке, как известно, русское правительство при Петре I начало сокращать количество монастырей во всей России и ограничивать их свободу в распоряжении земельными имуществами, а в 1763 г. при Екатерине II и совсем отобрало в казну архиерейские и монастырские вотчины, чем был положен конец вмешательству архиерейских домов и монастырей в хозяйственную жизнь крестьянского населения.

С другой стороны, в этом же столетии царское правительство начинает развивать усиленную миссионерскую работу среди нерусских народностей Приволжья в целях скорейшей их русификации. В результате этих усилий на территории Вятской земли возникают села среди удмуртов (10 сел), мари (село Юма) и среди коми (село Слудка).

Продолжает развиваться и вольная русская колонизация по преимуществу в бассейне реки Чепцы (возникло 17 новых сел), Моломы (6 сел) и Быстрицы (5 сел).

В XVIII же веке со времен Петра I на Урале и в Прикамье начинает развиваться новый вид русской колонизации; устраиваются горные заводы, на которые из разных мест России привлекается для работ русское население. Колонизация этого рода затронула отчасти Вятскую землю, в которой еще в XVI веке обнаружены значительные запасы руды и здесь начинают возникать заводы, владельцы которых привлекают на них рабочих из соседнего Приуралья, а иногда и из центральной России.

За 80 лет XVIII века (1701—1780 гг.) на территории Вятской земли вновь появились 63 села, 1 монастырь и 12 заводов.

Таким образом, постепенный ход русской колонизации Вятской земли за весь период от ее начала до времени образования Вятского наместничества (в 1780 г.) может быть выражен в следующих цифрах:

Отдельные периоды времени	Число возникших				
	Городов	Сел	Монастырей	Заводов	Итого
I. С начала русской колонизации до 1615 г. (примерно на 2 1/2 столетия)	5	28	7	—	40
II. С 1615 г. до 1700 г. (85 лет)	—	63	4		67
III. С 1701 г. до 1780 г. (80 лет)		63	1	12	76
ИТОГО:	5	154	12		183

II. Откуда прибывало русское население на территорию Вятской земли? Если мы возьмем часть этой территории, колонизованную русскими в более древнее время — именно до 1615 г., то найдем здесь ряд географических наименований, занесенных сюда из древнего Нижегородско-Суздальского княжества. Название одного притока р. Вятки (Медяна) тождественно с наименованием притока р. Суры, впадающей в Волгу; название второго притока Суры (Пьяна) повторилось в наименованиях двух речек в бассейне средней Вятки (Пьяна и Пьяновка); название одного из притоков Быстрицы (Курмыж или, как говорили ранее, Курмыж) сходно с названием города, устроенного в 1374 г. в Нижегородском княжестве (Курмыж). В актах Хлыновского монастыря (15) упоминается озеро Плоское, Курья Плоская, а в бывшем Орловском уезде есть и река Плоская, а из грамот XIV века мы знаем, что озеро Плоское существовало в Нижегородском княжестве.

Далее, как видно из дозорной и писцовой книги Хлыновского уезда 1615 и 1629 гг., около города Хлынова в XVII в. находилась Бритовская волость и самая главная улица в гор. Хлынове называлась Бритовской. Название это было повторением названия огромной местности, находившейся в Нижегородско-Суздальском княжестве между рекой Пьяной и г. Арзамасом. В тех же дозорной и писцовой книгах Хлыновского уезда мы встречаем название двух пустошей, находившихся тогда недалеко от г. Хлынова: первое «Кирдяпино» и второе «Кирдяпино»; названия эти идут

также из Нижегородско-Суздальского княжества: сын нижегородского князя Дмитрия Василий (1350—1403) имел прозвище Кирдяпы, а его брат Семен, как видно из летописи, жил на Вятке и скончался здесь в 1402 г.; на основании другого летописного известия можно предполагать, что в самом конце XV в. в Вятской же земле укрывалась с имуществом и детьми жена князя Семена, пока последний служил татарским ханам, добиваясь от них ярлыка на Нижегородское княжение. На основании всех этих данных можно предполагать, что в XIV в. и нач. XV века с территории Нижегородско-Суздальского княжества русское население переселялось на Вятскую землю, перенося сюда и кое-какие географические наименования.

В этой же части территории Вятской земли мы встречаемся с географическим наименованием, занесенным сюда из древнего Ростово-Белозерского княжества: р. Чепца (левый приток Вятки), на устье которой уже в конце XIV в. образовался погост Никольский, своим названием напоминает р. Чепцу, впадающую в озеро Чаронду. Очевидно, Вятская земля уже в XIV веке имела выходы и из Белозерского княжества.

Наименование двух притоков реки Чепцы (Святица) тождественно с наименованием реки древнего княжества Галицкого, к которому Вятская земля принадлежала в начале XV века.

Далее очень значительное число географических наименований на территории Вятской земли оказывается сходным с географическими наименованиями Поморья и особенно той его части, которая прилегала непосредственно к Вятской земле. В Поморье был и город Орлов — (на р. Юге, притоке Северной Двины, в 60 километрах от Великого Устюга), и реки Великая (приток Лежи, впадающей в Сухону), Летька и Истобница (в древнем Устюжском уезде); слобода Дымково (на Северной Двине против г. Великого Устюга) и р. Воя (правый приток Ихалыцы, впадающей в Сухону). Даже первоначальное название г. Котельнича (Кокшаров) можно производить от географического наименования, существовавшего в Поморье: там в XIII—XIV веках проживали кокшары; этим именем назывались жители по р. Кокшеньге (притоку Ваги, впадающей в Северную Двину). Примитивный городок, устроенный ими на берегу р. Вятки, и мог называться Кокшаровым, т. е. устроенным кокшарами. Далее переписные книги XVII века занесли на свои страницы прозвища некоторых жителей Вятской земли: Двинянин, Устюжанин, Вычегжанин, Вылегжанин. Прозвища эти, перешедшие потом в фамилии их потомков, первоначально были в сущности указанием тех рек (в Поморье), с берегов которых появились на Вятке русские носители их. Об этом же переселении на Вятку жителей из Поморья говорят и устные предания, долго сохранявшиеся среди русских поселенцев Вятской земли во многих пунктах.

Очевидно, Поморье и в особенности бассейн верховьев Северной Двины были обильным источником русского колонизационного элемента для Вятской земли.

Появлялись на Вятке выходцы и из Великого Новгорода, и из Новгородской земли; как видно из летописей, еще в самом начале XV века в Вятской слободе проживали беглые новгородские бояре (Россохин и Жадовский); третий новгородец боярин Анфал вместе с вятчанами в начале XV века совершил поход на болгар, а в 1418 г. вместе с устюжанами предпринял нападение на вятчан. Летописи говорят также, что на Вятке появлялись иногда новгородские ушкуйники с тем, чтобы отсюда пробраться на болгарские или татарские земли, но такие новгородцы едва ли имели

для Вятской земли серьезное колонизаторское значение: их интересовала легкая добыча, нажива, а не возможность прочно обосноваться на этой территории. Вероятно, поэтому в переписных книгах Вятской земли XVII века мы не встречаем географических наименований, занесенных из Новгорода.

Нам остается еще сказать о русских выходцах на Вятскую землю из Прикамья. Северная часть этого Прикамья, в древности населенная нерусскими народностями (пермяками и югрой), как было уже сказано в введении к настоящей работе, входила в состав так называемой Великой Перми и уже в XIV в. платила дань Великому Новгороду, но постоянных русских поселений здесь было мало. После отнятия Москвой у Новгорода Великой Перми (в конце XV века) здесь начали возникать русские поселения. В 1557 г. на берегу р. Камы был устроен город Кай, через который проведена была большая дорога из Москвы (через Великий Устюг) в Сибирь. Только после этого могли появляться с верховьев Камы выходы и на Вятку. По переписным книгам XVII века, среди домохозяев г. Хлынова мы видим выходцев с Пермской стороны: 4 чел. — 1615 г., 6 чел. — 1628 г., 7 — 1646 г.

Что касается южного Прикамья, то свободный доступ сюда, как уже объяснялось в введении, для русского населения открылся лишь после покорения Казани Москвой (1552 г.), а выселение отсюда русских на территорию Вятской земли началось, очевидно, позднее. Основатель ближайшего к Вятской земле села Лудяно-Ясадного крестьянин Агафон, выходец с р. Буя, то есть с Казанской стороны, появился здесь только во второй половине XVII века. Итак, главнейшими территориями, откуда направлялась на Вятку русская колонизация, были Нижегородско-Суздальское княжество в самом начале русской колонизации и обширное Поморье, в особенности его южная часть в более позднее время.

III. Что побуждало русских переселяться на территорию Вятской земли?

Из русской истории мы знаем, что в течение двух слишком столетий, начиная с 1240 г., русская земля находилась под властью татарских ханов.

От татарского террора больше всего страдали ближайшие к татарскому ханству приволжские русские княжества и в особенности Суздальско-Нижегородское, оказавшееся на границе с Казанским татарским ханством.

Если мы заглянем в русские летописи второй половины XIV века, то увидим, что Нижегородско-Суздальское княжество в это время пережило целый ряд опустошительных татарских нашествий (в 1367, 1374, 1377, 1378 гг.) и одно нападение мордвы. При этих нападениях русские селения обычно выжигались, жители их обирались, что называется, до ниточки: все это, естественно, побуждало жителей уходить с разоренных мест куда-нибудь подальше от татар.

Леса Вятской земли для этой цели были весьма удобны: сюда можно было пробраться из Нижегородского княжества и прямым путем — по р. Ветлуге, минуя Поморье.

Можно предполагать, что в конце XIV века сыновья князя суздальско-нижегородского — Василий Кирдяпа и Семен — после многих неудачных попыток занять нижегородское княжение по смерти их отца в 1383 г., принимали меры к привлечению разоренных нижегородцев в еще мало заселенную Вятскую землю, с целью скорее возвысить ее значение.

Для жителей Поморья, в котором после нашествия татар прилив русского населения должен был также значительно усилиться, Вятская

земля, тогда еще богатая пушниной и рыбой, представлялась несомненно заманчивым уголком. Недаром в начале XV века устюжане предпринимали даже вооруженную попытку проникнуть в Вятскую землю (в 1418 г. под предводительством Анфала).

После окончательного покорения Вятской земли Москвой и вывода из вятских городов верхушки населения — в земских и торговых людей (1489) для жителей Поморья открылся совершенно свободный доступ к переселению на Вятскую землю, и они хлынули сюда широкой волной. В одном только городе Хлынове, по переписным книгам XVII века, оказалось выходцев из Поморья в 1615 году — 6; в 1629 — 25, 1646 — 49 и 1678 — 8 домохозяев.

После свержения татарского ига и объединения Москвой отдельных русских княжеств в единое государство, к переселению на Вятскую землю могло побуждать русских усиление крепостного гнета в Центральной России. Вятская земля, не знавшая крепостного помещичьего гнета, не могла не представляться желанным краем для крестьян, задыхавшихся в нем. Правда, с конца XVI века здесь стало развиваться монастырское, а со второй половины XVII века и архиерейское землевладение, но никто не обязывал новоселов садиться непременно на монастырские и архиерейские земли. В Вятской земле в то время оставалось еще немало совершенно свободных земель.

Во второй половине XVII века для части русского населения возникло еще одно побуждение к переселению на Вятку. В Центральной России правительство начало преследовать русских старообрядцев, отрицавших официальную Никоновскую церковь. Укрываясь от этих преследований, старообрядцы (или раскольники) бежали в леса костромские, нижегородские, вятские, пермские.

IV. Одни ли русские в XV-XVIII веках являлись на Вятку в качестве колонизаторов? Некоторые, правда, немногочисленные указания по этому вопросу имеются.

В разных местах Вятской земли сохранились географические наименования, говорящие о былом пребывании здесь татар. Таковы названия двух правых притоков р. Вятки: Салтановицы (впадающей в р. Вятку против бывшего города Хлынова (Кирова) и Татарской (около г. Орлова), а также названия целого ряда селений, происходящие от имени татарской народности, например, Татара, Татарина, Татарщина, Татариновых и пр. Они встречаются в бывших уездах Вятском, Котельничском, Орловском и Слободском. В большинстве этих селений в настоящее время татар уже нет, только селение Карино (около гор. Слободского) остается татарским и до настоящего времени. Оно еще в половине XVI века заняло господствующее положение среди окрестных удмуртов и бесермян. В конце XVII или начале XVIII века оно выделило из себя ряд колонистов в другие селения Вятской же земли.

По-видимому, одновременно с каринскими татарами на территории Вятской земли появились представители другой народности, называвшиеся в документах XVII века то чувашами, то бесермянами. В XVII и XVIII веках они постепенно расселяются среди удмуртов и частично среди татар. Наконец, в XVI или в самом начале XVII века на берегах р. Летьки поселились выходцы из Сольвычегодского уезда — коми (пермяки), которые здесь и остались на последующее время.

III. ВЯТСКИЙ КРАЙ В XIX ВЕКЕ

И. И. СТЕФАНОВА

ЭПОХА ВЕЛИКИХ РЕФОРМ И ВЯТЧАНЕ

1860—1870-е годы в России — эпоха великих реформ во всех областях жизни. В общественном сознании этот период связан прежде всего с отменой царившего много веков крепостного права.

Осуществление крестьянской реформы на местах начиналось с обнародования в кафедральных соборах губернских городов императорского Манифеста об освобождении крестьян. В Вятке он был оглашен в воскресенье 12 марта 1861 года. Газета «Вятские губернские ведомости» (в дальнейшем в целях сокращения ее название употребляется в виде аббревиатуры — ВГВ) сообщала читателям, что город «встрепенулся и оживился», когда до него дошла весть о Манифесте, и 12 марта «городские площади почти до самого вечера были полны народом, тогда как в обыкновенные дни они к полудню значительно пустеют».

Что обсуждал народ, заполнивший площади, — то, как прошла церемония в кафедральном соборе или что означает освобождение крестьян, — этого газета не уточняла. Можно предположить, что город, т. е. значительная часть его населения, просто обрадовался неожиданному развлечению в строгое время Великого поста. У помещиков Манифест большого воодушевления вызвать, разумеется, не мог. Только отдельные из них, как писала газета, «нескотормыми пожертвованиями и празднованиями» отметили великое событие. Да и помещиков в городе в сущности не было. Не было в Вятке, за немногими исключениями, и крепостных крестьян. А купцов, мещан и ремесленников, составлявших большинство городского населения, отмена крепостного права непосредственно не касалась.

В уезды для ознакомления людей с Манифестом были направлены чиновники. Там при чтении его ничего примечательного тоже не происходило. Тексты Манифеста и Положений, содержащих конкретные условия проведения реформы, были трудны для восприятия их простыми людьми. При первом слушании документов крестьяне поняли только, что полная воля откладывается еще на два года. Это не давало повода для радости. Но коль скоро условия освобождения не были ясны, а воля все-таки объявлялась, то и оснований для возмущения еще не возникло. Они появились лишь тогда, когда реформу стали проводить в жизнь. При этом

возмущение не ограничивалось ропотом недовольства, дело доходило до стихийных неповиновений. Выражались они чаще всего в отказе помещичьих крестьян от подписания уставных грамот, в которых фиксировались размеры и местоположение земельных наделов, повинности временнообязанных крестьян.

Такие отказы приняли массовый характер не только в Вятской губернии, и царское правительство в январе 1862 г. разрешило вводить в действие уставные грамоты, не подписанные крестьянами. Последние, однако, этого не знали. Помещикам же, как и местным властям, распоряжение правительства было, конечно, известно. Но подписание грамот давало помещикам моральное удовлетворение, и от крестьян его по-прежнему добивались. На этой почве и произошли драматические события в Яранском уезде.

Начались они в феврале 1862 г. Яранские крестьяне считали, что если они подпишут уставные грамоты, то «царь прогневается и скажет, что он дал волю, а они подписались в крепостные, и сошлет их поэтому в Сибирь на поселение или в Приамурский край; надо выждать два года, а по истечении их будет совершенная воля». Крестьян дважды собирали на сход, уговаривали подписать грамоты, они на уговоры не поддавались. Тогда семерых зачинщиков арестовали. Толпа отбила арестованных. Были вызваны войска. Крестьян, пишет исследователь крестьянского движения в Вятской губернии, «арестовывали, били розгами, загоняли во дворы и там запирали на длительное время, в холодную дождливую погоду выгоняли на улицу и сутками держали под дождем с непокрытыми головами, наиболее активных заковывали в кандалы». И все же уставные грамоты они не подписали. Подобные акции (а волнения были и в других местах), бессмысленные с точки зрения дела, рождали у крестьян затаенные до поры злобу и ненависть к помещикам и властям.

Государственные крестьяне составляли основную массу населения нашей губернии. От их имени во всех уездах властями было организовано представление писем министру государственных имуществ, в которых выражалось «искреннее сожаление», что крестьяне расстанутся с управлением государственных имуществ в связи с реформированием их положения.

В отличие от стремившихся к воле помещичьих крестьян, которые составляли менее 3% сельского населения губернии, удельные и государственные протестовали против больших оброков, не соответствующих ценности отведенных им наделов, против отрезки у них земель, хотя наделы, отводимые им, превышали полученные помещичьими крестьянами. Были волнения и среди удельных, и среди государственных крестьян. Власти пресекали их с жесткостью, превышавшей необходимые для наведения порядка меры, и не предпринимали попыток разрешить конфликты хотя бы мини-

мальными уступками. Изредка начальство пробовало убедить крестьян, но тщетно: представление о правде у них было свое, а властям они не верили.

Не понимая того, что местное начальство проводит в жизнь условия, выработанные правительством, крестьяне продолжали считать своим защитником царя. Они были уверены, что царь их без земли не оставит, посылали к нему ходоков. Их ловила в Петербурге полиция и отправляла на места, в распоряжение местных властей.

Условия реформы, а более того — грубый нажим администрации при проведении ее в жизнь, порождали у крестьян подавленное настроение. Оно усиливалось еще и страхом перед новшествами. «Да Бог знает, — говорили крестьяне Кукарки, вполне удовлетворенные условиями реформы, — к худу ли, к добру ли новые порядки... Жили и мы, и старики наши без грамот...». Растерянными, растревоженными, обиженными вступали крестьяне в новую для них жизнь.

В отличие от крестьянской, проводившейся со столь болезненными издержками, другие реформы той эпохи прошли в нашем крае гладко и были восприняты инертным в массе своей вятским обществом с присущей ему пассивностью. К примеру, школьная реформа должна была бы вызвать интерес у городских сословий, так как она предусматривала создание новых начальных училищ. Но обсуждали ее только специалисты — преподаватели гимназии и училищ Вятки. Вопрос о том, какой стать мужской гимназии — классической или реальной, решен был «высшими чиновниками, избранными духовными лицами и влиятельнейшими гражданами города», которых вместе с преподавателями гимназии оказался 31 человек. Даже на торжественный акт по случаю начала 1865/66 учебного года в преобразованной гимназии посетителей пришлось очень мало, хотя были приглашены многие и заблаговременно.

Новыми для России учреждениями местного самоуправления стали земства. Они создавались для удовлетворения местных хозяйственных «польз» и нужд: строительства дорог и мостов местного значения, обеспечения населения продовольствием в случае голода. Земства имели право открывать школы и больницы, учреждать агрономическую и ветеринарную службы. Земскими гласными могли быть избраны, наряду с дворянами и купцами, мещане и крестьяне.

Земские учреждения в губернии вводились в 1867 г., выборы в них проходили в 1866 г. Опубликованные в ВГВ «Положения о земских учреждениях» интереса у населения не вызвали. Выборы земских гласных первого трехлетия оставили общество безучастным. В Вятке на выборы по городской курии уездного земства явилось 57 человек, хотя имели право участвовать в них 139. В уездах

явка была такая же, даже хуже. В Орловском уезде на избирательный съезд землевладельцев явился 4 священника, их и признали гласными без всяких выборов, в Нолинском уезде на выборы по землевладельческой курии пришел 1 человек. Зато в Яранском уезде произошло чрезвычайное происшествие. 59 выборщиков от слободы Кукарки (крестьяне избирали выборщиков, а уж они — земских гласных) в знак протеста против того, что предложенное ими лицо было избрано не в гласные, а только в кандидаты, отказались подтвердить правильность выборов. Поскольку поступок этот, по мнению начальства, мог иметь «дурное влияние на других крестьян», решено было отдать этих выборщиков под суд, а избранного от Кукарки Клепцова даже кандидатом не считать.

В январе 1867 г. в Вятке состоялась первая сессия губернского земского собрания, на которой из публики присутствовало только три человека. Едва ли большее внимание проявляли жители Вятки и уездных городов и к работе новоизбранных городских дум.

В 1874 г. взамен рекрутских наборов была введена всеобщая воинская повинность. Срок действительной службы устанавливался в 6 лет для неграмотных, в 4 года для имеющих начальное образование, в 1,5 года для людей со средним образованием и в 0,5 года — с высшим. Призывали не всех достигших 20-летнего возраста, а только тех, кому выпадал жребий. Военная реформа, по утверждению ВГВ, вызвала «уважение к себе у лиц привилегированного класса», и они с нетерпением ждали жеребьевки.

Помещенные на страницах ВГВ сообщения показывают, что вятский люд отнюдь не выказывал ожидавшегося массового одобрения правительственным начинаниям. Реформами, как таковыми, интересовались только те, кого они касались непосредственно. Тем не менее и большинство не могло не ощущать, хотя и косвенно, тех перемен в общественной атмосфере, что происходили вследствие проводившихся преобразований.

Н. А. Чарушин, учившийся в 1862—1871 гг. в Вятской гимназии, вспоминая эти годы, писал: «Крутом чувствовалось какое-то оживление, на вятском горизонте стали появляться новые люди, жизненный обиход которых и речи так отличались от привычных обывательских, возникали и новые учреждения, производившие в некотором смысле настоящую революцию в ветхозаветном укладе нашей жизни».

Шестидесятые годы прошлого века были действительно временем заметного оживления жизни во всех ее сферах, свидетельства чему рядовой вятский обыватель почерпывал из явлений, дотоле неведомых, событий необычайных. Таких, например, как прибытие в Вятку парохода в мае 1861 г. Репортер ВГВ писал об этом событии очень выразительно: «Мужчины и женщины, старые и малые, в экипажах и пешком, по тротуарам и по дороге, торопясь,

обгоняя одни других, спотыкаясь, ехали, шли и бежали на берег р. Вятки».

В те годы в уездах стали открываться клубы, проводиться благотворительные балы, народные гуляния. В Слободском в мае 1866 г. в общественном саду состоялось первое такое гуляние с музыкой — дело столь необычное и привлекательное, что даже неприветливая дождливая погода не отпугнула заинтригованную публику, валом валившую в сад. Начали организовываться и первые литературно-музыкальные любительские вечера, которые давали людям не только эстетические впечатления, но и обильную пищу для разговоров. В Кукарке на таком вечере присутствовали протоиерей и два священника; местное общество в связи с этим долго потом обсуждало, уместно ли участие духовных лиц в светских развлечениях. Кое-где даже сомневались, не подрывают ли подобные мероприятия нравственных устоев общества. А в Яранске из-за вечера вышла обида. Там было прочитано стихотворение Н. А. Некрасова «Коробейники», и один из присутствовавших купцов усмотрел в этом намек на недобросовестность торговых людей.

Большое возбуждение в обывательской среде захолустной Вятки вызвала однодневная перепись населения, проведенная «по примеру столиц и больших городов». В тот день здесь оказалось 17.547 жителей, в том числе 9.637 душ мужского пола и 7.910 — женского. Подробный отчет о переписи был опубликован в ВГВ.

Мимо внимания газеты не проходило ни одно сколько-нибудь значительное событие в жизни края. Повествуя о них день за днем, она как бы развертывала панораму постепенного, но неуклонного перехода жизни на новые рельсы. Оно, это новое, было во всем — в открытии общественных банков и воскресной школы в Вятке, в устройстве публичных лекций в уездах и первых телеграфных линий, а также и в том, что многие крестьяне стали носить одежду из так называемого французского ситца.

Современники реформ, стремившиеся осмыслить их общее значение, уловили то, что они, помимо всего прочего, были направлены на стирание резких граней между сословиями. Этому способствовало участие представителей разных сословий в органах местного самоуправления, обучение детей в общих учебных заведениях вплоть до гимназий, всеобщая воинская повинность и даже гуляния с музыкой. Однако сближение сословий происходило медленно: различия между ними были предопределены не только законами, но и образом жизни людей, их занятиями и их сознанием, унаследованным от предшествующих поколений. А это в свою очередь накладывало свой отпечаток на всю жизнь пореформенной России, в том числе на ее экономическую сферу.

Развитие торговли и промышленности в Вятской губернии, как и во всей стране, находилось тогда в руках купечества. Принад-

лежность к нему определялась получением гильдейского свидетельства на право заниматься предпринимательской деятельностью. В дореформенное время существовали три гильдии — в зависимости от размеров капиталов определялась принадлежность купцов к каждой из них. В 60-е гг. гильдий стало две: прежние 1-ю и 2-ю объединили в одну первую, а 3-я стала второй.

Купцы каждого города входили в купеческое общество. Оно, в частности, следило за нравственностью своих членов; могло признать разорившегося купца «несостоятельным несчастным», если убеждалось, что он разорился не по своей вине; в больших городах общества давали объявления в газетах, чтобы человеку (назывались имя и фамилия) никто не доверял, если он был уличен в неблагоприятных поступках. Общество давало купцам и их детям разрешения на выход из купеческого звания «по склонности к другим занятиям».

Наряду с другими жителями городов, имеющими недвижимость определенной ценности, купцы избирали из своей среды гласных в городскую Думу. Гласные в свою очередь избирали управу и городского голову. На думы возлагалось решение местных хозяйственных вопросов. При этом во многих случаях гласные от купчества играли ведущую роль, задавали тон всей деятельности Думы.

Этим особенно отличалась дума г. Слободского, где (вкупе с уездом) была самая крупная промышленность в губернии. Хозяйственная деловитость слободских купцов сочеталась с их сугубо щепетильным подходом к финансовым делам, независимо от того, о большой или малой сумме денег шла речь. В 1875 г. они, например, отказались оплатить из городского бюджета подписку на газету «Правительственный вестник» на том основании, что ее читали только члены управы, в то время как Вятская городская Дума, напротив, разрешала выписывать журнал «Дело» для чтения служащими канцелярии управы. С членов правления Анфилатовского банка по требованию купцов был взыскан убыток от потери процентных бумаг. А когда выяснилось, что из городской казны украдено 1300 рублей, членам управы пришлось внести эту сумму из своих средств. В 1898 г. слободские купцы решили предъявить городскому голове и членам управы гражданский иск за самовольные передержки сметных сумм. Тогда же по подозрению в злоупотреблениях в расходовании денежных средств они отстранили от должности городского голову Н. К. Платунова.

Подобная строгость в ведении дел хозяйственного самоуправления проявлялась, конечно, далеко не везде. Вятская Дума нового состава в 1897 г. с удивлением отметила, что старый состав управы, руководимый городским головою И. А. Суховым, не представив никакого отчета за свою четырехлетнюю деятельность, внес в городские дела «полный мрак и запущенность». Тем не менее,

если говорить в целом, непосредственное участие гласных от купечества в работе городских дум неизбежно вносило в их деятельность струю, предопределявшуюся характерным, «родовым» признаком людей этого звания — расчетливостью.

Такая поведенческая черта была обусловлена отнюдь не только и не столько природными склонностями, сколько особенностью социального положения купечества, состоявшей в том, что свою принадлежность к данному сословию человек должен был подтверждать ежегодно, «выбирая», как тогда говорили, гильдейское свидетельство, то есть внося плату за него в установленный срок. Если он не мог этого сделать, его приписывали обычно к мещанам. Угроза применения телесных наказаний (с 1863 г. для мещан они были отменены) и рекрутской повинности в пореформенный период отпала, но моральный ущерб от такого падения был велик, и он усугублял наступившую бедность.

Вот почему, по-видимому, вятские купцы в большинстве своем не были склонны к предпринимательскому риску. Во всяком случае осмотрительность и осторожность они считали достоинством и в делах городских общественных банков, и в начинаниях городских дум, и в частных предприятиях. Об этом неоднократно заявляли купцы Вятки, Сарапула, Нолинска.

Отличавшиеся большей хозяйственной хваткой купцы Слободского по поводу риска высказывались образно и рассудительно: «Каждое дело может иметь печальный исход, но из этого не следует, что это дело не надо вести. На море разбивает корабли, на железных дорогах случаются крушения, причем люди гибнут, но мореплавание и езда по железным дорогам не прекращаются, потому что эти случаи сравнительно редки». Такое суждение, произнесенное во время одного из заседаний Слободской Думы, звучит убедительно. Однако и стремление избежать риска вполне объяснимо.

Большинство вятских купцов было второгильдейским и занималось розничной торговлей. Летом они отправлялись на ярмарки — Нижегородскую, Ирбитскую и другие, закупали там товары, а затем продавали в магазинах, лавках и на местных ярмарках. Результаты торговли были достаточно скромными. Если на ярмарке была продана третья часть привезенного товара, это считалось вполне удачным итогом.

Главный риск для купца состоял в двух, в сущности, действиях — опробовании нового дела и получении кредита. Были и другие сложности — привлечение к своим операциям нового, непроверенного человека (старались обходиться участием родственников), покупка некачественного товара (некоторые крестьяне Сарапульского уезда, например, на каждый пуд льняного семени клали по фунту куколя и по фунту битой просеянной земли, ссылаясь на то, что бессовестные купцы мало им платят).

Новые начинания вызывали опасения у большинства купцов. Они по опыту знали, что «экономическая ломка всегда сопровождается большими жертвованиями». О тех, кто все же решался на новое дело, говорили и писали в газетах, хваля их за смелость. Особых похвал удостоился К. Я. Ушков: он «первый в России... стал вырабатывать хромокислое кали», до этого ввозимое из-за границы.

Похвалы были приятны, но страх перед новым останавливал многих. Не убеждало и то, что новое дело, если и не принесет поначалу барыша, то даст дополнительный опыт.

Что же касается кредитов, то задолженность купцы считали главной опасностью для хозяйства. Взаимы предпочитали брать у частных лиц; бывало, что через ВГВ купец благодарил того, кто его выручил в трудную минуту.

Менее охотно брали кредит в банке: в случае неудачи ссуждения ждать не приходилось. Владелец кожевенного завода в Вятке, купец I гильдии М. Я. Поскребышев взял кредит в банке Веретенникова и не смог его вернуть. Производство в 1885 г. было остановлено. «Правлению банка, — говорилось об этом деле в городской Думе, — хорошо известно, что действительная стоимость завода Поскребышева значительно превышает долг его банкам и что временная лишь повсеместная стагнация промышленности и торговли... повлекла за собой временное же уменьшение ценности имени Поскребышева». Было признано, в сущности, что М. Я. Поскребышев стал «несостоятельным несчастным». Долг его был немногим более 25 тыс. руб., завод же оценивали в 80.000. Тем не менее на завод банком дважды объявлялись торги. Но никто завод не купил. Ставший мещанином М. Я. Поскребышев ходатайствовал перед Думой о сложении с него недоимки городского сбора. О заводе же в 1888 г. говорилось, что он «находится совершенно без всякого действия и приходит в ветхость».

Риск возрастал и тогда, когда появлялась конкуренция. Купцы считали ее естественным явлением там, где существовали однородные предприятия, как это было в г. Слободском и его уезде. Вообще же к конкуренции они относились неоднозначно. Большинство предпочитали, находясь в стороне от конкурентной борьбы, пользоваться ее плодами — прежде всего снижением цен на товары, но когда возникала угроза вовлечения их самих в борьбу с конкурентами, впадали в панику и прилагали усилия к тому, чтобы избежать этого.

В 90-е гг. в купеческой среде возникло немало беспокойства по поводу различных проектов железнодорожного строительства. Когда в Вятке заговорили о том, что ветка железной дороги подойдет к реке в 17 верстах от города, купцы представили доклад, в котором изложили свои опасения: «При постройке ветки у Загарского моста к этому пункту перейдет из города все товарное

движение, туда будут переведены пристани, там будут построены гостиницы для рабочего люда, появятся магазины, отделения контор торговых фирм, нотариусов, страховых агентов и т. д. И, кто знает, быть может, это место разовьется в большой торговый центр, который будет жить исключительно за счет грузоотправителей. Город же Вятка, получив железную дорогу, не только ничего не выиграет, но утратит и ту тихую торгово-промышленную жизнь, которая слагалась здесь веками». Нолинские купцы, напуганные разговорами о строительстве в нескольких верстах от города вокзала на предполагавшейся дороге Вятка — Казань, писали то же самое это «отвлечет от Нолинска товары, и он потеряет торговое значение, какое имел до сего времени и, конечно, придет в упадок».

Не любили конкуренцию еще и за то, что она устраняет мелких предпринимателей и ведет к сосредоточению дела в руках монополистов, которые начинают диктовать свои условия.

Бояться конкуренции у вятских купцов (купцами называли не только торговцев, но и владельцев промышленных предприятий) была еще одна веская причина — низкое качество производимой ими продукции.

В 1862 г. в Вятке устроили выставку, на которой были представлены и разнообразные изделия местной промышленности. Выставочному комитету надо было, осмотрев все экспонаты, определить лучшие для награждения их создателей. Протоколы комитета публиковались для всеобщего ознакомления. В них говорилось, в частности: «эти веревки... уступают в ровности пряжи и ссучки английским и лучшим нашим»; «в образце синь-кали... находится часть свободного кали и, кроме того, оно недостаточно очищено от посторонних примесей»; «представленный образец глины дурно отмучен»; нашатырный спирт «весьма слаб»; обувь Якубовского «хотя и приготовлена из материалов, употребляемых для обуви высшим классом общества, но не имеет той легкости, изящества, вкуса и той отчетливости в шитье и во всех частях изделия, какая требуется для дамской обуви». Была на выставке и посуда купцов Блинова и Рязанцева. Им «комитет находит приличным пожелать, чтобы заводы их давали посуде более правильную форму и размер и ...не пускали бы в продажу косых и кривых банок, бутылей и т. п., в каком виде некоторые произведения представлены даже на выставку».

Несмотря ни на что по завершении выставки были розданы награды — золотые и серебряные медали, похвальные листы. Похвальные листы получил и Якубовский за свою обувь, и Блинов — за посуду. Логика здесь была простая: комитет считал, что многие местные изделия «хотя и уступают по качеству» привозным, «хотя и далеки от совершенства», зато дешевы и потому доступны «бедному классу населения». Бедность населения оправдывала в глазах

купцов низкое качество товара, позволяла им выпускать такой товар постоянно.

Справедливости ради следует отметить, что были на выставке и хорошие изделия — образцы типографского, литографского и переплетного искусства с предприятий упомянутого уже К. Я. Блинова, продукция металлургических заводов.

К чести вятских купцов можно сказать, что они умели воспользоваться благоприятной ситуацией. На протяжении всего столетия успешно использовали выгодное географическое положение купцы Сарапула и Елабуги. В первой половине XIX в. значительная часть хлебной торговли края шла к Архангельску, и ею с успехом занимались купцы Вятки, Орлова и Слободского. Именно тогда обрели капиталы, известность и почет Машковцевы, Аршауловы, Репины, Рязанцевы, Прозоровы, Синцовы, Изергины, Булычевы, Анфилатов, Косаревы, Платуновы и некоторые другие.

С 60-х гг., с развитием пароходства на Вятке, Каме и Волге, выгоднее стало вывозить хлеб на запад — в Рыбинск и Петербург. Хлебная торговля Вятки, Орлова и Слободского почти прекратилась — крестьяне перестали подвозить хлеб в эти города. Дела пошли все хуже. В 1895 г. купцы жаловались, что торговля в Вятке «вот уже тридцать с лишком лет, как имеет наклонность к упадку». Самые деятельные и удачливые вятские купцы стали уезжать в столицы и другие города. В Орлове в связи с этим озаботились образованием, способным дать средства к жизни. В Слободском переключились на другие занятия — преимущественно на кожевенное и шубное производства. В Вятке тоже попробовали это сделать, но «медленность оборота капитала в заводском деле» не устраивала здешних купцов.

Конечно, и во второй половине XIX в. в губернии были крупные предприниматели — Т. Ф. Булычев, Я. Ф. Тырышкин, П. Ф. Савинцев в Вятке, И. В. Александров и И. Т. Вахрушев в Слободском, Стахеевы в Елабуге... Однако для подъема хозяйства всего края их деятельности было недостаточно.

Вятский старожил К. И. Клепиков, бывший купцом, но уже отошедший от дел, вспоминал: «Вятские потомственные и почетные граждане, купцы и купчихи в торжественные и праздничные дни ездили в каретах и на четверках с фореитором и лакеем». Он сокрушался, что «в настоящее время ничего подобного нет». Надежды же возлагал на приезд предприимчивых людей со стороны. В опубликованных в 1900 г. заметках Клепиков прямо писал: «Господа коммерсанты-капиталисты, приезжайте в Вятку строить фабрики и заводы: сырых матерьялов в Вятской губернии много, рабочие руки дешевы». Сами вятские жители этим воспользоваться не хотели, зато предвкушали блага от приезда господ коммерсантов: домовладельцы получают хорошие доходы от недвижимости, город и

казна — доходы от налогов. Ничем особенным рисковать и утруждать себя в этом случае вятским купцам не понадобилось бы, зато появились бы средства, позволяющие городу воспользоваться благами цивилизации, тем, что купцы называли «удобствами жизни» — водопроводом, телефоном, электрическим освещением.

Помимо занятий торговлей и промышленностью, купечество имело возможность — и это поощрялось властями — вести общественную деятельность в установленных рамках. Она проходила в двух формах — служба по выборам и благотворительность.

Выборные должности, которые могли занимать купцы, были более и менее престижные. К первым относились должности городского головы, членов управы городской Думы, директора общественного банка и членов правления банка, купеческого старосты. Менее почетным считалось избрание в члены разного рода ревизионных комиссий, в гласные городской Думы.

На должности смотрели, с одной стороны, как на помеху в ведении собственных коммерческих дел. Чтобы компенсировать ущерб от исполнения должности, было установлено жалованье для занятых на престижных должностях. С другой стороны, в пребывании на должности видели способ утвердиться в общественном мнении и в собственных глазах. Купец 2 гильдии Жирухин говорил, например, что был земским гласным, состоит гласным в Думе, был членом и стал председателем думской подготовительной комиссии, в связи с чем «смеет думать, что пользуется общественным доверием». Поэтому купцы 2 гильдии от должностей не отказывались, а иногда и сами заявляли о своем желании баллотироваться на должность. О том, как ревниво относились к избранию на должности купцы, свидетельствует их явка на заседания Думы. Когда происходили выборы, она была почти стопроцентной, в то время как на обычные заседания порой приходило не более трети гласных.

Купцы I гильдии к должностям не стремились — их положение и без должности, без жалованья было внушительным.

Что касается исполнения обязанностей, возлагавшихся по должности, к этому относились по-разному — и ответственно, и не очень. Гласные Вятской городской Думы, сравнивая работу своей управы с работой управы Вятского уездного земства, говорили, что в земстве «у членов управы обязанностей в 20, в 30 раз больше противу городской управы, но земская управа управляется с ними». В другой раз они же признавали, что многие постановления Думы членами городской управы теряются в массе бумаг, забываются и потому не исполняются.

Были и такие должности, которые человек принимал, имея в виду обрести с их помощью желаемый статус, а потом стремился от них избавиться. Я. Ф. Тырышкин, в дальнейшем второй по значению пароходоуправитель на Вятке, а тогда еще крестьянин,

готовясь стать купцом, заведовал военно-конским участком. В 1879 г. он с сыном, пятью дочерьми и женой был причислен к сословию купцов, после чего от хлопотной и непрестижной должности отказался.

Благотворительность была широко распространена в пореформенное время, и занимались ею преимущественно купцы, как люди, располагающие средствами.

Размеры пожертвований были разнообразными — от десятков рублей до сотен тысяч. Кроме денег и ценных бумаг, жертвовали здания. Перед отъездом в Петербург Я. А. Прозоров пожертвовал городу Вятке квартал домов на нижней торговой площади с основным домом на ул. Спасской и еще 4 каменных дома. П. П. Клабуков, купец I гильдии, пожертвовал 3-этажный дом на углу улиц Владимирской (ныне ул. К. Маркса) и Морозовской (ул. Р. Люксембург) под благотворительные учреждения. В уездах тоже бывали значительные пожертвования. Елабужский потомственный почетный гражданин Д. И. Стахеев, например, завещал городу более 700 тыс. руб., а также каменный гостиный двор, каменные и деревянные торговые лавки, водопровод.

Назначения денежных пожертвований определялись возможностями и симпатиями купцов — жертвовали на богадельни и приюты, на пособия девушкам бедного состояния при выходе замуж, на городской водопровод, на ремесленную школу, на стипендии бедным и способным ученикам городского училища, на открытие общественного банка.

Для жертвователей благотворительность имела ряд привлекательных моментов. Во-первых, это было богоугодное дело. Во-вторых, таким образом можно было оставить память о себе — богадельни, приюты, банки и прочие заведения получали имена основателей. В-третьих, крупные пожертвования готовили «почву» для предусмотренных человеком дальнейших шагов. Так, крестьянин И. Т. Вахрушев пожертвовал в 1891 г. 1000 руб. в пользу ремесленной школы, а затем просил принять его в купеческое общество Слободского.

Наряду с добровольной существовала и своего рода принудительная благотворительность — купцов включали в попечительские советы учебных и богоугодных заведений, рассчитывая на «некоторое материальное содействие».

Перемены, происходившие в России в результате реформ, заставляли купцов по-новому относиться к проблемам образования. Во-первых, они поняли, что образование дает средства к жизни, едва ли не более надежные, чем коммерческая деятельность. Во-вторых, убедились в том, что для успешного занятия коммерцией им нужны квалифицированные служащие и рабочие.

В 70—90-е гг. вятские купцы не только стремились учить

своих детей в гимназиях, но и посылали их в высшие учебные заведения чаще, чем прежде. Заботились они и об образовании детей низших сословий, которое давало бы специальность. В некоторых начальных школах еще в 70-е гг. вводилось преподавание ремесел. К 90-м гг. купцы стали ассигновать средства на городские училища, представлявшие собой промежуточную ступень между начальным и средним образованием. В середине 90-х гг. городские училища признавались уже не отвечающими потребностям населения, так как «ученик по окончании курса обречен на канцелярскую службу, а к торгово-промышленной деятельности является недостаточно подготовленным». Чтобы устранить этот недостаток, в городских училищах вводилось преподавание бухгалтерского учета, рисования, черчения.

Отношение купцов к образованию в целом носило утилитарный характер — от него ожидали непосредственной практической пользы. Затрачивая значительные средства на учебные заведения, купцы воздерживались от расходов на музеи, библиотеки, театры, хотя и признавали их полезность. Удивительно, что при столь прагматичном подходе к знаниям, купцы-читатели брали в библиотеках журналы и беллетристику. Книг по экономике, сельскому хозяйству, правоведению, географии они не читали, вероятно, полагая, что специальные знания нужны служащим, а не хозяевам.

Под влиянием реформ в России изменялся характер общественных связей — активизирующая деловая жизнь способствовала сближению сословий если не в правах, то в общении. В целом можно отметить, что на уровне личностных контактов (в семье, в дружеском кругу) сословные различия сами по себе значения не имели — важен был уровень культуры. Сарапульские купцы, например, говорили, что культура облегчает отношения между людьми. Образованный купец был вполне равен образованному дворянину. Недостаток же образования, наоборот, сближал купца с крестьянами и мещанами.

Если личностных контактов не было, в расчет неизбежно принимались устоявшиеся представления об «образе» сословия в официально установленной структуре общества. Первое место в ней отводилось дворянам и чиновникам, далее шли купцы и почетные граждане. Поскольку в Вятской губернии дворян и чиновников было мало, именно купцы составляли верхний слой общества. Правда, либеральное чиновничество не скрывало своего прониженного отношения к купцам, говоря чаще всего «о тех невинных проделках, без которых, к сожалению, до сих пор немыслима провинциальная русская торговля».

Ниже купцов стояли мещане. К ним купцы относились достаточно сочувственно. Когда в думах обсуждались вопросы о взывании недоимок, купцы предлагали делать это «по возможно-

сти», так как большинство недоимщиков — мещане, и взыскание недоимок «должно окончательно привести их к разорению». Такого рода предложения диктовались расчетом — разорившийся мещанин вообще переставал платить налоги, начинал просить пособия, место в богадельне. Но играло роль, вероятно, и то, что перспектива стать мещанином была у каждого купца. Мещан выбирали в члены управы, иногда — городским головой, в правление банка, на другие должности.

Крестьяне в восприятии купцов делились на две категории — живущих постоянно в городе и не живущих там. Последних считали «невзыскательными и простыми людьми», с ними ссорились из-за пригородных пастбищ, сборов за торговые места в городе. Яранские купцы жаловались: «С мужиком не скоро столкнешься: то у него нет денег, то он, хозяин продаваемых предметов, говорит, что хозяина нет и он оставлен только для охраны, то сбежит в сторону от воза...» На «негородских» крестьян купцы смотрели свысока. «Бывали собрания с такими порядками, какие можно встретить только на сельском сходе», — писали о некоторых заседаниях своей Думы елабужские купцы. Но в то же время купцы охотно заключали с такими крестьянами контракты и арендные договоры, некоторых привлекали в качестве доверенных по своим торговым делам.

Крестьяне, постоянно живущие в городе, а тем более имеющие недвижимую собственность, признавались полноправными членами городского общества. Их могли избрать в ревизионную комиссию Думы, в члены учетного комитета.

Резкая грань проходила в сознании купечества между всеми прочими городскими сословиями с одной стороны, и «чернорабочими и низшим классом — пролетариями», с другой. Были отдельные владельцы заводов, которые заботились о своих постоянных рабочих, как, например, К. Я. Ушков (если верить его сыну). Большинство же купцов не сознавало, что забота о рабочих — это забота о собственном благополучии.

Не менее важным было в сознании купечества деление людей на богатый, средний и бедный «классы», не вполне совпадавшее с сословным делением, но отражавшее складывавшиеся в ходе реформ новые реалии жизни. К таковым в первую очередь, безусловно, следует отнести существенные изменения в социальном положении и статусе крестьянства.

Ожидая реформу, крестьяне хотели, чтобы был сохранен «старый порядок вещей за вычетом старых господ». При крепостном праве помещик, озабоченный благополучием собственной семьи и будущим своих детей, не мог допустить разорения своих крестьян. Разными способами, гуманными и совсем негуманными, помещики поддерживали хозяйства крестьян на определенном уровне, ограж-

дали их от контактов с внешним миром, некоторые устраивали школы, лечили своих крестьян. Все это сопровождалось телесными наказаниями, вмешательством помещиков в личную жизнь крестьян. Реформа «вычла» их личную зависимость, но вместе с ней и какую бы то ни было ответственность помещика за них. Жизнь удельных и государственных крестьян до реформы 60-х гг. контролировалась чиновниками. Контроль этот не был столь плотным, как над помещичьими крестьянами, но его тоже отменили.

«Старый порядок вещей», вопреки надеждам крестьян, был нарушен в главном — в пользовании помещичьих крестьян оказалось земли меньше, чем было до реформы.

Крестьянам, вышедшим из крепостной зависимости, предоставлялось право заниматься ремеслами и торговлей, открывать и содержать фабрики и заводы, заключать подряды и арендные договоры, перечисляться в другие общества и сословия, поступать в военную службу, отдавать своих детей в общие учебные заведения, поступать на службу «по учебной, ученой и межевой частям». Но воспользоваться всем этим можно было только с согласия сельского общества.

Несколько сельских обществ составляли волость. На волостном сходе избирали волостного старшину и волостных судей. Волостное начальство должно было следить за порядком в волости; оно могло подвергать крестьян аресту на срок до 7 дней, назначению на общественные работы до 6 дней, штрафу до 3 руб., наказанию розгами до 20 ударов.

Своеобразная отработочная система после реформы распространилась и в среде бывших удельных и государственных крестьян. Она применялась у них в порядке благодарения за займы, сделанные у крестьян же «по-соседски», то есть без процентов. Такая работа оплачивалась, но элемент принудительности в ней был — отказаться, если кредитор зовет должника на работу, было невозможно. Эта система широко практиковалась среди однодеревенцев. В Елабужском уезде, например, в 80-е гг. «по-соседски» трудилось более 80% нанимаемых работников. Чисто деловые, экономические отношения — получил в долг, вернул его и отработал за то, что тебя выручили, — осложнялись еще и внеэкономическими, личностными. Должник, считалось, если он получил займы «по-соседски», обязан это «не только понимать, но и помнить» и «помнить не на словах только, а и на самом деле». То есть угощать заимодавца стаканчиком или величать его своим благодетелем.

Даже в тех случаях, когда крестьяне нанимались на работу на стороне, их труд часто приобретал подневольный характер. Наниматели, пользуясь безвыходным положением крестьянина, назначали плату за работу в зависимости от нужды нанимавшегося, а не от количества и качества предстоящего труда. Так, если крестьянин

приходил брать работу в начале осени (осенью собирали подати) и сразу просил задаток (для уплаты податей, так как в случае неуплаты власти могли описать и конфисковать имущество), то плата значительно уменьшалась. Если же брал работу в середине осени — плата увеличивалась. Несправедливая оценка труда и необходимость мириться с ней не делали труд привлекательным. Практиковалась и такая система найма работников, при которой размер заработка определялся в волостном правлении без участия крестьянина, и тот, кто нанимал его на работу, вносил деньги в правление в счет уплаты податей. Крестьянин своим заработком не распоряжался, а работать должен был.

Отношение к труду определялось не только отвращением к принуждению, но и стремлением «не высовываться» с хорошей работой на себя в рамках общества. Крестьянская община была связана круговой порукой в деле уплаты податей. За бедных общинников заплатить подати должны были зажиточные. Им передавали наделы тех, кто давно покинул деревню, чтобы подати с общины поступали исправно. Хорошо, если земля была добрая и хватало в семействе зажиточного крестьянина рабочих рук и лошадей для обработки дополнительной земли (рабочий мужчина в течение лета при трехпольной системе мог обработать не более 10 десятин земли). Но известны случаи, когда община буквально навязывала крестьянину лишний надел с плохой землей.

Возникали проблемы и в пределах крестьянской семьи. В большой семье трудовой вклад старшего брата в хозяйство, естественно, оказывался наибольшим — он начинал работать, когда младшие братья были маленькими. Бывало, что и дети старшего брата включались в работу, но в случае раздела имущество делилось поровну между братьями, то есть не пропорционально их участию в хозяйстве семьи. «Работай на семью, кати камень в гору, спотыкнешься — упадет, тебя же придавит», — говорили вятские крестьяне. Они признавали, что «в большой семье безпример лучше робить», но, вместе с тем говорили: «Не приведи Бог никому жить в большой семье», поясняя, что «в большой семье жить — надо много ума и сноровки».

Диктуемая жизнью традиция «не высовываться» в работе получила закрепление в формуле, которой отцы напутствовали отделившихся сыновей: «Хозяйство налаживайте добрым порядком. За многим не гонитесь, а что вам надо — блюдите».

Принцип «за многим не гонитесь», приемлемый в феодальную эпоху и не пригодный для капитализма, тормозил внедрение в жизнь даже того, что не требовало от крестьян больших затрат и усилий. Стремясь помочь крестьянам увеличить доходность их хозяйств, Уржумское земство построило в Шурме маслодельню. Она бездействовала от недостатка сырья. «Носили бы молоко, —

говорили крестьяне, — но соседи засмеются: вот как обеднел, уже молоком торгует». Они еще опасались и того, что от продажи молока «испортятся» коровы, и не хотели рисковать. Только в отдельных местностях, например, в части Нолинского уезда, каким-то образом возникала у крестьян готовность к новациям. Там жители стали разводить огурцы, от продажи которых выручали «в пять раз больше затраченного капитала». Но и риск был велик — один сильный иней мог погубить весь урожай.

Риск сопровождал все — и продажу молока, и выращивание огурцов, и применение лучших орудий труда. Новое, однако, все же внедрялось в жизнь. Темпы внедрения новых орудий обработки почвы уловили вятские статистики в 1880-е гг. 40 лет назад, отметили они, в Малмыжском уезде вотская соха сменилась вотско-русской, 20 лет назад русская соха сменила вотско-русскую. Теперь русская соха начинает сменяться лемехом, зажиточные крестьяне помышляют уже о косуле. «Казалось бы, — писали статистики, — что землелашцу всего удобнее и даже выгоднее перейти от употребления вотской сохи прямо к косуле.... Но практика жизни и свойства человеческой природы таковы, что требуют всегда и во всем последовательности и постепенности». Практика жизни, между прочим, показывала и то, что в урожайные годы цены на хлеб из-за его обилия падают, а применение более совершенных орудий способствует росту урожайности.

Принцип «за многим не гониться» у разных крестьян означал, разумеется, разное. Хозяйство одного зажиточного крестьянина из Елабужского уезда, в семье которого было 4 взрослых и 2 малолетних, включало в себя 2 жилые избы, соединенные крышами с 2 клетями, 1 скотную избу, 6 хлебов — 1 овечий, 1 свиной, 2 для лошадей и 2 для коров, 2 амбара, 1 «коретник», 1 поветь для сохранения сена и соломы, 1 навес для постановки под ним экипажей и склада лесных материалов, 1 ямный овин, 1 крытый ток. Пашни в этом хозяйстве было 16,2 дес., сенокоса — 2,8 дес., выгона — 0,5 дес., леса — 7,6 дес. Еще 16,5 дес. пахотной и сенокосной земли крестьянин арендовал у помещика. Было в хозяйстве 7 коров, 12 овец, 10 свиней и 4 рабочие лошади, а также 99 предметов «мертвого» инвентаря, в том числе сабанов (однолемешных сох) — 3, телег — 8, борон железных — 2, литовок — 6.

Изба другого, тоже зажиточного, вятского крестьянина, выглядела так: «Старинный киот с образами, русская печка с кожухом, что бывает не у каждого, а пол был устлан свежей соломой; на перегородке красовалось зеркало достаточной величины с перекинутым через него узорчатым полотенцем; на лавках, за раскрашенным столом, были два расписных войлока макарьевской работы... На лавках и полках безукоризненно расставлено было множество... предметов, необходимых в крестьянской экономии». По данным

вятских статистиков, дворов с тремя и более лошадьми, которые можно отнести к зажиточным, в 1880—90-е гг. было чуть более 10%, почти 18% дворов принадлежало безлошадной бедноте, остальные — середняки — имели по 1 (46,7% дворов) или 2 (24,7% дворов) лошади.

У середняков, положение которых зависело от урожая в каждый конкретный год и потому не было устойчивым, «за многим не гонитесь» означало увеличение скота в хозяйстве, если год был урожайным. Затем, если средства позволяли, они строились, чтобы «поспособнее да почаше жить». И если еще были средства, нанимали работника, «чтобы не всякое место свой хребет гнуть». Если же урожай был не очень удачный, они «переводили» лишнюю скотину в хозяйстве, затем продавали какие-нибудь постройки. Если и этого не хватало, чтобы прожить год, шли «свой хребет гнуть» уже не в своем хозяйстве, а на стороне — на заработках. Работнику отказывали в первую очередь.

У бедноты мечты были еще скромнее. Бедняк мечтал: «Кабе был я богат, все бы кашу с маслом ел». Не разделяя крестьян на бедноту и середняков, А. П. Батуев, председатель губернской земской управы, 100 лет назад говорил о вятском крестьянине: «Он сокращает, в случае надобности, свои потребности до такой ничтожной величины, о которой не может и подумать, например, американский рабочий». Но даже и русский рабочий на сравнительно крупном промышленном предприятии имел тогда доход почти вдвое больший, чем средняя крестьянская семья, работающая со своего надела.

Принцип «за многим не гонитесь» соответствовал у крестьян их, мягко говоря, сдержанному отношению к работе. Но были ситуации в жизни, когда умение хорошо работать ценилось весьма высоко и его демонстрировали. В первую очередь умения хорошо работать ожидали от женщин. Засватав невесту, родственники и знакомые, писал знаток жизни вятских крестьян, первым делом спрашивали: «Какова девка-то? дюжа ли?» На свадьбе прославляли трудовые навыки невесты в песне, например: «Ты у нас тонко пряла, бело белила, звонко колотила...»

Весело и хорошо трудились крестьяне, когда устраивались «помочи». В пользу вдов и сирот они были безвозмездными, в остальных случаях их проводили за угощение. На «помочи» охотно шла молодежь, шла принарядившись. В работе участники «помочей» соревновались друг с другом, лестно было заслужить похвалу общества за хорошую работу. После ужина, которым завершались «помочи», начинались песни и пляски, продолжавшиеся иногда до полуночи.

Хотя «помочи» устраивали достаточно часто, праздником труд для крестьян не становился. Более того, они были убеждены,

что настоящий труд должен быть тяжелым, изнурительным. «Крестьяне не говорят: научился работать, пахать и прочее, нет, они говорят: вытерпит всякую работу», — заметил интеллигент, некоторое время бывший сельскохозяйственным рабочим. «Нет измощения, так не берись за христьянство», — говорили вятские крестьяне. Готовность выдержать тяжелый труд составляла предмет гордости. Считалось, что быть писарем, приказчиком, купцом, учителем, врачом — занятие несравнимо легкое, чем быть земледельцем. В расчет принимались только физические усилия, умственный труд трудом не считался.

Довольно своеобразным было отношение вятских крестьян к деньгам. Приобрести их побольше они не особенно стремились. И не только потому, что, как говорится, «всех денег не заработаешь». Воплощением богатства в глазах крестьян являлся хлеб. Переводить его на деньги считалось недопустимым. Если оставался в хозяйстве среднего крестьянина хлеб, его хранили необмолоченным в поле или обмолоченным — дома. Были крестьяне, у которых скирды стояли в поле по несколько лет. Продавали хлеб или богатые крестьяне (излишки, предназначенные специально для продажи) или бедные (урезая свои потребности ради уплаты податей). Излишки давали займы «по-суседски».

Если же у крестьян все-таки появлялись деньги, их в пореформенный период хранили дома — в зерне, в старой одежде, в стенах домов. Кредитным учреждениям деньги не доверяли, несмотря на разъяснения и призывы властей, особенно в 70-е и 80-е гг.

Полной противоположностью реальной жизни крестьян были их мечты о «стране Беловодье», о местах, «где земля не делена, где трава и хлебы стена-стеной, где зерно такое крупное, словно и не рожь».

Если отношение к труду и стилю ведения хозяйства у вятских крестьян в пореформенный период почти не изменилось, то в отношении к образованию и культуре перемены были заметными. В 60-е гг. крестьяне неохотно отдавали своих детей в школы, полагая, что если все станут грамотными, то некому будет работать. Они даже давали взятки волостным писарям, чтобы те не записывали их детей в училища. Было, следовательно, представление о грамотности и крестьянском труде как о вещах, взаимно исключających друг друга, и предпочтение отдавалось труду. Со временем появилось стремление учить детей. Земские школы, число которых непрерывно росло, не могли вместить всех желающих. Земским учителям, объяснявшим отказ принять крестьянского мальчика в школу отсутствием в ней мест, родители говорили, что принесут свой стол и скамью, только бы приняли сына в школу.

Отчасти перемена в отношении к учебе была связана с

введением всеобщей воинской повинности. Играло роль и появившееся у родителей стремление избавить детей от нелегкого крестьянского труда. Образование и крестьянствование по-прежнему считались несовместимыми. Но если в 60-е гг. по этой причине образование отвергалось, то к концу столетия оно использовалось как повод для ухода из деревни. Ее покидали даже выпускники земских сельскохозяйственных школ.

Если была возможность, крестьяне посылали детей продолжать образование в Казанское низшее техническое, Костромское химико-техническое, Нижегородское речное училища. Дети крестьян учились в прогимназиях в уездных городах, в мужской и женской гимназиях в Вятке. Использовали крестьяне и стипендии, учрежденные вятским земством для получения их детьми высшего образования. Тяга к образованию, обнаружившаяся во всех слоях русского общества во второй половине XIX в., была свойственна и вятским крестьянам, хотя масса их по-прежнему оставалась неграмотной.

Отношение к образованию носило утилитарный характер. Однако одновременно у крестьян формировался интерес к чтению. К концу столетия в вятской деревне стали распространяться библиотеки. Много помогало этому земство, но и сами крестьяне покупали книги. По данным земской статистики, в Нолинском уезде в 80-е гг. у крестьян в 8883 дворах имелось более 34 тысяч книг. Безусловно, преобладали книги религиозного содержания. В числе же светских первое место занимали сказки и песенники (781 экз.), затем — повести и рассказы (677 экз.), исторические книги (306 экз.). Значительно меньший интерес вызывали у крестьян книги по сельскому хозяйству (35 экз.) и по экономике (10 экз.). Практике крестьяне явно доверяли больше, чем науке. Азбук и учебников в руках у крестьян насчитывалось 1390 экз. В Орловском уезде у крестьян было 17.133 книги, в том числе у крестьянина З. Мошкина — 120 книг, М. Ковязина — 96, Я. Ожегова — 81, П. Савиных — 64.

Беллетристика составляла более половины всех книг, которые брали в библиотеках крестьяне. Особенно любили они Майн-Рида, Ж. Верна, Диккенса, Гоголя, Л. Толстого, Никитина, Лажечникова, Тургенева. Вместе с тем отмечалось очень большое распространение в крестьянской среде лубочных изданий. Лубочная книжка, писал в 1883 г. земский учитель Н. М. Васнецов, «не может вытесниться. Она пахнет своим, русским, деревенским духом, и по вкусу и по карману черному люду».

Жизнь крестьян, приписанных к определенной общине, выход из которой был затруднителен, требовала от них умения поддерживать ровные отношения с соседями. Не покидали крестьяне общину и потому, что свой «мир» они воспринимали как защитника

от властей, помещиков, других общин. Определяющей поведение человека в общине чертой становилась уступчивость. Опасаясь более всего давать ненадежным людям деньги в долг, крестьяне все же старались не отказывать в кредите, «чтобы отказом не обидеть человека, не сделать его себе недругом». При этом надеялись, что не вернувший долг сосед в другой раз с просьбой не придет. Себя, чтобы не разгорелся конфликт, в случаях невозвращения долга утешали словами «мое пред Богом не пропадет». Считалось вместе с тем, что уступчивость не должна быть безграничной. Отношения с соседями старались строить так, «чтобы и человеку-то сноровить, да и себе чтобы мало-малком не без выгоды же было».

Несмотря на готовность к уступкам, крестьяне все же не могли полностью избежать конфликтов, разбирательство по которым порой доходило до волостных судов. Постановления судами принимались, «по человеку глядя», то есть с учетом его хозяйственных и нравственных качеств. Судили, таким образом, не поступок, а личность, отчего решения далеко не всегда оказывались справедливыми. С ними смирялись, полагая, что «против целого общества идти нельзя».

Строго следила община за тем, чтобы каждый ее член «знал свое место» и не совершал поступков, не соответствующих его положению в обществе. Если, например, кто-либо из бедняков заводил на последние деньги хорошую одежду, его осуждали и богачи, и бедняки, и он оказывался в полной изоляции.

Несмотря на значительный «террор» среды, возможность для выделения личности в общине не исключалась. Крестьянами ценились люди, обладавшие навыками исполнения необычных обязанностей, — знатока заповедей народного календаря, дружки, балагура, «стиховодницы» на свадьбе, «мирской няни», ухаживающей за больными, бабки-повитухи, толковательницы снов, сказителя, крестьянина-праведника. Пользовались в губернии почетом «косные» — песенники-гребцы на лодках. Была возможность выделиться человеку «бывалому», многое повидавшему на чужой стороне. «Любите, девушки, солдатиков, и надо их любить: образованные люди, знают, что поговорить», — пелось в одной частушке. Кстати, способность сочинять частушки, получившие в конце столетия признание у деревенской молодежи, тоже возвышала человека в глазах окружающих.

Особую группу деревенских жителей составляли «горланы», «мироеды», «коштаны». Так называли в пореформенной деревне людей, активных на сходках. Тогда эти названия не обозначали обязательной принадлежности к богатым. И если в источниках встречаются сообщения, что должности по крестьянскому управлению занимали мироеды, это не значит, что имеются в виду сельские богачи. Власти с сожалением отмечали, что они «всеми мерами

стараятся избегать выбора на должности старшин и старост». Средние крестьяне обычно тоже не стремились получить должность, так как связанные с нею обязанности отвлекали человека от хозяйства. Впрочем, в отношении к должности основную роль играл характер человека, а не его состоятельность.

В ситуациях, позволяющих выбирать линию поведения, крестьяне предпочитали строгость. «Вища нема, да дает ума», — была поговорка. Считалось, что «ребят строгостью не заучишь». Необходимой признавалась строгость в обращении с работниками: «Держи рабочих крепче, а то распустишь нюни, так они и сядут на шею».

Если отношения внутри общины были ориентированы на недопущение конфликтов, то отношения с членами соседних общин могли иногда принимать острую форму. Поводом для резких столкновений с жителями другой деревни чаще всего были споры о земле, в ходе которых дело могло дойти до кольев, топоров, стрельбы из ружей. Но и помощь жителям соседних селений крестьяне готовы были оказать.

Свою обособленность от других сословий крестьяне хорошо сознавали и относились ко всем чужим с недоверием.

Местные власти, как и во время реформ, признавали единственно возможным в общении с крестьянами угрозы и силу. Правительство не одобряло такие чрезмерные строгости, так как они нередко вызывали ответную реакцию крестьян. Но злоупотребления властей часто проходили безнаказанными, а так как угрозами и насилием действовать проще, чем убеждением, власти широко их применяли. Поэтому в повседневной жизни крестьяне уклонялись от добровольного, без крайней нужды, сношения с властями.

В пореформенный период в деревне появились новые люди, сначала земские служащие — учителя, врачи, агрономы, ветеринары, позднее — исследователи, фольклористы, этнографы. Они убеждением склоняли крестьян к принятию новшеств. Вначале к этим людям крестьяне относились с недоверием. Если польза, приносимая ими, становилась, однако, очевидной, то шли на сближение. В противном же случае от общения с ними старались уклониться. Ветеринары часто жаловались на то, что крестьяне скрывают сведения о начале заболевания скота, отчего трудно вести борьбу с эпизоотиями. У медиков были трудности с организацией оспопрививания, родовспоможения.

В случаях, когда у крестьян возникали подозрения, а уклониться от общения не удавалось, они хитрили. Этнограф, побывавший в Сарапульском уезде, жаловался, что не мог получить точных ответов на вопросы о хозяйстве крестьян. Ему говорили, что засевают хлебом «сколько проворство берет», собирают — «сколько Бог дал», собранный хлеб не учитывают: «сколько ни собрали, Бог велит — все наше будет». Вятские земские статистики, однако,

заметили, что крестьяне всегда охотно сообщали точные сведения о хозяйстве соседей, и пользовались этим, обходясь без нажима при своих обследованиях. Настойчивость в сборе точных данных могла вызвать даже крестьянские волнения. Они были в губернии во время проведения первой Всероссийской переписи.

Реформы 60-х — начала 70-х гг. XIX века, разделившие его на дореформенный и пореформенный период, обозначили переход России к капитализму.

Капитализм, крайне необходимый стране, «строился» трудно и медленно, особенно в первые два пореформенных десятилетия. Новый строй требовал от людей предприимчивости, деловитости, знаний, умения преодолевать препятствия, готовности к риску. Все эти качества особенно нужны были в хозяйственной деятельности. Но люди, выросшие при феодализме, в большинстве своем ими не обладали. Принцип «за многим не гонитесь» исповедовали, в сущности, не только крестьяне, но и купцы. Помещики, кстати, думали так же. Они считали, что их цель — полученное от родителей передать в целости и сохранности детям.

Вятские люди осмотрительно и осторожно включались в ускоряющийся исторический процесс.

В. Д. СЕРГЕЕВ

ВЯТСКИЕ РАЗНОЧИНЦЫ

Не хныкать!

Для того ли разночинцы
Рассохлые топтали сапоги,
чтоб я теперь их предал?

Осип Мандельштам.

ВЯТСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО ГЛАЗАМИ РАЗНОЧИННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

В земских изданиях широко освещалось положение вятского крестьянства. Эта тема стала ведущей в исследованиях местных статистиков. Вот лишь одна выдержка из составленного Н. Н. Романовым «Статистического описания Орловского уезда Вятской губернии» (Вятка, 1876):

«Левинская волость, деревня Семеновская. Двор Т. Р. Кипрова. Семья из пяти человек: хозяин, его жена и трое детей (12, 8 и 4 лет). Никакого домашнего скота нет, в 1872 году после градобития продана последняя корова. Хозяин в прошлом году ушел

бурлачить и не возвращался, работает в Рыбинске, выслал однажды 10 рублей, в другой раз — 6 рублей на подати. Семья живет в маленькой полуразвалившейся лачуге, при которой нет никаких строений. Огород остался невспаханным. В прошлом году хозяйка еще могла посеять 6 пуд. ржи, весной посеяла 5 пуд. овса, 1/2 пуд. ячменя и 10 фунтов льну. Дети постоянно сбирают, мать ткет холст и по мере возможности покупает муку фунтами. Семья питается одним хлебом, без всякого приварка, молока нет, квас не варится уже третий год...»

Такое же положение статистик Романов застал и во многих других избах. Были, конечно, и благополучные крестьянские хозяйства, но разночинная интеллигенция, а особенно учащаяся молодежь, горячо сочувствовала крестьянам, читая именно подобные статистические свидетельства. Не могли не впечатлять и подсчеты Н. А. Спасского: «В Вятской губернии в первом периоде младенческого возраста существует непомерная смертность, так что из 1000 родившихся младенцев мужского пола по истечении года остается в живых только 593...»

Впечатлялись демократические читатели и эпизодами о сборах податей. В. Я. Заволжский вычислил: «На душу приходится менее одной лошади и коровы, потому что вторая лошадь и корова, если бы были, — давно пошли бы на уплату податей и сборов». Он же привел такой диалог:

«— Как же у вас собирают подати, — спрашиваю у волостного писаря, — продаете имущество?»

— Если есть корова, лошадь, — продаем, а то ведь и продать нечего.

— А дом?

— Дом никто не купит, а то продали бы... Единственным способом остается порка».

Увы, к таким «исправительным мерам» власти прибегали часто. В 1875 году за неплатеж в Кайгородской волости подвергли телесным наказаниям 1329 крестьян, т. е. перепороли почти все взрослое мужское население. В Орлове в базарные дни низшие полицейские чины отлавливали неплательщиков, приехавших на базар из деревень, и подвергали их порке.

И все же образ вятского крестьянина в восприятии интеллигенции не исчерпывался только этими сторонами. Силен был вольный дух вятчанина, не ведавшего крепостного права. Поэтому интеллигенции представлялся не забитый беспросветной жизнью человек, а, напротив, сильный, закаленный в борьбе с природой. Правда, зачастую такие видения являлись не реальностью, а пожеланием. И тем не менее выстроенный образ имел жизненную основу. Еще А. И. Герцену местные русские крестьяне напоминали «самобытных» и «независимых» швейцарцев.

Интересно свидетельство преподавателя, журналиста и публициста М. Л. Песковского, который одно время преподавал в Вятском земском училище: «Вятский крестьянин, если нужда не загнала его в угол, сметлив, расторопен, изобретателен; он непринужденно и с достоинством держится в отношении «сюртучного люда», т. е. тех, кого называли нарицательным именем «барин». Он здороваются не иначе как за руку, не трется у порога и преспокойно садится, если замешкаются предложить ему стул».

В вятских крестьянах, по образному выражению В. Г. Короленко, никогда не затухали искорки непосредственной даровитости. «Вятских... везде можно было встретить, — с гордостью и доброй улыбкой писал о них автор «Вятских записок» Всеволод Лебедев, — и по Сибири, и в Москве над улицей — на лесах — висят вятские. А в квартирах кто печь кладет? — Тот же вятский... И оттого знали вятскую мебель, вятскую печную кладку. Если похвалить что-нибудь хотят, говорят: «Это вятская работа». Осталась в доме вятская работа — и все на нее любят. А где же сам вятский? А он уж с топориком да с пилой идет по Костромской губернии, и просится у бабы переночевать и врет ей, что он богомолец, что он хорошего нрава. Вятские такой народ!»

Еще до отмены крепостного права П. В. Алабин, отдавший много сил и энергии просветительской работе, писал о вятских крестьянах: «Народ здесь в высшей степени любознательный, развитой, охотно учится, готов идти вперед, готов просветиться, готов покупать книги». Эти качества не могли не привлекать внимания местной интеллигенции.

Внимательно приглядывались вятские разночинцы-демократы к выступлениям крестьян. Вызывало интерес так называемое «калининское дело», которое слушалось в Вятке в 1875 году. Крестьяне починка Алешинский Филипповской волости Вятского уезда много лет тягались из-за земли с мещанином Калининым. Алешинцы проявляли необычайное упорство. По приказу губернатора полторы сотни солдат «навели порядок», забрав во время его поддержания себе на прокорм семнадцать коров и двести пудов хлеба.

В. Г. Короленко вспоминал, как во время его ссылки у крестьян отняли за недоимки коров. Но когда большое стало погнало в волость, мужики огромной толпой с дрекольем набросились на сотских, разогнали их, возвратив скот.

Летом 1877 года в Яранском уезде полиция задержала бывшего губернского секретаря Василия Сперанского. В деревенском трактире он распевал перед крестьянами крамольную песню, вышедшую из среды казанского студенчества, с призывом к борьбе за землю и волю. Можно понять чувства сочинителей песни, сострадавших крестьянам, погибшим при подавлении волнений в селе

Бездна. И все же как не вспомнить Пушкина: «Не приведи Бог видеть русский бунт — бессмысленный и беспощадный».

УЧЕНИКИ И УЧИТЕЛЯ

Годы учения были серьезным испытанием для разночинной молодежи. На рубеже 50—60-х годов Вятка, насчитывавшая около 15 тысяч жителей, имела три средних учебных заведения: мужскую гимназию, духовную семинарию и женскую гимназию (открылась в 1859 году). Затем, в 1863 году, начались занятия в епархиальном женском училище, а в 73-м — в земском училище для распространения сельскохозяйственных и технических знаний и подготовки учителей.

Далеко не все учащиеся дотягивали до конца учебы. Многолюдные классы гимназии в 35—40 человек при выпуске уменьшались до 10—15. Отсев происходил из-за низкого материального достатка семейств многих гимназистов. Малообеспеченные с трудом дотягивали до выпуска, прирабатывая репетиторством или утомительной перепиской бумаг. Некоторые учащиеся жили в тяжелых бытовых условиях, особенно плохо приходилось иногородним, вынужденным подчас снимать дешевые углы со столом от хозяев.

Нелегко приходилось и воспитанникам семинарии. Многие бурсаки буквально голодали, в отличие от обеспеченных, к которым в классы приходили продавцы с булками и иными вкусными вещами.

В предреформенные годы в учебных заведениях бытовали телесные наказания, да и позднее находились любители «солдатского режима», норовившие, несмотря на запрет, расправиться с неугодными.

Отношение учащихся к учебе было различным. Одни жадно впитывали все, что узнавали от знающих учителей, другие, напротив, относились к занятиям с прохладцей. Большая часть семинаристов всерьез помышляла о духовной стезе, однако находились и вольнодумцы. И все же открыто порывать с семинарией почти никто не рисковал. Некоторые по окончании учебы стремились получить светское образование, особенно притягивали естественные науки.

Существенно отличалось от других учебных заведений земское училище. Вот лишь один из отзывов о нем: «Это вятский университет, технологический институт, земледельческая академия и педагогический институт вместе». Если в гимназии преобладали дети дворянства и чиновников, а в семинариях дети духовенства, то в земском училище обучалось много крестьянских детей. Более

того, сюда переходили молодые люди из гимназии и семинарии в жажде обрести «практические знания». Училище снискало заслуженный авторитет, сюда приезжали учиться и из других губерний.

Преподаватели учебных заведений Вятки разнились и по умственным, и по человеческим качествам. На рубеже 50—60-х годов из 32 гимназических преподавателей 23 имели высшее образование. Большинство из них заканчивали Казанский университет, были и выпускники Главного педагогического института в Петербурге. В семинарии занятия вели выпускники духовных академий.

К сожалению, не все преподаватели соответствовали требованиям. Некоторые схоластически проводили занятия «от сих до сих». Не из-за таких ли горе-учителей сохранились следующие воспоминания: «Учителя были сухи и далеки от учеников, очень нуждавшихся в теплом, отеческом отношении к ним... Физически, умственно и нравственно меня гимназия терзала».

Н. А. Чарушин вспоминал о гимназических годах: «Что касается преподавателей, то среди них были у нас всякие. Были и совсем никчемные, которых мы не уважали, у которых не учились, над которыми нередко зло издевались. Были и такие, которых не любили, но уважали и у которых, как у толковых и знающих преподавателей, охотно учились. Но любимых и в то же время уважаемых преподавателей, оказывавших на нас благотворное влияние и способствовавших нашему развитию, было совсем мало — один-два, да и только! Мы не только учились у них, но и всегда особенно бережно относились к ним».

Несомненно, будущий «чайковец» относился в годы учения с таким уважением к учителю математики и физики Василию Петровичу Хватунову, учителю естествознания Николаю Федоровичу Шнейдеру, словеснику Виктору Павловичу Москвину, латинисту Алексею Ильичу Редникову, легендарному «Алехе», который проработал в гимназии тридцать лет.

Качественный уровень знаний вятских гимназистов отмечал Испытательный комитет Казанского университета, причисляя их к выпускникам лучших гимназий учебного округа.

«Пионеры гуманистической пропаганды» (выражение А. И. Герцена), появившиеся накануне «эпохи великих реформ», считали учащихся не «ослами» и «болванами», по выражению рутинистов, а друзьями, «младшими товарищами». Преподаватель математики Михаил Иванович Шемановский говорил: «Я — учитель, человек современный, с гуманным взглядом на воспитание». Входя в класс, преподаватель словесности в семинарии Александр Александрович Красовский, вежливо здоровался с учениками, обращаясь на «вы». Его товарищ, преподаватель истории в семинарии и гимназии Яков Григорьевич Рождественский не устал подчер-

кивать, что силы своих питомцев необходимо «вызывать на общее дело» служения народу.

Передовые учителя серьезно задумывались над проблемами обучения и воспитания. Шемановский, например, выступал по вопросам методики преподавания математики в «Журнале для воспитания». От всей души он помогал семинаристу Савватию Сычугову, занимаясь с ним математикой. Уже став студентом Московского университета, Сычугов «как святыню» берег два письма Шемановского. Когда Рождественский насовсем покинул Вятку, его бывшие ученики посылали в города, где он потом учительствовал, телеграммы ко дню его рождения.

«ВЕЗДЕ, ГДЕ ЕСТЬ ЛЮДИ...» (Политические ссыльные)

Само слово «Вятка» в прошлом было символом политической ссылки. «В Вятку его за лжемудрствование!» — иронизировал герценовский «Колокол».

Численность политических ссыльных в губернии на рубеже 50—60-х годов начала возрастать. Среди них оказывались участники студенческих волнений, причастные к нелегальным кружкам в Петербурге, Москве, университетских городах. Ссылались и крестьяне за отказ платить оброк и отбывать барщину до перехода на выкуп, за «превратные» толкования документов реформы. Особое внимание среди этих «подстрекателей» привлекают двое крестьян из села Бездна Казанской губернии — Александр Бехтев и Петр Чегодаев, участники волнений в этом селе, причем Бехтев получил ранения при расстреле крестьян 12 апреля 1861 года. В 70—80-х годах количество ссыльных увеличилось, среди них оказывались участники народнических кружков, политических процессов, члены «Северного союза русских рабочих».

Некоторые из ссыльных были хорошо известны в общественном движении — издатель и книгопродавец Ф. Ф. Павленков, народники В. Ф. Трощанский, братья Д. и Т. Франжоли. Среди ссыльных все чаще оказывались женщины — Софья Лаврова, Вера Рогачева, Мария Четвергова, Эвелина Улановская, Фекла Донецкая.

Жизнь в ссылке для многих оборачивалась суровыми испытаниями и горькими лишениями. Каждый из ссыльных мог бы сказать о себе словами В. Г. Короленко: «На мою долю выпало сомнительное счастье на собственной шее вынести замечательно полный и совершенно законченный цикл административных мероприятий».

Большинство ссыльных, люди небогатые, а часто просто-напросто бедные, терпели неустроенность и самую настоящую нищету. Находившиеся под полицейским надзором в уездных городах получали от казны по 15 коп. в сутки и по 20 коп. на квартиру в месяц. (В Вятке, правда, как в губернском городе, давали на квартиру больше — по 50 коп. в месяц). Особенно страдали обремененные семьями, если не приходила помощь от родных. Происходили трагедии — ссыльные, сломленные нищетой и безысходностью положения, покушались на самоубийство. Эту тревожную тему поднимала в 1877 году «Вятская незабудка», рассказав о 27-летнем поляке Грабовецком, который застрелился, предпочтя «мгновенную смерть медленному и мучительному умиранию». После смерти у ссыльного обнаружили всего четыре копейки. В другом «ссылном городе» Орлове из-за тяжелой депрессии застрелился ссыльный студент Александр Война, а незадолго до трагедии умерла его жена. Их пятимесячного сына взял на воспитание врач Ф. С. Покрышкин, тоже ссыльный.

Отношение местного населения к ссыльным было в подавляющем большинстве положительным. Побеждало естественное качество русского человека — сострадание к несчастным. На всю жизнь запомнил ссыльный студент Семен Васюков, как на пешем переходе из Вятки в Котельнич с арестантской партией, он получил от какой-то сердобольной старушки горбушку хлеба со словами: «Покушай, родненький, хлебец-то — только из печи!»

Ссыльные были привычны для жителей Вятки. «Против моего окна, — записывала в дневнике М. Е. Селенкина, — каждый день останавливается по нескольку кибиток, набитых ссыльными и жандармами, на которых я и чиновники канцелярии губернатора глазеем по часу». Политическую ссылку как характерную особенность Вятского края отмечал и попечитель Казанского учебного округа П. Д. Шестаков: «Город Вятка находится в исключительном положении в этом отношении», а далее прибавлял, что ссыльные воздействуют на местную молодежь, стараясь обзавестись единомышленниками.

Действительно, ссыльные занимали заметное место в общественной жизни Вятки, хотя и не следует особенно преувеличивать их роль. Они занимались репетиторством, обучали музыке, сотрудничали в «Вятских губернских ведомостях», интересовались статистикой, изучали быт населения вятского края. У них постепенно развешивалось досужее представление о Вятке как «медвежьем угле».

Труднее приходилось тем, кто отбывал ссылку не в городах, а в селах, деревнях, починках. «Вскоре совсем буду отдалена от мира, — сетовала в письме к матери Э. Л. Улановская из Березовских Починков Глазовского уезда. — Реки и болота... и единственный способ — верхом, да и то не всегда. Газеты получаю из Питера

и Глазова, но спустя месяц после их появления на белый свет...» Потому столь ценной оказывалась дружеская поддержка. «Теперь я богатая, — радовалась Улановская встрече с Короленко, — в одном лице у меня отец, брат, товарищ, уж теперь-то я никого и ничего не боюсь!»

Наиболее энергичные из ссыльных не оставляли мысли о побеге, а некоторым удавалось его осуществить. Бежали из ссылки Василий Обреимов, Петр Обедов, Ольга Кананова, из-под надзора полиции бежала участница «процесса 193-х» Анна Якимова.

Власти сознавали влияние политических ссыльных на разночинную интеллигенцию. «Не будет преувеличением сказать, что вся так называемая вятская интеллигенция... воспитывалась под оппозиционным влиянием ссыльных», — озабоченно писал губернатор В. И. Чарыков.

«ОБЩЕСТВЕННЫЕ ВОПРОСЫ НА ПЕРВОМ ПЛАНЕ»

К началу эпохи «великих реформ» в Вятке и в губернии происходили заметные перемены. Приехавший в 1895 году в Вятку М. И. Шемановский сообщал Н. А. Добролюбову, что прежняя обломовско-крутогорская тишь нарушается: «Вятка много переменялась с того времени, как я ее видел: в смысле современности ее можно поставить выше Ковна. Журналы здесь сильно читаются, есть даже публичная библиотека».

Перемен в культурной жизни вятского края на рубеже 50—60-х годов было немало. 1859-й: в феврале открылась библиотека для чтения А. А. Красовского; в октябре начались занятия в женской гимназии. 1860-й: в январе начала работу воскресная школа в Вятке; Красовский открыл при своей библиотеке книжный магазин, который поставлял книги и в уезды; в феврале в Вятке состоялся Пушкинский вечер. Музыкально-литературные вечера становились частью культурной жизни губернского и уездных городов. 1862-й: трудами П. В. Алабина качественно улучшилась работа Вятской публичной библиотеки; в Котельничском уезде волостной писарь Д. Л. Сенников открыл крестьянскую бесплатную библиотеку.

Говоря о деятельности разночинной интеллигенции, невозможно обойти вниманием кропотливую работу Александра Александровича Красовского. Он пользовался немалым авторитетом у демократически настроенной интеллигенции и, соответственно, антипатией — у консервативно мыслящей губернской администрации. Вот два противоположных мнения о нем. «Чистейший и благороднейший представитель 60-х годов» — оценка «шестидесят-

ника» И. М. Красноперова. «Основатель нигилизма» — характеристика, данная Красовскому губернатором В. И. Чарыковым.

На страницах губернской газеты Я. Г. Рождественский ставил в 1859 году животрепещущий вопрос: «Где же нам искать этой освежающей силы, которая не дала бы человеку зачерстветь и заснуть, которая предохранила бы его от грубости и апатии ко всему окружающему?» И сам же давал ответ: «В общественной жизни. Человек, лишенный общественной жизни, .. мало-помалу делается бесчувственной машиною».

Неофициальный отдел газеты затрагивал самые разнообразные проблемы образования, книжного дела, библиотек, воскресных школ, музыкально-литературных вечеров, подписок на журналы. Важнейшие вопросы такого порядка поднимались в устных выступлениях директора Вятского уездного училища П. Х. Хохрякова. Он говорил о необходимости тесной связи школы с жизнью, внедрения гуманных и разумных начал в воспитании, о том, что «на первом плане в деле воспитания должно стоять изучение исторического развития народа». На торжестве по случаю первого выпуска воспитанниц женской гимназии Я. Г. Рождественский призывал обратить самое серьезное внимание на женское образование. Актуальный подтекст имели его речи «О невольничестве у древних римлян» и «О рабстве у современных народов». Гимназисты помнили слова учителя истории: «Не забудьте, господа, крестьян-то, когда будете большими, помогайте им выйти из грубости и нищеты».

В феврале 1861 года в Вятке прошел музыкально-литературный вечер, посвященный Пушкину. В 1862 году по губернии было проведено 20 вечеров, в следующем году — 12. Первенствовала в этом, конечно, Вятка. Вечера обычно начинались лекцией, затем читали стихотворения, ставили отрывки из пьес, исполняли музыкальные произведения. В программах преобладали стихи Некрасова, Шевченко, фрагменты сочинений Салтыкова-Щедрина, других писателей-демократов, что соответствовало образу мыслей устроителей вечеров.

Сборы от них шли на различные благотворительные цели: в пользу бедных учеников, студентов, в помощь библиотекам. «Вятские губернские ведомости» сообщали имена участников, программы вечеров. Посещавшая их публика принадлежала к разным слоям вятского общества. На Пушкинском вечере, к примеру, собрались и учителя гимназии, семинарии и разных училищ, и чиновники, и офицеры, и купцы, и ученики гимназии, семинарии, канцелярского училища, и приказчики из магазинов, а «всега отраднее и знаменательнее то, что на этом вечере было, кажется, больше двенадцати дам».

Не меньший, если не больший интерес вызывали вечера в уездах. На одном из вечеров, организованном Н. И. Золотницким

в Кукарке, пришедших оказалось так много, что иным пришлось тесниться у окон на улице.

Осенью 1860 года директор уездного училища в Вятке П. Х. Хохряков и Н. И. Золотницкий, бывший редактором неофициального отдела «Вятских губернских ведомостей», обошли более сорока мастерских и ремесленных заведений города, приглашая учеников и подмастерьев в воскресную школу. При этом приходилось преодолевать сопротивление хозяев. Причина такого отношения, по словам Золотницкого, была проста: «Что заставляет хозяев удерживать учеников от посещения школы? Боязнь ли того, чтобы ученики не сделались умнее их самих, чтобы не прочитали какого-нибудь ремесленного устава, чтобы не написали при случае жалобы начальству, чтобы не заметили недостатки платы?»

Вятчане охотно привлекали богатый опыт соседей — просветителей Казани и других городов Поволжья и Приуралья. «Даровая учеба» интересовала народ — в воскресную школу при Вятском уездном училище записалось 135 человек в возрасте от 9 до 36 лет. И хотя не все имели возможность посещать занятия, к началу 1862 года в школе насчитывалось сто действительных учеников, в основном из мещанского сословия, из городских низов. Приходили на уроки и крестьяне из ближних деревень, и солдаты стоявшего в Вятке резервного батальона. Уроки воспринимались как праздник, ученики старались получше приодеться, собирались у здания училища задолго до начала уроков. Их привлекала не только возможность обретения знаний, но и общение с учителями, которые говорили с мещанами, крестьянами, солдатами, как равные с равными.

Занятия вели преподаватели гимназии и семинарии с помощью толковых гимназистов и семинаристов. Оказывали помощь и студенты-вятчане, приезжавшие на вакации. «Каждое воскресенье... мы ходили в город, — вспоминал И. М. Красноперов, — в эти школы и учили там грамоте собравшихся и старых и малых мещан и крестьян... Ходил туда и Александр Александрович (Красовский. — В. С.): Повсюду — в номерах, на улице, в классе — только и было разговоров о том, что каждый из нас прочитал. общественные вопросы стояли на первом плане... Говорилось о свободе, о любви к мужику. Какая-то радость, какое-то высокое одушевление наполняли наши сердца...»

Успешно действовала и воскресная школа в Елабуге стараниями учителей А. Н. Калугина и Е. Петухова. В Глазове «будничную женскую школу» организовали почетный смотритель уездного училища П. И. Колотов, учителя Ф. Сергиев и Рукавишников. Вел там занятия и ссыльный студент П. Войнаральский. Но иногда ретрограды одерживали победу. Не удалась попытка устроить женскую школу в Орлове. Воскресные школы, наряду с женскими,

подвергались недобрым выпадам рутинистов. Слова одного из них передавал Н. И. Золотницкий: «В этой школе всякому, какому ни на есть чумазому оборвышу учитель говорит: скажите вы мне то и это...»

Ученики воскресных школ занимались с примерным усердием, показывая неплохие знания. Учителя трудились творчески, мечтая о совершенствовании обучения. В небольшой библиотеке при Вятской воскресной школе ученики могли получать книги на дом.

В июне 1862 года с похолоданием политического климата все воскресные школы были запрещены. И все же просветительское служение людей шестидесятых годов не пресеклось.

В БИБЛИОТЕКЕ КРАСОВСКОГО

В 1859 году в Петербурге был отпечатан «Каталог библиотеки для чтения в Вятке А. А. Красовского». Открытие библиотеки способствовало образованию кружка, в котором собирались семинаристы и гимназисты. Жгучие вопросы современности — отмена крепостного права, реформы — все волновало учащуюся молодежь. Кроме «Современника», в библиотеке читали и запретный герценовский «Колокол», что обставлялось всяческими предосторожностями, как знакомство с любой «крамольной» литературой. Над прочитанным долго и вдумчиво размышляли. Участников кружка Красовского особенно впечатляло то, что хозяин библиотеки и М. И. Шемановский лично знали руководителей «Современника».

Влияние разночинно-демократических идей на учащуюся молодежь Вятки проявилось в проведении панихиды по скончавшемуся Добролюбову. Это, по сути дела, была первая в Вятке политическая демонстрация. В один из декабрьских дней 1861 года в Воскресенском соборе собралось около семидесяти семинаристов. И. Красноперов произнес речь, в которой прозвучали и мысли самого Добролюбова о высоком назначении молодого поколения.

Наибольшим проявлением радикальных настроений местной учащейся молодежи стало участие некоторых из юных «нигилистов» в так называемом «Казанском заговоре». В начале 1863 года в Царстве Польском, Литве и Белоруссии поднялось восстание против правительственных властей. Действия польских и русских революционеров выразились, в частности, в организации «Казанского заговора» — попытки поднять восстание в Среднем Поволжье и на Урале. Центром заговора стала Казань, куда эmissары польских повстанцев привезли поддельный манифест, будто бы подписанный самим царем и предназначенный к распространению в народе. Однако казанские землевладельцы отказались его пропагандировать,

заявив полякам, что нельзя действовать с помощью обмана. Они изготовили собственные прокламации, тоже призывавшие к подготовке выступления. В сопредельные с Казанской губернией местности отправившись захваченные революционными идеями студенты университета.

В марте из Казани в Вятку и далее в Пермскую губернию выехали «апостолы»-пропагандисты, обучавшиеся ранее в Вятской семинарии. Среди учащейся молодежи Вятки, увлеченной левыми идеями, привезенные «апостолами» крамольные листки вызвали повышенный интерес. Они переходили от одних семинаристов к другим, а возможно, и попадали за пределы семинарии. Все это свидетельствовало о чрезмерной революционной увлеченности многих представителей «умственного пролетариата», полуниншего, жившего и учившегося на медные гроши, испытывавшего всякого рода унижения от сильных мира сего.

Самого Красовского во время проезда через Вятку «апостолов» в городе не было, он уехал в Петербург. Но Я. Г. Рождественский, узнав о содержании письма, написанного Красовскому Иваном Красноперовым из Казани, постарался предостеречь учеников старших классов гимназии. Учитель истории искренне опасался за судьбу своих питомцев, способных сгоряча примкнуть к неразумным, на его взгляд, действиям. На уроке в выпускном классе он осторожно пересказал содержание письма, добавив: «Надеюсь, что никто из вас ни здесь, ни когда будете в университете не станет ни «апостолом», ни учеником тех учений, о которых мечтают многие из нынешних молодых людей».

Губернское жандармское управление ответило на действия «апостолов» обысками и арестами. Началось следствие... О серьезности дела свидетельствует хотя бы инструкция унтер-офицеру жандармской команды, препровождавшей И. Красноперова из Казани в Вятку: «1. В пути быть в полном вооружении, не позволять ни с кем разговаривать арестованному. 2. Быть осторожным, чтобы Красноперов не нанес себе вреда и не бросился на оружие. 3. Ночевать при местах, где есть воинские команды».

Под арестом оказались двоюродный брат И. Красноперова Егор, Иван и Николай Орловы, Василий Дернов, Михаил Шулятиков и другие «прикосновенные к заговору» семинаристы. Оказался в тюрьме и Красовский. Большинство молодых людей вело себя достойно. И Красноперов заявил: «Считаю бесчестным выдавать товарища: шпионство — дело слишком низкое и недостойное сколько-нибудь порядочного человека». Иную тактику выбрал Иван Орлов. Если другие старались умалить свою роль в заговоре и самую его суть, то он, напротив, нарочито преувеличивал размеры заговора, как бы пугая следствие. Видимо, этим объясняется заявление Орлова, что будто он знает «в Вятке старика семидесяти лет,

бывшего в Яранском уезде волостным писарем, который имеет такое сильное влияние на крестьян, что ему стоит сказать только одно слово, чтобы вся волость тотчас ополчилась».

Дело о «Казанском заговоре» переположило обывателей Вятки. Небывалые для небольшого тогда города события стали обрастать слухами. И через много лет вятчане помнили и передавали рассказы, правда, несколько преувеличенные, об участниках «Казанского заговора».

Семинарское начальство принялось круто искоренять «красноперовские плевелы». Ненадежных исключали «за вредное направление мыслей», семинаристам запрещали посещать библиотеки в городе без ведома на то администрации, чтение ими какой бы то ни было литературы ставилось под строжайший контроль. Пятерых офицеров-поляков, арестованных по обвинению в подготовке «Казанского заговора», расстреляли по приговору военного суда. И. Красноперова приговорили к каторге сроком на восемь лет, Дернова — на четыре года, Егора Красноперова — на два. Шулятиков получил три года тюремного заключения. Впрочем, приговор вскоре сильно смягчили. Красовскому смогли поставить в вину лишь хранение землевольческой прокламации, приговорили к трем месяцам заключения, и в ноябре 1863 года он уже вернулся из Казани в Вятку под полицейский надзор.

Почти все молодые вятчане, причастные к «Казанскому заговору», оказались семинаристами. Эту особенность, а скорее закономерность, отметил член следственной комиссии полковник Слуцкий: «...Молодые люди, находившиеся под следствием казанской комиссии, — воспитанники семинарии, и люди крайне бедные... Бедность, присоединяющаяся к семинарскому образованию, лишает молодых людей благотворного влияния общества, заставляя их образовывать кружки, замкнутые, бессильные против влияния запрещенной литературы, и тому подобные явления».

НАРОДНИЧЕСКИЕ КРУЖКИ

В общественную жизнь 70-х годов в Вятке вступало новое поколение — младшие братья и сестры бывших учеников Красовского, Рождественского, Шемановского. Как и в предыдущем десятилетии, характерным являлось участие в общественной жизни представителей целых семейств (Фармаковские, Спасские, Рязанцевы). Часто кто-то из этих семейных гнезд был «шестидесятником». Так складывались семейные традиции.

Но в 70-е годы появился и новый тип, ранее почти не встречавшийся, — человек, непосредственно вышедший из крестьян. Начинать таким людям приходилось неизмеримо труднее, чем

выходцам хотя бы из бедного чиновничества, духовенства или даже мещанской среды. В это время в Вятке начали формироваться характеры крестьянских сыновей Ивана Нелюбина, Петра Голубева, Степана Халтурина, избравших разные жизненные пути.

Увлечение учащейся молодежи общественной и естественно-научной литературой отлично прослеживается в воспоминаниях П. А. Голубева: «...Мы читали Писарева, Бокля, Милля, Лаврова, Дарвина и др. Эти писатели были любимцами тогдашней молодежи... Не быть знакомым с «Историческими письмами», не читать «О происхождении видов» — считалось верхом невежества. А о всеобщем увлечении Писаревым и говорить нечего... Его не читали, а проглатывали; перед ним благоговели, хотя у него же воспитывались в неуважении к авторитетам». Из писателей учащаяся молодежь, настроенная нигилистически, конечно, на первое место ставила Чернышевского, Некрасова, писателей народнического толка.

Не забывали младших товарищей студенты-вятчане, обучавшиеся в Петербурге, Москве, Казани. Старший брат семинариста Сократа Мышкина договорился по его просьбе с редакцией журнала «Дело» о выписке номеров для библиотеки семинаристов. Он же сообщал брату: «Ходил к редактору «О. З.» Некрасову. Некрасов принял на свой счет подписную цену, приказал высылать «Отеч. записки»».

С конца 60-х годов в Вятке стали возникать кружки народнически настроенной молодежи. Некоторые выпускники Вятской гимназии, став петербургскими студентами, вошли в Большое общество пропаганды (Николай Чарушин, Николай Лопатин, Леонид Попов, Семен Хохряков). Бывший семинарист Василий Князев вошел в московскую группу «чайковцев», Е. Овчинников был агентом «чайковцев» в Казани.

В первой половине 70-х годов действовали кружки гимназистов, семинаристов, воспитанников Вятского земского училища, учениц епархиального училища. В это время явственно прослеживалось руководство кружками со стороны небольшой, но активно действовавшей группы, центром которой считался дом писательницы М. Е. Селенкиной, а организатором был ссыльный Василий Трошанский. Кружки были связаны между собой и, в той или иной степени, через Селенкину и гимназиста Михаила Бородина, — с Трошанским. Недаром он любил повторять: «Мне нужны люди и люди! И только тогда жизнь моя может быть полной». Даже после перевода в Курск Трошанский продолжал руководить в письмах Бородиным, давая конкретные рекомендации по организационной работе.

Его вятский кружок с «филиалами» в учебных заведениях располагал и определенной денежной суммой. Посильные взносы поступали в общую кассу, которой ведала Селенкина. Часть денег

пошла на организацию побега из-под родительского надзора Любови Чемодановой, часть — на шитье белья и одежды Н. Чарушину и Л. Попову при известии об их аресте в Петербурге. Кроме того, определенную сумму предполагалось передать им деньгами. Средствами из общего фонда помогали арестованному в марте 1874 года М. Бородину. Когда же началась настоящая охота за участниками «хождения в народ», деньги расходовались на рассылку телеграмм, чтобы предупредить товарищей, находившихся в уездах, о грозящей опасности.

«Крамольные веяния» охватили и часть воспитанниц епархиального женского училища, находившихся под влиянием «классной дамы» А. Д. Кувшинской. На тайные собрания епархиалок приходил гимназист Николай Чарушин, рассказывая им об Интернационале и Парижской Коммуне. Особый интерес у епархиалок вызывали вопросы эмансипации, а примером им служили героини Некрасова, Тургенева, Чернышевского.

Вятских обывателей волновали обстоятельства двух побегов из-под родительского крова — Ларисы и Любови Чемодановых, дочерей священника из с. Ухтым Глазовского уезда. Лишь позднее сестры Чемодановы приняли участие в пропагандистской народнической деятельности. Поначалу они настойчиво стремились к образованию, встречая препятствия со стороны отца, на чем свет поносившего «нигилистов» и «стриженных девок». Налицо был конфликт «отцов и детей». «Бегут девушки от семей своих, — писал об этом священник Н. Н. Блинов, — следовательно, семьи того стоят».

В письмах и воспоминаниях вятчан, причастных к народническим воззрениям, прослеживается различное отношение к выбору пути и способам достижения цели. Е. Овчинников вспоминал, что участники кружка в семинарии придерживались двух направлений: одни высказывались за призыв Н. А. Добролюбова к подготовке условий для активизации народа, другие задумывались над статьями Д. И. Писарева, над его сдержанными выводами о том, что народ не готов к восприятию идей, выработанных разночинно-демократической интеллигенцией. О двух направлениях, занимавших мысли народнической молодежи Вятки, говорил и А. М. Васнецов: «В кружке существовало два течения — «идти в народ»: к рабочим и землепашцам; другое — в учителя, учить народ». Видимо, под первым Васнецов понимал революционную пропаганду, под вторым — просветительскую работу, которую выбрал и сам — «стал горячим сторонником последнего... решил идти в народные учителя».

Многие из участников народнических кружков Вятки тяготели к «чайковцам» — сторонникам длительной подготовительной работы среди крестьян.

Все, кто трудился в сельской местности, — учителя, земские работники, врачи, сознавали нравственный долг перед народом. При этом вовсе не обязательно они были настроены «революционно». Вот что писал в 1875 году Аполлинарий Васнецов брату Виктору: «Да, действительно, я, ты, все мы... должники общества, но не всего. Я считаю себя должником тому, кто в осенний дождь, в ветер, пронизывающий до костей, в холод, когда застывает кровь в жилах, заносимый снегом, в степях везет другим свой хлеб, добытый потом и кровью; тому, кто живет в тесной лачуге с разъедающим глаза воздухом..., тому, кто целое лето, почти не отдыхая, пашет, косит, боронит, страдает, кто все заработанное пропивает, чтобы на время забыть свое тяжелое бремя... И долго еще не окупить нам этот великий долг».

Реально трудности общения с народом представляли себе непосредственные выходцы из его среды. «Прежде чем что-нибудь сделать в этом отношении, — говорил крестьянский сын, студент Петровской земледельческой академии Дмитрий Тяжелников, — надо хорошо изучить народ, который крайне неподготовлен, неразвит, с ним вдруг ничего не сделаешь».

Наиболее доступным занятием, позволявшим народнической молодежи общаться с крестьянами, являлась учительская работа. Энтузиасты «учительского служения» увлеченно преподавали в земских школах. Кроме подготовки к педагогической деятельности, будущие учителя еще в Вятке старались овладеть кое-какими ремеслами, что тоже помогало в общении с крестьянами. В деревне учителя помогали крестьянам советами, подчас дельными и квалифицированными, ведь воспитанников земского училища этому специально обучали. П. А. Голубев вспоминал: «Было почти обычным явлением, что наши педагоги являлись адвокатами, писарями, советниками в деревне; некоторые даже лечили; одной учительнице принадлежит честь выиграть в пользу общества казусное дело о мельнице. Особенно много занимались тогда устройством артелей, ассоциаций. Это был момент, когда вопрос из теоретических обсуждений переходил в практику». Один из учителей в каком-то глухом селе вел упорную борьбу с кабатчиком, спаивавшим мужиков, другой устроил у себя на родине для рабочих стекольного завода потребительское общество. Подобные начинания встречали у земцев сочувствие и поддержку, однако уездные власти и сельские торговцы относились к ним настороженно и недружелюбно.

Опасаясь распространения революционных изданий в губернии, администрация и жандармское управление брали под контроль библиотеки и книжные магазины. При этом «синие мундиры» руководствовались особым списком книг, «которые пропагаторы распространяют в народе». Почти все указанные в нем книги находились при обысках у Красовских и Вершинина. Это был

типичный набор литературы, использовавшийся участниками «хождения в народ», — «Степные очерки» А. И. Левитова, «Дедушка Егор» М. К. Цебриковой, «Очерки фабричной жизни» А. И. Голицынского, рассказы Н. И. Наумова. Все эти издания, разрешенные цензурой, были взяты на вооружение пропагандистами, и потому, хотя и с запозданием, отнесены III отделением к числу «тенденциозных».

Особый интерес представляет издание в Вятке своего рода «замаскированной» брошюры «О средствах для истребления волков». Отпечатанная одной из вятских типографий в 500 экземплярах, она стоила всего две копейки. Когда же власти догадались, что брошюра «не вполне удобна для распространения в народе», то большую часть тиража изъяли прямо из типографии. «Крамольность» содержания усматривалась в советах по коллективной борьбе с хищниками: «Соединяйтесь в артели, целыми деревнями, целыми обществами и бейте, истребляйте волков... В местах, где старательно преодолевали волков, они уже почти вывелись». Намерение, скрытое в брошюре, по словам вятского прокурора, заключалось в следующем: «убедить крестьян..., доказывая им всю силу артели и бессилия одиночных действий. Вообще, содержание этой книги под предлогом истребления волков скрывает в себе другую цель — как бы истребление ныне поставленных над народом властей».

ПРОПАГАНДИСТЫ

В 1874—1875 годах деятельность народников во многих губерниях европейской России сосредоточилась на «хождении в народ». Противоправительственную пропаганду вели и вятские «нигилисты». Участники народнических кружков уезжали в сельскую местность, где учительствовали, служили в земствах. Были и «бродячие» пропагандисты. Большая часть учащейся молодежи, захваченной идеей пропаганды, находилась в Вятском, Орловском, Слободском, Нолинском уездах, то есть сравнительно недалеко от губернского города. Некоторые, приезжая в Вятку, находили приют в доме Селенкиной или там, где жили во время учебы.

Причастными к пропаганде оказались и кое-кто из земских врачей, им помогали фельдшеры и акушерки при земских больницах.

К пропаганде среди крестьян народники тщательно готовились. Среди бумаг, изъятых у воспитанника земского училища З. Сычугова, оказалась записная книжка с маршрутом путешествия. Предварительно он выписал данные о недоимках крестьян тех волостей, по которым намеревался пройти (в сумме они составили 14 тысяч рублей), особо пометив: «Узнать о причине бедности и

отношении к начальству и этому долгу». На всякий случай Сычугов приготовил объяснение своему нахождению в народе — сбор фольклорных материалов. К этому нехитрому приему прибегали и другие пропагандисты.

Отношения с крестьянами складывались у пропагандистов непросто. «Зимою, когда не было усиленных сельскохозяйственных работ, — вспоминала А. В. Якимова, учительствовавшая в земской школе с. Камешница Орловского уезда, — ученики были довольно великовозрастные... В то время заходили и взрослые: прочитать или написать письмо или просто потолковать о том о сем, а молодежь — за книгами. Кроме довольно скудной школьной библиотеки, была у меня своя библиотека с подбором тенденциозных и запрещенных цензурой книг... В беседах крестьяне были вполне откровенны, в критике существующего не стеснялись. Книжки мои читались грамотными довольно охотно, но и только... Не проявлялось никаких намеков на зарождение революционной самостоятельности. Приходилось упираться в одно и то же: «Не нами это начиналось, не нами и кончится».

С тем же «успехом» шла пропаганда у земских учительниц К. Кувшинской, М. Василевич, Е. Мышкиной. Приемы были наивны. Так, учительница школы в с. Большеройском по фамилии Широких, разбирая на уроке хрестоматийное стихотворение Аполлона Майкова «Кто он?» (о Петре I, который помог старому рыбаку починить челн, поврежденный шведами), задавала ученикам вопрос: «Все ли государи поступали, как Петр Великий?», а потом делала вывод: «Нынешний государь не чета Петру».

Вели пропаганду в деревнях студенты, приезжавшие на вакации, поэтому губернатор особым предписанием вменил в обязанность исправникам следить за их появлением в сельской местности. Не в пример выпускникам епархиального училища, увлеченным «нигилистическими идеями», студенты действовали более совершенными методами. Один из них, Дмитрий Тяжельников, для удобства пропаганды намеревался поступить учителем в земскую школу. Он говорил крестьянам, что в России следует создать республику, сообщал, как совместно борются за свои права рабочие люди в Западной Европе. Под воздействием Тяжельникова оказался крестьянин, волостной писарь Федор Ковязин, у которого при аресте помимо нелегальной литературы обнаружили портреты Пугачева и Чернышевского.

Пропагандисты обращали внимание и на рабочих. В 1874 году на Воткинском заводе студент Ф. Зимин и А. Шестаков, служивший чертежником, зачитывали прокламации, говорили о тяжелом положении крестьян и рабочего люда, что «им не так живется, как следовало бы в настоящее время», толковали, что крестьяне должны не только освободиться от недоимок, но и

требовать от государства помощи, «по крайней мере по сто рублей на человека». На заводе Александра в Уржумском уезде некий А. Токарев внушал рабочим: «Вас прежде помещики теснили, а ныне, мало того, что вы работаете более других, правительство обложило вас большими податями, которые не следует платить». На вопрос одного из слушателей, кто же может помочь народу, Токарев многозначительно ответил, что такие люди найдутся.

Действовали пропагандисты и в самой Вятке. Еще в 1873 году М. Бородин пытался создать ассоциацию мастеров-сапожников, под прикрытием которой предполагал вести нелегальную работу. Однако эта затея не увенчалась успехом. Бородин был вынужден заявить, что мастера в большинстве своем оказались «кулаками, эксплуататорами или готовыми эксплуатировать своих подмастерьев». Так утопические народнические иллюзии разбивались о реальную действительность. О возможности такого исхода с известной долей юмора предупреждал идеалистически настроенного Бородина дальновидный Ф. Ф. Павленков, утверждая, что фактически подобная артель лишь объединит «мастеров-эксплуататоров против бедняков-подмастерьев».

Но все же известен случай, когда мысль о трудовой ассоциации реализовалась. Помощница А. Якимовой по Камешнической школе Клавдия Трапезникова сумела организовать в доме своих родителей в Орлове портновскую мастерскую из двенадцати работниц. Подробности ее существования неизвестны, но определенно идея организации трудовой артели была заимствована из повествования о мастерской Веры Павловны в романе Чернышевского «Что делать?»

Усилия пропагандистов не приносили ожидаемых результатов. И тем не менее привлекают внимание люди из народа, воспринявшие бунтарские призывы, хотя их можно перечесть по пальцам. К таковым, без сомнения, следует отнести Гаврилу Прокопьева, который имел в Вятке сапожную мастерскую в доме, где снимали квартиры несколько воспитанников земского училища. От них Прокопьев брал пропагандистскую литературу, сам читал крамольные книжки городским мещанам и приезжим крестьянам, произнося опасные речи: «Зачем нам начальство? Мы вот на него только деньги тратим... Года через два, а может, и через десять в России будет бунт, явится какой-нибудь Стенька Разин и пойдет за нас... К народу присоединятся студенты, и войско тоже взбунтуется, тогда государь не устоит и его скрутят». Прокопьев напрямую рассуждал о размерах предполагаемого крестьянского восстания: «Солдат мы не боимся, у нас рассчитано, что как соберем народ, то на пятьсот или тысячу человек придется один солдат». Он выспрашивал окрестных крестьян: «А что мы поделаем, как волости с три взбунтуются?»

С августа 1874 года в губернии началась настоящая охота за пропагандистами. Обыскам, арестам, дознаниям было подвергнуто более 110 человек (в их числе 12 женщины). Это были студенты, гимназисты, семинаристы, воспитанники земского училища, учителя народных школ, земские служащие.

Аресты нередко происходили принародно. Женщины плакали навзрыд, когда жандармы увозили Анну Якимову. Пусть отношение крестьян к запретным книжкам оказалось не таким, каким хотелось бы Якимовой. Однако гораздо большее впечатление произвели на них не неумелые речи юной пропагандистки, а она сама со своей добротой, участливостью, неподдельным чувством сопереживания к несчастью других. Все в округе знали, что на средства из своего убогого учительского жалованья Анна Васильевна оплачивала прожитие в Вятке деревенской сиротки, которую она устроила там в училище, а также обучение сапожному ремеслу мальчика-калеки у Гаврилы Прокопьева.

Арестованные по делу революционной пропаганды томились в вятской тюрьме, условия содержания в которой, по словам Павленкова, были гораздо строже, чем в Петропавловской крепости. При сравнении с другими губерниями Вятская, по подсчетам чиновника III отделения, заняла по активности пропаганды такое же место, как и губернии Среднего Поволжья. На «процессе 193-х» приговор в отношении многих был смягчен, а девяносто человек оправдали. Среди них оказались вятчане — П. Неволин, А. Леонтьев, Е. Овчинников, Г. Прокопьев, А. Якимов. А. Д. Кувшинской засчитали предварительное заключение. Она отправилась в добровольное изгнание в Сибирь за своим мужем Николаем Чарушиным, приговоренным к девятилетней каторге за активную деятельность в кружке «чайковцев». Так же, за своим мужем Сергеем Синегубом, поехала в Сибирь и Лариса Васильевна Чемоданова-Синегуб.

Безразличие крестьян к революционным призывам, роковая грань непонимания, отделявшая пропагандистов от крестьян, — все это обрекало действия народников на неудачу, которая заставляла задумываться.

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ СЛУЖЕНИЕ

Большинство разночинцев Вятки, в той или иной степени причастных к «хождению в народ», после предпринятой властями «охоты за нигилистами» навсегда утратили интерес к общению с теми, кто, по выражению М. Е. Салтыкова-Щедрина, «в уме пушал революцию», и занялись воплощением в жизнь «теории малых дел».

Наиболее прозорливые из «семидесятников» загодя чувство-

вали обреченность беспочвенных мечтаний «нетерпеливцев», которые, по словам М. Е. Селенкиной, «или увлекаются, или просто с ума сходят, если надеются на этих годах создать лучшее правительство России». Она же писала еще в 1873 году В. Ф. Трошанскому в Курск, удивительно предугадывая его трагическую подпольную будущность: «...Вы направитесь из Петербурга... Что-то Вы натворили в Петербурге. Я вижу Вас выбритым, выкрашенным, с чужим паспортом в кармане, стиснутого тройной кабалой и, несмотря на постоянное снование, по-прежнему неудовлетворенного».

Трое вятчан — Якимова, Халтурин и Желваков — оказались вовлеченными в народовольческий террор. Что их подвигло к этому, были ли они заведомо запрограммированы на роль «бесов»? Возможно, ответом здесь послужит рассуждение философа С. Н. Булгакова, думавшего о том, почему молодые люди, которые могли бы стать учителями, врачами, агрономами, шли в революцию, убивали и сами гибли на эшафотах: «Горько думать, как много отраженного влияния полицейского режима в психологии русского интеллигентского героизма, как велико было это влияние не на внешние только судьбы людей, но и на их души, на их мировоззрение».

После восемнадцати лет сибирского изгнания в Вятку возвратились Н. А. и А. Д. Чарушины. Николай Аполлонович стал издателем частной газеты «Вятская жизнь», которую последовательно сменили «Вятский край» и «Вятская речь». На страницах «Вятской речи» печатался В. Г. Короленко, появилась знаменитая статья Л. Н. Толстого «Не могу молчать!» Чарушинское издание постоянно подвергалось нападкам губернских властей, недаром оппозиционно настроенная столичная печать называла «Вятскую речь» самой мужественной и смелой провинциальной газетой.

Много сил вложил Чарушин в работу Вятского книгоиздательского товарищества, выпускавшего огромное по тому времени количество книг. В советские годы он работал в краеведческом отделе Герценовской библиотеки, занимался краевой библиографией, писал интереснейшие воспоминания «О далеком прошлом».

Многообразие раскрылся талант И. М. Красноперова, который служил в земских управах многих губерний. Его статистические исследования получили всеобщее признание. Крупнейшими учеными стали бывшие вятские гимназисты К. Э. Циолковский и В. М. Бехтерев. Исследователи наследия Циолковского видят в его социальных утопиях, наряду с «философией общего дела» Н. Ф. Федорова, также и отражение представлений о крестьянской общине, присущих народникам. Став авторитетами в научном мире, Циолковский и особенно Бехтерев чутко реагировали на события в стране и до революции, и после нее. Известно, чего стоил Бехтереву его диагноз, поставленный в декабре 1929 года «отцу народов».

Участие в общественной жизни отразилось на литературном творчестве М. Е. Селенкиной. Ее произведения обращали на себя внимание Н. А. Некрасова, Г. Е. Благодетельского, В. Г. Короленко, отмечавшего отсутствие у писательницы «слащавого народничества и народнического мистицизма».

Влияние демократических идей ощущалось и в раннем творчестве братьев Васнецовых. Оба посещали собрания у Селенкиной. Аполлинарий Васнецов одно время хранил «небольшую библиотеку», в которой были и нелегальные издания.

Горячо сочувствуя крестьянам, братья Васнецовы тем не менее не уповали на народническую пропаганду. «Я жил в селе среди мужиков и баб, — вспоминал Виктор Васнецов, — и любил их не «народнически», а попросту, как своих друзей и приятелей, — слушал их песни и сказки, заслушивался, сидя на посиделках при свете и треске лучины». Знание народной жизни помогало братьям уже в их первых работах. В 1866—1867 гг. В. Васнецов создал серию из шестидесяти рисунков на темы пословиц и поговорок, в которых, несмотря на явную иллюстративность, ощущалась социальная направленность. «По одежке протягивай ножки» — мужичок, едущий в телеге, уступает дорогу барину в бричке. «Ешь репу вместо ржи, а чужого не держи» — крестьянин-бедняк возвращает долг, ссылая рожь в мешок богатого соседа.

В жанровых рисунках В. Васнецова чувствуется влияние вятской действительности. Постепенно он стал подходить к более сложным сюжетам. В картине «Трактир» («В харчевне»), написанной в 1874 году, показаны оригинальные типы русского общества. Тепло и сочувственно изображена артель плотников, один из которых читает, водя по газете пальцем. (Начинающий читать крестьянин — примечательная черта пореформенной России). В стороне от крестьян — одинокий, побитый жизнью интеллигент. Как знать, может, он один из тех, кто пошел было к народу с намерением отдать ему все, но... произошло трагическое взаимонепонимание. Сознывая отсталость деревни, В. Васнецов решительно отказывался от идеализации народа. В эскизе «Хороша наша деревня, только славушка худа» (1874) — пьяные мужички, обнявшись, горланят на деревенской улице. С душевной болью написана и картина «Кабак» (1887).

Остро воспринимая реалии русской деревни, художник после колебаний и поисков избрал новый творческий путь, показывая внутреннюю силу и возможности народа, скрытые до времени. Васнецовский «Витязь на распутье» (окончательный вариант выполнен в 1882 г.) выбирает дорогу, на которой должен преодолеть все опасности и препятствия.

Схоже складывалась и судьба Аполлинария Васнецова. В вятские годы он участвовал в замысле Ф. Ф. Павленкова издать

«Наглядные несообразности», якобы развивающие в ребенке любознательность: например, на рисунке — деревенская улочка с избушкой, крытой соломой, но освещенная газовым фонарем. Павленков настаивал на «очевидности без затруднения». «Однажды, — вспоминал А. М. Васнецов, — он дал тему тяжести, выдерживаемую несоразмерно тонкой перекладиной. Я изобразил очиненное для письма гусиное перо с пудовой гирей посередине и поддерживаемое двумя книгами, поставленными вверх корешками. Павленков пришел в восторг, разгадав мою идею: свободу слова и печати не перегнет и пудовая гиря».

В 1876 году А. Васнецов создал рисунок «Идеальная деревня будущего», изобразив большое село с общественными постройками, школой, добротными избами, утопающими в зелени... Но, сознавая отдаленность утопической мечты, художник написал внизу рисунка некрасовские строки: «Жаль, только жить в эту пору прекрасную уж не придется ни мне, ни тебе».

К рядовым учителям, врачам, агрономам, трудившимся на благо народа в Вятском крае, подходят слова М. Е. Салтыкова-Щедрина — «скромные деятели». Судьба забрасывала некоторых далеко от «малой родины», но при первой возможности они возвращались к «отеческим гробам».

Многие выпускники земского училища стали отменными знатоками сельского хозяйства. Зотик Сычугов, братья Павел и Филипп Кудрявцевы пытались на практике осуществить заветную мечту — осесть на земле, обрабатывать ее собственным трудом. Суровая действительность разбивала, однако, утопические иллюзии этих честных и самоотверженных людей как в дореволюционные, так и в первые советские годы.

Часть выходцев из разночинной среды избрала врачебную стезю: С. И. Сычугов, Е. М. и И. М. Овчинниковы, Н. И. Кочурова, Ю. И. Фармаковская-Заволжская и многие другие. «До конца своих дней, — писал Е. Д. Петряев, — Сычугов оставался убежденным шестидесятником, считал просвещение народа, расцвет культуры главным условием возрождения России. Давая медицинский совет, лекарства и книгу, он в глухой вятской деревне пробуждал к умственной деятельности людей. Он открывал им мир знания, указывал на путь, достойный свободного человека».

Память о просветителях-подвижниках сохранялась долго. В далеком Нерчинске вскоре после окончания Великой Отечественной войны глубокий старик с вятским выговором рассказывал Е. Д. Петряеву о народном враче Сычугове: «Как пошло смолоду, так и идет, с того, как Савватий Иванович рубанком меня наградил. Здесь, почитай, во всех домах, которые при мне до войны строились, оконные-то наличники я по сычуговскому узору делал...»

С. А. КУКОВЯКИН

ПРОШЛОЕ ВЯТСКОЙ МЕДИЦИНЫ

МЕДИЦИНА КРАЯ В ДОЗЕМСКИЙ ПЕРИОД

История медицины вятского края — вопрос малоизученный. К сожалению, нет достоверных данных о том, как и чем лечили свои болезни люди, населявшие его современную территорию в древности и в более поздние эпохи. Об этом можно лишь догадываться, опираясь на общие сведения о состоянии и уровне развития материальной культуры в тот или иной период. Ясно лишь то, что единственным видом лечебной помощи тогда была народная медицина.

Известно, к примеру, что во времена Киевской Руси уже использовался широкий спектр лекарственных средств растительного, животного и минерального происхождения. Их готовили, в частности, из полыни, бодяги, крапивы, подорожника, ягод можжевельника, березового сока, листьев березы и липы, меда с мукой, закваски теста, из печени, жиров и крови животных... Применялись как лекарства также уксус, селитра, медный купорос, поташ, скипидар, минеральные воды. Можно смело предположить, что и тогда, и в период заселения края русскими, и во время его вхождения в состав Московского государства население лечилось у знахарей, применяло как лечебные средства баню и купания, закаливания водой, воздухом, солнцем, использовало практически многовековым путем выработанные навыки и традиции гигиены.

Документально подтвержденная история здравоохранения бывшей Вятской губернии началась со второй половины XVIII века. В 1737 году Медицинская канцелярия приняла решение «О содержании в знатных городах лекарей», но в список 56 «знатных» городов Хлынов не вошел. И только 10 мая 1773 года сенатским указом центр края был включен в список провинциальных городов, где признавалось необходимым «иметь лекаря с жалованьем 12 рублей в месяц». Но до создания Вятского наместничества в 1780 году в губернии не было ни одного штатного врача. Правда, имеются сведения о том, что в 1737 году в Хлынове жил и работал подлекарь Семен Извеков.

По штату Вятского наместничества в каждом уезде полагалось иметь «по одному доктору, одному лекарю, два подлекаря, два лекарских ученика». Однако в 1780 году на все наместничество были только проживавшие в городе Вятке лекарь Петр Чайковский да подлекарь Овсянников. В 1788 году в наместничестве работали уже два лекаря и один аптекарь. В 1797-м с преобразованием наместничества в губернию «для лучшего устройства медицинской части» была учреждена губернская врачебная управа, в штате которой

должны были состоять три члена — инспектор или штаб-физик, аптекарь и акушер, имеющие звание доктора или штаб-лекаря. На них, согласно инструкции, была возложена обязанность следить за народным здоровьем. Управе подчинялись уездные врачи, госпитали, полковые лазареты, казенные и частные аптеки. Фактически же управа была открыта при одном ее члене — акушере Пфейлере. Ни одной больницы в губернии тогда еще не было.

Первые из них появились лишь в начале XIX века, после издания высочайше утвержденного 8 июня 1811 года «Положения о внутренней страже». Указ Александра I предписывал во всех уездных городах лазареты при воинских командах ликвидировать, а их имущество передать вновь созданным больницам, ведать которыми надлежало уездным лекарям. В городе Вятке в том году была учреждена больница на 60 коек, годом раньше была открыта аптека.

Из архивных источников, однако, известно, что в Вятке с 1802 года при инвалидном доме существовала больница на 10 коек. В документах того времени о ней сказано: «В сей больнице полагается содержать больных разного звания людей обоего пола с платою за каждого больного вперед за все содержание по 4 рубля 50 копеек в месяц, кроме лекарств употребляемых, за которые деньги... употребляют из суммы Приказа...» Первым врачом в эту больницу был «причислен» акушер врачебной управы Кистер. К 1805 году число коек в ней возросло до 25. Здесь были развернуты отделения для «трудных» больных на 12 коек, для выздоравливающих на 6 коек и для «прилипчивых» на 7 коек.

Обслуживание больницы, инвалидного дома и воспитание детей-сирот осуществлялось штатом из 15 человек, в котором состояли главный смотритель, его помощник, которому «препоручалось вести бухгалтерию», доктор или лекарь, подлекарь, которому «вменялось быть при доме безотлучно», главная смотрительница для воспитания детей и «всего прочего, касающегося женской экономии», по двое истопников, стряпух, прачек. По штату полагались также две работницы для женской богадельни и две — для «беспрерывного бытия при малолетних питомцах. Из сих женщин одна должна иметь хождение за находящимися при доме коровами, под надзором главной смотрительницы получая от них молоко, содержащееся в должной чистоте».

С 1811 года и вновь открытая больница стала иметь свой штат, а в 1812 году для нее был выделен за городом «дом ветхий с низкими потолками, без каменного фундамента, с гнилыми нижними бревнами».

Начали открываться больницы и в уездных городах. Одним из первых поступил рапорт из Орлова. Городской голова Иван

Изергин 13 ноября 1811 года доносил, что «отведенный под городскую больницу дом купца Юферева и при нем баня посредством поправки приведены в надлежащий порядок и исправность, потому и больные помещены в тот дом, и всего того, что для больных нужно на первый случай, заведено достаточное количество: холщовых рубашек с портами, халатов и колпаков, шерстяных чулок и кожаных туфель на пять и кроватей с принадлежащими постелями на десять человек». В 1813 году в губернии числилось уже 10 больниц. Не было их лишь в трех уездных городах — Котельниче, Малмыже и Кае. Зато была выстроена больница в заштатном городке Царевосанчурске.

В 1847 году в Вятке началась постройка каменного здания больницы на 150 коек. Она длилась пять лет и закончилась только в 1852 году. Чтобы перевести в нее больных из старой больницы, потребовалось еще два года, и только в 1854 году эта больница стала работать полностью. Но и в ней условия содержания пациентов не были оптимальными. Один из бытоописателей той эпохи сообщает, что «там заразные больные не были изолированы, в палатах вместе с больными жила и больничная прислуга, тут же находилось грязное белье и разные отбросы».

Уездные больницы находились, как правило, в наемных домах и представляли собой скорее приемные покои. Вот описание Елабужской больницы в «Вятских губернских ведомостях» № 20 за 1863 год: «Размещались больные как позволяло помещение. Часто сифилитик, чахоточный и тифозный лежали в одной комнате. Если в одно время поступали арестант и сумасшедший, то обыкновенно надевали на сумасшедшего рукава и клали вместе с арестантом. Бывало и так, что мужчины и женщины помещались в одной палате, особенно это случалось с арестантами. Так размещались больные, когда их было не более 10 человек. Если же, что часто бывало, количество больных увеличивалось до 15-20 человек, то они размещались еще хуже».

В уездные больницы, наиболее крупная из которых, Малмыжская, имела 40 коек, остальные — по 10-15, как видно из документов той эпохи, помещались больные преимущественно из военных и арестантов. Этот же состав больных преобладал и в губернской больнице. Прочее население избегало больниц, будучи убеждено, что там «только морят людей». Обращаемость за медицинской помощью в губернии составляла в то время 20 случаев на 1000 жителей в год. Смертность в больницах и правда была огромной — после хирургических операций умирало до 80% пациентов. Медикаментов не хватало. Для больных военного ведомства интендантство отпускало в некоторые больницы медикаменты со своих складов, а для остальных больных врачи и фельдшера нередко применяли только дикорастущие целебные травы, которые собира-

ли на основании преданий старины, а не по медицинским инструкциям. Широко применялись кровопускания, банки и пиявки.

В первой половине XIX века в губернии, особенно на периферии, отмечался острый недостаток врачей. Так, в 1847 году врач К. Ф. Куликовский заведовал четырьмя уездами — Сарапульским, Елабужским, Малмыжским и Глазовским. И это было почти повсеместно. В 1853 году в губернии работало три старших и три младших лекаря, кроме того, на 110 волостей имелось 55 старших и младших фельдшеров и 123 оспопрививателя.

Не удивительно, что всевозможные эпидемии, в особенности оспа и scarлатина, беспрепятственно разгуливали по губернии, население практически не знало врачебной помощи, в редких случаях ему была доступна лишь фельдшерская да оспопрививание. Вот почему, как и в незапамятные времена, люди со всеми недугами обращались к знахарям, которые были чуть ли не в каждой деревне. Во всяком случае, о широком распространении знахарства в губернии свидетельствуют самые разнообразные источники.

Священник Г. Верещагин, например, делил знахарей на две категории. Первая — те, кто прописывал больным снадобья из лекарственных веществ, вторая — занимавшиеся нашептыванием заговоров. Снадобья знахари, по его словам, составляли из разных трав и корней, собираемых ими самими или же покупаемых у собирателей лекарственных растений. По мнению знахарей, каждая травка имеет «чудесную силу врачества», но не каждая, полезная, скажем, для мужчины, полезна для женщины. Необходимо различать, «какая именно назначена природой в лекарство женатым и вдовым мужчинам, замужним женщинам и вдовым, равно какую должны принимать в известной болезни холостые и девицы». Знахарь должен был изучить «некоторые слова и молитвы, относящиеся к заготовке трав». Необходимо было знать и правила, каким образом и когда должно собирать растения. Так, одну травку нельзя сорвать голый рукой, другую надо рвать на утренней заре, при срывании третьей нужно читать положенные молитвы и слова, наконец, четвертую нельзя сорвать никому, кроме самого больного.

Лекарственными растениями знахари-травники запасались в строго определенные сроки. Лучшим временем сбора, за исключением некоторых трав, считался май. Но наибольшую целебную силу, по поверью, имели травы, сорванные в ночь на Ивана Купала. Именно в эту ночь в лесной глухомани искали легендарные цветы папоротника, обладающие якобы особыми чудодейственными свойствами.

Принимая назначенное знахарем снадобье, больной в случае улучшения состояния не должен был говорить об этом никому, иначе «пользы от лечения не будет». Выварки трав нельзя было

«бросать в лохань или другое нечистое место, равно и во двор на попираание ногами, а непременно бросать в печь, иначе-де благотворного действия не должно ожидать».

У «шептунов» были свои методы. По сообщению, помещенному в «Памятной книжке Вятской губернии за 1895 год», одна знахарка лечила трехлетнюю девочку следующим образом: кипятила воду три раза, потом мешала ее кочергой и выпаивала. От кашля она использовала наговоренную воду, для лечения ноги — наговоренное масло. Как рассказывала в 1992 году долгожительница Н. Бессолова, на территории современного Подосиновского района в прошлом веке знахари успешно лечили больных лихорадкой с помощью ведра холодной заговоренной воды.

Знахарство не всегда было универсальным, чаще оно проявлялось в какой-либо узкой «специализации». Та же «Памятная книжка...» отмечает, что в селе Лопьял Уржумского уезда сначала был один старик, который лечил от всех болезней, затем появился ряд знахарок, из которых одна «шептала», другая взбрызгивала от родимца, третья наговаривала на редьку. Одна старуха снимала все «бабьи болести» корешками, другая «насчет двенадцати лошадиных и коровьих ногтей наговаривала», третья «от двенадцати сестер-лихоманок лечила».

Разумеется, не всегда такое лечение шло пациентам на пользу. Так, в конце XIX века в деревне Пиштенур полицейский стражник привлек к ответственности знахарку, лечившую от «окаменения живота» больную, которой после лечения стало хуже. В Казаковской волости Орловского уезда четыре бабки-повитухи «тащили веревкой» ребенка, вышедшего из материнского чрева вперед ножками, вследствие чего «вытащили одно туловище, а голова осталась в утробе матери, которая и померла».

ЗЕМСКАЯ МЕДИЦИНА

Вятское земство получило довольно скудное медицинское наследство: губернскую больницу на 150 коек, 10 уездных больниц, общая вместимость которых составляла 160 коек, богадельный дом «на 65 человек увечных и престарелых лиц всех званий, кроме крестьянского сословия», рабочий дом на 20 человек и смиренный дом на 10 человек. Несоответствие элементарным санитарно-гигиеническим требованиям, холод, грязь, плохое питание, недостаток обслуживающего персонала, платность лечения — все это отпугивало население от этих учреждений, их пациентами были преимущественно арестанты и военные. В отчете по губернии за 1866 год находим: во всех больницах побывало 4187 больных, из них 2118 арестантов, 1703 военных чина, 336 лиц всех сословий. Лишь

одна Кукарская больница лечила сельское население. В некоторых уездах существовали фельдшерские пункты.

Врачи на селе практически не оказывали медицинской помощи крестьянам, а были заняты в основном разъездами по вызовам для судебно-медицинских экспертиз да лечением помещиков, купцов, чиновников и духовенства. Крестьяне же получали помощь от фельдшеров палаты государственных имуществ, квалификация которых была довольно низкой, и от знахарей.

Сразу же после введения земского самоуправления в губернии началась реорганизация медицинского дела. В уездах вводилась участковая система обслуживания населения, увеличивалось число врачей и фельдшеров, открывались новые больницы и приемные покои. С 1867 по 1870 год во главе Вятского земства стоял энергичный и просвещенный деятель врач М. Синцов. Этим и была в немалой степени обусловлена активная деятельность земства в области медицины. Расширялись существующие больницы, приобретались инструментарий и медикаменты, в ряде уездов была отменена плата за лечение с земских плательщиков, появились зачатки специализированной медицинской помощи (родовспомогательная, венерологическая). Земскими врачами губернии ставились вопросы об ограничении фельдшерской самостоятельности и повышении квалификации фельдшеров, обучении сельских повитух искусству родовспоможения...

В 1874 году земство предпринимает попытку создать санитарную организацию. На службу приглашается В. О. Португалов, начинается изучение губернии «в санитарном отношении».

Вятское земство, считая охрану здоровья «делом наиважнейшим», постоянно и всемерно занималось ее совершенствованием. Уже через два десятилетия после введения земского самоуправления все уезды губернии были поделены на медицинские участки, практически на каждом из них имелись больницы и приемные покои, в сельских и городских больницах был организован врачебный прием пациентов. Самостоятельная практика фельдшеров была ограничена, хотя и допускалась в уездах, где селения «малы и раскиданы». Создание участковой системы обслуживания населения было большим шагом вперед. Но радиусы врачебных и фельдшерских участков значительно варьировали, численность населения на них была различной, на некоторых участках больницы были расположены «не центрально», количество коек в них не соразмерялось с числом населения на участке. Т. е. участковая система еще требовала значительного совершенства.

Развивалась и специализированная помощь, но в основном она была сконцентрирована в губернской земской больнице и крупных уездных городах. На периферии все еще было недостаточно акушеров, акушерок-фельдшериц, квалифицированных оспо-

прививателей. Функции последних зачастую выполняли минимально обученные крестьяне.

Заметные перемены произошли в аптечном деле. Уже к 1888 году почти все уездные земства «имели свои правильно устроенные, отдельные от больниц аптеки, управляемые провизорами, при которых есть достаточное количество низшего аптечного персонала». В Глазовском и Сарапульском уездах были открыты даже отделения аптек. Расходы земств на аптечное дело составляли значительные суммы и достигали зачастую трети всех расходов на медицину.

Вследствие того, что сифилис в губернии был распространен довольно широко (в 1887 году сифилитики составляли 1,4% всех пациентов, среди стационарных больных — 12,5%), Вятское земство уделяло огромное внимание его профилактике и лечению. Печатались специальные брошюры, осматривались возвращавшиеся с отхожих промыслов крестьяне, в с. Зюздино-Афанасьевское Глазовского уезда была открыта даже специальная больница для сифилитиков.

Огромные силы направлялись и на противоэпидемические мероприятия, т. к. часто возникали вспышки таких заболеваний, как кровавый понос, тиф, оспа, скарлатина, корь, сибирская язва, круп, коклюш. Земские врачи проводили «дезинфекцию и очистку жилых помещений и сортиров карболовой кислотой, железным купоросом и ждановской жидкостью, мытье щелоком и проветривание носильного белья», окуривание жилых помещений серой. Производилась также изоляция отдельных больных и целых селений.

В 1900 году коечная сеть в губернии увеличилась по сравнению с 1867 годом более чем в 5 раз и составила 6 коек на 10000 человек населения, количество врачей с 1870 по 1900 год возросло с 27 до 74, участков фельдшеров — с 95 до 272. Вся губерния была поделена на 54 земско-врачебных участка, на каждом из которых проживало в среднем по 55 тысяч человек. Площадь участка составляла до 2,5 тыс. кв. верст. К 1900 году в пяти уездах уже сложилась стационарная система медицинского обслуживания, в шести она была смешанной, разъездная же была ликвидирована полностью. Для повышения доступности медицинской помощи населению периферии в это время начинают создаваться так называемые межуездные больницы.

Однако вместе с успехами вятские земцы имели и довольно много проблем. Так, родовспоможение «в самых лучших уездах оказывалось только в 8% родов», планомерной борьбы с эпидемиями почти не велось, хотя еще в 1897 году земскими врачами Ильинским, Кошечевым, Завалишиным, Афанасьевым, Дементьевым и Ишутинным была «спроектирована» санитарная организация для губернии. Существовали проблемы и в борьбе с сифилисом.

Вятская губерния по числу сифилитиков в 1897 году занимала 23 место среди 34 земских губерний и 15 место по числу «венериков».

Таким образом, к началу XX века перед земской медициной все еще лежало широкое поле деятельности. По числу врачей, больниц и количеству амбулаторных посещений губерния находилась ниже среднего уровня в целом по России. По ассигнованиям на нужды здравоохранения на душу населения Вятское земство занимало одно из последних мест. Хотя уместно отметить, что уже с 1898 года в 8 из 11 уездов было введено бесплатное стационарное лечение.

К 1916 году число земских больниц и приемных покоев в губернии достигает 99. В них было развернуто 4185 коек, т. е. на 10000 человек населения их приходилось уже 13. Число врачей увеличилось до 138. Продолжалось разукрупнение врачебных участков. Так, к 1917 году их число достигло 73. Кроме того, существовали земские фельдшерские пункты, родовспомогательные учреждения, лечебницы, психиатрические больницы и отделения.

Земско-медицинское дело в Вятской губернии сложилось в прогрессивно развивающуюся систему. Во всех уездах были созданы врачебные советы для управления охраной здоровья населения, медицинская помощь оказывалась по участковому принципу, постоянно росло количество врачебных участков взамен фельдшерских, плата за лечение была дифференцирована в зависимости от вида патологии, обеспеченности и статуса пациента, а во многих случаях и отменена. Сложилась также, хотя и не окончательно, санитарная организация.

По-своему уникальным явлением, сыгравшим огромную роль в становлении и развитии медицинского дела, стали губернские съезды земских врачей. Как отметил на одном из таких съездов председатель земской управы П. И. Колотов, коллегиальное обсуждение всевозможных вопросов общественной жизни приводило к гораздо более рациональному их решению, чем если бы эти вопросы не выходили из сферы ведения одного какого-либо учреждения. С 1874 по 1909 год состоялось восемь съездов земских врачей губернии.

ПОДВИЖНИКИ

Деятельность многих вятских земских врачей являлась воистину подвижничеством. Всячески способствуя совершенствованию медицинской помощи населению, они выступали в то же время как общественники, гуманисты, просветители.

...«Вятские епархиальные ведомости» сообщали, что 28 июля 1913 года в 5 часов утра скончался Добронравов Александр Капи-

тонович, бывший в течение 30 лет старшим врачом Сарапульской земской больницы. После окончания Казанского университета Добронравов, как человек даровитый и любознательный, был оставлен при университете, в продолжение пяти лет работал ординатором в здешней клинике, одновременно исполняя обязанности врача при тюрьме и преподавателя Казанской фельдшерской школы. Оставаясь в Казани, доктор был на пути к известности. Но, преисполненный желанием быть полезным бедному, нуждающемуся в опытном враче люду, он откликнулся на приглашение Сарапульского земства и принял на себя обязанности и звание старшего врача Сарапульской земской больницы.

Александр Капитонович состоял на службе в земстве с 1875 года. Он заведовал всей больницей по части медицинской, фармацевтической, хозяйственной в административном отношении согласно уставу лечебных учреждений, руководил терапевтическим отделением больницы, принимал ежедневно приходящих больных в приемном покое по отделу внутренних болезней, а также в случаях эпидемий выезжал в селения Сарапульской волости.

Как человек доброй души, Добронравов не только лечил своих пациентов, но и помогал им материально через основанное им благотворительное общество при Сарапульской земской больнице. Причем помощь оказывалась не только пациентам, но и их родственникам. При недостатке средств в обществе он не задумываясь жертвовал на эту помощь личные деньги.

Добронравов написал книгу-отчет «Сарапульская земская больница за 25 лет ее существования». В ней не только рассказывается об истории больницы, но и приводятся итоги деятельности ее медицинского персонала, дается анализ заболеваемости, смертности, эпидемий на обслуживаемом участке. Книга насыщена сводками, таблицами, которые характеризуют развитие медицинского дела в Сарапульской волости. Все свое имущество Добронравов завещал в пользу больничного храма и основанного им благотворительного общества.

Семена Афанасьевича Ишутинова (1862—1931) с полным правом можно назвать одним из пионеров хирургии в Вятской губернии. Он родился 12 декабря 1862 года в семье крестьянина Орловского уезда. Настойчивость и трудолюбие помогли ему поступить в гимназию. До 7 класса он учился в Вятке, последние два года — в Симбирске. Медицинское образование Ишутинов получил в Московском университете, который окончил в 1888 году. Став врачом, приехал работать в родные места — в участковую больницу села Верхошижемье. Здесь по его инициативе был построен хирургический корпус.

В 1895 году земство переводит доктора Ишутинова в город Орлов на должность старшего врача и хирурга уездной больницы,

где он продолжает много и успешно оперировать. Только за 1900 год «произвел 130 грыжесечений, в том числе 3 по поводу ущемления». За этот же период в Вятской губернской больнице таких операций было проведено только 7, из них 3 по поводу ущемленной грыжи. За выдающуюся работу в 1902 году Иштутинов назначается заведующим хирургическим отделением Вятской губернской земской больницы. На этом посту он проработал до конца жизни.

Семен Афанасьевич был прогрессивным врачом. Он постоянно пополнял свои знания, много читал специальной литературы, неоднократно участвовал в Пироговских съездах, несколько раз был в научных командировках в клинических центрах России. За 43 года хирургической деятельности Иштутинов приобрел огромный практический опыт, пользовался широкой известностью не только в губернии, но и среди хирургов всей страны. С увлечением занимался он и педагогической деятельностью: преподавал хирургию в Вятской фельдшерско-акушерской школе. Иштутинов написал руководство по хирургии для фельдшеров, которое, к сожалению, не было опубликовано. В 1913 году общественность города Вятки торжественно отмечала 25-летие врачебной деятельности С. А. Иштутинова. Газета «Вятская речь» в то время сообщала: «За 25-летний срок он сделал около 7 тысяч операций и тысячи людей спас от смерти».

Семен Афанасьевич был разносторонне одаренным человеком — любил и понимал музыку, играл на виолончели, духовых инструментах и уже в пожилые годы освоил еще и рояль. Он обладал хорошим баритоном, увлекался шахматами и одно время был даже чемпионом Вятки по шахматам. Он был прекрасным семьянином, много времени уделял воспитанию детей. Скончался С. А. Иштутинов 14 апреля 1931 года от желчнокаменной болезни.

Иван Иванович Моллесон (1842—1920), первый санитарный врач России, «дедушка русской санитарии», работал в 1871 году участковым земским врачом в Яранском уезде. Родился Иван Иванович в Иркутске в 1842 году в семье исправника горного ведомства. В 1860 году окончил Казанскую гимназию, в 1865 году — медицинский факультет Казанского университета. Работая в Вятской губернии, он опубликовал в Казани книгу «Земская медицина» (1871), изложив в ней свои мысли, которыми не только руководствовался сам, но и призывал руководствоваться всех врачей России. Основываясь на своем опыте, он писал: «Здоровье — это основа богатства». Моллесон утверждал, что людей надо «предостеречь от заболеваний и смерти».

Пермское земство первым в России решило учредить должность санитарного врача и пригласило на нее И. И. Моллесона. Так, с февраля 1872 года он стал первым в России санитарным врачом. На протяжении многих лет Моллесон не только с честью выполнял

эти обязанности, но и сумел так построить свою деятельность, что стал образцом для всех земских врачей России, а в дальнейшем для всех санитарных врачей. На протяжении нескольких десятилетий он был в центре внимания медицинской общественности — ему подражали, с ним спорили... Не было ни одного крупного вопроса, касавшегося охраны здоровья, которым бы он не занимался. В спектр интересов Моллесона входили борьба с тифом, оспой, создание в России первых детских сезонных яслей, им была проведена огромная работа во время голода и холерной эпидемии 1892 года. Литературное наследие Моллесона очень велико — им написано около 300 работ. Умер И. И. Моллесон в 1920 году в Воронеже.

Отроков Николай Васильевич родился 20 октября 1858 года в городе Великий Устюг. После полного курса Вологодской гимназии поступил на медицинский факультет Московского университета, который окончил в июне 1885 года. В июле того же года был назначен заведующим Подосиновской больницей и земским врачом второго медицинского участка Никольского уезда Вятской губернии.

Медицинский участок по территории «был весьма велик». Николай Васильевич работал самоотверженно, никогда не отказывал в помощи больным. Они часто приезжали к нему за 60 и более верст. Но чаще он выезжал к пациентам сам, по две-три недели не бывая дома. Осмотрев больного и назначив лечение, Отроков не уезжал, пока не решит с местными властями все вопросы по оздоровлению населения и наведению санитарного порядка в населенном пункте. Он читал лекции, проводил беседы по санитарно-просветительной тематике.

В 1905 году Н. В. Отроков назначается уездным врачом в Вологодскую губернию, но постоянно стремится вернуться в Подосиновец. В 1908 году мечта сбывается, и он вновь назначается заведующим Подосиновской больницей и земским врачом второго медицинского участка Никольского уезда. С 1908 по 1923 год Николай Васильевич работает по совместительству школьным врачом и преподавателем гигиены. Видя неутомимую деятельность Отрокова, земство строит ему дом и передает впоследствии безвозмездно. В этом доме он жил до последних дней своей жизни.

Несмотря на огромную занятость, Николай Васильевич постоянно и настойчиво работал над совершенствованием своих знаний, публиковал работы о борьбе против сифилиса и других венерических заболеваний, о профилактике сыпного тифа. В 1928 году Н. В. Отрокову было присвоено звание Героя Труда. В том же году Николай Васильевич вышел на заслуженный отдых, но и после этого продолжал посещать больницу для консультаций больных, давал советы начинающим врачам. Скончался Н. В. Отроков в 1940 году.

Вениамин Осипович Португалов, первый санитарный врач Вятской губернии, родился в 1835 году в городе Полтаве. В 1854 году поступил в Харьковский университет, но вскоре перевелся для дальнейшего обучения в университет города Киева. В 1861 году Португалов получает диплом врача и возвращается на родину, но в 1862 году он был выслан за революционную деятельность в Пермскую губернию. Здесь он работает в Шадринске, Чердыни.

В 1872 году Португалов переезжает в Самару, где и работает в должности врача-ординатора губернской земской больницы, широко занимаясь санитарной деятельностью. Участвуя в первом съезде земских врачей Самарской губернии, он активно выступает за развитие профилактической медицины. В мае 1874 года по приглашению Вятского земства Вениамин Осипович приступает к обязанностям губернского санитарного врача.

Свою работу он начинает со знакомства с санитарным состоянием больниц, школ, общественных учреждений, казенных заведений, а также жилищ. Португалов стал инициатором созыва I съезда земских врачей Вятской губернии, где практически на каждом из 10 заседаний выступал с докладами. Им были предложены проект и программа организации фельдшерской школы и губернского аптечного склада. Португалов неоднократно говорил и писал о необходимости санитарного просвещения крестьянства, борьбы с эпидемиями... Не порывает он и с революционной деятельностью. В 1874 году Португалова арестовывают и помещают в тюрьму. В 1875 году он был выпущен под залог и переехал в Самару, где занялся частной практикой. Через несколько месяцев снова арест, а затем — ссылка в Бузулук. В 1878 году Португалов возвращается в Самару, где и практикует до конца жизни. Скончался В. О. Португалов в 1896 году.

Имя вятского земского врача Савватия Ивановича Сычугова в конце прошлого века было широко известно по всей России. С. И. Сычуглов родился в селе Подрелье Орловского уезда Вятской губернии в семье священника. Детство его прошло в селе Велико-рецком. Сычуглов окончил Вятское духовное училище, а затем семинарию, но решил стать врачом. До Савватия Сычугова ни один из вятских семинаристов не отваживался на такой шаг.

Для экзаменов в университет требовалось знание гимназического курса, а он значительно отличался от семинарского. Сычуглов занимался по 15—17 часов в сутки и победил — успешно поступил в Московский университет. Университетские годы оказались трудным временем. Сильно нуждаясь в средствах, он не чурался самой черной работы, нанимался, например, грузчиком. Его прилежание в учебе было отмечено стипендией. В 1866 году Сычуглов оканчивает Московский университет и, чтобы отработать стипендию, направляется в Забайкалье полковым врачом.

Начало самостоятельной работы было нелегким. «Лазарет мой в первый же день по прибытии, — писал Сычугов, — был битком набит народом... Исследуя больных, я перед большинством болезней становился в тупик и после головоломной работы видел наконец, что они представляют не ту картину, которая изображена в книгах наших. Дело в том, что у моих больных каждая болезнь имела какие-то отклонения. Дорого бы я тогда дал за консультацию самого отсталого врача, да беда в том, что ближайший врач находился в 10 верстах. Я работал без усталы, перебегал от книг к больному, а от больного опять к книгам. А толку было все мало...»

Вернувшись из Сибири, Савватий Иванович обосновался в родном селе Великорецком. Он убедил земство в необходимости срочной перестройки местной больницы. К 1874 году она была готова. Сычугов был не только инициатором, но и непосредственным участником стройки. Он был хорошим столяром. Особый узор накладной резьбы по дереву называли «сычуговским».

Савватий Иванович активно участвовал в работе уездного земства, в губернских съездах врачей. В эти годы он печатает свои статьи, нередко разоблачительного характера, в столичной прессе. Это стало одной из причин напряженных отношений с земством. Все инициативы Сычугова встречают глухое, но упорное противодействие, ему даже не дают лошадей для поездок по деревням во время эпидемий. Все это, да еще ухудшение здоровья его и его жены вынуждает переехать во Владимир. На владимирской земле он провел немногим более семи лет. Работал земским врачом в селе Васильевском, избирался заведующим делами губернской санитарной комиссии. В 1889 году, после смерти жены, Савватий Иванович решает оставить службу.

В мае того же года он вновь возвращается в родные края, селится у сестры, становясь кормильцем и воспитателем семерых малолетних племянников. В селе Верховино Сычугов покупает дом, в одной половине которого устраивает амбулаторию. Больных было много, уже за первый месяц он принял более 600 человек. Почти треть из них получила советы и лекарства бесплатно — вдовы, сироты, погорельцы, нищие. В среднем же плата за лечение у него составляла семь копеек.

Популярность Сычугова среди населения была необыкновенной. Но он был скромен и относился к этому с иронией, о чем свидетельствуют строки из его письма: «Давно уже крестьяне говорят, что я живу не как другие, а по-божески. Теперь, пожалуй, заживо в святые произведут, а когда умру, так, чего доброго, будут ждать появления моих мошей. Смотри же, не забудь тогда поклониться мощам святого Савватия. Ох, темнота, темнота российская!..»

Сычугов был известен не только пациентам. Статью из

«Волжского вестника» с рассказом о вольнопрактикующем враче перепечатали несколько газет. Появились отклики, стали приходить в Верховино письма из всех уголков России. Именно с тех пор с фамилией Сычугова стало ассоциироваться слово «подвижник». Сам же Савватий Иванович считал иначе: «Некоторые органы печати в таком обыденном деле, как замена теплого места менее теплой деревенской практикой усмотрели подвижничество. С понятием о подвиге соединяется понятие о самопожертвовании, самоотречении — ничего подобного мне приписать нельзя. Я хорошую жизнь заменил еще лучшею — приобрел равновесие сил, уяснил для себя цель жизни, найдя возможность идеалам юности служить».

Сычугов понимал, что без просвещения невозможно добиться ни физического, ни духовного здоровья народа. После многих хлопот ему удалось открыть в Верховине бесплатную народную библиотеку. Уже в первый год существования в ней было более 150 постоянных читателей. В декабре 1897 года Сычугов получает официальное разрешение на проведение народных чтений. В 1899 году он решил расстаться со своей библиотекой — передать ее земству. К тому времени она насчитывала около 1600 томов и 554 читателя. Библиотека существовала до 1917 года. С 1907 года она называлась народной библиотекой имени врача С. И. Сычугова.

В свои последние годы Савватий Иванович тяжело болел, но не прекращал работать. По рассказу очевидца, врача П. М. Дементьева, он вставал с постели и шел к больным, принимал 4—5 человек, затем снова ложился отдыхать. «Выждет, пока опухоль ног упадет и снова на работу... работу вынужденную, но проистекающую из удивительной любви, почти непонятной для нас любви к младшему брату», — писал современник. Сам же Сычугов отмечал, что «дело дошло до того, что после приема 2—3 больных я должен был на 5 минут ложиться в постель, чтобы отдышаться».

Скончался Савватий Иванович 6 февраля 1902 года. Похороны его проходили при огромном стечении народа. Было сказано много простых, но искренних слов. Единственный венок на могиле имел надпись: «Доброму крестьянскому врачу, другу народа».

Е. В. БЕРЕЗИН

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ВЯТСКОГО СУДОХОДСТВА

Река Вятка с глубокой древности используется для транспортных нужд края. Она судоходна на протяжении 760 км — от устья до села Мулино Нагорского района. Однако выше Кирова суда ходят только в весенний паводок. Используются для судоходства притоки Вятки: Кобра (92 км), Молома (307 км), Пижма (136 км) и ее приток Немда (12 км), Чепца (148 км), Уржумка (12 км), Шошма (7 км).

НА УШКУЯХ И БЕЛЯНАХ

Из всех современных видов транспорта водный — наиболее древний. Еще новгородские «охочие люди», основавшие в 1374 году город Вятку, пришли сюда на ушкуях — больших ладьях, вмещавших до 30 человек.

Размеры ушкуев позволяли перетаскивать их через водоразделы по волокам, которые существовали между бассейнами Вятки, Камы и Северной Двины.

До сих пор самым дешевым и легким способом движения по реке остается сплав по течению. Именно так, согласно «Повести о стране Вятской», доставили новгородцы лес для строительства г. Вятки.

Пережило века и успешно используется на Вятке и ее притоках древнейшее плавсредство, способное двигаться по течению, — плот.

Владельцы сплавных судов, отправляясь в плавание, предпочитали организовывать караваны. Медленное и величественное движение каравана создавало иллюзию спокойствия и благополучия. Вот тут-то и поджидали сплавщиков лихие люди. Одно из таких мест — Разбойный Бор, расположенный ниже впадения реки Язельницы в Вятку. Сколько стычек с разбойниками произошло в этих местах, не знает никто.

Для защиты торговых караванов правительство содержало речную стражу на судах специальной постройки — гардкоутах*. Известно, что в 1830 году последовал указ о пополнении офицерами команд гардкоутов, плававших по р. Вятке.

В середине XIX века местные мастера научились строить плавучие сооружения, называемые белянами. Они остались в истории местного флота самыми большими судами (грузоподъемность достигала 2,5—3 тыс. тонн, длина 75—80 м). Беляны не смолили и не красили, а потому, когда они плыли по Вятке, то на фоне зеленых берегов резко выделялись белым цветом свежеструганного дерева.

Для сплава железа с местных металлургических заводов с конца XVIII и вплоть до середины 30-х годов XX столетия ежегодно сооружали несколько десятков коломонок — судов длиной до 42 и шириной до 6 м. Они имели двускатную крышу для защиты груза от непогоды. В конструкции коломонок учитывалось свойство свободно плывущего бревна, которое всегда движется комлем вперед, поэтому носовую часть корпуса строили шире кормовой.

С середины XIX века, когда для удержания судна на курсе

* Гардкоут — гребная шлюпка с небольшой пушкой на носу, применявшаяся для охраны торговых караванов на реках России.

стали использовать лот*, корпуса коломенок приобрели свойственную современным судам одинаковую ширину носовой и кормовой оконечностей.

Паруса на Вятке применяли на дощаниках и шитиках. При строительстве дощаников использовали гвозди, а доски обшивки шитика крепили к набору жгутами из мочала или вицами.

Эти два типа судов, ведущие свою родословную от новгородского ушкуя, могли транспортироваться волоком.

Движение судов против течения при отсутствии попутного ветра осуществлялось на веслах, с помощью шестов или на бурлацкой тяге. Последний документально подтвержденный случай использования бурлаков относится к 1916 г.

СТРЕМИЛИСЬ ВЯТЧАНЕ НА СЕВЕР

В XVII веке предприимчивые вятские купцы организовали торговлю с иностранцами, которые приходили морем в Архангельск. Вятские «промышленники» добирались туда на барках, которые строили в глухих лесах по берегам реки Лузы на территории Вологодской губернии. Из заготовленного на месте леса зимой строили суда, грузили их товарами (хлеб, лен, пенька и др.), доставленными по санному пути, а весной по высокой воде барки отправлялись в дальний путь по рекам Лузе, Югу, Сухоне, Северной Двине до Архангельска.

Именно этим путем доставил в 1806 г. вятские товары в Архангельск слободской купец Ксенофонт Алексеевич Анфилов (1761—1820), первым из россиян дерзнувший организовать прямую торговлю с Северо-Американскими штатами.

«Эпоха цветущего состояния торговли г. Вятки с Архангельском, — писал знаток экономики края Иван Савинов, — была между 1807 и 1813 годами, благодаря объявленной Наполеоном «континентальной блокаде», закрывшей английским купцам вход в европейские порты». «Тайна и поспешность, с какими действовали англичане, благоприятствовали выгодам вятских торговцев».

Для сплава вятских товаров на север использовались «староманерные» барки «самой грубой работы» грузоподъемностью 22—25 тысяч пудов — типичные для рек европейской России. Они строились в расчете на одну навигацию и «по разгрузке в Архангельске продавались по цене дров».

Любопытным историческим фактом оказалось создание буксирного пароходства на Северной Двине, подчиненного интересам

* Лот — груз из камня или чугуна, опускаемый на прочном канате на дно реки с кормы судна.

заграничной торговли вятских купцов. Инициаторами его создания выступили вятские купцы из г. Орлова М. Ф. и Ф. С. Изергины, а также Ф. Т. Булычев и «купеческий сын» В. А. Булычев.

Первый рейс парохода «Юг» с баржей из Архангельска в Устюг состоялся в августе 1858 г. С 1 октября по 1 апреля правление пароходства работало в уездном городе Орлове, где производился прием грузов и проходили собрания пайщиков.

Открытие в 1899 г. Пермь-Котласской железной дороги привело к прекращению сплавного судоходства, обеспечивавшего в течение двух с половиной веков экспорт вятских товаров.

АНДРЕЙ КУКЛИН, ЕГО КОМПАНЬОНЫ И КОНКУРЕНТЫ

С прихода в губернский центр камского парохода «Любимый» 11 мая 1855 г. началась эпоха парового судоходства на реке Вятке. К паровым судам стали постепенно привыкать, лишь сетуя, что мелководье Вятки не дает им «проникать» выше Котельнича.

Однако своего, вятского, пароходства все еще не было. Хотя «мысль о пароходстве давно уже существует на Вятке, — писал в 1859 г. орловский купец А. Н. Кузнецов, — но дело за средствами».

Средства вскоре нашлись, о чем вятичи узнали из газеты «Вятские губернские ведомости»: «Вятские купцы А. Куклин, В. Столбов и орловский купец И. Чудиновских составили компанию на открытие пароходства по рекам Вятке, Каме, Волге и притокам».

Приход своего первого парохода в г. Вятку 2 мая 1861 г. вятичи превратили в праздник, а вскоре они встретили другой пароход — «Орлов» — тех же владельцев.

В январе 1863 г. вятский третьей гильдии купец А. С. Куклин выкупил пай у своих компаньонов и стал полновластным владельцем первого на Вятке пароходства. В навигацию того же года у него появился первый конкурент — орловский купец Ф. Т. Булычев, отец знаменитого в будущем миллионера и мецената, построивший пароход «Гражданин».

Число пароходовладельцев постепенно росло: в 1868 г. на р. Вятке, кроме двух пароходов Куклина, плавали по одному пароходу уже упоминавшегося Ф. Т. Булычева, яранского купца Д. Д. Якимова и нолинского — К. Валанихина.

В это время начали принимать на борт буксирных пароходов первых пассажиров.

В середине 1870-х годов объявления «конторы вятского пароходства и торговли купца Куклина» стали появляться на страницах местной газеты все реже и реже, а в декабре 1875 г. было

опубликовано последнее, сообщившее о продаже баржи «30 сажень, шести вод», видимо, прослужившей шесть навигаций.

Конкретных причин прекращения деятельности первого вятского пароходства пока установить не удалось. Н. Миролубов — современник А. С. Куклина — лишь заметил вскользь: «Куклин, которому предприятие это дало, как говорят, очень порядочные барыши, не только не расширил его, но даже продал оба парохода».

Флот первого вятского пароходовладельца приобрел только входивший в силу молодой предприниматель Т. Ф. Булычев.

НЕ ПРИЖИЛСЯ НА ВЯТКЕ «НЕМЕЦ»

Изучавший историю вятского судоходства известный краевед Н. Н. Блинов писал в 1914 г.: «По Вятке до 1872 года ходили только буксирные пароходы... Кукарского пароходчика Якимова убеждали пустить хоть один пароход пассажирским, но он уверенно высказал сомнение: «Ну кто поедет на пароходе?» Без немца дело не обошлось...»

Таким «немцем» стал кунгурский предприниматель и великобританский подданный Эдуард Гакс.

История местного пассажирского пароходства началась с объявления в газете «Вятские губернские ведомости» № 25 за 1873 год: «Легкий пассажирский, вновь построенный пароход «Петр Гакс» собственно для мелководной реки Вятки, будет совершать правильные рейсы от г. Казани до г. Вятки».

30 марта 1874 г. та же газета уведомила о предстоящих с открытием навигации рейсах пассажирских пароходов Э. Гакса — уже знакомого вятчан по предыдущей навигации парохода «Петр Гакс» и нового судна «Братья Гакс». Там же сообщалось о выходе на линию Вятка-Казань первого пассажирского парохода Т. Ф. Булычева. Публика ставилась в известность, что Гакс и Булычев работают совместно: «Расписание общее, такса одна, заведование со стороны владельцев отдельное».

«Совместная» работа на деле оказалась скрытой формой конкурентной борьбы, в которой победил молодой и энергичный Т. Ф. Булычев. В 1875 г. он приобрел у Э. Гакса оба пассажирских парохода, переименовав их в «Основатель» и «Потомственный».

ОЖИДАНИЯ ОПРАВДАЛИСЬ

Прослышав о первоначальных успехах Э. Гакса в перевозках пассажиров, на Вятку привели свои пароходы новые судовладельцы.

Об одном из новых пароходов — «Истобенец», производив-

шем, как сказано в объявлении, «легко-пассажирские рейсы между городами Вяткой и Казанью», стоит сказать особо, поскольку владельцем его был крестьянин Орловского уезда Вятской губернии Иван Михайлович Стойлов.

С целью удешевления постройки судна корпус его был деревянным. Зато установленная на «Истобенце» паровая машина, «сработанная» на нижегородском заводе Курбатова, оказалась новинкой судового машиностроения.

В бурном развитии парохозяйства вятская городская Дума «усмотрела новый источник дохода... Она постановила взимать за право приставания к берегу по 75 руб. с каждого парохода за навигацию».

В июле 1874 г. было открыто пассажирское сообщение между городами Вяткой и Слободским. На этой короткой линии работал пароход «Ласточка», только что законченный постройкой на заводе Шипова Костромской губернии по заказу вятского купца Силина.

Через несколько лет «Ласточка» освоила рейсы от Вятки до г. Глазова, став первым паровым судном на реке Чепце.

В 1876 г. на Вятке появились два новых парохозяйства.

Владелец одного из них, Александр Алексеевич Казенин, построил два грузо-пассажирских парохода — «Алексей» и «Михаил». Основатель парохозяйства вскоре умер, а у наследников дела не ладилось, в 1900 г. у них оставался только один пароход «Михаил».

Другое «Парохозяйство Я. А. Прозорова по реке Вятке» поразовало двумя вновь построенными мощными (90 номинальных сил) однотипными пароходами «Отец» (командир Е. П. Нордгрэн) и «Сын» (командир Е. И. Маслов). Два раза в неделю они совершали «правильные рейсы между Казанью и Вяткою».

К середине 1870-х годов вятское парохозяйство завершило все три стадии развития, свойственные речному парохозяйству в России: буксирное парохозяйство, буксиро-пассажирское и пассажирское и оправдало ожидания его создателей.

«ХОЗЯИН» ВЯТКИ

Со скандала началась известность Тихона Филипповича Булычева. В 1869 г. его отец, орловский первой гильдии купец Филипп Тихонович, проверяя кассу 22-летнего сына, обнаружил недостачу более 2000 рублей. В краже заподозрили 19-летнего лакея Андриана Сунцова, вскоре сознавшегося, что он незаметно от хозяина брал деньги.

Уроженец г. Орлова Т. Ф. Булычев принадлежал к родовитому купечеству. Его прадед Егор Никитич Булычев с конца XVIII столетия вел заграничную торговлю через Архангельский порт.

Тем же занимались наследники Егора Булычева. Не случайно Тихон Булычев образование получил в Архангельске.

В январе 1876 г. молодой купец был избран в родном Орлове городским головой, сменив на этом посту отца. Вступив в должность, он проявил самоуправство, уволив секретаря А. Н. Ипатьева. Для последнего увольнение оказалось тяжелым душевным потрясением, внушившим идею мщения обидчику.

Самодурство орловского городского головы получило отклик на страницах «Вятской незабудки» — сборника обличительных статей о злоупотреблениях местных должностных лиц, где появилась статья под названием «Орловский эксперимент». Там рассказано, как на заседании Думы оскорбленный несправедливым увольнением Ипатьев выстрелил из револьвера в обидчика. «К счастью, пуля прошла мимо и попала в ободок венского гнутого кресла... По мнению экспертов, у Ипатьева было очень сильное возбуждение нервной системы. Присяжные признали его невиновным».

После этого поучительного происшествия Т. Ф. Булычев отказался от должности, переехал в Вятку и полностью посвятил себя делам пароходства.

Булычев-отец открыл в апреле 1871 г. в г. Вятке на Преображенской улице контору своего пароходства, а через год появилось первое объявление «Пароходства потомственного почетного гражданина орловского первой гильдии купца Т. Ф. Булычева в Вятке».

Собственное предприятие Т. Ф. Булычев развивал с завидной энергией, постепенно, но уверенно тесня конкурентов.

В 1874 г. он по примеру Э. Такса открыл пассажирское сообщение между Вяткой и Казанью двумя пароходами «Ф. Булычев» и «Почетный». 1876 год Т. Ф. Булычев встретил владельцем самого большого на р. Вятке пароходства, под его флагом было уже 7 самоходных судов. Если названия четырех из них расположить в определенной последовательности, то получится полный титул отца судовладельца и основателя пароходства — «Потомственный», «Почетный», «Гражданин», «Филипп Булычев».

Порядки в пароходстве Булычева существовали строгие. Кочегара парохода «Двигатель» Тимофея Ситникова хозяин оштрафовал «за оставление службы самовольно», заплатив вместо оговоренных при найме 11 рублей жалованья в месяц по 8 руб. 25 коп. серебром. Матрос баржи № 11 Максим Есаулов в разгар навигации 1876 г. «бежал», прослужив всего 1 месяц и 5 дней.

Литературоведы утверждают, что именно вятский купец послужил А. М. Горькому прототипом образа Егора Булычева — главного героя пьесы «Егор Булычев и другие».

Стоит отметить, что технический прогресс в век пара и электричества доходил до Вятки не без помощи пароходов. На одном из них — «Ф. Булычеве» — жители губернского центра в

начале 1890-х годов впервые увидели электрическое освещение. Этот случай послужил основанием корреспонденту журнала «Нива» Никонову утверждать в 1900 г.: «Особенно потрудились для распространения культуры пароходы, все привозили они вятчан с собой, всякие усовершенствования и всякие приятности жизни».

К началу XX века Булычев довел численность своего флота до 19 пароходов.

Служащих своих «хозяин» Вятки приучал к самостоятельности и инициативе. «Обычно, — вспоминал Николай Александрович Стойлов, — Булычев на Вятке не появлялся. Его видели только два раза в году: при открытии и закрытии навигации. Все остальное время делами управляли его управляющие и агенты».

В 1900 г. крупнейшие вятские судовладельцы Т. Ф. Булычев, Я. Ф. Тырышкин и наследники И. В. Александрова объединились для совместной работы. Булычев стал директором-распорядителем нового акционерного предприятия и вскоре объявил себя миллионером.

После национализации флота в 1918 г. Т. Ф. Булычев, державший деньги в кассе пароходства, оказался без средств к существованию. Новой власти он оказался не нужен. Бывший миллионер и меценат обнищал, жил из милости у бывших своих служащих, много времени проводил в молитвах. Умер в 1929 г. в возрасте 82 лет.

ВЕЗЛИ ПО ВОДЕ... ПАРОВОЗЫ

Пароходство Я. Ф. Тырышкина возникло в начале 1880-х годов в качестве конкурента Булычеву и со временем получило довольно большое развитие.

Если Т. Ф. Булычев происходил из родовитого купечества, именовался от рождения потомственным почетным гражданином, то Тырышкин выходец из крестьян Вятского уезда, материального благополучия добился собственным трудом. Уступая Булычеву в образовании (всего три класса Быстрицкой сельской школы), он явно превосходил последнего в предприимчивости. Судите сами: в 1855 г. Тырышкин занялся извозным промыслом, в 1870 г. он уже купец второй гильдии, а в 1881 г. основал буксирное пароходство и стал купцом первой гильдии.

Если Булычев одевался по-светски изысканно, слыл англоманом, то Тырышкин выглядел проще: «Это был не человек современной моды, — писал хорошо знавший его Н. Озеров, — а простой степенный русский мужик в длиннополом кафтане и сапогах».

Во всяком случае, этот «степенный русский мужик» в последние десятилетия XIX века стал главным конкурентом Т. Ф. Булычева

в вятском судоходстве. Конкуренты периодически снижали цены на билеты и фрахт за перевозку грузов. Основная борьба развернулась за переманивание самого массового пассажира третьего класса. Про Тырышкина говорили, что у него в придачу к билету третьего класса в кассе давали булку-копейку, а по праздникам стопку водки. Судовладелец устанавливал 50%-ную скидку для сельских учителей и учащихся.

Давно забыт вклад Тырышкина в развитие железнодорожного транспорта, а ведь на его баржах привезли на берега Вятки первые паровозы. Произошло это в 1896 году, когда он подрядился перевозить паровозы и вагоны из Нижнего Новгорода в Вятку для строящейся тогда Пермь-Котласской железной дороги. Его примеру последовали другие судовладельцы. Общее число перевезенных водою вагонов достигло 250, а паровозов — более ста.

Я. Ф. Тырышкин умер в Казани в 1903 году в возрасте 64 лет. Тело его было доставлено для погребения в Вятку на пароходе «Дед», к приходу которого на пристани собралась большая толпа народа, проводившая похоронную процессию до Трифонова монастыря.

ПОД ОДНИМ ФЛАГОМ

В последнем году XIX столетия вятские пароходные «тузы» Т. Ф. Булычев, Я. Ф. Тырышкин и наследники коммерции советника И. В. Александрова объединились для совместной работы, создав фирму «Булычев». Под одним флагом акционеры собрали 38 пароходов и огромный флот самоходных судов (барж, гусят, «конторок», баркасов и др.). Созданное бывшими конкурентами акционерное общество в просторечье именовали «пароходной монополией».

Судя по «Воспоминаниям старожил» К. И. Клепикова, инициатором создания «пароходной монополии» выступил молодой виноторговец из г. Слободского Петр Иванович Александров, который «предложил вятским пароходчикам Булычеву и Тырышкину составить союз, в противном случае он цену понизит. Имея в виду, что Александров будет большой конкурент, согласились на его предложение, союз состоялся».

Клепиков же сетовал: «До Александрова каждую неделю пароход Булычева делал рейс до Казани по удешевленной цене. Не нашел же Александров своему капиталу дела лучше пароходов, которое бы дало ему и обществу пользу».

Конец XIX века на речном транспорте ознаменовался концентрацией судовладельческого капитала и созданием монополий. Это была общая для всех речных бассейнов России тенденция,

обусловленная обострением конкурентной борьбы не только между судовладельцами, но еще и между железнодорожным и речным транспортом в целом.

В проигрыше оказались пассажиры из-за повышения цены (таксы) на билеты. Один из них, скрывавшийся под псевдонимом Омега, сетовал: «О прежнем зазывании и заманивании трехклассных пассажиров нет и помина».

«Вятские монополисты» повысили тарифы за доставку грузов с 11 копеек за пуд до 60.

По старой, булычевской, традиции «к неудобству публики» и для собственной выгоды «заправили» фирмы перегружали пароходы. Созданием «пароходной монополии» остались довольны только ее владельцы.

В декабре 1901 г. фирма «Булычев» была преобразована в Товарищество Вятско-Волжского пароходства, в котором «портфель» директора-распорядителя получил Т. Ф. Булычев, а директорами стали Я. Ф. Тырышкин и П. И. Александров.

Так завершился процесс создания монополии в вятском судоходстве.

СЛИВАЛСЯ МАХОРОЧНЫЙ ДЫМ С ПАРОХОДНЫМ

С конца XIX века пользовалась спросом махорка, расфасованная в пачки с изображением довольного мужичка, покуривающего самокрутку. Таким фирменным знаком была отмечена продукция «Табачно-махорочной фабрики торгового дома Я. Е. Небогатикова сыновья в г. Нолинске».

Трижды женившийся купец Яков Евсеевич Небогатиков наследство завещал трем сыновьям от первого брака: Федору, Ивану и Михаилу. Братья-наследники, продолжая дело отца, обзавелись собственным пароходством.

Первенец своего флота буксирный пароход «Мелекес» они приобрели в 1896 г. и переименовали его в «Нолинск».

В 1911 г. нолинские судовладельцы переманили у Товарищества Вятско-Волжского пароходства опытного капитана и администратора Я. С. Голомидова и назначили его управляющим своим пароходством. На новой должности он проявил себя толковым организатором, создав ощутимую конкуренцию хорошо ему знакомой «пароходной монополии» на популярной у вятичей грузо-пассажирской линии Вятка—Казань.

Пароходство торгового дома «Я. Е. Небогатикова сыновья» предпочитало работать самостоятельно, не вступая в соглашение с вятскими пароходными «тузами».

Среди других судов вятского флота пароходы Небогатиковых выделялись дымовыми трубами, раскрашенными разноцветными полосами.

Два десятилетия тонкие струйки ароматного дыма от самокруток, начиненных махоркой фабрики Небогатиковых, смешивались с клубами дыма их пароходов. Национализированный в 1918 году флот нолинских купцов был объединен с флотилией национализированного Товарищества Вятско-Волжского пароходства.

На этом завершилась богатая событиями история купеческого флота на реке Вятке.

ПОД КРАСНЫМ ФЛАГОМ

Власть судовладельцев на Вятке кончилась в декабре 1917 г., когда мастеровые Аркульского затона вывели на тачке булычевского управляющего Н. Н. Ермолина.

Фактическим хозяином флота стал Союз служащих и рабочих (профсоюз) Товарищества Вятско-Волжского пароходства, осуществивший в феврале — марте 1918 г. национализацию купеческого флота в бассейне реки Вятки.

Суда двух крупнейших местных пароходств — Товарищества Вятско-Волжского пароходства и торгового дома «Я. Е. Небогатикова сыновья» к началу навигации 1918 г. объединились под руководством Главного Делового Совета, руководители которого уверенно смотрели в будущее: «Пароходство грузом обеспечено..., обладая 38 пароходами, в состоянии обслуживать нужды края».

В мае 1918 г. Волга стала ареной боевых действий. После обстрела белочехами у Казани вятского парохода «Внучка» (впоследствии «КИМ») прекратились рейсы на пассажирской линии Вятка—Казань.

16 июля 1918 г. буксирный пароход «Вятка» у села Козьмодемьянского был обстрелян с берега. Пулеметная очередь сразила лоцмана Михаила Петровича Гвоздева. Вскоре выяснилось, что судно под красным флагом обстреляли свои, приняв его за вражеское.

Весной 1919 г. из судов вятского флота был сформирован 5-й дивизион канонерских лодок Волжской военной флотилии. Обычные буксирные пароходы «бронировали» котельным железом, мешками с песком и кипами кудели, вооружили полевыми орудиями. На Вятке, где белые не имели своей флотилии, «бронепароходы» красных оказались грозными кораблями.

При переходе красных в наступление командир вятского дивизиона канонерских лодок Б. Ф. Любимов двумя кораблями прикрыл переправу своих войск, а с третьего парохода высадил

отвлекающий десант, который неожиданным ударом в тыл противника обеспечил форсирование Вятки. В завязавшемся бою белые были разбиты и отступили. Эта операция — удачный пример взаимодействия армии и флота.

Во время гражданской войны флот на Вятке по сравнению с Камой и Волгой понес небольшие потери, поэтому он стал резервом для восполнения потерь в судах на соседних реках. В двадцатые годы на Волгу и Каму передали все двухдечные (двухэтажные) пароходы и наиболее мощные буксиры. Оставшийся флот к середине 20-х годов основательно состарился и нуждался в ремонте.

Первенцем обновления местного флота стал пароход «Иван», возраст которого в 1926 г. перевалил за 30-летний рубеж. Дореволюционные судовладельцы подобный срок эксплуатации считали предельным и избавлялись от плавационных судов, ставших нерентабельными. При советской власти понятие о рентабельности деформировалось: выдавшие виды пароходы проходили по два капитальных ремонта, прослужили по 60 и более лет и оказались посланцами века пара и электричества (девятнадцатого) в век расщепления атома и освоения космоса.

Для перестройки «Ивана» в Аркуль «...прибыл специалист из Нижнего Новгорода, — вспоминал техник-судостроитель А. К. Казаковцев. — Был сделан небольшой проект без расчетов, проведены плазовые работы на щите, и в 1928 г. выпущен первый новый пароход «Бебель».

«Раньше таких комфортабельных судов на Вятке не было», — оценил итоги модернизации Л. Д. Мокеров.

Вслед за «Бебелем» прошли капитальный ремонт и были переименованы многие вятские пароходы. Из-за устарелости судового хозяйства объемы перевозок водным транспортом росли медленно и только в 1931 г. достигли уровня 1913 г.

ТОЛКАТЬ ВЫГОДНЕЕ

Вспомним известную картину И. Е. Репина «Бурлаки на Волге», где изображена артель, тянущая на бечеве барку с товаром. Со временем бурлаков сменили пароходы, которые на длинном канате буксировали одну или несколько барж. В начале 1950-х годов на смену паровым судам пришли теплоходы, но главное оставалось без изменения: буксир тянул за собой воз, как лошадь тянет телегу. Между прочим, вятские речники буксировщик с баржами называли возом или караваном.

В навигацию 1953 г. на Вятке наблюдали необычную картину: пароход «Ялта» толкал караван барж впереди себя. Со встречных судов и с берега кричали: «Эй, на «Ялте», неужели буксир утопили,

тянуть не на чем?» Но с буксирным канатом было все в порядке. Необычное расположение судов в караване объяснялось тем, что инициативный капитан парохода Николай Филиппович Третьяков первым на р. Вятке применил новый метод вождения судов.

Толкать оказалось выгоднее: увеличилась скорость движения, повышалась маневренность каравана.

В столице вятских речников — поселке Аркуль — судостроители ремонтно-эксплуатационной базы флота (РЭБ) имени С. М. Кирова создали многочисленный флот буксирных теплоходов и металлических барж-площадок, предназначенных для движения методом толкания.

В последнее десятилетие XX века Вятское речное пароходство вновь стало акционерным обществом. Как и в начале столетия, по Вятке ходят суда под трехцветным российским флагом. Переживший века водный транспорт продолжает обслуживать экономику Кировской области.

ПРИЛОЖЕНИЕ III

Вятка в воспоминаниях современников

Генрик КАМЕНЬСКИЙ^А

ПИСЬМА ИЗ ССЫЛКИ* (Отрывки)

10 ноября/29 октября 1846, Вятка

...Это очень красивая квартира и даже слишком просторная, — считаю такой недостаток положительным. Как во всех здешних домах, входных дверей с улицы нет, а лестница пристроена к дому. Низ кирпичный, а второй этаж — деревянный, сделанный из 10-12-дюймовых бревен. Страшит меня это тем, что дом будет холодным, потому что это только вторая зима после его постройки, и зимой в нем еще никто не жил. Тут принято считать, что деревянный дом только на третью зиму становится теплым, но мне так не кажется, потому что строился и обустраивался он очень старательно, но в худшем случае, если будет неволе, можно перебраться в другое место. Надобно Тебе сказать, что здесь существуют престранные обычаи относительно найма квартир, приема на работу и увольнения слуг и т. д. Составлять контракты не принято. Хозяин в любой момент может отказать в квартире, а съемщик — в любой момент отказаться от нее и даже востребовать выплаченные деньги. Преимущество съемщика состоит в том, что хозяин не в праве выставить его, пока он себе не подыщет новую квартиру, и можно было бы таким образом вопреки его воле жить нескончаемо, если бы не тысяча мелких неприятностей, которые хозяин может придумать. Если бы хозяин захотел обратиться по поводу выселения съем-

* Перевод с польского. Рукопись.

щика в полицию, то, чтобы дать делу ход, ему пришлось бы перво-наперво заплатить немалый штраф за уклонение от контракта на гербовой бумаге. Слуге можно отказать в любое время и приказать ему убираться немедленно. Подобным же образом и слуга, как только ему взбредет в голову, берет шапку в руки и является неожиданно-негаданно, требуя расчета, и немедля уходит. Именно по этой причине мне никак нельзя обходиться одним слугой, и я держу, сверх этого, повариху, которая до сих пор ничего мне не готовила, а берет 1 руб. асс. в месяц только за мытье полов и хождение за покупками, чтобы не оказаться в стесненном положении. Тут настолько принято не доверять слугам, что, уходя, все забирают ключи от комнат с собой, прежде все старательно позакрыв — суконки не оставят. Следует и мне приспособиться к этому обычаю, который мне чрезвычайно неприятен. Говорят, что, подвергаясь искушению, прислуга портится. Возвращаясь к вопросу о квартире, надобно заметить, что здесь все порядочные хозяева боятся большей частью сдавать дом неженатым из-за неподобающего их поведения, и только после наведения справок о поведении холостяка решаются они сдать ему квартиру. Войдя в дом, чтобы поговорить с хозяином об этом предмете, надо выдержать перекрестный огонь расспросов, которые ведут две-три персоны: откуда ты? по какому ведомству служить будешь? (очень удивляются, если ответишь: ни по какому) есть ли семья? корова? лошадь? (очень не любят, когда у съемщиков есть коровы, и предпочитают квартиранта без лошадей) есть ли слуги? будешь ли дома готовить? может предпочитаешь столоваться? и т. п. В моем случае всегда появлялся еще один вопрос; когда я отвечал хозяину, что живу сам, он сразу же говорил: «Коль вы сами, вам такая большая квартира не нужна. Наверное, вы с товарищем проживать будете». На это я отвечал, что буду сам, и объяснял хозяину невероятную выгоду от того, что в таком большом помещении (зачастую из четырех клетушек) будет проживать один-единственный квартирант. Тогда хозяин спрашивал: «А зачем одному такая большая квартира?» Вроде боялся, что там будут изготавливаться фальшивые деньги. Многих так и не убедил мой каприз жить нестесненно, — они все думали, мол, я туда Бог весть кого понапривожу, чтобы устраивать самые низменные гульбища. Но по этой части поляки у большинства хозяев имеют незапятнанную репутацию и гнусностей от них не ждут.

4/16 февраля 1847, Вятка

...Но возвращаюсь к масленице. Я получил было за два дня напечатанное приглашение от Костливых на пятничный бал, который состоится в ресторане «Собрания». Здание с внешней стороны было ярко освещено разными лампами — настолько, что на улице можно было иголки собирать. А в самом доме свет горел вдвое ярче — такого еще здесь никто не видел. Когда я прибыл, почти никого еще не было, а дам и подавно. Передавали слова Губернатора, будто он хоть на полчаса, хоть придется на носилках нести его, а все равно явится. Прибывали все новые люди, и общество росло; наконец все были в полном сборе. Ждали лишь главного гостя; оркестр ожидал только знака — он разместился на специально предназначенных для этой цели хорах, — так делают и в варшавском клубе, и во всем мире, где дают балы. В одном углу галереи, предназначенной для оркестра, было отгорожено место, напоминавшее ложу, для госпожи Финковой, жены Председателя Казенной Палаты, которой было очень любопытно посмот-

реть на бал, но принять в нем участие она не могла, так как ходит еще в глубоком трауре после смерти матери, наступившей три-четыре недели тому назад. За этим почти сразу же последовал второй удар: она потеряла малолетнюю дочь. Госпожа Финкова сидела в своей ложе вместе с несколькими домашними, а все присутствующие нетерпеливо ждали. И тут грянул бравурный марш — вроде тех, что играют на конных соревнованиях; в двери неожиданно вошел частный пристав и вытянулся по стойке смирно, хозяева бала — господа Костлицев, Финков и ряд здешних именитых лиц, тоже, безусловно, участвующих в представлении, поспешили к дверям: вошел Губернатор со своей семьей, то есть со своей женой и ее сестрой девицей Немятовой, и быстрым шагом — по дороге здороваясь с выходящими ему навстречу — проследовал в небольшой прилегающий салон, отделенный от большого зала только колоннами. По нему было знать, что приезд ему удался не без труда. Вскоре заиграли полонез, чего я здесь до сих пор не видел. Губернатор, как принято, шел в первой паре и раз двадцать начинал круг с новой дамой. После этого танцы пошли обычным чередом. Продолжались они до трех часов, когда Губернатор сел к ужину, который был расставлен на одном длинном прямом столе, пересекавшем зал для танцев и два прилегающих и отделенных колоннами салона. За столом поместилось около ста пятидесяти человек и оказалось еще довольно просторно; был накрыт еще и дополнительный стол приблизительно на тридцать человек. Провозглашали тосты за Губернатора, потом за дам и тому подобное, одновременно произносили благодарственные речи, и за каждым разом вступал оркестр — погромче и вразнобой. Губернатор пробыл до самого конца. Все сошлись во мнении, что Вятка до сих пор не видела и не слышала о таком чудесном бале.

В четверг, пятницу и субботу после полудня все, кто имеет сани, выезжают на так называемую Московскую улицу: одни едут по одной стороне, а другие — им навстречу — по другой. Я тоже отправился туда из любопытства, но очень скоро возвратился, не найдя ничего интересного в этой медленной дефиле. Хотелось посмотреть на развлечения простых людей — на известные русские горки, однако в этом меня постигло полное разочарование, потому что каталось всего несколько мальчишек, которые взбирались на специально возведенные и политые сразу же замерзающей водой леса и спускались на маленьких саночках, летя в даль по специально проложенной для этой цели снежной колее. Сооружением горки специально занимался какой-то малый и, вероятно, обанкротился на этом деле. Нечто вроде карусели — просто деревянный крест, к которому было прицеплено четверо санок, — тянула какая-то несчастная лошадь. Ее немилосердно били ее хозяин, и зрители, и любители подобного катания на санках.

Шатер (не знаю, что там показывали, но в нем тоже никого не было) завершал собой развлечения для простого люда; собственно, простых людей было на круг человек сорок, преимущественно мальчишек. Из моего окна открывалось взору более оживленное зрелище. Мой хозяин — мастер-портной. Парни, работающие у него, и их гости без усталости отмечали «остатки» или, как здесь говорят, масленицу: они, скользя, катались по наклонным — причем изрядно наклоненным — жердям длиной около 40 шагов. Для этой цели параллельно укладываются две жерди — вроде железных крюков. Два парня взбираются одновременно: один — на первую, другой — на вторую жердь. Парни берутся за руки, как только взбираются в самый верх, начинают съезжать очень быстро, так как жерди наклонены круто. Весь

фокус в том, чтобы сохранить равновесие. Это требующее большой сноровки развлечение очень здесь популярно.

2/14 июня, 1847, Вятка

...В Вятке начался период религиозных торжеств. Они состоят преимущественно в ношении икон, т. е. святых образов, по городу и окoliце, что продолжается иногда несколько дней, а иногда — несколько месяцев. Доставляют сюда и иконы из провинции, ставят их в церквях, заносят в дома, да и, кажется, куда угодно — лишь бы только просящий об этом пожертвовал несколько рублей ассигнациями. Толпа, идущая за иконами, остается на улице и ждет, пока их снова вынесут, чтобы продолжить шествие за ними. Это немного напоминает неаполитанские процессии, которые, конечно, обставляются несравненно лучше. Двух шагов нельзя ступить, чтобы не грянуло слово «поредите, православне»; это крестьяне несут огромные деревянные ларцы, предназначенные для сбора пожертвований на богоугодное дело или на восстановление храма. После слов «поредите, православне», что означает «помогите, верующие», они объясняют людям, на что собирают средства, например, на «каменные строения» и т. д. Их столько всюду ходит в толпе, что их обращение сливается в своеобразный монотонный хор, напоминающий провозглашаемые в костелах литании. Каждый полминуты кто-нибудь из них проходит мимо тебя.

Икона св. Николая Чудотворца в течение такой трех- или четырехдневной процессии к Великой Реке собирает иногда до 100000 руб. асс., что дает достаточно хорошее представление о богатстве этого края и силе веры набожных. Толпа, идущая за иконой, слишком многочисленна, конечно, чтобы найти ночлег в стране, где постоянных дворов почтитай нет и где сдаваемые квартиры заняты людьми состоятельными. Поэтому люди ночуют в церквях или часовнях, куда вносят иконы; если представляется такая возможность, то люди просто покоем ложатся на полу, оставляя ровно столько свободного места, сколько надо для прохода, чтобы каждый мог войти, помолиться, подойти к церковнослужителям, купить и пожертвовать свечи. Таких свечей временами горит штук по десять, а то и больше. Но это не очень дорогое пожертвование, так как сами свечи тонюсенькие — длина обычная, но толщина — как у толстого карандаша или тонкой сигары; их идет штук двадцать на фунт. Ночь накануне Воскресения Господня все проводят в церкви стоя или на коленях (поскольку это торжественная церемония). Все держат в руках упомянутые свечи (мне их неловко называть свечами, поскольку они такие маленькие). Но свет от них исходит сильный, потому что их много.

13/25 сентября, 1848, Вятка

...Не помню, рассказывал ли я Тебе о скачках; кажется, нет, потому что состоялись они уже после того, как я отправил последнее свое письмо. Было три вида состязаний: бега на тройках, первенство всадников и последний приз для коня-тяжеловоза; каждые десять шагов на телегу подкладывали по два пуда — до тех пор, пока конь отказывался тащить дальше, конечно, без применения кнута. Затем считали нагрузку и впрягали очередного коня. Победителем объявляли того, который тянул лучше всех. Эти соревнования

предназначались исключительно для крестьян: они казались в восторге от такой придумки и страшно удивлены немалыми призами. Первая тройка получила 60 рублей серебром. Среди всех коней, а было их приблизительно пятьдесят, я видел только одного представителя вятской породы.

Киров, обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена. Фонд краевед. отд. Д. 1685. Лл. 184-186, 208-211, 242, 418-419.

¹ Каменьский Генрик (1812—1865) — польский революционный деятель, философ, экономист. Родился в семье генерала. Участвовал в Польском восстании (1830—1831 гг.). В 40-е годы — один из идеологов национально-освободительного демократического движения в Польше. Автор книг «О жизненных истинах польской нации», «Демократический катехизис», «Философия материальной экономики человеческого общества», «Народная война». В 1845 г. был арестован и сослан в Вятку, где близко сошелся со многими представителями местного общества и ссыльными, в том числе и с М. Е. Салтыковым-Шchedриным. Сохранились письма Г. Каменьского своей сестре из вятской ссылки (1846—1850), в которых предстает вятская действительность тех лет. В 1852 г., вернувшись из ссылки, уехал в Швейцарию, где прошли последние годы его жизни.

ИЗ МЕМУАРОВ А. А. ПРОЗОРОВА¹ — О КУПЦЕ Я. А. ПРОЗОРОВЕ И ЕГО СЕМЬЕ 1764 г.—1884 г.*

Фамилия Прозоровых — фамилия распространенная среди крестьян Якимовагинской волости Вятского уезда... За последнее время она все чаще и чаще стала выплывать на свет, и даже знаменитый Чехов в своей пьесе «Три сестры» придал им фамилию Прозоровых.

Корень этой фамилии, вероятно, затерян во времени, но одно из ответвлений его представляется возможным проследить по записной книжке Семена Антоновича Прозорова, собственноручно им ведомой и помеченной 1771 годом.

Семен Антонов[ич] Прозоров происходил из крестьян Якимовагинской вол[ости] Вятского уезда. Жил он [в] деревне Крутецкой и владел Средневагинской мельницей, доставшей ему в 1764 г. по разделу от первоначальной владелицы Александры Фирсовны Прозоровой, приобретшей мельницу с публичных торгов в 1724 г.

В 1769 г. Семен Антонов[ич] женился на девице 19 лет Фекле Андреевне. В течение брачной жизни у них родилось 17 детей, из которых каждый умирал через несколько месяцев, а пережили из них только трое: две дочери Александра и Фаина, вышедшие позднее в замужество, и сын Алексей, родившийся 12 марта 1780 г...

В записной книжке его родителя, помимо его рождения, имеется единственная отметка: «В 1795 г. Алексей был в Соловецком монастыре». Дальнейшие воспоминания о нем, так и о продолжении его рода я должен почерпнуть уже из моей памяти и личных моих впечатлений...

Алексей Семенович вел хлебную торговлю и имел небольшой домик на односторонке Александровской площади [г. Вятки], рядом с ныне большим каменным домом, что с подъездом... Женат он был два раза.

* Документ датируется по содержанию, дата написания мемуаров — 1920-е гг.

От первой жены его Екатерины Афанасьевны родился сын Александр, а от второй, Елизаветы Никитичны, сыновья Афанасий, Петр, Николай, Федор, Яков и дочери Елизавета и Серафима...

5-й сын, Яков Алексеевич Прозоров, вел вначале хлебную торговлю в г. Архангельске, а позднее непосредственно с заграничными конторами, преимущественно с Лондоном, поставляя, главным образом, лен. Зорко наблюдая за ходом дела и умело ведя торговлю, он из года в год увеличивал свой капитал, а во время турецкой [Крымской] войны, продав товар за границу по расчету на золото, потребовал уплаты в момент падения рубля в России, через что при расчете получил прибыли на одной курсовой разнице — около миллиона.

Жил он с семьей в г. Вятке в деревянном на каменном фундаменте доме на уг[лу] Николаевской и Никольской улиц [совр. ул. Ленина и Пролетарская]. Имел же массу домов, скупая при случае лучшие из продаваемых. Так, ему принадлежало громадное здание, занимающее чуть не весь квартал, выходящее с одной стороны на Спасскую (ныне Дрелевского) ул[ицу], а второй стороной на нижнюю Торговую площадь. В верхнем этаже этого дома издавна помещался в одной половине клуб, благородное, позднее — общественное, собрание, а в другой — частные номера, а позднее весь продольный корпус был занят клубом. В угольном же доме, выходящем на нижнюю площ[адь], был театр.

Следя за ходом торговли, он принял себе за правило отчислять от получаемых им барышей от 5 до 10% на дела благотворительности. Каковой капитал и переводился по книгам, по отдельной статье, а, находясь у него же в оборотах, увеличивался от начисления процентов за пользование. Столь разумно принятая система давала ему возможность широко проявлять свои пожертвования, не задевая своего торгового оборотного капитала и, действительно, размер его обширных пожертвований поразителен...

Когда мне пришлось познакомиться с Яковом Алексеевичем, ему было уже лет 60. Росту он был немного выше среднего, волосы имел темно-русые, твердые, носил их всегда гладко остриженными с косым рядом. Отличительной его привычкой было чесать затылок во всех случаях, когда ему приходилось задумываться или сосредотачиваться. Оставаясь один или играя в карты, он почти не выпускал изо рта трубку табаку с длинным мундштуком. Черты лица его были правильные, но маловыразительные, а взгляд строго сосредоточенный.

Все лица выдающиеся в городе или приезжие и принадлежащие к высшему служебному миру посещали его дом. Парадные завтраки, обеды и ужины чередовались. Ими руководила его семья. Он же выходил только к моменту того или другого, а то все время проводил в своем кабинете.

Как-то мне, его племяннику-гимназисту, пришлось проникнуть в его кабинет. Я застал его сидящим в широком кресле перед письменным столом с трубкою в руках. И, ведя разговор, он, между прочим, высказал мне следующее: «Вот, ты видел, от меня сейчас вышли рабочие и мой служащий — торговый приказчик. Вот этих людей я ценю, они труженики, и результат их работы — реальная польза. А те, в тех комнатах, что гудят и веселятся, — это одна вывеска. Вот смотри: у меня лакей Михайло — франт, в течение дня раз пять переменяет одежду, видный собой, прекрасный выездной с каретой и докладом, а цена ему грош. Так научись, глядя на них, следовать примеру первых, а не гнаться за вторым».

Супруга его, а моя тетя, Пелагея Семеновна происходила из мещан г. Лальска, из фамилии Угрюмовых. Брак их был в г. Архангельске 5 сентября

1841 г. Когда я узнал ее, она, красивая в молодости, была в почтенном возрасте, вся седая, с редкими волосами до плеч, выдержанная, всегда корректная, крайне обходительная и располагающая к себе. Она внушала к себе общее уважение. У ней была особая комната, где она принимала близких ей людей. Носила она, находясь в своей комнате, всегда блузы, пеньюары или татарки разных материй. Редко выходила в передние комнаты, предоставляя своей невестке занимать гостей.

Она страстно любила театр и оказывала артистам материальную поддержку... Выезжая в театр, концерты и изредка в гости, как она выражалась, для перемены воздуха, и даже при гостях она была причесана и одета наравне со всеми...

Сыновей у Якова Алексеевича было двое: Алексей и Владимир. Последнего я не знал, но слышал от тяти, что он, будучи гимназистом, всегда похвалялся своей силой и, ведя борьбу с товарищами в здании гимназии..., был товарищами сброшен с площадки каменной лестницы, ведущей в здание, а упав с высоты, получил столь сильные ушибы, что умер.

Второй сын, Алексей Яковлевич, окончил учение в Архангельском коммерческом училище, был женат на Антонине Николаевне Мосоловой, дочери уржумского помещика, во время [Крымской] войны снарядившего на свой счет полк, коим командовал, за что был высоко чтим и уважаем. После его смерти дочери его остались без отца и, кажется, без средств. Дочь его Лидия Николаевна вышла за вятского вице-губернатора Ф. Н. Домелунксена, младшая, Анна Николаевна, — за казанского профессора Шпилевского, а средняя, Антонина Николаевна, — за А. Я. Прозорова. Воспитание она получила в институте. Была красивая, брюнетка, имела на бледно-матовом лице вспыхивающий румянец, обладала, кажется, всем, что требуется для светской жизни. Играла хорошо на рояле, при слабом, но приятном голосе пела и отличалась особенной, ей свойственной манерой оказывать внимание окружающим и располагать к себе. Выйдя замуж за коммерсанта, брак свой считала несколько низким для себя. Дом свой старалась поставить на возможную высоту, привлекая к себе все высшее, выдающееся... Но благодаря ее воспитанию и образованию неприятное чувство ее сглаживалось и делалось незаметным. Супруг же ее старался возможно возвыситься.

При отце вначале он вел дела под его руководством. Со своей стороны и он мне дал следующий урок.

Родители мои жили в Слободском. Отец как-то меня, в возрасте лет 12-ти, когда я был на зимнем вакате, послал в Вятку к дяде за деньгами. Я должен был получить несколько тысяч. Получив от Алексея Яковлевича пачки денег, я их сложил в саквояж и продолжал разговор. Минут 10 спустя он просит меня деньги ему возвратить, я вынул и отдал. Считает деньги — недостача, явление для меня непонятное. Доведя меня до слез, говорит, что, получая деньги, надо считать, что он с целью дать мне же урок нарочно вынул несколько кредиток, которые тотчас и вложил. Это был мой первый урок коммерческой грамоты. Позднее мой отец то же проделывал, посылая со мной деньги в контору из верхнего этажа в нижний, но я был уже осмотрительнее и не попадался впросак.

Возобновив в памяти очертания семьи дяди, перехожу теперь к выяснению его общественной деятельности.

Яков Алексеевич с 1859 по 1862 гг. служил городским головой и был председателем комитета по постройке Александровского собора, заложен-

ного 30 августа 1839 г.^{*} по проекту архитектора Витберга, проектировавшего постройку храма Спасителя в Москве и сосланного в Вятку...

Наружная кладка храма [была] закончена в 1848 г. Требовалась масса затрат для наружной и внутренней отделки. Яков Алексеевич, как председатель комитета, старается... ускорить окончание работы. Комиссия заказывает иконостас и писание образов петербургским выдающимися художникам, также заботится о завершении прочих потребностей постройки, привлекая для сего пожертвования, и председатель, главным образом, большую часть расходов принимает на себя...

Сочувствие к украшению храмов выражено им и к его приходу во Владимирской церкви, где на его средства в 1876 г. был вновь отделан правый придел, украшенный новым иконостасом и художественными образами, также выстроена вновь каменная колокольня. В 1879 г., предчувствуя приближение смерти², выдал Преображенскому и Успенскому монастырям, Владимирской и Спасо-Хлыновской церквям — 26500 руб.

Но не щедрыми пожертвованиями на храмы оттеняется его деятельность, а его пожертвованиями на учебные и воспитательные заведения г. Вятки.

7 декабря 1862 г. по убеждению вятского епископа Агафангела он поступает почетным блюстителем Вятск[ого] епархиального духовного женского училища и вносит ежегодно по 25 руб. на воспитание [каждой] ученицы. В 1869 г. от имени Пелагеи Семеновны туда же внесены 2200 руб. на воспитание двух воспитанниц, а по смерти своей Яков Алексеевич по духовному завещанию передал в собственность училища свой вновь выстроенный каменный дом на Александровской площади... Для бедных сиротских девочек при его содействии открыт приют на 40 человек... В 1884 г. на его средства открыт приют для 20 сирот мальчиков, для чего пожертвован им дом на ул. К. Маркса (Владимирской), где ныне помещен музей...

Кроме перечисленных пожертвований, к каждому празднику из его конторы выдавались бедным жителям мука, а бедным невестам, при выходе в замужество, определенная сумма...

ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 337. Л. 5-5об, 6об, 9-14об. Подлинник.

¹ Прозоров Александр Александрович (1854—1927) — уроженец г. Слободского, юрист, общественный и театальный деятель, жил в г. Вятке.

² Я. А. Прозоров умер 4.02.1881 г.

^{*} Так в документе. В «Столетии Вятской губернии» (Т. 1, с. 191) указывается, что закладка Александровского собора была совершена 20 августа 1839 г. в присутствии самого А. Л. Витберга.

ИЗ ВСЕПОДДАННЕЙШЕГО ОТЧЕТА ВЯТСКОГО ГУБЕРНАТОРА В. И. ЧАРЫКОВА О СОСТОЯНИИ ГУБЕРНИИ В 1869 г.

1870 г.

1. Естественные и производительные силы губернии

а) Местность

Губерния занимает 13904020 десятин, или 133478 кв. верст, из которых почти половина под лесами...

Огромные пространства, до 5 млн. десятин удобной пахотной земли дают полную возможность для приложения земледельческого труда в широких размерах...

Фабрик и заводов в губернии незначительное количество, а потому губерния не может быть отнесена к числу мануфактурных. Промышленная же ее деятельность преимущественно обращена на земледелие и на обработку растительных продуктов. Заработки по этой промышленности дают населению губернии главные средства к уплате податей и повинностей, за исключением четырех северных уездов губернии, где, по случаю плохих урожаев, крестьяне зарабатывают деньги на фабриках и заводах и разными промыслами...

б) Народнонаселение

Всех жителей в губернии в 1869 г. считалось 2372368 д[уш] об[оего] пола, более 1868 г. на 12807 душ, которые составляют прибыль от перевеса числа родившихся над числом умерших... Перечислено в 1869 г. из других губерний 86, а исключено 1016...

в) Дворянство

Дворянства в Вятской губернии самое незначительное число... Крупные землевладельцы проживают в других губерниях, предоставив управление своими имениями управляющим, которые ведут хозяйство устарелым невыгодным способом, так что ни одна помещичья экономия не представляет введение какой-либо улучшенной системы хозяйства, а потому дворянские имения не оказывают никакого влияния на общий ход развития местного сельского хозяйства. Некоторые же из богатых землевладельцев употребляют значительные свои средства на устройство заводов... Всех дворянских имений в губернии состоит 77...

г) Городские обыватели

...Большая часть городов Вятской губернии до сих пор имеет значение не как известные пункты усиленной торговли и ремесленной деятельности, а как центры административного управления. Исключением из этого могут служить только гг. Вятка, Слободской, Сарапул и Елабуга, в них положение городского сословия отличается некоторою зажиточностью вследствие значительного развития разного рода промышленности...

д) Торговля

Отпускная торговля губернии преимущественно направляется к двум пунктам: 1) уезды северные (Вятский, Орловский, Котельничский, Слободской и Глазовский) отправляют свои произведения сухопутно к пристаням на рр. Лузе и Юге, а оттуда водою в Архангельск и 2) южные (Яранский, Нолинский, Малмыжский, Елабужский, Уржумский и Сарапульский) посылают товары по Каме и Волге в низовые города, в Рыбинск, С.-Петербург, а также сухопутно в Сибирь.

Торговля г. Вятки и смежных с ним северных городов... состоит преимущественно в отпуске хлеба, льна и семени льняного... Из южных уездов губернии предметом отпускной торговли, кроме хлеба и лесных изделий, служат еще железные и чугунные изделия частных и казенных заводов. Главным торговым пунктом в южных уездах считается г. Елабуга...

К главным предметам отпускной торговли Вятской губернии можно отнести лес в брусках и досках, которого ежегодно вывозится на сумму до 500 тыс. руб., преимущественно купленного с торгов из казенных дач. Затем следует винный спирт, который, кроме внутренней продажи, отпускается еще в губернии Пермскую, Уфимскую, Казанскую и Вологодскую...

Развитию внутренней торговли особенно способствует значительное число ярмарок, базаров, торжков и народных съездов, установленных в городах, селах и даже некоторых деревнях по случаю прихода особенно чтимых икон. Здесь производится торговля разными произведениями местной промышленности — красными товарами, рогатым скотом и лошадьми. Всего в губернии 121 ярмарка...

е) Промышленность

...Промышленность сильно развита в северных уездах...

Вообще крестьяне губернии занимаются бурлачеством, извозничеством, рубкою, пилюкою и сплавом леса, рыбною ловлею в местных реках и работами на горных и других заводах, выжигают известь, ломают камень для жерновов, ткнут и красят холст и полотна, делают рогожи и другие изделия из лыка и древесного корня, готовят деревянную посуду, экипажи и мебель...

ж) Заводы

Главнейшие заводы в губернии — казенные Ижевский и Камско-Воткинский в Сарапульском уезде... Затем следуют небольшие заводы казенные в Слободском и Глазовском уездах и частные железодельные и чугуноплавильные в уездах Уржумском, Глазовском и Слободском...

з) Судостроение

Судоходные реки в губернии Кама и Вятка, а сплавные Вала, Кобра, Кокшага, Кильмезь, Пижма и Чепца. Главнейшие произведения, сплавляемые по этим рекам, суть: железо, хлеб, преимущественно же лес и лесные изделия. Всех пристаней на Каме 9, а на Вятке 28... Сверх сего на притоках этих рек 8 пристаней. В 1869 г. судокрушений было 23 случая...

и) Сельские обыватели

Бывшие государственные крестьяне составляют 4/5 всего народонаселения губернии, а крестьяне, как бывшие удельные, ныне собственники, так и помещичьи и других ведомств, составляют незначительную часть народонаселения губернии...

к) Иногородцы

Состав народонаселения Вятской губернии чрезвычайно разнообразен. Здесь, кроме русских, которых 1 922 507 душ обоего пола, живут: 1) Вотяки [удмурты] — 219 312 душ об. пола, населяющие уезды: Глазовский, Малмыжский, Елабужский, Сарапульский и Слободской; 2) Черемисы [марийцы] — 100 606 душ об. пола в уездах Малмыжском, Елабужском, Уржумском и Яранском; 3) Татары — 89 397 душ об. пола в Глазовском, Малмыжском, Елабужском, Сарапульском и Уржумском; 4) Башкиры, теңтяри¹, слившиеся в один народ, 18 590 душ об. пола в Елабужском и Сарапульском уездах; 5) Пермяки — 7650 душ об. пола в Глазовском и Орловском; 6) Бесермяне² — 1444 д[уш] об. пола в Глазовском уезде. Кроме того, в губернии живут в незначительном количестве цыгане, евреи, поляки

и немцы. За исключением цыган, все инородцы есть оседлые жители губернии...

л) Сельское хозяйство

Главное занятие сельского населения есть земледелие — трехпольное... Земледельческие орудия, употребляемые при обработке полей, самого первобытного устройства — соха и борона, по большей части деревянные, собственного изделия. Хотя в некоторых местностях Управление государственными имуществами и заводило в прежнее время на общественные суммы молотильные и веяльные машины, но они и поныне остаются без употребления, и крестьяне продолжают по-старому хлеб обмолачивать цепами или лошаадьми, а веют обыкновенно лопатами при ветре.

Из хлебных растений, произрастающих в губернии, главное место занимают рожь, овес и ячмень. Кроме того, в южной части губернии сеются: пшеница, полба, греча и картофель. В северной части Слободского и Орловского уездов сеют только ячмень, а в прочих северных уездах на песчаном грунте сеют яровую рожь вместо озимой ржи. Из яровых хлебов особенно много сеется овса. В уездах Малмыжском и Уржумском сеют в полях картофель, а в других уездах его сажают только в огородах. К самым доходным сельскохозяйственным продуктам принадлежит лен, разведением которого крестьяне занимаются повсеместно в губернии, а также сеют коноплю и хмель...

Огородничество развито только между подгородными крестьянами и в некоторых частях Вятского и Орловского уездов. Крестьяне этих местностей, кроме собственного потребления, снабжают овощами в значительном количестве и городских жителей. Лучшими огородниками в губернии считаютяся вотяки, с любовью занимающиеся земледелием...

м) Скотоводство

...Полагая крестьянскую семью в 4 д[уши] м. и ж. пола, на каждое хозяйство придется 1 лошадь, 1 рогатая скотина, 2 овцы и 1/2 свиньи. Вообще домашний скот непородист, мелок и посредственного качества...

ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 271. Л. 5-9об., 11-13об., 15-15об., 17об-22, 23об. Копия.

¹ Тепляри — смешанная группа населения, происходившая от татар (главным образом), удмуртов, марийцев, мордвы и жившая преимущественно на башкирских землях.

² Бесермяне — этнографическая группа удмуртов, корни ее связаны с волжскими болгарями.

Б. Г. СЕРГИЕВ¹

ВЯТСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ (1890—1906)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. О БЫТЕ

(Отрывки)

1960 г.

ОДЕЖДА И ОБУВЬ ВЯТЧАН В 90-х ГОДАХ

Я присматривался к разнообразию одежды приезжающих в город крестьян, а также и городских обывателей, к их головным уборам и к обуви, которую они носили.

Крестьяне-мужчины летом были одеты большею частью в одежду,

сшитую из домотканых холстов: холщовые рубахи и шаровары. Рубахи подпоясывались кушаком или ремнем, а шаровары заправлялись в сапоги или концы их забинтовывались онучами из серого холста. На онучи надевались лапти. Они прикреплялись к ногам веревками из лыка, которые обматывались вокруг ног и закреплялись узлом в верхней части онуч. Кожаные сапоги крестьяне носили редко из-за дороговизны. Их носили только молодые «франты», и то в редких случаях: на ярмарках, на посиделках и тому подобных местах, где собирается много народа.

Крестьянки носили кофты и юбки или сарафаны также из домотканого холста.

Холсты были самые разные по толщине и расцветкам. Основной цвет шаровар и юбок был синий, иногда натуральный серо-белый. Холсты в полоску и в клетку употреблялись на рубахи и кофты, также синего, красного и других цветов. Рисунки были самой простой формы, более удобной для ткачества на ручных станах. Кофты и рубахи иногда были вышиты разными фигурками, цветками, в слочку и т. п. Рисунки зависели от умения и вкуса мастериц, желающих угодить тем, кто должен будет носить продукцию их труда.

Крестьяне и крестьянки редко носили одежду из материи, купленной в мануфактурных магазинах города или на ярмарках. Однако последнее время появились в носке и пиджаки и брюки, купленные в магазинах. Этому способствовали балаганы на местных ярмарках, куда городские купцы завозили на продажу готовое платье для мужчин и для женщин.

Все виды женской одежды имели одну общую характерную особенность: юбки были настолько длинные, что совершенно прикрывали ноги. Видны были только ботинки или туфли. Чтобы ходить по земле, по траве, подниматься по ступеням лестницы, приходилось одной рукой, а чаще обеими руками, приподнимать края юбок — так называемый подол. Само название показывает, что эта часть юбки доходила до самого низа. При этом, кроме верхней юбки, сшитой из какой-либо плотной материи, под нее поддевали еще одну или две юбки из белой легкой материи, из них одна подкрахмаливалась для шуршания при ходьбе хозяйки.

Юбки выходные имели много складок, оборок, плиссе и т. п. украшений, чтобы сделать юбку более пышной, а фигуру ее владелицы более объемистой. Под такие юбки модницы иногда поддевали полукруглые подушечки, привязывая их к талии тесьмой, а поверх юбки прикрепляли пышный бант.

Выходные кофточки также были различных фасонов; они делались большею частью из той же материи, что и юбки, но иногда из материи другого цвета, вида и качества и украшались кружевами, оборками, рюшами, бахромой и т. п. «аксессуарами». При этом рукава были, большею частью, гладкими, которые сменили большие «пуффы», носимые ранее на плечах.

Театральные и бальные платья делались обычно из одной и той же материи — и юбки и кофточки, причем последние имели на груди и на спине так называемые декольте, или вырезы, величина которых зависела от красоты той формы тела, которую женщина желала показать. Материи, из которых шили эти платья специальные портнихи, были шелковые, разных цветов и рисунков, или тонкие суконные, вигоневые и т. п. тонкие шерстяные.

Домашние платья большею частью шили из одной материи — и юбки и кофты, из недорогого ситца, мягкого и удобного для носки и стирки.

Фасоны были значительно проще, главным образом по фигуре, гладкие или слегка с оборками, без добавочных украшений, но юбки были обычно длинные.

Позднее, когда пришла мода на более короткие юбки, их стали шить до полуколена.

В качестве украшений женщины носили броши из золота, редко из серебра, с цветными драгоценными камнями: аметистами, хризолитами, изумрудами, сапфирами и реже с бриллиантами. Простые броши делали из яшмы, малахита и других полудрагоценных камней: бирюзы, опалов и прочих. Эти, последние, броши носили только простые люди.

На шее состоятельные женщины в торжественных случаях носили золотые часики на такой же цепочке, но тогда броши не надевались. На запястьях рук надевались браслеты самого разнообразного вида: гладкие с драгоценными камнями, крученые канатиком из золотой проволоки с застежками из полудрагоценных камней и прочие. Качество и ценность женских украшений зависели от материального благосостояния самой женщины или главы семьи.

Мужская одежда была тоже разнообразна, в зависимости от того, кто, где и когда ее носил.

Непременной верхней мужской одеждой были брюки из сукна, трико или иной материи — в соответствии со временем года и погодой. В домашней обстановке надевался либо халат, подпоясанный поясом самого разнообразного вида, либо короткий пиджак, а то пижама. Халаты и пижамы шили из теплой материи для зимнего времени и из легкой — для теплого времени года. В зимнее время под халат или под пижаму надевался жилет-безрукавка, сшитый из какой-либо цветной и теплой материи, из бархата, атласа и т. п.

Некоторые мужчины вместо халата и пижамы носили обыкновенный пиджак из плотной материи: сукна, трико и т. п., а летом — из китайской материи «че-су-ча».

Выходным костюмом мужчин были сюртук или визитка. Первый шили из тонкого черного сукна длиной до колен, а то и ниже, двухбортным фасоном. Второй — для выхода в гости, в театр или на концерты — шили из трико в полоску однобортного фасона, с закругленными фалдами спереди и с разрезом сзади. Такой же разрез был и у сюртуков, чтобы было удобнее садиться на стулья или в кресло. В задних фалдах делались внутренние карманы для носового платка.

Под сюртуком и визиткой носили обычно жилеты с карманами для часов с цепочкой, зубочисток, иногда для табакерок небольшого размера.

Парадным мужским костюмом для балов, для выступлений на эстраде, для приемов был фрак из тонкого черного сукна с фалдами сзади и вырезом спереди. Жилеты к фракку также имели большой вырез на груди. При этом с фракком носили обычно крахмальные сорочки со стоячим воротником и с черным или белым галстуком «бабочкой», т. е. бантиком. Тогда как с сюртуком и пиджаком носили большей частью длинные галстуки разных фасонов.

Украшениями мужского костюма были золотые часы с цепочкой через весь живот с брелоками и булавками в галстук — из золота с каким-либо драгоценным камнем. Других украшений мужчины не носили, не считая золотых обручальных колец. На правой стороне сюртуков и фраков носили также значки об окончании университета, института или о принадлежности к тому или иному обществу, например, Красного Креста, Добровольному пожарному и т. п.

У государственных служащих первоначально никаких эполет на плечах не было, затем появились узкие продольные и, наконец, поперечные, со звездочками, обозначающими чин владельца.

Ордена и медали носили только в особых случаях — при парадах и приемах у начальства, при торжественных службах в соборах с участием высшего духовенства и т. п. При этом надевались мундиры со стоячим воротником, расшитые золотым галуном. Золоченные пуговицы с гербовым двуглавым орлом были спереди мундира в один ряд и маленькие — на обшлагах рукавов. При мундире надевалась также тонкая короткая шпага в лакированном футляре с «эфесом» из кисти и позолоченной ленты, с позолоченным же металлическим концом.

Купечество в торжественных случаях обходилось черными сюртуками, поддевками и пиджаками.

ТОРГОВЛЯ В г. ВЯТКЕ В КОНЦЕ ДЕВЯНОСТЫХ ГОДОВ ПРОШЛОГО ВЕКА И В НАЧАЛЕ ДЕВЯТИСОТЫХ ГОДОВ ТЕКУЩЕГО СТОЛЕТИЯ

Через квартал от дома, где мы жили на Орловской, ныне Коммунистической, улице, по направлению к центру города была большая площадь, носившая тогда название Александровской, ныне площадь Революции. <...>

На площади, вокруг собора, по воскресным дням шла бойкая ярмарочная торговля. Это место называлось Верхним базаром, в отличие от Нижнего базара, или Нижних базарных рядов, находившихся почти в центре города, по ул. Николаевской (ныне ул. Ленина). На Верхний базар приезжали крестьяне и ремесленники не только из ближайших деревень, но и из далеких местностей. Торговля шла самыми разнообразными товарами непосредственно с саней и телег. <...>

Вернемся теперь на нашу торговую площадь Верхнего базара. В южной его части обычно продавали сено, солому и дрова. Здесь весов не было, товар продавался и покупался обычно «на взгляд». Покупатель просовывал руку внутрь воза с сеном или соломой, определял плотность их укладки. Иногда приподнимал воз с одной стороны и «по опыту» определял его вес. После чего, в зависимости от качества сена, определяемого тоже «на взгляд», происходил торг о цене. С дровами дело происходило так: руку среди поленьев просунуть было нельзя, а продавцы старались уложить дрова так, чтобы воз казался больше, объемистее. Для этой цели внутри ставили подпорки, а чтобы их нельзя было обнаружить, при доставке воза дров во двор покупателя сваливали их сразу на землю. Эту «махинацию» покупатели старались разоблачить и всегда препятствовали свалке дров, а снимали их постепенно и при обнаружении пустоты внутри воза протестовали против договоренной цены и требовали ее снижения или увоза дров обратно. Разоблаченному продавцу, руководящемуся пословицей «Не обманешь — не продашь», приходилось идти «на мировую» или с позором увозить товар обратно на рынок.

В первых числах сентября, по старому стилю, в южной части площади ежегодно происходила конская ярмарка. Она называлась Семеновской.

На ярмарке, в этом же месте площади, продавались целыми коробами яблоки разных сортов: антоновка, анис казанский и саратовский, хоро-

шавка — белый нежный сорт, царьградские — мелкие, сладкие яблоки желтоватого цвета и некоторые другие сорта. Яблоки продавались и на развес. Продавались здесь и овощи: кануста, свекла, морковь и другие продукты огородных хозяйств, реализующих урожай прошедшего лета.

Площадь Верхнего базара в ярмарочные дни являлась местом прогулок горожан Вятки, которые приходили сюда посмотреть и себя показать, а кстати и сделать закупки на предстоящую зиму.

На Нижнем базаре, находящемся ближе к центру города, у оврага речки Засоры, производилась рыночная торговля исключительно продуктами питания...

На углу улиц Спасской (Дрелевского) и Николаевской (Ленина) был большой магазин купца Кардакова. Здесь продавались самые разнообразные галантерейные товары...

С утра и до вечера продавцы показывали покупателям товары разного ассортимента, стараясь им угодить. Продавцами были исключительно мужчины. Женский труд в магазинах такого рода обычно не применялся. Некоторые модницы проводили значительную часть дня в этом магазине, больше из любопытства, злоупотребляя терпением продавцов, приказчиков, как тогда их называли.

Зоркий глаз хозяина или старшего приказчика постоянно следил за действиями продавцов, чтобы ни один покупатель не ушел из магазина без покупки. Приказчики должны были стоять на ногах целый день, за исключением обеденного времени. Разрешалось только опираться руками о прилавок, спрашивая в то же время у пришедшей покупательницы: «Что изволите, сударыня?» А узнав, чего она желает, расторопно раскладывать на прилавок нужный товар, разматывая кружева и развешивая другие вещи. Это было необходимо делать, чтобы избежать краж товара незнакомыми покупателями.

В магазине Кардакова над прилавками висели в рамках под стеклом объявления: «Цены на все товары без запроса». Они показывали солидность магазина и делали спокойной куплю-продажу: не нужно было торговаться с приказчиком о цене товара...

Рядом с магазином Бальхозиной находился магазин Домнина. В этом магазине шла торговля всякого рода пряниками. Очень вкусные были мятные пряники из белой муки с мятой, всегда свежие и ароматные. Продавались также «шоколадные» пряники с глазурью, «вяземские» четырехугольной формы с цукатами. Особенно хороши были здесь т. н. «жимки» — величиной с ноготь большого пальца прянички из серой муки с мятным ароматом. Они славились тогда, как и дымковские игрушки. Их увозили из Вятки часто как подарок в разные города России...

По улице Спасской, на углу ее с Казанской (Большевикова), был богатый магазин купца Клубукова. Здесь товары располагались в двух этажах — на первом этаже продавались всевозможные часы: стенные, настольные, каминные и карманные. Последние были из золота и серебра: мужские и женские, для ношения на цепочке поперек жилета или с подвеской из одного кармана с брелоками. Часы были и с двумя крышками, и открытые, дамские небольшие закрытые часы, носимые на цепочке через шею или прицепляемые к платью застёжкой.

На полках магазина красовались разные безделушки для подарков, для установки на шифоньеры и туалетные столики, могущие удовлетворить

самых требовательных покупателей и покупательниц. Под стеклами на прилавках лежали в специальных деревянных коробках, для подарков, и отдельно, поштучно, вилки, ножи, ложки столовые и чайные, серебряные и позолоченные, а также разной формы солонки: братинами, котелками, ящичками с крышкой и других видов...

Все магазины, которые были в г. Вятке в описываемое время, перечислить, конечно, невозможно. К 1900 году здесь находилось около пятисот частных магазинов и лавок, кроме земских, кустарных и государственных. В это же время в Вятке было свыше восьмидесяти магазинов, торгующих виноградными винами и крепкими напитками.

В городе было и несколько гостиниц. Лучшими из них были «Европейская» и «Центральная», расположенные одна против другой на углу улиц Спасской (Дрелевского) и Николаевской (Ленина) <...>

ЗРЕЛИЩА И РАЗВЛЕЧЕНИЯ

...К культурным развлечениям вятчан в девяностых годах следует отнести гастроли групп цирковых артистов, посещавших г. Вятку почти ежегодно. Постоянного помещения для цирковых представлений в то время не было. Приезжие цирковые антрепренеры воздвигали большой балаган-шатер на площади, где весной проводилась ярмарка-«Свистунья», т. е. около сада, носившего название Александровского, ныне сад им. Степана Халтурина.

Состав цирковых артистов был небольшой. Наездник и наездница, клоун, несколько акробатов и жонглеров, мужчин и женщин, работающих на трапециях и в партере. Привозили несколько дрессированных лошадей, пару пони, двух-трех дрессированных собачек. Зверей никогда не было. Большого количества цирковых артистов труппа обычно не имела — не позволяли скромные сборы. Но приезжали отдельные гастролеры: китайцы, японцы и других национальностей.

Для увеличения сборов и привлечения в цирк широкой публики дирекция организовывала встречи борцов по русской и французской борьбе. <...>

Чтобы привлечь побольше зрителей, до приезда на гастроли группы борцов, артистки цирка знакомились в садах и на улицах с молодежью и приглашали ее на представления. Сначала давали контрамарки. Их можно было обменять в кассе на билет с оплатой половины стоимости или даже получить его бесплатно. От взрослых артисток не отставали и девочки-подростки из труппы. Они заводили знакомства с гимназистами и реалистами, зазывали их в цирк, обещая показать лошадей, дрессированных собачек и т. п. <...>

В то время кинотеатры назывались синематографами и устраивались частными лицами. Было в них ежедневно по два-три сеанса. Демонстрировались фильмы, главным образом комедийного содержания с участием артистов по фамилиям Глупышкин, Пренс и других. Демонстрировался и один заграничный фильм, изображающий «Дорогу от Парижа до Жуанвиля». Места в кинотеатрах были не нумерованы, что вело к большому неудобству публики, так как при входе обычно устраивались давки желающими занять лучшие места. <...>

Следует упомянуть о развлечениях, к которым прибегали более или менее зажиточные горожане, а именно о выездах на свежий воздух в зимнее время, а также и летом. Любимым местом для выездов в зимнее время, пока не наступят морозы, было селение и почтовая станция Бахта. Сюда на парах и тройках лошадей, на саниах и на розвальнях выезжали компании знакомых между собой людей, захватив нужные продукты и напитки.

В помещении станции, а больше в какой-либо гостеприимной избе, устраивались пикники с обильным угощением и выпивкой, а затем танцы под гармонь местного гармониста или привезенного с собой. Любители погулять подольше на воскресный день оставались ночевать в местных «номерах» или в частных комнатах, чтобы возвращаться к своим «пенатам» только на следующий день.

В летние месяцы, кроме прогулок в заречный лес и загородный сад, совершались выезды на «линейках» извозчиков или на собственных экипажах в деревню Скопино, находящуюся на реке Вятке ниже города, а также в деревню Чижи, расположенную к югу от города по Московскому тракту. Сюда также привозились выпивка и разные закуски и домашние печения, а также и лимонад.

В Скопине и в Чижах совершались прогулки в лес за грибами и ягодами, смотря по сезону, а затем занимались играми на свежем воздухе; играли в «горелки» или в мяч. Более пожилые люди располагались на привезенных коврах или кошах и занимались тоже своим делом: болтали или сплетничали, а также и опустошали привезенные батареи бутылок, помня русскую поговорку: «На Руси любят пить, без чего нельзя быть».

Особое место занимали выезды «на Филейку», т. е. в находящийся недалеко от Вятки около деревни Филейки мужской монастырь. Целью поездок «на Филейку» было богомолье в монастыре, а чаще «на свидания» в монастырской гостинице. Хозяева гостиницы — монахи умели держать в тайне секреты и не выдавать их разным кумушкам и сплетницам, поэтому такие интимные встречи часто совершались там теми, кто в них был заинтересован.

«На Филейку» приезжали главным образом состоятельные лица, щедро расходовавшие деньги направо и налево. По этой причине в городе существовала поговорка в ответ на просьбу нищих «Подайте копеечку»: «Поди на Филейку, там две дадут».

Да, Вятка была в девяностых годах хотя и небольшим городком, но жители ее умели развлекаться и «отводить душу» на разных зрелищах и представлениях! <...>

Киров. обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена. Фонд краевед. отд. Д. 641. Лл. 176 180, 184—198, 204, 209—211, 218—219, 225—227, 263, 268, 274—275.

¹ Сергеев Борис Григорьевич (1886—?) — родился в семье учителя Вятской гимназии Г. Г. Сергеева. Окончил Вятскую мужскую гимназию, затем юридический факультет Петербургского университета. Юрист. Работал по своей специальности в Петрограде (Ленинграде), Сухуми, Алма-Ате, Геленджике, в Закарпатской Украине. Последние три года перед выходом на пенсию в 1956 г. был юрисконсультom Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР. С 1953 г. жил в Москве. В конце 1950-х гг. по совету Е. Д. Петряева написал свои «Вятские воспоминания» и др. мемуары.

В. Н. ШКЛЯЕВ¹

МОЯ ЖИЗНЬ

Автобиографические записки
(Отрывки)

1973 г.

Пожалуй, следует сказать еще об одном явлении времени моего детства. В самом конце 90-х годов в Холунице появились те, которые несколько позднее получили название хулиганов. Пьяницы и скандалисты, конечно, были и раньше. В заводской части поселка был знаменитый в те времена кабак, содержавшийся каким-то предпринимателем. Кабак этот помещался в узком переулке между главной улицей поселка (кажется, Троицкой по названию) и улицей Красной. Переулок всегда был переполнен возами, телегами — это посетители кабака оставляли их, пока «гуляли» в кабаке. Ходить по этому переулку опасались, так как от пьяных все можно ожидать. И все это было старо, как старая Русь: пьяницы — извечная фигура на Руси.

Но в конце 90-х годов появилась новая фигура. Это был обычно молодой, здоровый парень, были среди них просто молодцы, красавцы, смотреть на них приятно. Но эти молодцы точно объявили протест всему и всем. Они отчаянно дрались, пуская в ход даже ножи; помню, прямо распарывали животы в драке так, что вываливались кишки. Помню, в больницу к отцу в течение немногих месяцев были доставлены несколько человек с выпущенными кишками.

Количество этих хулиганов было невелико, но страх на население они нагнали немалый. Был среди них самый страшный и самый знаменитый — Ванька Черезов. Это был парень лет 22-х, красавец, кровь с молоком, сильный, черноглазый, румяный, брюнет. Я видел его много раз, и еще тогда он казался мне буйным добрым молодцем; вероятно, такими были соратники Стеньки Разина, переполненные буйным протестом силачи и ухари. Интересно, что хулиганы не совершали краж и ограблений.

Они пьянствовали, «гуляли», дрались, другими способами обижали людей. Мне кажется, это было своеобразное проявление протеста против существовавших тогда в жизни порядков, протеста стихийного, бессознательного, темного, не направленного к ясной цели.

Вспоминается один, пожалуй, комичный эпизод в связи с Ванькой Черезовым. Как-то зимним днем наша кухарка Прасковья шла по льду пруда домой. Тропинка была узкая, по сторонам глубокий снег. Идет и с ужасом видит: навстречу ей по этой узкой тропинке идет страшный Ванька Черезов. Тропинка слишком узка, разойтись двум встречным нельзя. Что делать? Сердце у Прасковьи, как говорится, упало. А Ванька уже близко. Тогда Прасковья сошла с тропинки в сторону, в глубокий снег, встала лицом к тропинке и при приближении Ваньки глубоко, в пояс, несколько раз поклонилась ему. Ванька будто бы усмехнулся и прошел дальше. А ведь она была уверена, что Ванька будет ее по меньшей мере бить. Вне себя от радости, что все обошлось благополучно, Прасковья вернулась домой и рассказывала всем об этом происшествии. Все мы от души смеялись над такой «находчивостью» Прасковьи.

Я не помню ни одного случая воровства чего-либо ценного у нас, хотя, может быть, и было чего воровать в нашей обширной усадьбе. Ночного

сторожа у нас никогда не было. Не помню случаев воровства и у соседей. Мне кажется, что тогдашняя довольно-таки патриархальная жизнь, полунаатуральное хозяйство основной массы населения, почти полное отсутствие приезжих и бродяг — все это вело к некоторой патриархальности и во взглядах людей на жизнь. <...>

Одно из ранних воспоминаний — это о первом автомобиле в Вятке. Был в Вятке купчина и фабрикант, миллионер Кузьма Игнатьевич Лаптев, попросту Кузя Лаптев — довольно молодой еще человек, очень здоровый, румяный, с красивой небольшой бородкой. Был он почти без образования, но очень любил «культуру», любил хорошо, необыкновенно шикарно одеваться, имел самых лучших лошадей, дорогие повозки и сани. Кучер у него был точно бог, важности необыкновенной, сидит на козлах как прямо-таки идол. Для внушительности под кафтан кучера подкладывали, видимо, целые подушки, зад кучера не уступал по мощности крупу большой лошади. Дом у Кузи был хотя и деревянный, двухэтажный, но весь раскрашенный выющимися растениями в модном декоративном стиле. Славился Кузя еще и довольно буйным нравом, любил всякие выходки, любил пустить пыль в глаза. Говорят, его постоянно мучила назойливая мысль, что бы еще сделать, чтобы удивить людей, показать им свое богатство и «культурность».

И вот догадался он купить себе легковой автомобиль. Купить его для Кузи — пара пустяков. Купил. Привез его в Вятку. Надо показать, удивить. Шофер тоже был. Дело было среди зимы. Дороги в городе были укатаны. Будь это осенью или весной — было бы горе. Дороги в городе были плохие, мостовых не было, грязь, ухабы.

Помню, шел я днем по Московской улице. Слышу какой-то шум, что-то стрекочет. Вижу, навстречу идет автомобиль, открытый, в нем важно восседает Кузя Лаптев и гордо смотрит на прохожих. Прохожие, конечно, ахают — автомобиль дело в Вятке невиданное. Непривычна была и быстрота движения автомобиля — в Вятке ездили только на извозчиках и своих лошадях со скоростью 6-7 верст в час, а тут по улице мчится автомобиль со скоростью чуть ли не в 20 верст.

Но это не главное. Главное в том, как реагировали на автомобиль лошади. Ведь на улицах всегда было достаточно лошадей. При виде удивительной телеги бедные вятские лошади от удивления, страха и огорчения (без лошади!!!) теряли самообладание, впадали в панику, ржали и бросались в стороны, на тротуары, только чтобы спастись от ужасного зверя, как, вероятно, им казалось.

Словом, Кузя своим выездом произвел полный разгром на улице. После этого Кузя появлялся на автомобиле еще несколько дней, а потом автомобиль куда-то исчез. Ходили о нем всякие слухи. Одни говорили — полиция запретила Кузе ездить на автомобиле. Другие утверждали, что автомобиль сломался и никто в Вятке не может его исправить. Третьи думали, что Кузя сам отказался от попыток привить автомобиль на вятскую почву и поставил его на хранение в сарай или увез куда-то, может быть, продал.

Словом, это «культурное» мероприятие Кузи окончилось внезапно и бесславно. Только через лет 10-12 появились единичные автомобили в Вятке, и все постепенно к ним привыкли, в том числе и лошади.

В том же 1903 году, в январе, в Вятке была открыта первая электростанция, на углу улиц Спасской (Дрелевского) и Владимирской (К. Маркса). Была она очень слабая, точно не помню ее мощность, не больше 2 тыс. киловатт. Станция давала ток для освещения важнейших учреждений и центральных улиц. На улицах были установлены фонари. В определенный час, как стемнеет, в них загорались слабые красные огоньки — это начинали раскаливаться керамические пластинки ламп. Раскаливание это длилось 1-2 минуты. Достаточно раскалившись, лампы вдруг вспыхивали ярким ровным светом. В частных квартирах первые годы электрического света совсем не было, может быть, кроме квартир высшего начальства. Использовались керосиновые лампы разных видов и размеров, от крошечных «коптилок» до мощных керосино-калильных ламп, где свет давала особая сетка, которая раскалившись, испускала яркий, ослепительный свет. Освещались также свечами, для которых были специальные подсвечники. Широко применялись свечи в церквях...

Киров. обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена. Фонд краевед. отл. Д. 453. Лл. 64-65, 112—113.

Шкляев Валериан Николаевич (1889—?) — родился в Белохолуницком заводе Слободского уезда (ныне г. Белая Холуница) в семье заводского врача Н. Н. Шкляева. Его мать, И. А. Шкляева (урожденная Спаская), была родной сестрой известного краеведа и статистика Н. А. Спасского. Учился в Вятском духовном училище, затем в Вятской мужской гимназии. Поступил в Петербургский университет на научно-естественный факультет, но не окончил курс. В годы I мировой войны служил в 106 запасном пехотном полку в Вятке (1915—1916). После революции работал в кооперативных и банковских учреждениях на Севере, в Средней Азии и в Сталинграде. С 1938 г. жил в г. Горьком (Нижнем Новгороде), работал переводчиком в технической библиотеке, преподавателем Горьковского филиала ВЗУК. С 1956 г. на пенсии. В 1973 г. передал два тома своих воспоминаний в Кировскую областную научную библиотеку им. А. И. Герцена.

Архивные документы

ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ УЧЕНИКА БОБИНСКОГО ЗЕМСКОГО УЧИЛИЩА* — ОПИСАНИЕ д. КАТАЕВЩИНЫ СЛОБОДСКОГО УЕЗДА И ХОЗЯЙСТВА ОТЦА

1894 г.

...Деревню Катаевщину называют многие по фамилии Лалетины. А ближние или хорошо знающие эту деревню нередко называют Ура. Урой называют, я думаю, потому, что народ в этой деревне очень не мирный... Народное предание говорит, что эту деревню основал какой-то преступник татарин, высланный на вольное поселение.

Деревня Катаевщина в нашем обществе считается богатой: у каждого почти хозяина есть свое отдельное ремесло... Ремесленники Катаевщины: лапотник, чеботарь, бочкарь, извозчик, кузнец, масленик и много мясников.

Деревня выстроена по плану, одним концом на север, а другим на

* Автора дневника звали Алеша. Его фамилия, другие сведения о нем не установлены.

юг. Домохозяев в деревне 13. Бедных больно нет, богатых тоже. У нас в деревне богатым считают того, у кого водится в руках по несколько сотен рублей. Стрoения не высокие, а по большей части очень широко расстроены по земле. Дома все подходящие друг к другу. Только один дом, двухэтажный, полукаменный, резко отличается от прочих домов. Соседи называют этот дом конторой, потому что в этом доме у нас находятся главные богачи, два брата.

Народа из нашей деревни уходит на заработки мало. Зато у нас чужих нанимают много. Особенно много на страду и сенокос... В прочих деревнях нет лишнего хлеба и сена, а в нашей деревне напротив.

Народ у нас больше грамотный: почти в каждом доме есть такой человек, который может читать и писать...

Деревня наша стоит на небольшой горе. Поперек деревни находится маленький ложок. Через самый лог — мост. Пониже вырыта яма вроде пруда, в которой беспрестанно находится вода.

Во время весны и осени в деревне всегда почти бывает страшная грязь, так сказать, непроходимая. Бывало, заедет сосед на лошади с возом снопов или дров, да тут и сидит: объехать грязь сухим путем нельзя...

Деревня наша приткнута к большой дороге концом. Посторонние люди едут и едут мимо деревни...

Вид Катаевщины невеселый, не видно ни села, ни города, только и видно лес да несколько плохих деревень, да с западной стороны в полуверсте под горой видно речку Моисеевку. Лес находится с северной стороны, простирается он на много верст. В этом лесу находятся наши луга. На северо-востоке через 18 верст от нашей деревни находится город Слободской. В этот город наши соседи ездят чего купить или продать. На юге через 18 верст — город Вятка. Но сюда ездят редко, потому что он находится за рекой.

На юго-западе через 7 верст от нашей деревни находится село Бобино. В этом селе есть земская школа, где учились и учатся наши грамотеи.

Наш дом стоит на середине деревни, на левой стороне. Чтобы дать больше понятия об устройстве нашего дома с пристроем, возьму такой пример. [Если] положить три палочки в ряд, [то] средняя палочка будет разделять все наше строенье пополам. Под средней палочкой будут находиться сначала ворота, в которые въезжаем мы с улицы в ограду, после ворот — ограда, дальше — бег: тут лошадь ходит кругом, ворочает колесо, когда мы работаем в маслобойне. За бегом стоит маслобойня — тут положим палочке конец. Под левой палочкой будет находиться сначала изба, дальше сени, клети, за клетьми двор и, наконец, скотная изба. Между скотной избой и масляной находятся ворота. Мы в них проезжаем в лужок. Под правой палочкой будет находиться сначала хлев, дальше двор, погреб, дровяник, где находится колодец...

Маслобойню свою я сочту лучше [и из] тех, которые находятся в Бобинском приходе. В маслобойне у нас 2 окна, одно в лужок на запад, другое в ограду на восток. У нас в маслобойне настлан пол, а в прочих ходят по земле... В избе же у нас 3 окна, два на восток, одно на юг. Изба наша средняя: есть в нашем приходе и деревне избы лучше и хуже нашей...

ГАКО. Ф.Р-128. Оп. 1 доп. Д. 8. Л. 1-3 об. Подлинник.

Исторические очерки

В. А. СИТНИКОВ

А. П. БАТУЕВ

Еще недавно с долей пренебрежения да с натугой признавали историки и журналисты, что в связи с ростом буржуазно-либерального движения во второй половине XIX века результативной стала деятельность земства. Увы, о великом подвижническом труде земцев сказано совсем мало и бесцветно, хотя их свершениям и благим целям и стоило бы поучиться. Тут и внедрение прогрессивных форм ведения крестьянского хозяйства, кооперативное движение, просвещение народа, издательское, библиотечное дело. У нас в Вятке пример тому неутомимая деятельность просветителя и демократа, председателя Вятской губернской земской управы Авксентия Петровича Батуева. Работа в земстве для него явилась той плодотворной стезей, на которой реализовались его редкостные способности.

Авксентий Петрович Батуев родился 17(29) августа 1863 года в Казани, откуда двухнедельным был перевезен домой в Малмыж. У его отца Петра Ивановича, весьма образованного и прогрессивного по тем временам человека, было прибыльное купеческое дело, и он лелеял надежду, что единственный долгожданный сын, родившийся в чреде пяти дочерей, пойдет по его стопам.

До двенадцати лет Петр Иванович никуда не отпускал сына от себя, мальчик получил хорошее домашнее образование. И лишь в мае 1875 года был отвезен в Казанскую гимназию, где поступил в первый класс.

О том, какой круг интересов сложился у молодого Батуева уже в гимназические годы, свидетельствует известный российский книгоиздатель И. Д. Сытин в своем мемориальном труде «Жизнь для книги»: «В Нижнем, на ярмарке, у меня началось интересное знакомство с семей малмыжского купца Батуева. Однажды Батуев зашел не один, а с сыном-гимназистом. Очень смысленный, дельный и милый мальчик понравился мне с первого же знакомства. Он во все вникал, всем интересовался, говорил мало, но всегда умно и проявлял заметный интерес к книжному делу...»

Очень рано, еще в юношеские годы Авксентий Петрович определил цель и смысл своей жизни и деятельности. Начитанный, воспитанный на демократической литературе, с любовью и сочувствием относящийся к простым людям, он избрал долю народного защитника, поступив после гимназии на юридический факультет Казанского университета.

В студенческие годы, прося отца не обижаться на то, что он не пойдет по коммерческой линии, Авксентий Петрович раскрывал свою жизненную программу так: «Стараться о распространении школ и грамотности, о распространении книг в среде народа, помогать материально и советами желающим пойти в высшие учебные заведения... Деятельность может выразиться и в других более полезных формах, например, непременно участие в земстве».

Однако Батуев не ограничивал себя только этими намерениями. Авксентий Петрович уже в студенческие годы занимается литературным трудом. Под псевдонимом «Прорубов» он печатает статьи о творчестве Надсона, тогда задуман им был роман «На взлете», посвященный жене

казанского приятеля Л. В. Кекиной. Искусство и литература — так сказать, утеха на досуге, но отношение к ним вполне серьезное.

Натура романтическая, одухотворенная, Авксентий Петрович внешне выглядел весьма поэтично. Современники утверждают, что он был похож на поэта Бальмонта, а еще на пушкинского Ленского: волнистые, красивые длинные волосы, высокий лоб.

И вот такой, внешне привлекательный, литературно одаренный, полный желания работать на благо народа, 23-летний выпускник университета приехал в 1886 году в родной Малмыж на должность присяжного поверенного. Надо ли говорить, что это был праздник для всей семьи Батуевых, для отца Петра Ивановича, матери и сестер. Они возлагали большие надежды на Авксентия Петровича. И он оправдал их.

Привлекавший своей мягкостью, деликатностью, начитанностью и умом, молодой Батуев, целиком и полностью разделявший «теорию малых дел», несколько лет был бесплатно адвокатом по крестьянским тяжбам, конечно, защищая интересы обиженных и униженных.

О дальнейшем жизненном пути Авксентия Петровича И. Д. Сытин пишет так: «После университета он поступил на службу в земство, скоро сделался земским гласным и через какой-нибудь год, еще совсем молодым человеком, махнул сразу в председатели земской управы в Вятке... Скоро о Батуеве заговорили в газетах как о выдающемся, редком, исключительном работнике... В несколько лет полузаброшенная, полузабытая северная губерния стала центром внимания.

Зная и деревню, и город не понаслышке, а по личному опыту, он понял, что главное усилие земства должно быть направлено в сторону народного образования, и легко, быстро добился того, что Вятская губерния заняла в этом деле одно из первых мест в России».

Авксентий Петрович Батуев не был ни дворянином, ни помещиком, звания которых имели предпочтение при выборах в земство, однако ум, четкость и определенность программы сыграли свою роль, и 28-летний юрист из Малмыжа в 1891 году был избран председателем Вятской губернской земской управы.

Вятское земство существовало с 1867 года, и немало деятельных людей было во главе его, однако разворот, который дал земскому делу человек, имеющий продуманную программу действий, поражает. Это при Батуеве и благодаря его стараниям были созданы в Вятке кустарные музеи и склад с филиалами во всех 11 уездах, а кое-где открылись учебные мастерские по разным производствам, сельскохозяйственные учебные фермы, показательные сельскохозяйственные участки.

Три года подряд Вятское земство закупало в киргизских степях по дешевым ценам лошадей для продажи в рассрочку безлошадным крестьянам. Именно при Батуеве приобрело знаменитость вятское пчеловодство, поставленное по-научному. О том, что Авксентий Петрович был широко мыслящий землец, свидетельствует тот факт, что, выражаясь по-современному, благодаря его «пробойности» было принято правительством решение о строительстве первой в губернии Пермь-Котласской железной дороги, которая была пущена уже после гибели Батуева.

15 января 1895 года в губернской земской управе была получена телеграмма из Санкт-Петербурга: «На дорогу Пермь-Вятка-Котлас ассигновано 6000000 руб. Батуев». 17 декабря Батуев послал вторую телеграмму из

столицы: «Вчера министр финансов обещал, что с весны будут строиться на Вятку дороги от Перми, Котласа и Костромы».

Как немые памятники земству до сих пор стоят в деревнях и селах, а кое-где все еще исправно служат построенные на перепаде веков здания школ, больниц, так называемых «магазинов» — зерновых складов для переходящего запаса семян. Большая часть этих построек возведена из красного кирпича, который выделывали наши деды и прадеды в ямах «болгарским» способом.

Нас, людей пишущих и мечтающих творить не только для мусорной корзины, но и для того, чтобы издавать книги, особенно трогает примечательный факт, что Батуев и его сподвижники одной из самых главных задач считали просвещение народа, издание книг и распространение библиотечного дела.

О том, что Батуев при всей возвышенности своей натуры и романтизме был человеком отлично осведомленным в практических делах, знал хорошо экономику губернии, агрономию, проблемы развития промыслов, свидетельствуют небольшие брошюры, в которых председатель губернской земской управы высказывает свой взгляд на крестьянскую экономику, развитие кустарных промыслов, народное просвещение.

Так, в 1894 г. в Вятке вышли брошюры А. П. Батуева «Как возникают и распространяются кустарные промыслы». Авксентий Петрович обнаруживает глубокое знание положения дел с промыслами и тех мер, которые необходимы для развития ремесел, улучшения качества кустарных изделий, по организации кредита кустарям и сбыту изделий.

«Статистическое бюро Вятского губернского земства в течение шести лет обследовало и описало около 40 промыслов. Сейчас выявлено около ста кустарных промыслов, а число всех кустарей достигает 160 тысяч человек», — пишет он.

Малоземелье заставляет заниматься отходничеством и кустарными ремеслами вятских крестьян, ремесла служат весомым подспорьем в семейном бюджете.

Одним из самых молодых считает Батуев гармонный промысел, который начался с крестьянского села Истобенского Орловского уезда Данилы Нелюбина. Будучи водоливом на барже, коротал Данила время игрой на гармонии. Но та сломалась, и, разобрав ее, стал водолив чинить инструмент, а потом и мастерить гармони. Это пошло по всему уезду.

Дает Батуев и историю производства изделий из капа, которое существовало в Вятском и Слободском уездах. Тут все началось с поделок Григория Макарова и его сына Василия.

На Буйском и Шурминском заводах распространено было производство самопрялок, в Вятском уезде — сундуков, а Вятка занималась мебельно-столярным промыслом, в Орловском уезде ладил плетухи. И вот вывод человека, страстно сочувствующего простым людям: «Говорят о неподвижности, о тупости и лености русского мужика, но вот перед глазами целый ряд фактов, которые говорят, что крестьянская мысль работает, что ей нужен только материал, нужно указание, нужен пример, а больше всего нужно знание».

А что нужно для приобретения «знания», у А. П. Батуева на этот счет существовала целая программа.

В 1895 году в г. Вятке вышла брошюра А. П. Батуева «По поводу указаний Вятским земством, как следует вести им дело народного образо-

вания». Батуев обнаруживает недюжинное знание положения дел в образовании народа. «Вятские земства, — отмечает он, — в постановке дела народного образования всегда считались передовыми. Это вполне естественно, так как большинство вятских земцев — крестьяне и устраивали они народные школы для своих же детей, зная необходимость их и важность для крестьянина».

Прекрасно известно Батуеву положение учительства, то, что за 20-летие, с 1872 года, только две женские гимназии выпустили более 1000 учениц. Места учительские берутся с бою, а вот заботы об учителях и медиках мало: зарплата низка, отсутствует страхование для обеспечения на случай болезни или в старости.

Глубокое знание проблем — результат постоянных поездок по уездам губернии, встреч с крестьянами, сельской интеллигенцией.

Живой интерес к культуре принес и вещественные результаты. На нужды просвещения Вятское земство ассигновало в год до 50 тысяч рублей. Если припомнить, что корова тогда стоила пять рублей, станет понятно, что сумма эта была немалой. Деньги эти шли, помимо всего, на закупку и бесплатную раздачу книг крестьянам. За счет земства ежегодно выплачивалась стипендия девушке-крестьянке, учившейся в Вятской гимназии. В селах проводились воскресные чтения с показом «туманных картин», земский книжный склад распространял «разумные, добрые, вечные» издания.

Первая в России бесплатная «Вятская газета» с приложением для крестьян стала выходить по почину Батуева. Сам Авксентий Петрович, будучи литератором, кроме статей о проблемах земской жизни, писал литературно-критические статьи, а в 1895 году издал в Петербурге сборник рассказов «Живой портрет» под псевдонимом А. Антеев. Книга эта представляла автора с уверенным и искусным пером. В сборнике «Живой портрет» 16 рассказов и отрывков из романа «На взлете». Произведения эти носили в основном автобиографический характер. Герои — люди, знакомые Батуеву: чиновники, врачи, крестьяне. Кроме того, Авксентий Петрович — автор трехтомного романа «На распутье», который полностью опубликован не был.

Авксентий Петрович представляется рыцарем без страха и упрека. Он был всегда внимателен к людям, постоянно следил за театром, литературой, любил встречаться с простыми людьми, он никогда не курил и не пил, предпочитал всему этому интеллектуальное общение.

Конечно, у такого духовно богатого, привлекательного, образованного человека было много единомышленников и соратников, которые помогали ему. О незаурядности натуры Батуева свидетельствует то, что его связывали дружеские отношения с книгоиздателем И. Д. Сытиным, властителем дум той поры — писателем В. Г. Короленко, а также с занимавшимся проектированием железных дорог на территории Вятской губернии писателем Н. Г. Гариным-Михайловским. Есть свидетельства о переписке Батуева с Львом Николаевичем Толстым.

«Можно без преувеличения сказать, что пятилетие, протекавшее со времени его избрания, — писал В. Г. Короленко, — составляет одну из самых блестящих страниц в истории не только вятского земства, но и русского земского дела вообще».

Человека деятельного, результативного, Авксентия Петровича радовало то, что его усилия и усилия его единомышленников увенчиваются успехом. Удовлетворение приносили и октябрь 1896 года. 20 октября прошел

по линии железной дороги в первый раз пробный поезд от Загарского перевоза на реке Вятке до города Вятки. Авксентий Петрович, много сделавший для этого строительства, испытывал особое удовлетворение. 26 октября открылся агрономический съезд, на котором был дан бой бескультурью в земледелии, трехполке. Съезд затянулся почти до полуночи.

Из губернской земской управы, размещавшейся на углу улиц Владимирской и Спасской (ныне здание кукольного театра), как всегда, вышел Авксентий Петрович в сопровождении земцев, взволнованных его выступлением. С последним своим собеседником деликатный Авксентий Петрович распрощался в половине двенадцатого около подъезда губернского суда. Ему оставалось пройти до собственной квартиры (угол Спасской и Царево-Константиновской) всего полквартала, и вот в это время из темноты вышел известный еще по Малмыжу завистник, неудачник, враждебно настроенный к Батуеву маньяк, кичившийся своим дворянским званием, В. Н. Шебалин (по некоторым источникам, Шабалин). Он считал, что соответственно дворянскому званию должен занимать высокую должность в земстве, и не раз домогался должности. Зная еще по Малмыжу о сумасбродстве и скандальности Шебалина, Батуев в месте ему отказал. И вот, затаивший злобу, Шебалин подошел в это ночное время с тем же требованием определить его на работу. С присущей ему мягкостью и деликатностью Авксентий Петрович и на этот раз ответил, что принять Шебалина в земство не сможет.

Все хочется оттянуть тот трагический момент. Если бы согласительное наклонение могло управлять событиями! Шебалин, подстергавший Авксентия Петровича с семи часов вечера, заходил в земскую управу, справлялся, долго ли продлится агрономический съезд. Узнав, что вопросов много и говорить будут долго, он отправился в театр и там похвастался, что пристукнет Батуева.

Если бы кто-то всерьез отнесся к словам сумасшедшего, можно было бы, наверное, предотвратить трагедию, случившуюся в ночь ледостава, и отправить Шебалина в психобольницу до свержившегося. Но, увы, мы бываем предусмотрительны с большим и роковым опозданием. Шебалин выхватил револьвер и дважды выстрелил в Авксентия Петровича. Одна пуля попала в грудь навывлет. У залитого кровью Батуева хватило сил добраться до дома, подняться по крутой лестнице в квартиру.

В ответ на встревоженные возгласы сестры Веры он сказал, что в него стрелял Шебалин, но что рана пустяковая, все пройдет и пусть Вера не будит жену Надюшу. Жена Батуева Надежда Ивановна Дробышина была беременна, и он боялся обеспокоить ее.

Романтичность натуры Батуева проявилась и в этом браке. За два года до этого события, в 1894 году, он женился на имевшей четырех детей Надежде Ивановне Дробышиной, вынужденной уйти от своего спившегося мужа, человека небесталанного, поэтически одаренного, но не сумевшего избавиться от пагубной тяги к вину.

Двадцать часов промучился смертельно раненный Авксентий Петрович. Его кончина потрясла не только Вятку, но и всю губернию. Телеграммы с соболезнованиями пришли из многих городов страны.

Громадный Александро-Невский собор не смог вместить всех желающих проститься с А. П. Батуевым. Газетчики насчитали более полусотни венков, принесенных к гробу Авксентия Петровича.

По дороге в Малмыж, где завещал похоронить себя Батуев, во всех

селах выходили к скорбному санному поезду люди проститься с замечательным человеком.

Через три месяца после трагической гибели Авксентия Петровича у его жены родился сын, которого нарекли в честь отца Авксентием. Судьба его сложилась несчастно. По свидетельству родственников, он погиб в 1917-1918 годах. Сама Надежда Ивановна уехала во Францию к сыну от первого брака.

К сожалению, память об А. П. Батуеве поддерживается не так, как заслужил того он. Нет мемориальных досок на домах, где работал и жил Авксентий Петрович, говорят, и могила в Малмьеже пока не отыскана. Правда, о делах земства, возглавляемого талантливым организатором, помнят его земляки, выходят книги с упоминанием о его деятельности, отмечают в библиотеке им. Герцена его юбилеи. Но хотелось бы, чтобы потомки делали больше для памяти этого человека.

В батуевской «Вятской газете» в 1906 году к 10-летию со дня гибели Авксентия Петровича, в статье М. Бородина говорилось: «Главная деятельность Авксентия Петровича, как известно, касалась народного образования, которое благодаря его энергии и инициативе за истекшие 15 лет шагнуло в Вятской губернии как нигде. Достаточно напомнить, что по его проекту, при пособии губернского земства в 1895 году, 96-м и 97-м гг. возникли в губернии 600 новых начальных училищ, число которых с тех пор постепенно все растет, несмотря на ограниченность земских средств. Вторым его... делом для просвещения населения Вятской губернии нужно признать проект о пятирублевых библиотеках, которые на первых же порах имели более ста названий книг... Развитие и существование этих «Батуевских библиотек» служит лучшим памятником для незабвенного земского деятеля.

Третьим делом Авксентия Петровича на пользу просвещения является основание «Вятской газеты», целью и задачей которой было приобщить население к живому печатному слову, благодаря которому оно могло бы выйти на широкий путь развития и гражданственности.

Четвертой заслугой является учреждение книжного склада и его многочисленных отделений в связи с бесплатной раздачей книг.

Пятой заслугой является учреждение в Вятке среднего технического училища.

В экономических вопросах... он выработал агрономическую программу, и тут очень важно — покупал лошадей для безлошадных хозяйств на счет запасного капитала губернского земства. Кустарный земский склад, земские мастерские, мастерская учебных пособий... Для учителей и медиков страховая касса. Даже в проведение железной дороги внес он свою лепту. Глубоко и продуманно вел он дело».

Всего 33 года (1863-1896) прожил А. П. Батуев, но сколько сделал!

Однако стремление сохранить память об А. П. Батуеве кое у кого вызывало раздражение. Сохранился циркуляр о запрете выставки портретов Батуева, принадлежащий перу губернатора Н. М. Клингенберга. Он же запретил вывешивать портреты Батуева в учреждениях и школах, наложил вето на выпуск большого вкладного портрета, который собиралась выпустить редакция «Вятской газеты».

Однако среди земских деятелей пример служения народу, преподнесенный Батуевым, был путеводным и находил много добрых последователей в 900-е годы и позднее.

Позволю себе напомнить об одном подвижнике — участковом зем-

ском агрономе Иване Меркурьевиче Жуйкове, жившем в селе Ржаной Полом Вятского уезда. Этот человек очень много сделал для крестьян, стремившихся вести свое хозяйство по науке. Умелый в слове и деле, он не только мог агитировать и убеждать, но и разработать клеверный севооборот, снабдить семенами, предоставить технику. Вот благодаря этому человеку мой дед Василий Фаддеевич Ситников в 1913—1915 годах создал в своей родной деревне Мало-Кабаново машинную прокатную артель, внедрил клеверной севооборот. Повысились урожаи зерновых и трав, выросли доходы крестьян в нашей деревне, облегчился труд.

Именно Жуйков сагитировал деда поехать на учебу за границу, чтобы там усовершенствоваться в сельскохозяйственном деле.

Созданное при российском земстве общество «Русское зерно», возглавляемое братом убиенного премьер-министра Петра Аркадьевича Столыпина Александром Аркадьевичем, в 1912—1914 годах организовало заграничную практику для сотен тянувшихся к новому крестьян. Вятские, тамбовские, воронежские, тверские мужики ездили в Швецию, Данию, Австро-Венгрию, где у зажиточных хозяев практиковались на ниве и фермах, познавали силу минеральных удобрений, прогрессивных приемов обработки земли.

В 1914 году в Дании побывал на практике вятский крестьянин Степан Штин, зачарованный баснословными урожаями и урожаями. Вместе с моим дедом ездил в Моравию (Австро-Венгрию) Алексей Кузьмич Колупаев из Малмыжского уезда. Дружеский славянский народ — чехи — с восторгом встретили русских мужиков.

В нашей семье хранится снимок 1914 года, где дедушка, совсем еще молодой (22 годочка), с непривычным галстуком на груди, сфотографировался на сокольском празднике в Тиштинне. Вместе с дедом — человек 70 русских, приехавших учиться уму-разуму у чехов.

Через 70 лет после деда удалось мне побывать в деревне Коваловице у потомков пана Томаца Цоуфалика, в семье которого был дедушка на практике. Помнят там до сих пор русских крестьян. Сохранились дедовы дневники, письмо агроному Ивану Меркурьевичу. Надо ли говорить, что эта поездка на всю жизнь была для деда предметом добрых воспоминаний, путеводной звездой. Кстати, и жители деревеньки Коваловице из поколения в поколение передают рассказы о том, как умели работать и веселиться русские парни.

По подсказке В. К. Семибратова посчастливилось найти в краеведческом отделе «Герценки» книжку «Поездка крестьян Малмыжского уезда в Моравию», написанную уездным агрономом А. М. Машковцевым. Издало книгу Малмыжское уездное земство. Девять дней путешествовали земляки А. П. Батуева — крестьяне Большепетровской волости Н. М. Штин и П. К. Пересторонин из Малых Бурашей, Л. В. Шаров из Больших Бурашей, Д. Т. Кокорин из Больших Кабачков, К. Д. Шампоров из Кукар и К. М. Штин из деревни Сунцово Рожкинской волости. Многое приятно поразило вятских мужиков в Моравии. Встречал их, как и моего деда, попечитель Ярослав Игнатьевич Псота, и также гостеприимно показывали свои усадьбы, поля, дороги крестьяне богемской житницы — Моравии.

Стоит ли напоминать, что традиции Батуева в делах Вятского земства продолжались. Шел поиск передового опыта хозяйствования, агрономии, кооперирования в духе А. П. Батуева.

У чехов, помимо умения землепашествовать, поразило моего деда

Василия Фаддеевича то, насколько разумно была организована в деревнях Коваловице, Незамыслице, Марковице и других сфера услуг, основанная на кооперации: своя общественная мельница, лесопилка, сыроваренный завод и маслозавод. А еще свой портной и свой забойщик скота дополняли сферу услуг. Я не говорю уже о школе и костеле, где были свои специалисты.

Мечтой земских деятелей всегда было создание такой производственной и бытовой кооперации, которая бы облегчала труд, помогала довести до ума продукцию, полученную крестьянами, гарантировала устойчивую культурную жизнь с развитой сферой услуг.

Прискорбно, что дела многих поколений земцев не были оценены по достоинству Советской властью.

Вернувшись из германского плена в пору гражданской войны, увидел мой дед, что Вятское земство разогнано, машинное товарищество, которое он так долго и кропотливо сколачивал, распалось и опять вместо клеверного севооборота свирепствует трехполье.

В дневнике его легли такие строки: «Со слезами на глазах думал я: эх, матушка Русь, отчего же ты так убога? Наверное, от того, что часто рушишь то, что сооружала веками, собирая деньги по грошику, с чего могла начать жить безбедно. Нажитое тяжелым кропотливым трудом объявляешь негодным и уничтожаешь. Поэтому из-за невежества, объявленного передовой технологией, рубишь святыни, вместо клеверного и люцернового сена кормишь скотину прелой ржаной соломой. Получается сизифова работа и мизерный результат.

Почему у западноевропейского крестьянина был и есть устоявшийся быт, добротные дома, стабильные урожаи и безотказные дороги? Да, видимо, потому, что бережливый и скуповатый, он, вводя новое, не старается разрушить достигнутое. А мы внедрение нового часто начинаем с кичливого отвержения, а то и уничтожения старого, провозглашая его ни с того ни с сего заторным. Потом схватимся за голову, опомнимся и спешно возьмемся восстанавливать и поднимать, да уж разрушенное потеряно и средства пошли на ветер. Легко ломать, да поднимать колготно и работисто».

Мне подумалось, коли считаем мы интересным, поучительным да полезным опыт русского земства, деятельность А. П. Батуева, не пора ли подумать об их увековечении, изучении, а заодно и о том, как кооперативные формы хозяйствования, не ломая дотла, приспособить и использовать в нынешней сельской экономике. А еще — как, пользуясь примером А. П. Батуева, вытащить из темного угла забитую и обиженную сельскую культуру. В этом отношении опыт А. П. Батуева и укор нам, и доброе напоминание о том, как следует служить своему народу.

IV. ВЯТСКИЙ КРАЙ В XX ВЕКЕ

Вятская губерния в начале XX в. занимала обширную территорию, равную 134,5 тысячи квадратных верст, и включала в себя нынешнюю Кировскую область, Удмуртию, часть Марийской и Татарской республик. В административном отношении губерния была разделена на 11 уездов: Вятский, Орловский, Котельничский, Яранский, Уржумский, Малмыжский, Елабужский, Слободской, Глазовский, Сарапульский и Нолинский. На ее территории было 12 городов, из которых один (Вятка) был губернским, десять — уездными и один (Царевосанчурск) — заштатным.

Административным и культурным центром губернии была Вятка — один из древнейших городов края. Он считался довольно значительным и в отношении торговли, каковую вел с Москвой, Петербургом, Казанью и Сибирью, с которой соединялся Пермской железной дорогой, а также благодаря пароходному сообщению с волжскими и прикамскими городами, куда отправлялось большое количество продуктов сельского хозяйства.

По сословию население губернии (данные переписи 1897 г.) распределялось так: дворян потомственных и личных было 10.007 человек, духовенства — 13.912, купцов — 2.889, мещан — 52.913, рабочих — 35.862, крестьян — 2.045.109, прочих — 5.889 человек.

В 304 волостях имелось 23 тысячи селений, в которых насчитывалось 482 тысячи крестьянских хозяйств. По данным Всероссийской переписи 1897 г., в губернии проживало 3.030.831 человек, из них 77% составляли русские, 12% — удмурты, 5% — мари, 4% — татары, остальные — пермяки, башкиры и другие. На 1 января 1902 г. в городах и поселках проживало всего 5,67% населения, в селах и деревнях — 94,33%. Основной массой сельского населения являлись бывшие государственные крестьяне. Они составляли 90,5% дворов и владели 94,5% надельной земли.

В. Е. МУСИХИН

ВЯТСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Своеобразие жизни вятской деревни во многом определялось природно-климатическими условиями, традициями поземельных отношений. При всех колебаниях в климате цикл сельскохозяйственных работ был необычайно коротким, занимая всего 140—150 рабочих дней. Все это требовало огромных затрат труда и означало для вятского крестьянина неизбежность работы в период страды

буквально без сна и отдыха, с использованием всех резервов семьи (детей, стариков, на мужских работах женщин). Низкая урожайность, зависимость результатов труда от погодных условий обусловили чрезвычайную устойчивость в вятской деревне общины, которая являлась определенным социальным гарантом выживаемости основной массы населения. Поэтому не случайно земельные переделы, различного рода крестьянские «помочи» сохранились в крае до коллективизации.

Резервом, увеличивавшим трудовые возможности хозяйства, являлась и крестьянская семья, которая в конце XIX в. в большинстве своем сохранилась неразделенной, со сложной родственной структурой. Чаще всего встречался ее братский вариант, когда семья состояла из главы семьи и одного-двух женатых братьев с детьми, или отцовский — глава семьи и трое-четверо взрослых детей.

Природно-климатический фактор и социально-экономические традиции определили и особенности характера вятчан: способность к крайнему перенапряжению сил, концентрации в период страды всей своей физической и духовной потенции. «Впряжемся, так не вылягиваемся», — говорили вятские крестьяне. Вместе с тем вечный дефицит времени не выработал в вятчанах ярко выраженной привычки к тщательности, аккуратности в работе на земле, умножая тягу к традиционализму.

Экстенсивный характер земледелия в условиях его рискованности сыграл немалую роль в выработке в вятских людях легкости к перемене мест, известной тяге к «подрайской земле», к занятию отхожими промыслами, в том числе и за пределами губернии. Не зря же из глубин прошлого до нас дошла пословица: «Когда Колумб открыл Америку, в ней уже было семеро вятских плотников». Именно силами вятских мужиков обустроивались Сибирь, Алтай, Приморье.

Постепенно с учетом собственного опыта крестьяне вырабатывали свои приемы хозяйствования, направленные на максимальное использование благоприятных свойств естественной среды. Поэтому не случайно в крае издревле утвердилась своеобразная комбинированная система земледелия, сочетавшая элементы подсеки и перелог с трехпольным, а в южных уездах и двухпольным севооборотами, которые неохотно уступали место многополью.

Чрезвычайно медленно эволюционировали и сельскохозяйственные орудия. Универсальным средством вспашки почвы по-прежнему оставались соха с железным сошником, начиная от примитивной (цапулька, черкуша), до совершенной, приближающейся к плугу (косуля, курашимка). Деревянная борона (с деревянными или железными зубьями), серп, коса-горбуша, вилы, косалитовка, цеп — таков был нехитрый набор земледельческих орудий, сохранившихся в губернии и в начале XX в.

Приверженность к архаичным орудиям труда была обусловлена преобладанием мелкого крестьянского хозяйства в крае, основанного на семейной кооперации, а также отработанным опытом гармоничного соответствия между природными условиями и приспособляемыми к ним сельскохозяйственными орудиями. При чрезвычайной трудоемкости окультуривания земли и ее обработки она засеивалась лишь проверенными дедовским опытом культурами: ячмень, рожь, овес, картофель, лен. В небольших количествах возделывали просо, чечевицу, пшеницу, гречиху, коноплю, репу. Стабильность земледелия в сложных природно-климатических условиях обеспечивалась тем, что неурожай яровых компенсировался урожаем озимых или наоборот, а также отводом полос отдельным домохозяевам из каждой части полей, находившихся в разных уровнях горизонта.

На состояние сельского хозяйства, в котором, как уже отмечалось, была занята подавляющая масса населения губернии, накладывал свой отпечаток и характер поземельных отношений. Его особенностью была незначительность помещичьего землевладения. В 1905 г., например, в губернии насчитывалось всего 115 дворянских имений, которым принадлежало 326,7 десятины, или 2,4% всей земли. В то же время значительной была доля земель, принадлежавших удельному ведомству, церкви и, в первую очередь, государству. При этом государственные земли были заняты в основном лесами. На долю же крестьян приходилось немногим более половины всей земли. Картину сложившегося в губернии к началу XX в. землевладения дает следующая таблица:

Категория землевладения	Абсолютная площадь (в десятинах)	В процентах к общей площади
Земли в частной собственности	824.446	6,1
Казенные, церковные и проч.	4.925.992	36,6
Надельные крестьянские	7.717.959	57,3
Всего	13.468.407	100,0

Следует отметить, что средний крестьянский надел в Вятской губернии, где большинство составляли бывшие государственные крестьяне, равнялся 16,8 дес., что было выше официальной нормы (15 дес.), установленной для многоземельных районов России. Однако усредненные данные не раскрывают реальной обеспеченности земель различных слоев крестьянства. А различия здесь были очень значительны как в масштабах губернии, так и отдельно взятых уездов. В Глазовском и Уржумском, например, встречались семьи, имевшие до 1000 десятин. С другой стороны, по данным земской статистики, 19257 дворов вовсе не имели земли, 12 тысяч имели

надел в 3,7 десятины, а у 62 тысяч крестьянских хозяйств земли было от 5 до 10 десятин на двор.

Значительными были и колебания в структуре угодий, составлявших крестьянские наделы. Если в целом по губернии на один крестьянский двор приходилось в среднем 10,8 дес. пашни и ее отношение к площади сенокосов и пастбищ выражалось как 3,85:1, то в Малмыжском, Нолинском, Уржумском, Сарапульском, Яранском, Елабужском уездах оно было 6:1. Между тем считалось, что для нормального функционирования крестьянского хозяйства нужно иметь на каждые две десятины пашни одну десятину выпасов и лугов. Явная нехватка последних сдерживала развитие животноводства и, следовательно, сужала возможности для унавоживания бедных естественным плодородием почв.

Их недостаточное удобрение в сочетании с примитивной обработкой, низкой культурой земледелия в целом, а также накладывающиеся на это неблагоприятные природно-климатические условия предопределяли низкую продуктивность крестьянских хозяйств. Средняя урожайность зерновых не превышала сам-3. Лишь в хорошие по погодным условиям годы сборы поднимались до сам-4 — сам-5, падая в неурожайные до сам-друг (1:2). Недороды же случались довольно часто. Так, за 15 лет, предшествовавших первой русской революции, их было пять — в 1890, 1891, 1898, 1901 и 1903 годах. Положение нередко усугублялось падежом скота от бескормицы, болезней.

Словом, крестьянское житье было нелегким. Урожая зачастую лишь едва хватало на то, чтобы прокормить семью. Товарной же продукции крестьяне получали мало, а то и не получали совсем. Не случайно доходность их хозяйств, как показывают подсчеты земской статистики, далеко не покрывала обложения платежами и повинностями. В суммарном выражении они в полтора раза превышали средний уровень доходности, рассчитывавшийся на десятину земли.

При исследовании экономического состояния крестьянских хозяйств Малмыжская уездная управа, например, пришла к выводу, что ни в одной из 26 волостей земледельческих продуктов недостаточно для прокормления населения и уплаты податей. Дефицит по всему уезду исчислялся в 23 рубля на ревизскую душу.

Непомерные налоги вели к росту задолженности. В 1903—1905 гг. вятское крестьянство недоплатило государству 5 млн. руб. Самые большие суммы недоимок по выкупным платежам, государственному поземельному налогу и земским сборам были в традиционно зерносеющих уездах с низким уровнем промысловой деятельности крестьян — Сарапульском, Елабужском, Малмыжском, Уржумском, где они составили в 1904 г. 82,5% к общей сумме недоимок по 11 уездам губернии. Несоответствие платежеспособ-

ности крестьян установленным размерам налогообложения отмечалось всеми уездными «комитетами о нуждах сельскохозяйственной промышленности». «Нельзя думать, — говорилось в докладе финансовой комиссии Яранскому уездному комитету, — что без уменьшения податного бремени можно будет внести серьезные улучшения в сельскохозяйственную промышленность, так как все улучшения можно вводить в среду населения, которое экономически устойчиво».

Основную причину бедствий Малмыжская управа видела в том, что «земля малопродуктивна и требует значительного удобрения, тогда как скотоводство вследствие частых падежей поддерживается лишь в самых малых размерах». Губернская земская управа отмечала, что «производительность земли вятской деревни — нашего источника благосостояния населения и платежных средств — не повышается, неурожай наносит сельскому хозяйству невозвратные потери».

Ко всему этому добавился демографический взрыв. За 16 лет (с 1897 по 1913 гг.) население губернии, несмотря на высокую смертность и стихийное переселение за ее пределы, возросло более чем на 800 тысяч человек. Большинство рождений приходилось на сельскую местность. Этот рост не сопровождался пропорциональным увеличением продовольственных ресурсов, поскольку урожаи оставались на низком уровне, а возможности расширения посевных площадей за счет распахивания лугов и выгонов были исчерпаны.

Совокупное бремя чрезмерной налоговой повинности, социальных и экономических ущемлений и безудержного роста населения привело к тому положению, при котором вятскому крестьянину было все труднее кормиться одним сельским хозяйством.

Трудные для земледелия природные условия, низкий уровень развития производительных сил, недостаточная обеспеченность земель для экстенсивного ведения хозяйства при устойчивости общинного землевладения вели к замедлению процесса расслоения в вятской деревне, о чем свидетельствуют сравнительные данные о наличии рабочих лошадей в крестьянских хозяйствах в конце XIX в. Если в среднем по европейской России безлошадные крестьяне составляли 27,3%, то в Вятской губернии лишь 18,1%. С другой стороны, зажиточных дворов (с тремя и более лошадьми) в губернии было 7,8%, в то время как по европейской России — 22%. Самую же большую долю (52,8%) составляли в губернии крестьяне, владевшие одной лошадью, еще не разорившиеся, но ведущие нерентабельное хозяйство.

Недаром многие вятские земледельцы были вынуждены зарабатывать на жизнь промыслами или наниматься в работники — «зимогорить» — вдали от родных деревень, что получило название отходничества. По данным переписи населения 1897 г., в губернии

насчитывалось 160 тысяч человек, занимавшихся, кустарными промыслами. Особенно широко они были распространены в Вятском, Слободском, Орловском, Котельничском, Нолинском уездах. Свыше 200 тысяч человек занимались отходничеством. Наиболее высокий процент его был среди крестьян Слободского (61,2%), Нолинского (58,4%), Котельничского (48,8%), Вятского (45,2%), Орловского (43,3%) уездов.

Вятское земство стремилось улучшить положение крестьян, всеми мерами способствуя повышению агрокультуры: обеспечивало на льготных условиях породистым скотом, элитными семенами, по умеренным ценам распространяло сельхозмашины и усовершенствованные орудия. Так, за 1900 год через 54 земских склада было реализовано машин на сумму 78276 рублей, а за 1903 год — на 127583 рубля.

В 1895 г. по ходатайству губернского земства Министерство земледелия и государственных имуществ организовало Вятскую сельскохозяйственную опытную станцию, первым заведующим которой был известный земский деятель Сергей Николаевич Косарев. Здесь был выведен знаменитый сорт озимой ржи «Вятка», получивший всеобщее признание и распространение в крестьянских хозяйствах губернии и за ее пределами.

Земство способствовало развитию маслоделия, пчеловодства, садоводства. Пионерами последнего стали крестьяне деревни Черные Грязи Уржумского уезда. Документы оставили для нас сведения об одном из организаторов садоводства — Г. Н. Егошине. В 1892 г. он заложил плодовый сад, который уже через четыре года принес дохода 100 рублей. Постепенно расширился сад, Егошин довел доходность в 1910 году до 600 рублей. Его пример побудил и соседей заняться садоводством. По имеющимся источникам известно, что плодовые сады получили широкое распространение в Уржумском, Яранском, Малмыжском уездах.

В конце XIX в. благодаря заботам земства в губернии стало быстро расти производство льна. К 1913 г. по площади его посевов она занимала первое место среди нечерноземных губерний европейской России. Однако несовершенные приемы обработки льнотресты вели к крайне низкому выходу длинного волокна и чрезвычайно высокому — короткого, кудели. Поэтому Вятская губерния и слыла на льняном рынке «кудельной».

Для увеличения прослойки крестьян, подверженных нововведениям, земство на свои средства создавало сельскохозяйственные школы и фермы, опытные станции и поля, выдавало пособия организуемым крестьянами сельскохозяйственным обществам. Своей деятельностью оно в конечном счете способствовало развитию и проникновению в деревню капиталистических отношений.

Их влияние в южных, например, уездах, где уже не было

возможностей для дальнейшего (экстенсивного) расширения наделов, выражалось в росте производственной аренды, более широком применении усовершенствованных орудий земледельческого труда. Что же касается центральных уездов, то здесь значительную роль в капитализации деревни играли кустарные промыслы и отходничество. С одной стороны, они служили основой балансировки хозяйства крестьянина, с другой — способствовали развитию предпринимательства. По статистике 1900 г., средний бюджет крестьянского хозяйства был равен в Орловском уезде 253 рублям, в Слободском — 305, Вятском — 165 руб., а в среднем по трем уездам — 241 рублю. По данным пробного подворного обследования кустарных промыслов Вятского уезда (1909 г.), средний заработок кустаря достигал 72 рублей в год. Отсюда видно, что кустарная промышленность давала крестьянину около 29% всего бюджета, идущего на удовлетворение насущных потребностей семьи, уплату многочисленных поборов.

В вятской деревне, хотя и медленно, шел процесс развития производительных сил, что вело к определенным социальным изменениям, получавшим отражение в строительной технике, народному быту, культуре. Так, «курные» избы уступают место «белым» четырех-пятистенным, с сенями и клетью, устанавливаемым на каменных фундаментах, или двухэтажным с каменным первым этажом или высоким подклетом. Самцовые крыши с соломенным покрытием заменялись 3- и 4-скатными, крытыми тесом, а у отдельных состоятельных крестьян — и железом. Постепенно менялись архитектурная композиция дома, его убранство. В декоре жилища стали широко использоваться прорезная, пропильная, накладная резьба с разнообразной гаммой красок.

Изменилось и внутреннее убранство избы, которая четко стала делиться на три части: «кут», «передний угол», «серед» с выделением чистой половины. В избах «бывалых» людей стены штукатурились или промазывались пазы. В целях украшения жилищ красили полицы, лавки, опечек, балясины на полотах. Керосиновые семи- и десятилинейные лампы быстро вытесняли лучину. В крестьянский обиход уже достаточно просто вошел самовар. Одновременно к чаю стала подаваться фарфоровая, фаянсовая и эмалированная посуда. Во многих селениях стали широко использоваться спички, мыло. На посиделках можно было часто слышать гармонию.

Менялся и внешний облик сельского жителя. Хотя будничная одежда, как мужская, так и женская, была по преимуществу из домотканой холстины, праздничная шилась уже из покупной материи: ситца, сатина, шелка. Лапти с онучами оставались повседневной обувью крестьян, но во многих семьях уже были сапоги, башмачки на высоких каблуках.

Разительные перемены в крестьянском быту четко зафиксиро-

рованы на фотографиях тех лет, которые часто можно встретить в семейных архивах. Однако эти перемены были больше всего заметны в селениях, расположенных вблизи уездных центров, ярмарок, крупных трактов, пристаней на судоходных реках. Глубинку же они затрагивали мало.

Социально-экономические изменения влияли на дифференциацию крестьянства, однако сдерживающим фактором его расслоения по-прежнему оставалась община с ее уравнительными переделами, или, как говорили раньше, «справедливым равнением» по приговору «мира». Того самого «мира», по отношению к которому политика со стороны царского правительства была однозначной: всемерно способствовать его упрочению, как необходимой части государственного устройства и гаранта против социальных потрясений.

Объективный анализ показывает, что причины глубокого кризиса как российской, так и вятской деревни коренились в консервации архаичных форм землепользования и землеустройства. Оценка общины как инструмента для добывания, говоря словами С. Ю. Витте, «топлива для финансовой машины» привела в конце концов к опасным перекосам в экономическом и социальном положении крестьянства, к нарастанию волнений в деревне. Ведущую роль в аграрных выступлениях стал играть плохо организованный, владевший навыками совместных действий крестьянский «мир», который, по замыслу Александра III, как раз и должен был оградить самодержавие от социальных революций. Община, как показали события 1905—1906 гг., первой ринулась в аграрное движение и вмиг похоронила миф о своем безропотном патриархальном консерватизме.

Не понимая смысла происходящих событий, крестьяне теряли уважение к закону и власти. Собираясь и слушая грамотных односельчан, читавших вслух сообщения газет о событиях в Маньчжурии, Петербурге, Вятке, они комментировали и обсуждали происходящее далеко не в том духе, как его преподносила правительственная печать. Прибывавшие домой с русско-японской войны солдаты рассказывали о больших потерях армии, никчемности военного начальства, неподготовленности к войне. Из газет демократического направления, широко проникавших в уезды, крестьяне знакомились с такими идеями, фактами, которые до тех пор не были известны. Много новостей приносили из промышленных центров и отходники.

Крестьянская мысль заработала, отыскивая причину бед, которые обрушились на деревню. Еще в апреле 1905 г. земские начальники всех 96 уездов губернии, сообщая о настроениях крестьян, отмечали, что они тянутся к газетам и запрещенным книгам. Показательным в плане изменений в социальной психоло-

тии является сход в д. Васькино Яранского уезда, где крестьяне собрались для выработки наказа депутату I Государственной Думы. Они требовали конфискации удельных, помещичьих, церковных земель и бесплатной передачи их сельским обществам, уменьшения податей, а также введения их раскладки не по количеству земли, а по доходу, получаемому с нее, придания Думе законодательных функций. Наказ был зачитан затем на волостном сходе крестьянином Ф. Н. Коноваловым. Очевидцы так описывают это событие:

«Все крестьяне внимательно слушали приговор и стали кричать: «Хорошо сочинили, давай бумагу, все подпишем». Вдруг волостной писарь Петр Васильевич Михеев и говорит: «Ребята, тут немного неладно написано. Без царя души не может быть. Царь — помазанник божий, а вы ведь правоверные. Как же без царя дума?» Мужики опять закричали: «Верно баит Петр Васильевич — царя надо подписать, чтобы был в душе, а помещика — не надо». Тут начал говорить Федор Николаевич: «Царь такой же помещик, и еще самый большой, потому он всех их хуже. Он для помещиков только и служит, а мужиков обирает и на войну гоняет». Ну, тут мужики опять закричали: «Верно Федор Николаевич баит, не надо царя! Давайте подпишем приговор». И подписали.

Социальный протест крестьян в форме захватов помещичьей земли, самовольных рубок леса, отказа платить податные сборы охватил в 1906 г. 104 волости из 304. В ряде случаев дело доходило до столкновений с полицией и бунтов. Не случайно с 1905 г. Вятская губерния была объявлена на положении «усиленной охраны». Однако одними репрессивными мерами разрешить земельный вопрос было невозможно, это понимали и «верхи». Крупнейшей попыткой найти выход из аграрного кризиса стала столыпинская земельная реформа. Однако вятский крестьянин ни в социально-экономическом, ни в психологическом плане не был готов к предусмотренному ею варианту развития.

Вятский край был в числе 33 губерний, в которых П. А. Столыпин начал аграрные преобразования. Казалось бы, губерния при незначительности помещичьего и удельного землевладения была благоприятным регионом для осуществления главной идеи реформы — разрушения общины и насаждения «крепкого мужика». Тем не менее вятские крестьяне настороженно, а в ряде случаев и враждебно отнеслись к столыпинским начинаниям, неохотно шли на выборы землеустроительных комиссий — главных органов реформы. Две причины сдерживали их. Во-первых, обсуждение аграрного вопроса в Государственной Думе: крестьяне надеялись, что она решит дело путем конфискации земель церкви, удельного ведомства, помещиков и передачи их в общественное пользование. Во-вторых, деревня восприняла реформу как очередную затею бюрократии, бесплодную для дела.

Аграрные преобразования в губернии начались с настойчивой агитации крестьян, особенно в южных уездах, за выход из общины. Настежь были распахнуты все двери. Посулами и административными мерами местная власть стремилась разделить «мирскую» землю и передать ее в потомственное подворное владение, поощряла выделение на хутора и отруба. Было даже приостановлено действие закона от 1886 г. об ограничении семейных разделов. В ряде случаев вводились и экономические стимулы. Для выделявшихся на хутора и отруба давались лучшие земли единым массивом, предоставлялись большие по величине ссуды. Определенную заботу о становлении хуторов и отрубов, как свидетельствуют источники, проявили земства. Стремясь повысить культуру частновладельческих хозяйств, они предоставляли для этого значительные средства. В январе 1911 г. губернское земство выделило на каждый уезд по 300 рублей для организации образцовых хуторских хозяйств, при этом особое внимание уделялось хлебосеющим Яранскому, Малмыжскому, Сарапульскому и Елабужскому уездам. В том же году губернатор И. М. Страховский купил на средства губернского правления комплект сельхозмашин и наградил хуторянина Елабужского уезда Н. Буркова.

Несмотря на все предпринимаемые меры, реформа в крае проходила вяло. В существующей литературе акцент ставится на сопротивлении крестьян и тормозящей роли общины, и это действительно было первопричиной. Несмотря на то, что в вятской деревне быстро нарастало малоземелье из-за естественного прироста населения, со стороны «мира» никогда не раздавались требования отринуть древнюю заповедь, прервать вековой порядок. «Мир» упрямо, с горьким сожалением, но безропотно, продолжал дробить наделы, чтобы «уважить» земель каждого входящего «в пору» общинника. Да, капиталистические отношения в деревне подспудно делали свое дело, разрушая былое равенство, притормаживая переделы, все шире вводя в оборот производственную аренду, отработки. Однако с точки зрения написанного векового народного права крестьяне, независимо от достатка, продолжали считать, что «мирская» земля принадлежит всему «обществу» и потому каждый общинник имеет право на свой надел. Самая, пожалуй, любопытная особенность общинного права в губернии состояла в том, что «мирское» землепользование вполне успешно велось не только на собственных землях общины, но и в тех случаях, когда «мир» брал землю в аренду у государства или удельного ведомства, помещика. Поэтому нет ничего удивительного в том, что общины в своем большинстве выступали против того, чтобы «мирскую» землю передавать в потомственное подворное пользование.

Вот почему наряду с поощрением добровольного выхода из общины в чисто практическом плане при осуществлении реформы

решающую роль стало играть право «выдела» без согласия «мира». Тем самым правительство и в первую очередь местная администрация, получавшая бесчисленные директивы сверху, пытались использовать определенные интересы тех крестьян, которые хотели сохранить за собой временные излишки наделной земли, доставшиеся по переделу. Пионеров «претировали» лучшими угодьями. Землемеры столь искусно межевали общинную землю, отделяя немногих хуторян и отрубников, что остальным общинникам оставались неудобья. Это в ряде случаев побуждало «мир» вопреки его же воле самоликвидироваться, чтобы «не остаться в дураках».

Не без ведома земских начальников, мировых посредников, землемеров в проведении реформы порою просто царил произвол. Об этом, например, весьма красноречиво свидетельствует выступление 23 октября 1908 г. с думской трибуны депутата от Вятской губернии, крестьянина-трудовика А. Е. Кропотова: «...Мои избиратели мне говорили о том, что закон 9 ноября — это помещичий закон, который делает из крестьян деревенских кулаков, помещиков, а из бедняков — батраков, вечно голодных работников. Такое отношение моих избирателей к закону 9 ноября. Мои избиратели задавали такие вопросы: «Отчего это делается насильственно? Почему это делается без согласия общества? Зачем наши земли отданы в распоряжение земских начальников? Почему не слушают нашего голоса, а запрещают нам говорить под страхом высылки за пределы губернии о том, что этот закон нехорош?» Наказывали мне избиратели: «Скажи ты в Государственной Думе, что так больше жить нельзя, что этот закон восстанавливает нас друг против друга, заставляет душить друг друга, а усиленные охраны способствуют нашему душиению. Так вот, наша местность смотрит на этот закон так, что он идет в разрез с народными желаниями».

Попытки жесткими административными методами насадить новые формы землевладения сеяли в губернии очаги напряженности, приводили к возбуждению крестьянства, выступающего против разверстания общин. Такие выступления в связи с практикой проведения реформы были в селах и деревнях Яранского, Елабужского, Глазовского, Сарапульского, Орловского и Уржумского уездов. Только в 1911 г. в губернии было 50 случаев поджога имущества зажиточных крестьян.

Каковыми же были итоги землеустроительных работ в Вятской губернии? По отчету губернатора Н. А. Руднева, к 1 января 1917 г. 24233 домохозяина перешли к частному владению землей площадью 300344 десятин. Таким образом, в губернии к этому времени вышло из общин 5% дворов. Вместе с подворниками, получившими удостоверительные акты по закону 14 июня 1910 г., оказались реформированными 5,8% дворов и 4,4% общинных на-

дельных земель, что было значительно ниже общероссийских показателей.

Второй причиной, сдерживавшей процесс реформы, были технические трудности. Размежевание общинных владений и отвод земли в частную собственность требовали больших землемерных работ, геодезических измерений, выполнения точных планов-чертежей на каждый участок. А грамотных специалистов в губернии не хватало. К концу 1915 г. 58% членов уездных землеустроительных комиссий было призвано в армию, в результате чего они не справлялись с наплывом дел. В отчете губернатора за 1915 г. на высочайшее имя указывалось, что по обстоятельствам военного времени приостановлено рассмотрение ходатайств еще 28601 домохозяина.

Кроме того, медленно раскручивался и сам механизм реализации реформы. В Вятке губернская комиссия была создана одной из последних в России (15 октября 1911 г.), вместе с ней и уездные Вятская и Глазовская, Котельничская, Малмыжская, Нолинская, Орловская, Слободская, Уржумская землеустроительные комиссии начали функционировать лишь после 1 октября 1912 года, фактически же начали активные работы по землеустройству лишь в 1913 году.

Еще меньше, чем выход из общины, было выселение на хутора и отруба. Если к подворно-наследственному землепользованию перешло 27 тыс. дворов, то хуторов и отрубов на наделных землях было образовано 4663.

Важное место в аграрной реформе отводилось Крестьянскому поземельному банку, отделение которого имелось и в Вятке. За 1908—1912 гг. в губернии на землях банка было выделено 430 хуторов и 1671 отруб, из них в первые годы реформы было продано крестьянам 32 хутора и 867 отрубов в Яранском, Елабужском и Сарапульском уездах. К 1916 г. на землях Крестьянского банка среди выделившихся хозяйств преобладали отруба. Хуторов же было создано 615.

Составной частью реформы П. А. Столыпина было переселение крестьян за Урал, на целину. Громадное большинство переселенцев из губернии, как свидетельствуют источники, в качестве основной причины отъезда из отчего дома называли: «безземелие», «жить не при чем», «земли мало было», «землею наголодались», «тесно стало», «земли добиваться пошли», «на землю захотелось», «под деревней больше земли было, чем под пашней»... Судя по этим высказываниям, гнало крестьян из Вятской губернии, которая по их числу стояла на одном из первых мест в России, малоземелье. Однако в действительности дело обстояло не так просто. Государственные крестьяне, каковых в Вятской губернии было большинство, были лучше наделены землей, чем помещичьи. Между тем,

переселенцев из бывших государственных крестьян было больше, чем из бывших помещичьих, удельных. А причина тут не просто в малоземелье, а в малоземелье относительном.

Относительное малоземелье — это та «теснота», которую крестьяне все более ощущали по мере увеличения плотности сельского населения, в связи с чем традиционное для Вятской губернии трехпольное земледелие становилось все менее производительным. Эта «теснота» заставляла крестьян искать всевозможные источники расширения посевных площадей, передвигаться в пределах своей губернии, основывая починки, выселки, заимки, пустошки... В сферу активно используемых сельхозугодий вовлекались все имевшиеся неудобья, нераспаханные, заброшенные земли, но главное — луга и пастбища.

Тогда-то во всей остроте и встал вопрос, который поднимали земские агрономы, что разумели и сами крестьяне: о допустимом пределе распахки земель, за которым дальнейшее увеличение пашни могло отрицательно сказываться на развитии крестьянского хозяйства. Практика показывала, что трехпольная система тогда является рациональной, когда существует баланс между пашней, лугами и выгонами. Как свидетельствуют источники, в южных уездах губернии к началу XX века был достигнут предельно допустимый уровень распахки сельхозугодий. Единственным выходом в условиях стремительного роста населения было перераспределение земли внутри общины, что неизбежно вело к дроблению (чересполосице, узкополосице) и уменьшению наделов.

Был еще выход, который пытались претворить в жизнь трудолюбивое вятское земство: убедить крестьян перейти к новым способам ведения хозяйства. Однако земская инициатива, последовательно и настойчиво проводимая в вятской деревне с 1880-х гг., не получила реального воплощения из-за отсутствия сколько-нибудь серьезной государственной поддержки, недостатка земских средств и общинного консерватизма, который проявлялся в приверженности крестьян общинным институтам, являвшимся определенным социальным гарантом выживания основной массы сельского населения.

Поэтому-то вятский мужик и связывал свои надежды с переселением как одним из важнейших средств к улучшению своего благосостояния.

Пользуясь государственными льготами, а иногда и при отсутствии оных, продав свою усадьбу, скот, вслед за ходаками, а то и без них крестьяне хлынули на необъятные просторы Сибири за лучшей долей. Только по данным Челябинского регистрационного пункта, в 1906—1914 гг. в Сибирь прошло переселенцев и ходяков из Вятской губернии 127 тысяч. Основная масса направлялась в Томскую, Тобольскую, Енисейскую, Иркутскую губернии. Кроме

того, из переселявшихся в Сибирь часть оседала на уральской земле. Объектами переселения для вятчан здесь являлись Пермская, Казанская, Уфимская губернии, где, как и за Уралом, были выделены для этой цели участки. Необходимо отметить, что переселение за Урал и в Пермскую губернию продолжалось и в годы первой мировой войны. По данным обзоров за 1914—1915 гг., из пределов губернии выехало 16195 крестьян обоего пола. В то же время многие из вятчан, скитаясь по Сибири в поисках земли, нередко ни с чем возвращались обратно. За 1906—1914 гг. обратных переселенцев из Сибири в Вятскую губернию через Челябинск прошло 35161 чел.

Реформа Столыпина не решила аграрного вопроса в вятской деревне. Однако, несмотря на ее ограниченность, объективные социально-экономические результаты можно характеризовать как положительные. Во всяком случае реформирование 1906—1914 гг. сопровождалось не упадком, а устойчивым ростом производительных сил и товарности производства. Кроме того, многие хозяйства стали широко практиковать внесение в почву заменителей навозного удобрения: древесную листву, болотные травы, известь, мергель, торф, глину — в песчаные, а песок — в глинистые почвы с целью улучшения их структуры.

Конечно, прослойка крестьян, подверженных нововведениям, была еще достаточно тонкой, но роль ее в развитии земледелия чрезвычайно велика: ее пример давал богатый материал для обогащения традиций в деревне, совершенствования производства. Тем более, что в большинстве своем небольшие по количеству дворов селения в губернии строились по семейно-родственному, клановому принципу. Вот характерный пример. В числе крестьян, удостоенных премий в память 300-летия царствования дома Романовых, было 4 вятских: Кулаков, Штин (Малмыжский уезд), Русских (Нолинский), Полушин (Елабужский). В хозяйстве Штина Никифора Макаровича (Порекская волость, д. Бураши) имелось 3,5 душевого надела (площадь до 37 десятин). Ему было 40 лет. Семейство: отец, мать, жена, 4 сына и 4 дочери. До 1908 г. его хозяйство почти не отличалось от соседних. В 1908 г., вернувшись с заработков из Сибири и Маньчжурии, он стал засевать пашню новыми сортами ржи и овса. Купил сеялку, молотилку, двухлемешный плуг. Стал заниматься садоводством, пчеловодством. На 1000 квадратных саженьей (0,21 га) посадил 200 яблонь и 600 ягодных кустов, улучшил местную породу пчел. Перешел от трехполья к девятипольному севообороту. Увидев результаты труда семьи Штиных, вся деревня перешла на многопольный севооборот. В лучшую сторону изменилась структура посевов.

Сопротивляясь в целом «выделу» из общины, вятский мужик тем не менее приспособливал опыт землемеров, иногда и за «магач», деньги, для наиболее рационального перераспределения на-

дельной земли, чтобы уменьшить чересполосность, узкополосность, а в ряде случаев и дальнотемелье, что, бесспорно, улучшало культуру земледелия. Наметились устойчивые тенденции у определенной части крестьянских хозяйств к интенсификации производства: использование улучшенного сельхозинвентаря, минеральных удобрений, элитных семян и т. д. Об этом красноречиво свидетельствуют следующие данные.

Если в 1906 г. с земских складов было продано современных машин и инвентаря на сумму 150 тыс. рублей, то в 1915 г. — на 800 тыс., то есть в 5,3 раза больше. Если в 1914 г. улучшенных семян было продано 11 тыс. пудов, то в 1915 г. — около 19 тыс. пудов. Ранее земству приходилось убеждать крестьян в необходимости использования минеральных удобрений, устраивать в крестьянских хозяйствах показательные участки, а в 1915 г., как писали земские агрономы, на минеральные удобрения уже имелся довольно большой спрос со стороны населения.

Развитию производства способствовало и проникновение в аграрный сектор банковского капитала, различных форм кооперации. После 1910 г. в губернии стала быстро развиваться сельскохозяйственная и потребительская кооперация. По данным Вятской казенной палаты, в 1913 г. крестьянство было охвачено 10141 торговым предприятием с общим оборотом в 102 тысячи рублей. Особенно быстро наращивала свои обороты губернская касса мелкого кредита, выписывавшая машины и сельхозорудия для кредитных товариществ и кооперативов.

Все это привело к тому, что выросла средняя урожайность зерновых. По данным земской статистики, с 1887 по 1891 гг. она составляла: озимых — сам-3,94, яровых — сам-2,85, а в 1912—1916 гг. соответственно сам-4,8 и сам-4,6. Увеличились и товарность сельскохозяйственной продукции, вывоз ее за пределы губернии. К концу 1917 г. в Вятской губернии числился избыток зерна в размере 9,5 млн. пудов.

Однако первая мировая война не оставила никаких шансов на успешное продолжение развития деревни, истощая ее ресурсы. К лету 1917 г. из крестьянских хозяйств Вятской губернии было мобилизовано в армию 385,5 тыс. человек, или 49,2% мужского населения в трудоспособном возрасте. Это привело к тому, что уже в 1916 г. 29% хозяйств остались без работников. Тысячи крестьянских дворов в результате реквизиций совершенно лишились тягловой силы. Только по обязательным поставкам 1915 г. во всех уездах губернии было реквизировано на нужды войны 11400 лошадей. К 1917 г. 18% крестьянских хозяйств остались без рабочих лошадей. Кроме того, по решению царского правительства сельское население губернии подвергалось мобилизациям на вывозку дров, сырья, выжигание угля, строительство и ремонт грунтовых и железных

дорог. В особенно тяжелом положении оказались крестьяне Сарапульского, Глазовского, Малмыжского и Елабужского уездов, находившихся вблизи Ижевского и Воткинского военных заводов и строившейся железной дороги Казань—Екатеринбург.

Во время войны произошло сокращение посевных площадей. По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г., средний посев на одно хозяйство в Вятской губернии уменьшился по сравнению с довоенным на 20,7%. При имевшейся посевной площади в 3 млн. десятин недосев озимого и ярового полей составил 178 тыс. десятин, или 5,6% от обычно засеваемой площади. Посевная площадь всех продовольственных культур сократилась на 13,5%.

Сильно пострадало и животноводство, которое и до 1914 г. имело устойчивую тенденцию к сокращению. В сравнении с довоенными годами резко уменьшилась численность коров — на 14%, телят — на 31%, овец — на 26%, свиней — на 23%. Война разрушала производительные силы, подрывала сельскохозяйственное производство. Об этом свидетельствуют и отчеты губернатора Руднева на высочайшее имя. С 1913 по 1915 гг. недоимки с крестьян по государственному поземельному налогу выросли в 3,5 раза.

Без того сложное положение в деревне усугублялось продолжающимся процессом разложения крестьянской семьи. Как только община и чиновники утрачивали власть над крестьянами, они стремились поделить свое имущество и жить отдельными дворами. Так, если сельское население Вятской губернии сократилось с 3 млн. 646 тыс. человек в 1913 г. до 3 млн. 107 тыс. в 1916 г., то число хозяйств за это же время возросло с 504 до 558 тыс. С точки зрения производительности сельского хозяйства, особенно в зоне рискованного земледелия, этот процесс, безусловно, следует считать регрессивным. Крестьяне понимали, что это так, но тем не менее не желали жить под одной крышей с родителями, родней.

Война вела не только к ухудшению положения общинного крестьянства, но и к усилению дифференциации в деревне. К 1917 г. 3,3% крестьянских хозяйств были безземельными, а 18% безлошадными. Причем в зерносеющих районах (Яранском, Уржумском, Сарапульском, Малмыжском, Елабужском) безлошадные составляли 21,2%. Расслоение крестьянства в эти годы характеризовалось прежде всего тем, что по существу шел односторонний процесс ухудшения положения его средних слоев.

Война и сопровождавшая ее хозяйственная разруха как в городе, так и в деревне, потеря кормильцев на фронтах способствовали быстрому нарастанию в крестьянской среде стихийных революционных настроений, подталкивавших ее к традиционным формам борьбы.

В. Е. МУСИХИН

ВЯТСКИЕ РАБОЧИЕ: ОТ МАНУФАКТУРЫ К ФАБРИКЕ

Главным событием последнего года уходящего в историю девятнадцатого столетия для Вятской губернии стало окончание строительства Пермь-Котласской железной дороги. Ввод в строй действующих ее, а позднее, в 1906 г., и Северной железной дороги имел огромное экономическое и общественно-политическое значение: рынок края, постоянно испытывавший дефицит товаров, получил возможность развиваться интенсивнее, толкая вперед и развитие промышленности во всех ее формах — от ремесленного, мелкотоварного до фабричного производств.

По степени распространения кустарных промыслов, как известно, Вятская губерния занимала первое место в России. Взаимно переплетаясь, ремесленное производство как бы нехотя уступало место мануфактуре, фабрике. Если в 1884 г. предприятий фабрично-заводской промышленности (с числом рабочих 15 и более) было 92, то в 1900 г. — 150. Подавляющее большинство из них занималось переработкой местного сельскохозяйственного сырья: кожевенно-обувные, овчинно-шубные. Развивались они в тех же уездах, что и ранее: Вятском, Слободском, Сарапульском. Из других отраслей обрабатывающей промышленности, где также ощущались нововведения, были писчебумажная, винокуренная, спичечная, химическая. История сохранила для нас много интересных документов, позволяющих наглядно проследить процессы капиталистической эволюции в ряде производств.

В местечке Юрьево (Яранский уезд) «капиталистичным» крестьянином Булыгиным была куплена земля помещика Юрьева, где в 1857 г. было построено деревянное здание предприятия для получения спирта. В 1890 г. ветхие строения были снесены и заменены добротными каменными с добавлением пивоварни, маслобойного цеха и паровой мельницы с усовершенствованным оборудованием. До 1890 г. работы по производству спирта и постного масла в основном производились с помощью ручного труда и конной тяги, а после реконструкции — силой пара. Все это позволило Булыгину увеличить производительность до 65 тыс. ведер спирта, 72 тыс. ведер пива и 20 тыс. — постного масла и обеспечить работой 80 окрестных крестьян с сентября по апрель.

Однако в пимокатном, деревообрабатывающем, кирпичном, пищевом производствах, полиграфии все еще преобладала мануфактура. По данным губернской статистики (которая учитывала не все мелкие заведения), в 1900 г. насчитывалось 621 такое предприятие. Мануфактуры господствовали в тех производствах, где фаб-

рики либо вовсе отсутствовали (в швейном, гончарном, мебельном, столярном, хлебопекарном), либо не играли решающей роли (колбасном, обработке растительных и минеральных веществ).

В чем же причины замедленного развития фабрично-заводской промышленности в сфере производства, как бы теперь выразились, товаров народного потребления?

Одна из главных состоит, очевидно, в том, что вятский крестьянин смотрел на торговлю и промышленность как на естественный источник побочного заработка, а не как на прибыльное дело. То есть промысловая деятельность в условиях рискованности земледелия была по сути дела навязана крестьянству экономическими обстоятельствами. Деловая психология вятского мужика в большинстве своем не выходила за пределы мелкого предпринимательства и торговли. Кустари и ремесленники изготавливали свои бесконечно разнообразные (до 300 видов промыслов) изделия из дерева, коры, тканей, кожи, глины, металла, от грубо сработанных предметов ширпотреба до произведений подлинного искусства. Все это вполне удовлетворяло непритязательные потребности середняцкой деревни, а зачастую и провинциальных городов, в мебели, мелком хозяйственном инвентаре, глиняной посуде, саниах, телегах, обуви и прочем.

В последние годы XIX в. происходили определенные изменения в горнозаводском хозяйстве губернии. Горные и металлообрабатывающие заводы, расположенные в Сарапульском, Глазовском и Слободском уездах, играли заметную роль в экономике края. На 6 металлургических заводах Холуницкого и Омутнинского горных округов в начале XX в. работало 9840 чел. Вместе с углежогами, дроворубами, возчиками численность рабочих достигала 25577 чел. На двух самых крупных в регионе казенных предприятиях — Ижевском оружейном и Воткинском судомашиностроительном заводах — было занято соответственно 11 тыс. и 6519 чел. В последнее десятилетие XIX в. оба предприятия были на подъеме. Дело в том, что в это время русская армия перевооружалась трехлинейными винтовками системы Мосина, что потребовало резкого пополнения станочного парка на Ижевском заводе. Если в 1890 г. он располагал 1313 станками и машинами, то в первые годы XX в. здесь их было свыше 3000. Подобное наблюдалось и на Воткинском заводе, изготавливавшем конструкции для железнодорожных мостов, сельхозмашины, речные суда и паровозы.

Капиталистическая перестройка народного хозяйства губернии происходила на фоне демографического взрыва: численность населения возросла с 2220 тыс. человек в 1863 г. до 3031 тыс. в 1897-м и 3813 — в 1913-м. Оба фактора в равной степени способствовали росту городов. Если в 1863 г. в них проживало 53,2 тыс. человек, то в 1897 г. — 95,6 тыс., а в 1915 г. уже 176 тыс. В конце

XIX в. даже самые крупные города с населением более 20 тыс. человек — Вятка и Сарапул — оставались по преимуществу еще торгово-ремесленными. А уже к началу первой мировой войны в губернии было пять промышленно-торговых городов с населением 10 тыс. человек и более.

Правда, остальные семь, хотя и стали многолюднее, по-прежнему не выходили за рамки чисто административных и торгово-ремесленных центров, сохраняя облик глубокой патриархальности, чем особенно отличались Яранск, Уржум, Нолинск, Орлов, расположенные вдали от железных дорог, которые обретали все более определяющую роль в темпах экономического и социального развития регионов. Показательна в этом отношении судьба г. Глазова. Прежде незначительный, захолустный населенный пункт, он после постройки Пермь-Котласской железной дороги стал быстро расти и уже в 1913 г. насчитывал 10 тысяч жителей, превратившись в крупный по тому времени торговый и культурный центр.

Рост населения, развитие ремесел, промышленности, торговли увеличивали доходы казны городов. Они украшались новыми каменными зданиями гостиных дворов, отделений банков, вокзалов, театров, гимназий, домов состоятельных граждан. Стали появляться мостовые из булыжника, скверы и парки, керосиновое и электрическое освещение, телеграфная и телефонная связь, кое-где — водопровод. Однако везде по-прежнему преобладали деревянные постройки. В ряде городов стали оформляться печально знаменитые рабочие окраины, где царили бедность, теснота, убогость.

В пореформенный период в Вятской губернии были населенные пункты, которые хотя официально и не считались городами, но по числу жителей не уступали им. Да и внешний вид многих заводских поселков стал все больше обретать городской тип — по планировке, каменным постройкам административных зданий и заводских корпусов, учебных заведений, больниц, библиотек. Самыми крупными заводскими поселками были Ижевский (41,1 тыс. жителей) и Воткинский (21,6 тыс.). Всего подобных поселков, имевших население более 3 тыс. человек, в губернии было 6, и проживало в них (1897 г.) 80 тыс. Вместе с собственно горожанами (96 тыс.) они составляли городское население, которое в общей численности жителей губернии к началу XX в. достигло 5,8%.

Возникали и так называемые фабричные села. В поисках дешевых рабочих рук, сырья предприниматели основывали фабрики и заводы на селе, в местах традиционных промыслов, что, несомненно, влияло на изменение облика населенных пунктов и рода занятий их жителей. Так, в деревнях Бондюга и Кокшага находились химические заводы П. К. Ушкова и К^о (соответственно 1386 и 267 рабочих), в с. Спасском — меховая фабрика Н. П. Рылова

и спичфабрика «Н. П. Рылов и Ф. П. Лесников» (850 рабочих), в с. Вахруши — кожевенный завод и механическая фабрика обуви (1650 рабочих) и др.

Местами значительного скопления рабочих становились также «кустарные села». В основном они были сосредоточены в Вятском, Слободском и Яранском уездах, где получили развитие кожевенный, шубно-овчинный, металлообрабатывающий промыслы, изготовление глиняных игрушек, кружев. В Яранском уезде, например, «кустарными селами» были деревни Назаровская и Максимова, где изготавливали серпы и другие сельхозорудия, а также село Кукарка, где издавна было развито кружевоплетение.

Капитализация экономики сопровождалась оживлением торговли, где главную роль по-прежнему играли ярмарки. К 1900 г. они открылись в Елабуге, Малмыже, увеличилось их число в Вятке, Орлове. Росла сеть сельской ярмарочной торговли. В 1900 г. в губернии было 605 ярмарок.

В начале XX в. в городской и сельской местности получила развитие стационарная торговая сеть. Число магазинов и мелких лавочек, в которых шел постоянный торг предметами первой необходимости, увеличивалось. Если в конце XIX в. в губернии было 16422 торговых заведения с оборотом 31,8 млн. рублей, то в 1915 г. — 21241 с оборотом 124 млн. рублей.

Крупными центрами торговли становились уездные города. В 1900 г. в них было 2321 торговое заведение с годовым оборотом 30 млн. рублей. Бойко развивалась торговая сеть в заводских поселках, фабричных селах. В поселке Ижевского завода в 1900 г. было уже 323 лавки с оборотом 2,2 млн. рублей.

В условиях благоприятной экономической конъюнктуры капиталистическое предпринимательство постепенно переставало быть сугубо личностным делом, все больше становясь коллективным, обезличенным. На первый план стали выходить акционерные общества, товарищества. Происходит срастание торговых и промышленных предприятий. Спирто-водочное и пивомедоваренное производства сконцентрировало в своих руках товарищество Александрова. Водные перевозки монополизировало товарищество Вятско-Волжского пароходства. В то же время в промышленности и торговле еще была значительна доля семейно-паевых предприятий. Классическими примерами являются торговые дома «Вахрушев и сыновья», «Братья Н. Н. и А. Н. Распоповы».

На рубеже XIX—XX вв. росла концентрация торговли в руках фирм. На торговле тканями, хлебом, нефтепродуктами сколотил миллионное состояние елабужский купец И. Г. Стахеев. Монополизировав рынок Прикамья, он открывал свои отделения в Сибири, в Тобольской губернии. На торговле холстом вел миллионные операции торговый дом «Небогатилов и сыновья» (г. Нолинск),

крупной фирмой стал торговый дом «Ф. П. Грибасов с сыновьями и К^о».

Ведущую роль в развитии промышленности и особенно торговли играло складывание капиталистической кредитной системы. Она была представлена отделениями центральных и местными банками. С 1865 г. в Вятке, а с 90-х гг. — в Сарапуле действовали отделения Государственного банка. Чуть позже на вятской земле, как грибы после дождя, стали возникать отделения, агентства, комиссионерства разных коммерческих банков. Волжско-Камский банк открыл свое отделение в Вятке и агентства в Котельниче и Уржуме, Сибирский торговый банк — отделения в Вятке, Сарапуле, комиссионерство в Котельниче, Русский для внешней торговли банк — отделение в Вятке, Русский торгово-промышленный банк — отделение в Елабуге.

Финансированием местного управления, коммунального хозяйства занимались городские банки, а также общества взаимного кредита. Наиболее крупными из них были Вятское и Кукарское. При основном капитале 124 тыс. руб. Вятское общество взаимного кредита имело годовой оборот около 18 млн. рублей.

Начало XX в. еще больше втянуло экономику губернии в общероссийскую. Одним из следствий этого стали пережитые ею потрясения во время экономического кризиса 1900—1903 гг. Как свидетельствуют документы, тогда были объявлены несостоятельными десятки фирм и отдельных предпринимателей. Кризис коснулся, как и следовало ожидать, в первую очередь крупных предприятий, которые были теснее связаны с российскими торгово-промышленными фирмами и банковским кредитом. Об этом свидетельствует резкое падение выпуска продукции. Если число предприятий с 1900 по 1902 г. выросло на 45, то стоимость промышленной продукции сократилась на 7 млн. руб. Увеличение же промышленного производства в 1903 г. по сравнению с 1902 г. на 3 млн. руб. сопровождалось разорением более 40 предприятий.

Не только экономический кризис, но и другие факторы оказывали разноречивое влияние на состояние промышленности губернии в начале XX в. Неурожай 1901 и 1903 гг. и русско-японская война ухудшили трудовой баланс деревни, платежеспособность ее населения и как следствие привели к снижению спроса на промышленные товары. Не прошло бесследно и дезорганизующее воздействие крестьянских волнений и рабочего движения в революцию 1905—1907 гг. С другой стороны, размещение заказов военного ведомства способствовало расширению производства на Ижевском заводе, кожевенно-обувных, овчинно-шубных, спичечных предприятиях, железнодорожном и водном транспорте. Именно поэтому с 1901 по 1907 гг. было открыто 5 новых кожевенных заводов и

механических фабрик обуви (Вятский, Сарапульский уезды), 4 спичечные фабрики (Котельничский, Яранский, Вятский уезды).

Структурные особенности промышленного производства накладывали свой отпечаток на формирование вятского пролетариата. Большая его часть была распылена по сотням мелких заведений. Крупных и крупнейших (с численностью рабочих свыше 1000 человек) предприятий было немного, всего семь. Большинство из них располагалось в Сарапульском, Глазовском, Слободском уездах. Именно здесь и начали складываться первые трудовые династии потомственных кадровых рабочих.

Таких, однако, было еще мало. В основном армия труда в промышленности, на транспорте пополнялась за счет местных крестьян, нуждавшихся в дополнительных заработках. Они-то и составляли подавляющую массу формирующегося рабочего класса в регионе. Вятские рабочие имели еще прочную связь со своим хозяйством, деревней. Наиболее красноречиво об этом говорят материалы профессиональной переписи 1918 г. Из зарегистрированных ею 14912 рабочих 4848 (32,5%) имели свою землю и вели хозяйство с помощью членов своих семей. Для 58,1% рабочих основным источником существования уже была работа на предприятии. Таким образом, вятский рабочий начал постепенно отрывать-ся от земли, хотя связь с деревней еще долго не будет им потеряна.

Важнейшим показателем экономического положения рабочих является продолжительность рабочего времени. После издания закона 2 июня 1897 г. в фабрично-заводской промышленности был установлен рабочий день в 11,5 часа, который на предприятиях губернии в основном соблюдался.

В начале XX в. шел процесс сокращения рабочего дня, что было связано с ростом социальной активности рабочих (экономические стачки, волнения), а также с модернизацией и техническим перевооружением производства. Документы говорят, что рабочий день (без сверхурочных) в 1913 г. в фабрично-заводской промышленности составлял 9,7 часа, сверхурочные — 0,3 часа. Однако продолжительность рабочего дня во многом зависела от условий труда. Так, в доменном, мартеновском и прокатном производствах рабочий день колебался от 6 до 12 часов при 2—3-сменной работе. Следует отметить, что в металлургической и горнодобывающей отраслях доля рабочих, занятых 8 часов (при 3-сменном режиме), была большей, чем в других. Это связано с более высокой механизацией производства, тяжелыми условиями труда. Восьмичасовая смена существовала на Ижевском, Воткинском, Белохолуницком, Пудемском заводах. В то же время на ряде производств Белохолуницкого и Пудемского заводов существовала и 6-часовая смена. Наиболее продолжительной была работа в горнодобыче, на лечных и куренных работах — 11—14 часов. На Кирсинском заводе сохра-

нялся еще такой архаичный порядок работы — сутками (по 24 часа), после которых рабочие день или два отдыхали. Таким образом, здесь продолжительность пребывания на заводе зависела от выполнения установленного урока, который состоял из двух садов в пудлинговые печи, прокатки 240 кусков в листовую болванку.

Непомерно длинным — 13—17 часов — был рабочий день в мелкой промышленности, на которую не распространялось рабочее законодательство. Смены по 16—18 часов существовали на железных дорогах. На водном транспорте обычно применялась двухсменная работа по 12 часов.

Говоря о продолжительности работы, мы остановились только на вопросе чистого времени. Однако пребывание на заводе растягивалось и за счет времени, отводившегося на завтрак и обед (1,5—2 часа). Обратимся к документу. На фабрике Булычева дети в возрасте от 12 до 15 лет трудились в две девятичасовые смены с перерывом на обед и отдых продолжительностью 4 часа, всего же они были связаны с фабрикой 13 часов в день.

Наряду с продолжительностью рабочего дня важное значение имеет годовой рабочий период, который зависел от промышленной конъюнктуры, состояния производства, традиций. Например, на предприятиях Вятского горного округа рабочий год сокращался за счет приостановки или остановки заводов во время сельскохозяйственной страды на один-два месяца. В фабрично-заводской промышленности многие предприятия также частично или полностью останавливались в летний период в связи с уходом работников на уборку урожая.

По данным внутреннего распорядка, представленного заводладельцами на утверждение в фабричную и горнозаводскую инспекции, рабочий год на металлургических заводах Вятской губернии в начале XX в. в среднем составлял 200—230 дней, причем у рабочих основных цехов 260 дней, вспомогательных — 200. В легкой промышленности продолжительность работ в течение года достигала 280 дней.

Свободное от производства время рабочий люд использовал, конечно же, по-разному. Многие посвящали его культурным развлечениям, самообразованию — чтению книг, посещению выставок, публичных лекций, театральных представлений. Характерен известный по документам случай с попыткой открыть в 1897 г. по предложению окружного инженера вечернюю школу при Николаевском стекольном заводе (Уржумский уезд). Так как в селении уже 25 лет имелаась земская школа и грамотность «простиралась до 35-летнего возраста», то рабочие «все единогласно» заявили, что свободное время «они желали бы проводить в чтении полезных книг, газет и журналов и просили ходатайствовать... об открытии здесь вместо предложенной школы хотя бы скромной библиотеки».

В 1903 г. полковник В. И. Руденков сообщал из Ижевского завода: «Насколько сильна потребность населения в театре, можно судить по тому, что мастеровые с боя разбирают театральные билеты за деньги, несмотря на современный недостаточный заработок, а у кабатчиков 10-копеечный театральный билет котируется в 25 копеек».

В ряде городов, заводских поселков действовали клубы, при которых имелись музыкальные и драматические кружки, воскресные школы.

Одновременно с ростом грамотности и культуры ослабевала религиозность рабочих. Чиновники и полиция, жандармерия в своих рапортах, отчетах жаловались, что мастеровые плохо посещают церкви, что влияние духовенства на них ослабевает. Церковники все чаще обращались в заводские конторы с просьбами принудить рабочих выполнять свой христианский долг «исповеди и причастия».

Часть мастеровых начинает принимать участие в общественной жизни, в деятельности существовавших в то время ссудно-сберегательных товариществ, обществ потребителей, страховых касс, профсоюзов. Рабочих, чаще всего молодых, начинают привлекать быстро распространявшиеся революционные идеи. Многие из них стали посещать подпольные кружки, маевки, читать нелегальную социал-демократическую и эсеровскую литературу. Не случайно источники отмечают, что в начале XX века происходят изменения в поведении рабочих. Они стали дерзки, непочтительны, более требовательны, все чаще начинают говорить о необходимости лучших порядков, равенстве всех людей и т. д.

Однако все эти перемены больше всего коснулись части городских квалифицированных рабочих. Что же касается мастерового люда поселков, «фабричных сел», имевшего тесные связи с сельским хозяйством, то у него продолжали сохраняться патриархальные формы проведения досуга — вечерки, посиделки, капустники и т. д. Среди значительной части рабочих распространены были пьянство, игра в карты. Заводские фабричные поселки, рабочие окраины городов с их многочисленными пивными и винными лавками, кабаками нередко превращались в криминогенные зоны. По вечерам здесь боялись появляться даже урядники, околоточные надзиратели, городовые.

Зарботки у вятских рабочих были очень низкими. На Ижевском оружейном заводе, считавшемся в губернии предприятием с самой высокой зарплатой, в 1902 г. по 30 и более рублей в месяц получали 11,9% рабочих, в то время как на петербургских военных заводах такую зарплату имели 40% рабочих, на киевских — 44,6%. Согласно данным совета съездов горнопромышленников Урала, в 1900 г. среднегодовой заработок рабочих на предприятиях Вятского

горного округа и казенных заводах при 260 рабочих днях составлял: на заводах — 209 руб., на горных работах — 172, по-лесному хозяйству, перевозкам и заготовкам — 123, всего в горнозаводской и горной промышленности (1900—1902) — 181 руб. Еще ниже оплата труда была в фабрично-заводской промышленности. По материалам анкетного опроса (так называемой промышленной переписи 1900 г.), среднегодовая зарплата рабочих здесь составляла 145,9 руб. В 1913 г. среднегодовой заработок вырос до 183,5 руб. В целом же по крупной промышленности Вятской губернии в 1913 г. он составил 196 руб., в то время как в целом по стране 287 руб.

Все это не могло не сказываться на настроениях вятских рабочих, неизбежно вело к росту их недовольства своим положением, что особенно ярко показывает анализ требований, предъявлявшихся рабочими во время забастовок.

К началу первой мировой войны Вятская губерния, как и прежде, сохраняла черты аграрно-сырьевого придатка центра страны. Ее промышленность все больше ориентировалась на переработку сельскохозяйственного сырья. Общая благоприятная конъюнктура, обусловленная переживавшимся Россией в предвоенный период экономическим подъемом, создавала условия для развития предприятий фабричного типа, число которых выросло со 150 в 1900 г. до 225 в 1913 г. В большинстве своем они были небольшими по размерам, в среднем на одно предприятие приходилось 90 рабочих. Здесь широко применялся ручной труд. Да и в общем числе промышленных заведений, которых в 1913 г. в губернии насчитывалось 804, доля фабричных оставалась все-таки еще незначительной. Лишь кожевенно-обувное, спичечное, химическое, бумажное производства зримо превращались в капиталистически организованные отрасли, интегрированные в российскую экономику.

Фабричная промышленность по-прежнему продолжала сосредоточиваться в городах и поселках Вятского, Слободского, Сарапульского и Елабужского уездов, через которые проходили основные пути сообщения и рыночные связи. Купечество других уездов не спешило вкладывать капиталы в производственную сферу.

Трудно шло в губернии развитие горнозаводской окружной системы. Следует напомнить, что к 1861 г. здесь имелось 6 округов: Омутнинский, Песковский, Кирсинский, Холуницкий, Залазнинский, Шурминский, Бемышевский. Эти частные округа в пореформенный период находились в тяжелейшем финансовом положении и были взяты в опеку или под казенный присмотр.

В 1874—1887 гг. предприниматель А. Ф. Поклевский-Козелл, витебский дворянин и купец I гильдии, известный тогда своим деловым размахом (занимался скупкой земель, имел золотые и асбестовые прииски в Сибири и на Урале), приобрел один за другим Холуницкий и Залазнинский округа, объединив их в одно хозяйст-

во. В 1879 г. ярославская фирма купцов Пастуховых купила у казны Песковский округ, присоединив к ранее приобретенному Омутнинскому.

В результате в губернии было создано два крупных горнозаводских хозяйства вместо прежних шести. Однако последовавшие события по-разному распорядились их судьбой. Общее ухудшение финансового состояния страны в начале XX в., дезорганизация производства в ходе затяжного экономического кризиса привели горнозаводские хозяйства к упадку. Следовало оперативно решать вопросы их перестройки. Однако отсталый способ производства металла при отсутствии стабильных путей сообщения вел к крайне замедленному обороту капитала.

В этих условиях Холуницкий горный округ в 1909 г. полностью свернул горнозаводское хозяйство. С ним вместе прекратили свою деятельность Холуницкий, Богородский, Климовский, Чернохолуницкий, Залазнинский и Белорецкий заводы. Более шести тысяч рабочих лишились средств к существованию. Рабочие округа обратились к губернатору с просьбой передать им Холуницкий завод в аренду на артельных началах, но получили отказ. Большая часть мастеровых в поисках заработка вынуждена была уехать на заводы Урала и Сибири.

Судьба Омутнинского округа была более успешной и поучительной. Продержавшись во время кризиса, Пастуховы столкнулись с необходимостью полной модернизации своих заводов в годы нового экономического подъема. Еще в период кризиса на заводах округа были проведены некоторые работы по реконструкции, но в техническом отношении Омутнинский округ оставался одним из самых отсталых в России. В новых условиях необходимо было или полностью модернизировать производство, или закрыть заводы. Чтобы найти средства для перестройки, Пастуховы пошли на акционирование округа и в 1913 г. осуществили его. Основной капитал общества составил 9 млн. руб. (90 тыс. акций по 100 руб.). Вся финансовая операция, связанная с выпуском акций, была поручена владельцами округа Сибирскому торговому банку. Блестяще проведя акционирование, банк вложил средства в реконструкцию предприятий, отгеснив от его управления Пастуховых. Округ, который в течение последних лет давал одни убытки, уже за 9 месяцев 1913 г. получил 389 тыс. руб. чистой прибыли. Он постепенно попадал в сферу интересов монополистического объединения «Продамет».

В 1907—1913 гг. продолжалось развитие казенных заводов — Воткинского и Ижевского. Первый из них являлся одним из старейших русских машиностроительных заводов. Организация судостроения здесь датируется еще 1846 г., паровозостроения — 1868 г., а начало производства сельскохозяйственных орудий — 1886 г. В 1901—1905 гг. завод выпускал ежегодно от 13 до 19 судов, в т. ч.

крупные пассажирские и буксирные пароходы, в среднем по 27—35 паровозов. Однако его коллективу пришлось перенастраиваться на другую продукцию в связи с тем, что царское правительство после поражения в русско-японской войне приступило к перевооружению армии и флота, разработав программу переоборудования казенных заводов. С 1908 года началась их модернизация. Целью технического переоснащения и расширения мощностей предприятий было удовлетворение в полном объеме заказов военного и морского ведомств. Около 7 млн. руб. было выделено группе кооперировавшихся между собой заводов: Мотовилихинскому (Пермская губерния), Златоустовскому (Уфимская губерния) и Воткинскому. Инженерно-техническому персоналу последнего пришлось решать сложные проблемы, связанные с внедрением передовой технологии. Быстрыми темпами шли также реконструкции и техническое перевооружение самого крупного в губернии Ижевского завода, где, начиная еще с 1903 г., устанавливалось новое оборудование.

Развитие железнодорожного транспорта отодвигало гужевой и речной транспорт на второй план, но не остановило их роста, и во времена нового экономического подъема они продолжали играть важнейшую роль в народном хозяйстве губернии.

Несмотря на тенденцию устойчивого развития сети грунтовых дорог, состояние их при отсутствии твердого покрытия во многом зависело от погодных условий, а ремонт и поддержание — от экономического положения деревни. Так, только для строительства и ремонта дорог требовалось ежегодно до 110 тыс. конных и 150 тыс. пеших работников.

Крупным капиталистическим хозяйством, применявшим квалифицированную рабочую силу, становилось судоходство, куда вятские купцы активно вкладывали капиталы: приобретали пароходы, строили дебаркадеры, подъездные пути, оформляли пристани, затоны. В навигацию 1913 г. по Вятке и другим рекам (в пределах Вятской и Сарапульской судоходных дистанций) ходило 95 товарно-пассажирских и буксирных судов, местом жительства владельцев которых была Вятская губерния. Наиболее крупными судоходными предприятиями были товарищество Вятско-Волжского пароходства (г. Вятка) — 42 парохода, 104 барки и баркаса; Воткинский завод — 15 пароходов; торговый дом Стахеевых (г. Елабуга) — 16 пароходов, 65 барж и танкеров; торговый дом Небогатиковых (г. Нолинск) — 5 пароходов; торговый Якимов — 6 пароходов. Коммерческие и пассажирские перевозки с пристаней Вятской губернии осуществлялись на Нижегородскую ярмарку, в Москву, Рыбинск, Казань, Астрахань, Пермь, Уфу, заводские поселки западного Приуралья. На р. Вятке в начале XX в. было уже 30 затонов, на р. Каме (в пределах губернии) — 25. Наиболее крупные из них — Аркульский, Иловатский, Медведский (р. Вятка), Галевский, Сарапульский

(р. Кама). Многие затоны не имели постоянного оборудования для ремонта судов и служили только для их зимовки. Судоремонтными мастерскими располагал лишь Аркульский затон.

Позитивные изменения в транспортной инфраструктуре неизбежно сказались и на торговле. Вятская губерния стала более доступной для сбыта фабричных изделий как российских, так и зарубежных фирм, которые сплошь и рядом открывали свои конторы, магазины по сбыту товаров. Рос ввоз в губернию машин, станков, галантерейных изделий, сахара, чая, керосина, табака, стекла... Одновременно увеличивался и вывоз из губернии. При этом торговое сальдо было положительным, что создавало хорошие перспективы для развития экономики.

Важные функции выполнял кредит. Однако рост товарного кредита превышал удельный вес промышленной клиентуры. Большую часть вексельных кредитов отделения Госбанка в губернии предоставляли купечеству. Почти исключительно на кредитование торговли направлялись активные операции коммерческих банков. Обладая природной расчетливостью и экономностью, вятский мужик если и вкладывал свои капиталы, то больше в торговлю, где и обороты денег были быстрее, и результат налицо. Однако на сложные торговые комбинации этим новоявленным нахрапистым дельцам часто не хватало ни образования, ни средств. Занимаясь в большинстве своем мелкооптовой торговлей, они медленно наращивали свои капиталы, отдавая львиную долю прибыли заезжим купцам.

1914 г. вселял определенные надежды на будущее. Периодика пестрела объявлениями о покупках и продажах, начиная от лаптей и кончая свободной рабочей силой. В это время еще можно было все продать и купить. Хозяйственный год был в целом благополучным, хлебом население было обеспечено достаточно, в распоряжении крестьян для реализации оставался значительный излишек сельскохозяйственных продуктов. С осени 1913 г. и всю зиму бойко работали базары, ярмарки, закупочные конторы, куда крестьяне, одни от избытка, другие из нужды, везли свои товары и продукты.

В этих условиях благоприятной была и промышленная конъюнктура. За весь 1913 г. было всего три банкротства. Число промышленных предприятий росло.

О приближении войны не думали. Хотя в народе уже говорили о недобрых приметах. Из родившихся в 1913 г. 188 тыс. детей большинство составляли мальчики. Тем не менее в удачном хозяйственном году было зарегистрировано и рекордное число браков — около 35 тысяч....

События 1914—1917 гг. оказали огромное воздействие на экономическую жизнь России, которая не была подготовлена к длительной войне. Вятская губерния не представляла исключения

в этом отношении. Стремясь пополнить поглощенные войной ресурсы, правительство мобилизовало «на оборону» не только крупную, но и среднюю и даже мелкую промышленность. Прибыльные заказы для армии, широкое применение труда военнообязанных, военнопленных, централизованное обеспечение сырьем, машинами, оборудованием позволили фабрикам и заводам губернии расширить производство. В результате предприятия региона в 1916 г. произвели промышленной продукции на 110,9 млн. рублей — в два раза больше, чем в 1913 г. За 1914—1916 гг. в 5 раз увеличилось производство машин и инструментов, в 3 раза — обработка дерева, в 1,5 раза — выпуск кожевенных товаров, выросли объемы производства бумаги, спичек, обработки кож, шерсти, химических продуктов.

Для доставки и вывоза сырья и готовой продукции необходима развитая транспортная инфраструктура, а она в Вятской губернии была уязвимым местом. Снабжение многих заводов и фабрик усложнялось удаленностью от железных дорог, на которых к тому же уже к 1916 г. наблюдался недостаток рабочих рук, упадок путевого хозяйства, подвижного состава. К началу 1917 г. перевозки на железных дорогах региона настолько ухудшились, что многие фабрики и заводы из-за недостатка топлива и сырья вынуждены были сократить производство. При таком состоянии железнодорожного транспорта основным средством снабжения губернии всем необходимым должны были стать традиционные виды транспорта — гужевой и водный. Но уже в зиму 1915—1916 гг. гужевой транспорт не справлялся с перевозками. Деревня, подорванная мобилизациями, в том числе военно-конскими, не могла выполнить возросшие объемы перевозок, выставить заводам и фабрикам необходимое количество работников и лошадей для вспомогательных работ.

Хотя война и вызвала оживление на водном транспорте, однако уже в 1916 г. паровой флот тоже не справлялся с возросшим объемом перевозок. В кризисе речного транспорта сказались недостаток затонов, полная непригодность последних для операций грузообмена, отдаленность их от заводов, мобилизация на фронт профессиональных грузчиков. На пристанях часто образовывались «пробки».

Конъюнктура военного времени оказала чрезвычайно противоречивое воздействие на социально-экономическую жизнь края. С одной стороны, выгодными заказами военного ведомства, военно-промышленными комитетами, «Земгором» мобилизовались ресурсы и энергия предпринимателей, кустарей, с другой — ухудшалось положение трудящихся масс. Не выдерживал нагрузки и без того хрупкий механизм их социальной защиты.

В первый год войны правительство допустило ошибку: на

фронт была призвана значительная часть квалифицированных рабочих. Несмотря на принятые в 1915 г. правила отсрочки, нехватка рабочих рук в промышленности носила и абсолютный, и относительный характер. Чтобы компенсировать ее, администрация губернии, идя навстречу буржуазии, добилась милитаризации труда на фабриках и заводах, перевода рабочих на положение военнообязанных, привлечения в промышленность солдат. Шире стал применяться низкооплачиваемый труд женщин, подростков и детей, а со второй половины 1915 г. и военнопленных.

Хотя номинальная заработная плата выросла существенно за счет повышения расценок, разного рода военных прибавок, реальные доходы рабочих не успевали за ростом цен на предметы первой необходимости. Рабочий в Вятской губернии к 1917 г. стал жить хуже, чем до войны, в два раза. Такое положение неизбежно должно было привести к социальному взрыву.

Война не дала завершиться в губернии промышленному перевороту. Об этом свидетельствуют низкие технико-экономические показатели, несформированность рабочего класса, преобладание мелкой и средней промышленности. Наличие горнозаводских и казенных заводов и их быстрая техническая реконструкция — это еще не главный показатель индустриального развития края. Его подлинная индустриализация началась лишь в советское время.

Ю. А. БАЛЫБЕРДИН

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В НАЧАЛЕ ВЕКА

В начале XX века на территории Вятской губернии, как и в целом в России, были созданы и с разной степенью активности работали партии революционного, либерально-демократического и правительственного лагерей.

Местные организации политических партий руководствовались в своей деятельности программами и уставами, разработанными центральными органами.

Революционные партии вели в основном нелегальную работу и ставили своей целью свержение самодержавия революционным путем.

Партии правительственного лагеря стремились не допустить насильственного переворота в России и содействовали правительству в проведении политики умиротворения страны. Они действовали законными методами.

Партии либерально-демократического лагеря выступали за реформирование России и за примирение левых и правых. Они хотели, чтобы страна мирно перешла на демократический путь развития — без крови и потрясений.

Самыми активными в губернии были партии революционного лагеря — социал-демократы и эсеры, идеи которых о ниспровержении несправедливого строя и будущей счастливой жизни находили отклик среди некоторой части населения.

Распространение революционных идей в нашем крае связано с деятельностью политических ссыльных. В конце XIX в. в десяти колониях здесь находилось 257 революционеров, высланных из Москвы, Петербурга, Киева, Риги, Харькова и других городов (Н. Э. Бауман, Ф. Э. Дзержинский, В. В. Воровский, И. Ф. Дубровинский, Л. П. Радин, П. И. Стучка, Н. А. Алексеев и другие). Политические ссыльные вели пропагандистскую работу, создавали социал-демократические кружки и группы и оказывали определенное влияние на местное население, особенно на молодежь.

Первым политическим кружком в г. Вятке был кружок старшекласников, в который входили учащиеся реального училища, мужской и женской гимназий. Организатор его А. Л. Левентон снабжал кружковцев нелегальной литературой, проводил диспуты и издавал рукописный журнал «Единение».

Подобные кружки работали в школе печников, на фельдшерских курсах и в семинарии.

Работа кружков постоянно пресекалась полицией, их руководители подвергались арестам, но кружки пополнялись новыми членами и продолжали работать.

Первая социал-демократическая группа была создана в 1901 году на Белохолуницком заводе П. И. Шамуровым. Нелегальная литература, с которой знакомили рабочих организаторы группы, производила на них огромное впечатление. «После прочтения этих книг, — вспоминал М. Ф. Захваткин, — во мне поднялась буря негодования против того класса, который живет за счет чужого труда...» К лету 1902 года социал-демократические группы действовали уже на большинстве заводов губернии и во многих уездных городах: Слободском, Глазове, Уржуме, Орлове, Котельниче, Малмыже и Яранске.

На этом этапе перед социал-демократами встал вопрос об объединении всех групп и кружков в единую организацию. Решение этой задачи взяли на себя руководители социал-демократических групп и кружков губернского центра. В августе 1903 года был создан первый Вятский комитет РСДРП, в который вошли В. А. Горбачев, К. М. Орлов, Е. Г. Эрлих, Г. Я. Франчески, Н. А. Кролюницкий, Ф. А. Липкин.

Самой яркой личностью в комитете был его организатор и руководитель Василий Александрович Горбачев. Он родился в 1869 году, обучался в кадетском корпусе и реальном училище, после чего поступил в Рижский политехнический институт. В 1897 году, будучи студентом, он был арестован и сослан в Малмыж. После окончания

ссылки в 1903 году В. А. Горбачев переезжает в Вятку, а затем в Слободской, где служит статистиком. Работая в Слободском, он постоянно приезжает в Вятку и председательствует на всех заседаниях комитета, внося в работу руководящего органа дух партийного товарищества, принципиальность и оптимизм.

Под руководством комитета вятская организация РСДРП заметно активизировала свою деятельность, количество ее членов быстро росло, и они стали оказывать определенное влияние преимущественно на молодежь и беднейшие слои населения.

Вначале вятские социал-демократы все мероприятия проводили совместно, однако после II съезда РСДРП в их рядах произошло размежевание на большевиков и меньшевиков. Меньшевистская группа, созданная ссыльным М. И. Батыревым, стала вести самостоятельную работу и постоянно вступала в теоретические споры с большевиками.

Одновременно с социал-демократами в 1903 году в Вятке оформилась организация эсеров. Создателем и руководителем ее был дворянин А. А. Гурьев. Количество организаций и членов этой партии быстро росло, и вскоре они доставят немало хлопот местным властям.

Многочисленные сходки, собрания, широкое распространение нелегальной литературы и усиливающееся недовольство народа вынудили вятского губернатора поставить перед министром внутренних дел вопрос о вводе в губернию воинских частей на случай возможных беспорядков.

Начавшаяся в Петербурге «кровавым воскресеньем» первая российская революция отразилась и на жизни Вятской губернии.

Уже через два дня после 9 января состоялось заседание Вятского комитета РСДРП, на котором было решено «усилить пропаганду и агитацию среди рабочих, шире вовлечь в революционное движение демократическую интеллигенцию, теснее связаться с уездами и готовить массы к борьбе против кровавого режима». Но в течение первых восьми месяцев 1905 года на заводах губернии было проведено всего шесть стачек, а деревня жила своей обычной жизнью, что объясняется пассивностью и консерватизмом народа и малочисленностью революционеров. В рядах вятских социал-демократов в 1905 году насчитывалось только 1637 человек. Наиболее сильными были организации в Белой Холунице (150 человек), Вятке (40 человек), Глазове (20 человек). В 54 организациях эсеров состоял 1291 человек.

Основными направлениями деятельности вятских социал-демократов и эсеров в 1905—1907 гг. стали проведение собраний, демонстраций, митингов, забастовок, издание нелегальной литературы, участие в работе Крестьянского союза, а также экспроприации (социал-демократы и эсеры) и террор (эсеры).

Многие мероприятия социал-демократы и эсеры проводили в одних и тех же местах, но между ними шла постоянная борьба за влияние на массы. Чаще всего ораторы сменяли друг друга, и присутствующим трудно было понять, на чьей стороне правда. Некоторые митинги, маевки и стачки были организованы только социал-демократами. 13 февраля 1905 года они организовали несколько митингов и собраний, на которых осудили расправу над рабочими Петербурга и провели под руководством В. А. Горбачева первую антиправительственную демонстрацию с красными флагами и пением революционных песен. 1 и 26 мая социал-демократы организовали за городом маевки, в которых участвовало более 600 человек. Аналогичные маевки были проведены на заводах Ижевска и Сарапула.

Когда появился манифест о созыве Государственной думы, социал-демократы призвали рабочих и крестьян к ее бойкоту. Открытым протестом против Закона о созыве Думы была трехдневная политическая стачка служащих губернской и уездной земской управ.

Особенно активно социал-демократы действовали во время Всероссийской политической стачки в октябре 1905 года. Под их руководством была проведена забастовка в железнодорожных мастерских, продолжавшаяся 11 дней. Основными требованиями забастовщиков были установление восьмичасового рабочего дня, свобода слова, печати, собраний, неприкосновенность личности и прямое избирательное право на выборах в законодательные органы. По призыву большевиков в это время забастовали рабочие электростанции, водопровода, перевоза, телефонной станции, а также рабочие Ижевского и Воткинского заводов и трех кожевенных заводов купцов Лаптевых.

С весны 1905 года несколько усилилось крестьянское движение. На борьбу «за землю и волю» пытались поднять крестьян преимущественно эсеры. Они распространяли нелегальную литературу, проводили сходки, в результате чего крестьяне отказывались платить подати, подчиняться чиновникам, самовольно рубили помещичьи и казенные леса.

Одним из самых значительных выступлений крестьян были волнения в Ильинской волости в июне 1905 года. Эсеры сумели привлечь на свою сторону группу крестьян, которая под их руководством стала бесчинствовать в деревнях. В результате добродорядочные крестьяне обратились к губернатору с просьбой навести порядок, что и было сделано.

Ни эсерам, ни социал-демократам не удалось поднять крестьян на организованную борьбу и добиться каких-либо ощутимых результатов. Существующие в местной литературе утверждения, что треть волостей губернии была охвачена крестьянскими волнения-

ми, нуждается в уточнении, а именно: в трети волостей были отдельные проявления недовольства и протеста (поджоги, отказ от уплаты податей, самовольные рубки леса и др.). Все три так называемых восстания крестьян — в д. Васькино Яранского уезда, в Царевосанчурске и в Мултанской волости Малмыжского уезда — были локальными кратковременными бунтами с погромами и избиением полиции.

В ответ на постоянные призывы революционеров к неповиновению и непрекращающиеся митинги в ряде городов губернии (Вятка, Уржум, Сарапул, Елабуга) произошли погромы.

Самым крупным был погром, учиненный 22 октября 1905 года в г. Вятке. Еще 20 октября к губернатору явилась большая группа людей с портретом царя и иконой, требовавшая разогнать демонстрантов, возбужденных Манифестом 17 октября. Предвидя столкновения, губернатор распорядился закрыть винные лавки и держать наготове воинскую команду в 200—300 человек, однако предотвратить трагедию не удалось. 22 октября епископ Павел произнес речь, в которой отмечал, что Россия переживает «тяжелое и скорбное время», что после войны с Японией правительство вынуждено бороться с еще более опасным внутренним врагом, который в целях ниспровержения «векового строя» производит «смуты, волнения, насилия и даже кровопролития». После речи епископа состоялась демонстрация процаристски настроенных жителей города. Толпа вела себя агрессивно, избивала тех, кто не снимал шапку перед портретом государя. В итоге было убито 6 и ранено 20 человек, разгромлено 3 магазина — Зингера, Зильбермана, Кацнеленбогена и аптека Кацнельсона), а также гостиница Чучалова, куда забегали преследуемые люди. После наведения порядка в городе губернатор обратился к населению с призывом «опомниться от содеянного» и предлагал «не выходить из своих домов без надобности и быть осмотрительными на улицах, так как войска, в случае надобности, будут стрелять». В 1907 г. по делу о погроме было предано суду 20 человек.

Социал-демократы знали о готовящейся манифестации правых сил и отменили назначенную на этот день свою демонстрацию. В ночь после погрома вооруженные члены комитета собрались на квартире социал-демократа Всеволожского, так как по городу распространился слух о том, что погромщики будут нападать на квартиры наиболее активных членов эсеровской и социал-демократической партий, выступавших на митингах. Но слух этот не подтвердился.

Для того, чтобы вызвать в народе массовое недовольство существующим строем и действиями местных властей, революционеры широко использовали печать. Они издавали большое количе-

ство листовок, в которых критиковали правительство, разъясняли программы своих партий и смысл происходящих событий.

За годы революции вятские большевики выпустили 122 листовки общим тиражом более 650 тысяч экземпляров. Из них 32 были адресованы ко всем жителям, 32 — к рабочим, 11 — к крестьянам, 10 — к солдатам. Эсеровских изданий — листовок и прокламаций — было еще больше.

Вятский комитет РСДРП издавал газету «Вятский листок», которая затем была переименована в «Рабочий листок». Эсеры также имели свою типографию и издавали «Крестьянскую газету», а Сарапульский комитет этой партии выпускал газету «Девятый вал».

Вятские революционеры широко использовали и легальную прессу, в частности, газету «Вятская жизнь», которая считалась одной из лучших провинциальных газет России. Организатором и издателем ее был известный деятель революционного народничества 70-х гг. Николай Аполлонович Чарушин. «Вятская жизнь» подвергалась репрессивным мерам, арестовывались ее номера, приостанавливалось издание, а сам Н. А. Чарушин получал предупреждения. Газета закрывалась, но тут же выходила под новыми названиями — «Вятский край», «Вятская речь». За 12 лет существования «Вятская жизнь», «Вятский край» и «Вятская речь» выдержали 73 репрессивные меры.

Листовки, брошюры и легальные издания революционеров оказывали влияние на вятчан и вызывали недовольство существовавшими порядками.

1905 год в Вятской губернии был отмечен возникновением организаций Крестьянского союза. Эти организации оформились по инициативе эсеров в основном осенью. 23 ноября в г. Слободском под председательством эсера Н. Макушина состоялся учредительный съезд Союза, причем крестьяне заставили исправника нарушить распоряжение губернатора о его запрете. Они объявили губернатора и исправника «бунтовщиками» за попытку помешать проведению съезда. 30 ноября, 1 и 2 декабря проходил губернский крестьянский съезд в г. Вятке под руководством крестьянина Майорова и эсеров Соболева, Головизнина, Куличенко и Матошкова. По сообщению начальника ВГЖУ (Вятского губернского жандармского управления), из 400 участников на съезде было только 40 крестьян, да и то все они — эсеры, известные по Ильинскому делу. Губернатор не мог разогнать съезд, так как на нем было много солдат Котельничского батальона. Съезд принял резолюции под лозунгом «Народу — власть и земля!» и обратился к вятскому губернатору с просьбой о привлечении к ответственности вице-губернатора Мирковича и слободского уездного исправника за жестокую расправу над крестьянами в Ильинской волости.

Кульминационным событием 1905 г. было вооруженное выступление дружины Крестьянского союза в защиту запрещенного губернатором второго крестьянского съезда. Это произошло 18 декабря. Местные социал-демократы заняли позицию невмешательства. Более того, они отговаривали эсеров от этой затеи, призвали рабочих не участвовать в ней, а боевая дружина РСДРП отказалась помочь эсерам. Вооруженное выступление дружины Крестьянского союза закончилось его разгоном и арестом руководителей.

Как и в других регионах России, вятские эсеры широко использовали террор. Чаше всего террористические акты применялись в Сарапульском уезде. Наибольший размах они приобрели летом и осенью 1907 г. Так, в ночь на 17 июля в Ижевском заводе в квартиру помощника пристава Григоровского была брошена бомба, а в Ижевске та же участь постигла волостного старшину Самойлова. Местные власти были серьезно обеспокоены актами террора и принимали меры к их пресечению. 15 августа начальник ВГЖУ отправил в Сарапульский уезд отряд конной стражи в 30 человек, а 22 августа — 46 чеченцев. Но и этого оказалось недостаточно, и 26 августа 1907 года высочайшим указом Сарапульский уезд был объявлен на положении усиленной охраны сроком на 6 месяцев.

Большое недовольство местных эсеров вызывала деятельность вятского губернатора князя С. Д. Горчакова. Еще в 1906 году он был приговорен партией социалистов-революционеров к смерти. Первые два покушения на губернатора полиция раскрыла еще на стадии подготовки. 17 октября 1907 года бывший гимназист И. М. Левицкий бросил бомбу под экипаж С. Д. Горчакова, но она не взорвалась, а Левицкий был застрелен охраной.

19 апреля 1906 года был убит кинжалом командир Котельничского батальона полковник Савельев, который возвращался домой из военного собрания после встречи с командующим Казанским военным округом.

Но деятельность эсеров не ограничивалась террором. Для ведения пропаганды и других партийных дел были нужны средства. Одним из их источников стали экспроприации и вымогательство денег у богатых людей, в первую очередь у купцов. Социал-демократы также прибегали к экспроприациям и даже создали для этой цели специальную группу. Первую экспроприацию она провела в ночь на 20 октября 1906 года в конторе железнодорожной станции Вятка II. Налетчики взяли 400 рублей. Сторож, пытавшийся им помешать, был убит. Самая крупная экспроприация была совершена социал-демократами 3 августа 1907 года. Группа боевиков напала на кассира, который вез 17 тысяч рублей на Холуницкий завод для расчета с рабочими. Налетчики убили стражника и ранили двух

попутчиков. На эти деньги социал-демократы оборудовали типографию, пополнили свою кассу и часть денег передали боевикам, бежавшим в Америку.

Правительство и местные власти вели постоянную борьбу с революционерами. Одним из самых эффективных средств было внедрение в партийные организации секретных сотрудников. В 1905—1907 гг. агенты имелись во всех организациях эсеров и социал-демократов. Благодаря получаемой от них информации вятским жандармам удалось предотвратить два покушения на губернатора. Работа агентов позволяла успешно проводить обыски и захватывать врасплох эсеровских боевиков, обнаруживать лаборатории по изготовлению бомб и грузы нелегальной литературы. По их наводке полиция проводила периодические аресты социал-демократов и эсеров, чем ослабляла партийные группы и вносила в их деятельность сумятицу, сея панику и растерянность.

Весной 1906 года под влиянием правительственных репрессий, суровых упреков со стороны эсеров за отказ поддержать их во время вооруженного выступления, упаднических настроений в среде единомышленников, потеряв веру в свои силы, покончили жизнь самоубийством руководители вятских социал-демократов В. А. Горбачев и И. А. Сергиевский.

Летом 1907 года полиция провела массовые аресты членов социал-демократической и эсеровской партий и нанесла тем самым ощутимый удар по революционному движению в губернии. Репрессии, обрушившиеся на революционеров, привели к затуханию рабочего и крестьянского движения.

После поражения первой российской революции в стране наступил период реакции. Расправам и преследованиям подвергались все демократические организации. Тюрьмы Вятки и уездных городов тоже были переполнены политическими заключенными, в первую очередь социал-демократами и эсерами. Все уездные группы РСДРП были ликвидированы к 1908 году, а в 1909-м разгромлена организация и в Вятке. В это время резко сократилась численность членов партии: к марту 1910 года в г. Вятке на свободе оставалось всего 7 человек. В октябре того же года полиция захватила типографию ижевских социал-демократов и арестовала четверых членов комитета. В 1911 году был избран новый комитет, но тогда же он был арестован в полном составе. Оставшиеся на свободе члены РСДРП пытались вести некоторую работу, но она была столь незначительной, что начальник ВГЖУ сообщал руководству о полном бездействии социал-демократов. Подобное положение было и у эсеров. Их организации тоже были разгромлены, и с февраля 1908 года губернское жандармское управление даже прекратило наружное наблюдение за партией социалистов-революционеров в г. Вятке.

Но время от времени и социал-демократы, и эсеры заявляли о себе. С 1908 по 1914 гг. в губернии под их руководством были проведены три забастовки — в Сарапуле, Воткинске и Ижевске и две нелегальные маевки — на Ижевском и Воткинском заводах. В январе 1909 года эсеры планировали даже провести губернский съезд, но из 20 делегатов в Вятку прибыли только 7, и съезд не состоялся. Для того, чтобы воздействовать на рабочих, социал-демократы внедрялись в их легальные организации. Вятские большевики входили в профсоюз железнодорожных рабочих, в воткинский «Союз рабочих по металлу», в профсоюз рабочих по обработке металлов на Ижевском заводе.

Определенную работу революционеры вели в период выборов в IV Государственную думу. Ижевские социал-демократы, например, выпустили листовки и предвыборные воззвания, провели несколько собраний под видом катания на лодках. По сведениям секретного сотрудника, сначала рабочие несколько активизировались, но затем интерес к выборам у них пропал, и «о выборах говорят лишь партийные рабочие». Во время предвыборной кампании на Ижевском заводе было проведено совместное собрание социал-демократов и эсеров, но о выдвижении единых кандидатов договориться не удалось. Однако на губернском съезде уполномоченных большевики заключили блок с эсерами, и в результате в выборщики прошли два эсера (В. И. Прошутин и И. П. Титов) и два социал-демократа (Д. Н. Бирюков и Н. К. Таланкин), однако никто из них не стал депутатом Думы.

В 1913 году вятские эсеры решили по-своему отметить трехсотлетие дома Романовых какой-нибудь демонстративной выходкой. Они задумали разослать карикатуру на Николая II губернатору, начальнику ВГЖУ, полицмейстеру и другим должностным лицам и распространить ее в театре 21 февраля на представлении оперы «Жизнь за царя». Но осуществить задуманное не удалось, в ночь на 20 февраля полиция произвела обыск и предотвратила эту акцию.

Придавая большое значение устному слову, революционеры продолжали вести пропаганду в рабочей, крестьянской и солдатской среде, а в 1910 году эсеры даже пытались устроить в Вятке школу пропагандистов, но аресты помешали осуществить и эту затею.

Эсеры и социал-демократы всячески препятствовали проведению в губернии мероприятий столыпинской аграрной реформы. Особенно активно работали в этом направлении эсеры: гласный Сарапульской земской управы В. И. Ленков и агроном К. Е. Гаврилов ездили по деревням и убеждали крестьян не выделяться на хутора.

По сравнению с 1905—1907 гг. резко сократилось число террористических актов. Центром их подготовки в г. Вятке была мастерская учебных пособий губернского земства, где работали

эсерки Н. В. Волонихина и В. В. Коробицына. Но запланированные покушения на губернатора провалились.

Эсеровские экспроприации тоже стали редкими. Известно лишь, что 28 июня 1909 года была похищена касса на станции Шабалино, 7 января 1910 года ограблена Елабужская мещанская земская управа, а в 1913 году в Сарапульском уезде ижевские эсеры Ф. П. Лекомцев и П. В. Горев напали на Юськинскую винную лавку, причем сиделец И. С. Кисляков был убит. Все участники этих экспроприаций были арестованы и наказаны.

Усиление полицейской слежки и постоянные аресты членов комитета вынудили вятских большевиков отказаться от попыток восстановить организацию, и с 1911 года всю пропагандистскую работу они вели поодиночке. Социал-демократические организации в губернии действовали лишь в Ижевске и Воткинске. Под их руководством было проведено несколько забастовок и маевок. С июля 1914 года деятельность и этих организаций прекратилась.

У эсеров положение в целом было не лучше, но отдельные их группы и фанатичные одиночки держали местные власти в напряжении.

Наряду с социал-демократами и эсерами в губернии пытались наладить работу анархисты-коммунисты. Их группы действовали в Вятке, Сарапуле и Елабуге, в основном занимаясь вымогательством денег у местных купцов «на революционные цели». Так, 27 марта 1906 года вятский купец С. О. Якубовский получил письмо с требованием отдать 1000 рублей, а в случае отказа его грозили убить. По свидетельству купца, два подобных письма он получил и предыдущей осенью.

Наибольшую активность анархисты-коммунисты проявили в Сарапуле и Елабуге. 18 и 20 августа 1907 года торговый дом братьев Дедюлиных получил их письма под эпитафией «Дух разрушающий есть в то же время дух созидующий» с требованием предоставить 500 рублей. Одновременно с летучим боевым отрядом сарапульской группы анархистов-коммунистов в уезде действовала шайка уголовных элементов, которая, вымогая деньги, прикрывалась их именем. Один из этих шантажистов, А. Е. Кузнецов, был расстрелян анархистами-коммунистами, причем они сами же и известили об этом сарапульских купцов. В отряд входило около 20 человек, среди которых были две женщины. Местная полиция затратила немало сил на его ликвидацию. Но в масштабах губернии деятельность анархистов-коммунистов была незначительной.

Самой многочисленной и влиятельной в либерально-демократическом лагере была конституционно-демократическая партия, или партия народной свободы, общая численность которой в 1905—1907 гг. составляла 50—60 тысяч человек. В Вятской губернии насчитывалось около 400 ее членов.

Каток в овраге Засора г. Вятки. 1910-е годы.

Пароходная пристань г. Вятки в 1890-е годы.

Пароход «Филипп» на р. Вятке. 1910 г.

Л. А. Шишкин. Рынок на площади Александро-Невского собора.
1930 г.

Деньшин А. И. (1893-1948). Базар в провинции. Эскиз. 1915
(холст, масло).

Братья Васнецовы (слева направо: Аркадий, Виктор, Александр)
г. Вятка. Май 1914 г.

Вятский губернатор С. Д. Горчаков (в центре) с группой чиновников. Не ранее 1906 года.

Учащиеся Вятской гимназии. В центре с учителем К. Э. Циолковский. Вверху крайний справа А. А. Спицын. 1870 г.

Земские специалисты Вятского уезда. 1913 г.

Врачи и медперсонал Вятской губернской земской больницы.
Из архива Е. А. Соломиной.

Яранская земская школа. 1900-е годы.

Врач и просветитель
С. И. Сычугов (1841-1902).

Вятский народник-семинарист
(1880-е годы).

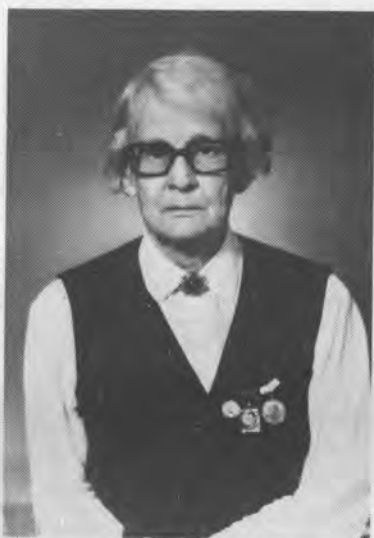

Городской голова Я. И. Поскребышев.
г. Вятка. Не позднее 1906 г.

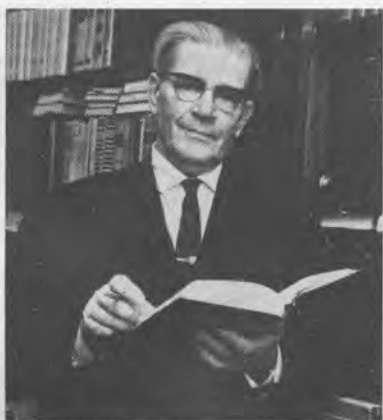
П. Н. Луппов (1867-1949). 1924 г.
Известный историк Вятского края.

Ссылный, первый председатель
Вятского комитета РСДРП
В. А. Горбачев (1870-1906).

Г. Ф. Чудова (1904).
Старейший вятский библиограф.

А. В. Эммаусский (1898-1987).
Известный историк Вятского края.
1970-е годы.

Остаток посадского крепостного вала г. Хлынова XVII в.
1900-е годы.

Просмотрено
военной цензурой

Тур 4

Военный Цензорь.
А. И. Масалитиновъ.

Тур 4А

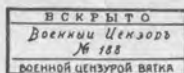
Тур 5

Тур 6

Тур 7

Тур 8

Тур 9

Штемпели Вятского военно-цензурного пункта. 1916 г.

Вятка в дни Февральской революции. 1917 г.

Митинг на площади у Александро-Невского собора 12 мая 1917 г.

Делегаты I губернского съезда Советов рабочих, солдатских и
крестьянских депутатов, г. Вятка, январь 1918 г.

Первый пионерский отряд г. Вятки. 1923 г.

Первые колхозы. Посадка картошки. 1930 г.

День Победы 9 мая 1945 г. в Кирове.

Штаб Вятлага (пос. Лесное).

Сооружение стадиона «Динамо»
в пос. Лесное (1940).

Бригада заключенных на
лесоповале с лучковыми пилами
(1950-е годы).

«Матросы» Вятлага. (1970-е годы).

Первошиков А. М. На первом областном фестивале молодежи.
Колонна «Хлеб». г. Киров, 15 июня 1957 г.

Т. П. Дедова. «Никулицкое городище». 1991 г.

Хохряков Н. Н. Вятское село. Рисунок (1857-1928 гг.)

В. И. Ушакова (1940).
Из серии «Вятские мотивы».
«Раздерихинский овраг». 1974 г.
Офорт.

В. И. Ушакова (1940). Из серии
«Вятские мотивы». «Засора». 1974 г.
Офорт.

Село Усть-Чепша. 1926 г.

А. М. Колчанов (1925 г.). Мужской Трифонов монастырь. 1992 г.
(холст, масло).

Т. П. Дедова. Лальск. 1990-е годы.

Т. П. Дедова. Брошенная деревня. 1980-е годы.

М. Н. Бойчук. Крестный ход на реку Великую 6 июня 1991 г.

Вятская губернская организация кадетов оформилась в декабре 1905 года, а уездные — к лету 1906-го. В городе Вятке комитет этой партии сформировали председатель губернской земской управы Л. В. Юмашев, городской голова Я. И. Поскребышев и губернский земский гласный И. Н. Овчинников. Эти люди пользовались большим авторитетом у служащих земства, в городской мелкобуржуазной среде и у части крестьянства. Например, Малмыжская организация летом 1906 года состояла на 90% из крестьян.

Большая популярность кадетов в демократической среде, успех на выборах в I Думу объяснялись тем, что многие видели в них самую радикальную партию, так как революционеры отказались участвовать в выборах. Для смягчения социальной напряженности в деревне кадеты предлагали создать местные земельные комитеты из представителей крестьян, помещиков и чиновников. Эти комитеты должны были осуществить принудительный выкуп части земли у помещиков и передачу ее крестьянам. Для решения споров между капиталистами и рабочими кадеты предлагали создать специальные арбитражные органы, чтобы они умиротворяли рабочих и способствовали прекращению забастовок.

Большое значение кадеты придавали деятельности Государственной думы, считая, что она может стать средством проведения прогрессивных реформ в России. Именно через Думу они хотели примирить крайне левые и крайне правые партии и перевести их борьбу в мирные парламентские рамки. Поэтому на II съезде конституционных демократов (1906 г.) руководство партии призвало к активному участию в выборах. Эти призывы нашли отклик в деятельности вятских кадетов. Для привлечения выборщиков на свою сторону они проводили многочисленные собрания, на которых разъясняли сущность своей программы, и призывали голосовать за их партию, а также широко использовали в этих целях легальную и нелегальную печать.

В результате вятские кадеты одержали убедительную победу на выборах: из 13 избранных депутатов 7 принадлежали к партии народной свободы. Это были образованные люди, пользовавшиеся большим авторитетом: Павел Александрович Садырин (агроном-техник с высшим специальным образованием), Николай Васильевич Огнев (протоиерей г. Яранска, окончил курс в С.-Петербургской духовной академии), Иван Осипович Кузнецов (начальное училище, грамотный земледелец), Иван Никифорович Овчинников (отставной губернский секретарь, управляющий имением Александровых, высшее университетское образование), Виктор Саввич Нечаев (инспектор народных училищ, окончил курс в духовной академии), Сергей Васильевич Ложкин (земский врач), Сергей Михайлович Корнильев (врач). Кроме того, членом Госсвета стал кадет Л. В. Юмашев.

8 июля 1906 г. I Государственная дума была распущена. В ответ на этот шаг правительства группа депутатов (кадетов, социал-демократов и трудовиков) подписала знаменитое Выборгское воззвание, призывавшее народ России к неповиновению властям. В числе 120 кадетских депутатов, подписавших воззвание, были и вятчане. Вятская кадетская организация распространяла воззвание в губернии, призывала крестьян не давать рекрутов и не платить налоги.

Местные власти немедленно приняли меры против партии народной свободы. Глава яранских кадетов Н. В. Огнев был отстранен от священнослужения, а позднее привлечен к уголовной ответственности. На 3 месяца были арестованы бывший депутат П. А. Садырин и руководитель малмыжских кадетов И. Н. Овчинников.

В сентябре 1906 года партия вынуждена была отказаться от Выборгского возвания.

Выборы во II Думу отразили падение популярности кадетов в стране — они потеряли 80 депутатских мест. В Вятской губернии выборы проходили в трудной обстановке. Местная администрация во главе с опытным и волевым губернатором князем С. Д. Горчаковым расправлялась с революционерами, к числу которых относилась и кадетов.

Таким образом, попытки примирить правых и левых ни к чему не привели. Кадеты не устраивали ни тех, ни других. Левые критиковали их за недостаточную революционность, а правые, наоборот, за «экстремизм».

После поражения революции 1905—1907 гг. деятельность местных кадетских организаций в России затухает. Падение популярности в народе и жесткая позиция местных властей вынудили и вятских кадетов прекратить свою деятельность уже к лету 1907 года. Возобновить свою работу в губернии конституционно-демократическая партия смогла только в 1917 году.

Правительственный лагерь в Вятской губернии был представлен организациями партии правового порядка, Вятской народной монархической партией (ВНМП) и отделами «Союза 17 октября» и «Союза русского народа» (СНР).

Партия правового порядка была создана в С.-Петербурге в начале октября 1905 года и к концу его имела 58 местных организаций и несколько тысяч членов. Среди них были дворяне, купцы, чиновники, учителя, священнослужители, рабочие и крестьяне.

Первоначально организаторы партии преследовали цель провести в Думу людей умеренных взглядов. Но декабрьские события 1905 года изменили ситуацию в стране, и перед партией встали задачи поддержки центра в I Думе, а также пропаганды своих идей в народе. Для осуществления последней партия нуждалась в широкой сети организаций. Призывы из С.-Петербурга ускорить созда-

ние местных групп нашли отклик и в Вятской губернии. В декабре 1905 года здесь были образованы партийные организации в г. Вятке (руководитель А. И. Световидов), Яранске (С. И. Колосов), Царевосанчурске (А. Ф. Бакланов) и Слободском (А. А. Банк).

Первым председателем Вятского комитета партии правового порядка стал Александр Иванович Световидов. Этот человек окончил курс в императорском историко-филологическом институте, десять лет преподавал в гимназии, а затем поступил на службу в министерство финансов. Служебные дела А. И. Световидов постоянно совмещал с работой в качестве председателя различных комитетов и комиссий. Интересно, что после его перевода из Тулы в Вятку тульский городской голова от имени горожан послал вятскому городскому голове телеграмму: «Поздравляем с назначением прекрасного человека и гуманного общественного деятеля».

Председателем Яранского комитета партии был избран инспектор народных училищ Сергей Иванович Колосов. В плеяде общественных деятелей Вятской губернии, внесших большой вклад в развитие народного образования и культуры, ему принадлежит особая роль. С. И. Колосов отличался широким кругозором, неутомимой энергией и высокой нравственностью. Все эти качества проявились в его кипучей деятельности в глухой вятской провинции.

Приехав в Яранск после окончания Тверской духовной академии, молодой преподаватель сразу же ратует за создание в городе публичной библиотеки, членом попечительского совета которой он будет состоять более двадцати лет, из них двенадцать — в качестве управляющего ее делами.

Занятый ежедневными уроками, С. И. Колосов все свободное время отдавал заботам о библиотеке: составлял каталоги, ведал подпиской на газеты и журналы, хлопотал о расширении помещения, организовывал пожертвования книгами и деньгами. В результате этой огромной работы Яранская публичная библиотека стала «исключительной в ряду других уездных библиотек».

Успешная преподавательская и общественная деятельность С. И. Колосова была столь очевидна, что решением Яранского уездного собрания от 12 сентября 1894 года он утверждается на ответственную должность инспектора народных училищ. Работа Сергея Ивановича в этой должности была поистине подвижнической. Только за первые шесть лет при его содействии в уезде были открыты 33 школы. Чтобы оценить эти усилия молодого инспектора, надо иметь в виду, что подавляющая часть населения уезда была неграмотной. Например, в Тожсолинской волости грамотность среди женщин равнялась 1,3%. Следует отметить, что крестьяне нередко строили за свой счет здания школ, выделяли землю и охотно помогали их становлению.

Многие начинания С. И. Колосова воплощались в жизнь только благодаря энтузиазму их исполнителей. Так, учительница Дружинина организовала воскресные занятия в с. Соломенском, учитель Афанасьев вел занятия с использованием «туманных картин» в г. Яранске, учительница Нечаева открыла бесплатную народную библиотеку-читальню в с. Ернур.

В соответствии с программными установками партия правового порядка считала своей целью насаждать «в самых широких кругах сознание, что только законность и порядок могут способствовать восстановлению мира на родной земле и облегчить правительству проведение в жизнь возвешённых Манифестом 17 октября преобразований». Главной задачей партия считала организацию предвыборной кампании и проведение в Думу своих кандидатов. Эти вопросы обсуждались на регулярно проводившихся собраниях и на страницах партийного издания — газеты «Вятское слово». Члены партии организовывали различные благотворительные мероприятия в пользу неимущих, в т. ч. молебны, спектакли. Важной их задачей была также борьба с революционным движением. Прежде всего, по мнению членов партии, было необходимо добиться, чтобы «в число выборщиков ни в коем случае не попали лица неблагонадежные, а также те, которые имеют с ними сношения». А председатель Слободского комитета А. А. Банк совершенно определенно заявил, что «вся деятельность комитета партии правового порядка в настоящее время... направлена к борьбе с революционным движением». На предвыборное собрание в Вятке А. И. Световидов приглашал выборщиков, которых «ужасает мысль, что в Думу пройдут лица противоположного направления».

К лету 1906 года после неудачи партии на выборах в Думу активность ее губернской организации значительно снижается, собрания становятся редкими и малочисленными. Чувствуя бесполезность своей работы, партию покидают А. И. Световидов и ряд членов комитета. Большинство рядовых членов примкнули к другим проправительственным партиям. На общем собрании 23 февраля 1907 г. губернская организация партии правового порядка изъявила желание войти в «Союз 17 октября».

Партия «Союз 17 октября» была основана в начале ноября 1905 г. в Москве, а затем в Петербурге. Возглавили ее известный московский предприниматель А. И. Гучков и крупный помещик М. В. Родзянко. В 1905—1907 гг. в России насчитывалось 260 отделов «Союза», причем большая их часть была создана в период выборов в I Государственную думу. В партию входили преимущественно представители дворянства и крупной торгово-промышленной и финансовой буржуазии. Руководителями местных ее организаций становились, как правило, капиталисты, помещики, купцы.

В Вятке отдел «Союза 17 октября» образовался в конце 1906 г. Его председателем был избран купец Иван Игнатьевич Лаптев, но в январе 1907 г. его сменил статский советник Николай Григорьевич Гусев. Н. Г. Гусев получил образование в духовной академии, затем занимался педагогической деятельностью и на протяжении 13 лет преподавал в епархиальном женском училище, являясь членом епархиального училищного совета, членом губернского попечительства о народной трезвости, членом других комиссий и комитетов и редактором «Епархиальных ведомостей».

Октябристы выступали за установление в России наследственной конституционной монархии, ратовали за осуществление свобод, возведенных Манифестом 17 октября. В аграрном вопросе они выступали за уравнивание крестьян в правах, за увеличение крестьянских наделов. В целом партия поддерживала политику знаменитого российского реформатора Петра Аркадьевича Столыпина.

На выборах в III Государственную думу Вятский отдел «Союз 17 октября» выставил кандидатами в выборщики Н. Г. Гусева и помощника управляющего Товарищества Вятско-Волжского пароходства Н. Г. Сергеева, но успеха они не добились. Вятские октябристы издавали газету «Союз 17 октября». Ее ответственным редактором был преподаватель Вятского епархиального женского училища, кандидат богословия Михаил Николаевич Решетников. Но успехом газета не пользовалась и вскоре прекратила свое существование.

В целом эта партия не оставила заметного следа в общественной жизни губернии. 15 ноября 1907 г. в рапорте вятского полицеймейстера отмечалось, что «Союза 17 октября» в городе не существует, а есть лишь 16 человек, которые относят себя к этой партии. Октябристы не имели успеха прежде всего из-за отсутствия социальной базы, так как представителей крупной буржуазии и помещиков в губернии было мало. Кроме того, большинство консервативно настроенных людей считали более приемлемым для себя членство в монархических организациях.

Толчком к их образованию послужили революционные события 1905 г. К концу 1907 г. монархические партии действовали уже в 66 губерниях и областях России и насчитывали более 400 тысяч человек. Во главе этих партий стояли, как правило, представители интеллигенции, а подавляющее большинство рядовых членов принадлежало к неимущим слоям общества. Монархисты отстаивали принцип «Православие, самодержавие, народность», выступали за национальный путь развития общества, неприкосновенность земельной собственности и нерушимость абсолютизма.

Их самой многочисленной и авторитетной организацией в губернии была Вятская народная монархическая партия (ВНМП), образованная весной 1906 г. «Вятский вестник» назвал известие о предстоящей регистрации партии «приятной новостью». «Выступление ее на сцену, — писала газета, — как раз в то время, когда в интеллигентном обществе и в широких кругах крестьянского населения замечается сильная потребность объединиться для защиты порядка против людей, лицемерно прикидывавшихся друзьями народа, но заливших русскую землю братской кровью, несомненно привлечет к ней симпатии всех здравомыслящих людей».

В программе партии была четко определена ее цель: «объединение русских людей для общей работы устроения дорогого нашего отечества — России — в духе монархической идеи, на началах царского Манифеста 17 октября». Кроме того, ставилась задача «недопущения никаких волнений, смут и насилий, могущих разрушить или ослабить государство».

Помимо программы вятские монархисты имели четкий устав, в соответствии с которым образовавшаяся партия избрала руководящий орган — комитет. Председателем его стал А. И. Световидов, управляющий Вятским отделением Государственного банка. В числе почетных членов были губернатор С. Д. Горчаков, вице-губернатор А. Ф. Шкловский, епископ Вятский и Слободской о. Филарет, поэтому партия постоянно пользовалась поддержкой вятских властей и духовенства. Ее руководители обращались к народу с воззваниями объединяться под девизом «За веру, царя и отечество», и уже в 1907 году только в г. Вятке число членов приблизилось к тысяче, в Уржуме их было 96, в Глазове — 42.

Деятельность партии была достаточно активной и разнообразной. Она уделяла большое внимание выборам в Думу, организовывала собрания, общедоступные бесплатные концерты, публичные чтения, детские праздники, печатала и распространяла книги и брошюры. Поражение партии на выборах в Думу было для нее неожиданным, и ее руководители объясняли это несовершенством избирательной системы. Поэтому роспуск II Думы был воспринят монархистами с удовлетворением, и они сразу же призвали своих членов к энергичной деятельности в связи с приближающимися новыми выборами.

После поражения первой российской революции деятельность монархистов была по-прежнему заметной. Они выпускали газеты, устраивали собрания, организовывали лекции воспитательного характера и вели большую благотворительную работу. Одним из важных моментов жизни партии летом 1907 года был приезд в губернию о. Иоанна Кронштадтского. Это событие было широко освещено в местной периодической печати. Депутация вятских монархистов была тепло принята о. Иоанном Кронштадтским, а

деятельность партии была им одобрена. Состоялась совместная молитва.

Это событие способствовало росту авторитета партии в народе, который в подавляющем большинстве был религиозным. Не случайно на выборах в городскую Думу монархисты одержали победу.

Из монархических организаций, действовавших в губернии, следует также отметить отделы общеимперского «Союза русского народа» (СРН). Первый из них был образован в Глазове 13 декабря 1906 г. В том же году отделы «Союза» были созданы в Вятке, Церевосанчурске, Котельниче и Яранске. В конце 1907 года в Вятской губернии насчитывалось 355 членов СРН. В «Союз» входили люди разных сословий — чиновники, купцы, крестьяне. Его программа в основном совпадала с программой ВНМП, но имела ряд отличий.

Это особенно касалось отношения к национальному вопросу. Отмечая, что «русская народность, как собирательница земли русской и устроительница русского государства, есть народность державная, господствующая и первенствующая, программа СРН остальные нации делила на «дружественные» и «враждебные», к числу последних относил и еврейский народ. Она предусматривала создание еврейского государства и переселение туда всех евреев. Антиеврейские настроения подпитывались высокой социальной напряженностью в черте еврейской оседлости, а также активным участием евреев в борьбе с самодержавием.

В Вятской губернии какой-либо организованной кампании против евреев члены «Союза» не проводили, погромов не устраивали, а отдельные антисемитские выпады в прессе были редким явлением. Отделы СРН активной работы не вели, лишь периодически устраивали манифестации в виде крестных ходов да распространяли воззвания, в которых критиковали «смутьянов» и призывали население на борьбу с «крамолой».

Таким образом, в Вятской губернии в начале XX в. вели борьбу за влияние на массы политические партии всех направлений. Запрещенные законом революционные партии выступали против властей, организовывали рабочее и крестьянское движение и готовились к захвату власти. Партии правительственного лагеря противодействовали революционерам, защищали существующий строй и призывали народ к спокойствию и порядку. Партии либерально-демократического лагеря в силу нечеткости программных установок и малочисленности не сумели найти своего места в политической жизни губернии и не стали реальной силой, способной уравновесить позиции крайне левых и крайне правых.

ВОЕННАЯ ЦЕНЗУРА

Цензура появилась после изобретения книгопечатания. И духовные, и светские власти разных стран вполне официально контролировали содержание, выпуск в свет и распространение печатной продукции, стремясь не допустить или ограничить распространение идей и сведений, признанных этими властями нежелательными или вредными. Впоследствии цензура распространилась на сценические произведения, кинофильмы, произведения изобразительного искусства, на радио и телевизионные передачи.

В мирное время цензура частной переписки весьма ограничена. Так, известно, что до первой мировой войны в России из почтовых отправок контролировались только печатная продукция (газеты и журналы, отправляемые по почте), а также открытые бандероли, в которых пересылались рекламные или другие печатные сообщения, и почтовые карточки, если на них был напечатан какой-нибудь дополнительный текст.

После объявления Германией войны России указом императора от 20 июля 1914 г. (все даты даны по старому стилю) было введено в действие «Временное положение о военной цензуре», которым узаконивалась перлюстрация всех почтовых отправок, в том числе телеграмм, за исключением корреспонденции особ императорской фамилии, а также дипломатических представительств иностранных государств. Положение предусматривало, что:

«Ст. 1. Военная цензура есть мера исключительная и имеет назначение не допустить... во время войны оглашения и распространения путем печати, почтово-телеграфных сношений... сведений могущих повредить военным интересам государства.

Ст. 2. Военная цензура устанавливается в полном объеме или частичная. Военная цензура в полном объеме заключается... в просмотре и выемке как внутренних, так и международных почтовых отправок и телеграмм. Частичная военная цензура заключается в просмотре и выемке международных отправок и телеграмм, а также в просмотре и выемке в отдельных случаях, по распоряжению главных начальников военных округов, внутренних почтовых отправок и телеграмм...

Ст. 7. Военная цензура в полном объеме может быть введена лишь на театре военных действий. В прочих местностях может быть введена только частичная военная цензура».

Вятская губерния, как и многие губернии Урала и Поволжья, относилась к Казанскому военному округу (КВО). И вот 9 августа 1914 г. начальник Вятского губернского жандармского управления

(ВГЖУ) полковник Густав Густавович Битепаж получает указание от начальника штаба КВО: «...Прошу предназначить двух офицеров вверенного Вам управления для исполнения обязанностей военных цензоров в гор. Вятке и Сарапуле... О результатах своей деятельности военные цензора должны еженедельно по субботам присылать краткие отчеты в военно-цензурную комиссию».

Военными цензорами были назначены помощники начальника ВГЖУ: в Вятке — полковник Александр Иванович Масалитинов, в Сарапуле — подполковник Анатолий Иванович Будагоский.

9-го же августа полковник Битепаж пишет конфиденциальное письмо директору Вятского Александровского реального училища Николаю Александровичу Князеву: «Ввиду необходимости эксперта военной цензуры корреспонденций германских и австрийских подданных, высланных в Вятку, прошу Вас указать соответствующее для этой цели лицо из педагогического состава вверенного Вам училища...» Надо сказать, что в Вятскую губернию после начала войны было интернировано немало граждан Германии и Австро-Венгрии, ранее проживавших в Польше, Прибалтике, Бессарабии, на Украине и в других западных районах Российской империи. Многие из них впоследствии получили заграничные паспорта, однако выезд за границу безусловно был запрещен запасным и отставным офицерам.

Директор училища оперативно откликнулся на просьбу полковника и рекомендовал преподавателя немецкого и французского языков Матвея Андреевича Колесникова. Впоследствии в штат цензоров были включены как наиболее квалифицированные переводчики священник Глезденев, знакомый с турецким, татарским, удмуртским, марийским и чувашским языками, купец Блювштейн, владевший европейскими языками. Штат цензоров по Вятскому военно-цензурскому пункту в 1915—1916 гг. состоял из 8—13 чел. и включал также некоторых почтовых чиновников и лиц, не имевших чина. Штатным цензорам помогали привлеченные переводчики, в основном женщины, число которых доходило до 13—32 чел., и заклещики писем, их число иногда доходило до 5. В Казани ежемесячно составлялся расчет денег, ассигнуемых на Вятский военно-цензурский пункт, включая суточные каждому оформленному цензору, общее вознаграждение переводчика, затраты на заклежку вскрытой корреспонденции и канцелярские надобности.

Согласно циркуляру военно-цензурной комиссии (ВЦК) от 15 августа 1914 г. «из внутренних почтовых отправок и телеграмм... должны быть просматриваемы военными цензорами следующие: а) адресованные на редакции газет и журналов, издающихся в районе Округа, на редакторов и сотрудников их; б) почтовые отправления и телеграммы проживающих в районе округа всех иностранных подданных (в том числе военнопленных); в) вся

корреспонденция, почтовая и телеграфная, с условными адресами и до востребования». Тем же циркуляром военные цензоры имели право вносить предложения в ВЦК о расширении круга лиц, чья почтовая корреспонденция могла просматриваться. Впоследствии ВЦК вменила в обязанность цензорам просмотр «внутренних почтовых отправлений и телеграмм, кои отправляются и получаются немецкими колонистами в поволжских губерниях Округа», даже если эти лица состоят в русском гражданстве (25 августа 1914 г.), и «всей корреспонденции, идущей с театра войны, если таковая не была уже просмотрена военной цензурой, для недопущения распространения при помощи ее всех тех сведений, оглашение коих может принести вред нашему государству» (29 сентября).

Из одного из документов за подписью Будагоского можно частично понять технологию цензурной работы. «Ежегодно один из моих унтер-офицеров всю простую корреспонденцию из действующей армии и другую, подлежащую просмотру, приносит с почты в мою канцелярию, где таковая сортируется на группы: русскую, татарскую, французскую, немецкую, польскую, чешскую и еврейскую. Просмотр русской производится мною при значительном содействии первоначально одного моего унтер-офицера, а теперь трех, т. к. ежедневно стало поступать более двух тысяч писем, а одно лицо, занимаясь 8-9 часов в день, в состоянии лишь просмотреть не более 250 писем (эта цифра крайняя и точно мною проверена), т. к., кроме просмотра, тратится время еще на расклейку и заклею писем, а затем часто в простых письмах попадают деньги, которые во избежание пропажи при дальнейшей пересылке пересылаются мною адресатам через волостные правления при особой бумаге с требованием обратной расписки получателя».

«Кроме этих писем, — продолжает цензор, — ко мне присылаются воинскими начальниками и исправниками Елабужского и Малмыжского уездов все письма военнопленных и военнообязанных, коих также скопится такое порядочное количество, что я вынужден был возбудить ходатайство о разрешении пленным посылать бесплатно письма на родину лишь один раз в неделю. Все эти письма военнопленных и военнообязанных разбираются мною лично, а затем передаются под расписки моим, мне хорошо известным, благонадежным переводчикам, коими таковые и просматриваются также в моем кабинете, а иногда и у себя на дому в свободное время, если писем скопится значительное количество. Кроме того, все телеграммы военнопленных приносятся мне на квартиру для просмотра во всякое время дня с 9 час. утра до 1 час. ночи и тотчас же мною просматриваются и возвращаются на почту для дальнейшего направления».

ВЦК требовала еженедельные отчеты военных цензоров. Их составление было связано с огромной статистической работой. На

Вятском пункте ее длительное время выполнял унтер-офицер Труфакин, под руководством которого была бригада из примерно 15 почтовых чиновников и переводчиков. Из действующей армии приходило около 50000 писем в неделю. Каждый в бригаде вел свой учет. Труфакин же подводил итог. Вот один пример за май 1915 г.: «Всего поступило за неделю 51900, подъем духа — 2120 (4%), пожелание скорейшего окончания войны — 9250 (18%), жалобы — 225 (1/2%), указания на недисциплинированность — 18 (1/28%), спокойное отношение к своему положению — 40045 (77%), сведения, не подлежащие оглашению — 242 (1/2%), задержано 224 письма».

Масалитинов «слегка» подкорректировал, как он это делал обычно, некоторые цифры: жалобы — 1%, указания на недисциплинированность — 1/2%, сведения, не подлежащие оглашению, — 1%, в итоге на пожелание окончания войны оставалось 17%, а 76% писем шли «без упоминания о войне». Но были случаи, когда цифры унтер-офицера и полковника совпадали. В целом «патриотический подъем» по Вятскому пункту в середине 1915 г. находился в пределах 4—8% и лишь однажды, в конце мая, подскочил до 20%. Правда, и скорейшего окончания войны тогда желали уже 24%.

Несколько другие цифры и формулировки в отчетах по Сарапульскому пункту. «1) а) патриотический подъем — 2%, б) сознание необходимости выполнить свой долг — 75%, 2) пожелание скорого окончания войны — 3%, 3) жалобы на пищу и неимение теплой одежды — 19%, 4) указания на недисциплинированность — 2%, 5) сообщение таких сведений, кои оглашению не подлежат, — 3%». Это из справки от 21 декабря 1914 г. В феврале 1915 г. «патриотический подъем» уменьшился до 1%, зато скорого окончания войны желало уже 10%, а не подлежащие оглашению сведения содержались в 5% писем. Естественно, субъективный подход цензоров не мог не сказаться на цифровых данных.

Какие же сведения не подлежали оглашению? Сами цензоры приводят в своих отчетах большие выдержки из задержанных солдатских писем. Вот очень малая часть этих выдержек.

«...Наших легло, как траву покосили, в болоте всю воду и грязь развели кровью трупов, негде было ступить. Наш полк почти весь разбит». «Мы остались без фуража, провианта, сидим на полфунте черного хлеба и сухарях, зачастую бывает отсутствие сахара, соли, хлеба, табаку». «Всего более угнетает то, что нашими старыми солдатами командуют выскочки серячки-офицеры. Солдаты они не понимают, ими помыкают, а заботы не видно...». «Солдаты сильно мародерствуют, отбирают от жителей последнее. Вши меня и солдат заели». «...Сосед Василий Степанович убежал в плен сам. Как меня ранили, он испугался и убежал. Просил я его перевязать меня, но он убежал скорее». «...В роте у меня осталось 34 чел. из

250, вот убыль за ноябрьские бои». «...Картины, которые наклеены на твоей стене, это все враки, что, например, во время атаки, как казано на картине, офицер бежит вперед с обнаженной шашкой. Этих офицеров во время боя не найдешь за 3 версты от позиции — и взводного, и фельдфебеля, даже не укажут, где находится противник. Зайдешь в такой мешок, что пули свишут со всех сторон и не знаешь, куда идти».

Таким образом, не пропускались сведения о низком моральном духе русских войск, об их потерях, о плохом обеспечении продовольствием, а также вооружением. В отчетах цензоров также отмечаются как нежелательные сведения о диверсиях в наших войсках, о сдаче городов, о бунтах и забастовках, о применении противником высокоэффективной артиллерии, авиации, а также отравляющих веществ. На отчетах Масалитинова напротив цитат из писем, как правило, стоят ремарки: «По заштриховании отправлено по принадлежности». Т. е. хотя и вымарывалась нежелательная информация, но большинство писем все же доходило до адресатов. Но иногда встречаются пометки о том, что подлинник письма направлен вместе с отчетом в Казань. В отдельных случаях письма конфисковывались и направлялись в ВГЖУ.

В конце 1914 г. стали поступать письма на имя волостных старшин с угрозами за невыдачу пособий солдаткам. К примеру, рядовой Василий Некрасов писал сарапульскому волостному старшине: «Господин Сарапульский Старшина, я прошу Вас, по какому случаю не выдали моей жене Домне Дмитриевне пособия. Если не будете выдавать, то сами знаете, мы тебе и Земскому Начальнику покажем, сумеем и вашу кровь пролить, мы возьмем свое и душу вашу вон».

А вот выдержки из «Описи корреспонденции, обратившей внимание Вятской военной цензуры за время с 17 по 24 апреля 1916 г.», составленной Богдановичем. «Все меня в околотке любят, и я живу на потехе. Я бы давно на позиции был, еще в ноябре месяце, и из-за ремесла живу. Как выписывают в роту, я взводному дам один рубль, опять меня оставят». «Сейчас стоим на передней линии окопов, чуть не вместе с германцем. На первый день Пасхи сходились вместе с германцем и играли на гармонии. Были мы в его окопах, а он в наших».

По «крамольным» письмам выяснялись авторы и место их службы, куда сообщалось для принятия мер дисциплинарного воздействия. В отдельных случаях были допросы и обыски адресатов с оформлением соответствующих протоколов. При этом жандармов в первую очередь интересовал круг лиц, которым читались ранее письма с фронта.

Если число «цензуруемых» писем из действующей армии по Вятскому пункту составляло около 50 тысяч в неделю, то писем от

иностранных подданных поступало около 3—6 тысяч. Но хлопот они доставляли не меньше, так как часто требовали перевода. В ВЦК даже возникла мысль запретить военнообязанным и военнопленным писать до конца войны не на русском языке, и для этого комиссия испрашивала даже соответствующие распоряжения губернаторов. Естественно, эта идея была нереальной. Однако письма на малораспространенных европейских языках цензурой не рассматривались и возвращались в пункт отправления. Так, Масалитинов возвратил 61 письмо на итальянском языке и 50 писем на венгерском, требуя «писать только на русском, немецком, польском и чешском, на прочих же языках написанные письма пропускаться не будут вследствие неимения в цензуре переводчиков».

Письма пленных направлялись в Вятку уездными воинскими начальниками (Нолинск, Яранск, Вятка), уездными исправниками (Уржум, Слободской), приставами (Яранск, Котельнич, Слободской, Кукарка, Царевосанчурск), полицейскими надзирателями по наблюдению за военнопленными (Котельнич, Слободской, Вятка), а также из Вятской железнодорожной больницы, где были на излечении пленные, и от заведующей почтовыми операциями при Селезеневском волостном правлении Вятского уезда. По соглашению с бюро военнопленных при Главном управлении Общества Красного Креста в Петрограде был установлен следующий порядок направления корреспонденции: «Письма военнопленных, адресованные ими за границу, по просмотре и наложении цензурного клейма вкладываются в общий пакет, на котором ставится цензурное клеймо. Пакет запечатывается печатью комиссии или военного цензора и отправляется в бюро, а последнее направляет его в международное бюро Красного Креста в Швейцарии для отсылки вложенных в пакет писем по принадлежности в Германию и Австрию». В течение одного только апреля 1915 г. Масалитинов отправил в бюро в Петрограде 32 таких пакета с 4490 письмами (из Вятки — 102 письма, из больницы — 54, из Уржума — 182, из Котельнича — 40, из Нолинска — 855, из Слободского — 1664 и из Яранска — 1693).

Отдельную группу корреспонденции военнопленных и интернированных лиц составляют письма, направлявшиеся по адресу: Петроград, Галерная ул., дом 5. Адресат указывался различный: «Бюро помощи Американского посольства», «Благотворительный комитет», «Немецкий вспомогательный комитет» и т. д. Во всех этих письмах содержались просьбы о денежной помощи.

По каким же критериям «цензировались» письма иностранцев? Масалитинов часто писал рапорты на имя начальника ВГЖУ, в которых излагал причину конфискации того или иного письма, и на полях накладывал резолюцию: «Пропуску не подлежит». Так, не пропустил полковник письмо из Орлова в Австрию от военноплен-

ного, жаловавшегося «на плохое обращение с ним русского младшего унтер-офицера, который ударил какого-то учителя сапогом в голову», письмо из Глазовского уезда в Германию от военнопленного, высказывавшего «явно преувеличенные жалобы на плохое обращение и безотрадное его положение в русском плену». Другие открытки и письма были задержаны за упоминания о ничтожной плате за работу в Вятской губернской типографии, о запрещении собираться свыше двух человек, о самоубийстве «через повешение некоего военнопленного Рупрехта, которого якобы избили русские парни».

Было опасно писать и о послаблениях в режиме содержания пленных. Подозрение цензуры вызывали письма с просьбой выслать деньги. А ротмистра Богдановича возмутили такие строки из письма в Австрию: «Посылаю тебе видок этого совершенно азиатского городка Вятки. Россия вообще скорее азиатская страна. Во всяком случае очень мало культурных завоеваний человеческого духа Западной Европы проникли в эти совершенно своеобразные по своей примитивной культуре местности».

Естественно, что под контролем была и международная переписка россиян. Даже адрес на конверте — «Вятка, Дом губернатора» не избавил от глаз цензора письмо, присланное на имя Лиды Коваленской из Америки. Оно было задержано военной цензурой, поскольку «автор, находясь во Франции, не хочет ехать в Россию до окончания войны, т. к. его должны призвать в сем году на военную службу».

А вот письмо, отправленное не с фронта, а с Московской окружной дороги, и не иностранцу, находящемуся под негласным надзором, а вятской гражданке Евгении Палицыной. Тоже конфисковано цензурой, так как сообщало, что «от всего эшелона в 1000 человек осталось только человек 300, остальные все разбежались, так как все москвичи».

Попытки российских граждан вступить в переписку с пленными немедленно пресекались. К примеру, ученица 7 класса 2-й Вятской женской гимназии 16-летняя Маша Зевахина завела переписку с военнопленным Фердинандом Енихом. Вызвали Машу и ее родителей в управление, провели профилактическую беседу, и дала Маша подписку: «Обязуюсь прекратить свою частную переписку с военнообязанным Енихом и вообще со всякими подданными враждебных России держав. Соответствующие статьи закона по сему поводу мне объявлены и разъяснены». Получив эту подписку, Богданович доложил губернатору, что письмо Маша написала по неразумению и посему полагал бы дело «в отношении Зевахинной прекратить без всяких для нее последствий».

Очень много было конфисковано писем из тех, что направлялись в газету либерального направления «Вятская речь». Среди

них прокламации партии эсеров, присланные из Москвы, письма политзаключенных из сибирской ссылки, в том числе и безобидного характера, например, с просьбой о подписке на газету, письма местные, содержавшие информацию о различных беззакониях и самоуправстве местных властей.

Вятский пункт выполнял также большую работу по цензуре почты российских пленных. Согласно статистическим отчетам, в период с 12 февраля по 30 сентября 1917 г., т. е. за 33 недели, через пункт прошло 124936 писем из плена (в среднем 3786 в неделю) и 402764 письма для российских пленных (в среднем 12205 в неделю). Штат цензоров в этот период колебался от 4 до 7 человек, штат переводчиков — от 24 до 32. Не следует забывать, что в обязанности цензоров входил также контроль за письмами из действующей армии (обычно более 100 тысяч в неделю), международной перепиской (2—5 тысяч писем в неделю) письмами немецких и австрийских военнопленных и интернированных лиц (от 10 до 28 тысяч писем еженедельно) и посылками пленным из-за границы (около тысячи штук в неделю). Это данные за 1917 г.; в 1915—16 гг. объем работы был меньше.

Что же криминального могло быть в письмах российских военнопленных? Согласно указаниям начальника штаба Верховного Главнокомандующего (декабрь 1914 г.) следовало конфисковывать те письма, в которых «описывается жизнь в плену в весьма хорошем освещении», «фамилии же авторов писем... желательно сообщать в Особое Отделение Главного Штаба». Надлежало также конфисковывать «открытые письма с помещенными на них фотографическими снимками, изображающими в привлекательном виде мирной обстановки отдельные сцены и эпизоды из жизни наших военнопленных в плену» (циркуляр Главной военно-цензурной комиссии, Петроград, 28 марта 1915 г.). Надо сказать, что в середине 1915 г. российской военной цензурой было задержано 165 писем из Бухареста и Галаца, написанных одним почерком родственникам российских военнопленных. В этих письмах описывалась «жизнь русских пленных в Австрии в соблазнительных, радужных красках, высказывалась радость по случаю нахождения в плену».

На те случаи, когда немецкая или австрийская цензура зачеркивала часть текста в письмах русских пленных, приват-доцентом Фаворским из Казани уже к январю 1915 г. был разработан способ «проявления скрытого чернильными пятнами текста посредством окулирования его хлористым водородом». Письмо надо было разместить над ванночкой с дымящейся соляной кислотой, после чего чернила приобретали некоторую прозрачность и вымаранный текст можно было прочесть.

Февральская революция 1917 г. привела к определенным изменениям в работе цензуры. Были арестованы многие верно

служившие царю жандармские чины, в частности, старший цензор в Вятке ротмистр Богданович. В течение года несколько раз менялось руководство Вятского военно-цензурского пункта. После Октябрьской революции военная цензура была отменена.

Цитированные выше письма, конфискованные цензурой, содержали информацию, говоря нынешними словами, направленную на дискредитацию существовавшего строя, но по своей сути не являвшуюся секретной. Однако цензуре приходилось выполнять и реальную работу по защите государственных секретов, действуя в тесном контакте с разведывательными службами. В цензурных делах ВГЖУ немало руководящих указаний из Петрограда, Москвы, Казани (из штаба отдельного корпуса жандармов и штаба Казанского военного округа), в которых раскрываются различные шпионские ухищрения. Многим читателям они известны по детективной литературе, тем не менее некоторые небезынтересно упомянуть. Так, одна из директив инструктировала: «...Разведчики, командированные в Россию, сообщают собираемые ими сведения телеграммами условного содержания. Сведения сообщаются именами, первоначальные буквы которых означают: К — кавалерия, Л — лошади, М — материал, А — артиллерия, Г — всех родов оружие; сведения о числе поездов, отправленных по известному направлению, сообщаются следующим образом: «через столько-то часов выезжаю туда-то» — часы означают число поездов».

Широко использовались для шпионских целей адреса в нейтральных странах (в столицах Швеции, Швейцарии, Дании); в делах упоминается около 10 таких адресов. А в одном из документов указывается, что «...находящиеся в Бухаресте австрийские и германские фирмы в переписке коммерческого характера с русскими фирмами помещают скрытый текст химическими чернилами, проявляемыми йодом».

Подполковник отдельного корпуса жандармов Тишевский сообщал, что «из писем усматривается существование сношений между Вятским отделением «Русского для внешней торговли Банка» с Банком Ганшоу в Кенигсберге». А другой подполковник того же корпуса князь Туркестанов сообщал начальнику ВГЖУ, что «шпионы передают за границу сведения посредством условного содержания объявлений, помещая таковые в издающихся в России газетах».

Однако не только шпионам хотелось передать за границу достоверную информацию. Подполковник Будагоский выявил, что «некоторые военнообязанные и военнопленные, желая избежать цензуры, направляют свои письма в Германию через посольство Американских Соединенных Штатов, причем на наружном конверте пишется следующий адрес: «Гор. Петроград, Посольство Соединенных Штатов Америки», а на внутреннем — соответствующий

германский адрес. Так что надо полагать, что названное посольство пересылает письма пленных в Германию помимо цензуры в своих пакетах на имя своего посольства в гор. Берлине, а там уже эти письма пересылаются по назначению. Таким путем могут сноситься и шпионы. Сведения эти проверены».

В одном из донесений вятского полицмейстера сообщалось, что проживающие в Вятке военнопленные получают и отправляют корреспонденцию и посылки через местных жителей — купцов Насатисина, Треймана и домовладельца Мышкина. Судя по всему, подобные факты вскрывались благодаря бдительности и добровольных помощников полиции. Один из них писал начальнику сысской полиции: «Прошу Вас преследовать крестьянина Вятского уезда села Усть-Чепцы Ивана Ивановича Катаева, уехавшего 10 сентября из села Чепцы через Нижний и в Москву с какими-то тайными письмами, посланными пленными немцами, живущими в селе Чепце. По слухам известно, что он, Катаев, за это получает хорошее вознаграждение... Местный житель села Чепцы. Лично подписаться не могу, боюсь мести со стороны Катаева». На анонимку прореагировали, установили слежку в Москве, но без толку. А когда Катаев вернулся домой, его обыскали, допросили и выяснили следующее. Ездил Катаев не в Москву, а в Казань, и действительно взял письмо от стоявшего у него на квартире пленного Владимира Зозата для жены Матильды и 25 руб. на дорогу. От Матильды Катаев привез шоколад, пряники, теплые калоши, каракулевую шапку, белье, чай, колбасу, 4 галстука, 75 рублей и 2 письма. И все, кроме писем, было после обыска возвращено. А непереверенные и конфискованные письма оказались в архиве...

История военной цензуры не только в Вятке, но и в России — тема пока практически не исследованная.

Ю. Н. ТИМКИН

1917 ГОД: ОТ РЕВОЛЮЦИИ ПО ТЕЛЕГРАФУ К РЕВОЛЮЦИИ НА ШТЫКАХ

Накануне Февральской революции особого обострения социальной и политической борьбы в Вятской губернии не произошло. Исключение составлял лишь Ижевский промышленный район, где в январе — феврале 1917 г. прошли крупные выступления рабочих в защиту своих прав. Тем не менее приближение перемен чувствовалось даже в сельской глубинке. В одном из писем в армию крестьянка Е. Иголкина из Вятского уезда писала: «В России разруха полная, как бы революции не было».

Первые слухи о начавшихся в Петрограде демонстрациях появились в Вятке 25 февраля, но никаких официальных подтвер-

ждений или опровержений они не получали. На следующий день регулярное телеграфное сообщение со столицей оказалось прерванным. 27 февраля на ст. Вятка-I пришло первое телеграфное сообщение о революции, а 28-го ночью начали поступать официальные телеграммы с подробным освещением событий и первых шагов новой власти. Телеграммы должны были попасть в утренние выпуски газет, но полиция по приказу губернатора Н. А. Руднева изъяла их. Город по-прежнему питался лишь слухами о событиях в Петрограде. В тот же день они достигли Уржума, а 1 марта — Слободского и Кукарки.

2 марта губернатор обратился к населению с призывом сохранять спокойствие и собрал совещание по вопросу о печатании телеграмм с революционными известиями. Большинство голосов было решено опубликовать их отдельным выпуском, и в 3 часа дня размноженные типографским способом телеграммы пустили в продажу. По свидетельству очевидцев, они «брались с бою». Весть о революции быстро разнеслась по губернии.

Мы имеем возможность лишь отчасти судить о том, как представители старой власти восприняли переворот. Часть чиновников, в т. ч. губернатор Руднев, вице-губернатор Кандидов еще до этих событий пользовались доверием у либеральной общественности. Другие быстро сориентировались в возникшей ситуации. Бывший правитель канцелярии губернатора А. П. Корелин заявил, что якобы служил в старой администрации лишь для того, чтобы «лучше уяснить основы государственного и общественного устройства». Он считал себя «по существу демократом, нуждавшимся в службе для существования». Небольшая часть подала в отставку. Основная же масса чиновников восприняла решения новых властей как приказы, которые необходимо исполнять.

Значительное влияние на ситуацию в г. Вятке оказывали военные, прежде всего 106-й запасной пехотный полк и 697-я пешая дружина. В последней преобладали солдаты 30—40-летнего возраста. Обремененные хозяйством и семьями, они весьма интересовались всякого рода известиями и слухами, которые могли способствовать их возвращению домой. 1 марта в дружине «во всех углах, уборных, коридорах шло шушуканье. Ожили, зашевелились солдаты». Рано утром 2 марта, когда офицеры подозрительно исчезли из казарм, началось открытое обсуждение. Солдат-большевик Кучкин, организовавший в дружине нелегальную политическую группу, 2 марта устроил ее собрание и наметил план действий: освобождение арестованных, находившихся на гауптвахте, объявление о присоединении дружины к революции, арест контрреволюционных офицеров, установление немедленной связи с другими воинскими частями гарнизона, организация демонстрации в поддержку революции. Однако нарождавшаяся в городе власть Временного прави-

тельства перехватила инициативу и сама устроила митинг дружины. Выступившие представители комитета по охране города, созданного земцами и другими умеренными силами, призвали солдат не организовывать демонстрации и не обострять обстановку. Солдаты согласились с их доводами и возвратились в казармы. План Кучкина потерпел неудачу.

3 марта состоялось собрание офицеров 106-го полка, принявшее решение о присоединении к революции. После этого офицеры просили командира Давидовича устроить манифестацию полка на Кафедральной площади. Давидович разрешил собрать полк лишь на плацу у загородного сада, где около 5 часов вечера священник отслужил молебен о даровании победы русскому оружию. Под звуки военных маршей полк возвратился в казармы.

Уже 2 марта органы городского и земского самоуправления г. Вятки организовали комитет по охране, взявший в свои руки распространение революционных известий на предприятиях, в учреждениях. 3 марта в Вятке прошли три совещания: общественных деятелей, городской Думы и у губернатора Н. А. Руднева. На последнем присутствовали председатель губернской земской управы П. И. Паньков и городской голова П. И. Шкляев. Они решили охрану городов оставить в руках полиции, уездную стражу передать в ведение управы. Губернатор при этом выразил полную готовность исполнять все приказания Временного правительства.

В тот же день в зале губернской земской управы открылось соединенное собрание гласных городской Думы, представителей общественности, гарнизона, рабочих и служащих. На повестке дня стоял вопрос об охране города. Полицмейстер А. В. Румянцев заявил, что он и его ведомство признали новую власть. Собрание согласилось воспользоваться услугами старой полиции, но для того, чтобы показать народу, что теперь это революционный орган, постановило снабдить чинов полиции белыми повязками.

Все это показывает, что реальная власть в городе и губернии находилась по-прежнему в руках старой администрации, которая стала лишь привлекать общественность к управлению. Безусловно, давление на нее снизу было. Но его не надо ни переоценивать, как это сделала сама старая власть в первые дни после получения известий о революции, ни недооценивать. Единственный новый орган, претендовавший на власть в г. Вятке, — комитет по охране — был склонен работать в контакте со старой администрацией и не выдвигать ультимативных и жестких требований. Старая власть со своей стороны по мере сил оказывала содействие революционному процессу и сделала в этом направлении не так уж и мало.

4 марта губернатор разослал телеграммы, в которых уездным исправникам предлагалось оставаться на своих местах и работать в тесном контакте с городскими и земскими учреждениями. По

приказу Руднева был разослан по уездам манифест об отречении Николая II. Ряду исправников направили телеграммы с распоряжением освободить арестованных. Незадолго до отстранения от должности губернатор отдал приказ о полном подчинении всей старой администрации Временному правительству. С 6 марта его распоряжением от «опеки» полиции освобождались все лица, состоявшие под ее гласным и негласным надзором. В тот же день, однако, по распоряжению Временного правительства Руднев был отстранен от должности и все его полномочия переданы первому временному губернскому комиссару и одновременно председателю губернской земской управы П. И. Панькову.

С уходом старой администрации начался новый этап революции. В начале этого периода произошло отстранение полиции от охраны порядка, а затем и ее разоружение, началось формирование новой милиции. Комитет по охране города постепенно стал превращаться в исполнительный орган общественных организаций, политических партий. Туда вошли представители разных социальных групп, в том числе и рабочих. Вятский Совет рабочих и солдатских депутатов, возникший в середине марта, также признал новую власть. Для управления различными ведомствами старого аппарата власти назначались уполномоченные. Это были, как правило, уважаемые среди либеральной общественности деятели.

Без эксцессов, плавно происходила передача власти в уездах. Уездные земства и городские Думы создавали исполнительные комитеты, по их рекомендации назначались уездные комиссары. Митинги проходили во многих городах, селах, поселках и деревнях, и в их подготовке решающую роль играли представители новой власти. Создание ее органов началось и в волостях. В целом образование органов власти Временного правительства в крае завершилось к концу весны 1917 г.

Итак, комитет по охране и исполнительные комитеты возникли как бы под крылышком старой власти, оградившей их от возможных политических конкурентов. Вятский Совет рабочих и солдатских депутатов не претендовал на власть, и характерного для других регионов России двоевластия в губернии ни весной, ни летом 1917 г. не возникло. Почти на всей ее территории существовало полновластие новых органов. Однако вскоре им пришлось столкнуться с множеством проблем.

Жизнь губернии лихорадили следовавшие чередой в течение короткого времени избирательные кампании и выборы — сначала в городские думы, затем в волостные, уездные, губернское земства, наконец, осенью — в Учредительное собрание. Все они проходили в обстановке типичной штурмовщины. Власти торопились любой ценой создать демократические органы, очень мало заботясь о разрешении стремительно нараставших противоречий в обществе,

которые к осени обострились настолько, что ограничиваться полумерами было уже невозможно. Острейшие вопросы — аграрный, войны и мира, рабочий — новые власти откладывали до созыва Учредительного собрания. Однако «отложить» развитие событий, предопределявшиеся именно этими вопросами, было невозможно. Когда в Вятку пришли первые известия о происшедшей в Петрограде Октябрьской революции, губернское земство, взявшее в свои руки власть, оказалось один на один с усиливавшимися аграрными беспорядками, надвигающимися экономической разрухой и голодом, массовыми выступлениями рабочих, пьяными солдатскими погромами.

Вятское земство имело ту характерную особенность, что было самым «мужицким» в европейской России. Это означает, что вятские крестьяне имели значительный опыт решения управленческих задач. Не случайно в марте 1917 г. именно земство оказалось самой подготовленной к осуществлению государственных функций структурой. Эта же особенность привела к возникновению в губернии в конце октября 1917 г. фактически самостоятельной республики во главе с Верховным Советом, созданным 59-й сессией губернского земского собрания и включавшем в свой состав представителей городских самоуправлений, общественных организаций и политических партий.

Определяющую роль в политической жизни края в это время играли местные организации социалистических партий — эсеровской, меньшевистского крыла РСДРП, Трудовой народно-социалистической (энесы). Среди деятелей последней следует отметить такие видные фигуры, как издатель «Вятской речи», старый народник Н. А. Чарушин, вятский уездный комиссар П. С. Басов, лидер яранских энесов Н. Н. Нагорничных. Немало заметных личностей было среди вятских эсеров: их лидер В. Н. Макушин, губернский комиссар П. Т. Саламатов, впоследствии один из активных участников Степановского восстания 1918 г. П. Н. Чирков, будущие руководители произошедшего в августе того же года восстания в Ижевске и Воткинске К. С. Шулаков, Н. И. Евсеев и В. И. Бузанов. Среди меньшевиков выделялись гласный Вятской городской Думы, депутат Вятского Совета журналист Н. А. Кролюницкий, вятский городской голова Н. П. Алеев, губернский комиссар труда В. Н. Бердников и его помощник М. С. Журавлев, член ЦИК Советов ижевский рабочий А. И. Сосулин, преподаватель Вятского коммерческого училища С. Я. Столбов, председатель Сарапульского Совета Н. И. Максимов.

Значительное влияние в губернии имели и кадеты. Руководителем губернского земства являлся член их партии Л. В. Эмашев. Присяжный поверенный Н. В. Огнев работал в должности помощника губернского комиссара. Большой популярностью пользовался

участник революции 1905—1907 гг., врач железнодорожных мастерских беспартийный В. А. Трейтер, который летом — осенью 1917 г. являлся помощником губернского комиссара, а в конце ноября — первой половине декабря губернским комиссаром вятского Верховного Совета.

Деятели леворадикальных течений — большевики, левые эсеры, максималисты — до конца осени 1917 г. не имели в губернии ни широкой известности, ни большого влияния. Максималисты опирались главным образом на рабочих Ижевска, а левые эсеры были сильны лишь в Глазове и ряде южных уездов. Что же касается вятских большевиков, то в октябре — первой половине ноября ни их численность (более 1 тыс. чел.), ни уровень активности и популярности среди населения, казалось, не давали им никакого шанса на успех в политической борьбе. Они не были представлены в городских думах и земствах, не имели не только своей общегубернской газеты, но даже единой организации. Однако история распорядилась так, что именно большевикам удалось захватить власть и осуществить революционный переворот в Вятской губернии.

Эти события относятся к числу наиболее интересных в истории края, но малоизученных. И хотя их исследованию посвятили свои труды многие видные наши историки, тем не менее до сих пор картина выглядит неполной.

В силу исторических и социально-экономических обстоятельств осенью 1917 г. в губернии действовали три большевистских центра — в Ижевске, Глазове и Вятке. Причем последний был самым слабым, хотя именно ему суждено было возглавить большевистский переворот. В руководстве вятских большевиков ведущую роль играли М. М. Попов, А. С. Трубинский и П. П. Капустин. Выходец из зажиточной семьи, проживавшей в Орловском уезде, Петр Павлович был, несомненно, незаурядной личностью в плане фанатичного служения идее. Целеустремленностью, политическим чутьем, решительностью и бескомпромиссностью отличался М. М. Попов. Возглавив в конце ноября Вятский Совет рабочих и солдатских депутатов, он находился на этом посту в самый разгар большевистского переворота в г. Вятке и губернии.

Первая губернская конференция большевиков, состоявшаяся в начале октября, продемонстрировала их неготовность к взятию власти. Понимая это, они обратились к солдатам и матросам — землякам, а особенно к Кронштадтскому Совету с призывом оказать помощь. Прибывшие отряды солдат и матросов вместе с местными красногвардейцами и сыграли решающую роль в захвате власти большевиками, произошедшем, конечно, отнюдь не в одночасье.

В этом процессе можно выделить три периода. В течение первого (с конца октября по 7—8 декабря) власть находилась

фактически еще в руках созданного земским собранием губернского Верховного Совета. Лишь в самых пролетарских городах Ижевске и Глазове она мирно, без применения вооруженной силы перешла к большевизированным депутатским Советам. Во время второго периода (с 7—8 декабря 1917 г. по 5—8 января 1918 г.) большевикам удалось от захвата власти с помощью вооруженной силы в г. Вятке перейти к аналогичным действиям в рамках губернии. Первый губернский съезд Советов, открывшийся 5 января 1918 г., знаменовал переход к третьему периоду — времени окончательной ликвидации последних центров старой власти в Нолинске, Уржуме, Малмыже. Повсеместное установление большевистской советской власти в волостях, селах, деревнях завершилось весной 1918 г.

В первый период особое значение приобрели события в г. Вятке. 11 ноября губернские власти, стремясь обезопасить город от погрома, решили выпустить из винного склада спирт в р. Вятку. Однако спирт оказался на льду, образовав целое озеро. К нему началось массовое паломничество, город оказался на грани полной анархии. Положение спас 106-й полк, в котором после этих событий усилилось недоверие к власти. Конечно, и раньше полк не являлся надежной опорой правящих кругов. Но лишь после 11—12 ноября влияние в нем большевиков и других левых радикалов стало возрастать. Прибытие представителей Петроградского ВРК и ЦК партии большевиков, особенно Н. М. Анцеловича, закрепило большевизацию 106-го полка к 25—26 ноября.

С помощью прибывших из центра партийных активистов удалось добиться большевизации и Вятского Совета рабочих и солдатских депутатов. В середине ноября в Вятке и губернии появились первые отряды солдат и матросов, откликнувшихся на просьбу первой губернской большевистской конференции о помощи. Среди прибывших оказался и назначенный первым советским губернским комиссаром в Вятке матрос Лупарев. Меньшевики и эсеры, видя активные действия своих политических оппонентов, медлили с созывом общего собрания Вятского Совета. Однако 25 ноября, оказавшись перед фактом перевыборов ряда депутатов рабочими предприятий, они пошли на проведение собрания. В ходе этого, ставшего историческим, заседания Вятского Совета большевикам удалось добиться принятия резолюции о переходе власти в его руки. С двухчасовой речью выступил Н. М. Анцелович, выступил также советский губкомиссар матрос Лупарев. Руководители эсеров и меньшевиков ответили протестами. Они указывали на бедность большевиков интеллигентскими силами. Заметим, что об этом предупреждала еще в июле 1917 г. местных большевиков член их организации студентка В. Зубарева. Большинство голосов резолюция о переходе власти в руки Вятского Совета все же была принята, и эсеры и меньшевики в знак протеста покинули Совет.

Так произошел раскол, который значительно ослабил демократический потенциал нарождающейся власти. Однако пока властные полномочия реально находились в руках губернского Верховного Совета.

Большевики сделали ставку на вооруженную силу — 106-й полк и созданные в конце ноября отряды Красной гвардии. Руководство Верховного Совета, понимая, что сила их противника в поддержке со стороны солдат, отдало приказ отпустить по домам на определенный срок солдат ряда возрастов. К 1 декабря должно было произойти довольно значительное сокращение 106-го полка и других воинских частей. Однако Вятский Совет объявил этот шаг незаконным и постановил 1 декабря организовать вооруженную демонстрацию с целью установления контроля за основными объектами политической и хозяйственной жизни города. В тот день солдаты и рабочие, руководимые большевиками, прошли по улицам города с лозунгом «Вся власть Советам!» и по пути своего движения выставляли караулы. Таким образом большевики захватили губернский комиссариат, телеграф, телефонную станцию.

В ответ на эти действия по инициативе Верховного Совета, земской и городской управ служащие и рабочие городских предприятий и учреждений объявили политическую стачку с требованием ликвидировать вооруженный контроль над политической и хозяйственной жизнью города. Губкомиссар Лупарев явился в стачком и стал объяснять причины событий 1 декабря. По его словам, большевики выставили караулы для того, чтобы предотвратить погромы и другие нарушения общественного порядка. Под давлением стачкома Вятский Совет дал обещание убрать вооруженные караулы, часть которых действительно была снята.

Однако стало известно, что через Вятку будут следовать отряды матросов, солдат и красногвардейцев на Урал и в Сибирь, после чего тон большевиков в переговорах со стачкомом изменился. Если 2 и 3 декабря условия диктовали представители стачкома и по сути успех большевиков 1 декабря был сведен к нулю, то в последующие дни условия стал диктовать Вятский Совет. Лупаревым были написаны (опубликованы в основном после 6 декабря) несколько приказов о борьбе с Верховным Советом и стачкомом. В частности, 5 декабря был подписан приказ, ставящий Верховный Совет вне закона и предписывающий всем общественным, политическим организациям, учреждениям, частным лицам избегать подерживать связи со старой властью.

5 декабря ожидавшиеся отряды матросов и солдат численностью около тысячи человек под командованием Запуска и Павлова появились в Котельниче. Оставив здесь небольшой, до 60 человек летучий отряд во главе с Л. Журбой, они в 10 часов вечера 6 декабря прибыли в Вятку. Местные большевики провели с руководством

отрядов совместное совещание, в результате которого был разработан план подавления контрреволюционных сил.

В соответствии с ним 7 декабря в Вятке состоялась вооруженная демонстрация прибывших в город отрядов, а также 106-го полка и Красной гвардии. По пути следования матросы срывали вывески со зданий общественных и государственных учреждений. Это, а также множество красных знамен, пение революционных песен произвели на обывателей сильное впечатление. По воздействию на жителей города эта демонстрация намного превосходила демонстрацию 1 декабря. Но главное было впереди. В ночь с 7 на 8 декабря в городе и его окрестностях была проведена тотальная военно-политическая чистка. В ходе ее запрещались въезд и выезд, проверялись все железнодорожные составы. Обыски шли в государственных и общественных учреждениях, частных заведениях, квартирах граждан. Было обнаружено несколько нелегальных складов с продовольствием, мануфактурой, оружием. Все это большевики конфисковали. Были арестованы члены губернского Верховного Совета меньшевики Н. П. Алеев и Н. А. Кролюницкий, некоторые члены стачечного комитета, раскрыто существование офицерской организации, занимавшейся уголовно-преступной деятельностью.

К утру 8 декабря чистка завершилась. Удалось закрыть самую ненавистную для новой власти газету «Вятская речь», издать бюллетень с приказами от 5—7 декабря и информацией о положении в губернии и г. Вятке. Выпуск бюллетеней Верховного Совета, с 27 ноября по 5 декабря извещавших население о борьбе с большевиками, был прекращен. На заседании Вятского Совета 9 декабря его депутаты решили образовать отделы труда, продовольствия, финансов, военных дел и др. 12 декабря по просьбе ряда депутатов (Жабина и других) Вятский Совет постановил направить отряд под командой Д. А. Ложкина для установления в городе Орлове Советской власти.

Однако власть у большевиков была не полная. Городская Дума, земство, банки, ряд городских предприятий и служб, частный сектор не подчинялись Вятскому Совету и продолжали выполнять решения Верховного Совета и его органов. Особенно тяжелым было положение в области финансов. Денег не хватало на выплату зарплаты служащим и рабочим. На одном из заседаний Вятского Совета председатель исполкома М. М. Попов, пытаясь найти выход из этой ситуации, поставил депутатов перед выбором: либо сохранить существующее двоевластие, либо окончательно ликвидировать его революционным путем. К сожалению, тексты резолюции и протокола заседания отсутствуют, и мы так и не знаем, к какому решению пришли депутаты.

Члены Верховного Совета перебрались в сл. Дымково, а затем в Слободской и оттуда продолжали управление губернией. Их

усилиями удалось 16 декабря созвать 60-ю сессию губернского земского собрания, которая легально проходила в г. Вятке 5 дней. Большевики, прекрасно знавшие об антибольшевистском настрое земцев, не смогли воспрепятствовать их работе. Возникла парадоксальная ситуация: в г. Вятке существовала советская власть и в то же время шли заседания губернского земского собрания, открыто заявившего о непризнании этой власти. Перед собравшимися с отчетом выступил губернский комиссар Верховного Совета В. А. Трейтер, рассказавший о деятельности Верховного Совета с конца октября по середину декабря. Обсуждался также текущий политический момент, по которому была принята резолюция о непризнании власти большевиков, содержащая призыв ко всем учреждениям, организациям, гражданам не подчиняться их решениям. Гласные, однако, ждали практических предложений, но их не было, и многие остались недовольны.

Почему же Верховный Совет, губернское земство, городская Дума, имевшие поддержку подавляющей части крестьян, горожан, общественных организаций, партий эсеров, энесов, меньшевиков, кадетов, финансовую поддержку банков и предпринимателей, служащих государственных учреждений, не смогли выработать эффективных мер борьбы с большевиками? Главная причина состояла в их порочной стратегии. Ее суть была в том, чтобы сохранить свои силы, организацию, государственный аппарат до Учредительного собрания. Поэтому тактика Верховного Совета не предполагала активных форм борьбы. Самое большее, на что он мог пойти, это политическая стачка и создание союза защиты Учредительного собрания. Исходя из общей стратегии Верховного Совета, становятся понятными некоторые, казалось бы, плохо объяснимые факты. То, например, что в такой острейшей политической ситуации собрание земцев обсуждало вопросы о... выпуске особых денежных знаков — бон, о финансовой поддержке холуницких заводов и т. д.

Большевики не рискнули разогнать сессию, так как земство еще пользовалось значительной поддержкой населения, прежде всего крестьянства и части рабочих. Так, созданный в дни работы сессии губернский крестьянский съезд тоже выступил против большевиков. Пока земцы обсуждали свои вопросы, большевики направили в Слободской отряды матросов, красногвардейцев из Вятки, Белой Холуницы и добились установления там советской власти. Комиссаром Слободского уезда стал старый революционер, уроженец нашего края И. И. Деришев.

В самой Вятке с помощью прибывшего из Глазова революционного отряда под командованием Иванова и отряда Уральской ЧК большевики захватили банки, учреждения, не подчинявшиеся новой власти, провели аресты среди членов созданного 60-й сессией

земского собрания Совета по управлению губернией. В числе арестованных был и издатель «Вятской речи» Н. А. Чарушин, освобожденный лишь в конце января 1918 г.

19 декабря прекратила свое существование последняя демократическая газета «Вятская мысль», и все типографии перешли под контроль Вятского Совета. С 21 декабря стала выходить большевистская «Вятская правда», в редакционном коллективе которой видную роль играл журналист Андрей Карпов. Он в конце декабря видел, что новая власть существовала почти исключительно на насилии, а у руководства недоставало образованности, заявил М. М. Попову, что если из центра не будут присланы интеллигентские силы, то дело большевистской революции в крае потерпит поражение. После чего Карпова обвинили в неверии в победу революции, оппортунизме и он покинул Вятку.

30 декабря стачком, руководство меньшевиков и эсеров, Совет по управлению губернией пошли на отчаянный шаг: объявили бессрочную забастовку рабочих и служащих г. Вятки. Новый, 1918-й год горожане встретили без хлеба, воды, электричества. Не работали городские учреждения и службы. Большевики привлекли военнопленных для возобновления работы предприятий и учреждений, но часть машин и механизмов оказалась неисправной. Съезжавшиеся в Вятку депутаты I губернского съезда Советов приняли активное участие в восстановлении работы предприятий и учреждений. Большую роль в этом сыграл и летучий отряд матросов, комиссаром которого после Ю. А. Дрелевского, назначенного комиссаром телефонной станции, стал И. К. Кириллов. Накануне открытия съезда антибольшевистские силы организовали митинг протеста, который завершился тем, что его участников арестовали и отправили в тюрьму.

Губернский съезд Советов большевики откладывали неоднократно. Впервые речь о нем зашла на заседании исполкома Вятского Совета 11 декабря. Однако не прекращавшаяся борьба за власть в г. Вятке не позволяла большевикам сосредоточить усилия на подготовительной работе. Между тем Юго-Камский Совет, созданный из представителей рабочих, солдат и крестьян Ижевска, Воткинска, Сарапульского уезда и других территорий региона, решил взять инициативу в свои руки и назначил на середину января открытие съезда. В возникших между двумя Советами спорах победил Вятский Совет, который и взялся, наконец, за подготовку к созыву съезда. После неоднократных переносов начала работы он открылся 5 января 1918 года.

Съезд работал до 8 января и принял несколько важных решений, в том числе о введении твердых цен на хлеб, о национализации церковных и частновладельческих земель. По инициативе М. М. Попова была принята «конструкция» губернской власти,

верховенство в которой стало принадлежать съездам Советов, а между ними — губисполкому — Совнаркому губернии.

Губисполком включал представителей от всех уездов. Так как специалистов не хватало, то их стали приглашать со стороны. Постепенно кооптированные члены заняли важные посты в руководстве. Среди них матрос Черноморского флота А. Г. Тэнс, ставший заместителем председателя СНК губернии, солдат 106-го полка Н. Я. Клабуков, вошедший в состав военного комиссариата, и другие. Большую роль стали играть бывший уржумский полицейский М. Г. Лапин, который в середине декабря 1917 года был назначен начальником гарнизона г. Вятки, а также И. К. Кириллов, комиссар оставленного Павловым в помощь Вятскому Совету летучего отряда, численность которого составляла от 85 до 115 человек.

Подобный же летучий отряд был расквартирован в Котельниче, и руководил им, как уже упоминалось, Л. Журба. В отличие от летучего отряда в Вятке, отряд Журбы не подчинялся местной власти, а зависел лишь от Петроградского ВРК. В обоих отрядах было сильно анархистское влияние, причем в отряде Журбы особенно. Его бойцы даже вывесили черное знамя над зданием, которое они занимали. Оба отряда, несмотря на анархические настроения, беспрекословно выполняли приказы своего начальства. Советская власть нуждалась в них для конфискации, подавления волнений и т. д. Так, Журба обложил население Котельнича контрибуцией в 300 тыс. рублей, причем все эти деньги взял для своего отряда. Котельничский исполком попытался эти деньги забрать, но Журба дал понять, что не остановится перед его разгоном. В конце зимы — начале весны 1918 года потребность в хлебе резко возросла, и отряд Журбы стал заниматься реквизициями на юге губернии. Жители Нолинского уезда были возмущены насилиями с его стороны.

Внутри советского губернского аппарата зимой—весной 1918 года неоднократно возникали конфликты, связанные первоначально с неограниченностью полномочий.

Позднее к этому прибавились амбиции отдельных руководителей, вокруг которых стали складываться политические группировки. Одна из таких группировок, известная как «лапинская» (по фамилии начальника гарнизона большевика М. Г. Лапина), состояла из членов губисполкома. В нее вошли лица разной партийной ориентации. Так, упомянутый Н. Я. Клабуков был максималистом, а А. Г. Тэнс испытывал влияние анархизма. Кроме них в группировку входили военные комиссары Семенов и Бакин, член военного комиссариата Городилов, председатель губисполкома Е. В. Бакин, комиссары по борьбе с пьянством Трефилов и Калинин, комиссар

летучего отряда матросов Кириллов. Группировка пользовалась поддержкой и Л. Журбы.

В то же время формировались группировки внутри большевистской фракции Вятского Совета. В ее состав входили большевики и близкие к ним лица, стоявшие на платформе советской власти и работавшие в Советах. Во главе ее находились М. М. Попов, П. П. Капустин и А. С. Трубинский. По словам большевика Н. М. Мышкина, М. М. Попов и его сторонники были «опьянены властью» и с головой уйдя в советскую работу, слабо занимались партийной. В партийной организации большевиков стали оформляться две группировки. Одну мы уже назвали — М. М. Попова и его сторонников. Другая — Н. М. Мышкина и его единомышленников — занималась главным образом партийной работой. Сторонники М. М. Попова имели поддержку 106-го полка и других воинских частей, в их руках находилась большевистская фракция губисполкома.

В то же время Лапин пользовался уважением у председателя Вятского Совета М. М. Попова. Лапину поручались самые ответственные задания, и он с ними справлялся неплохо. После создания 25 декабря военно-революционного комитета, к которому должны были перейти многие функции начальника гарнизона, Лапин оказал давление на ВРК и добился его ликвидации. Накануне I губернского съезда Советов он руководил размещением его депутатов, часто выступал на заседаниях съезда, неизменно подчеркивая свою революционность. Лапин поддерживал М. М. Попова в переизбрании революционного трибунала, члены которого не проявили должной революционности в расследовании деятельности Верховного Совета и наказании его членов. Лапину принадлежала инициатива в организации неформальных встреч высшего губернского руководства, которые сопровождались чрезмерным употреблением спиртного. Многие высшие руководители видели злоупотребления властью со стороны Лапина и его сторонников, однако доверие к начальнику гарнизона от этого не уменьшалось, а возрастало.

В середине февраля 1918 года заболел председатель губисполкома М. М. Попов и на его должность был избран Е. В. Бакин, имевший большие амбиции, по словам А. Г. Тэнса, беспринципный и без определенных взглядов. В начале марта отношения между группировками «лапинцев» и М. М. Попова обострились. Вероятно, причиной тому послужила попытка «лапинцев» устранить своих конкурентов и захватить власть. Поводом к выступлению «лапинцев» послужил арест М. Г. Лапина, произведенный 10 марта по решению Вятского Совета. В тот же день было создано совещание членов Вятского Совета и губисполкома для разрешения конфликта. Совещание ничего не решило, и члены Вятского Совета покинули совещание. Тогда губкомиссар С. С. Семенов по решению

губисполкома освободил Лапина из тюрьмы. На следующий день состоялось новое совещание участвовавших в конфликте сторон. И на сей раз члены Вятского Совета покинули совещание. Им вслед неслись крики «изменники», «контрреволюционеры», слышался свист и т. д.

12 марта отмечалась годовщина Февральской революции. На Александровской площади города был произведен праздничный салют из пушек боевыми снарядами, что вызвало среди населения переполох. В ночь с 11 на 12 марта члены Вятского Совета вели агитацию среди рабочих и солдат за неучастие в демонстрации 12 марта. Такое их поведение вызвало возмущение членов губисполкома. После демонстрации «лапинцы» собрались в номерах Миронova и устроили совещание. На нем по предложению Н. Я. Клубукова, А. Г. Тэнса, Е. В. Бакина приняли решения о введении в городе и губернии военного положения, аресте руководства Вятского Совета и городского комитета большевиков, разоружении милиции. Комиссар летучего отряда Кириллов был направлен на разоружение Вятского Совета и комитета большевиков, что он и сделал. Вятский Совет оказался распущенным, а видные руководители большевиков В. И. Лалетин, П. П. Капустин и другие вынуждены были скрываться. «Лапинцы» сделали было попытку привлечь на свою сторону солдат 106-го полка и других частей, а также рабочих, но они поддержали Вятский Совет.

В течение 13 марта «лапинцы» еще надеялись на осуществление своих планов и вечером собрались на квартире Лапина. Когда руководству Вятского Совета стало известно об оказанной солдатами и рабочими поддержке, оно созвало совещание представителей воинских частей гарнизона с участием члена Уральского областного Совета Голощекина, случайно проезжавшего через Вятку. На нем было объявлено о поддержке Вятского Совета, отмене военного положения и аресте ряда «лапинцев». В ночь с 13 на 14 марта «лапинцы» обсуждали планы побега из Вятки. 14 марта «по просьбе товарищей» М. М. Попов явился в Вятский Совет для возобновления его работы.

19 марта в Екатеринбурге стало известно о «лапинской авантюре» и по постановлению Уральского Совета в Вятку выехала чрезвычайная следственная комиссия во главе с А. Г. Белобородовым. Прибыв 23 марта, комиссия начала расследование. В ходе работы она выявила не только преступления, совершенные «лапинцами», но факты массового пьянства, злоупотреблений, хищений в высших эшелонах власти губернии. По словам Белобородова, все высшие руководители губернии были замешаны в них.

Ко времени работы II губернского съезда Советов в апреле 1918 года, созванного в связи с попыткой переворота, следствие установило, что преступность была характерна и для структур

власти в ряде уездов, в частности, Слободском и Котельничском. Так, в последнем во главе уездного исполкома Советов оказался человек, имевший уголовное прошлое. Кроме того, председатель исполкома И. С. Овчарук находился в зависимости от комиссара летучего отряда Л. Журбы, который был фактически диктатором в городе и уезде. Когда комиссия Белобородова, выявившая связи Журбы с «лапинцами», попыталась его арестовать, то он заявил, что взорвет Котельнич. Начались долгие переговоры, которые завершились тем, что Журба уехал в Петроград для подтверждения своих полномочий. Он так и не был арестован.

В чем же причины «лапинской авантюры»? В характере новой партийной правящей элиты: левокоммунистическая ориентация стоявшей у власти партийно-советской группировки М. М. Попова с ее ставкой на форсирование революционных преобразований, амбиции ее руководителей. Большую роль сыграла борьба за власть между отдельными политическими группировками внутри советского блока. Как же расценить попытку «лапинцев» совершить переворот, с точки зрения последующего развития? На наш взгляд, ее надо рассматривать в русле нарастания в большевистских организациях и подчиненных им Советах жесткой тоталитарной тенденции. Последняя после подавления «лапинцев» не только не ослабла, но даже усилилась и летом 1918 года стала определяющей.

Г. Г. ЗАГВОЗДКИН

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Рождение и утверждение советской власти в Вятской губернии проходило в острой борьбе. Гражданская война и иностранная военная интервенция не обошли ее пределов. Захват Вятской губернии открывал короткий путь на Москву и Петроград. Губерния располагала крупными запасами хлеба, к началу 1919 г. здесь оставалось достаточно зерна еще от урожая 1916 года. В Ижевске работал большой оружейный завод. В губернии имелся ряд важных железнодорожных узлов и металлургических заводов. Высокой была доля середняцкой массы в деревне, причем вятские крестьяне были богаче середняков центральной России. Губерния располагала большими людскими ресурсами, к 1919 г. ее население составляло около 4 млн. человек. Большевистская партийная организация здесь только набирала силу. Все это следует отнести к множеству других объективных факторов, обусловивших то, что летом 1918 года военные действия приблизились к границам губернии.

По ее южным уездам прокатилась волна антисоветских кулацких выступлений. Главной их причиной было введение больше-

виками продовольственной разверстки. Крестьяне обязаны были сдавать не только все излишки хлеба, но и часть необходимых запасов по твердым ценам, а порой и в долг.

Важную роль в жизни губернии играли тогда левые эсеры. К началу августа 1918 г. они занимали от 46 до 69% общего состава уездных исполнительных комитетов. Немало их было и в исполкомах волостных Советов. Им принадлежали многие ключевые властные посты. Расстрел в г. Вятке большевиками четырех красноармейцев за воровство стал поводом для открытого выступления левых эсеров против советской власти. 7 июля 1918 года фракция левых эсеров вышла из состава губисполкома, перенесла свой комитет в г. Глазов. Нависла угроза мятежа.

В тот же день проводится экстренное заседание Вятского губисполкома, на нем создается чрезвычайный военно-революционный штаб во главе с председателем губисполкома И. В. Поповым. Штаб взял в свои руки всю полноту власти в губернии. Закрываются газеты левых эсеров, анархистов, максималистов, других мелкобуржуазных партий. Ликвидируются заговоры левых эсеров в Слободском и Котельниче. 2 августа в губернии вводится военное положение, начинается мобилизация в Красную Армию мужчин 1892—1897 годов рождения, а также офицеров, медицинских и ветеринарных работников. Вооружаются партийные ячейки большевиков на фабриках и заводах. Продовольственные отряды с помощью боевых формирований изымают хлеб. Заводы и фабрики национализуются. Однако силы большевиков были еще слабы. К концу года они занимали всего 9% общего состава волостных Советов.

2 августа 1918 года интервенты, захватив Архангельск, двинулись на Котлас. 6 августа белочехи захватывают Казань. Для борьбы с белочехами во главе с В. М. Азиным создается Вятский революционный батальон, который стал потом ядром азинской дивизии. Фронт приблизился к Вятке.

В Ижевске начинается эсеро-меньшевистский мятеж. 8 августа мятежники захватили оружейный склад, затем завод и город, арестовали партийно-советский актив. Из кулачества окрестных уездов создается армия, которая к октябрю насчитывала несколько десятков тысяч человек. 17 августа захвачен Воткинский завод, 31 августа — город Сарапул. Советская власть ликвидирована. Полковник белой гвардии Юрьев возглавил созданный здесь Прикамский комитет членов Учредительного собрания.

Мятежники направили войска на Малмыж, но получили там отпор Красной Армии. Соединившись с кулацкими повстанцами в селе Святогорье Глазовского уезда, они двинулись к станции Чепца Пермской железной дороги. Эсеровские повстанцы выступили под лозунгами «долой комиссародержавие», «за Учредительное собрание», называли себя передовым отрядом народной армии.

Несколько иной была ситуация на юге губернии. В начале 1918 г. в Уржумском уезде крупной силой было купечество, помещики и кулаки. Эсеров там насчитывалось более 400, а большевиков не более 10 человек. В июле этого года в южные уезды из Москвы был направлен военно-продовольственный полк. Его задачей была организация комитетов бедноты и оказание помощи местным властям в проведении продовольственной разверстки. Штаб полка состоял из бывших офицеров во главе с капитаном Степановым и комиссаром Хомаком. 8 августа степановцы захватили денежные средства в Малмыже и направились в Уржум. Получив поддержку местной верхушки и левых эсеров, они быстро овладели городом, создали временное правительство южного округа. Полк вел анти-советскую агитацию в уезде, занимался грабежами. В ночь на 20 августа под Уржумом степановцы расстреляли вятского комиссара юстиции Ю. А. Дрелевского и инструктора нолинского военкомата Е. А. Карелова, которые прибыли изучать обстановку в уезде.

В августе 1918 года эсерово-меньшевистская власть установилась в Яранске и Санчурске. Трагедия произошла в Нолинске. Степановцы при поддержке местных кулаков окружили запершихся в духовном училище большевистских руководителей во главе с А. Д. Вихаревым и после суточного штурма сожгли здание вместе с его защитниками. Это произошло 16 августа 1918 года.

Военные действия на юге губернии вызвали ответную реакцию со стороны губернских властей. Чрезвычайный военно-революционный штаб и губком большевиков развернули военное обучение трудящихся. Из большевиков, комсомольцев, рабочих и деревенской бедноты был сформирован второй батальон 19-го Уральского полка под командованием И. В. Попова и Я. Урановского. Этот батальон разбил белых под Лебяжьем 17 августа, а на следующий день освободил Нолинск, защищал Котельнич, участвовал в ликвидации степановских отрядов. Помощь батальону оказывали суда Волжской речной флотилии, Полтавский стрелковый полк, вооруженные формирования из соседних губерний. Полтавский полк под Шурмой разбил степановцев. Утром 20 августа 1918 года красноармейцы заняли Уржум.

Для ликвидации ижевско-воткинского мятежа из губернского центра были посланы третий батальон 19-го Уральского стрелкового полка, полк им. Володарского, третий батальон Новгородского полка, глазовский и чепецкий отряды добровольцев. В сентябре 1918 г. из этих сил была создана 8-тысячная Особая вятская стрелковая дивизия во главе с А. А. Медведевым. Дивизия вошла в состав 2-й армии Восточного фронта. 28 сентября Красная Армия заняла Елабугу, 5 октября — Сарапул, 7 ноября — Ижевск, 13 ноября — Воткинск. В середине ноября 1918 г. силы белогвардейцев и кулацких мятежников на территории губернии были ликвидиро-

ваны, красноармейцы пошли на восток России. В очищенных от белых уездах и волостях создавались военно-революционные комитеты, комитеты бедноты и большевистские партячейки. В губернии было создано почти 16 тысяч сельских и волостных комитетов бедноты, которые осуществляли директивы советской власти на местах, в первую очередь они обеспечивали всем необходимым Красную Армию. Первый натиск контрреволюции был отбит. В губернии наступила мирная пауза.

Однако в Глазовском, Слободском, Вятском и других уездах не прекращалась антисоветская агитация, связанная прежде всего с проблемой комплектования Красной Армии. Основным источником ее пополнения было крестьянство. В соответствии с планом всеобщей военной мобилизации, составленным центром, во второй половине 1918 года в армию было отправлено 61673 бойца и унтер-офицера, создано 169 военных отрядов, что было меньше установленных заданий.

Не выполнялись также планы продовольственной разверстки. Губерния, богатая хлебом, получила задание собрать 15 млн. пудов продовольственного и столько же фуражного зерна. Комбеды и продотряды в период с 1 августа 1918 года по 1 апреля 1919 года поставили только 7,9 млн. пудов зерна и муки.

Удачнее проходила конфискация помещичьих и кулацких земель, инвентаря и скота. Тогда же рождаются и первые коллективные хозяйства — коммуны. К февралю 1919 года 2404 крестьянина объединились в 51 коммуны.

С большим трудом шел сбор налогов. В октябре 1918 г. был установлен чрезвычайный революционный налог. Сумма его для губернии составляла 300 миллионов рублей. Но к 20 февраля 1919 года было собрано только 105 млн. рублей. Зажиточное крестьянство, лишившись собственности, проникало в налоговые комиссии, в комитеты бедноты, в советские органы, вело подрывную работу, стремилось спровоцировать недовольство середняцкой массы.

После III губернской партконференции большевиков (13—18 декабря 1918 г.) переход к политике военного коммунизма был завершен. Вся полнота власти в губернии передавалась в руки партийных органов и большевистских Советов, введена всеобщая трудовая повинность. Срывы заданий по военной мобилизации и мобилизации продовольственных ресурсов карались по законам военного времени.

В конце 1918 года возникла новая угроза: со стороны Архангельска надвигались войска интервентов; колчаковцы, заняв Пермь, рвались к Вятке, чтобы соединиться с ними. В губернию была эвакуирована Уральская областная Чeka, которая начала осуществлять красный террор. 5 января 1919 года в Вятку прибыла партийно-следственная комиссия из Москвы в составе Ф. Э. Дзержинского

и И. В. Сталина, которая расследовала причины сдачи Перми. Был укреплен тыл 2-й и 3-й армий за счет Вятского батальона войск ВЧК, Вятского лыжного батальона, воинских частей Ярославского военного округа, дополнительных мобилизаций населения.

19 января 1919 г. в г. Вятке был создан военно-революционный комитет, который возглавил председатель Уральского облсовета А. Г. Белобородов. Такие же комитеты назначены в прифронтовые уезды и на крупные предприятия. Ревкомы сразу же стали проводить массовые мобилизации мужчин на фронт, изымать у крестьян для армии хлеб, фураж и скот, наращивать мощности местных оборонных предприятий. Прошла первая чистка рядов большевистской партии. В большинстве уездов из комбедов изгнаны кулаки, создавались батальоны и полки деревенской бедноты. Усилена политическая работа в массах, в том числе среди нерусских национальностей, которые составляли четверть населения губернии. В феврале—марте 1919 года комбеды были слиты с Советами. Прошли перевыборы в сельские и волостные Советы, бедняки и середняки заняли в них большинство мест.

Весной 1919 года колчаковцы вторглись в Вятскую губернию. Свои силы на севере они направили к верхнему течению рек Камы и Вятки, в центре — к городам Глазову и Вятке, на юге — к низовьям рек Камы и Вятки. После тяжелых боев 10 апреля был захвачен Воткинск, 11 апреля — Сарапул, 13 апреля — Ижевск. Колчаковцы овладели Залазной, Кайгородской волостью Слободского уезда, Афанасьевской и Бисеровской волостями Глазовского уезда. Почти три недели шли бои за Кирс, белым пришлось отступать к селу Бисерово.

Упорное сопротивление на юге губернии колчаковцам оказывала 2-я армия, но 2 мая они взяли Елабугу, в апреле-мае захватили Малмыжский уезд, подошли к Уржуму. На занятых землях восстанавливались дореволюционные порядки, велся массовый террор и грабеж. В Глазовском, Сарапульском и других уездах, дважды переходивших из рук в руки, было убито и искалечено более 22 тысяч человек.

Для предотвращения прорыва колчаковцев к г. Вятке по приказу реввоенсовета 3-й армии Восточного фронта был создан Вятско-Слободской укрепленный район. В него вошли города Вятка, Слободской и Орлов с окрестностями. Вся полнота власти в укрепленном районе перешла к военному совету во главе с В. К. Блюхером, помощником командующего 3-й армии. Началась тотальная мобилизация на фронт мужчин, родившихся в 1890—1899 годах, под ружье поставлена половина коммунистов и комсомольцев губернии. Созданная во главе с И. В. Поповым губернская эвакуационная комиссия начала готовить к эвакуации в центр Ижевский, Воткинский, Песковский, Кирсинский заводы. В городах и уездах при-

фронтовой зоны было введено военное положение. На захваченных белыми территориях создавались партизанские отряды и партийно-комсомольское подполье. В Глазовском уезде партизанский отряд объединял 700—800 человек, возглавил его коммунист Н. Ф. Кузнецов. В апреле—мае в Аркульском затоне была сформирована Вятская военная флотилия из четырех судов, вооруженных артиллерийскими орудиями.

В мае 1919 года части 2-й армии перешли в наступление по всему фронту от верховьев реки Вятки до Вятских Полян. 12 мая они взяли Песковку, 27 мая освободили Елабугу, 3 июня — Сарапул, 7 июня — Ижевск, 11 июня — Воткинск. Правда, 3 июня колчаковцы снова овладели Глазовом, но продержались там только десять дней. Очередная попытка захватить Вятку провалилась. К 20 июня 1919 года территория губернии была полностью очищена от колчаковцев. 3 июля военное положение в Вятском укрепрайоне было снято, штаб его переехал в Пермь. 28 июля губерния перестала быть прифронтовой, хотя остатки белогвардейских отрядов сопротивлялись до конца года.

Не прекращалась борьба и с локальными выступлениями местных контрреволюционных сил. Вятская губчека давала в центр такие сведения: за три года советской власти в 11 уездах губернии произошло 35 антисоветских восстаний, в том числе 19 — в 1918 г., 14 — в 1919 г., 2 — в 1920 г. Причинами их в 17 случаях было недовольство продразверсткой, в 10 случаях — требование созыва Учредительного собрания, 5 восстаний возникли из-за череспословицы, 3 — на религиозной почве. Восстания в основном прошли по югу губернии.

Опустошающим вихрем пронеслась гражданская война по губернии. Заводы и фабрики испытывали острейший дефицит рабочей силы, сырья, механизмов. Пустела деревня. Если в 1912 году на каждые 100 крестьянских хозяйств приходилось по 137 работающих мужчин и 157 женщин, то в 1919 г. число трудоспособных мужчин снизилось до 87, а женщин выросло до 164. Нападению и разграблению подверглись хлебородные уезды губернии. Поэтому в 1919 г. посевные площади уменьшились на 38% к довоенному уровню. Резко упала урожайность зерновых культур, снизилось поголовье рабочего скота.

Для восстановительных нужд центр выделил губернии более 5 млн. рублей. Сюда прибыла комиссия во главе с редактором «Известий» Ю. М. Стекловым и агитпароход, на котором находилась Н. К. Крупская. По заданию ЦК РКП(б) они вели партийно-политическую работу. Революционные комитеты были упразднены, в волостях, уездах и губернии вся власть передана партийным комитетам большевиков. Вводились в строй заводы и фабрики,

открывались учебные и культурно-просветительские учреждения. Появились и стали нормой жизни коммунистические субботники.

Основной задачей руководства губернии оставалось проведение продразверстки, значение которой усилилось растущим голодом во многих районах России. В 1919 г. было установлено задание заготовить 13,5 млн. пудов зерна, четверть которого должна была идти в семенной фонд. Жесткие военные методы заготовок позволили собрать 13 млн. пудов хлеба.

Страна нуждалась и в топливе, а губерния располагала большими запасами леса. Заготовка дров была приравнена к военному заданию. Из 12,3 млн. кубометров, заготовленных в России в 1919 г., почти 2,3 млн. кубометров дала Вятская губерния.

Продолжалась мобилизация военнообязанных на Южный фронт, на борьбу с Деникиным. В 1919 году прошли три губернских съезда работников и крестьянок. Регулярно проводились губернские партийные конференции. Ликвидировались остатки мелкобуржуазных партий. Раскрыты и обезврежены контрреволюционные заговоры в Ижевске и Уржуме. Все коммунисты до 23-летнего возраста были обязаны вступить в комсомол, работать в молодежных, кооперативных, женских, профсоюзных и других организациях.

С особым вниманием большевики следили за политической ситуацией в губернии. Сводки о политическом климате на крупных предприятиях, в воинских частях, в уездах и городах местные отделы ВЧК передавали в вышестоящие органы два раза в месяц и даже чаще. Вот одно из типичных донесений, в нем идет речь о политической обстановке в Орловском уезде на 9 апреля 1919 года: «Отношение зажиточного населения к советской власти враждебное, недоброжелательное. Со стороны бедного класса — сочувственное, безразличное. Отношение масс к событиям на фронте — внимательное. Настроение населения — тревожное. Причины: тревожные слухи о событиях на фронте, чрезвычайный и натуральный налоги, военная мобилизация, трудовая и продовольственная повинность. Контрреволюционных выступлений по уезду не было».

В хозяйственном строительстве продолжала осуществляться политика военного коммунизма. Повсеместно внедрялись сверхурочные работы, безвозмездные субботники, недели и месячники революционного труда, трудовые мобилизации на лесоповал, на железнодорожные, сельскохозяйственные и другие работы.

Вятская губерния оказывала помощь в борьбе с Врангелем, Западному, Южному и другим фронтам. Туда направлялись денежные средства, вещи, продукты. Только рабочие Ижевска собрали для бойцов Западного фронта более 1 млн. рублей. Получали поддержку также семьи красноармейцев, которых в 1920 г. в деревнях проживало почти 214 тысяч. Им было выделено 150 млн. рублей государственных средств. На восстановленных заводах рос

выпуск военной и гражданской продукции. Хозяйственным строительством занялся созданный губсовнархоз под председательством коммуниста М. Н. Коковихина.

Многие уезды губернии в 1920 г. поразила засуха. Тысячи горожан были отправлены на спасение урожая. Однако государственные заготовки хлеба составили на конец ноября только 7,7 млн. пудов. Начался голод. Он охватил в основном жителей северной половины губернии.

По переписи 1920 г., больше 69% населения губернии было неграмотным. Началась реорганизация школ. Открывались школы I и II ступеней. Создавались детские дома для сирот, детские сады и ясли, которых до революции не было. В 1918 г. Вятский учительский институт преобразован в институт народного образования, возникло первое в губернии высшее учебное заведение. На базе учительской семинарии создан педагогический техникум. Открылся ряд краткосрочных курсов по подготовке и переподготовке работников образования. В Уржуме при сельхозучилище в ноябре 1920 г. создана народная сельскохозяйственная академия.

Множилась сеть культурно-просветительных учреждений. В конце войны в городах и селах работало 699 библиотек, почти 2 тыс. изб-читален, клубов, народных домов, театров и кинотеатров, 24 музея. В губернии проводилось множество партийных и непартийных конференций рабочих, крестьян, женщин, молодежи. В ходе очередной перерегистрации большевиков (вторая половина октября — конец ноября 1920 г.) было исключено из партии более 2 тыс. человек. На конец 1920 г. в губернии насчитывалось 7299 коммунистов. В октябре этого года партийные кадры начал готовить Вятский рабоче-крестьянский университет. Профсоюзы объединяли 120 тыс. человек.

Гражданская война нанесла большой урон населению и хозяйству губернии. Вместе с тем она на первый план выдвинула вопрос о власти, организаторскую работу по ее укреплению. Годы войны показали, что декларация I губернского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от 5 января 1918 года о том, что советская власть является «настоящим хозяином губернии», оставалась на бумаге.

Во всех органах руководства после разгрома левых эсеров все больший вес приобретали большевики. Они становились главной и единственной правящей силой. В условиях гражданской войны сложилась и на многие годы установилась четкая структура партийных органов. Работу партийцек объединяли в городах районные и городские партийные комитеты, в деревнях — волостные. Во главе районных и волостных комитетов стояли уездные комитеты партии. В соответствии с административным делением губернии к осени 1920 г. насчитывалось 13 уездных комитетов: Вятский, Глазовский,

Елабужский, Котельничский, Краснококшайский, Малмыжский, Нолинский, Орловский, Слободской, Советский, Сарапульский, Уржумский и Яранский. Кроме того, уезды были разделены на 111 районов, во главе их стояли районные партийные организаторы. В крупных организациях и на крупных заводах создавались партийные комитеты. Партиячейками предприятий Северо-Вятского горного округа руководил окружком партии. На вершине партийного олимпа находился губернский комитет партии большевиков.

Г. Г. ЗАГВОЗДКИН

ПОД ЗНАКОМ СЕРПА И МОЛОТА

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Непросто складывались отношения в период перехода от войны к миру. Восстановление разрушенного хозяйства сопровождалось борьбой с контрреволюционными силами. Первый мирный год большевистской власти, 1921-й, как и последующие, был отмечен постоянными всплесками антисоветских выступлений. За первую половину этого года милиция раскрыла контрреволюционную организацию в г. Слободском и 40 вооруженных формирований в других местах губернии. За это время совершено 177 убийств, 28 поджогов, около 4 тысяч краж. Было арестовано 3652 человека.

До сих пор не известно, сколько вятчан погибло в гражданской войне и за период иностранной интервенции. Об этих потерях можно лишь догадываться.

Слабая дореволюционная экономика губернии была основательно подорвана империалистической и гражданской войнами. За 1913—1920 гг. выпуск продукции на 226 действующих фабриках и заводах уменьшился на 47,8%. Разруха, дефицит сырья, изношенность оборудования, отлив рабочих в деревню углубили кризис в обувной, добывающей, бумажной, кожевенной и спичечной отраслях промышленности.

В упадке пребывало сельское хозяйство — основная отрасль экономики губернии. В 1920 году сбор зерна составил менее половины, а поголовье скота — чуть больше половины довоенного уровня. В сельском хозяйстве преобладало раздробленное частновладельческое производство. Сельскохозяйственный кризис повлек за собой продовольственный кризис. Кризисы усугубились засухой, поразившей ряд уездов губернии в 1920 году. Несмотря на эти обстоятельства, у вятских крестьян государство изъяло в том году свыше 9,5 млн. пудов хлеба. План продразверстки был выполнен на 97%.

Население продолжало выражать недовольство ее тяжестью,

и число недовольных росло. В мирных условиях крестьяне не хотели отдавать государству все, ничего не получая взамен. Продовольственного пайка не хватало рабочим, служащие его и вовсе месяцами не получали. Цены на товары быстро росли. В северной части губернии в начале 1921 г. за один пуд муки брали до 120 тыс. руб., за пуд соли — до 140 тыс. руб., за пуд картошки — до 20 тыс. руб. Цена фунта масла доходила до 13 тыс. руб. Голодные бунты весной 1921 г. прокатились почти по всем южным и центральным уездам губернии.

Основным инструментом восстановления хозяйства и общественного порядка в послевоенное время стала разработанная в 1921 г. новая экономическая политика (НЭП). Новая система экономических и политических мероприятий была направлена на создание материальной заинтересованности крестьянства в развитии сельскохозяйственного производства как базы восстановления промышленности и подъема уровня жизни людей. Продразверстка заменялась продналогом, разрешались свободная торговля, аренда земли, небольших предприятий, наем рабочей силы, вводился хозрасчет, предусматривались другие новшества.

Введение нового курса сопровождалось агитационно-массовой работой. В первой половине 1921 года повсеместно проводились собрания, митинги, конференции, агитнедели и месячники пропаганды. С 17 по 19 июня в губернии находился агитационно-инструкторский поезд «Октябрьская революция». Возглавивший его председатель ВЦИК М. И. Калинин выступил с речами на стадионе «Динамо» г. Вятки, перед крестьянами сел Бахта, Кстинино, в Вятском лединституте.

Осуществление нэпа сдерживалось рядом трудностей. Одной из главных была слабость аппарата партийных и советских органов. Военные годы уменьшили и ухудшили состав управленческих кадров. С 15 августа по 1 декабря 1921 г. была проведена очередная чистка партийных рядов. Из членов партии исключено 1408 человек — 29,4% состава губернской парторганизации. Вслед за чисткой партии провели перерегистрацию членов профсоюзов и комсомол. Актив советской власти стал еще уже. К середине 1924 г. из 239 волостей Вятской губернии 80 не имели коммунистических ячеек. Один коммунист в благополучных уездах приходился на 1500 человек. Комсомольцев на всю губернию было 3,3 тыс., членов профсоюзов — более 50 тыс. Партийные комитеты комплектовались в основном демобилизованными красноармейцами. В сельские и волостные Советы летом 1922 г. было избрано почти 9 тыс. крестьян. Большинство руководящих работников не имело навыков хозяйственной работы, преобладал административно-командный стиль руководства.

Фактически заново формировались многие государственные,

финансовые, налоговые и другие службы. В феврале 1922 г. открылось Вятское отделение Госбанка РСФСР. Бюджет губернии на 1923 год впервые был составлен при участии вновь созданной плановой комиссии (губплан), появились контролирующие ведомства.

Основной задачей руководящих органов стало вовлечение населения в кооперативы. Создавались сельскохозяйственные, кустарно-промысловые, кредитные, потребительские и другие объединения. Разными видами непроизводительной кооперации к концу 1925 г. было охвачено от 6 до 18% хозяйств губернии. Кооперативы осуществляли ссудно-снабженческие, сбытовые операции. При их содействии в 1924—25 гг. были построены первые сельские электростанции: в Вятском уезде — Вожталевская, в Яранском — Кикнурская, в Нолинском уезде — Перевозская и Ухтымская.

Низкая покупательная способность населения, высокие цены на промышленные товары ослабляли кооперативное движение. Попытка наладить прямой товарообмен между городом и деревней не удалась. У кооперативов было мало средств, крестьяне же припрятавали сельхозпродукцию, продавали ее на «черном» рынке. По этим причинам товарообмен стал заменяться торговлей, обыкновенной куплей-продажей.

Центр тяжести в работе органов управления с весны 1921 г. перемещался на сбор государственных прямых налогов с населения: продовольственного, подворно-денежного, трудгужналога. В 1923 г. они были объединены в единый сельскохозяйственный налог.

Особенностью первой продналоговой кампании было то, что из-за неурожая южные уезды были освобождены от продналога, его платили лишь северные. При этом размеры продналога по ржи были выше размеров продразверстки, не соблюдался принцип дифференциации крестьян, взимался налог путем репрессивных мер. За неуплату его только в 1922 г. было арестовано 8056 человек, предано суду — 3474, а 90 человек судил революционный трибунал. У неплательщиков забирали лошадей, другой скот. Ужесточением мер государство наращивало поступления в казну. В 1921 г. план по продналогу в губернии был выполнен на 67%, в 1922 г. — на 81,3%, в 1923 г. — на 87%, в 1924 г. — почти на 98%. Недоимки составляли сотни тысяч пудов сельхозпродукции. Продналог, как и продразверстка, вызывал у крестьян негативное отношение к советской власти.

При переходе к нэпу менялась система управления промышленностью, главки заменялись трестами. В 1922 г. были созданы три треста, подведомственных губсовнархозу, — бумажно-полиграфический, спичечный и химдревтрест, а также три треста центрального подчинения — металлургический, кожевенный и лесной. Проводились национализация и концентрация производства, на предприя-

тиях внедрялся хозрасчет. В середине 1924 г. 69,5% предприятий принадлежало государству, 18% — кооперативам, 12,5% мелких предприятий оставалось в руках частных предпринимателей.

Эти меры позволили в 1922 г. полностью восстановить Вятский лесопильный завод, в сентябре того же года — спичфабрику «Красная звезда» (бывшая фабрика Сапожникова), текстильную фабрику «Красный труд» (бывшая — Булычева). В марте закончилось строительство железной дороги Вятка—Слободской, начато строительство железной дороги Котельнич—Нижний Новгород. Немного улучшались грунтовые дороги. Возрождались кустарные промыслы: смолокурение, производство саней, телег, колес, скипидара, домашней утвари и другие.

Ужесточалась дисциплина на предприятиях. Например, рабочих, совершивших кражи, лишали свободы на срок до трех лет. Эта мера действовала до середины 1924 года. Затем она была заменена увольнением с работы, что в условиях безработицы было также тяжелой карой. Число безработных в губернии к концу 1922 г. выросло до 4,8 тысячи человек, причем помощь от новой власти (пособия, пайки, обеды) получили только 600.

Работникам бюджетной сферы зарплата дифференцировалась тарифной сеткой. Оплата труда неоднократно повышалась. В ноябре 1922 г. среднемесячная зарплата рабочих составила 55—56 млн. рублей. В условиях высокой инфляции эта сумма была ничтожной. Вводилось натуральное премирование. Если в 1923—1924 гг. реальная зарплата рабочих местной промышленности выросла в среднем на 92%, то производительность их труда поднялась на 38%. Квалификация рабочих была низкой. Промышленность восстанавливалась медленно.

В 1921 и 1922 годах губернию охватил голод. Главной причиной стала засуха. Валовой сбор зерна составил третью часть сбора 1913 года. Только в пяти неурожайных уездах к апрелю 1922 г. голодало почти 764 тыс. человек, в том числе 396 тыс. детей. Третья часть населения губернии была вынуждена заменять хлеб различными суррогатами. Голод породил волну оттока городских жителей в деревню. Начали распространяться болезни. К концу 1922 г. эпидемия тифа поразила почти 11 тыс. человек, смертность по сравнению с предшествующим годом удвоилась. Вместе с тем из-за нехватки средств закрылись все фельдшерские пункты в Слободском уезде, 7 пунктов — в Малмыжском...

В губернии, уездах и волостях были созданы комиссии помощи голодающим. Они вели учет и распределение продовольственной и денежной помощи, собирали пожертвования. Голод 1921 г. поразил 34 губернии России, поэтому на помощь извне рассчитывать не приходилось. На местах проводились недели помощи голодающим, создавались столовые и питательные пункты, разда-

вались пайки. Для этого требовались деньги, а их не хватало. Поэтому Советы начали изымать церковные ценности. Против этой меры выступили крестьяне сел Сметанино и Кувшинское Яранского, Поджорново Слободского, ряда селений Уржумского и Омутнинского уездов.

Последствия голода были трагичны. Умерли десятки тысяч людей, без лошадей и скота осталось около 100 тыс. крестьянских хозяйств, распространились воровство и упаднические настроения. Весной и осенью 1922 г. сократились посевные площади: не хватало семян. Бедняцкие хозяйства засеяли только половину своих участков, земля пустовала, хотя на возделанных полях урожай был хорошим.

Картина жизни вятчан оставалась печальной. Об этом свидетельствует краткая характеристика Кикнурской волости начала 1924 года. В селе Кикнур имелись агрономический, ветеринарный и медицинский пункты, несколько контор, отделы милиции, нарсуда, народный дом, библиотека, изба-читальня, церковь и три школы. Учителей не хватало, профессионализм их был низок, как и уровень грамотности населения. В близлежащих деревнях Н. Щербаш, Зобенки, Светлаки и Огородники крестьяне ничего не знали о партии, политпросветработе, о смерти В. И. Ленина. Знали только о продразверстке, кооперацию оценивали отрицательно. Аппарат управленцев был далек от мужика, не оказывал ему помощи, подавал пример бесхозяйственности — в конторах грязь, холод, разбитые окна...

Более развитыми с экономической и политической сторон были зажиточные крестьяне. По свидетельству современника, некий кулак Павел Миронович держал в своих руках всю округу д. Зобенки в радиусе 12 верст, требовал от властей твердых законов, ездил в Астрахань за товаром, имел большой оборот капитала, эксплуатировал бедняков. «Беднота же забита, пассивна. Живет своей полосой, двором, овином, стихийно приспосабливается к рынку. Сходку считает своей повинностью, а не необходимостью. В семьях царит патриархат. Девушек выдают замуж за незнакомого жениха за 15—20 верст». Новыми явлениями в крестьянской среде стало безбожие молодежи, повысился интерес бедняков к периодической печати.

Свое отношение к политике крестьяне выражали в народном творчестве. Вот некоторые частушки, сочиненные жителями Кикнурской волости в 1920—1924 годах.

На печи кирпичи, на полатах — доски.
Огородницу Анюту дотрясли до крошки.

Всю «милицу» — в рукавицу, Красну Армию — в карман.
Беспартийных окаянных обдерем на барабан.

Раньше я был чеботарь, подбивал подметки.
А теперь я комиссар, езжу на пролетке.

Я на бочке сижу, а под бочкой мышка.
Скоро белые придут, коммунистам — крышка.

Как у наших у ворот комиссар быка дерет.
Он за то его дерет — без документов идет.

Комсомольца полюбить — надо измениться:
Крест на шее не носить, Богу не молиться.

Всех попов арестовали и забрали всех икон.
Их за то арестовали, что неправильный закон.

Коммунисты часто ходят на высоких каблуках,
Дезертиров отправляют на позицию в лаптях.

Годы нэпа отмечены внедрением коммунистической символики. Появились повсюду доски почета. Объединенные кожевенные заводы Вятки были переименованы в завод имени Октябрьской революции, кожевенно-обувные — в завод имени Коминтерна, вахрушевские кожевенно-обувные заводы — в завод имени Ленина. С личного согласия В. И. Ленина его имя принял Вятский пединститут. Имена многих лидеров советской власти, названия революционной атрибутики на многие годы утвердились на карте губернии.

Под руководством коммунистов возникали различные добровольные общества. Самыми массовыми были ячейки МОПРа — Международной организации помощи борцам революции. Возникшие в январе 1923 г. (первыми в России), они стали инструментом воспитания пролетарской солидарности. К первой годовщине МОПРа в его Вятском отделении числилось более 30 тыс. членов, через два года их стало вдвое больше. Рабочие губернии шефствовали над политическими заключенными ряда тюрем Германии, Польши, Литвы и к началу 1926 г. собрали более 170 тысяч рублей для оказания помощи иностранным рабочим и революционерам. Вятское отделение МОПРа было создано первым в стране, поэтому Вятку называли «городом МОПРа», а вятчан — «мопровскими пионерами». В январе 1924 г. возникло общество друзей радио. В следующем году появились в губернии первые 47 громкоговорителей, которые могли слушать около 10 тысяч человек. Несколько позднее 28 тысяч энтузиастов объединились в общество Осоавиахим, 4 тыс. — в общество культурной смычки города с деревней.

Осенью 1923 г. губернию, как и страну в целом, поразил кризис сбыта. Цены на сельхозпродукцию были низкими, а на

промышленные товары высокими. Трудящиеся Котельничского, Уржумского и других уездов проявляли недовольство расхождением цен. Товары и продукты скапливались на складах и в амбарах, задерживалась выдача зарплаты, снижались доходы населения.

Весной 1924 г. в стране была завершена денежная реформа, один миллион старых рублей стал равен одному рублю новых денег. В первой половине 1924 г. цены на промышленную продукцию снизились более чем наполовину, а на сельскохозяйственное сырье поднялись на 75—160%. Изменения цен происходили и в дальнейшем. Оживился товарооборот, причем 71% торговых предприятий владели государство и кооперация, остальными — частники. В более выгодных условиях находилась потребкооперация. Кредиты ей выделялись в большем объеме, на более длительные сроки, ассортимент товаров там был шире, а цены ниже. Фунт сахара, например, у частника стоил 45 коп., в кооперации — 35 копеек. Однако сеть торговых точек была мала. Одна лавка приходилась на 2,1 тыс. горожан и на 6,4 тыс. сельских жителей. Низкой была покупательная способность населения, в лавках в расчете на 1 человека покупалось товаров на 26 копеек в год.

С 1924 года в губернии начался некоторый экономический подъем. Бюджет вырос на 40%, а в следующем году — на 130%. Выпуск промышленной продукции к показателю 1913 года составил в 1922 г. — 57%, в 1923 г. — 66%, в 1924 г. — 88%, в 1925 г. — 86%. В 1925 г. были перекрыты уровни довоенного года по выпуску спичек, коженно-обувных и текстильных изделий, стали и чугуна. Производство же бумаги и железа еще значительно отставало. Почти 14 тыс. человек трудились на 197 предприятиях. Мелкие предприятия закрывались или объединялись. Число безработных снизилось до 3 тыс. человек. Прибыль промышленности превысила один миллион рублей. Все это говорило о том, что в промышленности заканчивался восстановительный период.

Рост обозначился и в сельском хозяйстве. Яровыми и озимыми культурами засевалось в 1920 г. 75% площадей от уровня 1916 г., в 1922 г. — 59%, в 1923 г. — 69%, в 1924 г. — 87%, в 1925 г. — 89%. Валовая продукция сельского хозяйства в 1925 г. достигла 87% довоенного объема. Тенденция к увеличению наметилась и в животноводстве: за исключением лошадей, росло поголовье скота. Четыре пятых посевных площадей занимали рожь и овес. Росли посевы льна, конопли, посадки картофеля. Самыми слабыми отраслями по-прежнему были птицеводство, пчеловодство, травосеяние, огородничество и садоводство.

Вятская губерния оставалась глухим местом России. На пять квадратных верст приходилось 2—3 селения. В отличие от крестьян других регионов страны вятские не стремились к хуторской системе хозяйствования. В 1917—1924 гг. на хутора и отруба переселились

только 2% крестьян губернии. При абсолютном доминировании частных крестьянских хозяйств набирала силу сельскохозяйственная производственная кооперация. Коммуны, артели, товарищества по совместной обработке земли (ТОЗы), мелиоративные и машинные товарищества стали появляться еще в период гражданской войны.

Многие годы показательным коллективным хозяйством губернии была Обуховская сельскохозяйственная коммуна, созданная в апреле 1919 г. в селе Липово Яранского уезда (ныне Пижанский район). Вначале объединились 5 хозяйств — 21 трудоспособный человек, 4 лошади, столько же сох и борон. В 1925 году в коммуне состояло 40 трудоспособных членов, имущество ее выросло в пять раз. На коллективном поле работали жатки, молотилки и даже трактор «Фордзон». Была своя мельница, велись гончарный, валяный и рыбный промыслы. Коммуна получала большие кредиты, сортовые семена, агрономическую помощь. Организовал коммуны крестьянин Иван Иванович Обухов.

К концу 1925 года в губернии было 12 коммун и 45 сельхозартелей. В них входило чуть больше 2 тыс. человек, обрабатывалось 3,5 тыс. десятин пахотной земли. Всеми видами кооперации (включая непродовольственную) было охвачено 122909 хозяйств — почти 31% общего количества хозяйств губернии.

Пожалуй, главным итогом новой экономической политики было расслоение крестьянства. Основной фигурой в деревне стал середняк. Рост числа кулаков опережал рост числа бедняков. За 1922—1925 гг. численность безлошадных хозяйств в губернии снизилась на 7%, бескоровных — на 36%, беспосевных — на 41%. В то же время число трехлошадных хозяйств выросло на 150%, трехкоровных — на 538%, хозяйств, имевших свыше 6 десятин земли, — в три раза. В конце 1925 г. в губернии насчитывалось 11 тысяч батраков. В общей численности крестьян бедняки (имели до 2-х десятин земли) составляли 23,5%, середняки (2—8 десятин) — 73%, кулаки (более 8 десятин земли) — 3,5%. Бедняки давали 10% сельхозпродукции, кулаки — 9%, середняки — 81%.

Количественный рост кулачества в губернии был незначительным, качественный рост более очевиден. Эти хозяйства крепили за счет наращивания численности домашнего скота, обзаведения мельницами, маслобойками, торговыми точками. Доходность их росла и позволяла обзаводиться также техникой, нанимать рабочую силу. Типичный пример. Кулак Юмской волости Карп Некрасов имел мельницу, 50 голов крупного рогатого скота. За размол зерна он брал с бедняков сеном, привлекал их к отработке в своем хозяйстве.

В Вятской деревне первой половины 20-х годов господствовали малоземелье, узкополосица и чересполосица. Расстояние от дома до полосы доходило до 12 верст, а до сенокоса — до 40 верст.

Многопольные севообороты и землеустройство только начали внедряться. Техническая оснащенность деревни была крайне низкой. Большой и недоступной для большинства крестьян роскошью были железные бороны и молотилки, конные приводы и клеверотерки, веялки и льномялки. В 1925 г. в губернии появились первые три трактора. Только пятая часть хозяйств имела свой плуг, свою сортировку. Одна сеялка приходилась на сто хозяйств. Причем большая часть плугов (68%) и других сельхозорудий принадлежала кулакам. Плуг имел лишь каждый пятый середняк и 7 из ста бедняков.

Слабым было кредитование сельского хозяйства. В 1924—1925 годах на один крестьянский двор приходилось в среднем по 6 рублей, на кооперативное хозяйство — по 28 рублей кредитов.

Определенные изменения произошли в социальной сфере, прежде всего в образовании. В 1916 г. в губернии работало 1678 школ всех типов, в 1925 г. — 1100. Сокращение связано с закрытием церковно-приходских, епархиальных, духовных и других, как тогда говорили, «вредных для революции» школ. В то же время на 30% выросла сеть школ для национальных меньшинств, в которых обучалось 4 тыс. человек. Нагрузка на одного учителя увеличилась с 37 (1916 г.) до 41 (1925 г.) учащегося. За эти годы охват детей обучением снизился с 63% до 51%. Хотя затраты на образование ежегодно росли, зарплата работников просвещения оставалась маленькой. В 1922 г. она составляла всего 12% прожиточного минимума. Для сравнения — у деревообработчиков она достигала 81% прожиточного минимума. Социальные сферы жизни финансировались по остаточному принципу.

Большая часть выделявшихся на образование средств шла на организацию курсов и пунктов по ликвидации неграмотности. К началу 1923 г. среди взрослого населения губернии писать, читать и считать не умели более 600 тыс. человек. В 1924 г. действовало 25 «ликпунктов» в городах и 471 — в селах. В них обучалось около 25 тыс. человек 14–30-летнего возраста. За каждого обученного элементарным знаниям учащегося учителям платили по 1–1,5 рубля. С 1 января 1924 г. в губернии начал издаваться журнал «Путь просвещения». Общая численность просветительских учреждений в 1924 г. составила 3829. Из-за нехватки денег редкой оставалась сеть библиотек, клубов, народных домов, изб-читален.

Отставало от потребностей развитие здравоохранения. За 1913—1925 гг. количество лечебных учреждений увеличилось всего на 2%. К концу 1925 г. действовали 51 больница и чуть больше 100 фельдшерских и других медпунктов. На всю губернию приходилось 137 врачей и 650 работников среднего медицинского персонала.

В годы нэпа появились новые и углубились старые социальные болезни. Стали слабеть религиозные настроения людей. Это

было следствием массовой атеистической пропаганды. В Лемской волости Нолинского уезда до войны в рождественские праздники посещало церковь по 400—500 человек, в 1925 г. число прихожан снизилось до 60—70 человек. Вместе с тем тяга к вере была еще довольно сильной. В 1926 г. почти 82% деревенских большевиков имели в избах иконы и совершали религиозные обряды. Росли в те годы хулиганство, воровство, другие антиобщественные явления.

Самой распространенной болезнью общества оставалось пьянство. Продажа алкоголя являлась монополией государства, важнейшей статьёй его дохода. До революции самодержавие ежегодно получало от продажи водки 800 млн. рублей прибыли, что составляло четвертую часть доходов государственного бюджета. Советское правительство пошло по этому же пути. Водка продавалась повсеместно по цене 1 р. 75 коп. за бутылку. Дорого. Вятские крестьяне на эти деньги покупали более двух пудов муки и, вступая в конфликт с законом, выгоняли 1,5 ведра самогона.

В годы великих социально-политических и экономических экспериментов спаивание народа является средством отвлечения его от тягот и невзгод жизни, которые мощным прессом ложатся на плечи трудящихся. Так было всегда. Не случайно в секретной телеграмме зам. председателя ВСНХ СССР Пятаков в ноябре 1926 г. требовал от губернского руководства Вятки, чтобы большая часть водки (85%) продавалась в деревне. До этого 31% ее реализовывали в городах и 69% в сельской местности. Пьянство, говорилось в отчете Вятского губкома Центральному Комитету партии в июле 1923 г., поразило «большинство руководящих работников укомов и уисполкомов». По данным выборочного обследования, проведенного в 1926 г., около 70% сельских коммунистов выпивало.

Не менее опасной болезнью оставалась бюрократизация управления. Росла численность его органов, громоздкой была их структура, разбухали штаты. Заседательская суеда и бумаготворчество все больше заменяли живую работу с населением. В 1925 г. вопрос о сельхозорудиях для крестьян проходил в центральных органах в Москве через 88 инстанций. В Вятском губземуправлении жалобы крестьян проходили через 20 инстанций в течение трех месяцев. Аппарат отрывался от народа.

Одной из причин бюрократизации органов управления являлся низкий образовательный и профессиональный уровень руководящих кадров. Основными критериями их подбора являлись рабочее или крестьянское происхождение, принадлежность к партии, участие в революции. В 1925 г. заместителем председателя губисполкома работал Степан Аверьянович Шмаков. Из крестьян, родился в селе Тушка Рожкинской волости Малмыжского уезда. Был выдвинут на эту должность с поста председателя сельсовета. Бывшие крестьяне руководили отделами землепользования, финан-

сов, здравоохранения, образования и др. В местных органах они имели большинство должностей. Ответственной работой занимались, как тогда говорили, выдвиженцы.

Таким образом, послевоенный восстановительный период сопровождался перестройкой жизни губернии на основе новой экономической политики. Ленинский эксперимент в губернии проходил своеобразно. Свобода торговли, предпринимательства, стимулирование частного сектора и другие основы нэпа не получили широкого развития ни в сельском хозяйстве, где произошло лишь осереднячивание крестьянства, ни, особенно, в промышленности. Вятская губерния, как и до революции, оставалась отсталой аграрной частью России.

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ

В декабре 1925 г. XIV съезд ВКП(б) провозгласил курс на индустриализацию страны. На этой основе ставилась задача создать материально-технический фундамент социализма, превратить страну из аграрной в индустриальную. Существо индустриализации состояло в преимущественном развитии тяжелой промышленности и ее сердцевины — машиностроения.

К новому социально-экономическому эксперименту отставая Вятская губерния не была готова, не имела необходимых средств. В 1925—1926 хозяйственном году (хозяйственным годом считался тогда период с октября текущего до октября последующего календарного года) в губернии имелось 181 предприятие. На них трудилось 14095 рабочих. Государственному сектору принадлежало почти 62% предприятий, кооперативному — 24%, частному — 14%. Республиканское значение имели Кожтрест, Севвостлес и Северо-Вятский горнозаводской округ. Последние два объединения дали в том году почти 3,5 млн. рублей убытка. Прибыль в сумме 3,6 млн. рублей была получена от предприятий Кожтреста и местной промышленности. Кирсинский, Климковский и Песковский заводы, входившие в горнозаводской округ, были законсервированы. На всех предприятиях тяжелой промышленности (металлургия, химическое производство, машиностроение) трудилось только 2,2 тыс. человек. По объемам валовой продукции ведущее место в губернии занимали отрасли легкой промышленности: кожевенная, спичечная и бумажная.

Самой распространенной являлась мелкая кустарная промышленность. В губернии насчитывалось 112 тыс. некооперативных кустарей. Они производили 100% древесного спирта, 95% валяной обуви, 82% кирпича, 48% выделанных овчин, другую

продукцию. В основном кустари работали на розничный и мелко-оптовый рынок.

Губерния располагала большими запасами природных ресурсов. Лес покрывал 60% ее территории. Месторождения железной руды залегали на 610 тыс. гектаров, фосфоритов — на 180 тыс. гектаров. Запасы горючих сланцев составляли 6 млрд. тонн. Имелись большие запасы торфа, некоторых других полезных ископаемых, практически неограниченные гидроресурсы. Все это природное добро использовалось слабо. В начальной стадии находилась электрификация. На начало 1926 года действовало 3468 механических двигателей и 2500 ветряных мельниц общей мощностью 48 тыс. лошадиных сил.

Неразвитой была транспортная сеть. На территории губернии общая протяженность пересекавших ее железных дорог составляла 668 километров. Имелось лишь 119 километров шоссейных дорог. Ощущалась острая нехватка материальных и финансовых ресурсов. Отсутствовал опыт крупного промышленного строительства. В 1926—1927 гг. в промышленности работало всего 28 инженеров.

По этим и другим причинам в губернии поначалу не намечалось строительство крупных объектов индустрии. Главными задачами первого периода индустриализации стали накопление средств, реконструкция и расширение имевшихся предприятий. Такая перестройка в 1926—1927 гг. была проведена на спичфабрике «Красная звезда», 27 ноября 1927 г. пущены в эксплуатацию ее новые цехи. Новым оборудованием оснащались меховая фабрика «Белка», кожзавод им. Октябрьской революции, лесозавод № 1, бумажная фабрика «Красный курсант», текстильная фабрика «Красный труд», предприятия Кожтреста.

Средства для индустриализации вначале искали внутри производства — путем повышения производительности труда, укрепления дисциплины, рационализации производства, жесткого режима экономии. Использование всех этих и других источников позволило в 1926—1927 гг. вложить в промышленность 2,7 млн. рублей, из которых 1,4 млн. руб. было получено за счет режима экономии. Но средств все-таки не хватало. Государство стало в 1927—1929 годах вводить в практику внутренние займы. Осуществлялись они добровольно-принудительным порядком. Трудящиеся губернии купили облигаций на 7,2 млн. рублей. Займы резко сократили сумму личных сбережений вятчан. В 1927 г. она составила только 1 млн. руб. (в 1913 г. — 23 млн. руб.). Постепенно основным источником средств для индустриализации становится выкачивание финансовых, материальных и людских ресурсов из деревни. Эти ресурсы направлялись в государственную и кооперативную промышленность, что позволяло быстро наращивать темпы ее развития, обес-

печивать победу социалистического сектора над частнокапиталистическим.

В 1927—1928 гг. партийные и плановые органы разработали первый пятилетний план развития народного хозяйства губернии. В промышленность намечалось направить 156 млн., в сельское хозяйство — 64 млн. рублей капиталовложений. Однако впоследствии план неоднократно подвергался корректировке, т. к. выполнение его шло очень трудно.

С 1929 года стала строиться железнодорожная ветка Яр—Фосфоритная, которая позволяла развить омутнинские металлургические заводы, добычу фосфоритов на Верхнекамском месторождении. Началось возведение фабрики учебных пособий и подошвенного завода в г. Вятке, предприятий стройиндустрии и деревообработки в городах Вятке и Котельниче. Реконструировался Белохолуницкий машиностроительный завод, строились электростанции в Вятском районе. Началась кооперация кустарной промышленности. В 1929 г. в капокорешковом промысле было объединено 79% кустарей, в мебельном — 61%, в производстве стройматериалов — 9%, металлоизделий — 8%. Из жилой избы или бани кустарные промыслы перемещались в общие мастерские. Осенью этого года образовался Вятский промсоюз (16 тысяч кустарей), который имел две фабрики валяной обуви — «Пятиугольник» в Нолинске и «Красный валенщик» в Советске и скорняжно-меховую фабрику «Жеребок» в Слободском. Кооперированных кустарей государство обеспечивало сырьем, организовывало сбыт продукции.

Рост строительства промышленных объектов увеличил численность рабочего класса. К концу 1927—1928 гг. она составляла 26,6 тыс. человек, в том числе на предприятиях группы А — 18,9 тыс., группы Б — 7,7 тыс. Наблюдался острейший дефицит технических кадров. Потребность в специалистах покрывалась только на 20%, а в квалифицированных рабочих — на 25%. Неквалифицированную рабочую силу, в основном путем мобилизаций, заводы, фабрики, стройки, лесопункты получали из деревни. Крестьяне часто не хотели отрываться от родных мест. Работники Иванцевского сельсовета Белохолуницкого уезда жаловались: «Беднота не идет в лес, ей больше нравится изымать у тружеников излишки. А в делянках на лесозаготовках на одного рабочего приходится по два управленца...» Трудовая дисциплина в промышленности была низка. Во второй половине 1926 года на Омутнинском, Песковском, Кирсинском и Белохолуницком заводах прогулы совершал почти каждый третий рабочий.

Быт рабочих не был налажен. В городах продукты питания отпускались по нормам. Жилищное строительство только началось, жили тесно. В 1925—1929 гг. на одного человека в городах Вятке и Омутнинске приходилось 5 с небольшим, в г. Слободском — чуть

больше 6 кв. метров жилой площади. В конце 1927 г. около 100 рабочих-кожевенников завода им. В. И. Ленина жили прямо в отделении завода, в сырости и грязи. С них брали квартплату — по 1 руб. 24 коп. с человека в месяц. Работницы текстильной фабрики «Красный труд» жаловались: «Хорошо живут специалисты и администрация, мы же зарабатываем мало и живем в подвалах».

Индустриализация снижала безработицу. На Вятской бирже труда в ноябре 1927 г. было зарегистрировано 5023 безработных, в 1929 г. — 3936, в начале 1930 г. — 3009. Их обеспечивали низкооплачиваемой работой.

Между тем директивные органы постоянно требовали повышения производительности труда, равнения на передовиков. В губернии появились первые маяки производства. В 1928 г. звание Героя Труда было присвоено мастеру вагонного цеха Вятских железнодорожных мастерских Г. Ф. Перову. В апреле 1929 г. коммунисты стали разворачивать социалистическое соревнование, движение ударников. Через год на предприятиях Вятского округа было создано 1222 ударные бригады и 97 ударных цехов, в соцсоревнование вовлечено 68% рабочих. В конце 1929 г. в промышленности губернии начался переход на непрерывную рабочую неделю и 7-часовой рабочий день.

Низкооплачиваемый, нередко принудительный труд, жесткая дисциплина, суровое законодательство, социалистическое соревнование и мизерные затраты на благосостояние народа позволили в 1927—1928 гг. увеличить выпуск продукции крупной и средней промышленности губернии на 93% к довоенному уровню. По темпам развития легкая промышленность по-прежнему опережала тяжелую. В общем объеме производства удельный вес группы Б составлял 88,1%. Развернулись лесоразработки, поставки леса в другие районы страны и даже за границу росли. В 1927—1928 гг. было заготовлено 120 тыс. куб. саженей деловой древесины. В 20-е годы в губернии начал складываться индустриальный сектор экономики со всеми приметами социалистического хозяйствования.

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ

Несмотря на некоторые сдвиги в промышленности Вятская губерния оставалась аграрной областью со слабо развитым сельским хозяйством. В 1926 г. из 2,2 млн. человек ее населения в городах жило только 139 тыс. Удельный вес сельского хозяйства в общем объеме валовой продукции составлял почти 56%. Продолжалось дробление крестьянских хозяйств. До революции в губернии их было 352381, в 1928 г. — 403400. Центральной фигурой в деревне и

основным поставщиком товарного хлеба являлся середняк. В 1926 г. 18,5% хозяйств не имели рабочего скота, а 74% были с одной лошастью. 40% хозяйств обрабатывали землю сохами и косулями.

Плохо в деревне приживались арендные отношения. В 1927 г. арендовали землю только 11 тыс. крестьянских хозяйств, большей частью (80,5%) — середняки. Землю сдавали в аренду бедняки. Арендная плата колебалась от 2 до 12 руб. за десятину в год. Наем рабочей силы тоже имел специфику. Средняки в основном нанимали поденщиков на время полевых работ. Батракам платили по 10—15 рублей в месяц, пастухам — по 18—21 руб., няням — по 4—8 руб. в месяц, включая харчи. Более развитым был наем лошади или быка безлошадными хозяйствами. Стоимость найма лошади на один сезон равнялась стоимости самой лошади, или 70—100 пудов хлеба.

Единоличные крестьянские хозяйства к концу 1927 г. превзошли показатели 1916 г. по посевной площади на 3,9%, по валовому сбору зерна — на 17,9%, по численности скота — на 6,5%. Однако товарной продукции производилось на 44% меньше.

Колхозное строительство вызывало у крестьян опасение. В 1926 г. из существовавших 2247 сельхозкооперативов действовали только 15%, остальные лишь числились по регистрационным книгам. На 1 сентября 1927 г. в 125 коллективных хозяйствах губернии объединились 0,23% крестьянских дворов, которые обрабатывали 0,11% посевных площадей. Коммуны, артели и ТОЗы были карликовыми, состояли из 5—10 хозяйств и давали сотые доли товарной продукции, производимой в губернии. Создавались они нередко стихийно, не коммунистами, а главным образом середняками и кулаками в собственных интересах. Совхозов было всего 20, т. к. в губернии было мало крупных помещичьих имений, на базе которых обычно создавались такие хозяйства.

В декабре 1927 г. начался новый эксперимент советской власти — коллективизация сельского хозяйства. Учитывая слабость своего влияния в деревне, партия начальную ставку сделала на крестьянскую бедноту, затем на союз с середняком, одновременно велась политика сначала ограничения, а затем и ликвидации кулачества как класса.

Повсеместно создавались группы бедноты и батрацкие комитеты. На своих собраниях они рассматривали вопросы создания кооперативов, работы Советов, школ, борьбы с кулачеством, организации хлебозаготовок, делили поставляемые государством машины, скот. Для бедняков создавались общежития, где они жили, питались, в течение четырех месяцев обучались грамоте. В 1927 г. грамоте было обучено 34,2% батраков губернии. Четвертую часть хлеба, конфискованного у кулачества и середняков, оставляли бедноте. В 1929 г. 2,3 тыс. бедняков губернии было объединено в

316 групп. Группы создавались при сельсоветах, при кооперативных органах, при крестьянских обществах взаимопомощи (крестпомомах).

Беднячество всецело поддерживало начинания большевиков, рьяно выполняло их требования. В начале 1928 г. бедняки Яранского уезда заявляли, что «пора бедноте... взяться за раскулачивание деревни», а батраки Вожгальской волости с энтузиазмом повторяли: «Бедноте нужно проводить все начинания в союзе с середняками». Первыми они вступали в колхозы. При этом, прежде чем подать заявление, они продавали свой скот, а деньги либо пропивали, либо покупали на них одежду. В д. Сметаны Зуевского района перед вступлением в Первомайскую коммуну было продано 20 коров и 5 лошадей.

На первых порах коллективизации государство оказывало финансовую и материальную помощь деревне. К началу октября 1928 г. в колхозах и совхозах губернии работал 31 трактор. Маленькие «Фордзоны» прокладывали крестьянам дорогу к коллективной жизни. Дух коллективизма прививала единоличникам также непродовольственная кооперация, которой в 1928 г. было охвачено 208 тыс., более половины крестьянских хозяйств. Снабженческие, сбытовые, маслодельные и другие кооперативы, как и колхозы, получали государственные ссуды и кредиты. В 1927—1928 гг. вятской деревне было отпущено кредитов на 3,5 млн. рублей. Причем беднота получала их под 5% годовых сроком на пять лет.

Все бедняцкие хозяйства, а это почти треть хозяйств губернии, с 1928—1929 гг. были освобождены от сельхозналога. Средняки облагались им без надбавки. Средний размер налога на одно середняцкое хозяйство составлял 12,65 руб., а в следующем году был снижен до 9,65 руб. Налог на кулацкое хозяйство исчислялся с надбавками, составлял 92 рубля и постоянно рос.

Принятые меры позволили увеличить число колхозов за первый год коллективизации почти в четыре раза. В начале осени 1928 г. их насчитывалось 476, в том числе 44 коммуны, 206 сельхозартелей, 226 ТОЗов. Созданы были образцово-показательные хозяйства. Ими стали уже известная Обуховская коммуна Яранского уезда, коммуна «Новый путь» Нолинского уезда и Вожгальская сельхозартель «Красный Октябрь». Первым председателем Вожгальской сельхозартели 7 ноября 1926 г. был избран ее организатор Петр Алексеевич Прозоров. Впоследствии дважды удостоенный звания Героя Социалистического Труда, четырех орденов Ленина, многих других наград, он бессменно руководил хозяйством 44 года и приобрел славу одного из лидеров социалистического преобразования деревни.

Эксперименты, которые проводил сталинский политический режим, носили широкомасштабный характер. Гигантомания охватила все стороны жизни страны. Проводились всесоюзные полити-

ческие и хозяйственные кампании, велась тотальная идеологическая обработка населения, строились гигантские объекты, объединялись не только промышленные предприятия и крестьянские хозяйства, но и целые районы страны. 14 января 1929 г. декретом ВЦИК был образован Нижегородский край (с 7 октября 1932 г. Горьковский край), в состав которого вошли Нижегородская и Вятская губернии, Марийская и Вотская (Удмуртская) автономные области, Чувашская АССР, 12 волостей Муромского уезда Владимирской губернии и 3 района Костромской губернии. Территория края составила 276198 кв. км с населением около 8 млн. человек, из которых 90% проживало в сельской местности. На месте Вятской губернии прежние уезды и волости объединились в 3 округа, включивших 41 район. Вятский округ состоял из 17 районов, Котельничский — из 13 и Нолинский — из 11 районов. По замыслу, такая реформация способствовала централизации управления, укрепляла политический режим.

В 1928—1929 годах страну и губернию поразил хлебозаготовительный кризис. Крестьяне отказывались сдавать хлеб по низким закупочным ценам (92 коп. за пуд ржи при рыночной цене 1 руб. 33 коп.), прятали или продавали его на «черном» рынке, сокращали хлебные посевы. Кризис преодолевался в основном административными мерами. В начале 1928 г. была создана оперативная тройка, которая следила за ходом хлебозаготовок в губернии. В том году суды рассмотрели 446 дел, связанных с кризисом. По приговорам судов конфисковано 61,3 тыс. пудов хлеба, на 20,6 тыс. руб. имущества, 109 голов скота. 502 человека (из них 202 бедняка и середняка) было репрессировано. Такие же беззакония продолжались и в 1929 году.

Осенью 1928 г. началась массовая коллективизация сельского хозяйства. Темпы обобществления деревни опережали задания пятилетнего плана. По трем округам с 1928 по 1929 гг. (по данным на 1 октября) число колхозов возросло с 480 до 1073, они объединили 3,4% общего числа дворов. Первой особенностью этого этапа коллективизации стало укрупнение колхозов. Первомайская коммуна Зуевского района за октябрь 1929 г. увеличилась с 450 до 700 хозяйств, коммуна «Искра» Верхошижемского района — с 5 до 50 хозяйств. К концу 1929 года в Вятском округе имелось 10 крупных колхозов, каждый из которых располагал более чем 500 гектарами земли. Другой особенностью начального периода коллективизации стало массовое вступление в колхозы середняков. Осенью 1929 г. в коллективных хозяйствах Вятского округа бывшие кулаки составляли 2,7% колхозников, батраки — 10,7%, бедняки — 41,9%, середняки — 44,6%.

Ноябрьский (1929 г.) пленум ЦК ВКП(б) выдвинул новый лозунг — сплошной коллективизации в отдельных районах страны.

Вятский окружком партии, стремясь не отстать, в декабре 1929 г. потребовал от местных работников закончить сплошную коллективизацию округа к весне 1931 года, хотя Центральный Комитет партии выделил не менее трех лет для коллективизации Нижегородского края. На постоянную работу в деревню было послано 70 рабочих-«двадцатипятипятитысячников» и 15 руководящих работников. В Котельничском и Нолинском округах были приняты такие же решения.

Коллективизация подрывала устои всей прежней крестьянской жизни. Развернулось антиколхозное движение. Со своей стороны партийные ячейки и органы ОГПУ в районах сплошной коллективизации мобилизовали бедняцко-середняцкий актив на ликвидацию кулачества как класса. Свинцовский сельсовет Макарьевского района Котельничского округа первым закончил коллективизацию, начал конфискацию кулацкого имущества. В Вятском округе ликвидировали 2096 так называемых кулацких хозяйств, их собственность передали колхозам. Вятский отдел ОГПУ докладывал Нижегородскому крайотделу, что к 9 марта 1930 г. в пяти районах закончена ликвидация кулачества первой категории (открытых врагов советской власти), начались аресты второй категории — богатых, но лояльных к советской власти кулаков.

В начале 1930 г. коллективизация была ускорена. Террор сделал свое дело. В колхозы вступали целыми селами. По Вятскому округу с 1 января по 1 марта процент коллективизации вырос с 11 до 53,6, в Нолинском округе — с 7,2 до 56,8, в Котельничском округе — с 9 до 49,6%.

Коллективизация, как и индустриализация, велась форсированными темпами. Основными методами ее проведения являлись насилие, репрессии, лишение прав, усиленное налогообложение и т. п. В 1927—1929 гг. в Кикнурской волости Яранского уезда избирательных прав было лишено 898 человек, в этом числе кулаков было только 140. На собрании д. Хлопинцы Слободского района уполномоченный райисполкома Стародумов кричал: «Рога все равно обломаем, ... за волосы затащим в коммуны, а остальных к стенке поставим».

Такие методы не были случайными. Коллективизация осуществлялась неподготовленными, малообразованными кадрами, не было инструкций и критериев ее проведения, что и привело к многочисленным перегибам в этом сложном деле. Велось нездоровое соревнование сельсоветов, районов за достижение наивысших показателей коллективизации. Вопреки указаниям центра о сельхозартели как основной форме объединения крестьян в Вятском и Котельничском округах создавались главным образом коммуны. Они обобществляли не только землю, орудия труда и рабочий скот, но и жилые постройки, мелкий инвентарь, весь скот и птицу. В

Вятском округе коммуны составляли 75%, артели — 20%, ТОЗы — 5%. Имела место и гигантомания. Весь Фаленский район превратился в одну коммуну, объединившую 5,5 тыс. хозяйств, 35 тыс. человек и 100 тыс. га земли. Эффект от такого хозяйства был ничтожным.

Раскулачиванию подвергались как кулаки, так и середняки. В Зюздинском (беднейшем) районе из 7 тыс. хозяйств к раскулачиванию вначале наметили 949, затем уменьшили до 387. В этом числе более половины составляли середняцкие дворы. Изымалось и у них все, вплоть до старых сандалий, банных котлов, даже собранные в утильсырье тряпки. В число раскулаченных попали и бедняки, имевшие недоимки. На местах не могли отличить кулака от середняка. Средняки составляли более 50% раскулаченных в Омутнинском и других районах. Повсюду закрывались рынки, базары, церкви. Только в Зюздинском районе было закрыто 9 церквей.

Вскоре начался массовый выход крестьян из колхозов. В составе правлений колхозов Котельничского уезда в 1929 г. количество середняков снизилось с 75 до 33%. Так было всюду, хотя середняков, вышедших из колхоза, случалось, тут же арестовывали, как это было в Белой Холунице. К тому же середняк колебался, видел организационную слабость, малую эффективность колхозов, отсутствие у них юридической основы.

Утвержденный 2 марта 1930 года Примерный устав сельхозартели, принятое через месяц постановление о льготах для колхозников, другие меры приостановили выход крестьян из колхозов. 1 апреля 1930 г. в Просницком районе, в д. Синицы, из 34 вышедших хозяйств 28 вернулись обратно, а в д. Крыльцы опять колхозными стали 17 дворов. Весенние полевые работы 1930 года колхозы всех трех округов провели в срок, с перевыполнением заданий, что подняло их авторитет среди населения.

КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Третья составная часть плана построения социализма — культурная революция — в губернии осуществлялась еще с большими трудностями.

В 1929 г. всеобщее начальное образование было введено только в городах Вятке, Яранске, Слободском, Халтурине и Омутнинске. Неграмотным оставалось 44% населения губернии. 38% детей школьного возраста не ходили в школу. Задания по ликбезу выполнялись на 70%. Школы повышенного типа (семилетки и школы 2 ступени) открывались в крупных городах. В деревнях создавались школы крестьянской молодежи. В Вятском и Нолин-

ском округах в 1928/29 г. было открыто по 5 татарских школ для 1,2 тыс. учащихся. Не хватало школ, учителей, учебных принадлежностей.

В стадии зарождения находилось профессиональное образование. Кроме пединститута были открыты 23 техникума и 2 рабфака, в которых обучалось почти 5 тыс. студентов. В 1930 г. на базе техникума в г. Вятке создан зооветинститут. Первый набор на два факультета и рабфак составили 75 студентов. До 1926 г. прием в вузы и техникумы осуществлялся путем свободного набора, ряды студенчества пополнялись в основном служащими и интеллигенцией. Затем набор студентов стал соответствовать директивам губкома партии, который требовал, чтобы среди принятых было не менее 75% рабочих, батраков, крестьян, бедняков и середняков. Для них же открывались рабфаки, на которые зачисление шло без вступительных экзаменов. Материальная база учебных заведений была крайне бедной. Например, в общежитии пединститута в одной комнате проживало в 1926 г. по 20—30 студентов.

Несколько расширилась сеть культурно-просветительных учреждений. За 1926—1928 гг. число библиотек выросло с 82 до 107, изб-читален — с 241 до 290. Кроме того, к концу десятилетия было открыто 1704 красных уголка, работал 1181 кружок народного творчества и 72 кинопередвижки. Продолжалась радиофикация населенных пунктов. Радиоузлы были во всех уездах, в ряде крупных сел. Число радиоприемников увеличилось. В 1925 г. их было 47, в 1926 г. — 152, в 1927 г. — 278, в 1928 г. — 442, в середине 1929 г. — 700.

Отставало на селе строительство социальных объектов. В 1928 г. только в одной коммуне построена школа крестьянской молодежи, детские ясли созданы в 17 колхозах. К началу 1929 г. система здравоохранения губернии включала 70 больниц на 3,2 тыс. коек. Одна больница обслуживала 32,1 тыс. горожан и 35 тыс. сельских жителей в радиусе 22 километров. Пять районов не имели ни одной больницы. На всю губернию было 298 врачей, половина из которых жила в городах.

В те годы вводилось социальное страхование, пособия и пенсии. Две трети общего числа безработных получали пособия. В 1927 г. только 65% инвалидов гражданской войны, семей погибших получали государственную помощь.

Важной задачей культурной революции была борьба с пережитками прошлого в сознании людей, одним из которых считалась религиозность народа. С первых шагов советское государство отделило от себя церковь, а школу от церкви. В 1927 г. в Вятской епархии действовало 67 церквей, 56 из них находились в селах. Больше всего их имелось в Слободском уезде — 16, в Уржумском — 12, в Яранском и Советском — по 10. В городах Вятке и Котельниче сохранилось

по одной церкви. Основными религиями в губернии были православие и ислам. Священнослужителей насчитывалось 1521 человек, в том числе 31 мулла.

Распространенным являлось и сектантство, хотя оно было запрещено законом и находилось в глубоком подполье. Самой крупной была секта евангелистов — 63 общины (600 человек), причем 27 общин находились в Котельничском уезде. Старообрядцы объединялись в 57 группах, основная их часть (21 община) была в Нолинском уезде. Действовали секты подпольников, адвентистов, единоверцев и баптистов (Нолинск, Вятка), трясун-пятидесятников (Котельнич, Малмыж), чуриковцев-трезвенников (Вятка) и другие. Общее число сектантов превышало 2,1 тыс. человек. За 1927—1928 гг. были высланы из губернии и заключены в концлагеря 4 епископа, 50 священников и 15 активных мирян. Все они осуждены по печально знаменитой 58-й статье, пункт 10 Уголовного кодекса — за антисоветскую агитацию.

20-е годы вошли в историю как время великих экспериментов и нововведений. Сталинская диктатура превращала страну в авторитарное государство, осуществляла свои глобальные замыслы путем репрессий, насилия, умело маскируя свои действия марксистско-ленинской идеологией. История Вятской губернии этого периода — прямое отражение процессов, происходивших тогда в стране.

Г. Г. ЗАГВОЗДКИН

ТРИУМФ И ТРАГЕДИЯ 30-х ГОДОВ

30-е годы начались развернутым наступлением социализма по всему фронту. Такой курс разработал XVI съезд партии летом 1930 года. Вскоре после съезда была проведена очередная реорганизация административного деления территорий: Вятский, Котельничский и Нолинский округа упразднены, и бывшая Вятская губерния оказалась представленной в составе Нижегородского края 41 районом. Население города Вятки в середине 1930 г. составляло 62097 человек, в 1938 г. оно увеличилось до 159 тыс. человек.

Во второй половине 1930 г. положено начало новому этапу коллективизации деревни, смысл которого состоял в организационно-техническом укреплении колхозного производства. Вся техника принадлежала государству и распределялась по машинно-тракторным станциям (МТС). В конце 1930 г. первая на вятской земле МТС создана в Зуевке, в ней было сосредоточено 50 тракторов. В 1932 г. действовало уже 14 МТС с 369 тракторами, они обслуживали 1187 колхозов.

Развернулась шумная агитационная кампания за вступление

в колхозы, создавались инициативные группы и вербовочные бригады. Передовые районы брали «на буксир» отстающих. В январе 1931 г. Верховинский, Вожгальский и Вятскополянский районы послали три колхозные бригады-«буксиры» в Слободской, Зуевский и Санчурский районы.

К исходу 1932 г. на территории области образовано 9936 колхозов. Они объединяли 240 тыс. крестьянских хозяйств (44,7% всех хозяйств). За первую пятилетку посевные площади в колхозах выросли с 2,6 до 3,4 млн. гектаров, урожайность зерновых — с 7,7 до 8 центнеров с гектара. Удельный вес социалистического сектора в деревне достиг почти 56%. Если в 1928 г. в индивидуальных хозяйствах имелось 1,1 млн. голов крупного рогатого скота, а в колхозах только 410 голов, то в 1934 г. это соотношение изменилось: 756,4 тыс. и 194,7 тыс. голов.

Подавляющая часть единоличников оставалась в северной половине области. Здесь была развита хуторская система. Только в Зюздинском районе весной 1932 г. имелось 808 хуторов-однодворок и 631 хутор с 2—5 дворами. Хутора и починки находились в лесах, в 4—5 километрах друг от друга, не поддавались сселению.

Форсированными темпами шло развитие промышленности. Основной ее «болезнью» были неподготовленные кадры. В 1931 г. новички производства составляли 33% рабочих вятских предприятий. Каждый десятый был неграмотным. Выходцы из деревни, одетые в рабочую спецовку, с трудом привыкали к дисциплине. Текучесть кадров в Вятском районе составляла 17%. Создавались курсы и школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ). Большая часть их выпускников направлялась на строительные объекты.

В промышленном переустройстве вятской земли большую роль сыграло открытие 7 ноября 1931 г. движения по железной дороге Яр — Фосфоритная протяженностью 181 километр. Это событие позволило расконсервировать Омутнинский, Чернохолунский, Песковский и Кирсинский заводы. Началась их реконструкция. В ноябре 1932 г. пущен мартен № 2 на Омутнинском металлургическом заводе. Высококачественная вятская сталь заменила импортную. Второе рождение переживали верхнекамские фосфоритные рудники, открытые в конце XIX века. Железная дорога позволила расширить рудное хозяйство. Строились обогащательные фабрики. За 1930—1931 гг. добыча фосфоритов возросла с 24 тыс. до 42 тыс. тонн, но в следующем году упала до 22 тыс. тонн.

В годы первой пятилетки на базе Вятских железнодорожных мастерских образовался машстройзавод им. 1 Мая, здесь освоены новые виды продукции. К 1932 г. в г. Вятке пущена в строй первая очередь завода учтехоборудования, начали работу кирпичный завод и мясокомбинат, мастерские учебных пособий преобразованы в

фабрику (завод «Физприбор» № 2). Построены дрожжевой завод, спирто-водочный завод, железнодорожное депо станции Вятка-1 и железнодорожные мастерские станции Вятка-2, чугунолитейный завод. В 1934 г. в городе работало 20 промышленных предприятий, 15 из них имели союзное и республиканское значение.

За годы пятилетки удвоилось производство стали, проката черных металлов, выпуск продукции машиностроения и металлообработки вырос в 3,2 раза. Выработка электроэнергии достигла 15 млн. квт/час. Промышленность сделала крупный шаг вперед. Хотя задачи пятилетки по выпуску промышленной продукции, по новому промышленному строительству, по снижению себестоимости продукции не были решены. Не выполняли намеченных планов лесная промышленность, транспорт, животноводство, другие отрасли хозяйства. Крайне бедной оставалась социальная сфера.

Решительной перестройке советская власть подвергла кустарные промыслы. В 1930 г. они давали в Вятском округе почти 32% всей промышленной продукции. Снабженческо-сбытовые кооперативы превращались в производственные.

Тридцатые, как и двадцатые годы — трагические годы в истории государства. По мере строительства социализма усиливается классовая борьба. Эта сталинская догма послужила обоснованием и «оправданием» для массовых репрессий. Пик их пришелся на 1937 и 1938 годы. Под гигантским прессом произвола и беззакония в тюрьмах, лагерях и ссылках, в результате физического и психологического террора со стороны судов, «троек», «двоек», «особых совещаний», военных трибуналов, по доносам тайных агентов и осведомителей НКВД, внедренных в каждый коллектив, погибли, были сломлены и подавлены тысячи людей. Поиск «врагов народа» стал частью жизни общества в этот период. Студент Никитин был осужден в 1934 г. за лозунг «Учиться, учиться и учиться без стипендии», с которым он появился в институте, когда стало известно об уменьшении стипендий. Комсомольцы пединститута объявили выговор студенткам Зоркиной и Васениной за то, что ходили на танцы в день смерти В. В. Куйбышева. В результате очередной чистки партии в 1934 году из горьковской и Кировской парторганизаций исключено 17,4% коммунистов, в основном принятых в партию в 20-е годы.

Абсурдность политики состояла в том, что репрессиям подвергались трудоспособные, квалифицированные кадры, которых повсеместно не хватало. От них зависел ход реконструкции народного хозяйства. «Кадры решают все» — провозгласила партия. Советские, партийные и комсомольские работники готовились на краткосрочных курсах, в совпартшколах, в учебных заведениях вечернего и заочного типа. На заводах и фабриках, которые превращались в «техникумы на ходу», открывались вечерние техниче-

ские курсы, кружки, школы ФЗУ. В 1935 г. массовый характер приняла сдача технических экзаменов.

Развитие производства тормозили централизация управления, мелочная опека руководящих органов, жесткая регламентация деятельности предприятий, обилие устанавливаемых сверху заданий. Лихорадили перебои с сырьем и электроэнергией.

В сельском хозяйстве ставилась задача завершить коллективизацию и укрепить колхозы, особенно общественное животноводство. Молодые колхозы были мелкими и экономически слабыми. В каждом колхозе в среднем числилось по 28 дворов, по 78 трудоспособных колхозников, каждый из которых вырабатывал по 165 трудодней и зарабатывал, включая натуральную оплату, по 71 рублю в год (нищенская сумма). Многие колхозы не имели складов, конюшен, ферм. Инвентарь, скот и семена хранились на частных дворах.

Для партийного контроля за селом в январе 1933 г. созданы политотделы МТС и совхозов. Они внедряли в колхозы и совхозы партийные и комсомольские ячейки, решали кадровые вопросы. В 1933—1934 годах в районах Вятского куста урожайность зерновых культур поднялась с 8,6 до 9 центнеров с гектара. Сплошная коллективизация деревни подходила к концу. К началу 1935 г. 77% крестьянских хозяйств Горьковского края состояло в колхозах. С 1 января 1935 г. отменена карточная система снабжения населения хлебом, мукой, крупой и промышленными товарами. Заработная плата вновь начала играть роль материального стимула в труде (для всех, кроме колхозников и заключенных).

1 декабря 1934 г. в Ленинграде был убит член Политбюро, секретарь ЦК ВКП(б), первый секретарь Ленинградского обкома партии С. М. Киров. В ночь на 6 декабря ЦИК СССР переименовал г. Вятку в г. Киров. А 7 декабря Президиум ЦИК специальным постановлением образовал Кировский край с центром в г. Кирове. В состав края вошли Удмуртская автономная область, 37 районов Горьковского края (в основном районы бывшей Вятской губернии) и два района Свердловской области. В январе 1935 года ряд районов был выведен из края. В итоге Кировский край объединил 54 района и Удмуртию. В 1936 г. край преобразован в область.

Кировский край занимал площадь в 144 тыс. кв. километров. В нем проживало более 3,3 млн. человек. В 14 городах, 7 рабочих поселках и 9 поселках городского типа жило 432,5 тыс. человек, а в 24344 деревнях и селах — почти 2,9 млн. человек. Первым секретарем крайкома партии назначен А. Я. Столяр.

Убийство С. М. Кирова подняло новую волну репрессий. В 1935—1936 гг. прошли новая проверка и обмен партийных документов под предлогом того, что враги организовали хищения и подделку этих документов. На заводе им. 1 Мая исключен из партии Када-

чигов «за скрытие кулацкого происхождения при вступлении в партию». В 1935 г. на слуху в Омутнинском районе стали фамилии репрессированных коммунистов Окишева, обвиненного в уклонении от партучебы, Вараксиной, у которой сын комсомолец «связался с террористической организацией», беспартийного сортировщика зерна Меркушева, который «хорошие семена складывал в брак». В Кстининской сельхозартели комсомолец Хлебников разоблачил «врага народа» — конюха, который «систематически не поил лошадей». Нагнетались массовая истерия и подозрительность.

В 1936 г. репрессии усилились. Массовую работу по разоблачению «троцкистов и зиновьевцев» вели 120 партийных докладчиков. Среди безвинно пострадавших председатель горсовета г. Воткинска Хасьянц, исключенный из партии за высказывание о неизбежности реставрации капитализма в стране. В разоблаченную группу «двурушников» попали Матвеев, заворотделом облизполкома, и Шустов, инструктор отдела пропаганды и агитации обкома партии. Репрессированы «троцкисты»: учитель истории средней школы, коммунист с 1921 г. И. Н. Бастратов, завоблиздательством И. Д. Штин, юрист спиртротреста В. Ф. Горев, завскладом «Искожа» Н. Я. Морозов. Инженер Воткинского МСЗ Фельдман арестован за выпуск бракованных изделий, начальник цеха лесозавода № 1 Дьяконов — за то, что на просьбу рабочих установить заграждение, ответил: «когда убьет рабочего, тогда и поставлю». Завлабораторией МСЗ им. 1 Мая Рукомойников арестован за «связь с Германией»... Обвинения часто были абсурдны... В 1936 г. обком партии рассмотрел 1113 апелляций от исключенных из партии. Было восстановлено 410 человек (38%) как необоснованно исключенных.

Мощный толчок промышленному и колхозному строительству дало стахановское движение, развернувшееся в стране в конце лета 1935 г. Смысл его состоял в высокоэффективном использовании техники, в совершенствовании организации труда, в пересмотре норм выработки в сторону их увеличения. Пионерами стахановского движения в Вятке стали сталевар мартеновского цеха Омутнинского завода В. К. Виловатых, мездрильщики фабрики «Белка» М. Е. Харин и А. Н. Колодкин, машинист депо станции Киров-1 А. Я. Зыков, льновод колхоза «Новый путь» Шабалинского района А. П. Смертина. Все они перекрывали нормы выработки в 2—5 раз. В 1936 г. в движении участвовало 40% рабочих вятских предприятий. В стахановском движении было немало бюрократизма, показухи, но оно помогало освоить новую технику.

От стахановских смен рабочие переходили к стахановским суткам, пятидневкам и даже месяцам, от отдельных стахановцев — к стахановским бригадам, участкам, цехам и целым коллективам. Стахановское движение покрывало дефицит кадров на предприятиях, вместе с тем оно укрепило широко распространенные явления

— штурмовщину, сверхурочные работы. В 1936 г. нормы выработки на предприятиях края увеличены в среднем на 30%. Работники переведены с повременной оплаты труда на прогрессивно-премиальную индивидуальную сдельщину. Интенсивность труда росла.

По-другому складывалась ситуация в лесной промышленности и на транспорте. В 1936 г. не выполнен план заготовки древесины. Основные причины — в недостатке кадров и слабом оснащении техникой. В леспромпхозах треста «Кирлес» трудилось 2900 постоянных работников, из них только 900 человек работало в лесу, остальные являлись обслуживающим персоналом. Не хватало сезонных рабочих. В первом квартале лесоразработки вели 22 тыс. колхозников вместо 33 тысяч. В 1937 г. план лесозаготовок в области выполнен только на 40%.

В этом году начался спад производства во всех отраслях промышленного производства, кроме предприятий черной металлургии, целлюлозно-бумажной промышленности и предприятий по выпуску школьных пособий. Главные причины — нехватка электроэнергии, сырья, большая текучесть кадров. Партийные и государственные органы обвиняли в спаде «врагов народа». Происки «врагов» привели также к тому, что на железнодорожном транспорте не выдерживались графики движения поездов, было много аварий и крушений. В 1937 г. «враги» совершили 59 случаев порчи поездов. В 1937 году Вятское речное пароходство выполнило план по грузоперевозкам на 65%, по пассажирским перевозкам — на 83%. Объяснение: «вредительство» бывших руководителей пароходства.

Менялась жизнь деревни. В начале 1935 г. принят новый Примерный устав сельхозартели. Этот год порадовал высоким урожаем зерновых культур и льна. Урожайность в крае достигла 10,6 ц с га, а валовой сбор зерна впервые доведен до 2 млн. тонн. Кировский край досрочно, к 5 октября, выполнил план поставок хлеба государству. Колхозы сдавали хлеб по смехотворным ценам, стали основным каналом получения сельхозпродукции.

Иным был 1936 год. Знойное, засушливое лето, ранняя ненастная, холодная осень привели к значительному недобору зерна и кормов, сокращению поголовья скота в колхозах и личных хозяйствах колхозников. Весной 1937 г. голод охватил Нолинский, Лебяжский, Уржумский районы, в некоторых деревнях питались трупами павших животных. Родители, оставляя на произвол судьбы своих детей, уходили на заработки. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли решение, которое запрещало местным руководителям обращаться к ним за помощью. Но несмотря на запрет руководству области удалось взять у государства небольшую продовольственную ссуду, снизить нормы поставок зерна государству, дополнительно создать 14 МТС. Голод ценой многочисленных жертв был пережит.

Индустриализация шла за счет села. С 1917 по 1938 год в

вятской глубинке создано 400 производственных объектов. За годы второй пятилетки выпуск промышленной продукции в области вырос со 176,3 до 440,7 млн. рублей. Доля промышленности в выпуске всей продукции поднялась с 58,2 до 69%. В 1933 г. вывоз промышленной и сельскохозяйственной продукции за пределы области был равен 1,8 млн. тонн, а ввоз — 1,1 млн. тонн. В 1937 г. вывоз составил 4,2 млн. тонн, ввоз — 2,9 млн. тонн. За пятилетку созданы новые производства: металлургия высококачественных сталей (на привозном сырье), изготовление стройдеталей, кожзамениителей, других видов продукции. Пушены крупные комбинаты — КУТШО и «Искож», ремонтно-механический завод, фабрика гармоний, построены древкомбинат, ряд льнозаводов, 10 маслозаводов, введены в строй Кировское и Каринское торфопредприятия, ТЭЦ-1, реконструированы старые предприятия — МСЗ им. 1 Мая, омутнинские заводы, Кордяжская бумажная фабрика. Заканчивалось строительство кирпичного завода № 2, фанерного завода «Красный якорь» в Слободском. В 1939 г. область производила от общесоюзного производства более 25% учебных пособий, 31% пласткожи, почти 9% спичек, 12% шубно-овчинных изделий, более 4% продукции транспортного машиностроения. В 1936 г. достроена железная дорога Яр — Фосфоритная. Протяженность стальных магистралей выросла за пятилетку с 688 до 851 километра. Грузооборот их за 1936—37 гг. возрос в 2,5 раза.

Перестроен аграрный сектор экономики. К концу 1937 года 10976 колхозов объединяли 94,3% всех крестьянских хозяйств. Колхозы и совхозы засевали 99% посевных площадей. Продукция сельского хозяйства выросла (в ценах 1926—27 гг.) со 163 млн. в 1933 г. до 223,5 млн. рублей в 1937 г. В 1937 г. получен небывалый урожай зерновых — 2,2 млн. тонн. По мере коллективизации росло число вышедших или исключенных из колхозов крестьян. В начале 1935 г. их было 11,1 тыс., в 1936 г. — 13,4 тыс., в начале 1937 г. — 21,7 тысячи. Исключали главным образом за то, что кто-то из членов семьи колхозника уходил на временную или постоянную работу в город. Хуже других шла коллективизация в Зюздинском (65%) и Тужинском (80%) районах.

В 77 МТС насчитывалось в 1937 г. 3856 тракторов. Они осуществляли 17% полевых сельскохозяйственных работ. Однако планы поставок техники в деревню постоянно не выполнялись. Для ремонта сельхозмашин построено всего 30 типовых мастерских. В МТС, как и повсюду, «орудовали враги народа». Их обвиняли в том, что ремонтная база отрывалась от МТС, что мастерских было мало, что в разгар сезона не хватало горючего.

В колхозах вводились многопольные севообороты. Созданы 53 семеноводческих хозяйства. Кировские селекционеры под руководством академика Н. В. Рудницкого вывели ряд высокоурожай-

ных сортов сельхозкультур, в том числе известные сорта озимой ржи «Вятка» и «Вятка-2», ячменя «винер», овса «мираж». Немало труда вложил Николай Васильевич в продвижение пшеницы на север, в разработку сортов плодовых, бахчевых и ягодных культур.

Очень медленно росло общественное животноводство. За пятилетку поголовье крупного рогатого скота в колхозах прибыло на 23,6%, свиней — на 29%, овец и коз — на 13%. Более 1,8 тыс. колхозов не имело животноводческих ферм. Удой молока на одну фуражную корову составлял 800-900 л. Вредительский подрыв общественного стада мерещился повсюду. В совхозе им. 8 Марта Фаленского района по вине «агронома-троцкиста» Славина и «зоотехника-белогвардейца» Котова зимой 1937 г. пало 93% приплода скота, а «враг народа» ветработник Нагорского райзо Леушин разрешил убой жеребят.

Общественная собственность на средства производства, социалистическая система хозяйствования заняли господствующее положение и в городе, и в деревне. Частная собственность сохранилась в виде подсобных крестьянских хозяйств. Их размер строго ограничивался властными органами. Земля являлась собственностью колхозов. В апреле 1935 г. Кировский крайисполком и крайком ВКП(б) установили размер приусадебного участка (сад, огород) от 0,25 до 0,5 гектара. Позволялось держать 1 корову, 1 свинью с приплодом, 10 овец (коз), до 20 пчелиных ульев, птицы и кроликов — без ограничений. Превышать установленные размеры личных подсобных хозяйств, а также держать лошадей строго запрещалось уставом сельхозартели. К осени 1937 г. 22,6% колхозников не имели своих коров, а 14% — никакого скота. Во второй пятилетке кулачество в области было ликвидировано. Крестьяне-единоличников осталось 5,7%.

В 1936—1937 годах прошла очередная чистка партии. По мнению ЦК «враги» выявлялись плохо. Бдительность притупилась, ее поднимали. В июне 1937 года на областной партконференции первый секретарь обкома А. Я. Столяр сообщал о военном суде над «врагами народа», над «мерзавцами» и «слякостью» Тухачевским, Якиром, Уборевичем, Корком, Эйдеманом и другими, которых разоблачил «гениальный, зоркий и могучий вожь» Сталин как «предателей нашей страны». Секретарь обкома ВКП(б) подчеркнул, что «враг вместе со шпионами ходит вокруг нас, ищет, устраивается, старается, подхалимничает, выдвигается, зарабатывает авторитет, а потом начинает вести активную работу, и подлости его нет предела». Он потребовал разоблачать «врагов народа», расстреливать их, «как бешеных собак».

В декабре 1937 г. разоблачена очередная «банда» в Кировском районе: арестованы бывший секретарь райкома партии Колосов, предрик Ситников, заврайфо Двинских, директор МТС Погудин и

другие «за насаждение враждебных элементов в руководстве района». На всех этих людей поступили доносы в партийные органы. Многие, боясь за свою судьбу, малодушничали, клеветали на своих коллег. Секретарь парторганизации зооветинститута Олюнин написал доносы на 28 из 35 коммунистов своей партийной организации. Некто Шиляев сообщал, что их инженера надо проверить, ибо, накладывая резолюции на деловые бумаги, он пером «задевает Герб государства». Страх лишил людей разума.

В 1937 г. 27% председателей сельсоветов Шурминского района привлечено к уголовной ответственности «за применение принудительных мер при сборе налогов и платежей с единоличников». Например, некто Черепанов заставил беременную жену единоличника Марка Альдемирова носить мешки с картофелем, что вызвало у нее выкидыш. «Вредительство» на МСЗ им. 1 Мая усмотрели даже в том, что в решении одного из совещаний хозяйственников по недосмотру пропустили слово, записав: «Исходя из исторических решений январского (1937 г.) Пленума ЦК, мобилизоваться самим и мобилизовать весь коллектив завода на быстрейшую ликвидацию народа на заводе». «Врагов» искали всюду и всюду находили их. При этом везде цитировалось сталинское изречение: «Жить стало лучше, жить стало веселее».

Численность рабочих и служащих в области выросла со 133 тыс. в 1932 г. до 198 тыс. в 1937 г. За этот период среднемесячная заработная плата рабочих повысилась со 120 до 200 рублей. Стахановцы зарабатывали от 400 до 1100 рублей в месяц. В рублевом исчислении ежемесячная зарплата колхозников составляла 12 рублей. В 1937 году в Яранском районе на один трудодень начислено по 1,2 копейки, а в 1414 колхозах области колхозникам не дали ни копейки. На такую оплату жить было невозможно. Существовали за счет приусадебного участка.

Оставались проблемы и в системе образования. По переписи в январе 1939 г., грамотность взрослого населения области достигла 89,8%. Верить многим цифрам нельзя, так как приписок была масса. В начале 30-х годов вводилось всеобщее начальное, затем — семилетнее (в городах) обязательное образование. Семилетний всеобщий в 1936 г. был введен только в 17 городах и рабочих поселках области. Численность учащихся за 1935—1937 гг. выросла с 354 тысяч до 375 тысяч. За 4 года второй пятилетки построены 134 новые школы. Во всех районах открыты школы для работающей молодежи, в них обучалось в 1937 г. 7,7 тыс. человек.

Учителей требовалось больше, чем их могли поставить вузы и училища. Большая часть педагогов имела среднее и семилетнее образование. По результатам контрольной проверки, проведенной в 1937—1938 учебном году, 78% учителей не получили аттестацию, почти 500 человек освобождено от работы в школе.

Поиск «врагов народа» в школах шёл с особым усердием. Преподаватель истории Яранского марийского педтехникума И. М. Кимаев был арестован за «вредную пропаганду» и 2 октября 1937 года вместе с директором техникума С. Н. Казанцевым, завучем П. М. Муреевым и преподавателем А. С. Щучиновым расстрелян в г. Кирове. В 1937 г. были вскрыты «вражеские гнезда» в Чаховской семилетней школе Черновского района, в Ильинской (Кырчанского района) и Кильмезской средних школах, где «пытались сорвать политическое воспитание учащихся». А оно предусматривало прежде всего воспитание преданности Родине, ее вождям и ненависти к врагам.

Значительно окрепло за вторую пятилетку профессиональное образование. В области созданы три учительских института, библиотечный, кожевенно-обувной техникумы, медицинское, музыкальное училища и др. Только в 1936 г. 5 вузов и 45 средних специальных учебных заведений выпустили 268 педагогов, 99 зоотехников и ветеринаров, 1579 специалистов среднего звена для различных отраслей народного хозяйства.

Рост промышленности и городов обострил жилищную проблему. Жилищное строительство велось только в Кирове, Слободском и некоторых других городах, где создавались заводы. В 1936 г. в областном центре построено 42 тыс. кв. м жилья (план — 96 тысяч). Строилось в основном ведомственное жилье. В 1938 г. на одного кировчанина приходилось по 3 кв. м жилой площади. В Кирове построили новый водопровод. Других удобств не хватало. Электроосвещение имели отдельные дома. Керосиновая лампа по-прежнему освещала жизнь большинства вятчан. Во второй пятилетке в Кирове начали строить Дом Советов, драмтеатр, гостиницу «Центральная», кинотеатр «Октябрь». В то же время уничтожены многие исторические памятники, в том числе собор Александра Невского, созданный по проекту архитектора А. Л. Витберга.

Множилась сеть просветительных учреждений. Спрос на книги обгонял их выпуск в стране. Сельские клубы и избы-читальни вели преимущественно политпросветработу. Находились они, как правило, в приспособленных обветшалых зданиях, руководили ими часто случайные люди. За четыре года второй пятилетки в области открыто 667 колхозных и рабочих клубов, 50 домов культуры. Число киноустановок выросло до 284, в том числе 89 были звуковыми, остальные показывали немое кино. В Кирове, Слободском и Советске появились первые кинотеатры. В г. Кирове начали работу театры юного зрителя и кукольный.

Продолжалась радиофикация области. В 1937 г. действовало более 28 тысяч радиоточек. Общая аудитория радиослушателей составляла только 120 тысяч человек. Увеличивалась численность

периодических изданий. К началу 1937 года в области выходили 3 областные, 54 районные и 22 многотиражные газеты. Все они находились под бдительным оком цензуры. На стол второго, затем первого секретаря обкома партии М. Н. Родина, вскоре тоже оказавшегося жертвой репрессий, регулярно ложились сводки о работе газет.

Не по потребностям развивалось здравоохранение. Больничных коек не хватало. В областной больнице в 1937 г. очередь на несрочные операции в хирургическое отделение растянулась на целый год, в гинекологическое отделение — на 1,5 года. В главной больнице области в этом году не было травматологического, ортопедического, урологического и других отделений.

С особым рвением претворялся в жизнь лозунг «Религия — опиум для народа». Продолжалось закрытие культовых храмов. За действующими осуществлялся жесткий контроль. Только в Халтуринском районе было закрыто 4 церкви. В 1936 г. в области осталось 17 приходов Русской православной церкви и один старообрядческий приход. Союзы воинствующих безбожников (СВБ) в 1936 г. были созданы в 27 из 54 районов. Эффект от работы СВБ был невелик. В лучшем случае они проводили антипасхальные и антирождественские дни. В начале второй половины 1936 г. число крещений в Кирове увеличилось на 11%, в Шабалино — на 24%. Жители колхоза «Безбожник» Оричевского района не захотели создавать первичную организацию СВБ, заявив, что в их колхозе «все верующие вместе с председателем, а такое название колхоза нам не мешает». В Чудиновском сельсовете Халтуринского района председателем колхоза избрали дьякона. Сопrotивление народа всеобщей атеизации выражалось и в других формах.

В конце 30-х годов военная угроза, а затем и развязанная фашизмом вторая мировая война потребовали сместить центр тяжести внутренней политики Советского государства в сторону милитаризации экономики, накопления мобилизационных запасов, подготовки населения к войне. В областных и районных комитетах партии были созданы военные отделы. Все предприятия области получили военные заказы. Этим заказам давался «зеленый свет», они обеспечивались всем необходимым для производства, за выполнением заказов устанавливался жесткий контроль. На комбинате КУТШО по решению правительства в 1938 г. построен спеццех по выпуску 3 млн. штук ручных гранат, 1 млн. штук запалов и другой продукции.

Начались массовые мобилизации призывников в армию. 1 сентября 1939 г. принят Закон о всеобщей воинской обязанности. Кировская область заняла второе место в Уральском военном округе по проведению призыва 1939 г. Если в 1937 г. годными к военной службе признано 91% призывников, то в 1939 г. — 93%. Среди

призывников за эти годы число малограмотных сократилось с 12 до 1,8%.

Широкий размах получили оборонные общества. Хотя они назывались добровольными, обучение в них должен был пройти каждый человек допризывного возраста. В организациях Осоавиахима в 1938 г. военную специальность получили 58,6 тыс., в 1939 г. — почти 104 тысячи человек. В 1939 г. в оборонных кружках занималось 43 тыс. человек, в кружках общества Красного Креста — 45 тыс. человек. Таким образом подготовлены многие тысячи стрелков, инструкторов, сандружинниц.

Велась интенсивная спортивная и физкультурная работа. Молодые люди занимались в кружках и секциях, участвовали в многочисленных соревнованиях, сдавали нормы ГТО, ГСО, ПВХО разных ступеней.

В предвоенные годы развернулась мощная идеологическая обработка населения. Только в 1939 году агитационную работу в области вело более 50 тыс. лекторов, чтецов, агитаторов и беседчиков. Одних докладов на политические темы они прочитали почти 36 тысяч. Главное место в системе образования и воспитания трудящихся занял сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)», вышедший в конце 1938 года. Основы сталинизма постигали все — от мала до велика. Самый распространенный «учебник» вместе со всей системой позволил взрастить миллионы верных сталинскому режиму единомышленников.

Росла партийная организация Кировской области. К началу 1941 г. она достигла внушительных размеров. В 1436 первичных парторганизациях состояло на учете более 22 тыс. коммунистов. 15,6 тыс. членов партии имели начальное образование, а более 2,5 тыс. не имели и его. Низшее образование было у 60% номенклатурных партийных работников.

В 1940 г. из 900 партийных руководителей области почти третья часть имела стаж партийной работы менее года. Таков печальный результат политических репрессий. Поводы для преследований были разные: срыв производственных заданий, стахановского движения, порча оборудования, снижение урожайности, сворачивание подписки на заем, зазнайство и подхалимство, самоупокоенность и клевета и т. д. и т. п. «Активничает, — говорил на XVIII съезде партии бывший первый секретарь Горьковского крайкома партии А. А. Жданов, — значит, враг, уклоняется от работы — тоже враг».

В число репрессированных попали первый секретарь Кировского обкома партии А. Я. Столяр, председатель облисполкома П. К. Легконравов, глава кировской городской парторганизации А. П. Грачев, председатель облсовпрофа М. А. Емелин, начальник облземуправления А. А. Иванов, редактор «Кировской правды»

Я. Я. Акмин, архиепископ Кировский и Слободской Никодим и многие другие. «Враги народа орудовали везде и всюду», — заявил в связи с этим М. Я. Канунников, назначенный в начале 1938 года первым секретарем обкома партии. В октябре 1940 г. его сменил В. В. Лукьянов, проработавший на этом посту до 1947 года.

Сталинская политика уничтожения кадров замедляла ход общественного и экономического развития. Поэтому перед войной и во время войны репрессии стали немного затихать. Их сменило более жесткое законодательство, соответствующее условиям тревожного времени. Президиум Верховного Совета СССР принял 26 июня 1940 г. Указ, которым вводился 8-часовой рабочий день, отменялись выходные дни и отпуска. Прогулы, опоздания на работу, самовольный уход с предприятий карались строгими мерами, вплоть до лишения свободы. В результате осенью 1940 г. текучесть рабочих кадров на 17 крупных предприятиях области снизилась более чем в два раза, а выработка норм каждым рабочим выросла почти на 24%. Для планомерной подготовки рабочих кадров с октября 1940 г. создавалась система государственных трудовых резервов. В ноябре в области открылись 2 ремесленных, 2 железнодорожных училища и 19 школ фабрично-заводского обучения.

Принятые меры обеспечили некоторые сдвиги. За три года 3-й пятилетки валовой выпуск промышленной продукции возрос на 58%, а производительность труда повысилась на 59%. Росли капиталовложения в народное хозяйство области. В 1-й пятилетке они составили 364,2 млн., во 2-й — 668,5 млн., за 1938—1941 гг. — 697,6 млн. рублей.

В режиме постоянного кризиса функционировало сельское хозяйство. Обновлялся председательский корпус. В 1939 г. сменилось 41%, в 1940 г. — 26% руководителей колхозов. Большой частью их освобождали за неумелое руководство и за злоупотребления властью. В 1938 г. более 28 тыс. колхозников не выработали ни одного трудодня, почти 57 тыс. человек выработали менее чем по 50 трудодней. Заинтересованность крестьян в общественном труде падала, рос их интерес к подсобному хозяйству. В 33, 6 тыс. личных хозяйств размеры усадьбы превышали принятые нормы, а 7,3 тыс. хозяйств имели по 2 коровы, что также не допускалось уставом сельхозартели.

В деревне шла борьба за урезание личного хозяйства. За один год было отрезано от усадеб колхозников и передано колхозам области около 39 тыс. га усадебной и более 26 тыс. га полевой земли. 1,5 тыс. хозяев сдали в колхозы или продали вторых коров. В результате доходы от личных усадеб крестьян снизились в 1937 г. на 32%, в 1938 г. — на 19%. Малонаселенные деревни переселялись в центральные усадьбы колхозов. За 1938 г. сселено 2527 хуторов из

3613 существовавших. Более 2500 единоличников вынуждены были вступить в колхозы.

Главной же мерой стало установление в июне 1939 г. для каждого колхозника обязательного минимума выработки трудодней. В Кировской области он составил 60 трудодней в год. Невыполнение этого минимума без уважительных причин вело к исключению из колхоза, лишению всех прав и льгот. Этот жесткий закон сократил число невыполняющих минимума трудодней в области в 4 раза.

К началу июня 1941 года земельный фонд Кировской области составлял 12,2 млн. гектаров. Леса занимали 6,8 млн. га. Колхозы и совхозы распоряжались 5 млн. га земли, в том числе 3,1 млн. га занимали пахотные земли, выгоны и пастбища — 554,7 тыс. га, приусадебные участки — 188,8 тыс. га. Болота покрывали 156,8 тыс. га.

В сельском хозяйстве, как и повсюду, в обстановке благоприятствования работали лидеры. Известный колхоз «Красный Октябрь» Вожегальского района стал в 1940 г. миллионером. Колхоз имел свою электростанцию, мельницу, две столовые, пекарню, водопровод, ясли, дом отдыха. 18 детей колхозников учились в вузах. Но такое было редким исключением. К маю 1941 г. из 9762 коллективных хозяйств области (без трех районов, принятых из Архангельской области) электростанции были в 66 колхозах, детские ясли — в 72, бани — в 43, парикмахерские — в 5, кинотеатры — в 5, прачечная — в 1 колхозе.

Урожайность полей росла медленно. В 1938 г. собрали 9 ц. зерна с га, в 1939 г. — 10,4, в 1940 г. — 12,2. В 1941 г. весна выдалась поздней и дождливой, лето было жарким и сухим, осенью рано выпал снег. Урожайность упала до 7,6 ц с гектара. Валовой сбор зерновых культур составил в 1938 г. 1,6 млн. т., в 1939 г. — 1,8 млн. тонн. Планы поставок зерна государству выполнены в 1938 г. на 81%, в 1939 г. — на 85%, в 1940 г. — на 95%. Область перед войной также не выполняла заданий по поставкам мяса, молока, шерсти, картофеля, овощей и других продуктов. Госпоставки осуществляли не только колхозы и совхозы, но и колхозники с личных подворий и единоличники. За всем этим строго следили органы НКВД. В 1941 году председатель колхоза «Просвет» Кильмезского района Бабушкин до сдачи зерна государству раздал на трудодни колхозникам 101 ц зерна и за это был лишен свободы на 7 лет. На 1,5 года осужден за такой же поступок Градобоев, председатель колхоза «Рассвет» Уржумского района. Подобные факты были в Фаленском, Куменском и других районах области.

Гигантское трудовое напряжение рабочего класса, крестьянства, служащих и интеллигенции при минимальных жизненных потребностях и скудном уровне бытия обеспечили начало промыш-

ленного преобразования Вятского края, коллективизацию деревни и некоторое улучшение социальной инфраструктуры области. И даже мощный пресс репрессий не сломил волю вятчан, их стремление к «светлой жизни». Патриотизм, любовь к родной земле помогли им выдержать все испытания в прожитом десятилетии и в грядущей войне.

Г. Г. ЗАГВОЗДКИН

В БИТВЕ ЗА ОТЕЧЕСТВО: 1941—1945 гг.

Война круто изменила жизнь страны. Мирные заботы сменились заботами об укреплении военного могущества Родины, в первую очередь ее Вооруженных Сил. 22 июня началась первая мобилизация на фронт. Призывались военнообязанные 1905—1918 годов рождения. К началу октября 1941 г. в армию ушло более 144 тысяч кировчан, в том числе более 18 тысяч чел. начальствующего состава. Кроме военнообязанных на призывные пункты приходили добровольцы. За первую неделю войны заявления с просьбой отправить на фронт написали 3244 жителя области. Начались также партийные и комсомольские мобилизации. К концу 1941 г. ушли воевать 10,3 тыс. из 23,5 тыс. коммунистов области. За всю войну по 46 комсомольским мобилизациям отправлено сражаться с врагом 55 тыс. вятских комсомольцев.

Начало войны из-за ряда стратегических и тактических просчетов руководства было неудачным для нашей страны. Враг стремительно наступал. Красная Армия, оставляя большие территории, откатывалась на восток, несла огромные потери. Для восполнения армии и создания ее резервов в конце 1941 года проведена вторая военная мобилизация. Призыву подлежали 18-летние призывники и военнообязанные 1890—1904 годов рождения. К осени 1942 г. Кировская область отправила воевать около 337 тыс. человек.

Людские ресурсы таяли, а задания по мобилизации все шли и шли. Поэтому были проведены проверки правильности бронирования военнообязанных, их переосвидетельствование, в некоторых случаях разбронирование рабочих и служащих. Для выявления уклоняющихся от военного учета граждан в населенных пунктах осуществлялся регулярно подворный обход. Эти меры и понижение призывного возраста позволяли обеспечивать армию свежим пополнением всю войну. 94% призывников в области были признаны годными к военной службе. За время войны ушли на фронт 584812 человек. Три возраста (1919, 1920, 1921 г. р.) встретили войну в кадровой армии. С учетом их в годы войны защищали Отечество более 600 тыс. кировчан — почти каждый четвертый житель обла-

сти, тогда как по стране в армии находился лишь каждый восьмой гражданин. Кроме того, для нужд фронта область отправила 47,7 тыс. лошадей, 1553 автомобиля, 336 тракторов, много подвод и т. д.

Большие силы направила область в народное ополчение. В ноябре 1941 г. около 16 тыс. вятчан уехало в прифронтовые области строить оборонительные сооружения. Среди гражданского населения вводилось всеобщее военное обучение. С 1 октября 1941 г. по июль 1944 г. всеобщее обучение прошло 108 тысяч человек. В этих отрядах и в оборонных обществах велась подготовка как кадров для армии, так и населения к обороне. За войну они дали десятки тысяч пулеметчиков, автоматчиков, снайперов, саперов, истребителей танков, связистов, регулировщиков, санинструкторов, других военных специалистов. Кроме боевых резервов, в области готовились военные кадры. Их выпускали эвакуированные Львовское пехотное, Брянское военно-политическое училища, химическое училище УралВО и другие военные учебные заведения. В области дислоцировалось множество военных частей, военно-строительные части, склады продовольственного, вещевого и военно-технического имущества и многое другое.

Вятские парни мужественно дрались за Родину. Многие из них с начала войны проявляли чудеса храбрости и героизма. Среди первых Героев Советского Союза В. А. Хитрин, уроженец Котельничского района. Высшую награду он получил 20 октября 1941 г. Отважный летчик сбил 7 вражеских самолетов, совершил более 200 боевых вылетов. В ноябре 1941 г. звание Героя Советского Союза присвоено Н. Ф. Обухову из Зуевского района. Смелый разведчик Юго-Западного фронта многократно проникал во вражеские гарнизоны, истребил много гитлеровцев и танков. 27 декабря 1941 г. на Калининском фронте под Москвой закрыл грудью амбразуру вражеского дзота Я. Н. Падерин. Сорокалетний герой совершил свой подвиг на 14 месяцев раньше А. Матросова. Яков Николаевич родился в д. Падерино Верхнекамского района.

С первых и до последних дней войны в области формировались воинские части и соединения. Здесь были созданы, например, 109-я стрелковая бригада, 311-я и 355-я стрелковые дивизии и ряд других. В 311-й дивизии служили в основном Кировчане. Свой первый бой она приняла 17 августа 1941 г. на Ленинградском фронте. За мужество и отвагу бойцов и командиров дивизия удостоена орденов Суворова 2-й степени и Красного Знамени. Она дошла до берегов Эльбы.

Военные мобилизации меняли демографическую ситуацию в области. По переписи 1939 г. (в границах 1942 г.) в области жило 2334 тыс. человек. 85% составляло сельское население. Оно и стало главным источником комплектования армии. На фронт ушло почти

все мужское население вятской деревни. Количество трудоспособных мужчин в колхозах уменьшилось с 284 тыс. в 1940 г. до 79 тыс. в 1943 г. В 1941—1944 гг. рождаемость на селе снизилась в 4,1 раза, в городах — в 2,2 раза, смертность же выросла, особенно в городах. В войну началось долговременное сокращение численности населения. Сельское население сократилось с 1986 тыс. в январе 1939 г. до 1339 тыс. в июле 1945 г., то есть убыль составила 647 тыс. человек.

Кировская область была тыловой. Ее главными задачами являлось наращивание производства военной продукции и создание продовольственных и сырьевых запасов для армии и страны. С началом войны ускорилась перестройка хозяйства на военный лад. Вся полнота власти и все ресурсы области сосредоточились в руках областного и городского комитетов партии, их возглавлял В. В. Лукьянов.

Одной из ключевых проблем, которые решало областное руководство, была проблема рабочих кадров. Велись многочисленные трудовые мобилизации. Только в 1942 г. их проведено 53. В результате на промышленные и строительные объекты, на лесные и сельскохозяйственные работы было привлечено 154,4 тыс. человек. В 1943 г. мобилизовано 262,4 тыс. человек. Большая часть их (52%) работала в лесу, в промышленности и на стройках (17%), на транспорте (21%). Остальная часть (почти 10%) рабочей силы была вывезена на работу в Москву, Горький, Ижевск, в северные порты и на Урал. В область, в основном на торфоразработки, тоже прибывали мобилизованные — несколько сотен узбеков и туркмен.

Определенную роль сыграло увеличение рабочего дня на 1—3 часа, отмена отпусков и выходных дней. Вместе с эвакуированными предприятиями прибывало до 30% их трудовых коллективов. Штаты предприятий пополнялись добровольцами, выпускниками училищ и школ государственных трудовых резервов, которые подготовили за войну 49,5 тыс. квалифицированных рабочих.

Дефицит технических кадров в немалой степени покрывали патристические движения. Их было множество. С самого начала войны развернулся приток на заводы и фабрики пенсионеров, женщин и молодежи. Они составляли в трудовых коллективах от 30 до 100%. В Кировской области женщины преобладали среди токарей (55,6%), шлифовщиков (77%), занимали большую долю среди слесарей (38,5%). Много трудилось на предприятиях и подростков. Новички и «старички» производства проявляли массовый трудовой героизм, выполняли по две-три нормы за смену. На 7 ноября 1941 г. в области было 1056 «двухсотников», т. е. выполняющих нормы на 200%, а к концу войны — в 5 раз больше. Молодой кировский токарь В. Морозов за счет увеличения диаметра приводного шкива при норме 9 деталей в смену довел выработку до 36 штук. Первые

«двухсотники» и первые комсомольско-молодежные бригады появились на заводе им. 1 Мая. В середине 1943 г. в области трудилось 632 такие бригады (5,2 тыс. чел.), к концу войны — 1579 (8,6 тыс. чел.), половина из них заработала звание «фронтowej» бригады.

Суровый характер приобретало трудовое законодательство. Самовольный уход с предприятий рабочих и служащих, трактористов и комбайнеров из МТС грозил тюремным заключением на 5—8 лет. К самовольному уходу приравнивался отказ от перевода на другое место работы. Уклонение от трудовых мобилизаций наказывалось принудительными работами на срок до 1 года, а отказ от мобилизаций на сельскохозяйственные работы влек за собой 6 месяцев принудительных работ с удержанием в доход государства 25% заработка. Такая же мера вводилась для не вырабатывающих обязательного минимума трудодней. Колхозники при этом исключались из колхоза, теряли все права и лишались приусадебного участка. За сокрытие хлеба и невыполнение планов госпоставок сельхозпродукции руководители колхозов и совхозов получали 8 лет лишения свободы.

Жесткий надзор за выполнением трудовых законов вели прокуратура, милиция и суды области. В 1942 г. к уголовной ответственности привлечены председатель облметаллопромсоюза Мартусевич «за срыв задания по производству спецкомплектующих для оборонных заводов», директор завода № 537 Стрекопытов «за невыполнение производственного плана и за брак выпускаемой продукции». В 13 районах области осуждено 23 руководящих работника за срыв плана развития животноводства. Возбуждено 1340 дел на колхозников, не выполняющих обязательного минимума трудодней, наказано 610 человек. В число «абсолютных лодырей» нередко попадали старики, женщины с грудными детьми. За 1942—1943 гг. военные трибуналы области осудили более 8,8 тыс. уклоняющихся от трудового набора. Их, как и дезертиров с предприятий, разыскивали, этапировали, судили, в трудовых книжках делали отметки о перерыве стажа работы...

Райпрокуратуры опирались на «группы содействия», которые сигнализировали о нарушениях законов. В Опаринском районе таких групп в 1942 г. было 14, в 1943 г. — 21. По «сигналам трудящихся» в 1942 г. были осуждены за невыполнение планов хлебопоставок государству председатель колхоза «Объединенный труд» Жолобов и единоличник Р. П. Скроба, за падеж скота на ферме — скотница Е. П. Гуммель, за уклонение от трудовых мобилизаций — Н. И. Кобзева и Я. Ю. Грактель.

До войны в промышленности области преобладало производство предметов потребления. В 1940 г. по валовому выпуску продукции предприятия группы А занимали 48%, группы Б — 52%. Но в 1939—1940 годах начали строить крупные оборонные заводы

наркоматов авиационной промышленности (завод № 315, сюда же передан КУТШО), боеприпасов (завод № 324), химической промышленности (завод № 752) и др. В первой половине войны область пережила промышленную революцию. В 1942 г. удельный вес предприятий группы А вырос до 86%, в следующем году — до 89%.

Расширены мощности старых предприятий. В военное время в г. Киров и область эвакуировано оборудование 117 заводов, фабрик, цехов, отделов, мастерских. Здесь разместился ряд наркоматов, главков, научно-исследовательских институтов, лабораторий, ЦК отраслевых профсоюзов. Огромные трудовые усилия вятчан позволили наладить выпуск оборонной продукции на этих предприятиях через 3—6 месяцев после их разгрузки. На базе завода имени 1 Мая осенью 1941 г. размещен Коломенский машиностроительный завод № 38. В 1942 г. здесь уже производили танки, затем освоен выпуск «катюш», артиллерийских снарядов, другой продукции, половина которой сдавалась без дефектов.

На территории агрегатного завода разместился московский завод им. Лепсе. За лето — начало осени 1941 года здесь налажено производство авиационного оборудования, корпусов ручной гранаты «лимонка» и насосов для артиллерийской техники. В укрепление оборонной мощи страны быстро включились эвакуированные из Москвы номерные заводы, ставшие впоследствии известными как «Маяк» и им. XX партсъезда, ленинградский «Крин».

Цехи Ярославской текстильной фабрики стали основой кордной фабрики (ныне текстильный комбинат). В феврале 1942 г. она начала работу. 6 ноября 1943 г. изготовил первые шины Кировский шинный завод, построенный в короткие сроки. 23 июня 1943 г. выпустил первые артиллерийские снаряды, начал давать другую продукцию завод «Сельмаш». Всего к концу 1941 г. в г. Кирове было 32 промышленных предприятия и 25 артелей. В конце следующего года вооружение и боеприпасы поставляли армии 19 промышленных предприятий области.

Ведущее положение заняли военные заводы. В 1942 г. они изготовили продукции на 900 млн., в 1943 г. — почти на 1,2 млрд. рублей, постоянно выполняя задания Государственного комитета обороны. Гранаты Ф-1 выпускали заводы "Физприбор" № 2, Песковский чугунолитейный, механический, фабрика металлоконструкций и другие предприятия. В области изготовляли танки, самоходно-артиллерийские и реактивные установки, автоматы, минометы, противотанковые и противопехотные мины, аэросани, торпедные катера, электрооборудование и специальную фанеру для самолетов, резинотехнические изделия, точный измерительный инструмент, химические продукты и т. д.

Легкая, местная промышленность и промкооперация также выполняли военные заказы. В среднем за один квартал они шили

для армии по 333 тыс. пар обуви, по 78 тыс. штук меховых и шубно-овчинных изделий, поставляли швейное, обочно-хозяйственное, медико-санитарное, военно-инженерное и другое имущество. Одновременно снижалось производство гражданской одежды и обуви, учебных пособий, мебели, спиртных напитков, игрушек, кружев и т. п. Полностью было свернуто производство художественных изделий из капокорешка, папье-маше, гипса и др. В целом выпуск оборонной продукции в области к концу 1943 г. увеличился в 7,6 раза. Промышленными центрами стали г. Киров, Вятские Поляны, Слободской, Просницкий, Кайский и Советский районы.

Такие изменения были невозможны без наращивания мощностей энергетики. В начале войны был создан торфотрест из четырех предприятий. В 1942 г. было добыто 80 тыс. тонн торфа. В ноябре этого же года дала ток первая очередь Кирово-Чепецкой ТЭЦ-3. Построена Омутнинская ГЭС на 16 тыс. кВт. Увеличены мощности ТЭЦ-1 и ТЭЦ-2. В 1943 г. мощность электростанций области достигла 60,6 тыс. кВт. (в 1940 г. — 23,6 тыс. кВт).

Важнейшее стратегическое значение приобрела железнодорожная станция Киров. Она стала крупным связующим узлом между центром и Уралом. Движение поездов сдерживали однопутные колеи на участках Киров — Горький и Киров — Пермь. Поэтому с первых дней войны началось форсированное строительство вторых путей. Только в июне 1942 г. на него было направлено 10 тыс. колхозников. В перевозке грузов большую роль играли автодороги, длина которых к началу 1943 г. составила 21,3 тыс. километров. Использовалась река Вятка, она пересекала 20 районов области. Судоходство велось на расстоянии 1013 км из 1371 км всей ее длины.

Область располагала большими запасами древесины — 690 млн. куб. метров. Объем лесозаготовок составил в 1940 г. 6,4 млн. в 1942 г. — 5 млн. куб. метров. Каждую зиму на лесозаготовках трудилось до 10 тыс. крестьян. Важную роль здесь играл Вятлаг. В первую военную зиму заключенные получили задание заготовить и вывезти 1,2 млн. куб. м древесины, в т. ч. 860 тыс. куб. м для оборонных целей. План был в основном выполнен.

Свою лепту в подъем экономики области внесло эвакуированное из прифронтовых районов население, хотя и были это большей частью женщины, инвалиды, старики, дети. К весне 1942 г. на вятской земле нашли убежище 227 тыс. эвакуированных. Большинство разместилось в селах. К началу 1943 г. в области их проживало 197,2 тыс., в том числе почти 116 тыс. в сельской местности. Через год осталось 144,5 тыс. человек (87 тыс. на селе). Эвакуированных вятские люди встретили гостеприимно. Ветеран войны и труда В. Куликов вспоминает: «В нашем поселке Черная Холуница в 1941 г. с большим вниманием встретили эвакуирован-

ных из Эстонии. Никто не остался без крыши над головой. Семья наша состояла из 6 человек. Спали на полатах, русской печи. Единственную самодельную кровать уступили приглашенной женщине. О какой-то плате и разговора не было. Картошка и овощи с огорода, мясо убитого зайца или медведя, рыба, пойманная в пруду, брусника, собранная в бору, — все было общим... Жили и трудились одной семьей во имя победы».

Тяжелым прессом легла война на сельское хозяйство. Деревня осиротела. Большинство трудоспособных мужчин, около 70% руководителей сельского хозяйства области ушли на фронт. Из 18 тыс. механизаторов осталось 4 тыс., половина из них — женщины. В производство включились подростки, пенсионеры, эвакуированные. На краткосрочных курсах они осваивали профессии бригадира, механизатора, полевода. Женщины составляли более трети председательского корпуса области. Из всех сил деревня старалась обеспечить армию, население городов — продовольствием, промышленность — сырьем.

Для усиления партийно-политической работы в ноябре 1941 г. в МТС и совхозах возрождены политотделы. В колхозах, совхозах и МТС ширилось движение ударников, стахановцев, фронтовых бригад, звеньев высокого урожая, проводились многочисленные декадники и вахты. Но несмотря на трудовое перенапряжение сельских тружеников, сдача хлеба государству снижалась. В 1940 г. 408 тыс. тонн, в 1942 г. — 362 тыс., в 1943 г. — 303 тыс. тонн вятского хлеба получила страна. Снижались поставки мяса, картофеля, молока, другой продукции. Львиную долю продуктов животноводства сдавал государству индивидуальный сектор. Например, мяса колхозники с личных подворий сдали в 1940 г. 49% от общего объема госпоставок, в 1941 г. — 48%, в 1942 г. — 32%, в 1943 г. — 31%. В начале войны область приняла из прифронтовых районов более 140 тыс. лошадей, 253 тыс. голов крупного рогатого скота и 117 тыс. овец. Но это не изменило ситуацию в животноводстве, она ухудшалась. За 1941—1943 годы поголовье лошадей в области снизилось на 34%, крупного рогатого скота — на 11%, свиней — на 52%, лишь численность овец выросла на 28%. Сказывались дефицит кормов, падеж скота, чрезмерные объемы мясopоставок.

Ценой громадных усилий перевод народного хозяйства области на военные рельсы был завершен в 1942 году. Потребности войны обеспечивала четвертая часть тружеников сельского хозяйства, две трети работников промышленности, основная часть транспортников и лесников.

Война вошла в каждый дом, в каждую семью. Она принесла обнищание основной массе населения. Военные расходы снизили производство товаров народного потребления. С июля 1941 г. вводилась карточная система обеспечения продовольственными

товарами. Выдача их строго дифференцировалась по группам населения, по отраслям хозяйства и по регионам. Продовольственные карточки получали только жители городов и рабочих поселков. Сельская интеллигенция, эвакуированные и инвалиды, не занятые в сельском хозяйстве, хлеб и другие продукты питания получали по талонам и спискам. Отоваривание карточек, талонов и списков нередко задерживалось, происходила замена одних продуктов другими. Нормы выдачи колебались. Хлеба на 1 карточку выдавали от 300 до 800 г в день, других продуктов питания — в среднем по 130 г на человека в день.

Крестьяне получали от колхоза менее 200 г зерна и около 100 г картофеля в день. Мясо, масло, молоко им давало личное хозяйство. Размеры приусадебных участков у крестьян за войну выросли с 0,24 до 0,28 гектара. Бедность граничила с нищетой. Сахар, колбаса, кондитерские изделия, изредка появлявшиеся перед войной, теперь совсем исчезли из деревенского дома. От голодной смерти спас вятского крестьянина картофель. Его добавляли в хлеб, из гнилой картошки пекли лепешки. Потребление картофеля в 1940—1945 гг. выросло с 350 до 850 г в день. А когда не хватало картофеля, хлеба, в ход шли жмых, отруби, клевер, лебеда, крапива, желуди...

Горожан спасал общепит, подсобные хозяйства предприятий, индивидуальные огороды. В 1943 г. подсобные хозяйства заводов и фабрик возделывали 33,6 тыс., в 1944-м — 51 тыс. гектаров земли. Индивидуальные огороды занимали овраги, нередко площади и скверы городов. Их имели в 1942 г. 108 тыс., в 1943 г. — 159 тыс. горожан. Велась децентрализованная заготовка сельхозпродукции. Законом стало правило: «Лучше питается тот, кто лучше работает». Несмотря на всеобщий голод воровство, спекуляция, мародерство и обман не получили в войну широкого распространения.

Еще хуже было с промышленными товарами. На большинство товаров цены устанавливал центр. Они были недоступны для основной части населения. Платок вязаный стоил 450 руб., буфет — до 600 руб., железная кровать — до 207 руб.

Помогало расширение сети предприятий бытового обслуживания. Они открывались всюду — при большинстве заводов, фабрик, учреждений, даже при школах. С 1 февраля 1942 г. промтовары стали выдавать горожанам по карточкам. Выкуп товаров был также дифференцирован по разным категориям лиц. Карточки не гарантировали выдачу указанных в них товаров. Колхозников товарами обеспечивала потребкооперация.

Трудящиеся штопали, перекраивали старую одежду. Крестьяне вернулись к домотканой одежде и лаптям. В 1942—1943 гг. в расчете на одного колхозника покупалось по 0,5 метра ткани и по

1 ботинку из лоскута в год. Крестьянская семья могла купить только 1 кг мыла в год. Трудно было интеллигенции. В 1943 г. городской учитель на приобретение промтоваров тратил в среднем до 100 рублей, а сельский учитель — до 250 руб. Некоторые учителя (такие факты были в г. Кирове, Даровском и других районах) не имели даже брюк и вели уроки в пальто. Во второй половине войны ситуацию немного разрядило открытие колхозных рынков и коммерческой торговли. Здесь можно было что-то обменять или купить.

Низкий жизненный уровень тружеников тыла не сказался на их высоком патриотизме. С начала войны развернулось всенародное движение за создание фонда обороны страны. Деньги, ценности, продукты и товары шли в этот фонд непрерывно. Проводились субботники и воскресники, подписки на государственные займы. В 1941—1942 гг. на средства, собранные трудящимися области, были построены 2 танковые колонны, которые уже 28 декабря 1942 г. получили боевое крещение. В 1942 г. по почину яранских колхозников начался сбор средств на постройку авиаэскадрильи «Кировский колхозник», к концу года поступило 52 млн. рублей. Трудящиеся Верхошижемского района внесли более 3 млн. рублей. По 25 тыс. руб. вложили бригады Кырчанской МТС Г. И. Гущин, Вожгальской МТС — А. Н. Свалов, вожгальская колхозница П. И. Сырчина и др. А чуть раньше, в сентябре 1942 г. армия получила эскадрилью самолетов, построенных на средства областного отделения МОПРа. По инициативе коллектива комбината «Искож» шел сбор теплых вещей для армии. К началу 1942 г. воины получили более 15 тыс. полушубков, 41 тыс. пар валенок, почти 32 тыс. шапок. Морякам Балтийского флота отправлено 32 вагона подарков.

В военные годы область превратилась в мощную госпитальную базу. В 1941 г. в городах и райцентрах функционировало 35 госпиталей (почти 28 тыс. коек), в середине 1942 г. — 69 госпиталей (45 тыс. коек), в середине 1944 г. — 50 госпиталей (более 34 тыс. коек). Госпитали были укомплектованы врачами и другим медперсоналом на 60—90%. Немало возвращенных к жизни воинов на счету известных тогда врачей А. А. Шишкиной, И. П. Жилина, Н. А. Завадского, профессоров М. Г. Рамм, Е. М. Ошеровича, Героя Социалистического Труда Ю. Ю. Джанелидзе и всего состава эвакуированной в Киров Ленинградской военно-морской медицинской академии. За первые 2,5 года войны проведено 91,5 тыс. хирургических операций. До июля 1944 г. в госпиталях прошло лечение 261 тыс. раненых и больных. Возвращались в боевой строй от 52 до 85% лечившихся воинов. Из-за недостатка врачей (1 врач приходился на 200 больных), лекарств и питания высокой была смертность среди военнопленных, которые лечились в госпиталях Оричей, Халтурина, Фаленок, Рудничного и других мест.

Страшное эхо войны живет в миллионах душ современников. Многих из них фашизм лишил отцов и матерей. Приютом для сирот стала Кировская область. За годы войны здесь было размещено более 70 тыс. детей, в том числе более 28 тыс. из блокадного Ленинграда. Создавались детские дома, интернаты, другие сиротские заведения. Забота о них тоже была всенародной. Только колхозы области к началу 1944 г. содержали 6 тыс. детей в 137 детских домах. Молодые кировчане собрали для эвакуированных детей более 4,5 млн. рублей. По инициативе вятских женщин всесоюзный характер приобрело движение по усыновлению, патронату и опеке над детьми.

Военные победы складывались из ратного и трудового героизма миллионов людей. Рабочие, мастера, инженеры работали по 2—3 смены подряд, чтобы выполнить заказы фронта. За 1942—1943 годы выпуск военной продукции на крупных заводах области вырос на 13—56%, в последующие годы объемы еще увеличились. Нормой стал выпуск сверхплановой продукции. На последнем этапе войны построен литейный цех на Песковском заводе, реконструирован Кирсинский завод, введена электростанция на Чернохолуницком заводе. Движение рационализаторов и изобретателей за 1944 г. дало в г. Кирове 4-миллионный экономический эффект. С успехом трудились железнодорожники, водники, лесозаготовители. В целом за 1941—1945 гг. промышленное производство в области почти удвоилось. Подвиг вятского рабочего класса величествен. За время войны он дал армии 4176 танков и САУ, 2 тыс. «катюш», 3 млн. снарядов, 5 млн. мин и авиабомб, 33 млн. гранат, 200 кораблей, 2 тыс. азросаней, 2 млн. минометов, 5 млн. автоматов, большое количество авиационного и другого оборудования. Армия получила 700 тыс. полушубков и бекеш, более 13 млн. пар кожаной обуви, много другого обмундирования и снаряжения.

Неудачным был 1943 г. для тружеников сельского хозяйства. Сказывались дефицит квалифицированных кадров, нехватка рабочей силы, тягла, плохие погодные условия. Посевные площади сократились на 330 тыс. гектаров. Урожай зерновых составил в 1942 г. 9,6 ц, в 1943 г. — 6,8 ц с гектара. Вырос, правда, урожай картофеля: 1942 г. — 54 ц, 1943 г. — 97 ц с га. Недород хлеба, сокращение животноводства и жесткие планы сдачи продукции государству привели крестьян на грань вымирания. Стремительно росла дистрофия. Отчаяние людей достигло предела. Весной 1943 г. случаи людоедства, жертвами которого стали родные дети решившихся на такое, произошли в деревнях Поварешки, Проклинцы Верховинского района, в д. Каварда Медянского района, в колхозе им. Калинина Мурашинского района.

Сельскому хозяйству области была оказана государственная помощь техникой, горючим, удобрениями, предоставлена семенная

ссуда, списана задолженность по поставкам хлеба государству. Чтобы облегчить работу молодым сельскохозяйственным кадрам, в 1942—1943 гг. проведено разукрупнение колхозов (до этого шло их слияние). К осени 1944 г. число колхозов выросло на 793 и составило 8430.

Самоотверженно трудились на полях области 5 тыс. женщин-трактористок. Молодежная бригада И. Морозова из Вятскополянской МТС добилась выработки в 900 га мягкой пахоты на трактор. Немало бригад последовало их примеру. В итоге область перевыполнила задание 1944 г. по хлебопоставкам, государство получило почти 391 тыс. тонн хлеба. Лальский район награжден переходящим Красным знаменем Госкомитета обороны. Весенние полевые работы 1945 года прошли с подъемом.

Война нанесла большой ущерб сельскому хозяйству области. Резко сократились людские ресурсы деревни, на пятую часть уменьшились посевные площади, а поголовье общественного скота — на 29%. В запущенное состояние пришли льноводство, травосеяние, другие отрасли. Но несмотря на большие потери, вятское крестьянство бесперебойно отправляло фронту и тылу необходимую сельскохозяйственную продукцию. За время войны государство получило 1,9 млн. тонн зерна, более 4,4 млн. тонн картофеля, 306 тыс. тонн молока, 91 тыс. тонн мяса, много другой продукции.

Дух патриотизма и сострадания жил всю войну. На деньги вятчан в 1943—1945 годах построены третья и четвертая танковые колонны, эскадренный миноносец, два бронепоезда, более 400 самолетов. Армия и флот за войну получили от кировчан почти 130 вагонов с подарками. В военные годы труженики области приобрели облигаций военных займов и билетов вещевых лотерей на сумму свыше 1,5 млрд. рублей. Более 150 млн. рублей наличных средств внесено в Фонд обороны страны.

Большую помощь с начала 1943 года оказывала область освобожденным от врага районам. Все население, от руководителей до пионеров, участвовало в восстановлении Сталинграда и одноименной области. Кировчане шефствовали над Ворошиловским районом города-героя, над двумя сельскими районами. Туда отправлено промышленного оборудования, материалов и товаров широкого потребления более чем на 3,7 млн. рублей. Сельскому хозяйству поставлялись машины, инвентарь, скот, семена, продукты питания. Разоренный город поднимали более тысячи молодых кировских добровольцев.

В ноябре 1943 г. началось восстановление Донбасса. Кировская область взяла шефство над семью угольными шахтами. Она направляла людские и материальные ресурсы для восстановления Украины, Белоруссии, Молдавии, Прибалтийских республик, а

также в Московскую, Ленинградскую, Смоленскую, Курскую, Орловскую, Мурманскую и другие области России.

В тяжелых условиях продолжала осуществляться социальная политика. Среднемесячная заработная плата рабочих и служащих в промышленности выросла за годы войны на 42%. В сентябре 1944 г. ее размер у рабочих области составил 322 руб., у служащих — 393 руб., у инженерно-технических работников — 828 рублей. Рабочие совхозов получали 210 рублей в месяц, работники МТС — 279 руб. Зарплата учителей школ составила 408 руб., работников здравоохранения — 357 рублей. Вычеты из зарплаты составляли более 30%. Трудящиеся платили подоходный, военный налоги, налоги за бездетность, за брак в работе и т. д. Минимальные же расходы одного рабочего в месяц составляли 372 рубля (питание, топливо, займы, одежда и т. д.). Денег не хватало. Расходы населения превышали доходы. Город и деревня обнищали.

Колхозники вырабатывали в среднем по 230—250 трудодней в год, но оплачивались они хуже, чем до войны. Значительная часть денежных доходов уходила на различные платежи и налоги. Низкая оплата труда колхозников немного компенсировалась высокими рыночными ценами на сельхозпродукцию. В промышленности и сельском хозяйстве внедрялась сдельная оплата труда и премиальная система.

Бурные миграционные процессы обострили жилищную проблему в городах. За 1941—1943 гг. численность населения областного центра выросла со 146 до 200 тыс. человек, а общее число горожан в области (за 1939—1942 гг.) увеличилось с 348 до 475,6 тысячи человек. В 1943 г. в области было 13 городов и 24 рабочих поселка. Статус города получили Вятские Поляны, рабочего поселка — Санчурск, Каринторф, Стрижи, Христофорово, другие населенные пункты. За 2,5 года войны в г. Кирове построено 31,6 тыс. кв. метров, большей частью ведомственного, жилья. В основном это были индивидуальные дома, бараки, землянки, общежития. Средняя жилая площадь на человека составила 3,2 кв. метра. К началу 1945 г. 34% жилых зданий городов и рабочих поселков области имели водопровод, более 10% — канализацию, около 6% — центральное отопление, 91% — электроосвещение. Все райцентры (кроме Бисерова) электрифицированы. В 1943 г. в г. Кирове завершено строительство Дома Советов, построено 20 км дорог с твердым покрытием, открылась первая троллейбусная линия протяженностью 5 километров.

Продолжилась радиофикация области. В начале 1944 г. в городах работало 36 тыс., в селах — 20 тыс. радиоточек. Громкоговорители были установлены на всех предприятиях, МТС, на улицах и площадях. Телеграфную и телефонную связь г. Киров имел со всеми райцентрами, кроме Опарино, Подосиновца и Лальска. На-

чалась телефонизация сельсоветов, МТС и колхозов. Работало 527 почтовых отделений.

В войну сократилась сеть культурных учреждений — библиотек, киноустановок, театров. В г. Кирове работали Ленинградский Большой драматический театр и Ленинградская академическая капелла. Создавали свои произведения многие известные в стране прозаики, поэты, драматурги, художники, эвакуировавшиеся в область. Сократились количество и тираж газет, но возрос выпуск плакатной продукции. Самым популярным видом искусства стало кино. Только в 1943 г. кинофильмы посмотрело более 6 млн. зрителей, в т. ч. около 2 млн. на селе. Особой популярностью пользовались фильмы «Александр Пархоменко», «Она защищает Родину». В феврале 1945 г. возник известный ансамбль песни и пляски профтехобразования «Дымка».

Численность коммунистов за время войны увеличилась в области с 23,5 тыс. до 26,6 тыс., несмотря на то, что 17,2 тыс. членов партии ушло на фронт. Важную роль в создании слаженного хозяйственного и общественного организма области сыграла интеллигенция. На вятской земле продолжали трудиться академик медицины К. М. Быков, профессора-аграрники В. А. Ершов и П. Т. Решетников, конструктор стрелкового оружия Г. С. Шпагин, конструктор авиационного электрооборудования А. А. Енгибарян...

Претерпело изменения в военное время здравоохранение области. Фельдшер стал основной фигурой, более 40% их работало на врачебных должностях. При крупных заводах созданы медсанчасти. В начале войны были вспышки инфекционных заболеваний, но постепенно подавлены. За 1942—1944 гг. число больных брюшным тифом снизилось с 1,9 до 1,2 тыс. чел., дизентерией — с 5 до 1,5 тыс. чел., малярией — с 10 до 8 тыс., гриппом — с 38 до 25 тыс. человек. Очаги инфекций были локализованы.

Смертность от заболеваний не превышала довоенного уровня, хотя общий уровень заболеваемости рос. Особенно высокой была детская смертность. На первом году жизни в г. Кирове в январе 1942 г. умирало почти 52% детей, в марте — более 61%. Основные причины — простудные заболевания и плохое питание в яслях. Области не хватало педиатров, хирургов, терапевтов, невропатологов, рентгенологов, других специалистов. В войну ухудшилось здоровье тружеников тыла. Главными причинами смертности стали дистрофия, туберкулез, пневмония и тиф. Число больничных коек выросло в области с 4,7 тыс. в 1940 г. до 6,3 тыс. — в 1945 г., но их не хватало. Особенно ослабло здравоохранение в сельской местности. В связи с привлечением женщин на производство резко расширилась сеть детских учреждений. В 1942 г. в области было 283 детских сада всех типов (18,7 тыс. детей), в 1944 г. — 421 сад (29,2 тыс. детей), на 64% прибавилось детей в яслях.

Тяжелым испытанием стала война для системы народного просвещения. Процесс перехода ко всеобщему среднему и семилетнему образованию был приостановлен. Во многих районах школьники выполняли до третьей части всех летних сельскохозяйственных работ. В 1944 г. в бисеровском колхозе «Путь к социализму» на жатках соревновались два брата Шмыриных: 15-летний Виктор и 13-летний Сергей. Оба небольшого роста, они с трудом забирались на сиденья машин, но сами ремонтировали их. Подростки военной поры хорошо помнят холодные рассветы, печальные глаза матерей, знают цену горбушки черного хлеба.

Сокращение мужской части сельского населения, бедственное положение многих семей, необходимость ведения домашнего хозяйства и ухода за младшими детьми сократили численность учащихся в школах всех типов с 401 тыс. в 1940/41 учебном году до 318 тыс. — в 1944/45. Из начальных классов выбыло почти 8% учащихся, из средних — 42%, из старших классов — 53%. В большей степени это коснулось сельских школ. Почти прекратилось обучение неграмотных и малограмотных.

В начале войны сокращены продолжительность урока, перемен, каникул и учебного года. Дети военнослужащих с 1 июля 1941 г. освобождены от оплаты за обучение в 8—10 классах. В 1942 г. введены горячие завтраки в городских школах. С 1943 г. возраст первоклассника снижен с 8 до 7 лет. В 1944 г. открылись первые группы продленного дня. Вводились другие новшества. Материальная и учебная база школ слабела.

В трудных условиях работали все вузы области. Кроме них на вятской земле разместились эвакуированные из Ленинграда Военно-морская медицинская и лесотехническая академии, Брянский лесотехнический, воронежские педагогический, учительский институты и университет, московские государственный и областной педагогические и химико-технологический институты, другие вузы. К началу 1943 г. открылись 6 музыкальных школ и одно музучилище, 15 педагогических училищ. Система образования не была разорена, она продолжала действовать.

Война вступила в завершающую стадию. Доблестная Красная Армия гнала фашистскую нечисть с родной земли. При освобождении Украины под Харьковом прославился стрелковый взвод, которым командовал лейтенант, бывший учитель из пос. Кирс Петр Николаевич Широнин. Пять суток взвод удерживал железнодорожный переезд в Тарановке. Широнинцы подбили 30 вражеских машин. 20 из 25 героев погибли. На земле Белоруссии обрел вечную славу наводчик батареи «катюш» Герой Советского Союза С. Д. Бородулин, уроженец Фаленского района. Четырежды раненый, кавалер 12 правительственных наград, командир группы разведчиков гвардии старший сержант Д. Ф. Тотмянин, уроженец

Котельничского района, погиб 20 июля 1944 г. при освобождении Литвы. В ноябре 1939 г. был призван в армию кировчанин А. Ф. Пономарев. Украина, Сталинград, Курск, Смоленск, Вязьма, Минск, Литва — таков боевой путь отважного комбата, награжденного двумя орденами Красного Знамени. Бессмертие пришло к нему 20 января 1945 г. в Восточной Пруссии...

Неувядаемы военные подвиги женщин-кировчанок. Тысячи их были зенитчицами, связистками, командирами подразделений, врачами, медсестрами, санитарками. За Родину погибла уроженка Зуевки военная летчица Р. В. Беляева. Незабываемы подвиги партизанок-разведчиц Анфисы Горбуновой, Веры Ананьевой, заместителя командира партизанской бригады по разведке, студентки Кировского пединститута Л. П. Кассихиной и многих других.

Звание Героя Советского Союза присвоено отважному чекисту из Оричевского района А. Н. Шихову, боевой отряд которого пустил под откос 20 вражеских эшелонов, истребил тысячи фашистов. В последние дни войны в битве за Берлин героически погибли командир танковой бригады В. И. Макаров из Оричевского района и кировчанин И. Д. Костин, командир полка, который в числе первых ворвался в предместья фашистской столицы.

Тысячи кировчан награждены боевыми наградами страны. 43 из них стали полными кавалерами ордена Славы. Более 200 кировчан удостоены звания Героя Советского Союза. Среди них прославленные полководцы Маршалы Советского Союза И. С. Конев и Л. А. Говоров, маршалы авиации Ф. Я. Фалалеев и К. А. Вершинин, генералы И. П. Алферов, Н. Д. Захватаев, Д. К. Мальков, Н. А. Наумов и другие. Более четверти миллиона вятских героев отдали жизнь за Родину. Их имена навечно занесены в областную Книгу Памяти. Судьба более 40% погибших воинов-кировчан до сих пор не известна. В списках они значатся «без вести пропавшими». Молчаливым укором смотрят на нас могилы неизвестных солдат. Не может меркнуть слава живущих и умерших ветеранов войны и труда, их имена должны занять достойное место в истории края. Более 250 тысяч кировчан отмечены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» За трудовые подвиги в годы войны около тысячи рабочих и шесть предприятий г. Кирова награждены орденами. В ознаменование трудовой доблести тружеников тыла в 1967 году на Октябрьском проспекте областного центра взошел на постамент для вечной стоянки боевой танк, дошедший до Берлина.

Подвиги кировчан, грудью вставших на защиту Родины в лихую годину, увековечены в названиях улиц, в музейных экспозициях, многочисленных памятниках, мемориалах. В начале улицы Московской города Кирова у крутого обрыва горит Вечный огонь Славы главному герою войны — народу-победителю. Поклонимся

же ему и сохраним мир, завоеванный ценою неисчислимых страданий и жертв!

П. Т. ОЖЕГИН

ВЯТЛАГ

Вятлаг — глухие кайские леса. Вятлаг — скопище заключенных. Вятлаг — это лесопромышленный комплекс. Вятлаг — это особый мир, покоящийся на костях людей. Вятлаг — это, наконец, «государство в государстве» со своими законами, традициями, моралью.

«ОСТРОВ» В ТАЙГЕ

История Вятлага — доселе закрытая страница истории вятской земли. Чтобы понять, осмыслить причины его возникновения, необходимо вспомнить историческую обстановку, которая складывалась в конце 20-х — начале 30-х годов.

Сотни и тысячи зажиточных вятских крестьян, так называемых кулаков, были согнаны с насиженных мест и отправлены — одни в кайские леса, в Ожмегово, другие еще дальше на север, третьи на Урал, в Пермскую и Свердловскую области. Тот, кто выражал недовольство такими порядками или сочувствие пострадавшим, сам попадал под топор репрессий, вознесенный над всей страной. «Двойки», «тройки», «особые совещания» вначале при ОГПУ, а затем при НКВД и их органах на местах денно и нощно трудились, рассматривая дела на «контрреволюционеров». Для изолирования от общества нарастающей массы осужденных требовались все новые места заключения. Страну все больше покрывала сеть лагерей.

По мере раскручивания маховика репрессий росла она очень быстро. По данным на 31 декабря 1937 года, в тюрьмах и лагерях содержалось 996 тысяч заключенных, а на 31 декабря 1940 года их было уже 1500 тысяч. Несколько замедлившая свои обороты во время войны репрессивная машина в послевоенный период закрутилась с новой силой. На 31 декабря 1947 года в заключении находилось 1108 тысяч человек.

Судьбами всей этой массы людей вершило созданное в недрах НКВД Главное управление лагерей — тот самый ГУЛАГ, что получил широкую известность и нарицательное значение с выходом в свет знаменитой книги писателя А. И. Солженицына. К концу 30-х годов в ведении ГУЛАГа насчитывалось 53 лагеря. Одним из «островов» этого мрачного «архипелага» и был Вятский лагерь, Вятлаг.

История его создания восходит к 1931 году, когда была

закончена прокладка железной дороги Яр — Фосфоритная. Первые бараки для заключенных появились на этой станции с приходом туда первого паровоза. Кстати, эти бараки и казармы для солдат охраны стояли еще в пятидесятые годы, когда леса вокруг были уже вырублены, и лагпункты «ушли» далеко на север. А первое упоминание о Вятлаге в документах относится к 1937 году, когда руководство поселка Рудничного получило предписание выделить часть зданий для временного размещения управления Вятского лагеря и семей его работников. С этого времени вдоль железной дороги начинают строиться палаточные лагпункты.

Лагерный пункт — это клочок земли, отвоеванный у тайги руками заключенных, обнесенный забором из колючей проволоки, с запретной зоной, сторожевыми вышками по углам, контрольно-пропускным пунктом (КПП) — вахтой, бараками и коммунальными службами внутри зоны. Неизменными спутниками лагпункта были казарма для охранников, помещение конторы, дома для проживания сотрудников и производственная зона, где использовался труд «зэков».

Наряду со строительством первых лагерных пунктов сооружалась Гайно-Кайская железная дорога. Не отмеченная ни на одной доступной для широкого пользования географической карте, она тем не менее существует и поныне, называясь подъездным путем учреждения К-231. Фактически же это довольно значительная по протяженности транспортная артерия, которую тогда, в 30-е, начали тянуть от станции Фосфоритной в глубь кайских лесов. Разъезд Южный, станции Верхнекамская, Нырмыч, Заводская, Лесная появились на карте лагеря за каких-то полтора-два года.

В 1938 году вблизи станции Лесная строится лесозавод, а затем и так называемый соцгородок — будущий поселок Лесной, «столица» Вятского лагеря. Сюда и переехало его управление в 1939 году. А еще через год по Гайно-Кайской железной дороге начались платные пассажирские перевозки. От станции Лесная до станции Верхнекамская и обратно паровоз таскал несколько пассажирских вагонов, списанных НКПС, но отремонтированных руками «зэков» и пущенных по вятлаговской ветке.

На станции Заводская по одну сторону линии железной дороги был построен Кайский целлюлозный завод, по другую — лесозавод. Четыре лагпункта поставляли лес для заводов по узкоколейной железной дороге.

Вблизи станции Лесная для обслуживания нужд лагеря были построены механические мастерские по ремонту паровозов, вагонов и другой техники. А в каких-то двухстах метрах от них по другую сторону железной дороги на берегу речки Созим раскинул свои «апартаменты» 5-й отдельный лагерный пункт (ОЛП), впоследствии переименованный в Комендантский, самый вместительный и са-

мый крупный по наполняемости заключенными. Ежегодно на карте Вятлага появлялись новые лагпункты, а к ним тянулась нитка железной дороги. Лагпункты, как грибы после дождя, вырастали в кайской тайге. Когда была в основном вырублена она, принялись за валку лесов в соседней Коми республике. На север от станции Лесная появились станции Брусничная, Има, Октябрьская, Мень, Турунья, Кажимка, Пелес, Черная, Бадья, Крутоборка, которые обслуживали лагерные подразделения. Причем одни лагпункты, вырубив в округе лес, закрывались, другие строились, и туда перевозили заключенных.

Общее количество их в 1939 году составляло 20738 человек. Во время войны оно несколько уменьшилось, но уже к 1947 году вновь достигло такого же уровня, значительно превысив предельную наполняемость лагеря, составлявшую на январь этого года 16770 мест. В следующем, 1948-м, году численность заключенных подскочила еще больше. На 1 марта она составляла 25642 человека, в том числе 19820 мужчин и 5822 женщины. Из общего числа содержащихся в тот момент в Вятлаге заключенных 38,4 процента были осуждены по политическим статьям, в первую очередь по печально знаменитой 58-й и 61,6 процента — по другим статьям Уголовного кодекса РСФСР.

Для лучшего оперативного управления в структуре Вятлага создавались отделения. Например, 1-му отделению с центром в п. Созим подчинялись четыре лагпункта с одинаковым названием Нырмыч — Нырмыч 1-й, Нырмыч 2-й, Нырмыч 3-й, Нырмыч 4-й. 2-е отделение с центром в п. Заречном имело в подчинении три лагпункта, называвшихся подкомандировками, что связано со спецификой лесозаготовительных работ. Через отделения все нити управления лагпунктами и Вятлагом в целом тянулись к его «столице» — поселку Лесному.

В конце сороковых — начале пятидесятых годов он представлял собой небольшой населенный пункт почти без единой кирпичной постройки. Выкрашенное зеленой краской деревянное здание железнодорожного вокзала с деревянным перроном встречало приезжих. От него к центру поселка вела Привокзальная улица, вымощенная «торцовкой» — врытыми «на попа» в землю деревянными тюльками. В то время можно было наблюдать, как по улице к вокзалу в пролетах, запряженных холеными жеребцами, подкатывало высокое лагерное начальство для встречи близких родственников или еще более высокого начальства.

Вдоль Привокзальной улицы слева тянулся высокий сплошной деревянный забор с колючей проволокой по верху. За забором располагались различные базы обеспечения лагеря. Справа — дощатые тротуары, брусковые дома, обнесенные штакетником палисадники со скудной растительностью. В центре поселка — площадь

с памятником В. И. Ленину, который изваял художник-скульптор Ф. Ф. Лавров, отбывавший срок по 58-й статье. Площадь окружали с юга — Дом культуры, с запада — двухэтажное здание управления лагеря, с севера и востока — двухэтажные жилые дома с высокими башенками в готическом стиле на крышах. Строили их ссыльные немцы Поволжья и военнопленные, немалое количество которых, от двух с лишним тысяч до почти четырех тысяч, содержалось в Вятлаге в военные и послевоенные годы.

Тогда о подобных фактах предпочитали не распространяться. Да и вообще лишь недавно стала приподниматься плотная завеса секретности, окутывавшая, как и в других гулаговских заведениях, скрытую от посторонних глаз жизнь Вятлага. В официальных документах он долгое время именовался «почтовым ящиком» № 231, с 1959 года стал называться учреждением К-231. Хотя и находился Вятлаг на территории Кировской области, но руководство его подчинялось непосредственно Москве.

Первым начальником управления лагеря был Г. С. Непомнящий, который недолго сидел в этом кресле. В 1938 году кайские леса постигла большая беда: невиданной силы пожар смерчем пронесся по зеленому таежному морю. Многие люди спасались от огня в водоемах. За непринятие необходимых мер по борьбе с пожаром Непомнящий был снят с должности, а вместо него назначен И. И. Долгих. Именно при нем началось строительство соцгородка — будущей «столицы» Вятлага. Впоследствии Долгих возглавил ГУЛАГ. А здесь его сменил Н. С. Левинсон, человек энергичный и крутой, много сделавший для развития лагеря, укрепления режима и материально-технической базы. На его долю выпал самый тяжелый и голодный период руководства лагерем. Управлял им Ной Соломонович с 23 июля 1941-го по 2 января 1944 года.

ВСЕ ДЛЯ ФРОНТА!

Вятлаг внес немалый вклад в дело помощи фронту. Для нужд обороны он поставлял пиломатериалы, спецупорку, осиновую клепку, авиаберезу, авиасосну, ружболванку, палубник, понтонник, шпалы, спецтару и другую лесопroduкцию. В центральных механических мастерских с июля 1942 года по специальному заданию Государственного комитета обороны было организовано производство металлических деталей для артиллерийских снарядов и мин.

Вся работа лагеря была направлена на как можно более эффективное использование по сути дела рабского труда заключенных. На это были направлены меры по совершенствованию его организации, режима содержания, а также агитационно-воспитательная работа. В феврале 1943 года вышел первый номер вятлаговской многотиражки для заключенных «Лес — стране». Параллельно

с ней выходила газета для вольнонаемных «Призыв». Как и на свободе, было организовано соревнование между бригадами, цехами, участками со всеми неотъемлемыми атрибутами — досками показателей, выпуском «молний», награждением передовиков производства. В качестве награды был дополнительный паек. Его значение для поощряемых трудно переоценить.

Очевидцы свидетельствуют, что во время войны питание заключенных резко ухудшилось. Тот, кто пользовался бесконвойным хождением, менял на продукты питания свои вещи, чтобы выжить. Тот же, кто оставался под конвоем и не имел возможности приобрести съестное, вынужден был голодать. Как пишет Д. М. Панин, автор книги «От Лубянки до Экибастуза», смертность среди заключенных от голода и непосильной работы была высокая. В 1942 году на лагпункте из 1000 человек ежедневно умирало до 18.

В управлении Вятского лагеря еще 16 октября 1939 года был организован отдел сельского хозяйства, в обязанность которого вменялось создание подсобных сельскохозяйственных предприятий. В ноябре 1941 года, когда враг рвался к Москве, в Вятлаге организовали специализированное сельскохозяйственное подразделение — сельхоз № 2 с центром в поселке Старцево. Впоследствии оно стало одним из лучших хозяйств не только в учреждении, но и во всем Кайском районе. В июне 1942 года организован сельхоз № 1 в полутора километрах от соцгородка. К настоящему времени он почти слился с поселком Лесной. Если первоначально в сельхозах планировалось лишь выращивание для нужд лагеря овощей и картофеля, то в дальнейшем в них стали разводить и животноводство.

Во время войны в фонд обороны Родины отправлялась и продукция вятлаговских подсобных сельских хозяйств — картофель, капуста, турнепс, морковь, свекла, овес, ячмень, хотя эти продукты крайне нужны были для тысяч голодающих заключенных. Кайские леса богаты грибами и ягодами. Руководители лагпунктов зачастую организовывали специальные бригады из бесконвойников для сбора «даров природы», что являлось хорошим подспорьем для питания заключенных. Брусника, клюква и другие ягоды, кроме того, отправлялись в фонд обороны. Подсобные хозяйства по выращиванию картофеля и овощей начали создавать и при лесозаготовительных лагпунктах. Сотрудники учреждения заводили коров, свиней и другую живность.

В специализированных сельскохозяйственных предприятиях — сельхозах работали в основном заключенные, а в сельхозе № 2 — спецпоселенцы из ликвидированной Республики немцев Поволжья. Выселенные со своих родных мест в широкие казахские степи, они в 1942 году в количестве семи тысяч человек по указанию Берии оказались в кайских лесах, в Вятлаге. Если заключенным был

определен срок, то «нацмены» выселялись навечно, пожизненно. К тому времени в Кайском районе было два спецпоселка, где проживали спецпоселенцы, — Ожмегово, куда были выселены так называемые кулаки, и Рудничный, где проживали татары и немцы, кулаки и бывшие заключенные, которым был запрещен выезд в родные места и в центральные районы страны.

Поселок Старцево, центр сельхоза № 2, для немцев-спецпоселенцев стал местом жительства и работы. И какой работы! Привыкшие по-хлеборобски основательно и надолго обустраивать жизнь, они и на новом месте, на кислых и тощих кайских почвах показывали образцы качественного труда. Вот лишь один пример в подтверждение сказанного. Чудом сохранившийся потрепанный листок — характеристика на двух спецпоселенков — гласит:

«Рау Мария Михайловна, звеньевая высокого урожая сельхоза № 2, на закрепленной площади вырастила в 1945 г. урожай картофеля с 3,4 га по 27,3 тонны с гектара, а с рекордного участка 0,23 га — 38,3 тонны с гектара; капусты — с 2,3 га по 23 тонны с гектара. В 1946 году звено Рау взяло обязательство вырастить на рекордном участке урожай картофеля по 80 тонн с гектара.

...Орт Ида, звеньевая высокого урожая сельхоза № 2. Ее звено на закрепленной площади в 1945 году вырастило урожай: картофеля с — с 5,5 га по 18,4 тонны с гектара, капусты — с 2,5 га по 40 тонн с гектара, а с рекордного участка 0,47 га — 64,3 тонны с гектара. В 1946 г. звено Орт взяло обязательство получить урожай капусты с рекордного участка 120 тонн с гектара».

В сельхозе № 2 не только получали рекордные для северного района Кировской области урожаи, но заложили и вырастили фруктовый сад. Яблоки и вишни были ликовинкой для этих мест. Садовым хозяйством руководил Иван Бугор, из бывших заключенных, вкладывавший в него все свое умение и природную смекалку. В 1945 г. здесь завели пасеку и получали завидные сборы меда. Говоря о сельхозе № 2 и его людях, нельзя не сказать о Ганцгорне Германе Александровиче, длительное время возглавлявшем это хозяйство, бывшем спецпоселенце. Это был умелый организатор и талантливый руководитель сельскохозяйственного производства. Хотя сельхоз № 2, как и весь Вятлаг, был закрытой зоной, но многие председатели колхозов и директора совхозов Кайского и соседних районов приезжали сюда поучиться, перенять опыт.

Несмотря на трудности военного времени, рос и обустроивался соцгородок. В нем построили школу, больницу, Дом культуры, магазины. Вдоль улиц поселка высадили кусты акации вперемежку с белостолбыными березами.

На 4-м ОЛП (затем он был переименован в 170-й ЛП), что на станции Има, было организовано производство кирпича, кото-

рый шел не только для нужд лагеря, но и отправлялся за его пределы.

Во время войны «население» Вятлага пополнялось и за счет военнопленных — немцев, румын, мадьяр. Судьба их складывалась не лучше, чем у остальных заключенных.

ЛАГЕРНАЯ КУЛЬТУРА

В январе 1944 года Левинсона сменил Кухтиков Алексей Демьянович, бывший начальник политотдела лагеря. Как рассказывала позднее популярная киноактриса Татьяна Кирилловна Окуневская, по воле судьбы или злого рока в качестве политической заключенной отбывавшая срок в зоне Вятлага, «полковник Кухтиков оказался более или менее культурным человеком, и я была назначена художественным руководителем лагерного театра».

Алексей Демьянович в историю Вятлага вошел как поборник развития его культуры и искусства. Тем более, что творцы искусства были под рукой, в зонах лагеря, стоило только захотеть и дать соответствующие распоряжения. В делах Вятлага сохранился приказ от 9 февраля 1944 года, который гласит:

«В целях планомерного обслуживания в/н состава и лагерного контингента Вятлага НКВД полноценными художественными постановками, учитывая возросшие требования зрителей,

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Создать театр Вятлага НКВД.
2. Утвердить смету по содержанию театра на 10 месяцев 1944 г. с доходной частью в 232000 рублей в год и расходной частью 187800 рублей в год.
3. Укомплектовать согласно смете штат театра в составе 40 человек, включая сюда и обслуживающий персонал.
4. Директором вновь организованного театра назначить по совместительству начальника центрального клуба Вятлага НКВД т. Башенина А. В., художественным руководителем театра назначить т. Лео-Подкопаева Л. В.
5. Открыть театр 8 марта 1944 года.

Начальник управления Вятлага
НКВД СССР полковник
Кухтиков

Начальник политотдела
Вятлага НКВД СССР
ст. лейтенант госбезопасности
Фарафалов

Театр в лагере — уникальное явление. На его сцене играли Т. К. Окуневская, М. Г. Гребенщикова-Снегова, Н. С. Белецкая-Баранова, А. В. Касапов, С. В. Рацевич, В. И. Козлов, А. Д. Сальк, З. С. Коваленко, А. Ламан. Хореографами театра были

Ф. Ф. Бруземан, М. А. Сульер, Ф. О. Келлер. На театр работали композиторы П. А. Русаков (Поль Марсель) и Р. Э. Пятс, музыкант И. Э. Лепин и А. А. Дабельт, в дальнейшем режиссер Ленинградской киностудии, и многие другие. Артисты, музыканты, режиссеры, балетмейстеры, хореографы театра были из числа заключенных или спецпоселенцев. На время репетиций, спектаклей их приводили в клуб под конвоем (не многие из труппы пользовались правом бесконвойного передвижения), на ночь же снова уводили в зону, под охрану часовых.

В театре были поставлены оперетты «Баядера», «Веселая вдова», «Цыганский барон», «Свадьба в Малиновке» и другие.

Веселые и озорные, прекрасно оформленные, талантливо, на высоком профессиональном уровне игравшиеся исполнителями ролей, они неизменно привлекали внимание зрителей. На представления лагерного театра приезжали не только офицеры и вольнонаемные с дальних лагпунктов, но и гости из Кирова и даже Москвы. И, конечно, завсегдатаями спектаклей были руководители лагеря и ВОХРа (военизированной охраны). Для них были отведены особые места в зале. В пятидесятые годы лагерный театр был преобразован в центральную агитбригаду, которая, как и театр, до этого ездила по лагпунктам и давала концерты для заключенных и стрелков охраны.

В мае 1944 г. для вольнонаемного состава лагеря был открыт дом отдыха в местечке Сонькина Пожня, а через месяц, в июне, сдан в эксплуатацию Дом младенца в сангородке. Создание в лагерной зоне такого заведения было не случайным. Первоначально деления лагпунктов на мужские и женские не было, заключенные обоих полов содержались вместе. Лишь позднее женщины-заключенные были сосредоточены в 1, 2, 3-м сельхозах и сангородке. Но как бы ни свирепствовало начальство, как ни охраняли часовые, ни подглядывали надзиратели, мужчины и женщины, влекомые природой, находили место и время для любовных свиданий. Естественно, появлялись дети. Но они не всегда были в радость. Одни матери при освобождении отказывались от «нагулянных» в лагере детей, так как они не вписывались в уклад их будущей жизни — ведь дома ждали муж и «законные» дети, другие не хотели показывать свой «грех» в кругу друзей и знакомых на воле, третьи умирали... Оставленные матерями и осиротевшие дети нуждались в помощи, Дом младенца и взял на себя все заботы об их воспитании.

В ноябре 1944 года в жизни Вятлага произошло еще одно событие — открылся цех художественных промыслов, руководить которым было поручено художнику Лаврову, тому самому, который изваял памятник В. И. Ленину на центральной площади поселка Лесного. В июне 1945 года состоялся первый выпуск Лесновской средней школы: одиннадцать юношей и девушек получили аттеста-

ты зрелости. В конце сороковых — начале пятидесятых годов в Лесном был построен стадион, где на радость жителям поселка устраивались массовые катания на коньках, проводились соревнования по хоккею, а летом — по футболу.

Кстати, автору этих строк посчастливилось наблюдать игру знаменитого футболиста Эдуарда Стрельцова, который отбывал меру наказания в одном из подразделений Вятлага. Играли сборная заключенных, за которую выступал Стрельцов, и команда солдат. Стрельцов показал, на что он был способен, зрелище было захватывающее.

«БЛАТНОЙ МИР»

Вятлаг жил своей, обособленной жизнью, и люди подразделялись по-иному, чем на воле. Иная была, так сказать, «классовая структура». Самым большим «классом» были работяги, т. е. заключенные-сдельщики, те, кто строил дома, дороги, заборы, зоны, кто валил лес, пилил его, отправлял потребителям, корчевал пни, расчищая поля, выращивал овощи и картофель. На работягах держалось практически все производство.

Истощенный до крайности работяга, потерявший иной раз более тридцати процентов своего веса, назывался доходягой. Напряженного труда от него ждать нечего. От истощения он мог в любое время «отдать богу душу» или попасть под падающую лесину.

Придурок — это заключенный, работающий в лагерной зоне дневальным, хлебобрезом, поваром, конторщиком, сушильщиком, культторгом, нарядчиком. Эта категория имела дополнительный источник питания за счет работяг. Через них администрация узнавала о настроениях заключенных, о моральном климате в зоне, а потому отмечала и ценила их «заслуги».

Особую касту составляли блатные, или урки. Лидеры их считали себя «ворами в законе» и не работали, жили за счет мужиков-работяг. Среди блатных выделялись «фраера», «паханы», «бароны», «графы», «князья». В разных лагерях их называли по-разному, но суть одна: это главари заядлых тунеядцев, вершители судеб заключенных, если им удавалось взять верх на лагпункте, в зоне.

Вышшим «органом управления» у блатных была сходка. Что она решит, так тому и быть. О справедливости решений говорить не приходится, а тем более о законности. Единственной мерой наказания для нарушителя воли сходки была смерть.

Уголовный кодекс РСФСР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР стали правовой базой, регулирующей условия содержания заключенных в лагерях. До принятия кодексов эти вопросы регламентировались ведомственными актами МВД, а раньше —

НКВД. Заключенные в шутку расшифровывали аббревиатуру НКВД как «негодный комиссариат выдуманных дел».

У блатных существовали свои, неписанные законы. Воля «пахана», его кулак, его сила были выше всякого другого закона. Захотел он выпить спиртное — к его услугам и водка, и коньяк. Захотел он женщину — пожалуйста, ваше паханское величество. Эгоизм и жестокость — неотъемлемые черты блатарей. Девиз их: «Умри ты сегодня, а я подожду до завтра». При необходимости навести порядок в зоне администрация некоторых лагунктов нередко прибегала к помощи блатных. Правда, порядок этот был относительный и ненадолго.

Самой большой страстью заключенных, особенно уголовников-блатарей, является игра в карты. Склеивают их пережеванным хлебом и из любой бумаги: папиросной, газетной, из книг и школьных тетрадей — что есть под рукой. Играют страстно, азартно. Проигрывают подчас все, что можно проиграть: деньги, пайку хлеба, одежду, обувь. Проигравшийся остается воистину гол как сокол и не может отдать удачливому партнеру долг. В этом случае он совершает побег или новое преступление.

С началом Великой Отечественной войны участились побеги из лагеря. Одни, не добившись отправки на фронт легальным путем, наивно полагали, что стоит им явиться в первый попавшийся военкомат, как он отправит их в действующую армию. В основном это были осужденные по политическим статьям, патриоты своей Родины. Другие бежали из лагеря, чтобы не умереть с голоду, бежали от карточных долгов, бежали, чтобы хоть немного подышать воздухом свободы. «Один день, да наш», — говорили такие беглецы.

Судьба беглецов весьма и весьма плачевна. Одни тонули в непроходимых комариных болотах. Другие, не ведая путей выхода из тайги, не имея карты и компаса, умирали голодной смертью в глухих кайских лесах или были растерзаны зверьем. Оперативно-розыскные группы с собаками задерживали третьих. И если «побегушник» был бессилен идти до зоны лагункта, его пристреливали на месте, указывая затем в акте, что застрелян при попытке к бегству или при попытке оказать сопротивление конвою. Если же беглец мог идти, его доставляли в лагерь, заводили на него уголовное дело и предавали суду. И здесь происходило грубейшее нарушение законности. Статья 82, ч. 1 УК РСФСР за совершение побега из лагеря предусматривала самое большее три года лишения свободы. Корифеи же от юридической науки дали указание на места квалифицировать побег как контрреволюционный саботаж. А статья 58, п. 14 УК РСФСР (саботаж) предусматривала меру наказания вплоть до расстрела. И во исполнение этого указания посылались обвинительные приговоры спецлагсудов, определявшие беглецам «вышку» — высшую меру наказания, так сказать, на «законном основании».

Сейчас почти невозможно сказать, сколько беглецов было расстреляно по решениям спецлагсудов, сколько их погибло в глухих лесах и потонуло в болотах. Если же беглецы выходили в деревню, то местные жители зачастую сами скручивали им руки и передавали лагерной охране.

Сложные отношения складывались между заключенными, стрелками охраны и местным населением. «С июля по декабрь 1951 г. стрелками охраны, бесконвойными заключенными лесозавода № 2 и [лагпунктов] Нырмыч 11 раз устраивались хулиганские действия, кражи и другие противоправные деяния в отношении мирного населения поселка № 4 (ныне поселок Созим Верхнекамского района. — П. О.)», — говорилось в спецдонесении начальника управления МГБ по Кировской области, направленном 4 февраля 1952 г. на имя секретаря обкома ВКП(б) И. Т. Быкова и начальника управления Вятлага С. А. Дидоренко. В спецдонесении высказана просьба принять необходимые меры к ограждению местного населения от насильственных действий указанных лиц.

Проблема взаимоотношений между охраной лагеря и заключенными существовала всегда. Первые требовали беспрекословного подчинения, другие старались выйти из подчинения, установить свой порядок в зоне. Одних поставило государство охранять "зэков", другие жили в зоне по своим неписаным законам. Нередко между двумя антиподами возникали серьезные конфликты.

5 июля 1953 г. стрелком ВОХРа был убит один из заключенных 21-го ОЛП. Случай рядовой. Проигравшийся в карты заключенный решил «спасться» от своего партнера под вышкой часового. Тот, полагая, что заключенный пытается преодолеть запретную зону и совершить побег, произвел предупредительный выстрел, а затем застрелил его. Считая действия стрелка неправильными, все 1200 человек, содержащихся на 21-м ОЛП, объявили забастовку и с 6 июля 1953 г. перестали выходить на работу. Они установили свои посты наблюдения за охраной лагеря, отобрали у нее ключи от бараков, в которых заключенных запирали на ночь, и предъявили администрации требование вызвать представителей из Москвы для переговоров. Это было ЧП.

Следует иметь в виду, что управление лагеря к этому времени было выведено из подчинения Министерству внутренних дел и передано в подчинение главному управлению лагерей Министерства юстиции СССР, что внесло некоторую растерянность и неразбериху. Взбунтовавшиеся заключенные не только открыто заявляли о своих намерениях поджечь лагпункт, чтобы воспользоваться пожаром, напасть на охрану, овладеть оружием и бежать из лагеря, но и действительно сожгли один жилой барак. К этому были и предпосылки, так как за несколько дней до бунта один из главных «закоперщиков» совершил попытку к побегу, укрывшись во время

работы под штабель леса. С помощью собак он был обнаружен. При задержании у него изъяли бутылку с бензином, четыре коробка спичек и хлеб.

Только приезд делегации из министерства и прокуратуры, встречи и беседы с заключенными предотвратили более тяжкие последствия.

В январе 1954 г. на Комендантский ОЛП была привезена группа блатных, которая вскоре завоевала верховенство в зоне, где до этого верх держали «ссученные» — заключенные, отошедшие от воровских традиций. Началась разборка, несколько «ссученных» были убиты. Обстановка в зоне накалялась. Она еще более обострилась, когда главари бунта захватили контору лагпункта, находившуюся в зоне, вскрыли сейф оперуполномоченного и обнаружили списки его агентов, по-лагерному — «стукачей». Несколько человек, значившихся в списках, были повешены. Уговоры администрации лагпункта, руководителей управления лагеря не дали результатов. Помощник прокурора области по надзору за исполнением законности в местах лишения свободы В. М. Мочалов пытался предотвратить дальнейшее кровопролитие, но был встречен рутанью, а несколько прислужников блатарей бросились на него с заточками. Только быстрые ноги да огонь со сторожевых вышек сохранили жизнь помощнику прокурора области.

Местными силами подавить бунт не удалось. Для его ликвидации в п. Лесной приехал заместитель министра внутренних дел генерал Бочков. Генералом Малиной называли его заключенные. Вместе с зам. министра прибыла рота автоматчиков. Было разобрано ограждение зоны со стороны пруда, и тем, кто пожелает сохранить свою жизнь, предложено покинуть бараки и выйти на лед. Многие заключенные стали выходить на отведенную ледяную площадку. Но наиболее оголтелые из блатарей взяли в заложники и часть работяг, и политических и погнали их перед собой на автоматчиков. Более ста заключенных заплатились жизнью и около трехсот получили ранения при подавлении бунта. Мало кто из блатных главарей лагпункта остался в живых.

«За непринятие мер по предотвращению бунта заключенных», продолжавшегося 10 дней, должностные лица Комендантского ОЛП, а также управления лагеря, и прежде всего режимного отдела, были привлечены к дисциплинарной ответственности, а начальник ВОХРа Науменко снят с должности.

То ли повлиял этот бунт, то ли сказались первые дуновения недалекой уже хрущевской «оттепели», но в лагере началась кампания по разобращению преступных группировок. На «острове» ГУЛАГа их было много, различных мастей, — «воры в законе» и «ссученные», «красная шапочка» и «зеленые», с идеологической подкладкой и без, устойчивые и колеблющиеся... Разобращение группировок нача-

лось с усиления идеологической и пропагандистской работы. «На свободу с чистой совестью!», «Все люди братья!», «Отречемся от блатного мира!» — эти и другие плакаты появились на видных местах. Но самый ощутимый удар был нанесен по группировкам, когда в местах лишения свободы ввели безналичный расчет с заключенными. Все заработанные ими деньги зачислялись на расчетные счета-карточки, которые находились в ларьке зоны. Купил табачные изделия или продукты питания — распишись в карточке, и потраченную сумму сминусуют с расчетного счета. Категорически запрещались использование заключенными наличных денег, их хранение и расчеты ими в зоне. Это практически подорвало материальную базу группировок.

Особняком стояли в лагере заключенные, отбывавшие сроки по политическим статьям. Они не участвовали в группировках, не заигрывали с администрацией, но и не давали себя в обиду. Это в большинстве своем были работяги. И не удивительно: две трети их составляли крестьяне-колхозники, 11 процентов — служители культа, 10 процентов — интеллигенция. Среди политических в Вятлаге можно было встретить художника и музыканта, композитора и артиста, министра и директора крупного предприятия, бывшего полиция и прокурора, политэмигранта и просто инакомыслящего. Всех их объединила одна, «эзковская», судьба.

ГУЛАГОВСКАЯ АВТОНОМИЯ

В Вятлаге было все или почти все свое. Была своя прокуратура, которая подчинялась непосредственно Прокуратуре СССР и лишь позднее стала подчиняться прокуратуре области. Был свой спецлагсуд, который рассматривал дела под грифом «секретно» на тех же беглецов, «антисоветчиков» и других заключенных. Существовал политотдел на правах райкома партии, который объединял коммунистов управления, отдельных лагерных пунктов и их служб. В политотделе состояли на учете работники суда и прокуратуры, и, естественно, они выполняли его указания. Это были «карманные» прокуроры и судьи.

На сотни километров тянется Гайно-Кайская железная дорога, ныне подъездной путь учреждения К-231. На ней более десятка станций, и обслуживают ее сотни заключенных или бывших заключенных, а также вольнонаемных работников. Длительное время начальником железнодорожного отделения работал Кисснер Александр Адамович — «полковник тяги», как называли его заключенные, кандидат технических наук, человек больших организаторских способностей и высоких душевных качеств. Авторитет его среди железнодорожников будь то заключенный или вольнонаемный был огромный. Когда хотели подчеркнуть важность того или

иною дела, обычно ссылались на Кисснера: «Как не исполнить, если сам Александр Адамович просил сделать». И делали, и исполняли.

Из немцев Поволжья не один Кисснер занимал ответственную должность. Длительное время руководил отделом главного механика управления М. Т. Вуль. Работал главным бухгалтером ряда подразделений Б. Г. Юнг, техноруком 6-го ОЛП — Э. А. Шмик. А музыкального руководителя Дома культуры А. К. Кунемана знает и помнит не одно поколение жителей поселка Лесного.

В Вятлаге была своя медицинская служба. На каждом лагпункте — медсанчасть во главе с начальником. Целое подразделение — сангородок 16-го ОЛП — занималось стационарным лечением заключенных. Свое время здесь работали главный хирург лагеря, кандидат медицинских наук, бывший осужденный по статье 58, п. 10 Утцаль Михаил Эдуардович, начальник хирургического отделения, впоследствии кандидат медицинских наук Калимбах Эдуард Иванович, хирург-фронтоничка Купчина Анна Куприяновна, врач-гинеколог Ментвид Лев Николаевич и многие другие высококвалифицированные специалисты.

Вятлаг располагал мощным строительным потенциалом. Если раньше жилые дома, помещения соцкультбыта, производственные объекты строились исключительно деревянные, то с конца пятидесятых — начала шестидесятых годов в строительстве стал широко использоваться кирпич. В пос. Лесном появились современные дома с центральным отоплением и водоснабжением, кинотеатр, средняя школа, больница с поликлиникой и аптекой, гостиница и магазины. Улицы его покрылись асфальтом. Дорога с твердым покрытием соединила поселок с районным центром Верхнекамского района — г. Кирсом.

История Вятлага неотделима от кровавой и страшной истории ГУЛАГа, от эпохи сталинского террора и великих испытаний, выпавших на долю народов России. Многие документы, материалы давно утрачены, многие еще закрыты. Данный очерк лишь первое прикосновение к теме. Подлинная история Вятлага ждет своих исследователей.

Н. М. СОЛОДЯНКИН

КИРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ В 1950—1990-е ГОДЫ: ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

После победоносного завершения Великой Отечественной войны страна начала зализывать нанесенные ею раны. Сложные задачи встали и перед тружениками Кировской области. При пере-

воде промышленности на мирные рельсы возникли большие трудности — не хватало квалифицированных кадров, электроэнергии, транспорта, значительная часть оборудования на предприятиях была сильно изношена, медленно осваивались новые виды гражданской продукции. Но и эти, и многие другие трудности восстановительного периода кировчане преодолевали упорно, с присущими вятским людям терпением и настойчивостью.

Успешно работали в первые послевоенные годы Кировский шубно-овчинный и Кирсинский кабельный заводы, кожевенно-обувные комбинаты им. Коминтерна и им. В. И. Ленина, меховая фабрика «Белка» и многие другие предприятия. В 1948—1949 гг. проводились большие работы по реконструкции и расширению электростанций и торфопредприятий. Была пущена вторая очередь Кирово-Чепецкой ТЭЦ. В 1949 г. по сравнению с 1947 г. выработка электроэнергии увеличилась в полтора раза. Энтузиазм кировчан нашел свое проявление в развертывании социалистического соревнования. К 1950 г. в нем участвовало более 90% рабочих.

Напряженный труд дал свои результаты. Промышленное производство в области увеличилось за 1946—1950 гг. на 65%, вывозка деловой древесины возросла в 3,8 раза, выработка электроэнергии — в 2,5, бумаги — в 3, строительного кирпича — в 7,6, кожаной обуви — в 1,8 раза. Были построены Стрижевский завод силикатного кирпича, Вятскополянский домостроительный и Слободской деревообделочный комбинаты. Увеличились мощности предприятий машиностроения, Кирсинского кабельного и Кировского шинного заводов, кировских кордной и спичечной фабрик. В 1950 г. объем промышленной продукции области составил 312% к уровню 1940 г.

В трудных условиях развивалась в послевоенные годы колхозная деревня. В отличие от 20-х гг. восстановление народного хозяйства началось не с сельского хозяйства, а с тяжелой промышленности. Расходы на оборону не сократились. Государство усилило внеэкономическое принуждение крестьян. Вознаграждение за труд носило символический характер. Колхозники вынуждены были жить в основном за счет личных подсобных хозяйств. В последние годы войны эти хозяйства часто росли за счет колхозных земель. Но власти усмотрели в этом покушение на государственную собственность. С конца 1946 г. личные подсобные хозяйства были не только урезаны, но и обложены непомерными налогами.

За годы войны в колхозах области значительно ослабла материально-техническая база, сократились посевные площади, снизилась урожайность, в запущенном состоянии оказались льноводство и травосеяние. поголовье скота в общественном животноводстве сократилось на 29%, лошадей — на 46%. Существенно снизилась оплата труда колхозников. Так, если в 1940 г. колхозов,

выдавших на трудодень больше 1 кг зерна, было 63,3%, то в 1945 г. только 13,7%. Если в 1940 г. только 18,2% колхозов выдали на трудодень до 700 г зерна, то в 1945 г. их стало 74,8%, из них 48% колхозов выдали до 300 г. О снижении уровня оплаты трудодня в колхозах области свидетельствует и то, что если в 1940 г. на эти цели было израсходовано 23,1% валового сбора зерна, то в 1942 г. — 18%, а в 1945 г. — только 14,1%.

Сельское хозяйство области в годы четвертой пятилетки развивалось медленно и значительно отставало от темпов развития промышленности. Посевные площади не достигли довоенного уровня, в 1940 г. они составили 2242,6 тыс. га, в 1950 г. — 2113,4 тыс. га. Область не добилась получения устойчивых урожаев зерновых и технических культур. В 1949—1950 гг. урожайность зерновых повысилась по сравнению с 1948 г. с 10,4 до 11,8 центнера с гектара, а в 1951 г. снова снизилась до 10,1 центнера.

Продуктивность скота тоже оставалась низкой. Надой молока в 1950 г. в сравнении с 1948 г. снизился с 965 до 842 кг от коровы, а настриг шерсти с овец — с 2,3 до 2 кг. Существенно сократилась по сравнению с 1940 г. оплата труда колхозников. Об этом свидетельствуют данные о выдаче на один трудодень зерна, картофеля и денег:

Год	Зерно/кг	Картофель/кг	Деньги/руб.
1940	1,6	0,630	0,33
1945	0,577	0,484	0,27
1948	0,371	0,943	0,25
1949	0,740	0,670	0,29
1950	0,910	0,340	0,23

Несмотря на низкий уровень оплаты, колхозники самоотверженно трудились, многие из них добились значительных результатов. В 1947 г. 385 передовых тружеников колхозов и МТС были удостоены государственных наград, 16 из них было присвоено звание Героя Социалистического Труда. В их числе звеньевой колхоза «Красный Октябрь» Вожгальского района Н. Малюгин, бригадир колхоза «Красная смычка» Уржумского района А. Воронов, звеньевая колхоза «Ударник» Нолинского района А. Култышева и др. Они стали первыми Героями Социалистического Труда в нашей области.

За годы четвертой пятилетки несколько повысился уровень жизни рабочих и служащих. Важными событиями 1947 г. стали отмена карточной системы на продовольственные и промышленные товары и денежная реформа. Они улучшили жизнь горожан и способствовали укреплению финансовой системы.

Среднемесячная заработная плата рабочих и служащих в Кировской области за пятилетие выросла в 2 раза. Увеличилось потребление различных товаров. Возросла рождаемость: в 1948 г. было 46300, в 1950 г. — 53778 новорожденных. Снизилась смертность: в 1948 г. умерло 30778, в 1950 г. — 23367 человек.

Несмотря на подведение машинной базы под народное хозяйство, его научно-техническое обеспечение начинало отставать от потребностей времени. Значительное количество рабочих и крестьян было занято тяжелым ручным и малоквалифицированным трудом (в промышленности — 40%, в сельском хозяйстве — 75%).

Объем промышленного производства в области в 1955 г. увеличился по сравнению с 1950 г. на 77%, а с 1940 г. — более чем в 5 раз. За пятую пятилетку производство чугуна увеличилось в 3,5 раза, стали — в 2, торфа и автопокрышек — в 8 раз, мощность электростанций выросла в 7,5 раза. Значительно увеличилось производство кожаной обуви и других товаров народного потребления. Промышленные предприятия освоили много новых видов продукции.

Однако в области было не мало предприятий, не выполнявших плановые задания. В 1955 г. не выполнили планы комбинат «Кирлес», трест «Киртранслес», областное управление топливной промышленности, завод № 367, кирпичный завод № 2, Советские камнеразработки, Вятскополянский домостроительный комбинат, Кировская перчаточная фабрика, 42 промартели и 12 райпромкомбинатов.

В 50-е гг. были осуществлены крупные меры в аграрном секторе. Они сводились к значительному повышению закупочных цен на сельхозпродукцию, списанию долгов прошлых лет, отмене налогов на личные подсобные хозяйства. В несколько раз были увеличены государственные расходы на нужды деревни. Колхозы получили право вносить изменения в свои уставы с учетом местных условий.

Эти меры, не подрывая государственной монополии, укрепили сельское хозяйство, во многом раскрепостили крестьян. Прирост сельскохозяйственной продукции за 1953—1958 гг. составил по стране в целом 34% по сравнению с предыдущим пятилетием. На путь подъема встало и сельское хозяйство Кировской области. В 1955 г. валовой сбор зерна в колхозах составил 75 млн. пудов и увеличился по сравнению с 1954 г. на 56%, что дало возможность досрочно выполнить план хлебозаготовок и сдать сверх плана более 7 млн. пудов хлеба, обеспечить колхозы семенами и выдать колхозникам на трудодень в среднем по полтора килограмма зерна, т. е. в 2 раза больше, чем в 1954 г. Укрепилась материально-техническая база сельского хозяйства. В конце 1955 г. в МТС и колхозах области насчитывалось 8457 тракторов, 5882 зерновых комбайна, 4093 гру-

зовых автомобиля и большое количество другой сельскохозяйственной техники.

Кировчане внесли определенный вклад в освоение целинных и залежных земель. В 1954 г. 1235 молодых кировчан были направлены на целину по комсомольским путевкам. На уборку зерновых из области ежегодно выезжали примерно две тысячи человек.

Вместе с тем сельское хозяйство области по-прежнему серьезно отставало от уровня развития промышленности. Особенно неудовлетворительно обстояли дела в животноводстве.

Во второй половине 50-х — первой половине 60-х годов страна решала задачи, связанные с претворением в жизнь шестого пятилетнего плана и заданий семилетки. Утвержденный в 1956 г. пятилетний план развития народного хозяйства СССР уже через год был объявлен неудачным, и было решено разработать новый, на этот раз семилетний — на 1959—1965 гг.

Весь этот период отличался высокими темпами развития основных отраслей народного хозяйства. Особенно быстро развивалось машиностроение. В годы семилетки основные промышленные фонды выросли в 2 раза. Вместе с тем снизились темпы развития легкой и пищевой промышленности. Это было связано с отставанием сельского хозяйства. Сказалось также нарушение принципа материальной заинтересованности колхозников, ограничение личных подсобных хозяйств, волонтаризм в управлении.

Значительные положительные изменения произошли в социальной сфере. Быстро росла заработная плата и потребление товаров. Впервые были введены пенсии колхозникам. Жилой фонд страны вырос за годы семилетки на 40%.

Крупные позитивные сдвиги произошли и в развитии народного хозяйства области. Валовая продукция промышленности в 1958 г. составила 787% к уровню 1940 г. Возникли новые промышленные предприятия. В 1956 г. вступил в строй Кировский завод по обработке цветных металлов. В 1957 г. были выпущены первые мотороллеры Вятскополянским машиностроительным заводом. Была проведена реконструкция Кирсинского кабельного завода, увеличились мощности предприятий химической, лесной и легкой промышленности. Область в 1960 г. производила электроэнергии почти столько, сколько ее производила вся Россия в 1913 г. Заготовка и вывозка деловой древесины достигла 20 млн. плотных куб. м в год, что превышало ее заготовки во всей Франции. Фанеры в области производилось столько же, сколько в Швеции, целлюлозы — больше, чем в Англии. Кирсинский кабельный завод давал 80% выпускаемого в стране голого кабеля, а комбинат «Искож» — 50% кирзы и пласткожи.

Положительные изменения произошли и в развитии сельского хозяйства. С 1953 по 1958 год производство молока в колхозах

области увеличилось в 3,5 раза. За достигнутые успехи большая группа работников сельского хозяйства в 1958 г. была награждена орденами и медалями. Председатель колхоза «Красный Октябрь» П. А. Прозоров был награжден второй золотой медалью «Серп и Молот». Звание Героя Социалистического Труда было присвоено председателю колхоза «Искра» Котельничского района А. М. Ронжину.

Повысился жизненный уровень трудящихся. Была увеличена заработная плата низкооплачиваемым категориям рабочих и служащих, отменена плата за обучение в средней и высшей школах. Розничный товарооборот в 1958 г. увеличился по сравнению с 1950 г. почти в 2,5 раза. За 1956—1958 годы были построены жилые дома общей площадью 1162 тыс. кв. метров. В сельской местности с 1946 по 1959 год было построено 59 тыс. жилых домов.

Весомый вклад в развитие экономического потенциала внесли труженики области в годы семилетки. За семь лет объем промышленной продукции вырос на 60,5%, производительность труда в промышленности поднялась в 1,5 раза, за счет чего получено более 80% прироста продукции. Этому способствовало оснащение предприятий новой техникой, внедрение в производство передовой технологии. Нельзя сбрасывать со счетов и общественный подъем, коммунистический романтизм. Они выразились, в частности, в расширении социалистического соревнования, в развернувшемся движении за коммунистический труд, в многочисленных трудовых подвигах.

Вместе с тем план по выпуску промышленной продукции не выполнили 109 предприятий, то есть почти четвертая часть. Велика была доля ручного труда. На металлообрабатывающих и машиностроительных предприятиях было комплексно механизировано всего 30% работ.)

Определенные сдвиги произошли и в развитии сельского хозяйства области. В конце 1965 г. оно имело более 14 тыс. тракторов, более 6 тыс. зерноуборочных комбайнов и большое количество другой техники. поголовье крупного рогатого скота увеличилось за семилетку на 43%, производство молока — более чем в 1,5 раза, мяса — на 15%, валовой сбор яиц — в 3,9 раза. В 1965 г. по сравнению с 1958 г. в полтора раза увеличились денежные доходы колхозов.

В то же время низкой была урожайность сельскохозяйственных культур. В 1965 г. 27 районов не выполнили планов по урожайности зерновых, в результате чего средняя урожайность по области составила всего 6,6 центнера с гектара. (Для сравнения отметим, что в 1940 г. она составила 10 ц с га). Ряд районов не справились с уборкой выращенного урожая, по различным причинам остались неубранными и погибли посевы зерновых, льна,

картофеля и силосных культур на площади около 50 тыс. га. Урожайность картофеля по области составила всего 56 центнеров, овощей — 68 центнеров с гектара. В области сложилось пренебрежительное отношение к выращиванию высокодоходной культуры — льна. Его производство во многих колхозах и совхозах сокращалось.

За годы семилетки была осуществлена техническая реконструкция железных дорог. Удельный вес электровозной тяги в грузообороте достиг 87%. Был реконструирован Лянгасовский железнодорожный узел. В 1961 году на станции Киров сдан в эксплуатацию новый пассажирский вокзал.

За 1959—1965 гг. около 800 тыс. жителей области получили новые квартиры или улучшили жилищные условия. Розничный товарооборот увеличился на 43%. Улучшилось медицинское обслуживание населения. Смертность в 1965 г. уменьшилась по сравнению с 1940 г. в три раза, средняя продолжительность жизни достигла 70 лет.

В 1965 г. новое руководство страны вынуждено было пойти на хозяйственную реформу, суть которой состояла в усилении экономических рычагов, расширении самостоятельности предприятий. Однако, будучи непоследовательной уже в замысле, она постепенно свертывается. В 70-е годы происходит скатывание советской экономики к стагнации. За эти годы и первую половину 80-х существенно снижаются основные экономические показатели, темпы роста валового общественного продукта. Увеличивается разрыв в уровне социально-экономического развития между СССР и развитыми странами Запада.

Экономическая реформа 1965 г. наиболее успешно проявила себя в годы восьмой пятилетки (1966—1970). Тогда динамично развивалось и народное хозяйство Кировской области. Объем промышленного производства увеличился в полтора раза, производство товаров народного потребления — на 53%. Среднегодовые темпы роста промышленного производства возросли по сравнению с предыдущим пятилетием с 4,8 до 8,5%, а среднегодовые темпы роста производительности труда увеличились с 3,9 до 7%.

Особенно больших успехов в экономическом развитии достигли коллективы заводов — электромашиностроительного им. Лепсе, машиностроительного им. XX партсъезда, Кирово-Чепецкого химического, Кировского шинного, Нововятского механического, комбинатов — кожевенно-обувного им. Ленина, Нововятского лыжного, меховой фабрики «Белка», объединения «Заря» Слободской мебельной фабрики, Кировского протезно-ортопедического предприятия и ряда других. За годы пятилетки было введено в действие более 80 промышленных предприятий и цехов. Сдана в эксплуатацию вторая очередь ТЭЦ-4. Построено 730 км дорог с твердым покрытием.

Однако все еще высокой оставалась доля ручного труда. Так, к концу пятилетки в строительстве 80% малярных, 60% штукатурных работ производилось вручную. Уровень механизации труда в химической промышленности составлял 52%, в легкой — 51%, в торфяной — 49%.

В 1966—1970 гг. укрепилось и сельскохозяйственное производство области. Валовая продукция сельского хозяйства выросла за пятилетку на 23%, производство зерна — на 34%, мяса — на 40%, молока — на 37%, яиц — в 2,2 раза. Осуществлялась специализация и концентрация сельскохозяйственного производства, его перевод на промышленную основу. Так, к началу 1971 г. двенадцать механизированных птицефабрик давали 80% валового сбора яиц, на них было сосредоточено более 70% поголовья птицы. Значительно укрепилась за эти годы материально-техническая база, повысилась энерговооруженность хозяйств. В начале 1971 г. колхозы и совхозы имели 17,5 тыс. тракторов, 7 тыс. зерноуборочных комбайнов, 6,5 тыс. грузовых автомобилей и много другой техники. В то же время оставалось много нерешенных проблем. Во многих хозяйствах были низки урожайность и культура земледелия. Темпы роста животноводческой продукции отставали от растущих потребностей населения в продуктах питания, а промышленности — в сырье.

Среднемесячная заработная плата рабочих и служащих в 1970 г. увеличилась по сравнению с 1965 г. на 30%, а оплата труда колхозников — более чем на 80%. За пятилетку было сдано в эксплуатацию около 3 млн. кв. метров жилья. Укрепилась материальная база здравоохранения. Объем бытовых услуг населению вырос в 2,1 раза, в том числе на селе — в 3,3 раза. Вместе с тем уровень бытового и медицинского обслуживания, торговли и общественного питания все еще существенно отставал от растущих потребностей населения.

Социально-экономическое развитие СССР в 70-е — первой половине 80-х гг. происходило в условиях значительного усиления централизованного управления и ограничения экономической власти республик и местных Советов. Оно определялось планами трех пятилеток — девятой, десятой и одиннадцатой.

За годы девятой пятилетки (1971—1975) в Кировской области была проделана большая работа по дальнейшему укреплению экономического потенциала. Были введены в строй 17 новых промышленных предприятий, включая заводы — приборостроительный, хромовых кожтоваров на кожевенно-обувном комбинате им. Коминтерна, маргариновый, комплекс Кировского биохимзавода по производству кормовых дрожжей и фурфурола, а также 59 крупных цехов, в том числе автокамерный на шинном заводе, паркетный на Нововятском лыжном комбинате.

За успехи, достигнутые кировчанами в хозяйственном и

культурном строительстве, и в связи с 600-летием со времени основания г. Киров был награжден 25 июня 1974 г. орденом Трудового Красного Знамени.

5 сентября 1973 г. Омутнинский металлургический завод за увеличение производства металлов, освоение выпуска важных для народного хозяйства новых видов металлопродукции, улучшение экономических показателей и в связи с 200-летием со дня основания был награжден орденом Трудового Красного Знамени, а в 1974 г. начальник одного из его цехов С. Т. Земцов получил Государственную премию СССР в области техники.

Улучшалось качество выпускаемой продукции. За пятилетку свыше 280 изделий производственного назначения и товаров народного потребления были аттестованы государственным Знаком качества. Гонимые многослойные лыжи марки «Россия», изготовленные Нововятским лыжным комбинатом, в 1973 г. на международной выставке в Братиславе были удостоены золотой медали.

Производство зерна в области за пятилетие увеличилось на 9%, картофеля — на 6%, мяса — на 32%, молока — на 22%, яиц — в 2,4 раза. Колхозы и совхозы увеличили продажу государству сельскохозяйственной продукции. Так, если в 1971 г. областью было продано зерна 245 тыс. тонн, то в 1975 г. — 351 тыс. тонн, картофеля соответственно 121 и 167 тыс. тонн, овощей — 16 и 21 тыс. тонн, скота и птицы — 106 и 135 тыс. тонн, молока — 449 и 555 тыс. тонн, яиц — 177 и 289 млн. штук, шерсти — 600 и 664 тонны. Достижения кировчан в области животноводства позволили несколько улучшить снабжение городов и рабочих поселков продуктами питания, укрепить экономику колхозов и совхозов, более успешно решать социальные проблемы, повысить материальное благосостояние колхозников и рабочих совхозов. Среднемесячная заработная плата одного работающего в колхозах области возросла на 34%, в совхозах — на 43%.

Определенные позитивные сдвиги в социально-экономическом развитии области произошли и в годы десятой пятилетки (1976—1980). Объем промышленного производства увеличился на 18%, производительность труда — почти на 17%. На 15,5% возрос выпуск товаров народного потребления. Валовая продукция сельского хозяйства увеличилась на 11%.

Знаменательным событием было отмечено для кировчан начало одиннадцатой пятилетки (1981—1985 гг.). 12 марта 1981 г. в стране был осуществлен запуск космического корабля «Союз-Т-4», пилотируемого экипажем, в состав которого входил бортинженер Виктор Петрович Савиных, наш земляк из деревни Березкины Оричевского района, ныне дважды Герой Советского Союза.

Объем промышленного производства в области увеличился за пятилетку на 17,2%. Более высокими темпами развивались энер-

гетика, машиностроение и металлообработка, особенно предприятия военно-промышленного комплекса. Коллектив шинного завода выступил инициатором совершенствования технологии и организации труда. Толчком к этому послужило то, что к началу пятилетки он по существу исчерпал свои резервы по наращиванию производства шин. Чтобы не потерять набранный темп, требовался новый импульс движения вперед. Реконструкция завода началась в 1982 г. и стала генеральной линией на всю пятилетку. В условиях реконструкции шинники сумели и на действующем оборудовании увеличить объем производства. Уже тогда наметилась тенденция роста объемов производства при сокращении численности персонала.

Продолжал повышаться материальный и культурный уровень жизни населения как в городе, так и на селе. Денежные доходы на душу населения увеличились за пятилетку на 17%. Среднемесячная заработная плата рабочих и служащих возросла на 12,8% и составила в 1985 г. 183 рубля, в т. ч. в промышленности — 201 рубль, в колхозах — 173 рубля. Объем бытовых услуг по сравнению с предыдущим пятилетием возрос на 25%, жилой фонд расширился на 3,8 млн. кв. метров, из которых почти половина была введена в строй на селе. За годы пятилетки более 113 тыс. семей получили новые квартиры. В области ежегодно выполнялись планы строительства объектов народного образования и культуры. За пятилетие введены в строй 63 новые школы, 12 учебных корпусов профтехучилищ и 16 общежитий учебных заведений, построены больницы на 2300 коек, поликлиники на 7020 посещений, детские дошкольные учреждения на 25,7 тыс. мест. К концу 1985 г. четверо детей из пяти в городской местности и двое из трех на селе посещали детские сады или ясли.

Вместе с тем неблагоприятные тенденции, проявившиеся в 70-е годы, не только не смягчились, но даже усилились в начале 80-х годов. Заметно снизились темпы экономического роста. Страна начала заметно отставать от Запада в научно-техническом развитии, и произошло это не из-за отсутствия научных заделов, а главным образом из-за невосприимчивости народного хозяйства к нововведениям. Существовавшая система не стимулировала развития научно-технического прогресса, без которого было невозможно перейти от индустриального к постиндустриальному обществу. К началу 80-х годов в нашей стране работали вручную 40% рабочих промышленности, до 60% — строителей, до 75% — работников сельского хозяйства. В 1985 г., когда в США имелось 1,5 млн. электронных вычислительных машин и 17 млн. персональных компьютеров, в СССР работало не более нескольких десятков тысяч аналогичных машин.

Негативные тенденции ярко проявились и в социально-экономическом развитии Кировской области. К середине 80-х годов

здесь был создан довольно значительный потенциал специального машиностроения, химической, микробиологической, лесной, деревообрабатывающей и легкой промышленности. Область располагает самыми крупными в Нечерноземной зоне площадями сельхозугодий (3,7 млн. га) и пашни (2,7 млн. га). В области находятся Вятско-Камское месторождение фосфоритов с запасами около 2 млрд. тонн, большие залежи торфа, известняков, горючих сланцев, сырья для цемента. Практически неограничены водные ресурсы. Однако имеющийся промышленный, сельскохозяйственный и природный потенциал использовался неудовлетворительно.

Низкой оставалась эффективность использования машин и оборудования, поэтому резко, на 25% упала фондоотдача. Большой оставалась и доля ручного труда. Не уделялось достаточного внимания интенсивным факторам, особенно в агропромышленном секторе. В 1985 г. из 580 колхозов и совхозов 228 были убыточными. С пятилетними заданиями по продаже государству зерна и картофеля справились только 8 районов, мяса и овощей — 12, молока — 6.

Особенно много недостатков накопилось в социальной сфере. В начале 1986 г. в очереди на улучшение жилья находилось 114 тыс. семей. Неудовлетворительным оставался уровень снабжения населения продовольственными товарами. Крайне слабой была материально-техническая база многих лечебно-профилактических учреждений. Половина центральных районных больниц нуждалась в расширении и капитальном ремонте. Практически не уменьшился уровень заболеваемости населения.

Существенным тормозом социального и экономического развития области стало бездорожье. Так, к 1985 г. на тысячу квадратных километров ее территории приходилось лишь 12,6 км асфальтированных дорог, что в 3—4 раза меньше, чем в соседних областях. Из 39 сельских районов такими дорогами были соединены с областным центром лишь 19. Из 580 центральных усадеб колхозов и совхозов устойчивое сообщение с райцентрами имели 102. Все это, естественно, усиливало отток людей из села. За 1970—1985 гг. сельское население сократилось с 784 до 524 тыс. человек.

Итак, нарастание негативных явлений во всех сферах общественной жизни привело к тому, что СССР к середине 80-х годов вновь, как и в 20-е годы, оказался перед угрозой стадиального отставания от стран Запада. Преодолеть это отставание при сохранении существующей командно-административной системы было невозможно.

Трезво оценивая обстановку, новое руководство страны решило пойти на кардинальные изменения в политике, экономике, социальной и духовной сферах, повернуть страну на путь перестройки и ускорения. В апреле 1985 г. в качестве стратегической цели был провозглашен курс на ускорение социально-экономиче-

ского развития страны. Комплекс преобразований касался прежде всего экономики, где острее чувствовались признаки будущего кризиса. На решение этих задач были направлены меры по наведению порядка, укреплению трудовой и технологической дисциплины. Но в целом народное хозяйство страны продолжало работать по-старому, административно-командная система управления народным хозяйством сохранялась. С 1987 г. на первый план выдвигается уже не «ускорение», а задача демократизации общественной жизни и экономическая реформа.

Кировчане, как и все советские люди, поддержали курс на обновление нашего общества, на ускорение социально-экономического развития. Этот курс был конкретизирован в плане социально-экономического развития области на двенадцатую пятилетку (1986—1990 гг.). За 1986—1989 гг. объем промышленного производства в области увеличился на 12,5%, сельскохозяйственного (в среднегодовом исчислении) — на 12,6%, капитальные вложения — на 40,8%. Прибыль по народному хозяйству выросла в 1,4 раза. Наметился поворот экономики к нуждам людей. Производство товаров народного потребления за 4 года увеличилось на 20%, ввод в эксплуатацию общей жилой площади по сравнению со среднегодовым показателем предыдущего пятилетия увеличился почти на одну треть, дорог — в 2,2 раза. За 1986—1990 гг. построено 3756 километров автомобильных дорог с твердым покрытием, 4,6 млн. кв. метров общей жилой площади.

Развивалось кооперативное движение. В 1988 г. в области имелось 338 кооперативов с численностью работающих 4342 чел., в 1989 г. — 697, занято в них было 14560 человек. В 1990 г. в кооперативах (без учета совместителей) трудилось 17 тыс. человек.

Вместе с тем в экономике области происходит нарастание негативных процессов. В промышленности падают темпы производства, слабеет дисциплина поставок, замедляется технический прогресс. В сельском хозяйстве продолжался отток рабочей силы. Бремя неэквивалентного обмена промышленной и сельскохозяйственной продукции все сильнее обостряло кризисные явления в экономике колхозов и совхозов, ухудшало их материально-техническое снабжение.

Строительный комплекс испытывал острый дефицит материалов, особенно кирпича. Слабо применялись индустриальные методы сооружения объектов, продолжалось распыление сил и средств, не улучшалось качество строительных работ. Объем незавершенного строительства в 1990 г. увеличился по сравнению с 1989 г. на 25%, удельный вес его составил 72%. На транспорте происходило старение основных фондов, отсутствовала ритмичность в работе, допускались простои и аварии.

В сфере материального производства медленно и порой формально внедрялись хозрасчетные отношения. В промышленности только половина всех бригад в 1990 году трудились на условиях хозрасчета. В колхозах и совхозах на условиях аренды работал только каждый десятый. Такое же положение было и в строительстве.

Ухудшилось положение в финансовой сфере. Так, если в 1989 г. плановый дефицит бюджета области составлял 12 миллионов рублей, то в 1990 г. уже 26 миллионов. Усиливаются инфляционные процессы. Отложенный спрос населения примерно равнялся годовому объему товарооборота розничной торговли. Возрастает преступность.

Таким образом, в 1989—1990 гг. экономика области столкнулась с теми же явлениями, что и экономика всей страны. Половинчатость и непоследовательность проводимых преобразований вели к ухудшению социально-экономической ситуации. К исходу 80-х гг. стало ясно, что страна переживает глубокий кризис. В декабре 1990 г. глава правительства Н. И. Рыжков, отметив обвал экономики и «срыв перестройки», ушел в отставку. Новому главе правительства В. С. Павлову не удалось изменить экономическую ситуацию. Вскоре после августовского (1991 г.) путча СССР прекратил свое существование. «Перестройка» завершилась.

После распада СССР в России происходит смена модели общественного развития. Основные направления внутренней и внешней политики стали определять сторонники частной собственности, рыночных отношений.

Основной курс внутренней политики российского руководства в 1992 году сводился к реализации программы приватизации собственности. В январе 1992 г. правительство Е. Т. Гайдара освободило большинство цен от государственного регулирования, что привело к их резкому росту на все товары и прежде всего на товары первой необходимости. Цены на них выросли за год в 50—100 раз. Началась гиперинфляция.

Главным итогом деятельности правительства Е. Т. Гайдара стало создание предпосылок для перехода страны к рынку. Но проведение реформ шло крайне болезненно, сопровождалось значительным снижением уровня жизни большинства населения, спадом производства. Национальный доход и промышленное производство сократились в 1992 г. на 20%. Правительству Е. Т. Гайдара не удалось решить главную задачу — достигнуть макроэкономической стабилизации.

На VII съезде народных депутатов Российской Федерации (декабрь 1992 г.) деятельность правительства была признана неудовлетворительной. Председателем правительства был избран В. С. Черномырдин. Первые шаги нового премьера не способство-

вали выходу экономики из кризиса. Наоборот, экономическая ситуация в начале 1993 г. ухудшилась.

В 1993—1994 гг., несмотря на значительное продвижение в реформировании инфраструктуры, определяющей рыночные отношения, в экономике России кризис продолжал углубляться. В 1994 г. происходит ускорение спада производства по сравнению с предыдущими годами, резко углубляется инвестиционный кризис, усиливаются негативные структурные изменения. Наибольший спад произошел в отраслях, выпускающих конечную продукцию, — машиностроение, легкая промышленность, производство стройматериалов. Лучше пока выглядели сырьевые производства.

Важнейшим фактором, определившим данную ситуацию, стало сокращение спроса на внутреннем рынке. Реальные доходы населения в 1994 г. составили к уровню 1990 г. примерно 45%.

Сложно и противоречиво складывалась экономическая ситуация в 1991—1994 гг. и в Кировской области. Происходит нарастание спада промышленного и сельскохозяйственного производства. Если в 1989—1991 гг. сокращение объема промышленного производства составляло в среднем 0,8%, в 1992—1993 гг. — 16,9%, то в 1994 г. — 31,5%. В сельском хозяйстве, начиная с 1992 г., объемы производства ежегодно снижались примерно на 10%. Несмотря на замедление в 1994 г. темпов инфляции по сравнению с 1992 г. почти в 7 раз и с 1993 г. — в 3 раза, она оставалась центральной проблемой.

По итогам первого полугодия в 1994 г. администрация области при поддержке областной Думы приняла постановление «О социально-экономической ситуации в Кировской области», где был предусмотрен комплекс мер по жизнеобеспечению народного хозяйства. Промышленные предприятия постепенно стали увеличивать объемы производства. Так, акционерное общество «Эликон» (бывшая мурыгинская фабрика «Красный курсант») увеличило объемы промышленного производства на 9%, а АО «Восток» (Омутнинский химзавод) — на 11% по сравнению с декабрем 1993 г.

1991—1994 годы в сельском хозяйстве можно определить как период развертывания реформ, перехода к рыночным отношениям и вместе с тем как период резкого спада общественного производства.

Появились новые источники формирования ресурсов сельскохозяйственной продукции — крестьянские (фермерские) хозяйства, но доля их в производстве очень мала. К началу 1995 г. их насчитывалось 1388, на 196 больше, чем год назад. Но из-за трудностей в ходе становления значительное количество крестьянских хозяйств прекратило свою деятельность, и этот процесс нарастал. Если в 1992 и 1993 годах на каждые сто вновь созданных хозяйств приходилось 18 расформированных, то в 1994 г. — 41.

В 1994 г. сельскохозяйственное производство сократилось по сравнению с 1990 г. на 17%, а относительно 1993 г. на 10%, составив 1,2 млрд. рублей в сопоставимой оценке. Этот уровень производства обеспечен ростом его в личных подсобных хозяйствах граждан, удельный вес которых за 4 года вырос с 25 до 41%. А в общественном секторе объем валовой продукции к уровням 1990 г. и 1993 г. уменьшился соответственно на 35 и 16%.

Производство зерна в области в 1994 г. сократилось по сравнению с 1990 г. на 23%. На хлебоприемные предприятия его поступило 103 тыс. тонн — втрое меньше, чем в 1990 г., и на 48% меньше, чем в 1993 г. Картофеля собрано 480,3 тыс. тонн и поступило в государственные ресурсы по сравнению с 1990 г. в 14 раз меньше, в том числе из сельхозпредприятий — в 31 раз. Производство овощей за четыре года выросло более чем вдвое, и 91% его приходится на личные подсобные хозяйства населения. Однако продажа овощей государству за этот период сократилась в три раза.

В животноводстве происходило наращивание производства в личных подворьях граждан и снижение на фермах коллективных хозяйств. В 1994 г. по сравнению с 1990 г. производство мяса в сельскохозяйственных предприятиях уменьшилось на 37%, молока — на 25%, яиц — на 36%. Такое положение с производством продукции животноводства повлекло за собой сокращение объемов продажи ее государству: скота и птицы — на 48%, молока — на треть, яиц — на 39%.

В 90-е годы происходит снижение розничного товарооборота. В 1994 г. по сравнению с 1990 г. его уменьшение в сопоставимых ценах составило 21%. На долю негосударственного сектора торговли, включая потребительскую кооперацию, в 1994 г. пришлось 84% розничного товарооборота.

Критическая ситуация сложилась на рынке труда. В народном хозяйстве области в конце 1994 г. было занято 773 тыс. человек. По состоянию на 1 января 1995 г. в органах занятости было зарегистрировано 50 тыс. безработных. Уровень безработицы за 1994 г. поднялся с 2,6 до 5,6% от числа трудоспособного населения. По уровню безработицы область устойчиво занимает пятое место в России.

Таким образом, результаты социально-экономического развития области, как и всей страны, в 1991-1994 гг. неутешительные. Не дает существенных оснований для оптимизма и анализ итогов работы народного хозяйства в 1995 г. Во всех отраслях экономики продолжался спад производства. Особенно быстрыми темпами он происходил в сельском хозяйстве и капитальном строительстве. Не удалось снизить инфляцию. В этих условиях наблюдалось дальнейшее снижение уровня жизни. Размер среднемесячной заработной

платы далеко не всем категориям трудящихся обеспечивал даже прожиточный минимум.

По многим позициям, характеризующим социально-экономическое развитие, Кировская область отстает от общероссийского уровня. В то же время по отдельным показателям 1995 год начался несколько лучше, чем предшествующий. Так, темпы падения промышленного производства в области были значительно ниже, чем в 1994 г. Более уверенно начали работать некоторые коллективы, в том числе Кировского шинного завода, где в январе 1995 г. производство по сравнению с январем 1994 г. увеличилось в 2 раза, Омутнинского химического завода, значительно наращивающего объемы производства. Наметились тенденции к стабилизации работы предприятий военно-промышленного комплекса, в том числе акционерного общества «Лепсе», завода «Сельмаш» и других. Более стабильно стали работать предприятия лесопромышленного комплекса.

Начиная с декабря 1994 г., отмечен устойчивый прирост сбережений населения в коммерческих банках, опережающий динамику уровня инфляции. Несмотря на остроту проблемы безработицы с декабря 1994 г. прирост числа безработных практически отсутствует. Здесь свою позитивную роль сыграло принятое в сентябре 1994 г. областной Думой специальное постановление «О состоянии занятости населения и мерах по снижению напряженности и регулированию на рынке труда».

Что касается России в целом, то впервые за последние годы в мае 1995 г. достигнут прирост валового внутреннего продукта, продукции промышленности, розничного товарооборота. Означает ли это, что экономика постепенно начинает компенсировать спад производства, происходящий на протяжении последних лет, покажет дальнейший ход исторического развития.

В. Ф. ПОНОМАРЕВ

КИРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ В 1950—1990-е ГОДЫ: ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, ЗДРАВООХРАНЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЕ

В числе первоочередных задач, вставших перед трудящимися области после окончания Великой Отечественной войны, было развитие народного образования — укрепление материально-технической базы школ, училищ, техникумов, вузов, обеспечение их квалифицированными кадрами, совершенствование учебно-воспитательного процесса.

В 1946 году в области работало 2309 школ, в которых обуча-

лось 314 тыс. человек, 94 школы были средними. Действовали также ремесленные и железнодорожные училища, школы фабрично-заводского обучения. 14 тыс. человек обучалось в школах рабочей и сельской молодежи. Функционировало 457 детских садов, в которых воспитывалось 27800 детей. Детский досуг организовывали Дворец пионеров в г. Кирове, 10 домов-пионеров в районах, 12 детских технических станций и станций юных натуралистов, 3 детских парка, 2 спортивные школы.

Перед педагогами стояла задача — осуществление закона о всеобщем обязательном обучении. Решалась она с большими трудностями. Отсев учащихся из школ был велик, главной причиной этого была бедность их семей, многие подростки вынуждены были каким-то образом помогать родителям материально. Так, в 1945/46 учебном году школами не было охвачено или выбыло из них без уважительных причин около 6 тыс. детей. Директор нововятской средней школы № 1 И. В. Скурихин вспоминает: «Тяжелой была жизнь, особенно до отмены карточной системы. Самыми трудными вопросами в работе школы были осуществление закона о всеобуче, а также качество знаний, успеваемость учащихся. В 1946/47 учебном году из 859 учащихся выбыло 117 человек, в том числе из 1—4 классов — 88 человек».

Учителя, преподаватели составляли самый большой отряд интеллигенции области — более 16 тысяч чел. На всю область были известны имена передовых педагогов, награжденных орденами и медалями, таких как А. Г. Смирнова, Е. М. Долгих, А. И. Одегова, К. Н. Курочкина, З. В. Одинокова, А. Н. Тепляшина, М. В. Блинова, Л. А. Мошкина, С. Н. Князева, А. Н. Пересторонина и другие.

В 1950-е годы наметился существенный рост числа общеобразовательных школ. В г. Кирове в эти годы сдаются в эксплуатацию здания школ №№ 43, 45, 48 и других. К школьному строительству на селе привлекались колхозы, совхозы. Так, с 1956 по 1960 год инициативным путем построено более 400 школьных зданий и пристроено к ним.

В 1957/58 учебном году в области действовало 105 школ рабочей и сельской молодежи, в них обучалось 11263 человека.

Конец 50-х — начало 60-х годов это период перестройки системы школьного образования. Выходит Закон об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии народного образования в СССР. Основным организационным принципом стало соединение обучения с производительным трудом. Были утверждены новые учебные программы по всем предметам. Учащиеся старших классов стали проходить производственную практику на предприятиях, в школах возникали производственные бригады, вместе с аттестатом о среднем образовании выпускники получали свидетельства о трудовой специальности. С 1958 по 1966 год продолжи-

тельность обучения в средней школе составляла 11 лет. К началу 1962/63 учебного года был полностью осуществлен переход на всеобщее обязательное восьмилетнее образование, создано 607 восьмилетних школ. Из 194 средних школ 158 реорганизованы в одиннадцатилетние средние трудовые политехнические школы с производственным обучением.

В 1970 году Кировский облисполком, отмечая положительный опыт Шурминской средней школы Уржумского района по работе с ученическими производственными бригадами, указывал: «Начиная с 1965 года, права тракториста-машиниста 3-го класса получили 205 учащихся... В настоящее время изучают трактор, комбайн и другие сельскохозяйственные машины 183 учащихся 9–10-х классов, в том числе 108 девушек. Наличие производственной бригады и введение обучения учащихся тракторному делу помогли более эффективно решать задачу закрепления выпускников школы в сельскохозяйственном производстве».

Значительно улучшался качественный состав учительства. Так, если в 1946 году лишь 5,5 процента учителей области имели высшее образование, то в 1977 году этот процент поднялся до 60. В том же году 143 человека имели звание «Заслуженный учитель школы РСФСР», более 2 тыс. являлись обладателями значка «Отличник народного просвещения РСФСР».

Многие учителя показывали пример творческого отношения к труду. К их числу по праву можно отнести М. П. Яровую (школа № 16 г. Кирова), К. К. Звереву (школа № 2 г. Яранска), З. Н. Щеклеину (Опаринская средняя школа), А. А. Суворову (школа № 28 г. Кирова), В. А. Шарыгина (Кикнурская средняя школа), В. С. Путинцева (школа № 1 г. Нолинска), А. В. Хохрина (Синегорская средняя школа Нагорского района), Г. А. Осетрову (школа № 29 г. Кирова), Л. А. Полякову (школа № 2 г. Советска), З. А. Субботину (школа № 8 г. Кирово-Чепецка), Б. С. Покровского (школа № 2 г. Нолинска), В. А. Касьянову (школа № 10 г. Слободского), З. Н. Помыткину (школа № 10 г. Кирова) и многих других. Педагоги не только успешно вели преподавательскую деятельность, но и активно участвовали в общественной жизни села, поселка, города, области, избирались народными депутатами, делегатами различных съездов.

Среднее специальное образование в послевоенные годы давали следующие учебные заведения: в г. Кирове — авиационный, библиотечный, механико-технологический, лесотехнический, сельскохозяйственный, кооперативный техникумы, медицинское и музыкальное училища; в районах области — Яранский, Молотовский (Нолинский), Савальский, Халтуринский сельскохозяйственные, Уржумский зооветеринарный, Пищальский лесохимический, Суводский лесной техникумы, Белохолуницкое, Малмыжское, Моло-

товское (Нолинское), Омутнинское, Санчурское, Слободское, Советское, Уржумское, Халтуринское, Шабалинское, Яранское педагогические училища, Советское, Санчурское, Малмыжское, Котельничское, Омутнинское, Уржумское медицинские училища. Педагогов, кроме училищ и пединститута, готовили еще учительские институты, которые давали выпускникам среднее специальное образование. Они просуществовали до конца 50-х годов. Свою квалификацию педагоги повышали в созданном в 1938 году институте усовершенствования учителей. В 1950 году курсы при институте окончили 1300 человек.

Старейший вуз области Кировский педагогический институт, вернувшись в 1945 году из Яранска, продолжил работу в стенах родного здания. В его составе было 6 факультетов: исторический, русского языка и литературы, физико-математический, географический, естествознания, иностранных языков. Обучалось 930 студентов, работало 128 преподавателей. Руководил институтом А. И. Заручевский.

В 1949 году открылся факультет физического воспитания, первым деканом его стал П. Д. Захаров, который возглавлял факультет более 20 лет. В 1951 году факультеты исторический и русского языка и литературы объединились в историко-филологический, а факультеты естествознания и географический образовали естественно-географический факультет.

После окончания войны в институт вернулись демобилизованные из армии преподаватели Н. В. Белозеров, Е. Г. Брагин, И. А. Мохирев, П. П. Распопов, И. М. Сметанин, В. А. Соболев и другие. Преподавательский коллектив пополнился также выпускниками аспирантуры и лучшими выпускниками института, в их числе Л. П. Зайцева, В. П. Клиросова, А. Н. Кликашева, Е. И. Лучинина, А. И. Шабалин, Л. И. Горева, В. В. Симонов, Ю. В. Солоницын, Г. А. Глушков и другие. Пришли в институт и лучшие учителя средних школ — А. Н. Ефремов, Н. И. Елина, С. А. Напольский, О. А. Скобелева. Число преподавателей, имевших ученые степени и звания, было невелико — 14 процентов от всего количества.

В 1964 году открылись двери нового учебного корпуса факультета физвоспитания с плавательным бассейном, продолжали расширяться агробиостанция, учебно-спортивный лагерь в с. Шестаково, ботанический сад. Важным и радостным событием для коллектива стало открытие нового учебного корпуса в Чижках (февраль 1981 г.). У института появились хорошие условия для дальнейшего роста. Если в 1965 году работало 7 факультетов — историко-филологический, физико-математический, индустриально-педагогический, естественно-географический, физического воспитания, иностранных языков, педагогики и методики начального обучения,

то на 1 октября 1980 года их стало 9 — выделились в самостоятельные исторический, русского языка и литературы, математический, физический факультеты с 36 кафедрами.

В успехах учебной, научной, общественной, хозяйственной работы института большая заслуга принадлежит его руководителям разных лет: Н. Д. Ермилову, П. З. Мосунову, А. Д. Шарову, В. И. Голубеву, Г. А. Глушкову, В. А. Патрушеву.

Сельскохозяйственный институт продолжал работать в очень стесненных условиях. Его главный корпус после окончания войны остался в распоряжении оборонного предприятия (нынешний завод «Маяк»). Все три факультета — ветеринарный, зоотехнический и агрономический — размещались в небольшом здании бывшего веттехникума (совр. корпус «В» на Октябрьском проспекте). Но институт продолжал успешно готовить специалистов сельского хозяйства. К 20-летию института в 1950 году их было подготовлено 1720. Тогда на трех факультетах обучалось 902 студента, работало 98 преподавателей, из них 9 профессоров, 31 доцент.

Успешно вели педагогическую и научную деятельность профессор Н. П. Красноперов, В. А. Наумов, С. А. Хрусталеv, А. П. Онегов, доценты Т. И. Попова, В. М. Пластилин, П. Г. Петской, В. Г. Бобров, Г. С. Лаптев, Н. Н. Комарицын и другие. При институте работали курсы по повышению квалификации специалистов и руководителей сельского хозяйства.

В 1952 году был образован факультет механизации сельского хозяйства, который стал готовить инженеров для села. Вначале он занимал небольшой дом на Театральной площади, а позднее переехал в здание бывшего духовного училища на ул. Урицкого, которое занимает и сейчас.

В 1960 году был построен новый учебный корпус КСХИ на Октябрьском проспекте, это значительно улучшило условия работы на всех факультетах и кафедрах. В 1960-е годы рядом с институтом строятся три студенческих общежития. В эти же годы открываются факультеты экономического и охотоведения, расширяются ветеринарная клиника, база для практических занятий в учебно-опытном хозяйстве, в начале 80-х годов вступает в эксплуатацию новый корпус экономического факультета.

В 1980 году на шести факультетах института обучалось (очно и заочно) 5650 студентов, работало около 400 преподавателей и научных сотрудников, в том числе 14 профессоров, докторов наук, 161 кандидат наук. Значительных достижений в учебной и научной работе достигли профессор Э. А. Штина, И. П. Липовцев, С. Ф. Тихвинский, Л. М. Чуватин, Я. Н. Кагнер, З. Н. Першина, А. И. Колеватова и другие. Возглавляли институт в послевоенные годы И. Н. Багин, В. Г. Смирнов, А. И. Логинычев, И. П. Макаров, В. В. Тюлин.

В начале 1963 года на базе Кировского филиала Всесоюзного заочного энергетического института был образован третий вуз города — политехнический, с четырьмя факультетами и 13 кафедрами. Первый набор студентов на все формы обучения составил 3 тысячи человек. Первым ректором института стал П. З. Мосунов, лекции читали профессор Г. С. Павлов, доцент Н. Н. Харин, кандидат технических наук Г. А. Кропотов, кандидат физико-математических наук В. К. Дрягин. В первые годы институт работал как заочный, а с 1968 года здесь появилось дневное отделение.

С первых лет институт начал бурно расти. К 10-летию юбилею в нем обучалось уже 7 тыс. студентов, из них более 3 тысяч на дневном отделении. В 1973 году вуз располагал тремя учебно-лабораторными корпусами, тремя студенческими общежитиями, спортивно-оздоровительным лагерем, лыжной базой. Обучение с отрывом от производства велось на факультетах: электротехническом, автоматики и вычислительной техники, машиностроительном, инженерно-строительном, химико-технологическом.

В 1976 году было построено новое крыло главного здания, где разместились библиотека, читальный зал, лаборатории, аудитории.

В 1983 году в институте обучение ведется по 13 специальностям, на дневном отделении свыше 4 тыс. студентов, работает 430 преподавателей.

Большой вклад в развитие института внесли его ректоры П. З. Мосунов, Б. И. Краснов, В. Я. Клабуков, доценты Г. А. Кропотов, А. Г. Тинский, Л. С. Козлова, Н. А. Хитрина, В. В. Якимов, А. Е. Корчемкин, А. А. Шибанов и другие.

Студенты «политеха» с первых лет существования института отличались не только хорошей учебой, но и ударной работой в строительных отрядах, успехами в спорте, художественной самодеятельности.

В области катастрофически не хватало врачей, приезжавшие выпускники медицинских вузов, отработав положенное, возвращались по домам. Между тем условия для организации медицинского института в Кирове имелись неплохие. И вот 30 апреля 1987 года вышел приказ министра здравоохранения РСФСР об организации здесь филиала Пермского государственного медицинского института. В кратчайший срок коллектив создающегося вуза с помощью партийных и советских органов города и области добился того, что уже в сентябре того же 1987 года был проведен прием студентов. На лечебный факультет было принято 200 человек, на педиатрический — 125. 97 процентов поступивших были жителями Кировской области.

В организации кафедр, библиотеки, других служб помогали НИИ гематологии и переливания крови, головной институт в

Перми, вузы г. Кирова. Было организовано 11 кафедр и курсов, работало 40 преподавателей, из них 3 доктора и 16 кандидатов наук. Возглавил молодой вуз известный кировский ученый, хирург В. А. Журавлев.

Современная экономическая ситуация больно ударила по народному образованию. Указ № 1 президента России, последовавший за ним Закон «Об образовании» оказались, по сути, декларациями. Недостаток средств приводит к резкому сокращению финансирования отрасли. В нашей области оно проводится в последнее время только по двум статьям: на зарплату и оплату коммунальных услуг. Происходит снижение числа дошкольных учреждений, сокращение кадров, ущемление трудовых прав и социальных гарантий педагогических работников. Долги федеральных органов власти вузам исчисляются в сотнях миллионов рублей. Митинги, пикетирования, забастовки, обращения к властям пока мало помогают.

Много сил, энергии развитию образования в области отдали и отдают организаторы просвещения Ю. М. Головин, Ю. И. Синцов, В. П. Плотников, В. А. Мясников, Ю. М. Никулин, А. М. Чурин и другие. Несмотря на все трудности народное образование продолжает развиваться. Открываются лицеи, гимназии, колледжи, частные школы, классы гимназического и лицейского типа, вводятся новые дисциплины. На начало 1994/95 учебного года в области действовало 1032 общеобразовательные школы, в них обучалось 244781 человек. В настоящее время работает 31 среднее специальное учебное заведение, в них обучается 17643 учащихся, в том числе на дневных отделениях 13379. Техникумы и училища за послевоенные годы дали области и стране тысячи специалистов — педагогов, медицинских работников, воспитателей, техников, механиков, культпросветработников, зоотехников, бухгалтеров, землеустроителей, лесоводов, музыкантов, художников...

В четырех вузах города Кирова в настоящее время (1994/95 уч. год) обучается 16245 студентов, из них 12120 на дневных отделениях.

В 1995 году пединститут преобразован в Вятский государственный педагогический университет. В нем 10 основных факультетов: математический, физический, естественно-географический, русского языка и литературы, исторический, индустриально-педагогический, иностранных языков, физической культуры, начальных классов, дошкольного воспитания. Обучается 5626 студентов, в том числе на дневном отделении 3718, работает 511 преподавателей. Ректор — профессор А. М. Слободчиков.

В 1994 году сельхозинститут преобразован в Вятскую государственную сельскохозяйственную академию. В ней 5 факультетов: агрономический, ветеринарный, зооинженерный с отделением охотоведения, механизации сельского хозяйства, экономический. На

дневном отделении обучается около 3 тыс. студентов, работает 325 преподавателей. Ректор — профессор А. К. Болотов.

В 1994 году политехнический институт преобразован в Вятский государственный технический университет. В нем 6 основных факультетов: автоматики и вычислительной техники, электротехнический, автоматизации машиностроения, инженерно-строительный, химико-технологический, социально-экономический. Действуют также Кирово-Челецкий факультет и Вятскополянский У КП. На дневном отделении обучается более 4,5 тыс. студентов, работает свыше 400 преподавателей. Ректор — профессор В. М. Кондратов.

В 1994 году Кировский филиал Пермского медицинского института получил статус самостоятельного вуза и сейчас именуется Кировским государственным медицинским институтом. В нем два факультета — лечебный и педиатрический, обучается более 2 тыс. студентов, работает 212 преподавателей. Ректор — профессор В. А. Журавлев.

НАУКА

В первые послевоенные годы научные исследования, кроме вузов, велись в НИИ эпидемиологии и микробиологии (больше известном как «институт Советской Армии»), на областной опытной станции полеводства, на Фаленской селекционной станции.

В 1946 году институт эпидемиологии и микробиологии получил переходящее Красное знамя Минздрава СССР и первую премию. Премированы были директор института А. П. Кобыльский, профессор Е. В. Глотова, кандидат медицинских наук С. В. Кузнецова и М. С. Жуйков за перевыполнение плана производства бактериальных препаратов и плана научных работ. Сотрудники разработали новейший, более дешевый метод получения пенициллина, здесь впервые в СССР были получены стрептомицин и стрептотрицин.

В 40—50-е годы научная работа успешно развивалась в КГПИ, на ряде кафедр открылась аспирантура. Подготовку аспирантов вели профессора С. Л. Щеклеин (физическая география), В. Б. Милин (общая физика). Профессор Ф. Ф. Нагибин написал ряд учебников и пособий по математическим дисциплинам, издававшихся за рубежом, биологические и географические кафедры издали труд «Природа Кировской области». Авторскими свидетельствами были отмечены изобретения доцентов кафедры химии А. И. Солоденникова и С. А. Напольского. Профессор В. И. Сорокин издал монографии «Анализ литературного произведения в средней школе» и «Теория литературы». В 1946—1965 гг. вышли в свет 18 выпусков «Ученых записок КГПИ», 685 книг, брошюр и научных статей. Начало работать студенческое научное общество.

В КСХИ в послевоенные годы научная работа особенно успешно развивалась на ветеринарном факультете. Ценных результатов в решении проблемы поиска средств для борьбы с серьезным заболеванием сельскохозяйственных млекопитающих достигла группа научных работников во главе с профессорами А. П. Онеговым, С. А. Хрустальевым, В. А. Наумовым. Работу по решению проблемы бесплодия животных успешно вели профессор Б. С. Лукаш, доцент П. Г. Петской. В 1959 году в институте открылась аспирантура по специальностям «растениеводство», «селекция и семеноводство», «организация производства в социалистических сельскохозяйственных предприятиях», «тракторы и автомобили». Научными руководителями стали ученые А. Н. Тиунов, В. Г. Смирнов, П. Б. Токмаков, А. М. Гуревич.

В 1948 году на базе опытной станции полеводства создается зональный Научно-исследовательский институт земледелия Северо-Востока Европейской части СССР. Его возглавил И. Т. Бородин. Научные сотрудники под руководством академика Н. В. Рудницкого вывели сорт озимой ржи Вятка-2, успешно вели селекционную работу по другим направлениям.

В 1959 году НИИСХ был объединен с КСХИ, в 1967 году вновь стал самостоятельным. В 1970 году при институте создан селекционный центр, которым руководит член-корреспондент Россельхозакадемии Н. А. Родина. С этого времени передано на государственное сортоиспытание десятки сортов сельскохозяйственных культур. Среди новых сортов наибольшее распространение получили ячмень Луч (селекционер Н. А. Родина), овес Фаленский-1 (селекционер Э. С. Денисова), пшеница Лютесценс-44 (селекционер Н. М. Баженова), а также ячмень Икар, Викинг, Агат, овес Кировский, Скороспелый, озимая рожь Голубка, картофель Северянка и Рябинушка.

Значительной работой коллектива явилась разработка научно обоснованных систем земледелия и животноводства Кировской области. Ученые разработали целевые комплексные программы развития картофелеводства, внедрения ярового рапса, использования в кормлении скота гидролизного сахара, осуществления голштинизации районированных в области пород крупного рогатого скота. Успешно ведут исследования кандидаты наук Н. Г. Суров, В. А. Фигурин, Б. П. Мальцев, А. Г. Логинычева, М. И. Тумасова, Л. И. Кедрова, А. Н. Зырянова и многие другие. Возглавляет институт член-корреспондент Россельхозакадемии В. А. Сысуев.

В 1958 г. по решению партии и правительства из Москвы в Киров перебазирован Всесоюзный НИИ животного сырья и пушнины Центросоюза, в 1968 г. переименованный во ВНИИ охотничьего хозяйства и звероводства. Институт разрабатывал вопросы рационального использования ресурсов охотничьих зверей и птиц,

растительных пищевых ресурсов дикой природы, развитие на научной основе кооперативного звероводства, правильной организации заготовок и повышения качества и количества пушной продукции, животного сырья, растительных даров природы. Ученые института изучали и прогнозировали состояние естественно возобновимых ресурсов зверей и птиц, пищевых и лекарственных растений, совершенствовали технику и технологию отрасли, изучали биологию видов, обогащение фауны путем акклиматизации.

Из Москвы в Киров под руководством директора В. К. Новикова и его зам. по научной работе И. Д. Кириса из прежнего состава приехало только 8 бывших сотрудников. Штаты пришлось комплектовать за счет части работников отделений института, ученых из разных городов, выпускников МГУ и ряда институтов, местных специалистов. Преодолев трудности переезда, институт развернул активную исследовательскую работу. Через 15 лет в нем насчитывалось 170 научных сотрудников, из них более 60 кандидатов наук.

В 1965 г. по инициативе сотрудников института усилиями тогдашнего директора В. Ф. Гаврина при поддержке ректора Кировского СХИ И. П. Макарова в этом учебном институте началась подготовка на очном отделении специалистов биологов-охотоведов. Эти выпускники не только пополняли охотничье хозяйство страны, но и обеспечивали приток кадров в науку. ВНИИОЗ с самого начала подготовки охотоведов обеспечивал КСХИ квалифицированными кадрами из числа своих сотрудников, передавая за эти годы на кафедры КСХИ 15 кандидатов и трех докторов наук. В свою очередь в науку пришел не один десяток молодых специалистов-охотоведов как в центральный институт, так и в его отделения в других городах, из числа которых 13 человек защитили кандидатские, а 1 докторскую диссертации.

Последние 30 лет сотрудники ВНИИОЗ активно участвуют в международных конгрессах биологов-охотоведов в Белграде, Москве, Париже, Лиссабоне, Атланте и в ряде других международных форумов. Кандидат биологических наук С. В. Мараков был на двух всемирных конгрессах по охране природы в Заире, Африке и Туркменистане. Институт вел обширную издательскую деятельность: регулярно издавал труды, сборники научно-технической информации, выпустил ряд монографий, сотрудники постоянно печатались в научных журналах.

В поселке Зониха под Кировом выросло крупное научно-производственное звероводческое хозяйство «Вятка». В нем выращивали серебристо-черную лисицу, вуалевого песца, норок и нутрий нескольких расцветок, осваивали разведение енотовидных собак, сурков, шиншиллы, вывели новую породную группу лисиц — вятская огневка, работали с цветными соболями.

В 1972 г. в связи с пятидесятилетием института его наградили грамотой Верховного Совета и присвоили имя основателя и первого директора института профессора Б. М. Житкова. Сотрудники ВНИИОЗ им. проф. Б. М. Житкова И. В. Александрова, Н. Н. Бакеев, А. Т. Войлочников, В. Ф. Гаврин, Н. Н. Граков, В. Н. Дерягин, И. П. Карпучин, И. Д. Кирилс, Г. К. Корсаков, С. А. Корытин, В. А. Кукарцев, Б. А. и С. А. Ларины, Г. Б. Мамаева, С. В. Мараков, Л. А. Митрофанова, Б. А. Михайловский, М. П. Павлов, А. Н. Романов, В. Г. Сафонов, А. А. Скрябина, Г. В. Соколов, Е. В. Стахровский, Н. Д. Степаненко, Л. М. Шилиева, Ю. П. Язан и многие другие внесли свой весомый вклад в научную деятельность института, а также охотоведение и звероводство.

Сейчас институт, выйдя из системы Центросоюза, стал одним из НИИ Академии сельскохозяйственных наук России.

В 70—90-е годы преподаватели пединститута продолжали научные исследования по многим направлениям. Так, на кафедре литературы научную деятельность успешно вели А. З. Жаворонков, И. А. Мохирев, А. Н. Макаров, на кафедре русского языка — В. И. Троицкий. На кафедре педагогики более 200 книг, брошюр и статей издал профессор В. И. Косолапов, книга профессора В. Ф. Сахарова «Профессиональная ориентация школьников» стала учебным пособием для чтения спецкурсов во многих педагогических вузах страны.

Широкую известность получила научная деятельность профессоров А. В. Эммаусского, Е. И. Кирюхиной — история, Н. П. Изергиной — литература, В. В. Мултановского — физика, Я. Т. Биренбаума — иностранные языки; доцентов А. И. Шернина — зоология, Е. С. Канина — математика, Т. Б. Храбриковой — педагогика, П. Е. Козлова — история.

Сельскохозяйственный институт стал одним из ведущих центров страны в области альгологии — изучения почвенных водорослей. По этой теме, возглавляемой профессором Э. А. Штиной, в институте проводились всесоюзные и всероссийские научные конференции, создавались и создаются научные труды, результаты которых находят применение в народном хозяйстве.

Известны научные достижения профессоров И. П. Макарова, В. В. Тюлина — почвоведение, С. Ф. Тихвинского — растениеводство, А. И. Варганова — акушерство, А. И. Колеватовой — зоология, З. Н. Першиной — зоотехния, Н. П. Сычугова — сельхозмашины, А. М. Гуревича и А. К. Болотова — тракторы и автомобили, В. К. Мельникова — охотоведение; доцентов Л. И. Домрачевой — ботаника, И. И. Тетерева — микробиология, В. Н. Еремина — технология машиностроения. Профессор Н. П. Сычугов и доцент В. Н. Еремин имеют десятки изобретений, под их руководством приобщились к науке многие студенты. Ученые экономического факуль-

тета успешно выполняют хозяйственные научно-исследовательские работы для предприятий села и города.

Доцент С. В. Мараков, зав. кафедрой промысловых зверей и птиц был членом рабочей группы Международного Союза охраны природы, выезжал на всемирные и международные конгрессы. Написал, оформил собственными фотографиями и издал в России, ГДР, Чехословакии, Болгарии около десятка увлекательных книг о животном мире страны.

В Вятской государственной сельхозакадемии в настоящее время трудятся 30 профессоров, докторов наук, 170 кандидатов наук, доцентов.

Со времени возникновения политехнический институт проводит большую научно-исследовательскую работу. В 60-80-е годы значительных успехов достигли доктора наук В. Ф. Фонкин, Г. В. Верстаков, доценты В. В. Сумин, В. Д. Матвеев, Ю. П. Хранилов, Л. А. Васильевых, Г. М. Безверхов, Э. С. Абрамочкин, А. Е. Корчемкин, О. В. Бочкарев и другие. В настоящее время Вятский государственный технический университет проводит фундаментальные исследования по темам «Новое объяснение процесса демпфирования в ферромагнетиках», «Разработка методологии проектирования технологических процессов штамповки подвижными средствами тонколистовых деталей», «Разработка технологии получения цинковых солей из цинкосодержащих отходов» и другим.

Большой объем фундаментальных исследований, их весомые результаты сделали возможным создание на базе этого вуза ряда академических структур: Вятского филиала Инженерной академии России, научных центров Академии технологических наук и Академии транспорта РФ, филиала Академии социологических наук. Университет активно участвует в выполнении 11 межвузовских и других научных программ. Интересные исследования проводят лаборатория металлических материалов (научный руководитель проф. В. М. Кондратов), лаборатория биотехнологии (доцент Н. А. Жуков), областной центр новых информационных технологий (доцент В. И. Микрюкова), лаборатория озонаторостроения (доцент В. И. Пантелеев). Существенных успехов достигли доктора технических наук И. В. Флегентов, В. В. Черепанов, В. В. Мелюков, В. С. Хорошавин и другие ученые. Действует активная система общения к научным исследованиям студентов.

В ВятГТУ работают 35 профессоров, докторов наук, 240 кандидатов наук, доцентов; среди ученых — лауреаты Ленинской и Государственной премий.

На 35 кафедрах и самостоятельных курсах медицинского института работают 19 профессоров, докторов наук, 60 кандидатов наук, доцентов. Двое ученых являются лауреатами Государственной премии. Профессора В. А. Журавлев, В. С. Заугольников, Б. А.

Петров, Я. Ю. Иллек участвовали в работе международных симпозиумов и конгрессов. За первые шесть лет работы сотрудниками института защищены 2 докторские и 12 кандидатских диссертаций, опубликовано 14 монографий, 74 методические рекомендации, 5 сборников научных работ, свыше 900 статей и тезисов докладов.

Основным направлением деятельности НИИ микробиологии Министерства обороны РФ является создание медицинских средств защиты войск и населения от опасных инфекционных заболеваний. Проводимые исследования направлены на создание вакцин и лекарственных препаратов. Разрабатываются также средства охраны окружающей среды, способы консервации микроорганизмов, используемых в здравоохранении, ветеринарии, пищевой промышленности. Большинство разработок успешно внедрено в практику военно-медицинской службы и народного здравоохранения. Разработаны программы помощи области в развитии ее экономики, установлено сотрудничество с сельскохозяйственными предприятиями и учеными-аграриями.

В институте успешно трудятся А. И. Макаров, В. Д. Красаков, А. В. Кибирев, И. В. Живов, В. В. Клименко, П. Г. Васильев и другие ученые. Всего в НИИ 5 докторов и 82 кандидата наук, 36 лауреатов Государственной премии. Возглавляет институт доктор медицинских наук Е. В. Пименов.

Всего в области научно-исследовательской деятельностью занимаются 28 учреждений, 2112 специалистов, из которых 29 докторов, 343 кандидата наук.

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

К окончанию Великой Отечественной войны здравоохранение Кировской области приобрело богатый опыт, чему способствовали работа эвакогоспиталей, размещавшихся во многих городах и поселках области, и в особенности трехлетнее пребывание в областном центре Ленинградской морской военно-медицинской академии имени Кирова. Лекции, консультации, обходы, показательные операции крупных специалистов медицины помогали повышать квалификацию местных врачей, хотя материальная база лечебных учреждений, особенно в районах области, была развита еще слабо. Большинство больниц, поликлиник, фельдшерских пунктов и других учреждений здравоохранения размещалось в непригодных деревянных помещениях, не хватало оборудования, медикаментов, продуктов, белья.

Но работа шла. Еще далеко не изжиты были трудности, вызванные войной, а в Слободском стали действовать кабинеты грязелечения, рентгеновский, зубо врачебный, лечебной физкультуры. Детская больница получила отдельное помещение. В Санчурске

был открыт пункт скорой помощи, в Зуевке введены в строй лаборатория и кабинет физиотерапии.

В целях приближения специализированной медицинской помощи к населению глубинки еще в годы войны было организовано 14 межрайонных центров. В больницах Кирова и межрайонных центров получили применение новейшие по тому времени методы лечения: тканевая терапия, переливание иногруппной крови, пенициллино-терапия, удаление инородных тел магнитом, кислородная терапия. Начала действовать здравница в с. Нижнеивкино.

Всего в области в 1946 году действовало 1689 медицинских учреждений, в том числе 35 городских и 93 сельские больницы, 54 городских и 146 сельских поликлиник и амбулаторий. Работало 125 аптек, областная станция и местные пункты переливания крови, станция скорой помощи, областная малярийная станция. Действовала также санитарно-авиационная станция, располагавшая двумя двухместными самолетами.

Областной отдел здравоохранения в те годы возглавлял И. З. Карпов. Больших достижений в своей деятельности, уважения в народе добились заведующий отделением областной больницы С. А. Драверт, заведующая психиатрической больницей г. Кирова М. А. Чицова, врач-фтизиатр противотуберкулезного диспансера Ф. Г. Конкин, главный врач Мурашинской больницы М. М. Шишкин, хирург железнодорожной больницы А. А. Лопатин, врачи В. К. Волков, В. С. Шорохов и многие другие.

В феврале 1946 года проходил областной съезд медицинских работников, на котором присутствовало 527 делегатов. Съезд признал одной из лучших в области Санчурскую районную больницу. Строилась она в довоенные годы буквально всем районом. Долгие годы это образцовое лечебное заведение возглавлял врач А. И. Прохоров. Чистота, порядок, новейшее медицинское оборудование, большое подсобное хозяйство, сад, цветник и, главное — чуткое внимательное отношение к больным — все это было в Санчурской районной.

Конечно, было немало и трудностей, которые приходилось в те годы преодолевать медикам. Об этом пишет в своих воспоминаниях врач Е. П. Шулятева: «В Нолинске я продолжала свою очень тяжелую, нервную, напряженную работу. В первые десять лет по трехзвенной системе: стационар, прием в поликлинике по внутренним болезням и выполнение вызовов на квартиры к больным. Вызовы даже в окрестные деревни выполняла пешком в любую погоду, иногда осенью и весной, по непролазной грязи и под проливным дождем, а зимой по непроторенным тропам, иногда выше колен в снегу. В стационаре мест всегда не хватало, и многих тяжелобольных приходилось оставлять на дому, потом посещать их ежедневно, даже в выходные и праздничные дни. Стационарных

больных в выходные и праздники тоже было необходимо посещать. Часто меня направляли еще для замены врачей в другие отделения: детское, инфекционное, туберкулезное и даже по три летних периода заменяла болеющих врачей в с. Татаурово. Так рабочий день даже на одну ставку выходил с 8 часов утра до 8, а иногда и до 10 часов вечера. Всегда было у меня еще много бесплатных нагрузок: лечение по внутренним болезням инвалидов войны, руководство антирабическими (против бешенства) прививками, руководство прививками против клещевого энцефалита. Я из любви к своей работе еще проводила много лекций и бесед на медицинские темы в клубах, кинотеатрах, избах-читальнях, школах, на фермах».

В 1950-е годы продолжалось строительство лечебных учреждений. Главной стройкой того времени была областная больница. Шесть лет шло строительство, и вот в августе 1958 года поликлиника, детское, неврологическое, терапевтическое, а чуть позднее и хирургическое отделения переехали из старых, дореволюционной постройки помещений в новые просторные здания с хорошо оборудованными кабинетами, лабораториями, грязе- и водолечебницами. Обновленная больница стала центром организационно-методической и специализированной помощи населению области, базой специализации врачей, среднего медицинского персонала. Много сил и энергии вложил в обновление больницы ее главный врач с 1960 года В. Н. Потапенко.

После областной новоселья праздновали 3-я городская, железнодорожная больницы, затем лечебные учреждения заводов «Сельмаш», имени XX партсъезда, 1-я городская больница и другие.

В 50—70-е годы появляются новые медицинские учреждения в Кирсе, Мурыгине, Вятских Полянах, Свече, Даровском, Зуевке, Нововятске, Лузе, Халтурине, Оричах, Яранске, Кирово-Чепецке, Восточном, Афанасьеве, Кикнуре, Унях и других городах, поселках и селах области.

В 1965 году в области имелось 218 больничных учреждений на 18862 места, 261 амбулаторно-поликлиническое учреждение, 1265 фельдшерских и акушерских пунктов. Численность врачей составила 2860, среднего медицинского персонала — 13036 человек. На 10 тысяч человек населения приходилось 16 врачей, 73 работника среднего медицинского персонала, 106 больничных коек. Значительно сократилась смертность населения, продолжительность жизни поднялась до 70 лет.

Улучшение материальной базы положительно сказалось на внедрении новых методов лечения и профилактики. В 1960 году в Кирове был организован филиал Ленинградского НИИ переливания крови, в 1965 году он стал самостоятельным институтом. Первым директором филиала, а впоследствии института стал заслу-

женный врач РСФСР Н. В. Шестаков. Достижения, открытия ученых стали шире использоваться в клинической практике, диагностике и лечении. В 1969 году заведующим хирургической клиникой института был назначен В. А. Журавлев, уже тогда заявивший о себе как талантливый хирург.

В. П. Крюков, бывший заведующий хирургическим отделением областной клинической больницы, уделял большое внимание специализации врачей-хирургов области, благодаря чему хирургическая помощь была намного улучшена. Он добился расширения своего отделения, было увеличено и количество коек в хирургических отделениях районных больниц. Широкую известность своей врачебной деятельностью получили организатор онкологической службы области Н. В. Дернов, хирурги областной больницы А. И. Козлов, М. М. Али-Заде, Н. С. Альгин, урологи В. Г. Егоров, А. А. Рузгис, фтизиатр В. Р. Золотаревский, травматолог Г. С. Брызгалов, эндокринолог Н. И. Чоловская, руководитель санитарной службы области Н. С. Колышкина. Большую работу по улучшению хирургической помощи населению проводил главный хирург области профессор Н. С. Епифанов. В 1969 году звание Героя Социалистического Труда было присвоено главному врачу Кировской городской больницы В. А. Казаковой. Десятки лет жизни посвятил своему детищу главный врач областного глазного диспансера Э. Я. Джантемиров, который не только лечил больных, но и сам конструировал и модернизировал хирургические инструменты. Много сил организации здравоохранения в Кирове отдала М. Н. Денисьева.

В районах области успешно трудились Герой Социалистического Труда Л. М. Овчинников (Кирово-Чепецк), хирург М. П. Белоусов (Яранск), терапевт А. А. Сапожникова (Санчурск), педиатр В. И. Колеватова (Халтурин), невропатолог Л. В. Климович (Арбаж), терапевт Н. В. Зонова (Нагорск), хирург Л. С. Пересторонин (Малмыж), фтизиатр Э. Э. Фурман (Кикиур) и многие другие.

В последующие годы здравоохранение области развивалось достаточно успешно. Существенно улучшилась материальная база. Только в г. Кирове прекрасные новые здания получили ортопедо-хирургическая, педиатрическая, психоневрологическая больницы, стоматологическая поликлиника, медсанчасть завода «Маяк», родильный дом № 2, противотуберкулезный и онкологический диспансеры.

Без сомнения, одним из главных событий в истории здравоохранения Кировской области можно считать возникновение своего медицинского института. Этого события ждали долго. И вот в 1987 году Кировский филиал Пермского государственного медицинского института провел первый прием студентов на лечебный и педиатрический факультеты. В 1993 году состоялся первый

выпуск врачей, а в следующем году вуз получил статус самостоятельного института. Несмотря на трудности нынешнего времени молодой институт уверенно встал на ноги, благодаря чему проблема нехватки врачей — «вечная» для Кировской области будет решаться быстрее. И в этом большая заслуга ректора, заслуженного деятеля науки России, профессора В. А. Журавлева.

В. А. Журавлев не только прекрасный организатор, но и замечательный врач, талантливый ученый. Он провел сотни сложнейших операций на печени, спас жизнь многим десяткам больных. В. А. Журавлев — председатель областного научного хирургического общества, почетный член нескольких всероссийских и международных обществ, клубов, ассоциаций хирургов.

Рыночные отношения, значительный спад экономики в последние годы поставили здравоохранение области в тяжелые условия. Сокращены до минимума строительство, капитальный ремонт, работы по текущему содержанию медицинских учреждений. Финансируются в основном только расходы на питание больных, приобретение медикаментов и оплату труда медицинских работников. Ухудшаются демографические показатели, наметился рост инфекционных заболеваний.

Несмотря на все трудности сохраняется сеть медицинских учреждений, повышается профессиональное мастерство работников здравоохранения, вводится медицинское страхование. Численность медицинского персонала продолжает увеличиваться. Так, если в 1980 году врачей в области было 4704, то в 1995-м году — 6293. Численность среднего медицинского персонала осталась примерно на прежнем уровне и составляет 20164 человека, а число больничных коек с 24175 в 1980 году возросло до 27085 в 1991-м, однако потом пошло снижение этого показателя до 26233 в 1995 году. Наметилось и снижение числа больничных учреждений — с 204 в 1991-м до 200 в 1995 году.

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ

Вятский край всегда славился сильными спортсменами, прославлявшими родину на состязаниях самого различного ранга. Всем известны имена М. Исаковой, Т. Войновой, Р. Грача, В. Меланьина, И. Бякова, А. Мальцева, В. Мышкина, Н. Шмакова.

Самым массовым видом спорта на Вятке издавна был лыжный. Успехи лыжников-гонщиков, прыгунов с трамплина, двоеборцев, биатлонистов были следствием этой массовости. Не случайно именно в Кирове в 1951 году был построен крупнейший тогда в стране трамплин. В выходные дни «на Филейку» собирались тысячи кировчан, чтобы полюбоваться полетами сильнейших прыгунов страны, поболеть за своих. И вятские не подводили — Д. Кочкин,

В. Дрягин, А. Боровитин, Э. Чернышев и другие спортсмены в разные годы входили в сборную команду страны, а А. Солодянкин участвовал в Олимпийских играх в Лиллехаммере в 1994 году. В конце 60-х годов лыжный трамплин появился в колхозе «Искра» Котельничского района.

Из лыжников-гонщиков наибольших успехов добились Ю. Скобов из Омутнинска, Е. Беляев из Сосновки, ставшие олимпийскими чемпионами, а также Ю. Вахрушев из Кирово-Чепецка, кировчане Л. Баранова, Л. Машковцева, В. Трефилов. Олимпийскими чемпионами становились биатлонисты В. Меланьин (Киров) и И. Бяков (Кирово-Чепецк).

Едва ли не самым популярным спортивным зрелищем у кировчан являются конькобежные соревнования на призы имени С. М. Кирова, которые регулярно проводятся с 1937 года. Победителями и призерами мемориала в разные годы становились М. Исакова, М. Постникова, А. Чекулаев, Л. Ляпунова, А. Сивкова.

Имеются у нас успехи и в «королеве спорта» — легкой атлетике. В первые послевоенные годы высокими результатами блистали В. Крепкина и Н. Шукин, эстафету у них приняли В. Казанцев, А. Загарских, В. Щербатых, отлично выступавшие в 60-е годы. Позднее проявили свое мастерство О. Курагина (призер Московской Олимпиады), Г. Дегтярев (рекордсмен СССР), Л. Гурина (призер чемпионатов мира).

В начале 60-х годов в Кирове и Кирово-Чепецке появляются крытые плавательные бассейны, и уже через несколько лет наши пловцы добиваются неплохих результатов. А. Вятчанин и Т. Шумихина становятся чемпионами России. В последние годы отлично выступали М. Суслов, Я. Шамарова, Н. Трефилова, которая была финалисткой Олимпийских игр в Сеуле в 1988 году.

Не роняют славы легендарного Гриши Кашеева вятские борцы. В разные годы отлично выступали на ковре С. Скитков, С. Княжев, Г. Марков, В. Погудин, В. Фомин, а Н. Шмаков становился чемпионом мира. Четыре раза завоевывала титул чемпионки мира по борьбе самбо среди женщин Т. Федорова. Больших успехов по новому виду тяжелой атлетики — пауэрлифтингу (силовое троеборье) добился А. Лекомцев, становившийся чемпионом России, Европы и мира.

Хорошо выступают в первенствах страны по хоккею с мячом (высшая лига) кировская «Родина» и по хоккею с шайбой (первая лига) — кирово-чепецкая «Олимпия», воспитанники которой А. Мальцев и В. Мышкин много лет входили в состав сборной команды страны. К сожалению, победы кировских футболистов остались в прошлом — из-за финансовых трудностей команда «Вятка» («Динамо») прекратила существование.

Есть чем гордиться представителям других видов спорта.

Высокие достижения наших спортсменов стали возможны в большей мере благодаря неустанной работе организаторов физкультуры и спорта, таких как В. С. Выборнова, Н. И. Малков, И. И. Креснин, В. Е. Очнев, П. Д. Захаров, Е. С. Цапаева, И. Ф. Байгозина, Г. И. Ганапольский, Ю. К. Цекаловский и другие.

В победах, достижениях наших спортсменов огромная заслуга их наставников. Замечательных спортсменов готовили и готовят А. П. Дьяконов, В. Г. Ванеев, П. Д. Захаров, И. Н. Урванцева, А. И. Нивин, С. П. Дителев, В. А. Чайкин, А. А. Казаковцев, В. В. Карапетов, В. Е. Бутреев и другие тренеры.

Конечно, достижения чемпионов радуют, но рекорды лучших были бы невозможны без мощной основы, каковой является массовая физическая культура. Регулярные занятия физкультурой приносят людям здоровье, бодрость, радость общения. Долгие годы физкультурников объединял комплекс ГТО («Готов к труду и обороне»), за право носить его значок боролись тысячи людей разных возрастов в городах, поселках, деревнях. Только в 1976 году в области было подготовлено 108 тыс. значкистов ГТО.

Хороших результатов в развитии массовой физической культуры добивались физкультурные организации Кирово-Чепецка, Слободского, Вятскополянского, Белохолуницкого, Уржумского, Кикнурского и других районов. В глубинке эту работу проводили замечательные организаторы физической культуры, такие как А. Н. Салтанов (Слободской), А. Ф. Оленев (Кикнур), И. Г. Улицкий (Уржум), П. К. Курочкин (Котельнич) и многие другие.

Спартакиады, олимпиады, кроссы, эстафеты, спортивные конкурсы «Вятская лыжня», «Олимпийская снежинка», «Движение для здоровья», «Всею семьей на старт» были эффективными формами массовой работы. С начала 80-х годов широкое распространение в стране получили клубы любителей бега. И в наших КЛБ «Горизонт», «Дымка» (Киров), «Оптимист» (Котельнич) занимались оздоровительным и марафонским бегом сотни физкультурников самого различного возраста — от школьников до пенсионеров. Марафонцы из этих клубов совершили несколько сверхдальних пробегов: Ленинград — Киров, Киров — Ленинград, Киров — Селдьце (Польша), Киров — Резекне (Латвия). Достаточно массовыми в те годы были секции аэробики, группы здоровья.

Рыночные отношения отрицательно повлияли на развитие массовой физкультуры. Многие клубы, секции стали платными, физкультурным организациям остро не хватает средств на проведение занятий, соревнований, приобретение инвентаря, формы. Тем не менее физкультурная и спортивная жизнь в области продолжается.

На начало 90-х годов в городах и районах имелось 32 стадиона, 71 спортивный комплекс, 625 спортивных залов, 312 стрелко-

вых тиров, 103 лыжные базы, 9 плавательных бассейнов, 4200 спортивных площадок. Насчитывалось более 2500 коллективов физкультуры, работало 76 спортивных школ. В области культивируется 44 вида спорта, всеми формами физкультурно-массовой и оздоровительной работы охвачено 585 тыс. человек.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV

Вятка в воспоминаниях современников

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ УРОЖЕНЦА с. ВОНДАНКИ КОТЕЛЬНИЧСКОГО УЕЗДА И. А. ЖУРАВЛЕВА¹ О ПОМЕЩИКЕ Т. Я. АЛЕКСАНДРОВЕ И УЧЕБЕ В ШКОЛЕ

1918 г.—[1928]г.^х

Зимой 1918 года мне исполнилось 5 лет, а я и сейчас помню, как в ту зиму по улице нашей деревни шли санные подводы с нагруженными шкафами, столами и другой мебелью. Мужики-соседи говорили, что вот и до нас дошла революция, большевики конфискуют помещика Александрова, его имущество вывозят в с. Даровское и дальше в Котельнич, где создан уездный совдеп.

Поместье [Тихона Яковлевича] Александрова было расположено на землях низовья р. Вонданки, при впадении ее в р. Молому, между деревнями Турки и Жениховы Гаревского сельсовета. Его отец выстроил раньше и содержал водяную мельницу, которая к периоду революции уже развалилась.

В наследство Александрову остался участок леса, сколько-то пахотной земли, а основные земельные площади были под сенокосом, который он ежегодно сдавал в аренду, продавал луга травостоя малоземельным крестьянам. Взрослые его сын и дочь, получив образование, к тому времени уже где-то в городах жили самостоятельно.

Летом 1918 г. лес, луга и большая часть пахотной земли Александрова были конфискованы и переданы в пользование крестьян. Его большой деревянный дом был разобран, в начале 20-х гг. перевезен и поставлен в с. Вонданке, в котором была размещена начальная школа.

До постройки этого здания все классы начальной школы размещались в отдельных непригодных домах служителей церковного культа — попа, дьякона и псаломщика. Мне все четыре класса удалось учиться в помещении попа, а общежитие было расположено в доме дьякона. Нашими преподавателями были дочери этих же служителей-церковников, причем большинство из них своих семей не имели, мы их звали старыми девами. Приходилось встречать и странствующих монашек.

Преподавание Закона Божьего в школе было отменено, все старые учебники признавались непригодными, вплоть до Азбуки. В первом классе, помню, мы учились читать по вновь изданному «Букварю». Его форма больше была похожа на современный журнал «Огонек», только без красочных картинок, в мягкой обложке. Вместо портфелей у нас были холщовые

^х Документ датирован по содержанию, дата написания воспоминаний — 1975 г.

мешочки, сумки с тесемкой, одевавшиеся через плечо. И эти буквари через десяток дней становились такими мятыми, похоже, что их корова жевала...

Учиться писать приходилось на грифельной доске. В большинстве у нас имелись не доски, а обломки последних. Позднее стали применять серую оберточную бумагу, никаких тетрадей ни в школе, ни в лавке сельпо не было. Будучи учениками четвертого класса, мы... насобирали пакли-кудели, конопатки на месте разбираемого дома, сдали ее в лавку, и нам дали... по карандашу...

Когда я уже стал учиться в средней школе, пришлось повидать живого бывшего помещика. Среднего роста, с бритой бородой и усами дедушка, руководивший школьных драмкружком, оказалось, был сам Александров, с любовью и старанием относившийся к доверенному ему делу. Мы знали, что все немудреные декорации школьной сцены намалеваны самим Александровым, он же исполнял работу гримера и суфлера, являясь постоянным постановщиком.

Из имени Александрову был оставлен небольшой двухэтажный деревянный домик, сарай и баня, пара овец, поросянок, корова и участок земли под огород... Он жил со своей женой-старушкой и одной женщиной, выросшей с детства в их семье. Лошади он не держал и для обработки огорода нанимал у соседей.

Весной 1925 года мой отец с соседом Трофимом Семеновичем нанялись у Александрова на своих лошадях вспахать огород и посадить картошку. Первый день они уехали одни, вспахали и заборонили, на второй день захватили нас с братом Степаном и племянниц Трофима Анну и Александрю, дочерей Сергея Семеновича. Мужики до обеда возили навоз, а мы, детвора, выбирали из ямы картофель на семена.

В обеденный перерыв нам впервые в жизни удалось услышать поющую трубу граммофона. Обедали мы все вместе в столовой, которая размещалась с кухней на нижнем этаже домика, а на втором этаже были еще две комнаты. На обед была жаренная в сале картошка с мелкими кусочками хлеба, залитая яйцами, и по стакану молока. Хозяйка посетовала, что мужчинам следовало бы по чарке винца, но раз его нет, попросила мужа повеселить всех музыкой. Вот тогда хозяин и завел свой граммофон, направив трубу из раскрытого окна второго этажа. Сколько у нас было удивления, что кто-то сумел залезть в трубу, да еще и так хорошо поет там...

ГАКО. Ф. Р.-2599. Оп. 4. Д. 79. Л. 1-3. Поллиник.

¹Журавлев Иван Андреевич — род. в 1913 г., участник Великой Отечественной войны, автор неопубликованного очерка «Воспоминания из жизни о первой половине XX в.».

К. А. ПАЛКИН¹

О ТОМ, ЧТО ЗАПОМНИЛОСЬ
(Отрывок)

1963 г.

1918 ГОД

Я видел, что сам город Вятка, несмотря на то, что он никогда не был привлекательным, как-то поблек, опустился.

Он выглядел, как выглядит небритый мужчина. Следы запустения

проглядывали во всем. Мещанские деревянные домики, составлявшие большинство построек в городе, да и дома местных зажиточных людей превратились в небольшие крепости. Живущие здесь старались не видеть и не слышать происходящего.

Вот уж, действительно, «мой дом — моя крепость».

Внешний вид людей был также необычен. Нарядной, дорогой и даже только хорошей одежды не было видно. Люди, которых я много лет видел в форменной одежде, подтянутыми, даже чопорными, закрыли ныне материей блестящие пуговицы с двухглавым орлом, покрыли головы шапками различных фасонов, а на ногах у них (какое это падение!) были валенки, обыкновенные вятские валенки, и даже не черные, а серые валенки.

Много людей носило серые шинели, свидетельство того, что в самом недавнем прошлом их хозяева служили в армии.

Люди ходили деловым шагом, гуляющих видно не было. Встречались на улицах и другие люди, совсем необычные для архипровинциальной Вятки.

Время от времени на улицах встречались военные моряки, в традиционных бушлатах, в бескозырках, с неизбежным кольцом на поясе, с пулеметными лентами через плечо.

Эти колоритные фигуры очень убедительно напоминали о происшедших переменах в жизни города, который был известен за его пределами как город политической ссылки по преимуществу.

Люди были необщительны. Кто посмелее, высказывали (конечно, только доверительно) тайную мысль о том, что все происшедшее — это несчастье и что оно кратковременно. Многие, даже очень многие, хотели этого; хотели отмахнуться от тяжелого сновиденья и улыбнуться тому, что это был только сон.

Создавалось даже впечатление, что люди считают, что они живут в занятом неприятелем городе и ждут неизвестных избавителей.

Киров. обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена. Фонд краевед. отд. Д. 837. Л. 7-9.

¹ Палкин Константин Алексеевич (1893—1984) — родился в г. Вятке, с 1 октября 1916 г. служил прапорщиком 106-го запасного пехотного полка, с 1918 г. работал в органах юстиции г. Вятки (Кирова), книголюб.

Архивные документы

**ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ БЫВШЕГО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
ВЯТСКОГО ГУБЕРНСКОГО БЮРО РСДРП(б),
ГУБИСПОЛКОМА И ГУБЕРНСКОГО ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО
ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО ШТАБА И. В. ПОПОВА¹
ОБ УСТАНОВЛЕНИИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ГУБЕРНИИ**

январь-август 1918 г.*

...Собравшийся в начале января 1918 года I губернский съезд Советов... был сплошь большевистским. Наполнявшая кулуары съезда мещан-

* Документ датирован по содержанию, дата написания воспоминаний — не позднее 1927 г.

ская и обывательская публика, многие саботажники были немало поражены единством воли рабочих и крестьян, которые шли за лозунгами большевистской партии...

Во время моего доклада по 1 пункту повестки дня о текущем моменте, когда мною были брошены слова о том, что среди присутствующих здесь гостей много саботажников, которые срывают дело социалистического строительства, что их бешеные наскоки напоминают лай мелких шавок на пролетарского слона, эти слова были встречены гулом одобрения и негодующими криками по адресу врагов советской власти...

На II съезде мы наблюдаем уже совершенно обратную картину...: резкое размежевание деревенской бедноты, середняков и кулацкой группы... Действительных членов нашей партии насчитывалось на 250 с лишним делегатов всего 6—10 человек, но зато была большая группа делегатов, которая примыкала к большевикам и объявила себя сочувствующими... На съезде была представлена также и довольно значительная группа левых эсеров, которые в это время полностью шли за нами... Была и беспартийная группа, человек в 25, с заметным кулацким уклоном. Была также небольшая группа анархистов из Ижевска, которая порою вносила в работу съезда большое оживление и смех своими самыми неожиданными и нелепыми предложениями... Почтили своим присутствием и видные правые эсеры и меньшевики...

С первого же дня съезда... меньшевики и эсеры повели атаку на существующую систему советской власти. Немало было сказано... в зажигательных речах слов о том, что дни советской власти сочтены и необходимо ее безболезненно ликвидировать. Со стороны нашей фракции выступления меньшевиков и эсеров встречали самый решительный и беспощадный отпор...

В связи с работой II съезда Советов² невольно припоминается один любопытный эпизод, который так характерен для тех методов борьбы, которые применялись тогда нашими врагами... В разгар работы съезда в местной меньшевистско-эсеровской газете «Вятская речь», снова начавшей выходить, был опубликован так называемый «Декрет о национализации женщин», который от начала до конца являлся ничем иным, как сплошной провокацией... Этим подложным декретом «все женщины объявлялись общенародным достоянием». Естественно, у обывателей при чтении этого декрета вставали волосы дыбом и в некоторых уездных городах, кажется, в Слободском, был устроен даже специальный крестный ход против насильников-большевиков, которые хотят национализировать жен, сестер и матерей. Группа делегатов на съезде внесла даже запрос по этому декрету. В итоге обсуждения запроса на «Вятскую речь» было наложено административное взыскание, а населению... разъяснена вся чушь, нелепость и дикость подобных «декретов», которые исходят от врагов советской власти...

После II губернского съезда Советов перед всей Вятской партийной организацией встали две основные задачи: всемерное укрепление советского аппарата и организация надежных и крепких воинских частей... Не только отдельные волости, но и уезды имели совсем слабый советский аппарат... к тому же половина уездных исполкомов губернии находились в руках левых эсеров. Во многих местах наблюдалось полнейшее разгильдяйство советских должностных лиц...

Теперь, вероятно, является совершенно непонятным приказ Президиума Вятского губисполкома, подписанный пишущим эти строки, где говорится о беспощадной расправе и угрозе расстрелом всем примазавшимся к советской власти элементам, а также обещались суровые кары в отношении тех должностных лиц, которые будут замечены в пьянстве или преступном манкировании своими прямыми обязанностями. Этот приказ был написан и опубликован, кажется, в конце мая месяца 1918 года. Необходимость этого приказа вызывалась еще и тем, что вплоть до середины 1918 года со стороны нижестоящих советов и исполкомов наблюдалось чудовищное местничество и абсолютное непонимание, в особенности со стороны левых эсеров, необходимости строго централизованной власти. Лозунг нашей партии «Вся власть Советам в центре и на местах» многими тогда понималась по праву: чего моя нога хочет. Отдельные уезды и волости хотели быть совершенно самостоятельными республиками, требовали полной автономии в распоряжении своими хлебными ресурсами, на самостоятельное распоряжение воинской силой, если она имела в том или другом месте... Только благодаря укреплению парторганизации и появившейся смертельной опасности для всех советов от белогвардейских восстаний возобладали центростремительные силы, и к концу 1918 года в губернии не осталось и следа от подобного местного патриотизма...

Левозеревский мятеж в Москве³ отразился самым благоприятным образом на улучшение нашего советского аппарата в губернии. Правда, полученные первые известия о начале левозеревского восстания в Москве вызвали минутное замешательство и опасения за целостность нашего государственного аппарата, но в самой Вятке... они были разоружены еще до восстания их единомышленников в Москве... В подавляющем большинстве уездов левые эсеры были немедленно устранены от всякой легальной советской работы. Кажется, только в одном Уржумском исполкоме еще продолжались колебания, и там оставался работать левый эсер [Иван Михайлович] Видягин. Некоторая прочность положения левых эсеров в Уржуме потом ярко сказалась в слабости или, вернее, в отсутствии всякого сопротивления наступавшим впоследствии белогвардейским бандам Степанова.

Наряду с очищением уездных исполкомов от левозеревского влияния шел по мере возможности и подбор выдержанных, хороших руководителей-большевиков... Таким образом, к середине 1918 года мы имеем крепнущий с каждым днем уездный и волостной советский аппарат...

Организация воинских сил в это время шла в Вятке самым усиленным темпом...

В начале августа мы получили приказ из Москвы об отправке на фронт под Казань сформированную тогда нами часть — 19-й Уральский полк... В связи с проводами 19-го полка под Казань нельзя не вспомнить чрезвычайно интересный факт, который только и возможен в обстановке гражданской войны... Полк, проезжая мимо пристани Турек (Уржумского уезда), видел на берегу развернутую цепь каких-то солдат и матросов. Полк принял этот отряд за наших красноармейцев, посланных на юг губернии, и обменялся с ними с пароходов самыми братскими приветствиями. Впоследствии выяснилось, что это как раз и были степановцы, находившиеся уже в состоянии восстания, но при этом еще ни Чрезвычайный штаб, ни тем более полк не знали об этом факте. Может быть, получив известие о степановском выступлении до отправки 19-го Уральского полка, потребовалось бы гораздо

меньше времени, сил и средств для ликвидации белогвардейщины на юге губернии... Полк мог бы мимоходом по пути в начале степановского восстания сразу же его задушить... Дня через 3-4 Чрезвычайный штаб получил известие о восстании степановцев...

И. Попов

ЦДНИ КО. Ф. 45. Оп.1. Д. 103а. Л. 11, 12, 14, 15-21, 30-31, 36. Подлинник.

¹ Попов Иван Васильевич (1894—1952) — род. в с. Верхотлипово Орловского уезда Вятской губернии в семье священника: с мая по октябрь 1917 г. — председатель Глазовского укома РСДРП(б), с октября 1917 по март 1918 г. — председатель Вятского губбюро РСДРП(б), с апреля по октябрь 1918 г. — председатель губисполкома, губернского Чрезвычайного военно-революционного штаба, с октября 1918 по август 1919 г. — член бюро Вятского губкома РКП (б) и президиума губисполкома. Затем был на партийной, советской и хозяйственной работе в Тюмени, Вятке (август 1920—июль 1921 г.), Москве, Чернигове, Владивостоке, Иркутске, Сталинграде, Новосибирске, Ростове-на-Дону.

² II губернский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов проходил 8—25 апреля 1918 г.

³ Левозсеровский мятеж в Москве был поднят 6—7 июля 1918 г.

ИЗ СВОДОК ВЯТСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ В ПРЕЗИДИУМ ГУБКОМА РКП(б) О ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ В ГУБЕРНИИ

19 мая 1919 г.

Совершенно секретно.*

НОЛИНСКИЙ УЕЗД. Настроение масс неспокойное. Белые приближаются к Сунцам. Порваны телеграфные провода. В селе Сунцы уже слышна пулеметная стрельба. Прибывают воинские части...

МАЛМЫЖСКИЙ УЕЗД. Политическое положение г. Малмыжа в связи с приближением фронта колеблющееся, учреждения приготовились к эвакуации. В ночь на 10 мая в г. Малмыже были произведены обыски и аресты бывших полицейских жандармов, буржуазии, купцов и вообще ненадежного элемента... При обыске найдено много серебряной, медной и золотой монеты...

Заведующий Вятской губЧК и член коллегии особого отдела ВЧК при военсовете 3-й армии**

Заведующий организационно-инспекторской частью и провинциальным отделом***

Информатор**

20 мая 1919 г.

СЛОБОДСКОЙ УЕЗД. Ильинская волость. Настроение населения спокойное. Крестьяне часто бывают в городе, многие из них были и на

* Здесь и далее на документах гриф «Совершенно секретно».

** Подпись неразборчива, далее сводки подписаны теми же лицами.

*** Подпись отсутствует.

пролетарских торжествах, читают газеты, недовольны кулаками и дезертирами... Население охотно идет навстречу советской власти, прося побольше присылать честных, добросовестных работников, которые бы учили их жить новой, свободной жизнью.

Настроение населения Кайского края антисоветское. Это объясняется близостью фронта и отчасти действиями карательного отряда коммунистов Кирсинской организации, так как некоторые из них позволяли себе поступки, позорящие советскую власть...

22 мая 1919 г.

УРЖУМСКИЙ УЕЗД. Фронт отдалился. ЧК по-прежнему ведет работу. Город и уезд призваны к спокойствию. Почта работает...

26 мая 1919 г.

УРЖУМСКИЙ УЕЗД... Из Ирмучашской волости передают, что в волости оперирует вооруженная банда белогвардейцев, ...распространяется провокационная агитация и слухи. Обыватели, веря слухам, скрываются в лесах. Посылается отряд...

30 мая 1919 г.

...ОРЛОВСКИЙ УЕЗД... Подрельская волость. На съезде сельских Советов вынесена резолюция: «Победить Колчака или умереть!».

1 июня 1919 г.

НОЛИНСКИЙ УЕЗД. Екатерининская волость. Настроение населения спокойное, только от старушек приходится иногда слышать вздохи о царе-батюшке, они ждут прихода антихриста...

19 июня 1919 г.

ЯРАНСКИЙ УЕЗД... В Успенской волости было волнение на почве отделения церкви от государства. Приняты были меры, и граждане, возмущавшие население, переданы по назначению...

ВЯТСКИЙ УЕЗД... Пальничная волость. Население ждало белых, но теперь по газетам видят, что белые отступают, и крестьяне стали сочувственнее относиться к советской власти...

25 июня 1919 г.

КОТЕЛЬНИЧСКИЙ УЕЗД... В некоторых волостях... концентрируются банды вооруженных дезертиров, к поимке их приняты меры...

28 июня 1919 г.

ВЯТСКИЙ УЕЗД. Нагорская волость. Сильно развита спекуляция и мешочничество, меры принимаются. Производится учет продовольственных запасов во избежание продовольственного кризиса...

1 июля 1919 г.

...ЯРАНСКИЙ УЕЗД. Несознательное население смотрит на советскую власть недружелюбно, потому что во время революции от населения много было взято... В Шарангской волости было сделано нападение на дом продармейца: произведены залпом выстрелы и брошена бомба, злоумышленники скрылись...

30 июля 1919 г.

СОВЕТСКИЙ УЕЗД. Комиссией 8 июля был обнаружен контрреволюционный заговор. Заговор этот охватил и другие губернии (Костромскую, Казанскую). Цели заговора: свержение советской власти и партии коммунистов посредством вооруженного восстания. У организации формировались вооруженные отряды: в г. Советске около 40 человек, в уезде и в Уржуме по 20 человек. Арестовано 23 человека. Наблюдение и аресты продолжаются. В городе массы, принадлежащие к классу пролетариата, идут навстречу советской власти, исполняют все ее распоряжения; буржуазия, хотя и подчиняется власти, но очень неохотно...

НОЛИНСКИЙ УЕЗД... О Колчаке отзываются очень нелестно и очень рады, что белых гонят все дальше и дальше...

14 августа 1919 г.

...КОТЕЛЬНИЧСКИЙ УЕЗД... Идет усиленный сбор продуктов для голодающих рабочих Петрограда и Москвы. Многие деревни откликнулись на призыв к сбору и жертвует кто чем может из хлебных продуктов...

...САРАПУЛЬСКИЙ УЕЗД... Крестьянство ограблено белыми бандами начисто, в особенности бедняки и середняки...

...КОТЕЛЬНИЧСКИЙ ГАРНИЗОН. Красноармейцы, проходившие 17 июля через Смертинскую и Сорвижскую волость Котельничского уезда из г. Советска, 6-го запасного полка позволяли себе творить безобразия: угрожали жителям..., самовольно ходили по погребам, избам и огородам, брали насильно и бесплатно молоко, яйца, кур, хлеб и пр..., выдергали начисто растущие в огороде табак, лук, репу...

16 августа 1919 г.

...ОРЛОВСКИЙ УЕЗД. В волостях везде назначены осведомители и районные информаторы. Работа в уездах ЧК налаживается...

В г. СЛОБОДСКОМ циркулирует немало провокационных слухов..., что при старых порядках жили в изобилии, а теперь приходится голодать... Продовольственное положение города, заводов и некоторых волостей критическое...

31 августа 1919 г.

...ВЯТСКИЙ УЕЗД... Население Щербининской волости отказывается выполнять распоряжения советской власти... о помощи семьям красноармейцев и другие. В волости заметно влияние кулаков. Состав Троицкого исполкома совершенно не может разбираться в современных вопросах. Лучшей характеристикой его может служить то, что члены исполкома по окончании занятий молятся богу... Бывший же до настоящего состав исполкома занимался хулиганством, грабежами и казнокрадством и вызвал озлобление населения против советской власти. Население настроено контрреволюционно. Отправляющиеся из волости мобилизованные заявляли: «Пусть нам дадут оружие, воевать мы не будем, а обратим оружие против тех, кто нас посылает на войну»...

16—22 сентября 1919 г.

...Восстаний, погромов, больших пожаров и взрывов за отчетное время в губернии не было...

1—15 ноября 1919 г.

...В связи с продовольственной кампанией в Байсинской волости Уржумского уезда в конце октября произошли крестьянские волнения. Убито два инструктора. Из толпы убито... при самозащите трое. Из Уржума послан отряд с пулеметами. Настроение масс приподнялось... 5 ноября толпа крестьян около 300 человек из окружающих г. Уржум деревень во главе с председателями сельских советов вошла в Уржум и окружила ЧК. Благодаря умело принятым мерам удалось успокоить толпу... Байсинское восстание ликвидировано. Арестовано 25 человек...

Настроение населения в городе Котельниче и уезде натянуто-выжидательное, а местами тревожное, Яранского уезда — спокойно-выжидательное. Население г. Глазова и его уезда к советской власти относится сочувственно... Настроение в г. Сарапуле и уезде очень неудовлетворительное, а в Нолинском уезде — спокойное...

ЦДНИ КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 142. Л. 101, 106 об., 152, 152 об., 154 об., — 155, 159, 163, 170 об., 172, 174-174 об., 177, 179, 201, 201 об., 204 об., 205, 254 об., 262, 262 об., 263, 264 об., 267. Подлинник.

ДОНЕСЕНИЕ ВОЕННОГО КОМИССАРА 3-й БРИГАДЫ 10-й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ¹ ШУБИНА В ВЯТСКИЙ ГУБКОМ РКП(б) О ПЕРЕХОДЕ КРАСНЫХ КОМАНДИРОВ НА СТОРОНУ БЕЛЫХ

27 июня 1919 г.

Считаю своим долгом довести до сведения губернского комитета РКП(б), что полки 3-й бригады 10-й стрелковой дивизии, формировавшиеся в пределах Вятской губернии, при столкновении с белогвардейцами оказались весьма неустойчивыми. Главнейшими причинами указанного явления нужно признать: 1) полки состояли из вятских мелкобуржуазных крестьян с неоформившимся классовым правосознанием, и, кроме того, имели до 80% дезертиров, из каковых и формировались части, 2) несмотря на то, что в процессе формирования мне пришлось выбросить из частей 21 командира и 18 из оставшихся сидели в тюрьме, все же командование на фронте позорно изменило рабоче-крестьянскому делу: 51 командир перебежал на сторону белогвардейцев и 10 человек исчезли при невыясненных обстоятельствах. Преступность этих негодяев не ограничивалась личным переходом к противнику, но они еще уводили с собой красноармейцев. Обетановка перехода обычно такова: 1) командир отправляется с частью в разведку, там стоваривает солдат и уходит; 2) во время наступления раздувают паническое настроение стрелков, распуская нелепые слухи об окружении части, о падении Петрограда и т. п., и, пользуясь этим, делают гнусные предложения; 3) были случаи, когда командиры, связавшись с белыми, приводили таковых и сдавали без выстрела группу красноармейцев. Переход командиров происходил не только в процессе боя: в 90-м полку и во 2-м батальоне 89-го полка были случаи перехода из резервного расположения. Огромное большинство из бывших офицеров-вятских.

Большинство из них теперь стоит против нас, входя в состав частей белогвардейцев и, видимо, преданы белогвардейскому делу. В то время, как среди ушедших красноармейцев замечается раскаяние и многие из них приходят обратно, офицеры держатся крепко за погоны армии Балаховича.

Настоящим прошу губкомитет понудить губернские советские органы выполнить постановление Комитета Оборона Республики и приказ Наркомвоен[мора] Троцкого о конфискации у беглецов имущества и взятии их семейств в качестве заложников...

Военком бригады, член Вятской организации [РКП(б)], билет № 101, Шубин

ЦДНИ КО. Ф. 1. Д. 131. Л. 36. Подлинник.

10-я стрелковая дивизия сформирована на Урале в августе 1918 года, в феврале — июле 1919, сентябре 1919 — марте 1920 года входила в состав 7-й армии, затем участвовала в обороне Петрограда и боях с Юденичем на псковском и нарвском участках.

² Булак-Балахович Станислав Никодимович (1883—1940) — один из руководителей контрреволюции на Северо-Западе. С февраля 1918 года в Красной Армии, в ноябре 1918 перешел на сторону белых, летом 1919 г. участвовал в наступлении войск Юденича на Петроград.

УКАЗАНИЕ НИЖЕГОРОДСКОГО БЮРО КРАЕВОГО КОМИТЕТА ВКП(б) В ВЯТСКИЙ ОКРУЖКОМ О ПРОВЕДЕНИИ РАСКУЛАЧИВАНИЯ

14 марта 1931 г.

Сов[ершенно] секретно.

Бюро краевого комитета в своем постановлении, утвержденном секретариатом ЦК, приняло решение о раскулачивании и выселении из районов и сел сплошной коллективизации края в течение марта месяца 1500 кулацких семей.

Придавая этому решению исключительно серьезное значение, бюро крайкома считает необходимым указать, что ответственность за практическое проведение этого решения в жизнь несут райкомы ВКП(б).

Бюро крайкома подчеркивает, что выселение кулачества осуществляется только на базе сплошной коллективизации (из районов, сельсоветов и сел, где процент коллективизации не ниже 70) на основе инициативы и активности батрацких и бедняцко-средняцких масс.

Райкомы должны обеспечить такое положение, при котором возможность всякого рода «перегибов» и искривлений классовой мысли при проведении выселения была бы безусловно исключена.

Проведение этого мероприятия требует исключительной организованности, классовой выдержанности и бдительности всей партийной организации.

Краевой комитет предлагает:

1. Для руководства всей работой по выселению создать Особую Тройку в составе: председателя — секретаря райкома и членов — предрика и уполномоченного ОГПУ.

2. Немедленно наметить конкретные мероприятия, обеспечивающие строго выдержанную классовую линию при отборе кулацких хозяйств, подлежащих выселению, максимум организованности и четкости при проведении самого выселения, точного выполнения сроков выселения, намеченных краевым комитетом.

3. Вся партийная организация на этот период должна быть мобилизована для усиления массовой и разъяснительной работы в районе.

В места, откуда будет производиться само выселение, должны быть брошены лучшие партийные силы для того, чтобы обеспечить решения о выселении кулаков на организуемых специально для этого колхозных, бедняцких и общих собраниях и предупредить возможность возникновения всяких эксцессов и беспорядков в момент проведения этих собраний и в момент самого выселения.

4. Выделить коммунистов, комсомольцев и колхозников для сопровождения выселяемых к пунктам их погрузки в вагоны и предупреждения возможных беспорядков при выселении и в пути следования выселяемых.

5. Бюро крайкома ВКП(б) предупреждает, что все мероприятия по выселению должны храниться в строжайшем секрете до самого момента выселения.

6. По получении настоящей директивы Вам необходимо наладить четкую информацию, сообщая в крайком каждые ТРИ дня, а в момент выселения ежедневно о ходе этой работы и политсостоянии района.

7. По линии ОГПУ одновременно с этим даются надлежащие указания.

Секретарь крайкома ВКП(б) Жданов.

ЦДНИ КО. Ф. 100. Оп. 2. Д. 14а. Л. 8-8 об. Ротаторный экз.

ИЗ ИНСТРУКЦИИ НИЖЕГОРОДСКОГО КРАЙКОМА ВКП(б) О ПРОВЕДЕНИИ ВЫСЕЛЕНИЯ КУЛАЧЕСТВА ИЗ РАЙОНОВ И СЕЛ СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

март 1931 г.

Строго секретно.

...VI. ПРОВЕДЕНИЕ ФАКТИЧЕСКОГО РАСКУЛАЧИВАНИЯ И КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА У ВЫСЕЛЯЕМЫХ...

Конфискации подлежат все движимое и недвижимое имущество, сельскохозяйственный инвентарь, сельхозмашины, обстановка, предприятия (мельницы, крупорушки* и т. д.). Семье выселяемого оставляется:

1. Не более 500 р[уб]. денег (все остальные деньги конфискуются, отбираются также все сберегательные книжки, облигации, векселя и т. д.).

2. Необходимые вещи, которые выселяемые не только имеют право, но обязаны взять с собой. Вещи эти следующие:

а) теплые одежда и обувь,

б) самые необходимые предметы домашнего обихода,

в) топор, лопату, пилу и др. инструменты, исходя из нормы потребности для трудоспособных членов семьи;

г) не менее чем на два месяца продовольствия на всю семью.

Общее количество вещей и продовольствия на семью не должно превышать 30 пудов в мягкой таре...

ЦДНИ КО. Ф. 706. Оп. 1. Д. 58. Л. 4 об; Ротаторный экз.

* Машина для приготовления крупы из зерен.

ИЗ ДОКЛАДА КИРОВСКОГО ОБЛСУДА В ОБКОМ ВКП(б) О РАБОТЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ЗА 2 ПОЛУГОДИЕ 1941 ГОДА

26 марта 1942 г.
Совершенно секретно

...КАРАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

...За отчетный период 2-го полугодия облсудом осуждено и приговорено:

№ пп	ст. УК обвинения	наличие осужден- ных	и з н и х					ито- го
			ВМН*	10 лет лиш. св.**	от 9 до 5 л. лиш. св.	5 лет лиш. св.	к 4 годам лиш. св.	3 года лиш. св.
1	58 п. 10 ч. 1 ¹	16	—	16	—	—	—	16
2	58 п. 10 ч. 2 ²							
	58 п. 3 и 11 ³	550	299	157	78	15	1	550
3	58 п. 13 ⁴	253	186	55	11	1	—	253
4	58 п. 4 ⁵	179	90	57	31	1	—	179
5	58 п. 14 ⁶	289	168	81	24	13	—	289
6	59 п. 3 ⁷	21	12	3	6	—	—	21
7	58 п. 12 ⁸	9	—	1	1	6	—	9
8	59 п. 6 ⁹	8	2	—	3	—	—	8
Итого		1325	757	370	154	36	1	1325

* Высшая мера наказания (расстрел).

** Лишение свободы.

Приведенные данные говорят о том, что карательная политика является выдержанной, за исключением отдельных дел по обвинению лиц по ст. 58 п. 10 ч. 2 УК, когда некоторыми работниками суда... выносились либеральные приговоры. Кроме этого, как правило, ко всем осужденным применялась дополнительная мера наказания в виде лишения избирательных прав, а приговоренным к ВМН — конфискация имущества...

Председатель обл[астного] суда по Кировской области Филин

ЦДНИ КО. Ф. 1290. Оп. 8. Д. 70. Л. 39, 52, 56. Подлинник.

¹ Ст. 58 п. 10 ч. 1 УК — пропаганда и агитация, содержащие призыв к свержению или подрыву советской власти.

² Ст. 58 п. 10 ч. 2 — те же действия при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении.

³ Ст. 58 п. 3 — сношения в контрреволюционных целях с иностранным государством.

Ст. 58 п. 11 — участие в контрреволюционной организации.

⁴ Ст. 58 п. 13 — активная борьба против рабочего класса и революционного движения.

⁵ Ст. 58 п. 4 — оказание помощи международной буржуазии.

⁶ Ст. 58 п. 14 — саботаж.

⁷ Ст. 59 п. 3 — бандитизм.

⁸ Ст. 58 п. 12 — недонесение [о совершенном или готовящемся контрреволюционном преступлении].

⁹ Ст. 59 п. 6 — отказ или уклонение в условиях военного времени от внесения налога.

ИЗ СООБЩЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ ВЯТЛАГА НКВД СССР В КИРОВСКИЙ ОБКОМ ВКП(б) О ПОЛОЖЕНИИ В ЛАГЕРЕ

18 февраля 1942 г.

Совершенно секретно.

Во исполнение постановления Кировского обкома ВКП(б) от 14 января 1942 года о работе Вятлага НКВД СССР в порядке информации сообщают:

1. Для обеспечения выполнения январского и февральского планов Вятлаг, согласно постановлению обкома, должен был получить дополнительно к имеющемуся наличию 8000 человек и 1000 лошадей.

2. По состоянию на 12 февраля Вятлагом не только не получено намеченных людей и лошадей, но из имеющегося у него наличия по Указу Правительства освобождено 4181 человек.

Для выполнения январского плана требовалось на производстве 13174 человека и 1775 лошадей, фактически лагерь располагает 8824 чел. и 849 с лошадей, и не хватает на производстве 5112 чел. и 946 лошадей. Обеспеченность рабсилой 62,6% и гужсилой 53,8%...

Для выполнения плана и для обеспечения работой прибывающих в ближайшие дни 7000 чел. мобилизованных немцев-переселенцев лагерю необходимо во что бы то ни стало получить 1200 лошадей.

В связи с отсутствием необходимых продуктов все котловое довольствие лагеря в первом квартале производится только мукой и крупой, так как рыбы, жиров, овощей, мяса и картофеля лагерь не имеет...

В результате, несмотря на принятые меры по улучшению бытовых

условий содержания заключенных и сокращению группы «В» (больных) на 1357 человек, смертность в лагере не сократилась.

Динамика смертности: умерло в ноябре [1941 г.] — 389 чел., в декабре — 699 чел., в январе [1942 г.] — 1111 чел.

Несмотря на то, что преимущественная часть смертности падает на инвалидов из вновь прибывших этапов..., из коих умерло в пути 132 человека, рост смертности следует также отнести за счет недостаточности и однообразности питания и за счет простудных заболеваний (результат разутости и раздетости)...

В результате недовольства зимнего обмундирования имеют место большие простои рабочей силы и простудные заболевания со смертельным исходом...

Простудных заболеваний было в декабре — 4881, в январе — 8573, простудных заболеваний со смертельным исходом в декабре — 222, в январе — 239...

Особенно может ухудшиться положение с довольствием в ближайшие дни в связи с прибытием дополнительного контингента из мобилизованных немцев-переселенцев, когда списочный состав лагеря достигнет 32—33 тысяч человек...

Сообщая вышеизложенное, прошу обком [ВКП(б)] помочь Вятлагу реализовать свое решение своевременно в части предоставления... намеченного продовольствия, лошадей, рельс, обмундирования, фуража и т. п.

Начальник управления Вятлага НКВД
СССР лейтенант госбезопасности Левинсон

ЦДНИ КО. Ф. 290. Оп. 8. Д. 70. Л. 14, 15, 17-20, 22, 23. Подлинник.

**ИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДОНЕСЕНИЙ ЗАМЕСТИТЕЛЯ
НАЧАЛЬНИКА ПО ПОЛИТЧАСТИ, СПЕЦГОСПИТАЛЯ ДЛЯ
ВОЕННОПЛЕННЫХ № 3947¹ КАПИТАНА ЧИРОВА
В КИРОВСКИЙ ОБКОМ ВКП(б) О КОЛИЧЕСТВЕ, СОСТАВЕ
И НАСТРОЕНИИ БОЛЬНЫХ И РАНЕННЫХ**

22 марта 1943 г.*

Секретно.**

Моральное политическое состояние спецбольных следующее: итальянцы, венгры, евреи, румыны, поляки очень довольны, что они оказались в русском плену, абсолютное большинство уверены, что они будут живы и возвратятся к себе домой, говорят, что Муссолини и Гитлеру будет «капут». Немцы иначе настроены, во-первых, не откровенны, во-вторых, любопытны и интересуются расположением местности, ...а также недовольны тем, что им не разрешают через нейтральные страны писать письма родственникам...

Зам нач[альника] по политчасти эвакогоспиталю № 3947 капитан Чиров***

* Здесь и далее указана дата поступления донесений в обком ВКП(б).

** Здесь и далее на документах гриф «секретно».

*** Последующие донесения подписаны тем же лицом.

20 апреля 1943 г.

Количество и состав находящихся на излечении военнопленных: всего на 15 апреля военнопленных 622 человека. Из них по национальности и воинскому званию:

Русских: рядовых — 140 чел., мнс* — 20, начсостав — 7, всего 167 чел.
Поляков: рядовых — 9 чел., мл. комсостав — 1, всего — 10 чел.
Немцев: рядовых — 54 чел., мл. комсостав — 67, начсостав — 10, всего — 131 чел.

Евреев: рядовых — 20 чел., мл. начсостав — 4, всего — 24 чел.
Итальянцев: рядовых — 125 чел., мл. начсостав — 36, начсостав — 2, всего — 163 чел.

Румын: рядовых — 20 чел., всего — 20 чел.
Венгров: рядовых — 71 чел., мл. начсостав — 7, начсостав — 7, всего — 85 чел.

Чехословаки: рядовых — 13 чел. — всего — 13 чел.
Югославы: рядовых — 1 чел., всего — 1 чел.
Австрийцы: рядовых — 5 чел., мнс — 3 чел.
Умерших за апрель месяц военнопленных 102 чел...

Всего умерло с 1 марта по 14 апреля:
немцев — 26 чел., русских — 2, итальянцев — 101, венгров — 91, чехословаков — 4, поляков — 4, евреев — 9, австрийцев — 5, сербов — 1, всего — 243 чел.

Больных на 14 апреля 1943 года: раненых — 136 чел., обмороженных — 151, (больных) сыпным тифом — 118, дистрофией — 134, гонореей — 2, органов зрения — 1, здоровых — 80, всего — 622 чел...

Настроение офицерского состава как немцев, так и других — бодрое. Немецкий офицер обер-лейтенант Крюгель Э. А. дал свою кровь для вливания больному не немецкой национальности. Рядовой состав... чувствует (себя) бодро, но в госпитале свирепствует тиф, умирают больше всего итальянцы и венгры, их настроение снижено, они считают, что здесь климат суровый, они его якобы не перенесут...

25 мая 1943 г.

На 15 мая 1943 г. находящихся на излечении военнопленных... 544** чел. Из них:

Русских: рядовых — 170 чел., мл. комсостав — 22, начсостав — 7, всего — 199 чел.

Немцев: рядовых — 42 чел., мл. комсостав — 59, начсостав — 8, всего — 109 чел.

Итальянцев: рядовых — 88 чел., мл. комсостав — 23, начсостав — 2, всего — 113 чел.

Венгров: рядовых — 48 чел., мл. комсостав — 7, начсостав — 7, всего — 62 чел.

Чехословаков: рядовых — 12, мл. комсостав — 2, всего — 14 чел.

Югославы: рядовых — 1 чел.

* Младший начальствующий состав.

** Так в документе. Должно быть 552 человека.

Румын: рядовых — 19 чел.

Поляков: рядовых — 8 чел., мл. комсостав — 1, всего — 9 чел.

Евреев: рядовых — 17 чел., мл. комсостав — 4, всего — 21 чел.

Австрийцев: рядовых — 4 чел.

Испанцев: 1 чел. рядовой...

Всего умерших военнопленных по 15 мая 1943 г.: немцев — 48 чел., русских — 6, итальянцев — 153, венгров — 117, чехословаков — 5, поляков — 5, евреев — 13, австрийцев — 7, сербов — 1, румын — 1, всего — 356 чел...

ЦДНИ КО. Ф. 1290. Оп. 9. Д. 37. Л. 53, 54, 71, 71 об., 78. Подлинник.

¹ Эвакогоспиталь № 3947 находился в Верхошижемском районе. Всего на территории Кировской области на 23 ноября 1945 г. было размещено 6 спецгоспиталей для военнопленных, где на 1 июня 1945 года находилось 8417 больных и раненых.

ИЗ СПРАВКИ ВОЕННОГО ОТДЕЛА КИРОВСКОГО ОБКОМА ВКП(б) О ВОЕННО-МОБИЛИЗАЦИОННОЙ РАБОТЕ И ОБ УЧАСТИИ ТРУДЯЩИХСЯ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941—1945 ГОДОВ

20 февраля 1946 г.
Секретно.

...За годы Великой Отечественной войны промышленность нашей области дала фронту: танков и самоходных орудий — 4176, «Катюш» — 1820, автоматов — 2 млн., боевых кораблей — 20 единиц, аэросаней — 2000, снарядов разных калибров — 30 тыс., мин и авиабомб — 5 млн., гранат — 20 млн. штук, несколько миллионов пар кожаной и валяной обуви, сотни тысяч добротных полушубков и теплых рукавиц.

Трудящиеся нашей области из своих личных сбережений собрали и передали государству: на строительство боевой техники Красной Армии 124 137 000 рублей, в фонд обороны страны 40 913 000 рублей, на восстановление городов, разрушенных немцами и оказание помощи населению 4 062 000 рублей, сдано в фонд обороны страны облигациями 29 494 000 рублей, сдано золотом 717,2 грамма, серебром 31481,4 грамма.

Куплено облигаций военных займов на 1 389 574 000 рублей, куплено билетов денежно-вещевой лотереи на 197 625 000 рублей. Кроме того, на средства трудящихся области построены и переданы Красной Армии: бронепоезд «Киров», вагон-баня и три танковые колонны «Кировский комсомолец»...

За годы Отечественной войны в области проведено 6 очередей всеобщего, где все мужское население от 18 до 55 лет проходило военное обучение по 110-часовой программе. В 6 очередях обучено 168687 человек, в том числе 32143 человека обучались в комсомольских спецподразделениях и получили разные военные специальности (автоматчики, пулеметчики, минометчики, снайперы и т. д.).

В подразделениях Осоавиахима¹ и учебных группах РОКК² за время войны подготовлено 119 755 разных военных специалистов. За это же время в области подготовлено по 20-ти и 30-ти часовой военизированной программе свыше 435 тысяч человек лыжников.

...За годы войны госпиталями области обслужено до полумиллиона раненых и больных. Большинство из них, 53% к числу выписывающихся из госпиталей, после лечения снова вернулись в ряды действующей армии, 3% уволено в отпуск, 43% уволено в запас...

Через областную станцию переливания крови за годы Отечественной войны прошло более 100 000 доноров, которые дали кровь более 17 750 000 литров*...

В нашей области имеется 44 210 человек — инвалидов Отечественной войны...

В ноябре 1945 года во всех районах области проведено массовое обследование материально-бытовых условий всех семей погибших воинов и военнослужащих... В области имелось 279 275 семей военнослужащих, в том числе 70 250 семей, кормильцы которых погибли или без вести пропали в период войны. 52 845 семей военнослужащих получают пенсии, 75 064 семьи — государственное пособие..., более 5 тыс. детей погибших фронтовиков взяты на патронат и под опеку...

С момента начала демобилизации в нашу область прибыло около 62 тысяч бойцов, сержантов и офицеров Красной Армии, в том числе 7 418 человек — членов ВКП(б) и 2 458 человек — кандидатов в члены ВКП(б)...

Зав. военным отделом обкома ВКП(б)
Снегов.

ЦДНИ КО. Ф. 1290. Оп. 12. Д. 382. Л. 20-24. Подлинник.

¹ Осоавиахим (Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству) — добровольная общественная организация граждан СССР (1927—1948); основными задачами общества являлись содействие обороноспособности страны, распространение военных знаний среди населения.

² РОКК (Российское общество Красного Креста) — добровольное общество помощи больным и раненым воинам, учреждено 3 мая 1867 г.

Исторические очерки

В. А. БЕРДИНСКИХ

СТАЛИН ГЛАЗАМИ ВЯТСКИХ КРЕСТЬЯН

Отношение русских крестьян к Сталину — интереснейший вопрос не только истории, но и исторической психологии. Массовое народное сознание мифологизировало это имя, превратило его в одну из святынь! Почему и как это произошло?

Сталин как символ определенной эпохи стал знаменем, которое для одних надо непременно отстоять, для других — обязательно низвергнуть. Но именно наше время открыло рты миллионам наших сограждан, в чьей крови еще живет Великий Страх 30-х годов. Они могут сейчас (пусть не все) говорить то, что думают. Хотя их речи и во многом зависят от сегодняшней пропаганды, тем не менее это искренние речи. Люди сами мучительно хотят разобраться в прошлом, понять свою судьбу и свое время. В суждениях

* Так в документе.

стариков очень много спокойного здравого смысла. Вот такая, например, мысль: «Сейчас ведь весь народ заблудился. Вот и мы раньше не знали, кто есть кто. А вообще, кто бы ни был правителем, главное, чтобы народу жилось хорошо. По народу надо судить, какая власть — плохая или хорошая. Вон раньше царя ругали, потом Сталина стали ругать, а дальше кого будут?»

Мы часто забываем, что после Октябрьской революции в сознании миллионов крестьян сразу же началось обожествление личности нового правителя России — Ленина. После смерти Ленина обожествление автоматически было перенесено на личность Сталина. Дарья Ивановна Селезнева (1912)* из деревни Усады Московской губернии вспоминает: «В 17-м году свершилась революция. Мы на революцию никак особенно-то внимания не обратили. Как жили раньше, так и потом — нисколько не полегчало: работы-то было столько же. Ленина крестьяне уважали, любили его. За Ленина молились. С детства мать приучала нас молиться за Ленина перед едой».

Феномен обожествления Сталина, мифологизацию его личности в народном сознании 30-х годов нельзя понять вне связи с прочными монархическими настроениями в крестьянской среде, особенностями религиозных воззрений русского народа. В условиях того времени фигура харизматического лидера впитала в себя не только царистские, религиозные, патриархальные воззрения крестьянских масс. Власть переплавляла все это в горниле революции, войн, террора в совершенно иное качество — в личность национального вождя, вождя единственно возможного и абсолютно бесспорного. Вот подборка из нескольких рассуждений о вожде.

«Раньше Сталин для всего народа был просто богом. Помню, пришли мы как-то с матерью в сельсовет. В красном углу висел портрет Сталина, мать перекрестилась и меня заставила поклониться. Все жили в страхе, все боялись, но и уважали Сталина. Мы не могли себе представить, как жить без Сталина» (А. И. Гребенева, 1917).

«Сталин — герой. Войну выиграл, страну на ноги поставил. Когда его на XX съезде очернили, все его речи и доклады, книги там сжигались. А у меня патефонные пластинки были, так я их не дал жене разбить. Тася потом стащила несколько и разбила. А остальные храню. А сейчас хотят его во всех смертных грехах обвинить. А он тогда страну на ноги поставил. Если б не он, не знаю, что бы сейчас было...» (Я. Ф. Рычков, 1910).

Вера в вождя, безусловно, включала какие-то религиозные элементы: некритичное восприятие всего, связанного с именем вождя (особенно для молодежи), мистическая убежденность в его абсолютной правоте, полное отсутствие конкретной информации о Сталине как человеке.

«Сталин был для нас бог и царь. Когда он умер, мы всей деревней ревели по нему. Мы даже думали благодаря Сталину. А и сейчас у меня нет на него зла. Нас он не обидел» (В. В. Рогожникова, 1920).

«Сталин для нас был вождь и учитель, всезнающий человек, в общем, был богом. Так нас учили в школе, так писала пресса, так учила партия до самой его смерти, так думал народ. Считалось, что благодаря мудрости Сталина наш народ выиграл и такую войну. Как плакали люди, когда умер Сталин! Ну, думали, конец света! Прекратится советская власть, загубят нас другие! Разве кто знал все его творения? Что внушали народу, то он и думал, куда поворачивали, туда и шел» (Л. Г. Стремоусова, 1919).

* Даты после имени является датой рождения рассказчика.

«Относились к Сталину прекрасно; как в кино где покажут — так весь зал вставал и аплодировал. Верили ему очень и любили. Знали, что Сталин все правильно делает, и верили, что враги народа есть и их ненавидели» (В. В. Ерок, 1922).

Судя по всему, на личность Сталина переносились черты личности Ленина. Осознание зависимости всей своей жизни от личности руководителя страны, воспринимаемого как отца огромной семьи, жило в крестьянстве. Такой руководитель никому ни в чем не может быть подотчетен, поскольку прав всегда. Действия его могут (и должны) быть неожиданными, иррациональными, жестокими. В его отеческой власти наказать и простить без всяких на то оснований и объяснений. Это только укрепляет его авторитет.

«В нашем хуторе была начальная школа. И вот 1 Мая всегда была наша демонстрация по хутору. Мы ходили с флагами и пели песни. А это часто бывало перед религиозным праздником, Пасхой. Так нас, школьников, и моего отца-учителя обзывали безбожниками. И вообще нам, детям, учителя говорили, что у нас бог — Ленин, а мы этими гордились. Я чуть-чуть помню день, когда умер Ленин. Мужики собирались кучками, о чем-то разговаривали и некоторые плакали» (З. Н. Куло, 1918).

«Отец мой работал председателем сельсовета, организовывать колхозы помогал. Я помню, хоть и невелика была. В него кулаки два раза стреляли — когда коммуну организовывал и когда колхоз. Это только сейчас говорят, что они бедные, высланные. Это все меня бесит. Сталина я и не считаю врагом народа. Он, конечно, не царь, не бог, смертный человек. Но его ругают за то, что он вернул исконные русские земли — Украину, Прибалтику. Зачеркнуть Сталина — все наше поколение зачеркнуть! А это время как будет называться? Период болтовни? Отец мой с 17-го года коммунист. А из партии потом исключили. Через два месяца восстановили. Ответ пришел — и подписи: «Сталин». Так у нас портрет его большой висел. До 43-го года, пока отец не погиб. Потом мама икону повесила. Вот говорят, мы маршировали строем! Но мы были равные все!!!»

Идеализация времени своей юности делает многих «мяткими» сталинистами.

«Сталин — самый дорогой человек. И сейчас так думаю. В 30-е годы мы жили лучше, чем сейчас, свободные мы были, не боялись, хулиганов не было, это уж потом, после войны, хуже да хуже. Читаешь сейчас газеты — ужас что творится в городах. То убили, то потерялся... А раньше и не слыхали, чтоб кто-то потерялся, да и ходили мало куда. Сейчас сложнее жить».

Взрослевшая на фронте с именем Сталина крестьянская молодежь сохранила до сего дня чувственно-эмоциональное отношение к этому слову — «Сталин». Вера в доброго царя и помогла им избежать дальнейших разочарований. «Сталина я уважаю. Все, что о нем болтают, — ерунда. Мы в бой за него шли, умирали. Это все Берия там у него творил, а его обманывал. Я как относился к нему, так и буду относиться. Сейчас бы его к власти — все бы изменилось: никаких бы воров не было, ни бюрократов. Раньше мы хоть во что-то верили — кто в Бога, кто в Сталина. А сейчас люди ни во что не верят, живут каждый для себя» (И. В. Рогожин, 1920).

Острая потребность людей 1920—1930-х годов в достойном и величественном объекте их веры привела к тому, что вождь стал, в некотором роде, их собственным творением. Он стал неотделим от жизни каждого человека и любое его слово воспринималось как свое, родное, глубоко

выстраданное. Вождь стал стержнем своей эпохи. Убери его — и эпоха рассыплется. Анатолий Александрович Кожевников (1925), сельский учитель, считает именно так: «У любого народа был вождь, даже у диких племен, и народ всегда верил вождю. Хорошая ли была жизнь, плохая ли — верил. После смерти Ленина в 1924 г. управлял страной Сталин почти 30 лет... Годы коллективизации, они проходили трудно, нужно было убирать кулаков. Мы верили Сталину, и школа воспитывала так, и деды, и вера была настолько сильна, что просто не могли не верить. Если Сталин выступает по радио, а выступал он очень редко — раз в год или в два года, то все слушают Сталина. Он выступал, и его речи совпадали с верой народа. В годы войны он сыграл большую роль. В атаку с именем Сталина ходили и умирали с именем Сталина. И мы, воспитанные в социалистическом духе, в вере в Сталина, выиграли войну. Порядок на заводах, на фабриках был строгий: не опоздай, не болтай зря, ибо твой язык на руку врагам, не подрывай авторитет своего правительства. И кто выступал против, того наказывали. Сейчас называют это — репрессии... Сталина любили. К Сталину относись с почтением и сейчас. После Сталина никого не любили».

Обратим внимание в предыдущем тексте на три момента. 1. Вера народа была настолько сильна, что в Сталина не могли не верить; 2. Он выступал, и его речи совпадали с верой народа (подлинный национальный вождь и учитель); 3. Сталина любили. После Сталина никого не любили. Вот такое отношение к вождю и правителю — явление уникальное в русской истории.

Думается, что для поколения 1920-х годов все эти три момента гораздо более характерны, чем для более ранних и более поздних поколений людей.

Все, что делалось в стране, освящалось авторитетом вождя. Любое действие человека было обращено к вождю, могло быть проверено на каноничность. Тень вождя накрыла всю огромную державу. Грешниками могли быть все, непогрешимым — только он один. «В нашей школе собрания проводились, особенно когда все эти были троцкисты, зиновьевцы, пятак-овцы — много было всевозможных. Нам говорили: это враги народа. И мы поддерживали, клеймили. Один только Сталин был у нас непогрешим, и все мы его признавали. В него верили, как в Бога, чего бы ни делали — все от имени Сталина».

Сказочное, мифо-поэтическое восприятие революции, социализма, Москвы, руководства страны было характерно для многих крестьян, детей той эпохи. Рассказывает В. А. Ведерникова (1925), учитель: «Наш пионерский отряд 4-го класса в 1937 году вышел победителем в соревновании отрядов школы, и четверых лучших пионеров послали на экскурсию в Москву. В числе самых счастливых оказалась и я. Всего 100 пионеров Кировской области приехали в Москву. Трудно тогда было найти слова, чтобы передать нашу радость и волнение от встречи с Москвой. Мы всем сердцем почувствовали ее красоту и величие. Для нас все было загадочно, интересно, сказочно: и станции метро, залитые чудесным светом, и электропоезда, и «лестница-чудесница», и разные звери и птицы в зоопарке. Незабываема была встреча в Москве с наркомом просвещения тов. Бубновым. Я сидела почти рядом. Он говорил с нами просто, о том, для чего надо хорошо учиться. Его речь была яркой, глубоко запавшей нам в души. Он подарил тогда всем пионерам подарки. С прекрасным настроением мы вернулись из Москвы. Вопросы к нам и наших рассказов о виденном было

не счесть. Но из моей головы какие-то тревожные мысли не выходили. В 1938 году вдруг мы узнали от наших учителей, что Бубнов, с которым мы встречались в Кремле, вдруг объявлен врагом народа. Почему? Какие-то неясности возникают в нашей жизни. И с другими тоже. И как раз в это время печать, радио, песни — все славил Сталина. Хотя бы вот такие кушеты:

От края до края по горным вершинам,
Где вольный орел совершает полет,
О Сталине мудром, родном и любимом,
Прекрасную песню слагает народ.
Мы эту песню поем горделиво
И славим величие сталинских лет,
О жизни поем мы прекрасной, счастливой,
О радости наших великих побед!

Я тоже пыталась сочинить что-то, хотя бы небольшое стихотворение о Сталине, не получилось. Я слышала о Сталине торжественные песни и стихи, в которых его называли учителем, отцом, сравнивали с орлом и солнцем, но знала лишь то, что он родом из Грузии, сын сапожника Джугашвили, да немного о начале его революционной деятельности. Больше нам рассказывали на уроках о Ленине, его семье, соратниках...»

Вера в божественную природу вождя не допускала и мысли о том, что он смертен, как любой другой простой человек. Поэтому-то у миллионов людей его смерть вызвала такой шок. Кое-кто и сегодня не может поэтому поверить в его естественную смерть: боги сами не умирают. Василий Степанович Кузин (1923): «А Сталина в народе любили. Он не распускал дело, все в крепких руках держал. И хоть пишут, что Сталина никто не травил, а что он умер от кровоизлияния, я тому не верю. Его отравили. А потом, хоть и кровоизлияние, но своей смертью он не умер. Его родство 90 лет живет».

И все же здравый смысл зачастую во многих людях если не побеждал эту слепую веру в вождя, то сеял зерно сомнения. Анастасия Ивановна Нелюбина (1913) говорит как раз об этом: «Сталин? Мы были воспитаны на нем, так что с именем Сталина вставали и спать ложились. А когда он умер, то горько плакали. Но все же была к нему какая-то неприязнь — ведь народу столько погибло. И хотели мы верить, что он ничего не знает, что его обманывают помощники, да ведь гибли-то не десятки, а миллионы, и плач по России шел. Его нельзя не услышать. А он не слышал или не хотел слышать. Думали, а говорить боялись. Зато и дисциплина была при нем. А может, это и страх был...»

Огромную страну накрыла тень сталинских портретов, бюстов, монументов. Вождь и учитель смотрел на каждого из своих подданных, и они с детства привыкали смотреть на него. Вошел он и в дома людей, в их личную жизнь. Борис Иванович Фролов (1913) верно связывает закрытие церквей, уничтожение икон и широкое распространение портретов вождя. Это действительно звенья одной цепи: «После закрытия церкви было требование убрать иконы из домов, но многие не пошли на это, перенесли иконы в доме на другое место, не так видимое прихожим. Было и второе требование — иметь в каждом доме портрет В. И. Ленина, И. В. Сталина и других руководителей партии и правительства. Это требование народом было выполнено, портреты руководителей стали появляться в квартирах и домах людей».

Атмосфера страха, религиозной нетерпимости в своей социалистической вере, иконопочитания в отношении портретов вождя была всеобщей, насаждалась тотально и очень свирепыми методами. «К Сталину относились хорошо до «культа личности». Звали «отец». Боялись тогда лишка сказать, боялись всего. Даже из наших деревень ушли — и нет ни пены, ни пузырей. В лесу у нас, где работали, портрет висел. Один мужик взял ложку и сказал: «На, поешь!» Увели — и нет ничего от человека. А был простой мужик. Учитель у нас всю войну прошел, а забрали. И какой он враг народа!..»

Оскорбление портретов Сталина приравнялось к оскорблению вождя, было государственным преступлением, жестоко караемым. А. В. Клестов (1918): «Тогда во главе власти стоял Сталин. К нему народ относился как к Богу. Я, например, служил в армии с 1938 по 1940 годы, знал, что в это время начали «садить», так что нигде лишнего слова, никакого анекдота. Вот я в артели «Север» работал. Мы сидели в столовой, ели, и ребята стали дурить. Один в другого ложкой супа плеснул, и этот в него хотел плеснуть. А сзади портрет Сталина был. Капля супа попала на портрет, и этого парня завтра уже не стало. Его, видимо, посадили. Дак какое мнение было? Мнение-то у всех отвратительное было, но каждый про себя его знал. Нельзя было ничего говорить. Знали, что это наш великий вождь, наш самодержавец. Я же при нем воспитывался и рос».

«Был такой случай. Птицы запачкали портрет Сталина. Женщина вытирала портрет, бросила неосторожное слово по поводу того, что наделали птицы. После этого случая женщину эту никто больше не видел. Случаи с исчезновением людей были. Все думали, что это провинившиеся в чем-то».

Именно патерналист вызвал чувство всеобщего сиротства у миллионов советских людей, когда они узнали о смерти вождя. Эта скорбь была во многом вызвана страхом за свою будущую жизнь. «А Сталина все любили как отца родного, уважали, волновались за его здоровье и жизнь. Верили ему, как Богу. Помню, когда умер Сталин, все ходили в трауре. Траурные флаги в деревне приспущены. Нет-нет да и услышишь плач из какой-нибудь избы. Все думали, как жить дальше будем. Без Сталина и жизни не мыслили» (К. П. Михеева, 1921).

Но разное отношение к вождю было не только среди разных социальных групп населения, но и среди разных поколений людей. Повторяю, что поколение 20-х годов было гораздо менее критично к нему, чем предшествующие и последующие поколения.

Власть отчетливо понимала, что вера должна быть слепой и хорошо заученной. На это работала колоссальная пропагандистская машина. Даже на фронте важно было правильно заучить малейшие нюансы в титуловании вождей. Вспоминает Г. З. Байшихин (1925): «Воевали за Родину, за Сталина. Ночью поднимают — должен назвать все ордена Сталина, его должность и про других тоже: Молотова, Калинина. Заставляли верить в них, а не в Бога».

Очень многие подтверждают, что пиетет в отношении вождя поддерживался постоянным страхом и всеобщим молчанием. «Сталина боялись. Спроси бы что тогда про него — сказать страшно, вышлют! Мне кажется почему-то, и он был не за народ. И сейчас мне нисколько его не жалко. Ничего хорошего от него не видела. В 20-е годы жизнь была на селе спокойнее, чем в 30-е. А в 30-е годы жизнь изломалась. Люди побежали в город. 40-е — это война. Трудные годы 50-е... Тут уж одни машины, люди стали не нужны» (А. Т. Сапожникова, 1910).

Помимо официальной культовой литературы, песен, стихов, прославлявших Сталина, существовал пласт народного антисталинского фольклора, довольно неплохо сохранившийся в архивах ОГПУ и НКВД. Ироническая струя народного творчества не иссякла, хотя шутить было смертельно опасно. Смысл многих такого рода пословиц, частушек, сочинявшихся по конкретным поводам, сейчас утерян. Вот, например, такая поговорка: «Спасибо Сталину-грузину, что он одел всех нас в резину». А это просто в сельскую лавку завезли калоши.

Типичная такая антиколхозная частушка:

Очень плохо — Ленин умер,
Умереть бы Сталину:
Развалились бы колхозы,
Стали жить по-старому.

Долго помнили крестьяне антибольшевистские частушки времен гражданской войны, 20-х годов. На Вятке записали, например, такие:

Едет Ленин на свинье,
Троцкий — на собаке.
Испугались жида —
Думали, казаки.
Сидит Ленин на дубу,
Гложет конскую ногу.
Фу, какая гадина
Русская говядина!

Частушки были чаще всего привязаны к каким-то конкретным событиям: «Была какая-то про Сталина; Варюху за нее еще отец выпорол, не вспомнить... Наверное, что-то так:

Нынче Кирова убили —
До рублевки хлеб добили.
Если Сталина убьют,
До копейки хлеб добьют.

Любопытно, что никакой фактической информации о жизни и деятельности вождя в народе не было. Поэтому в своем принятии или непринятии обожествления вождя рассказчики руководствуются просто последствиями политики тех лет.

Характерно при этом утверждение, что кто такой Сталин — они не знают. Очень критичен Павел Алексеевич Колотов (1909): «Сталина я не знаю. Но мы его не любили. Раскулачивали неправильно, работали мы в колхозах, на лесоповале задаром. Обманывал он людей».

Меня поразило в рассказе Анфисы Васильевны Лузяниной (1907), что люди не могли громко сказать, даже на собрании, о смерти вождя: язык не поворачивался. Это был, конечно, Великий Страх. «Сталин был строгий, много расстреливал, особенно во время войны. Раньше боялись лишнего слова сказать. Павел Никанорыч у нас был в селе доносчик. Чуть-чего — в сельсовет донесет или на собрании расскажет. Его тоже боялись. Что сейчас говорят — в то время бы не жить. Начальства боялись. Когда Сталин умер, собрали собрание и всем сообщили почему-то шепотом: «Сталин умер! Сталин умер!» Его даже мертвого боялись. Некоторые плакали, не знали, что же дальше будет, как жизнь дальше пойдет. Местной власти тоже

боялись. С властями, председателем никто не ругался, не спорил, так как грозились из колхоза выбросить. А документов не давали, в город ехать нельзя. И без земли жить невозможно. Все терпели и жили как жились».

Отцы и дети (поколения 1900-х и 1920-х годов) в той ситуации не всегда понимали друг друга. Хотя отцы знали, что и в своей семье надо держать язык за зубами. «Понравилась мне своей яркостью красок картина «Утро», размером 60×30 см. Во весь рост, в парадном маршальском костюме, при всех наградах — Сталин. А у ног яркое солнце всходит. Развертываю я эту картину, а отец с полатей: «Смотри-ка, Сталина выше солнца подняли. При царе Николае такого не было». А ведь тогда еще мое поколение ему так верило». (А. В. Грязин, 1926).

Старики были, конечно, более критичны. В своих суждениях они шли от здравого смысла. «Отношение к Сталину деревенских мужиков было ироническое. Когда мне, подростку, доверили, как самому глазастому в деревне, прочитать в районной газете о расстрелянной троцкистско-бухаринской группе, мужики выслушивали это сообщение с огромным вниманием, ухмыляясь и иронизируя, что, дескать, эти начальники и воевали за Советскую власть. В этой далекой-далекой Москве что-то не так. Но не доверять Сталину ни у кого не было оснований. Был вождь народа, знали. Отношение к Сталину было как к человеку, которого нельзя слушаться. Все у него категорично, просто, поверхностно. Он приказывает, мы выполняем. Кто его ослушался, тот против него. Я верил, что врагов у нас, если поискать, найдется. Но сколько ни присматривался к людям, так ни одного врага и не увидел» (Г. А. Сычев, 1920).

Для поколения 20-х годов XX съезд партии был колоссальным шоком. Часть людей просто отринули от себя его решения, оставшись убежденными сталинистами, другая часть пережила тяжелейшую ломку мировоззрения. Чем более слепой была вера в вождя, тем тяжелее люди переносили крах этой веры.

«Люди верили в Бога, а мы в Сталина! Везде были его портреты. Мы с этим именем росли. Он был живая икона. Нельзя сказать, что разоблачение Сталина было для меня разочарованием. Это был крах! Душа переполнилась гневом. Я даже выкинула медаль и уничтожила удостоверение!» (Ф. Ф. Губанова, 1919).

Во многих наивных и бесхитростных рассказах в отношении к Сталину много здравого смысла, спокойной рассудительности. «Как к Сталину относились? Мы его не видели. Ну, правитель и правитель. Война ведь была. Он ей руководил. Но бывало, что рассказывал народ (слышно ведь), как он войну вел. Ведь когда трудно-то стало, будто бы он кричал: «Братья, сестры, помогите!» По радио, что ли. Помер, так что о нем думать-то сейчас?! Прожил век, помер» (А.В. Сметанина, 1914).

Люди боялись рассуждать даже сами для себя. Критика Сталина замирала у них не на устах, а в мыслях. Матрена Андреевна Кудрявцева (1904) делится своими воспоминаниями: «Правительство было тогда бог и царь. За богов их считали. Когда Ленин умер, море слез было. Когда Сталин умер, я тоже плакала. Узнала от соседки и бегу домой рассказать, а сама реву в голос. Говорили чего? Жалели их, верили, любили. Вот когда репрессии были, поговаривали, что что-то тут не так. Но больше молчали. А верили или не верили, кто знает — не принято было про то вслух говорить».

Многим открыло глаза участие в Великой Отечественной войне: «Помню, целые ряды заключенных во время коллективизации шли по нашей улице в тюрьму. На войне мы, конечно, кричали: «За Родину! За Сталина!», но все равно доверия не было, потому что мы войну вначале чуть не проиграли. Сейчас я отношусь к Сталину так, как все. Таких бы паразитов не было бы больше над русским народом!» (А. В. Клестов, 1918).

Фигура Сталина, харизматического лидера огромной страны и великого народа, воспринималась миллионами русских крестьян патриархально, традиционно, мифологически.

В. А. БЕРДИНСКИХ
РОССИЯ И ВЯТКА

Послесловие

В старой русской поговорке метко сказано: «Всяк молодец живет на свой образец». В России почти каждый край в течение многих веков исторического развития приобретал неповторимый облик, оригинальные черты, выделялся своей особенкой в речи, культуре, строе мыслей, повадках и нравах его жителей. Русский народ как единое целое складывался из новгородцев и рязанцев, пермяков и смолян, нижегородцев и вятчан... И словно в мозаике уникальные краски каждого края помогали создавать общую неповторимую картину.

На северо-востоке европейской России в глухих таежных лесах в бассейне реки Вятки исторически формировался Вятский край как целостная территориальная, экономическая и культурная система. В мощном движении России на восток в средние века он стал форпостом, базой для сосредоточения сил и ресурсов. Отличительная особенность заселения средней Вятки русскими в XII—XVI веках в том, что оно было мирным. Местное удмуртское население в основном просто уходило на свободные земли, а частично смешивалось с русскими. Военная угроза Вятке шла с юга. Казанское ханство, а также населявшие южные районы края воинственные марийцы предпринимали многочисленные походы на Вятскую землю, которая, расширяясь на юг, отгородилась от них в XVI—XVII веках цепью военных крепостей: Уржум, Малмыж, Яранск, Кукарск, Санчурск...

Велика заслуга вятчан в освоении Урала и Сибири. Вятские переселенцы, уходя все дальше на восток, ставили починки, села, горные заводы с типично вятскими названиями. И движение это дошло до Амура. То есть Вятка, как и вся Россия, была одновременно и областью, которая колонизовалась, и областью, которая колонизовала.

Поэт Сергей Марков, размышляя о пути своих земляков-костромичей на восток, в Сибирь, метко сказал в стихотворении «Землепроходцы»:

Вставали с плачем от ржаной земли,
Омытой неутешными слезами,
От Костромы до Нерчинска дошли
И улыбались ясными глазами...
Шли на восход... И утренний туман
Им уступал неведомые страны.
Для них шумел Восточный океан,
Захлебывались лавою вулканы.
Могила неизвестные сочти,
И не ответят горные отроги,
Где на широкой суздальской кости
Построены камчатские остроги.

С полным правом эти строки могут быть отнесены и к вятчанам. «Сибирский хлеб» — особый налог, собираемый на Вятке в XVI—XVII веках, помогал кормить население сибирских городков. В многолетнем, беспримерно тяжком труде России по освоению Урала и Сибири есть заметная доля труда вятчан.

Средневековые же, не в хронологическом, а в историческом значении этого слова, закончилось здесь лишь недавно. По сути дела еще в середине XX века мы жили среди последних мощных интеллектуальных и материальных остатков средневековья. Но уже сегодня нам непредставима старая Вятка, крестьянский край, потому что XX век в России — это эпоха гибели русской крестьянской культуры.

Как почти везде на русском Севере, здесь не сложилось значительного помещичьего землевладения, а значит, не было достаточной основы для замечательной русской дворянской помещицкой культуры. Служилые дворяне были лишь в городах, очень небольших по населению и затерянных в бездорожье глухих хвойных лесов. Лучшие дороги здесь до XX века — это реки, притом не только летом, но и зимой, когда санные пути шли по льду.

С утратой в 1489 году Вятской землей политической самостоятельности местные города надолго стали лишь передаточными пунктами решений центральных властей, т. е. прежде всего сугубо административными, а не культурными или экономическими центрами. Слабость городского фермента здесь еще более заметна, чем в Московской Руси. И если опора государственной, царской власти — это город (не важно — губернский или уездный), то центр крестьянской жизни — это село с его ярмарками, базарными днями, престольными праздниками и целой системой сложившихся вокруг него, тянущихся к нему деревень и починок.

Крестьянская культура здесь, на Вятке, торжествовала свою полную победу. Недаром один вятский архиерей в начале XIX века назвал край мужицким раем.

Свободные, а не закрепощенные вятские крестьяне, несшие тягло государству, были в этом деревянном царстве превосходными плотниками. Весь обиход крестьянской жизни — обувь, орудия труда, домашняя утварь — почти все это было из даров леса. Крестьянин входил в этот мир в деревянной колыбели и уходил из него в деревянной домовине. Дерево было здесь основой его жизни.

Расцвет кустарных промыслов в Вятском крае в XIX веке, когда губерния входила в тройку наиболее развитых в этом отношении губерний России, был исторически предопределен. Даже в начале XX века почти любой крестьянин здесь знал десятки ремесел: мог поставить дом и сбить глинобитную печь, которая гораздо долговечнее кирпичной, сплести лапти и корзину, завести пасеку и изготовить великое множество деревянного инвентаря, нужного в домовом обиходе и земледелии. Вот эта раскрепощенная мастеровитость вятского крестьянина, уходившего зимой в отход, на заработки, за сотни верст от родного дома, — драгоценное наследство наших прадедов.

Скудные вятские суглинки давали небогатые урожаи, и нам сейчас трудно представить колоссальную тяжесть повседневной жизни, особенно в эпохи, когда хрупкое равновесие мира в государстве нарушалось и от голода, эпидемий, пожаров и войн вымирали целые волости.

Город был враждебен крестьянину, потому что оттуда шли требования налогов, ехали приказные обирать народ, а в случае неповиновения оттуда же шли стрельцы, а позднее солдаты усмирять непокорных.

Впрочем, крестьянские бунты и возмущения вспыхивали на Вятке, как правило, не против власти вообще, а против конкретных злоупотреблений местных властей. При слабой заселенности огромных пространств (будем помнить, что Вятка одновременно и русский Север, и Приуралье) отдельным недовольным проще было найти себе новое место для житья, чем бунтовать.

Терпимость в религиозном и этническом отношении многонационального населения края — характерная черта его исторического развития. Православные, мусульмане, язычники мирно сосуществовали рядом веками. Христианизация края — обращение в христианство удмуртов и марийцев — была мирной и поздней (в основном с XVIII века). Притом на многие десятилетия новообращенные сохраняли так называемое двоеверие: поклонение прежним языческим святыням и христианскую обрядовость.

Богатые и сильные монастыри на Вятке стали очень своеобразными и оригинальными культурными центрами. Благодаря им шло заселение пустынных и безлюдных районов, удаленных от местных городов.

Крестьянская культура была проста, но не примитивна. Недаром в ней черпали силу рафинированнейшие колоссы русской культуры XIX — начала XX веков. Вспомним, что именно крестьянская речь сформировала наш богатый и гибкий язык. Недаром поэт Николай Клюев назвал крестьянскую избу «питательницей слов». С уничтожением в XX веке русской крестьянской культуры ушел в прошлое целый мир понятий и смыслов — живая основа русской народной речи.

В силу определенного консерватизма вятского населения, удаленного от главных индустриальных регионов России, здесь дольше сохранялись элементы застойности и патриархальности в строе жизни. И это великое благо для местной культуры.

Вятка вынесла все перипетии беспощадных катаклизмов XX века: революцию и гражданскую войну, коллективизацию и сталинский террор, Великую Отечественную. Именно на примере Вятки мы отчетливо видим, что основа силы и могущества державы, ее становой хребет — это российская провинция.

Письменные источники по истории Вятки (особенно с XVII века) многочисленны и обильны, хотя до сих пор должным образом не проанализированы. Огромная заслуга местных историков XIX — начала XX веков в том, что они создали, сконцентрировали и сохранили огромный комплекс письменных источников по истории Вятского края и даже начали их массовую публикацию.

Велика ценность и находившейся под влиянием народничества художественной и научно-популярной литературы о русском крестьянстве. Но в определенном смысле эта литература стала кривым зеркалом, идеализируя крестьянскую общину, или, наоборот, разоблачая (в укор властям) пороки и темные стороны народной жизни. Советская научная литература в свою очередь была жестко идеологизирована и далека от объективности.

Разрушить эти стереотипы и воссоздать реальный образ жизни и мышления (менталитет) «простого поселенина — сей основы государства» — задача местных историков уже третьего тысячелетия. Думается, что представленный читателем данный том Энциклопедии Земли Вятской — начало большой и плодотворной работы в этом направлении.

ХРОНИКА ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ

С. П. Кокурина

Вятская земля стала заселяться в глубокой древности. Известны памятники мезолита, неолита, бронзового века, ананьинской и азелинской культур в бассейнах рек Вятки, Моломы, Чепцы. Славянское население появляется здесь в конце XII — начале XIII веков. Возникают русские поселения, слободы, села, деревни среди племен удмуртов, марийцев, коми.

XIII век — народы Поволжья и Прикамья оказались под властью Золотой Орды. Летописные своды повествуют о походах вятчан, которые были частью общерусской борьбы против татаро-монгольского нашествия.

1374 — первое упоминание в русских летописях о городе Вятке. В 1739 г. геодезист Клешнин нашел список «Повести о Стране Вятской» — один из первых источников сведений по истории Вятки. Вятский историк А. И. Вештмов в 1805—1808 гг. написал первый обобщающий труд по истории края. Через сто лет, в 1908 г., его «История вятчан...» была напечатана в Казани отдельной книгой.

1455 — на берегу реки Вятки при впадении в нее речки Хлыновицы построен Кремль с земляным валом, рвом, деревянными стенами, с башнями, названный Хлыновом. Впервые г. Хлынов упоминается в летописях под 1457 г.

1459 — русские летописцы впервые упоминают вятские города Котельнич, Орлов, Слободской. Первые сообщения об Уржуме относятся к 1554 г., о Кикнуре — к 1555 г. Кайгородок основан в 1558 г., город Яранск и поселок Санчурск — в 1584 г. Во второй половине XVI века возникают города Малмыж, Вятские Поляны, Лальск и слобода Кукарка (ныне г. Советск).

1489 — в августе войска Ивана III подошли к Хлыновскому кремлю. Вятская земля была покорена и вошла в состав Московского государства.

1517 — австрийский барон С. Герберштейн в составе посольства от «Священной Римской империи» посетил Россию. Вторично он побывал здесь в 1526 г. Его «Записки о Московии» дают краткую, но четкую характеристику Вятского края начала XVI века.

1546 — первое упоминание в древней грамоте о культе святителя Николая на Вятской земле (по легенде явление чудотворной иконы произошло на р. Великой в 1383 г.). В 1555—1556 и 1614—1615 гг. икона Николы Великорецкого побывала в Москве. Возникновение

поныне традиционного крестного хода на р. Великую связано с перемещением ее из с. Великоресского в г. Хлынов.

- 1555 — в Казани учреждена православная епархия, куда была включена Вятская земля. В 1657 г. образована Вятская и Великопермская епархия, резиденция архиерея находилась в Хлынове. В октябре 1799 г. из епархии была выделена пермская часть, остальная получила название Вятской и Слободской епархии. На ее территории было 344 храма.
- 1580 — основан первый в крае монастырь — Успенский Трифонов монастырь в Хлынове. В 1582 г. иеромонах Павел поставил Преображенский монастырь в Катерине (близ Кирса). В 1592 г. старец Гурий основал Холуницкий Троицкий монастырь, в низовьях р. Вятки в 1596 г. основан Рождественский, в 1599 г. в Слободском — Богоявленский. Возникли также Святицкий (близ Фаленок), Жерновогорский Предтеченский (сл. Кукарка), Цепочкинский (недалеко от Уржума) монастыри. В XVII в. их насчитывалось 18.
- 1601 — при Борисе Годунове край стал местом ссылки неугодных царю «опальных людей». В июле в Яранск был сослан боярин В. Н. Романов, дядя Михаила Романова, основателя царской династии. Князь И. Б. Черкасский отбывал ссылку в Малмыже. В вятской политической ссылке находились А. И. Герцен (1835—1837), М. Е. Салтыков-Щедрин (1848—1855), Ф. Ф. Павленков (1869—1877), В. Г. Короленко (1879—1880). Ее прошли многие участники польских восстаний, народники, революционеры конца XIX — начала XX вв. Только с 1860 по 1869 гг. в губернии проживало свыше 570 ссыльных.
- 1607 — в Хлынове возникла первая в Вятском крае ярмарка, получившая название Семеновской, приурочена была к 1 сентября. Через сорок лет начала действовать ярмарка в Котельниче. Работала она с 1 по 17 марта, имела межобластной характер.
- 1611 — во время польско-шведской интервенции в Нижнем Новгороде началось формирование народного ополчения под руководством К. Минина и Д. Пожарского. Вятка присоединилась одной из первых. Москва была освобождена 27 октября 1612 г. В феврале 1613 г. Земский собор, в котором участвовали вятские выборщики, избрал царем Михаила Романова.
- 1670 — на Вятке начались волнения крестьян в связи с развитием Крестьянской войны под предводительством С. Т. Разина в Поволжье.
- 1694 — хлыновский купец С. Лянгузов провел торговый караван из Москвы в Китай после заключения русско-китайского договора. Неоднократно водил государевы караваны в Китай лальский купец И. П. Саватеев при участии и других жителей Лальска.
- 1708 — согласно указу Петра I произошло первое деление России на губернии. В 1710 г. Вятская земля была включена в Сибирскую губернию, южная ее часть вошла в Казанскую губернию. В 1719 г. губернии были разделены на провинции. Вятская провинция пре-

вращалась в самостоятельную. В 1727 г. вся Вятская земля передана Казанской губернии.

- 1719 — в Вятской провинции правительство провело первую подушную перепись. Материалы ее не сохранились. В 1722—1723 гг. прошла ревизия переписи, и она вошла в историю под названием первой ревизии.
- 1727 — в Хлынове открыта начальная школа, преобразованная в 1734 г. в славяно-латинскую школу. В 1758 г. на базе школы основана духовная семинария — первое среднее учебное заведение края.
- 1729 — на речке Кирсе, притоке Вятки, началось строительство чугунолитейного завода. В 1764 г. на Холуницком заводе начали ковку железа из климковского чугуна. Воткинский железоделательный завод основан в 1759 г., Ижевский — в 1760 г. Осенью 1775 г. первую плавку выдал Омутнинский завод.
- 1744 — в Вятском крае началась организация почтовой связи. В 1782 г. проводилось строительство трактов: Московского, Казанского, Соликамского, Сибирского, Петербургского, Пермского и т. д. В 1783 г. была создана губернская почтовая контора. В 1789 г. открылись почтовые экспедиции в Яранске и Котельниче.
- 1773 — началась Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева. Вятские крестьяне, работные люди, нерусские народности южных районов края приняли участие в восстании.
- 1780 — в декабре образовано Вятское наместничество с центром в г. Вятке. Наместничество делилось на 13 округ. Центрами их стали старые вятские города и три новых — Глазов, Нолинск и Сарапул. В 1796 г. Вятское наместничество было преобразовано в губернию, округи — в уезды. В 1802 г. Кайский и Царевосанчурский уезды были ликвидированы, их территории присоединены к соседним уездам.
- 1784 — началась перепланировка городов Вятского края и строительство казенных каменных зданий по планам, составленным первым губернским архитектором Ф. М. Росляковым.
- 1786 — в России была проведена школьная реформа, создавшая сеть народных училищ. 22 сентября было открыто Главное народное училище в Вятке, преобразованное в 1811 г. в Вятскую мужскую гимназию. Первое малое народное училище было открыто в 1787 г. в г. Слободском, затем такие училища появились в Котельниче, Нолинске, Сарапуле. Вятская губерния вошла в состав Казанского учебного округа, центром его стал Казанский университет.
- 1797 — 15 апреля основана губернская (ныне областная) типография. В г. Слободском типография была открыта в январе 1866 г.; — в Вятке учреждена врачебная управа. Началось строительство больницы. Первая губернская больница была открыта в июне 1811 г. В этом же году появилась больница в г. Орлове, в 1819 г. — в Малмыже, в 1831 г. — в Котельниче.
- 1806 — впервые, с согласия правительства, слободской купец К. А. Ан-

филиатов отправили в Соединенные Штаты Америки корабли, которые вернулись с товарами. Это привлекло американских negociантов в Россию. В 1809 г. она устанавливает дипломатические отношения с Америкой.

- 1809 — 29 октября высочайшим указом в Слободском учрежден первый в России городской общественный банк. Анфилатовский банк был открыт 31 декабря 1810 г. Банк Ф. Веретенникова в Вятке и банк в Котельниче основаны в 1862 г., в Орлове — в 1871 г.
- 1812 — в июне началась Отечественная война России против наполеоновской агрессии. В народное ополчение Вятская губерния поставила более 900 человек, не считая рекрутов. На содержание ратников было собрано около 14.000 руб. Губерния обеспечивала армию, ополченцев, партизан оружием, продовольствием, одеждой, обувью, транспортом. В январе 1813 г. в Вятку было приведено 1000 французов, немцев, итальянцев, плененных под Бородино. Вятчане приняли участие в заграничных походах русской армии 1813—1814 гг.
- 1815 — в Вятке открыт любительский театр. Регулярно спектакли стали ставиться с 1849 г., когда было открыто Благородное собрание. Вятский зрительный зал (ныне Вятский театр драмы и комедии) открыт в 1877 г.
- 1825 — 14 декабря декабристы подняли знамя восстания против самодержавия и крепостничества. В 1827 г. по пути на сибирскую каторгу через вятскую землю провезли почти всех декабристов. Известно, что в Слободском для одной из партий устроили парадный обед и бал, на котором гости были в кандалах.
- 1829 — на первой Российской выставке в Петербурге изделия из капокорня слободского мастера В. Г. Макарова были удостоены серебряной медали. В 1882 г. в Москве 15 изделий вятских народных промыслов получили высокую оценку. На Всероссийскую кустарно-промышленную выставку 1902 г. вятские мастера представили 405 работ, из которых 224 были отмечены наградами.
- 1835 — 1 января в Сарапуле была создана первая в губернии публичная библиотека. Публичная библиотека в Орлове открыта в декабре 1846 г. Библиотека в Кукарке основана П. В. Алабиным в 1861 г. Год открытия библиотек в Нолинске и Малмыже — 1865. К 1895 г. публичные библиотеки были созданы во всех уездных городах, много существовало и частных библиотек. Вятская губернская публичная библиотека открылась в декабре 1837 г. Большую роль в ее основании сыграл А. И. Герцен;
- 2 мая учрежден один из первых в России Вятский губернский статистический комитет, собравший и опубликовавший ценнейшие материалы по истории, экономике, статистике, природе, культуре и этнографии края. С 1854 по 1916 г. комитет издавал «Памятные книжки и календари Вятской губернии». Выпущено было 50 томов.
- 1837 — 18 мая состоялось открытие первой выставки естественных и искусственных произведений Вятской губернии, в организации

- которой участвовал А. И. Герцен. В 50-х гг. организатором сельскохозяйственных выставок был М. Е. Салтыков-Щедрин.
- 1838 — 1 января вышел первый номер газеты «Вятские губернские ведомости». Газета выходила до 1917 г.
- 1842 — положено начало музейному делу. При Вятской палате государственных имуществ открылся «музеум», но не стал постоянно действующим. Первый музей в губернии возник в 1863 г. при Казаковском волостном правлении Котельничского уезда. 22 января 1866 г. — день открытия в Вятке краеведческого музея (ныне государственный объединенный историко-архитектурный и литературный музей включает 25 филиалов и 8 отделов-музеев). В уездных городах музеи были созданы в первой четверти XX в.
- 1853 — начало Крымской войны. Формированием Вятского народного ополчения занимался генерал П. А. Ланской, прибывший в Вятку с женой Н. Н. Ланской (вдовой А. С. Пушкина) в 1855 г. Вятчане проводили сбор пожертвований для армии, для защитников Севастополя, на содержание ополчения.
- 1855 — 11 мая пермский купец И. Ф. Любимов привез в Вятку 30 тыс. пудов соли на своем пароходе «Любимый». Первый пароход вятских купцов появился в 1861 г., началось регулярное движение судов по Вятке. В 1873 г. открылось пассажирское пароходное сообщение между Вяткой, Казанью и Нижним Новгородом.
- 1858 — территория Вятской губернии была одной из крупнейших в России. Ее площадь занимала около 170.000 кв. км., население насчитывало 2.123.904 человека. Из них 80% составляли русские, 10% — удмурты, около 5% — марийцы, почти 4% — татары и т. д. По данным Всероссийской переписи 1897 г., в губернии проживал 3.030.831 человек;
— под руководством мастера В. С. Пятова на Холунинском заводе впервые в мире была изготовлена броня способом проката.
- 1859 — в феврале в Вятке начала работу библиотека-читальня А. А. Красовского, ставшая центром распространения демократических идей среди разночинной интеллигенции. «Кружок» Красовского поддерживал связь с первой организацией «Земли и воли», с участниками «Казанского заговора» 1863 г.;
— 11 октября состоялось открытие женского училища в Вятке. В 1865 г. оно было преобразовано в Вятскую Марииинскую женскую гимназию. Женские прогимназии в Котельниче и Елабуге были открыты в 1860 г. К 1900 г. женские учебные заведения были во всех уездах.
- 1861 — 12 марта в Вятском кафедральном соборе был обнародован манифест об освобождении крестьян от крепостной зависимости. Губернское по крестьянским делам присутствие приступило к проведению крестьянской реформы в жизнь. Всего в губернии получили свободу 56173 крепостных крестьянина;
— 8 октября в Вятской губернии начал работать телеграф, связавший Москву с Омском. В 70-х гг. телеграф был установлен во всех важнейших экономических центрах губернии. В 1885 г. имелось 27 почтово-телеграфных учреждений;

— в 60-х гг. в Вятке появляются кружки самообразования учащихся и интеллигенции. В программу чтения входили работы Добролюбова, Писарева, Чернышевского. Вятчане, учившиеся в Петербурге, Москве, Казани, поддерживали контакты с земляками. Распространение революционно-демократических идей продолжалось и в последующие десятилетия. Имена М. П. Бородина, П. А. Голубева, Н. А. Чарушина, А. В. Якимовой, А. Д. Кувшинской, Л. В. Чемодановой, С. Н. Халтурина, Н. Е. Федосеева и многие другие вошли в историю общероссийского революционного движения.

- 1864 — в России проведена земская реформа, в губерниях и уездах созданы земские учреждения. Первая сессия Вятского губернского земского собрания состоялась в январе 1867 г. Вятское земство, возглавляемое врачом М. М. Синцовым, литератором и издателем А. П. Батуевым и др., много делало в области улучшения сельского хозяйства, культуры, здравоохранения.
- 1865 — создано Вятское благотворительное общество, имевшее целью «искоренить нищенство» и улучшить нравственное и материальное состояние бедных. С 1870 г. губернская управа печатала отчеты о деятельности общества и расходовании денежных средств. В 1890 г. создан благотворительный фонд «Вятка» — общественная организация, существующая на средства учредителей, спонсоров и отдельных граждан.
- 1868 — под руководством кандидата агрономических наук В. Я. Заволжского было обследовано экономическое состояние северной части губернии. В 70-е гг. под руководством Н. Н. Романова и Н. Н. Блинова изучалось состояние здравоохранения и народного образования, затем были описаны промыслы.
- 1870 — в Вятке осуществлена городская реформа, она изменила систему управления. Городская Дума, избираемая населением, выбирала городскую управу — исполнительный орган. В уездных городах выборы в думы прошли в 1871 г.
- 1872 — 1 сентября основано Вятское общество врачей, сыгравшее большую роль в развитии медицинской науки в крае. 20 июля 1874 г. открылся первый съезд врачей губернии. Всего проведено восемь съездов земских врачей;
— в ноябре открылось Вятское земское училище для распространения сельскохозяйственных и технических знаний и подготовки учителей (учительская семинария) — единственное в России заведение такого типа. В 1903 г. учительская семинария была основана в Кукарской слободе. Учителей начальных классов готовили Сарапульская и Глазовская семинарии.
- 1874 — в России проведена военная реформа, уничтожена рекрутская система комплектования армии. В ноябре в губернии прошел первый прием новобранцев согласно всеобщей воинской повинности.
- 1892 — начался процесс над группой крестьян-удмуртов с. Старый Мултан Вятской губернии по обвинению в убийстве с ритуальной

- целью. В защиту выступили В. Г. Короленко, А. Ф. Кони, С. К. Кузислов, А. С. Верещагин, П. Н. Луппов, А. Н. Баранов и др. «Мултанское дело» закончилось в 1896 г., обвиняемые были оправданы;
- по постановлению уездной земской управы на «казенных» десятинах начала работу Окуневская опытная ферма. Впоследствии на ее базе (Лебяжский район) был создан совхоз «Окуневский» — единственное в области хозяйство, где выращивают лекарственные растения.
- 1893 — организовано кустарное скорняжное предприятие в с. Спаском Слободского уезда, который издавна славился своими коженными и скорняжными производствами. Позднее в г. Слободском было открыто отделение фабрики беличьих мехов (ныне Слободское меховое АО «Белка»).
- 1894 — 9 апреля вышел первый номер «Вятской газеты» (Вятская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная газета). Это первая в России «земская народная газета», созданная как доступное по цене и содержанию издание для народа.
- 1895 — 17 марта принято решение об организации одной из первых в России Вятской земской сельскохозяйственной опытной станции (ныне Научно-исследовательский институт сельского хозяйства Северо-Востока имени Н. В. Рудницкого).
- 1896 — 29 ноября Вятским губернским земством основаны мастерские по изготовлению учебных пособий (ныне завод «Физприбор» № 2);
- завершена прокладка первой в губернии железнодорожной линии от пристани Галево до Воткинска. В этом же году железнодорожная ветка связала г. Вятку с Загарским перевозом. 2 ноября 1898 г. открылось пассажирское и грузовое движение на участке Вятка — Глазов, а в 1899 г. было завершено строительство железной дороги Пермь — Вятка — Котлас. С Петербургом Вятка была соединена в октябре 1906 г. В послереволюционные годы были построены дороги Котельнич — Н. Новгород, Яр — Фосфоритная, Гирсово — Слободской. Первый электропоезд прошел 4 ноября 1963 г. от ст. Киров-1 до ст. Шахунья.
- 1899 — в феврале открылся первый губернский съезд лесничих. Он обсудил вопросы об организации работ по лесовозобновлению, о лесоустроительных правилах, о расширении прав лесничих и др.
- 1900 — Министерство народного просвещения России на Всемирную выставку в Париж послало материалы по начальным школам Вятской губернии. За эти материалы Вятское земство получило золотую медаль.
- 1904 — 28 ноября образована Вятская ученая архивная комиссия — научно-исследовательское общество, занимающееся сохранением, изучением и публикацией памятников местной старины. Труды ВУАК выходили в 1905—1917 гг. В марте 1920 г. возникло Вятское историческое общество, которое просуществовало около десяти лет. 3 февраля 1922 г. был создан Вятский научно-исследователь-

ский институт краеведения — центр по исследованию природы, экономики, истории и культуры края; существовал до 1941 г.

- 1905 — в декабре начала выходить ежедневная общественно-политическая и литературная газета «Вятская жизнь», издателем которой был Н. А. Чарушин. В августе 1906 г. она была закрыта, и начала выходить газета «Вятский край», просуществовавшая до ноября 1907 г. С 13 декабря 1907 г. Н. А. Чарушин стал издавать газету «Вятская речь». В ней сотрудничали видные столичные и местные публицисты, писатели.
- 1910 — 5 декабря в Вятке открыт художественно-исторический музей (ныне областной художественный музей имени В. М. и А. М. Васнецовых).
- 1914 — 1 июля создан Вятский учительский институт, преобразованный в 1918 г. в педагогический, — первое высшее учебное заведение губернии. В 1995 г. институт преобразован в Вятский государственный педагогический университет.
- 1917 — 25 февраля в Вятку поступили первые известия из Петрограда о свержении царизма. 11 марта прошел митинг, посвященный памяти борцов, павших за свободу. 12 марта в Вятке состоялся праздник революции. Весть о Февральской революции распространилась по всей губернии. В 1918 г. День революции был отмечен многотысячным шествием по улицам Вятки;
— в мае проходил I Всероссийский съезд крестьянских депутатов. От войсковых частей и гарнизонов Вятской и Пермской губерний делегатом его был избран А. П. Кучкин;
— 21 декабря начала издаваться губернская газета «Вятская правда» (ныне «Кировская правда»). Первые уездные газеты появились в 1917—1920 гг. С начала 30-х гг. выходят районные газеты.
- 1918 — 5 января I Вятский губернский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов объявил о том, что власть принадлежит Советам. 8 января начал работать губисполком, была ликвидирована губернская земская управа, распущена городская Дума, упразднены уездные и волостные земства. Началось строительство нового государственного аппарата;
— в январе началась национализация промышленных, торговых и других предприятий. Для управления ими были созданы губернский совет народного хозяйства и уездные совнархозы;
— 21 января в с. Сернур Уржумского уезда состоялся первый уездный съезд народа мари. В феврале прошел Малмыжский уездный мусульманский съезд. В г. Елабуге в июне был организован Всероссийский съезд вотяков (удмуртов);
— 8 мая создан губернский архив. В Государственном архиве Кировской области хранится более 1,5 миллиона дел по истории края с 1711 по 1989 гг. Открыл свои фонды Центр документации новейшей истории;
— в России развернулась гражданская война и началась иностранная военная интервенция. В этой борьбе Вятская губерния занимала значительное место. Ее территорию пересекала железнодорожная магистраль, она располагала запасами продовольствия.

Летом и в первой половине осени главным фронтом был Восточный. В конце 1918 — начале 1919 гг. край вновь оказался в центре событий. Был создан Вятско-Слободской укрепрайон во главе с В. К. Блюхером. Когда фронт отодвинулся от границ губернии, вятчане продолжали участвовать в борьбе: было проведено несколько мобилизаций на Южный и Западный фронты, вятчане снабжали армию оружием, боеприпасами, снаряжением, обмундированием, продовольствием;

— в сентябре в Малмыже открыт национальный педагогический техникум, подготовивший за десятилетие свыше ста преподавателей для татарских, удмуртских и марийских школ. Русский педтехникум в Малмыже был открыт в 1921 г.

1919

— в январе при Вятском губисполкоме организован отдел по делам национальностей. 20 февраля в Малмыже состоялся губернский съезд национальных меньшинств. Издавались газеты на марийском, удмуртском и татарском языках, которые бесплатно распространялись среди населения;

— в декабре состоялся I Всероссийский съезд земледельческих кооперативов и сельскохозяйственных артелей. В его работе участвовали организаторы первых колхозов Вятского края. I Вятский губернский съезд сельскохозяйственных коллективов прошел в марте 1920 г.;

— организовано мелиоративное общество крестьян дер. Ключи, на базе которого в октябре 1929 г. основано луговое-семенное хозяйство (ныне Кировская лугоболотная опытная станция ВНИИ кормов им. В. Р. Вильямса).

1920

— 27 мая издан декрет об образовании Татарской автономной республики. В ее состав отошел ряд волостей Малмыжского и Елабужского уездов Вятской губернии, значительную часть населения которых составляли татары;

— 4 ноября вышел декрет об образовании Марийской и Вотской автономных областей. От Вятской губернии к первой из них отошел ряд волостей и селений Уржумского и Яранского уездов, вторая создавалась из волостей Глазовского, Сарапульского, Елабужского и Малмыжского уездов. Позднее эти области были преобразованы в автономные республики;

— создано Вятское отделение государственного издательства, преобразованное в 1922 г. в губернское книжное издательство «Труженик». В декабре 1936 г. организовано областное книжное издательство, в 1964 г. оно стало отделением Волго-Вятского книжного издательства.

1923

— в январе в Вятке начало свою деятельность первое в стране отделение Международной организации помощи борцам революции. На 1 января 1926 г. в рядах МОПРа состояло свыше 60 тыс. вятчан. В феврале 1941 г. насчитывалось 1500 мопровских ячеек, которые объединяли свыше 90 тыс. членов;

— 26 июня открылся I Вятский губернский краеведческий съезд, учредивший вятское общество краеведов, просуществовавшее менее десяти лет. В феврале 1989 г. прошла областная встреча

краеведов, при местном отделении Российского фонда культуры было образовано областное краеведческое объединение «Вятка», которое стало одним из учредителей в 1990 г. Союза краеведов России.

- 1927 — в стране введено почетное звание Герой Труда. Первым в губернии этого звания был удостоен 17 сентября 1928 г. мастер вагонного депо Вятских железнодорожных мастерских Г. Ф. Перов. Звание Герой Социалистического Труда было учреждено в 1938 г. 16 работникам сельского хозяйства области было присвоено это звание в 1948 г. Всего около 100 кировчан стали Героями Социалистического Труда, П. А. Прозоров и А. Д. Червяков удостоены его дважды.
- 1929 — 14 января создан Нижегородский край, в состав которого вошли Нижегородская и Вятская губернии, Марийская и Вотская (Удмуртская) автономные области, Чувашская автономная республика.
- 1930 — 10 июля на базе Вятского сельскохозяйственного техникума организован ветеринарно-зоотехнический институт. В 1944 г. был открыт агрономический факультет, и институт стал именоваться Кировским сельскохозяйственным. В 1994 г. он преобразован в Вятскую государственную сельскохозяйственную академию.
- 1934 — 16 апреля учреждено почетное звание Герой Советского Союза. Первыми из кировчан его получили командир полка Н. Ф. Грухин и комиссары танковых батальонов П. А. Скопин и А. И. Суворов, отличившиеся в 1939 г. в боях на р. Халхин-Гол. В списке Героев Советского Союза имени более 200 кировчан, а полководец И. С. Конев и летчик-космонавт В. П. Савиных высшей награды удостоены дважды. В 1991 г. учреждено новое высшее звание — Герой Российской Федерации. В 1993 г. оно присвоено бывшему штурману А. С. Никулину, в 1994 г. — Л. Я. Тупицыну, повторившему в годы войны подвиг А. Матросова; в 1995 г. — легендарному снайперу Н. И. Галушкину и профессиональному военному А. В. Дорофееву;
- 5 декабря постановлением ЦИК Союза ССР город Вятка переименован в город Киров;
- 7 декабря создан Кировский край. 5 декабря 1936 г. была образована Кировская область, из состава края выделилась Удмуртская автономная республика.
- 1939 — 117 работников сельского хозяйства области отмечены золотыми и серебряными медалями Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве.
- 1940 — 2 октября вышел Указ о государственных трудовых резервах. Первый набор в школы и училища ФЗО Кировской области составил 5100 человек. За годы Великой Отечественной войны через систему фабрично-заводского обучения было подготовлено 50 тысяч квалифицированных рабочих.
- 1941 — 22 июня началась Великая Отечественная война. В городах, поселках, селах области прошли митинги и собрания, которые про-

- демонстрировали любовь вятчан к Родине, ненависть к захватчикам. Начались мобилизация военнообязанных, создание народного ополчения, перестройка народного хозяйства на военный лад. Каждое предприятие приступило к выпуску оборонной продукции. Через два-три месяца начался выпуск вооружения;
- 20 июля в область прибыли первые эвакуированные детские учреждения. К началу сентября было принято более 28.000 детей из Ленинграда;
  - в сентябре создан областной комитет помощи в обслуживании раненых и больных бойцов и командиров Красной Армии. С начала войны в области было размещено 50 госпиталей Наркомздрава, клинический госпиталь Военно-Морской медицинской академии и другие лечебные учреждения;
  - в октябре молодежь Слободской меховой фабрики «Белка» начала сбор средств для постройки танковой колонны. За годы войны молодежь области собрала средства на четыре танковые колонны. Кировчане передали фронту и другие танковые колонны, бронепоезда, эскадрильи самолетов, собирали средства на миноносец, подводную лодку;
  - к 25 декабря в области было размещено 20 предприятий, эвакуированных из прифронтовых районов.
- 1942 — в апреле к празднику 1 Мая кировчане направили бойцам и командирам Балтийского флота эшелон подарков. Всего за годы войны было послано на фронт 130 вагонов подарков.
- 1943 — 6 апреля в Сталинград отправлен эшелон с электрооборудованием, инструментами, строительными материалами. С эшеленом выехал первый восстановительный отряд молодых строителей;
- началось возрождение освобожденного Донбасса. С ноября 1943 г. по январь 1944 г. кировчане направили туда 220 вагонов со станками, оборудованием, лесом, инструментами, предметами первой необходимости, литературой. В Донбасс выехало несколько отрядов строителей. Отряд, сформированный из воспитанников профтехучилищ, трижды завоевывал переходящее Красное знамя Госкомитета обороны;
  - 8 ноября учрежден орден Славы. Орден Славы III степени за № 1 был вручен кировчанину сержанту И. В. Харину. 43 наших земляка — полные кавалеры ордена Славы;
  - в ноябре-декабре вятские речники завоевали третью Всесоюзную премию. Работа многих из них была отмечена наградами;
  - областная научная библиотека им. А. И. Герцена вышла на первое место среди областных и краевых библиотек России. В дни войны она стала центром культурной и массовой работы. Переходящее Красное знамя Наркомпроса России и ЦК профсоюза она удерживала в 1944—1945 гг.
- 1944 — Кировскому отделению железной дороги присуждено переходящее Красное знамя Госкомитета обороны;
- переходящее Красное знамя Госкомитета обороны вручено Лальскому району за высокие результаты в производстве сельскохозяйственных продуктов.

- 1945 — свыше ста учителей и работников народного образования области награждены орденами и медалями;
— 9 мая страна праздновала День Победы. Более 600 тысяч кировчан приняли участие в войне, свыше 250 тысяч не вернулись с ее полей. 19 июля в Киров пришел первый поезд с демобилизованными воинами. 1 августа в областном драматическом театре состоялась встреча с воинами-победителями.
- 1954 — 1235 молодых кировчан выехали на освоение целинных и залежных земель в Казахстан. На уборку целинного хлеба ежегодно из области выезжало около двух тысяч человек.
- 1958 — 16 апреля образована Кировская студия телевидения. В июле начались регулярные передачи. С ноября 1967 г. студия подключилась к системе Центрального телевидения;
— в октябре в г. Киров переведен Всесоюзный научно-исследовательский институт охотничьего хозяйства и звероводства. В 1961 г. в пос. Зониха было создано научно-производственное зверохозяйство.
- 1960 — 1 октября организован Кировский филиал Ленинградского научно-исследовательского института переливания крови. В ноябре 1965 г. филиал реорганизован в самостоятельное учреждение;
— 8 декабря принято постановление Совета Министров РСФСР об открытии в Кирове научно-исследовательского и проектного института лесной промышленности. Организован был в январе 1961 г.;
— началась газификация городов, рабочих поселков, сельских населенных пунктов области. В августе 1979 г. в г. Кирово-Чепецке впервые на вятской земле вспыхнул факел тюменского природного газа.
- 1962 — в июле на базе филиала Всесоюзного заочного энергетического института открыто дневное отделение. В 1963 г. создан самостоятельный институт. 20 мая 1968 г. он был преобразован в политехнический. В январе 1994 г. стал Вятским государственным техническим университетом.
- 1967 — воспитанник кирово-чепецкой «Олимпиа» А. Мальцев вошел в сборную хоккейную команду страны. Он многократный чемпион мира и Олимпийских игр. Начиная с 30-х гг., многие кировские спортсмены стали чемпионами мира и страны. Например, М. Г. Исакова, В. М. Меланьин, Н. М. Шмаков и другие.
- 1973 — в феврале в Париже на выставке «Русская деревянная декоративная пластика от древнейших времен до наших дней», организованной по программе культурного сотрудничества между нашей страной и Францией, был представлен архитектурный памятник XVII в. из Слободского — деревянная проездная крепостная башня с надвратной Михайло-Архангельской часовней;
— в декабре постоянно действующая областная сельскохозяйственная выставка в пос. Просница Кирово-Чепецкого района приняла первых посетителей — более 1.000 человек.
- 1974 — 17 августа состоялось открытие областного Дворца-мемориала

юных — уникального памятника воинам-землякам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Мемориальный комплекс сооружен на средства кировчан.

- 1978 — заключен советско-афганский договор о дружбе и сотрудничестве. В декабре 1979 г. советские войска приняли участие в военных действиях на территории соседней страны. Многие кировчане проходили там военную службу, участвовали в боевых операциях, многие погибли. Майору А. Я. Опарину посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Вывод советских войск из Афганистана был завершен в 1989 г.
- 1980 — 1 сентября начались занятия в Кировском военном авиационно-техническом училище. 3 июля 1983 г. состоялся первый выпуск офицеров для военно-воздушных сил страны.
- 1987 — 30 апреля создан Кировский филиал Пермского медицинского института. Первый выпуск врачей состоялся в июне 1993 г. С 1994 г. — Кировский государственный медицинский институт.
- 1990 — 5 октября вышел первый номер общественно-политической газеты «Вятский край». Так была возрождена первая на вятской земле общественно-литературная газета «Вятский край», которую в 1895—1907 гг. издавали П. А. Голубев и Н. А. Чарушин.
- 1995 — 8 июня областная Дума приняла закон «О Дне Кировской области», который будет отмечаться во второе воскресенье декабря. В июле вступил в силу закон «О присвоении звания «Почетный гражданин Кировской области».

РУКОВОДИТЕЛИ ВЯТСКОГО КРАЯ В XVII — XX вв.

Воеводы

- 1609—1610 — князь Ухтомский Михаил Федорович
1610 — Мансуров Петр Иванович (приказный восвода)
1610—1611 — Пушечников Дмитрий Юрьевич
1615—1616 — князь Звенигородский Федор Андреевич
1617—1618 — Витовтов Федор
1618—1619 — князь Примков-Ростовский Александр Данилович
1620—1622 — князь Звенигородский Семен
1623 — Мансуров Петр Иванович
1623—1627 — Чемоданов Семен Иванович
1627—1629 — князь Борятинский Никита Петрович
1629—1632 — Хлопов Гавриил Васильевич
1632—1635 — Хлопов Петр
1635—1636 — Чевкин Василий Петрович
1636—1637 — Волынский Григорий Меньшов
1637—1639 — Ерошкин Михаил Федорович
1640—1641 — Глебов Семен
1642—1643 — Франсеков Дмитрий
1644—1645 — Колычев Иван
1645—1646 — Алфимов Михаил
1646—1647 — Леонтьев Никифор Федорович
1648—1649 — князь Ухтомский Иван
1649—1651 — Леонтьев Никифор
1652—1653 — Соковнин Иван
1654—1657 — князь Полтев Алексей Борисович
1657—1659 — князь Дашков Иван Иванович
1659—1661 — Хитрово Софрон Аверкиевич
1661—1664 — стольник Кайсаров Иван Михайлович
1664—1668 — князь Козловский Григорий Афанасьевич
1668—1670 — думный дворянин Ордын-Нашекин Богдан Иванович
1670—1673 — стольник Змеев Венедикт Андреевич
1673—1674 — Нарышкин Василий Поликарпович
1674—1675 — стольник князь Прозоровский Петр Семенович
1675—1680 — думный дворянин Ржевский Алексей Иванович
1680—1681 — князь Грушевский Козьма Иосифович
1681—1683 — Дорошенко Петр Дорофеевич (бывший гетман Украины)
1683—1684 — князь Лыков Иван Михайлович
1684—1686 — Собакин Алексей Афанасьевич
1686—1688 — стольник Леонтьев Андрей Иванович

- 1688—1690 — князь Хилков Михаил Яковлевич
 1690—1692 — Карсаков Андрей Леонтьевич
 1692—1694 — окольный Матюшкин Иван Афанасьевич
 1694—1696 — стольник Урусов Алексей Никитич
 1696—1699 — стольник Бутурлин Петр Васильевич

Бурмистры

- 1700—1701 — Швецов Алексей и Попов Семен
 1701—1702 — Хохряков Сила и Ярдяков Иван
 1702—1703 — Филимонов Михаил и Зырин Петр
 1703—1704 — Глухих Иван и Свечников Борис
 1704—1705 — Хохряков Иван и Попов Семен
 1705—1706 — Машковцев Гавриил и Глухих Андрей
 1706—1708 — Шабалин Афанасий и Озорорнаков Иван
 1708—1709 — Швецов Алексей и Свечников Борис
 1709—1710 — Хохряков Иван и Чудниев Степан

Воеводы-правители

- 1710—1711 — Траханиотов Степан Данилович
 1711—1712 — стольник Плещеев Герасим Дмитриевич
 1712—1714 — князь Щербатов Иван Иванович
 1714—1715 — Вахрамеев Григорий Иванович
 1715—1720 — Толстой Василий Кириллович
 1720—1721 — Воронежский Иван Васильевич
 1721—1724 — полковник Чеодаев Василий Иванович
 1724—1727 — Малоков Василий Иванович
 1727—1731 — Наумов Григорий Михайлович
 1731—1733 — Лобовников Григорий Семенович
 1733—1736 — Чернявский Михаил Иванович
 1736—1737 — князь Козловский Иван Борисович
 1737—1738 — бригадир Козинский Александр Семенович
 1738—1740 — статский советник Скрипицын Семен Андреевич
 1740—1743 — статский советник Воронцов Илларион Гаврилович
 1743—1745 — коллежский ассессор Писарев Андрей Степанович
 1745—1746 — Полянский Ипат Федорович
 1746—1747 — Чемодуров Никита Федорович
 1747—1748 — майор Бутлеров Иван Алексеевич
 1748—1750 — коллежский советник Постельников Афанасий Григорьевич
 1750—1755 — полковник Дубенский Алексей Никифорович
 1755—1758 — Хитрово Михаил Николаевич
 1758—1762 — Уваров Алексей Михайлович
 1762—1764 — полковник Белавин Савва Фомич
 1764—1765 — полковник Колычев Петр Степанович
 1765—1770 — Караулов Василий Михайлович
 1770—1780 — полковник Щербачев Николай Логинович

Наместники

- 1780—1790 — ген. майор Жихарев Степан Данилович

- 1790—1796 — действ. стат. сов. Желтухин Федор Федорович
 1796—1798 — стат. сов. Зиновьев Сергей Никитич

Губернаторы

- 1798—1800 — действ. стат. сов. Тютчев Степан Богданович
 1800—1802 — ген. майор Латышев Алексей Семенович
 1802—1804 — тайный сов. Рунич Павел Степанович
 1804—1808 — действ. стат. сов. Болгарский Василий Иванович
 1808—1816 — действ. стат. сов. Фон-Брадке Федор Иванович
 1816—1825 — действ. стат. сов. Добринский Павел Михайлович
 1825—1830 — действ. стат. сов. Рыхлевский Андрей Иванович
 1830—1834 — действ. стат. сов. Ренкевич Андрей Иванович
 1834—1837 — действ. стат. сов. Тюфяев Кирилл Яковлевич
 1837—1838 — действ. стат. сов. Корнилов Александр Алексеевич
 1838—1839 — действ. стат. сов. Хомутов Иван Петрович
 1840—1844 — действ. стат. сов. Мордвинов Александр Николаевич
 1844—1851 — действ. стат. сов. Середа Аким Иванович
 1851—1857 — действ. стат. сов. Семенов Николай Николаевич
 1857—1859 — действ. стат. сов. граф Муравьев Николай Михайлович
 1859—1863 — действ. стат. сов. Клинтенберг Михаил Карлович
 1863—1865 — гек.-лейтенант Струков Владимир Николаевич
 1865—1869 — действ. стат. сов. Компанейщиков Николай Васильевич
 1869—1875 — действ. стат. сов. камергер Чарыков Валерий Иванович
 1876—1882 — действ. стат. сов. Тройницкий Николай Александрович
 1882—1887 — тайный сов. Волков Аполлон Николаевич
 1887—1894 — действ. стат. сов. Анисин Алексей Федорович
 1894—1896 — ген.-майор Трепов Федор Федорович
 1896—1901 — действ. стат. сов. Клингенберг Николай Михайлович
 1902—1904 — действ. стат. сов. Хомутов Павел Федорович
 1904—1906 — действ. стат. сов. Левченко Александр Георгиевич
 1906—1909 — церемониймейстер князь Горчаков Сергей Дмитриевич
 1909—1910 — действ. стат. сов. камергер Камышанский Петр Константинович
 1910—1914 — действ. стат. сов. Страховский Иван Михайлович
 1914—1915 — действ. стат. сов. Чернявский Андрей Гаврилович
 1915—1917 — действ. стат. сов. Руднев Николай Андреевич

Губернские комиссары Временного правительства

- Март 1917 — май 1917 — Паньков Павел Иванович
 Май 1917 — ноябрь 1917 — Саламатов Петр Тимофеевич
 Декабрь 1917 — Трейтер Василий Алексеевич

Председатели губернского, краевого, областного исполнительных комитетов

- 1918 — Попов Михаил Михайлович
 1918 — Попов Иван Васильевич
 1920 — Шиханов Павел Иванович

- 1921 — Спундз Александр Петрович
 1923—1924 — Лазарев Федор Семенович
 1924—1925 — Панфилов Василий Николаевич
 1925—1926 — Груздев Никифор Киприанович
 1926—1927 — Позднышев Александр Никитич
 1927—1929 — Недзвецкий Федор Трофимович
 1929—1933 — Колпаков Иван Павлович
 1934—1937 — Бобков Александр Александрович
 II. 1937—VIII. 1937 — Легконравов Павел Константинович
 1937—1938 — Пасынков Степан Георгиевич
 1939—1943 — Иволгин Иван Леонтьевич
 1943—1945 — Кокурин Петр Петрович
 1945—1947 — Быков Иван Тимофеевич
 1947—1952 — Светлаков Николай Иванович
 1952—1958 — Сафронов Иван Петрович
 1958—1959 — Кальченко Степан Власович
 1959—1964 — Обьедков Иван Фалдеевич
 1964—1986 — Паузин Николай Иванович
 1986—1987 — Осминин Станислав Александрович
 1987—1991 — Десятников Василий Алексеевич

Глава администрации области

- С 1991 — Десятников Василий Алексеевич

Первые секретари губкома, крайкома, обкома ВКП(б)—КПСС

- X. 1917 — IV. 1918 — Попов Иван Васильевич
 VIII. 1918 — IX. 1918 — Попов Михаил Михайлович
 X. 1918 — XII. 1918 — Акулов И. А.
 XII. 1918 — IV. 1919 — Новоселов Степан Андреевич
 V. 1919 — IV. 1919 — Семериков И.
 VII. 1919—1920 — Шиханов Павел Иванович
 III. 1920 — Вейцер Израиль Яковлевич
 VIII. 1920—1921 — Барышников Степан Павлович
 1921 — Спундз Александр Петрович
 VII. 1921—1922 — Костерин Павел Федорович
 1923—II. 1924 — Миньков Марк Ильич
 V. 1924—1926 — Булатов Дмитрий Александрович
 1926—1927 — Бушусв Павел Иванович
 IX. 1928 — Лепа Альфред Карлович
 VII. 1929 — Прамизк Эдуард Карлович

С VII. 1929 г. по XII. 1934 г. Вятская губерния входила в состав Нижегородского, с X. 1932 г. — Горьковского края и на ее территории существовали лишь окружкомы и райкомы ВКП(б).

- 1934—1937 — Столяр Абрам Яковлевич
 1937—1938 — Родин Михаил Наумович
 1938—1940 — Канунников Михаил Яковлевич
 1940—1947 — Лукьянов Владимир Васильевич

- 1947—1952 — Быков Иван Тимофеевич
 1952—1961 — Пчеляков Александр Павлович
 1961—1971 — Петухов Борис Федорович
 1971—1985 — Беспалов Иван Петрович
 1985—1987 — Бакатин Вадим Викторович
 1987—1991 — Осминин Станислав Александрович
 с 10.08.91 г. — Казаковцев Владимир Александрович

Архиереи

(с середины XVII в. до отделения церкви от государства)

Вятские и Великопермские

- 1658—1674 — Александр
 1674—1700 — Иона
 1700—1718 — Дионисий
 1719—1733 — Алексей (Титов)
 1733—1737 — Лаврентий I Горка
 1737—1739 — Киприан (Скрипицын) (управлял заочно)
 1739—1741 — Вениамин (Сохновский)
 1743—1748 — Варлаам (Скамницкий)
 1748—1755 — Антоний
 1758—1774 — Варфоломей (Любарский)
 1774—1796 — Лаврентий II (Баранович)

Вятские и Слободские

- 1796—1804 — Амвросий I (Яковлев-Орлин)
 1804—1805 — Серафим (Глаголевский)
 1805—1817 — Гедсон (Ильин)
 1817—1822 — Амвросий II (Вещезеров)
 1822—1827 — Павел (Павлов)
 1827—1832 — Кирилл (Платонов-Богословский)
 1832—1835 — Иоанникей (Образцов)
 1835—1838 — Нил (Исакович)
 1838—1851 — Неофит (Соснин)
 1851—1860 — Елпидифон (Бедсников)
 1860—1866 — Агафангел (Соловьев)
 1866 — Христофор (Эммаусский) (на Вятке не был)
 1866—1885 — Аполлос (Беляев)
 1885—1887 — Макарий (Миролюбов)
 1887—1896 — Сергей (Серафимов)
 1896—1901 — Алексей (Опоцкий)
 1901—1904 — Никон (Софийский)
 1904—1914 — Филарет (Никольский)
 1914—1918 — Никандр (Феноменов)

БИБЛИОГРАФИЯ

Общие работы

Актуальные проблемы дореволюционной отечественной истории / Удм. гос. ун-т. Ижевск, 1993. 166 с.

Белохолуницкому машиностроительному заводу — 200 лет. 1764—1964. Киров, 1965. 168 с.: ил.

Бельтюков Н. Ф. Памятники земли Унинской. Уни, 1993. 35 с.: ил.

Бердинских В. А. Вятские историки. Киров, 1991. 192 с.: ил.

Бердинских В. А. Историк на грани эпох: Павел Лупшов — первый историк удмуртского народа. Ижевск, 1991. 125 с.: ил.

Берова И. В. Ансамбль Вятского Успенского Трифонова монастыря: История, архитектура, живопись в свете последних исследований. Киров, 1989. 64 с.: ил.

Берова И. В. Прогулки по старой Вятке: Книга для учителя. Киров, 1995. 148 с.: ил.

Библиографический указатель научных трудов за 50 лет. 1930—1980/Мар. науч.-исслед. ин-т языка, лит. и ист. Йошкар-Ола, 1981. 164 с.

Библиографический указатель печатных трудов научных работников института 1918-1993: В 7 ч./Киров. гос. пед. ин-т. Вятка; Киров, 1928—1994.

Библиографический указатель трудов Научно-исследовательского института при С. М. УАССР. 1931-1980. Ижевск, 1981. 80 с.

Богуславская И. Я. Дымковская игрушка. Л., 1988. 334 с.: ил.

Буня М. М. Глазовские находки. Ижевск, 1971. 214 с.: ил.

Васенев Н. Ф. На берегах Вятки: Записки журналиста. 3-е изд., перераб. и доп. Киров, 1971. 224 с.: ил.

Васильев С., Бехтерев Н. История Вятского края с древнейших времен до начала XIX столетия: В 2-х т. Т. I. Вятка, 1870. 273 с.

Вештгом А. И. История вятчан со времен поселения их при реке Вятке до открытия в сей стране наместничества, или с 1181 по 1781 год через 600 лет. Казань, 1908. 218 с.

Вопросы дореволюционной истории Марийского края: Сб. статей. Йошкар-Ола, 1978. 164 с.

Вопросы истории и культуры Удмуртии: Сб. статей / Сост. и науч. ред. Т. И. Останина. Устинов, 1966. 131 с.: ил.

Вопросы истории Кировской области: Сб. статей/Киров. гос. пед. ин-т. Киров, 1974. 107 с.

Вопросы истории сельского хозяйства и крестьянства Европейского Севера, Верхнего Поволжья и Приуралья до Великой Октябрьской социалистической революции: Сб. статей/Киров. гос. пед. ин-т. Киров, 1979. 168 с.

Воткинские были: Ист. очерки. 1759—1959. Ижевск, 1959. 243 с.: ил.
Выдающиеся деятели искусства Кировской области: Библиогр. указатель. 2-е изд., доп./Киров, обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена. Киров, 1973. 66 с.

Выдающиеся исследователи Кировской области: Указатель литературы. 2-е изд., доп./Киров, обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена. Киров, 1973. 48 с.

Выдающиеся общественно-политические деятели Кировской области: Рек. указатель. 2-е изд./Киров, обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена. Киров, 1973. 63 с.

Вятка: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1887. 311 с.

Вятская епархия: Ист.-геогр. и стат. описание/Сост. Н. В. Кибардин, В. И. Шабалин. Вятка, 1912. 673 с.

Вятская земля в прошлом и настоящем: Тезисы докладов и сообщений к научной конференции/Киров, гос. пед. ин-т. Киров, 1989. 296 с.

Вятская земля в прошлом и настоящем: Тезисы докладов и сообщений 2-й научной конференции: В 2-х т./Киров, гос. пед. ин-т. Киров, 1992.

Вятская земля в прошлом и настоящем: Материалы 3-й научной конференции: В 5 т./Киров, гос. пед. ин-т. Киров, 1995.

Вятская политическая ссылка. Вятка, 1925. 85 с.: Прил.: Список вятских политссыльных за 1899—1905 гг.

Вятские народные промыслы: Указатель литературы/Киров, обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена. Киров, 1978. 44 с.

Вятский край: Сб. в помощь учителю. Вятка, 1929. 348 с.: ил.

Географическо-статистический словарь Российской империи. Т. I. А-Г/Сост. П. П. Семенов (Тян-Шанский). СПб, 1863. 716 с.

География Вятской губернии: Родиноведение. 5-е изд., испр. и доп./Сост. К. В. Лаврентьев. Вятка, 1909. 124 с.: ил.

География Кировской области: Учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп./Сост. Д. Д. Лавров. Киров, 1990. 157 с.: ил.

Глазов: Документы и материалы. 1678—1989/Под ред. А. А. Тронина. Ижевск, 1992. 260 с.: ил.

Гнедовский Б. В., Добровольская Э. Д. Дорогами земли Вятской. М., 1971. 135 с.: ил.

Годы и люди: К 225-летию Белохолуницкого машиностроительного завода. Киров, 1989. 224 с.: ил.

Город Киров: Справочник. Киров, 1959. 167 с.: ил.

Город Киров. 1374—1974: Хроника событий/Сост. Е. И. Кирюхина, С. П. Кокурина, А. В. Эммаусский. Киров, 1974. 44 с.

Города Кировской области: Краткая экон.-геогр. характеристика. Киров, 1968. 320 с.: ил.

Горшенин Л. С. Путеводитель по Каме, Вятке, Белой и Уральским железным дорогам. Пермь, 1911. 149 с.: ил.

Два века в пути. 1785—1985: История фабрики «Красный курсант». Киров, 1985. 176 с.: ил.

Дочери великого народа: Сборник. Киров, 1960. 136 с.: ил.

Дьяконов Л. В. Дымковские глиняные расписные. Л., 1965. 35 с.: 16 л. цв. ил.

Емельянов В. Д. Прошлое нашего края: Сб. статей по геологии, археологии и обществоведению Нолинского уезда. Нолинск, 1926. 72 с.

Емельянов В. Д. Родиноведение: География Вятской губернии. Вятка, 1917. 154 с.: ил.

Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 8, ч. 2. Приуральский край. СПб, 1901. 314 с.: ил.

Захаров Д. М. Серебряная Вятка: Рассказы о названиях. Киров, 1990. 207 с.

Зеленин Д. К. Избранные труды; Статьи по духовной культуре. М., 1994. 400 с.

Зеленин Д. К. Кама и Вятка: Путеводитель и этнографическое описание Прикамского края. Юрьев, 1904. 180 с.: ил.

Зеленин Д. К. Народные присловья и анекдоты о русских жителях Вятской губернии: Этногр. и ист.-лит. очерк. Вятка, 1904. 54 с.

Зеленин Д. К. Русская соха, ее история и виды. Вятка, 1907. 136 с.

Зырин Б. В. Архитектор Чарушин. 1862—1945. Киров, 1989. 96 с.: ил.

Ижевск: Документы и материалы. 1760—1985. Ижевск, 1984. 339 с.: ил.

Изергина Н. П. Литературная жизнь. 1870—1917: Лит.-краевед. очерки. Киров, 1990. 108 с.: ил.

Изергина Н. П. Писатели в Вятке: Лит.-краевед. очерки. Киров, 1979. 192 с.: ил.

Иллюстрированный путеводитель по реке Вятке. Слободской, 1914. 188 с.: ил.

Историко-краеведческая работа в школе: Метод. пособие/Отв. ред. Е. И. Кирюхина. Киров, 1994. 48 с.

История города Елабуги/Сост. И. В. Шишкин. М., 1871. 53 с.

То же. Ротапринтированное воспроизведение издания 1871 года, Елабуга, 1991. 53 с.

История города Кирова. 1374—1974: Краткий очерк/Науч. ред. А. В. Эммауский, Е. И. Кирюхина. Киров, 1974. 336 с.: ил.

История и культура Волго-Вятского края. К 90-летию Вятской ученой архивной комиссии: Тезисы докладов и сообщений к межрегиональной научной конференции/Киров. обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена. Киров, 1994. 569 с.

История, историография, источниковедение Удмуртии: Сб. статей. Ижевск, 1992. 213 с.

История Кировской области: Учеб. пособие. Киров, 1975. 184 с.: ил.

История Марийской АССР. Т. I. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Йошкар-Ола, 1986. 300 с.: ил.

История Татарской АССР. 2-е изд., доп./Под ред. М. К. Мухарямова. Казань, 1980. 256 с.: ил.

Касанов С. А. «Дорогой милосердия». 1867—1914. Киров, 1992. 71 с.: ил.

Киров. 1374—1974: Указатель литературы/Киров. обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена. Киров, 1976. 83 с.

Кирово-Чепецк: Библиогр. указатель/Сост. Н. Н. Чиркова; Ред. С. П. Кокурина. Кирово-Чепецк, 1984. 55 с.

Кировская область: Справочник-путеводитель. Киров, 1960. 247 с.: ил.

Кировской областной типографии — 175 лет/Сост. Р. М. Преснецов. Киров, 1972. 80 с.: ил.

- Колеватов Н. А. Их именами названы: Справочник. 2-е изд., испр., доп. Киров, 1990. 190 с.: ил.
- Котельнич: Годы и люди/Сост. А. Вылегжанин. Котельнич, 1993. 95 с.: ил.
- Кутюков М. М. Яранск. Киров, 1984. 128 с.: ил.
- Луппов П. Н. Исторический очерк Вятского края/Вят. науч.-исслед. ин-т краеведения. Вятка, 1930. 48 с.: ил.
- Луппов П. Н. История города Вятки. Киров, 1958. 238 с.: ил.
- Луппов П. Н. Народное образование среди вотяков со времени первых исторических известий о них до 1840-х годов. Вятка, 1898. 53 с.
- Луппов П. Н. Обзор быта нацмен Вятской губернии. Вятка, 1926. 20 с.
- Луппов П. Н. Политическая ссылка в Вятский край. М., 1933. 208 с.
- Луппов П. Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века. 2-е изд., испр. и доп. Вятка, 1901. 393 с.: прил.
- Любимов В. А. Вглядываясь в лица домов (г. Вятки-Кирова): Опыты краевед. публицистики. Киров, 1995. 224 с.: ил.
- Мансуров В. М., Лахман А. И. Родной край: Для внеклассного чтения. Киров, 1988. 96 с.: ил.
- Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР: Кировская область. М., 1978. 187 с.
- Мусихин В. Е. Вятская деревня: История и современность: Учебно-метод. пособие. Киров, 1995. 78 с.: ил.
- О городе Кирове и кировчанах. Киров, 1974. 9 отд. брошюр в общей облож.
- Оленин-Волгарь П. Путеводитель Вятско-Волжского пароходства: Река Вятка и Вятский край. Вятка, 1910. 167 с.: ил.
- Основные издания, отпечатанные в Кировской областной типографии. 1837—1971/Киров. обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена. Киров, 1972. 50 с.
- Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. Т. I. А-Д. М., 1994. 688 с.
- Очерк по истории Косинской бумажной фабрики за 1784—1989 гг. Косино, 1990. 50 с.: ил.
- Очерки истории Кировской области/Науч. ред. А. В. Эммаусский, Е. И. Кирюхина. Киров, 1972. 455 с.: ил.
- Очерки истории Марийской АССР: В 2-х т. Йошкар-Ола, 1960—1965.
- Очерки истории Удмуртской АССР: В 2-х т. Ижевск, 1958—1962.
- Памятники истории и культуры города Кирова: Справочник. Горький, 1986. 173 с.: ил.
- Памятники истории и культуры города Слободского/Сост. А. В. Кузьмин. Слободской, 1982. 16 с.: ил.
- Памятники истории и культуры Кировской области: Каталог/Сост. М. Н. Бойчук. Киров, 1984. 152 с.
- Памятники истории и культуры Удмуртии: Каталог. 2-е изд., перераб. Ижевск, 1990. 156 с.
- Пересторонина В. Д. Вятские кружева. Горький, 1982. 127 с.: ил.
- Перминова Н. И. Дымковская расписная. Горький, 1979. 127 с.: ил.
- Перминова Н. И. Каповая шкатулка. Горький, 1974. 127 с.: ил.
- Петряев Е. Д. Вятские книголюбы. Киров, 1986. 223 с.: ил.
- Петряев Е. Д. Живая память. М., 1984. 288 с.: ил.

- Петряев Е. Д. Записки книголюбца. Киров, 1978. 279 с.: ил.
- Петряев Е. Д. Литературные находки: Очерки культурного прошлого Вятской земли. 2-е изд., доп. Киров, 1981. 288 с.: ил.
- Петряев Е. Д. Люди, рукописи, книги: Литературные находки. Киров, 1970. 288 с.: ил.
- Пленков В. Г. Вятские умельцы. Киров, 1971. 104 с.: ил.
- По родному краю: Сб. краевед. материалов/Киров. объедин. ист.-архит. и лит. музей. Киров, 1991. 160 с.: ил.
- Поволжье. Природа, быт, хозяйство: Путеводитель по Волге, Оке, Каме, Вятке и Белой/Под ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского. Л., 1925. 636 с.: 154 с. ил.; 18 карт.; 8 пл.
- Помелов В. Б. Педагоги и психологи Вятского края. Киров, 1993. 81 с.: ил.
- Помещиков В. И., Карпов В. Б. Уржум. Киров, 1987. 109 с.: ил.
- Порошин И. В. Белая холуница. Киров, 1991. 153 с.: ил.
- Преснецов Р. М. Музыка и музыканты Вятки: Очерки, портреты, документы, воспоминания. Горький, 1982. 204 с.: ил.
- Пролееса В. И. К родословной П. И. Чайковского: Жизнь и деятельность П. Ф. Чайковского. Ижевск, 1990. 32 с.: ил.
- Радуга над Вяткой: Сборник/Сост. Г. И. Бузмаков. М., 1986. 488 с.: ил. (Сердце России).
- Российская Федерация. Центральная Россия. Кировская область. М., 1970. 909 с.: ил.
- Россия: Полное географическое описание нашего Отечества: Настольная и дорожная книга. Т. 5. Урал и Приуралье/Под ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского. СПб, 1914. 669 с.: ил.
- Русская земля: Природа страны, население и его промыслы. Т. 4. Приуральский край/Сост. П. Н. Лупнов. СПб, 1896. 189 с.: ил.
- Сазонов В. И. Страницы истории Кировского театра драмы. 1877—1977. Киров, 1976. 96 с.: ил.
- Сапожников А. Ф., Фокин В. Г. Вятская гармоника. Н.-Новгород, 1991. 89 с.: ил.
- Селивановский К. История Вятского Успенского Трифонова монастыря от его основания до настоящего времени. Вятка, 1912. 133 с.
- Семь холмов над рекой: Фотоновость о городе Кирове/Сост. А. А. Лиханов. М., 1976. 184 с.: ил.
- Сергеев В. Л. Камские заводы: Из истории возникновения и развития Ижевского и Воткинского железодельных заводов. Ижевск, 1958. 68 с.
- Спицын А. А. История Вятского главного народного училища. 1786—1811. Вятка, 1891. 79 с.
- Спицын А. А. История рода Рязанцевых. Вятка, 1884. 45 с.
- Стародубцев П. И. Земля Свечинская. Киров, 1992. 230 с.: ил.
- Столетие Вятской губернии. 1780—1880: Сб. материалов к истории Вятского края: В 2-х т. Вятка, 1880—1881.
- Странички истории Вятской земли. 1780—1850: Учеб. пособие/Сост. М. Судовиков, В. Коваленко. Вятка, 1993. 35 с.
- Сыновний поклон/Сост. С. П. Кокурина, В. Н. Колупасва, В. Г. Шумихин; Худож. А. М. Колчанов. Горький, 1974. 143 с.: ил.
- Тинский А. Г. Вятская мозаика. Киров, 1994. 192 с.: ил.
- Тинский А. Г. Планировка и застройка Вятки в XVII—XIX вв. Киров, 1976. 228 с.: ил.

Удмурты: Ист.-этногр. очерки/Науч. ред. В. В. Пименов. Ижевск, 1993. 392 с.: ил.

Уржум. 1584—1984: Библиогр. указатель/Сост. Л. Б. Невоструева; Ред. С. П. Кокурина. Уржум, 1984. 47 с.

Учебный курс географии Вятской губернии: Родиновведение/Сост. Р. Н. Образцов. Вятка, 1889. 121 с.: ил.

Фокин А. Д., Решетников П. Т. Путеводитель по реке Вятке. Вятка, 1925. 68 с.: ил.

Хрестоматия по истории Кировской области: Учеб. пособие. Киров, 1982. 193 с.

Худяков М. Г. Исторический очерк города Малмыж. Вятка, 1916. 72 с.

Черняховский Г. С., Заболотский В. В. Из истории книгоиздательского дела в Кировской области. Киров, 1964. 27 с.: ил.

Чудова Г. Ф. В те далекие годы: Очерки по истории краеведения Вятской губернии. Киров, 1981. 159 с.: ил.

Чудова Г. Ф. Павел Николаевич Луппов: Библиогр. указатель. Устинов, 1985. 92 с.

Чудова Г. Ф. Указатель библиографических работ о Кировской области за 100 лет. 1863—1963. Киров, 1967. 47 с.

Энциклопедия земли Вятской: Откуда мы родом? В 10 т. Киров, 1994—1995 — Т. 1. Города/Сост. В. Ф. Пономарев. 1994. 448 с.: ил. Т. 2. Литература/Сост. В. А. Поздеев. 1995. 576 с.: ил. Т. 3. Ратные подвиги/Сост. О. М. Любовиков. 1995. 478 с.: ил.

* * *

Памятная книжка и календарь Вятской губернии. Вятка, 1854—1916. Вятская незабудка: Памятная книжка Вятской губернии на 1877 г./Изд. Ф. Ф. Павленков. СПб, 1877; 2-е изд. СПб, 1877.

Вятская незабудка: Памятная книжка Вятской губернии на 1878 г./Изд. Ф. Ф. Павленков. СПб, 1878.

Вятские епархиальные ведомости. Вятка, 1863—1917.

Отчет Вятского губернского статистического комитета. Вятка, 1863—1914.

Обзор Вятской губернии за... год: Приложение к Всеподданнейшему отчету Вятского губернатора. Вятка, 1871—1916.

Труды Вятской ученой архивной комиссии. Вятка, 1905—1917.

Чудова Г. Ф., Колупаева В. Н. Указатель содержания «Трудов Вятской ученой архивной комиссии». 1905—1917/Киров. обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена. Киров, 1993. 114 с.

Труды Вятского научно-исследовательского института краеведения. Т. 1—20. Вятка; Киров, 1925—1941.

Вятка: Краеведческий сборник. Вып. 1—9. Киров, 1972—1991.

Литература о Кировской области: Текущий указатель/Киров. обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена. Киров, 1969—1995.

Вятка в XII — XVII веках

Верещагин А. С. Вятский временник: Памятник вятской письменности конца XVII в. Вятка, 1905. 98 с.

Верещагин А. С. Замечательные, но забытые вятчане. Вятка, 1894. 13 с.

- Верецагин А. С. Из истории древне-русской Вятки. Вятка, 1905. 55 с.
- Верецагин А. С. К истории древнего Хлынова. Вятка, 1904. 91 с.
- Верецагин А. С. Летописец старых лет: Памятник вятской письменности XVII-XVIII вв. Вятка, 1905. 97 с.
- Верецагин А. С. Отрывки из «Записок» Рычкова и Хитрово о древней Вятке; Отрывки из сочинений путешественников XVI-XVIII вв. о Вятке и ее обитателях. Вятка, 1892. 115 с.
- Верецагин А. С. Повести о великорецкой иконе святителя Николая: Памятник вятской письменности XVII-XVIII вв. Вятка, 1905. 76 с.
- Верецагин А. С. Повесть о стране Вятской (Вятский летописец): Памятник вятской письменности XVII-XVIII вв. Вятка, 1905. 97 с.
- Верецагин А. С. Почитание Николы Можайского на Вятке в XVII веке. Вятка, 1902. 14 с.
- Верецагин А. С. Расходная книга земского старосты города Хлынова И. Репина. 1678—1680. Вятка, 1906. 105 с.
- Верецагин А. С. Сказания русских летописцев о Вятке. Вятка, 1905. 122 с.
- Герберштейн С. Записки о Московии/Пер. с латин. и нем. М., 1988. 430 с.
- Грамоты и акты Вятского Успенского Трифонова монастыря/Сост. А. С. Верецагин. Вятка, 1907. 530 с.
- Документы по истории Казанского края из архивохранилищ Татарской АССР/II пол. XVI — сер. XVII вв.): Тексты и комментарии. Казань, 1990. 206 с.
- Документы по истории Удмуртии XV-XVII веков/Сост. П. Н. Луппов. Ижевск, 1958. 419 с.
- Древние акты, относящиеся к истории Вятского края: Прил. ко 2 т. сб. «Столетие Вятской губернии». Вятка, 1881. 270 с.
- Жизнь преподобного Трифона и блаженного Прокопия, вятских чудотворцев/Сост. иеромонах Стефан. С изд. 1893 г. Киров, 1991. 47 с.
- Житие преподобного отца нашего Трифона, вятского чудотворца/Публ. П. Шестакова. Казань, 1868. 160 с.
- К истории книжной культуры южной Вятки: Полевые исследования. По материалам археографических экспедиций 1984—1988 гг. /Уральский ун-т Л., 1991. 142 с.
- Карамзин Н. М. История государства Российского: В 12 т. Т. 2-3. М., 1991. 829 с.
- Ключевский В. О. Сочинения: В 9-ти т. Т. 2. М., 1988. 447 с.
- Костомаров Н. И. Северно-русские народоправства во времена удельно-вечегового уклада. Т. I. История Новгорода, Пскова и Вятки. СПб, 1886. 414 с.
- Кудрявцев В. Ф. Старина, памятники и легенды Прикамского края. Вып. 1-4. Вятка, 1896—1906.
- Луппов П. Н. г. Шестаков Вятской земли: К истории городов Вятского края. Вятка, 1927. 18 с.
- Наумов П. И. Начало XVII века в Вятской области. Вятка, 1901. 49 с.
- Новые источники по древней истории Приуралья. Устинов, 1985. 113 с.: ил.

Осокин И. М. Значение преподобного Трифона в истории Вятского края. Вятка, 1912. 15 с.

Осокин И. М. Исторический очерк почитания преподобного Трифона, вятского чудотворца. Вятка, 1912. 63 с.

Первухин Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда: В 5-ти ч. Вятка, 1888-1890.

Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве: Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. СПб, 1899. 655 с.

Полное собрание русских летописей. М.; Л., 1962—1982 —.

То же. Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1905. Вып. I. (Извлечение из русских летописей об истории Вятского края). Вятка, 1905. 216 с.; Прил.: Сергиев М. Г. Указатель к «Сказаниям русских летописцев о Вятке». 24 с.

Рамбо А. Живописная история древней и новой России/Пер. с фр. М., 1994. 445 с.

Сборник храмозданных грамот на построение церквей в Вятской губернии/Сост. В. И. Шабалин. Вятка, 1914. 513 с.

Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн. 2. История России с древнейших времен. Т. 3-4. М., 1988. 765 с.

Спасская Л. Н. Прошлое Вятки с ее заселения русскими до воцарения Михаила Федоровича Романова: Ист. очерк. Вятка, 1913. 346 с.

Спицын А. А. Археологические разыскания о древнейших обитателях Вятской губернии. М., 1893. 192 с.; ил. (Материалы по археологии восточных губерний России. Вып. I. Приуральский край).

Спицын А. А. I. Вещественные памятники древнейших обитателей Вятского края; 2. Древнейшая судьба Вятской области. Вятка, 1889. 56 с.

Спицын А.А. Вятская старина. Вятка, 1885. 43 с.

Спицын А. А. Земля на Вятке в XVII столетии: Очерк истории землевладения. Вятка, 1886. 52 с.

Спицын А. А. Материалы для истории церквей Вятской епархии до XVII в. Вятка, 1888. 66 с.

Спицын А. А. I. Местное и областное управление на Вятке до XVIII в.; 2. К истории вятских инородцев. Вятка, 1888. 66 с.

Спицын А. А. Новые сведения по доисторической археологии Вятского края. Вятка, 1887. 59 с.

Спицын А. А. Оброчные земли на Вятке в XVII в. Казань, 1892. 46 с.

Спицын А. А. Свод летописных известий о Вятском крае. Вятка, 1883. 44 с.

Худяков М.Г. Древности Малмыжского уезда. Вятка, 1917. 68 с.

Эммаусский А. В. Вятская земля в период образования Русского государства. Киров, 1949. 40 с.

Эммаусский А. В. К вопросу о времени основания города Вятки (Кирова): Учеб. пособие. Киров, 1971. 43 с.

Эммаусский А. В. Очерк истории Вятской земли в XVI — начале XVII в. Киров, 1951. 72 с.

Юрьев В. П. Вятка в рукописных памятниках русской старины. Вятка, 1885. 48 с.

Юрьев В.П. История герба города Вятки: ист. разыскание по неисследованным документам. Вятка, 1886. 31 с.

Явление образа святителя Николая на реке Великой. Киров, 1992. 29 с.

Вятский край в XVIII веке

Бердинских В. А. Ермил Костров: Судьба поэта. Киров, 1989. 144 с.: ил. (Выдающ. деятели и уроженцы Вят. края).

Верещагин А. С. Вятские стихотворцы XVIII в. В 2-х вып. Вятка, 1897—1898.

Верещагин А. С. Эпизоды из жизни основателя Вятской семинарии: В 2-х вып. Вятка, 1899—1902.

Гришкина М. В. Крестьяне Удмуртии в XVIII веке. Ижевск, 1977. 187 с.

Замятин Г. А. Ксенофонт Алексеевич Анфилов: Очерк его жизни и деятельности. СПб, 1910. 275 с.

Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева в Марийском крае: Документы и материалы. Йошкар-Ола, 1989. 181 с.: ил.

Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Удмуртии: Сб. документов и материалов. Ижевск, 1977. 187 с.

Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов. СПб, 1791. 101 с.: ил.

Орлов А. С. Волнения на Урале в середине XVIII века. М., 1979. 264 с.

Спасская Л. Н. Вятский край во время Великой Северной войны. Вятка, 1910. 135 с.

Токарев С. В. Крестьяне Вятской провинции в XVIII веке: Из истории экон. быта. Вятка, 1928. 74 с.

Эммаусский А. В. Исторический очерк Вятского края XVII-XVIII вв. Киров, 1956. 243 с.: ил.

Юрьев В. П. Вятская старина: Материалы для истории Вятского края первой четверти XVIII в. Вятка, 1888. 154 с.

Юрьев В. П. Народное образование в Вятской губернии в царствование императрицы Екатерины II. Вятка, 1887. 132 с.

Юрьев В. П. Состояние города Вятки в царствование императрицы Екатерины II: Очерк из истории городского общественного управления. Вятка, 1885. 175 с.

Вятский край в XIX веке

Александров-Невский собор в городе Вятке. 2-е изд. Вятка, 1903. 26 с.: ил.

Бердинских В. А. Русская провинциальная историография второй половины девятнадцатого века/Археогр. комиссия Рос. Акад. Наук. М.; Киров, 1995. 396 с.

Блинов Н. Н. Движение народонаселения в Орловском уезде Вятской губернии. Вятка, 1876. 214 с.: прил.

Блинов Н. Н. Историко-статистическое описание Сарапульского уезда, г. Сарапула, Воткинского и Ижевского заводов. Сарапул, 1887. 130 с.

Блинов Н. Н. Народное образование в Вятской губернии за последние десять лет. 1864—1874. Вятка, 1875. 351 с.

- Блюм А. В. Ф. Ф. Павленков в Вятке. Киров, 1976. 88 с., ил. (Выдающ. деятели и уроженцы Вят. края).
- Бондаренко В. К. Вятское народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Киров, 1943. 28 с.
- Буня М. И. В. Г. Короленко в Удмуртии. Ижевск, 1982. 271 с., ил.
- Васильев М. Г. История Вятской гимназии за 100 лет ее существования. Вятка, 1911. 131 с.: ил.
- Васнецовы: Материалы исследования/Обл. худож. музеев им. В. М. и А. М. Васнецовых; Сост. и науч. ред. И. А. Любимова. Вятка, 1993. 126 с.
- (Верещагин) Гагеев Н. И. Студенты Казанской духовной академии на службе в Вятской губернии. 1846—1892. Вятка, 1892. 47 с.
- Верхотин К. В., Пленков В. Г. Мастера. Киров, 1980. 128 с., ил.
- Военно-историческое обозрение Российской империи. Т. 2, ч. 4. Вятская губерния. СПб, 1850. 109 с.
- Вятская губерния: Список населенных мест по сведениям 1859—1873 гг. СПб, 1876. 998 с.
- А.И. Герцен/Сост. и авт. вступ. ст. К. В. Дрягин. Киров, 1940. 240 с.
- Голубев П. А. Вятское земство среди других земств России. Вятка, 1901. 163 с.
- Голубев П. А. Историко-статистический сборник сведений по вопросам экономического и культурного развития Вятского края. Вятка, 1896. 144 с.
- Золотницкий Н. 1 января 1866 года в Кукарке и краткий очерк слободы Кукарка. Казань, 1866. 56 с.
- Исследование положения начального народного образования в Вятской губернии с проектом школьной сети для введения всеобщего обучения: В 2-х вып. Вятка, 1900—1902.
- Клюкин В. И. Н. Е. Федосеев. Киров, 1969. 136 с.: ил. (Революционеры Вятки).
- Козаченко И. А. Сельскохозяйственные и ветеринарные сведения о Вятской губернии. Вятка, 1879. 441 с.: табл.
- Красев А. А. Начальные народные училища Вятской губернии: Краткий очерк возникновения и постепенного развития этих училищ за время с 1786 по 1898 гг. Вятка, 1900. 54 с.: ил.
- Красноперов И. М. Записки разночинца. М.; Л., 1929. 149 с.
- Краткий исторический очерк Вятской Мариинской женской гимназии за 50 лет ее существования. 1859—1909/Сост. Ф. Иванов. Вятка, 1910. 181 с.
- Краткий обзор деятельности Вятского губернского земства за 35 лет 1867—1902. Вятка, 1906. 276 с.
- Куроптев М. И. Материалы для истории и статистики Слободской женской гимназии. Вятка, 1882. 82 с.
- Куроптев М. И. Слободской уезд Вятской губернии в географическом и экономическом отношениях. Вятка, 1881. 224 с.
- Кустарные промыслы Вятской губернии и деятельность вятских земств по улучшению кустарной промышленности. СПб, 1902. 98 с. табл.
- Лупшов П. Н. Громкое дело мултанских удмуртов (вотяков), обвинявшихся в человеческом жертвоприношении. 1892—1896. Ижевск, 1925. 40 с.
- Лупшов П. Н. Ссылка В. Г. Короленко в Вятский край. Ижевск, 1925. 42 с.

Луннов П. Н. Христианство у вотяков в первой половине XIX в.: Исследование. Вятка, 1911. 602 с.

Материалы по описанию промыслов Вятской губернии: В 5-ти вып. М.; Вятка; 1889—1890.

Материалы по статистике Вятской губернии: В 12-ти т. М.; Вятка, 1886—1900.

Москалец Е. С., Пешнина Л. В. А. Л. Витберг в Вятке. Киров, 1975. 62 с.: ил. (Выдающ. деятели и уроженцы Вят. края).

Наумов П. И. Краткий обзор средств сообщения в Вятской губернии. Вятка, 1908. 150 с.: табл.

Наумов П. И. Материалы для истории торговли Вятской губернии. Вятка, 1903. 56 с.

Очерки истории революционного движения в России в 60-80-х годах XIX века. Киров, 1979. 103 с.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Т. 10. Вятская губерния/Под ред. Н. А. Тройницкого. СПб, 1904. 267 с.

Петряев Е. Д. М. Е. Салтыков-Щедрин в Вятке. 2-е изд. Киров, 1988. 127 с.: ил.

Пешнина Л. В. Художник Д. Я. Чарушин. Киров, 1973. 55 с.: ил. (Выдающ. деятели и уроженцы Вят. края).

Ратьков-Рожнов В. А. Выдающийся благотворитель г. Вятки Яков Алексеевич Прозоров. Вятка, 1896. 11 с.

Ратьков-Рожнов В. А. Вятский губернский статистический комитет: Ист. очерк по подлинным документам. Вятка, 1896. 27 с.

Романов Н. Н. Краткие очерки уездов Вятской губернии. Вятка, 1875. 225 с.

Романов Н. Н. Переселение крестьян Вятской губернии. 2-е изд. Вятка, 1880. 471 с.

Романов Н. Н. Статистическое описание Орловского уезда Вятской губернии. Вятка, 1876. 336 с.

Романов Н. Н. Статистическое описание Уржумского уезда Вятской губернии. Вятка, 1879. 315 с.

Сборник медико-топографических и санитарных сведений о Вятской губернии/Сост. А. Радаков. Вятка, 1878. 151 с.

Сборник постановлений Вятского губернского земства за 25 лет. 1867—1892: В 5 т. Вятка, 1894—1895.

Сборник постановлений Вятского губернского земства за 21 год. 1892—1913: В 8 т. Вятка, 1914.

Селивановский И. П. Вятский земский кустарный музей и склад кустарных изделий. Вятка, 1893.

Селивановский И. П. Село Истобенское Вятской губернии, Орловского уезда и каменные орудия в Слободском уезде и связанные с ними суеверия. Вятка, 1893. 58 с.

Селивановский М. К. Столетие Вятской губернской типографии. 1797—1897. Вятка, 1898. 65 с.: 105 с. ил.

Сергеев В. Д. Вятские «нигилисты»: Из истории разночинной интеллигенции Вятки. Петропавловск-Камчатский, 1994. 112 с.

Сергеев В. Д. А. А. Красовский. Киров, 1977. 96 с.: ил. (Революционеры Вятки).

Сергеев В. Д. А. В. Якимова. 1856—1942. Киров, 1970. 140 с.: ил. (Революционеры Вятки).

Соболев В. А. А. И. Герцен в вятской ссылке: Ист. очерк, Киров, 1962. 69 с.: ил.

Соболев В. А. Степан Халтурин. 1856—1882/Послел. А. В. Эммаусского. Киров, 1973. 115 с.: ил. (Революционеры Вятки).

Спасский Н. А. Движение народонаселения в Вятской губернии за 1874 год сравнительно с предшествовавшим двадцатилетием. Вятка, 1876. 119 с.

Спасский Н. А. Кустарная промышленность Вятской губернии: Стат. очерк/Сост. для Всерос. пром.-худож. выставки 1882 г. в Москве. Вятка, 1882. 55 с.

Спасский Н. А. Статистическое описание Вятской губернии и справочные сведения. Вятка, 1875. 323 с.

Сычугов С. И. Записки бурсака. М.; Л., 1993. 353 с. (Рус. мемуары).

Токарев С. В. Крестьянские картофельные бунты. Киров, 1939. 103 с.

Токарева А. А. Крестьянская реформа 1861 года в Вятской губернии. Киров, 1941. 76 с.

Чарушин Н. А. О далеком прошлом: Из воспоминаний о революционном движении 70-х годов XIX века. 2-е изд., испр. и доп. М., 1979. 408 с.

Шубин А. А. Александр Степанович Верещагин. Вятка, 1909. 20 с.

Шуленов Н. П., Пономарев В. Ф. Лариса Чемоданова. 1855—1923. Киров, 1989. 94 с.: ил. (Революционеры Вятки).

Шумихин В. Г., Кокурина С. П., М. Е. Салтыков-Щедрин и Вятка: Библиогр. указатель. 1848—1982. Киров, 1985. 152 с.

Эргин А. Значение Пермь—Котласской железной дороги для Вятского края. Вятка, 1902. 80 с.

Юрьев В. П. К предстоящему юбилею Вятской Мариинской женской гимназии. 1859—1884: Очерк из истории женского образования. Вятка, 1884. 160 с.

Вятский край в XX веке

Антонов М. Ф. Колхоз «Искра». Киров, 1987. 111 с.: ил.

Балезина З. М., Домрачев В. А. Право на память: Очерки истории киров. з-да «Сельмаш». 1943—1993. Киров, 1993. 365 с.: ил.

Балезина З. М. Трудом поколений: Очерки (о машиностр. предприятии «Авитек»). Киров, 1991. 219 с.: ил.

Балыбердин Ю. А. Возникновение и деятельность политических партий в Вятской губернии в период первой русской революции. 1905—1907 гг. М., 1994. 207 с.

Бердинских В. А. Россия и русские: Крестьянская цивилизация в воспоминаниях очевидцев. Киров, 1994. 287 с.

Быстрова А. С. И. В. Попов. 1894—1952. Киров, 1972. 100 с.: ил. (Революционеры Вятки).

Васильева М. М., Пономарев В. Ф. Михаил Котомкин. 1895—1954. Киров, 1984. 108 с.: ил. (Революционеры Вятки).

Верной дорогой: Хроника истории Кировской организации КПСС. 1883—1983. Киров, 1983. 367.

Верхотин К. В. Кировские места в Уржуме/Худож. А. М. Колчанов. Горький, 1977. 111 с.: ил.

Вятская губерния в период Великой Октябрьской социалистической

революции и гражданской войны (март 1917—1929 гг.): Указатель литературы/Сост. В. Н. Колупасва. Киров, 1972. 82 с.

Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь: В 2-х т. М., 1987—1988.

Герои Советского Союза — кировчане: В 4-х кн. Киров, 1973—1988.

Герои Социалистического Труда — кировчане: Указатель литературы/Сост. С. П. Кокурина. Киров, 1976. 32 с.

Громыко Г. А. Добрая слава: Очерки истории Слободской мебельной ф-ки. 1903—1973. Киров, 1978. 104 с.: ил.

Гумеров К. Ш., Гильмутдинова А. К. Рожденный в суровые годы: Очерки истории (Вятскополя. машиностр. з-да). Киров, 1990. 224 с.: ил.

Демин Н. Г., Смолин Ю. М. Ровесник первой пятилетки: К 50-летию киров. з-да «Красный инструментальщик». Киров, 1980. 136 с.: ил.

Домрачев В. А. Орденоносный комбинат им. Коминтерна. Киров, 1982. 192 с.: ил.

Домрачев В. А. Трудовой век завода (Киров. станкостроительного). Киров, 1980. 95 с.: ил.

За власть Советов: Сб. воспоминаний старых большевиков — участников Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в Вятской губернии. Киров, 1957. 277 с.: ил.

Загвоздкин Г. Г. Цена Победы: Социальная политика военных лет. Киров, 1990. 263 с.

Звезды Славы: (О кировчанах — полных кавалерах ордена Славы). Киров, 1970. 88 с.

Из истории профессионального движения в Кировской области. Киров, 1968. 202 с.

История индустриализации Нижегородского — Горьковского края. 1926—1941: Документы и материалы/Сост. З. К. Звездин, Н. И. Куприянова. Горький, 1968. 615 с.

Калинберзина А. М., Эммаусская М. М. Эммаусский Анатолий Васильевич. Киров, 1991. 80 с.: ил; Прил.: Список опубликованных работ историка, профессора.

Карачаров Ю. Г. Все равно буду жить! Документальный рассказ о жертвах сталинских репрессий в Кировской области. Киров, 1990. 192 с.: ил.

Кировская областная партийная организация в годы Великой Отечественной войны: Сб. документов. Киров, 1961. 376 с.: ил.

Кировская область на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 1940 года. Киров, 1940. 279 с.: ил.

Кировская ТЭЦ-3 — 50 лет: Ист. очерк. Кирово-Чепецк, 1992. 79 с.: ил.

Кировский педагогический. 1914—1989. Киров, 1989. 159 с.: ил.; Прил.: Труды ученых института за 1969—1988 гг.

Кировский шинный завод — 50 лет. Самара, 1993. 83 с.: ил.

Кировчане в Великой Отечественной войне/Сост. В. И. Клюкин. Киров, 1976. 384 с.: ил.

Кирсинский характер: Очерки об истории з-да «Кирскабель». Киров, 1992. 190 с.: ил.

Кирюхина Е. И. Под знаменем Октября: Кировская область за 60 лет советской власти. Киров, 1977. 208 с.: ил.

Клюкин В. И. Коммуны будущей творцы: Очерки истории Кировской организации ВЛКСМ. Киров, 1971. 360 с.: ил.

- Клюкин В. И., Шешина С. А. Сергей Миронович Киров. Киров, 1986. 224 с.: ил.
- Клюкин В. И. Сергей Мишкевич. 1869—1944. Киров, 1980. 112 с.: ил. (Революционеры Вятки).
- Клюкин В. И., Болдырев И. А. Николай Сормах. 1894—1945. Киров, 1978. 104 с. (Революционеры Вятки).
- Книга-Мемориал воинов, умерших от ран и болезней в госпиталях и захороненных на кладбищах г. Кирова в годы Великой Отечественной войны/Сост. В. Д. Сизов. Киров, 1994. 228 с.: ил.
- Книга Памяти: В 17 т./Администрация Кировской области. Киров, 1993—1995.
- Козлов П. Е. Сотворение Победы. Киров, 1995. 570 с.: (Книга Памяти. Т. 16).
- Козлов П. Е. Сталинград: Воспоминание и осмысление. Киров, 1993. 119 с.: ил.
- Колесов Н. А. В те суровые годы: Халтуринский район в Великой Отечественной войне. Киров, 1995. 81 с.: ил.
- Коллективизация сельского хозяйства в Нижегородском—Горьковском крае. 1927—1937: Документы и материалы/Сост. Н. И. Куприянова, З. В. Подвалова. Киров, 1985. 350 с.
- Корякин Л. И. Наш колхоз «Красный Октябрь»/Лит. запись В. Я. Татаренкова. Киров, 1983. 142 с.: ил.
- Культурное строительство в Кировской области. 1917—1987: Документы и материалы/Сост. Л. И. Краева, В. Д. Белобородова. Киров, 1987. 368 с.
- Лахман А. И. Во имя революции: Рабочие Вятской губернии в годы гражданской войны и иностранной интервенции. 1918—1920. Киров, 1981. 144 с.: ил.
- Лебедев В. В. Вятские записки. Киров, 1957. 174 с.: ил.
- Листовки Вятского большевистского комитета РСДРП. 1903—1917: Сб. документов. Киров, 1975. 328 с.
- Лукаш Б. С. Состояние и перспективы исследовательской работы в Вятско-Ветлужском крае/Вят. Науч.-исслед. ин-т краеведения. Вятка, 1927. 58 с.
- Мокеров Л. Д. Следы памяти: Современные мемуары. Киров, 1992. 128 с.
- Морозов Л. П. Годы и километры: Очерки истории Киров. отд-ния Горьков. железной дороги. 1906—1986. Киров, 1988. 176 с.: ил.
- Мы — лепсены: Очерки истории объединения им. Лепсе. Горький, 1988. 383 с.: ил.
- Октябрь и гражданская война в Вятской губернии: Сб. статей и материалов. Вятка, 1927. 188 с.: ил.
- Очерки истории Кировской организации КПСС: В 2-х ч. Киров; Горький, 1965—1969.
- Панин Д. М. Лубянка — Экибастуз: Лагерные записки. М., 1991. 384 с. — См. Вятлаг.
- Папырина А. А. Революционное движение в Вятской губернии в 1905—1907 годах. Киров, 1975. 152 с.: ил.
- Периодическая печать Урала. Вып. 2. Газеты 1917—1920 годов: Библиогр. указатель. Свердловск, 1986. 165 с.
- Пионерская летопись. 1922—1982: Страницы истории Киров. обл.

пионерской организации/Сост. Б.Л. Леготин; Лит. обраб. В. В. Заболотского. Киров, 1982. 238 с.: ил.

Пишу тебе с фронта: Письма и дневники участников Великой Отечественной войны/Сост. В. В. Смирнов. Киров, 1990. 157 с.

Прозоров П. А. Вчера и сегодня вятской деревни. М., 1958. 72 с.: ил.

Пятьдесят советских лет. 1917—1967: Кировская область. Киров, 1967. 240 с.: ил.

Районы Кировской области. Киров, 1937. 152 с.

Решетников М. М. Спутники и встречи: Воспоминания и очерки. Киров, 1987. 142 с.: ил.

Роль научных исследований в развитии сельскохозяйственного производства Кировской области: Сб. научных статей. Киров, 1991. 113 с.

Садырина Е. С. Андрей Кучкин. 1888—1973. Киров, 1982. 112 с.: ил. (Революционеры Вятки).

Садырина Е. С. Октябрь в Вятской губернии. Киров, 1957. 244 с.: ил.

Сборник документов и материалов по истории Кировской организации ВЛКСМ. 1918—1978. Киров, 1978. 302 с.

Сергеев В. Д. Павел Хохряков. 1893—1918. Киров, 104 с.: ил. (Революционеры Вятки).

Ситников В. А. Виктор Грязев. 1894—1919. Киров, 1976. 96 с.: ил. (Революционеры Вятки).

Ситников В. А. Вера Зубарева. 1896—1918. Киров, 1971. 102 с.: ил. (Революционеры Вятки).

Слободское меховое АО «Белка» — 100 лет. Пермь, 1993. 19 с.: ил.

Смолин Ю. М. Этапы трудовой биографии: Комбинат «Искож». Киров, 1984. 158 с.: ил.

Судьбы людские, дела заводские: Завод «Маяк». Киров, 1991. 413 с.: ил.

Суворов М. И. М. Н. Коковихин. 1883—1965. Киров, 1987. 111 с.: ил. (Революционеры Вятки).

1905 год в Вятской губернии: Сб. статей, воспоминаний и материалов/Под ред. С. Н. Порошина. Вятка, 1925. 340 с.: ил.

Установление и упрочение советской власти в Вятской губернии: Сб. документов. Киров, 1957. 624 с.

Фокин Г. Т. Ведут переключку годы. Киров, 1979. 192 с.: ил.

Составитель С. П. Кокурина.

КОММЕНТАРИИ

Раздел I. Вятка в XII—XVII веках

I. Все исторические очерки известного вятского историка Анатолия Васильевича Эммаусского (1898—1987), включенные в данный раздел, публикуются по рукописи его неопубликованной книги «История Вятского края в период феодализма» (1987, машинопись, 379 с.) в значительном сокращении и под редакцией В. А. Берлинских. Автор работал над этим трудом все последние годы жизни, как творчески перерабатывая свои предыдущие книги по истории феодальной Вятки, так и обобщая новые (порой дискуссионные) материалы. Все очерки публикуются впервые.

Значительное влияние на формирование научных воззрений А. В. Эммаусского оказали годы его учебы в Тверском педагогическом институте (1923—1926) и в аспирантуре РАНИОН (1927—1930), занятия аграрной историей России XVI—XVII веков под руководством профессоров И. И. Полосина (его научного руководителя) и В. Н. Бочкарева. Существенным представляется значение для выработки научной методологии историка трудов С. Б. Веселовского, Н. А. Рожкова, Б. Д. Грекова, лекции которых он слушал, участв в аспирантуре, а также исторической концепции М. Н. Покровского.

В 1930 году А. В. Эммаусский был направлен после окончания аспирантуры доцентом в Вятский педагогический институт, где и работал всю свою жизнь. Его научная деятельность полностью связана с историей Вятского края эпохи феодализма. В течение многих десятилетий (по существу до сегодняшнего дня) А. В. Эммаусский оставался ведущим и наиболее компетентным специалистом по вятской истории XIV—XVII веков.

2. Очерк Александра Андреевича Спицына (1858—1931) «Земля и люди на Вятке XVII столетия» публикуется в сокращении по первой (и единственной) авторской публикации в «Календаре Вятской губернии на 1887 год» (Вятка, 1886). Известны также отдельные оттиски этой статьи, выданные автору вместо гонорара за публикацию.

А. А. Спицын, являясь в 1882—1892 гг. учителем Вятской женской гимназии, активно собирал и разрабатывал местный актовый материал XVII века, который лег в основу целого цикла его работ. Впоследствии, уже став всероссийско известным археологом, ученый признавался, что из всех своих исторических работ в Вятке он более всего удовлетворен «обработкой материала XVII века и историей Вятской гимназии». Источниковед по призванию, ученик К. Н. Бестужева-Рюмина в период учебы в Петербургском университете, А. А. Спицын на основании анализа значительного массива документальных источников XVII века создал очень точную и достоверную картину жизни всех основных групп вятского крестьянства той эпохи. До сего дня это лучшая работа по теме.

3. Приложение I. Тексты для раздела «Вятка в воспоминаниях современников» подготовлены сотрудником краеведческого отдела областной научной библиотеки им. Герцена А. А. Марковым.

Раздел II. Вятский край в XVIII веке

1. Исторические очерки А. В. Эммаусского публикуются так же, как и в первом разделе, по рукописи его книги «История Вятского края в период феодализма» в сокращении. Составитель искренне благодарен вдове ученого Марии Михайловне Эммаусской (автору опубликованной биографической книги об А. В. Эммаусском) за предоставление рукописи и всемерную помощь в работе.

2. Приложение II. Тексты для раздела «Вятка в воспоминаниях современников» подготовлены А. А. Марковым. Очерк «Купец К. А. Анфилатов» написан им специально для данного тома, публикуется впервые.

Работа классика местной историографии Павла Николаевича Луппова (1867—1949) «История вятских сел» является основной частью его неопубликованной рукописи «К истории населенных пунктов Вятской земли» (Киров, 1940, 107 с.; краеведческий отдел областной научной библиотеки им. А. И. Герцена). Книга написана автором в 1930-е годы в период его работы научным сотрудником Вятского НИИ краеведения (закрыт в 1941 г.). Этот справочник — лучший из всех неизданных на сегодня трудов историка. Основным источником в его работе над книгой стали переписи населения XVI—XVIII веков. Прделан огромный труд, требующий невероятного упорства и сосредоточенности. По мысли Луппова, публикация точных дат возникновения сел, городов, монастырей должна дать толчок местным краеведам к написанию «Истории сел и деревень Вятского края», создание которой действительно необходимо сегодня.

Первые две главы впервые публикуемого труда историка — о местных центрах на верхней и средней Вятке до 1780 года — своеобразный каталог, где наряду с названием села, временем его возникновения дана также его краткая историческая характеристика. Обзор сел и других центров Луппов ведет по речным системам, по которым и происходило расселение русских людей в крае. Всего автор внес в свой справочник 198 древнейших русских населенных пунктов края.

Раздел III. Вятский край в XIX веке

1. Исторический очерк И. И. Стефановой написан специально для данного издания. Автор долгое время изучала проблемы исторической психологии различных сословий вятского общества второй половины XIX века. Следует отметить, что отечественная историческая литература по этим вопросам почти отсутствует, поэтому статья И. И. Стефановой, особенно в части, посвященной менталитету русского купечества и крестьянства, является пионерской. Печатается в сокращенном виде.

2. Очерк «Вятские разночинцы» написан В. Д. Сергеевым специально для данного издания. В определенной мере он является дайджестом книги автора «Вятские «нигилисты», изданной на ротاپринте тиражом в 500 экз. в 1994 г. в Петропавловске-Камчатском, где уже 15 лет живет и работает В. Д. Сергеев. Книга, как и очерк — итог многолетнего (с конца 1960-х годов) изучения Валентином Дмитриевичем народнического движения в Вятском

крае. В. Д. Сергеев является автором нескольких книг и многочисленных публикаций по этой тематике, ставшей за десятилетия его своеобразным научным хобби, что всегда плодотворно сказывается на работе исследователя.

3. Статья С. А. Куковякина написана специально для данного издания. Автор в 1994 году успешно защитил кандидатскую диссертацию по проблемам истории здравоохранения в Вятском крае XIX века.

4. Очерк Е. В. Борезина написан на основе обширных материалов, собранных автором в процессе создания музея истории Вятского речного пароходства. Публикуется впервые.

5. Приложение III. Раздел «Вятка в воспоминаниях современников» подготовлен главным археографом Государственного архива Кировской области М. С. Судовиковым и сотрудником краеведческого отдела областной научной библиотеки им. А. И. Герцена А. А. Марковым на базе фондов этих учреждений. Материалы публикуются впервые.

Биографический очерк об А. П. Батуеве написан В. А. Ситниковым специально для данного издания, публикуется впервые.

Раздел IV. Вятский край в XX веке

1. Научные очерки В. Е. Мусихина написаны специально для данного тома. Тематика их находится в русле основных научных интересов Валерия Егоровича, исследовавшего в своей кандидатской диссертации вопросы развития промышленности и рабочего движения в Приуралье.

2. Статья Ю. А. Балыбердина — итог его научной работы последних лет. По этой теме им написана кандидатская диссертация (1993) и опубликованы (на ротапринте, тиражом в 500 экз.) две монографии (1994).

3. Очерк Ю. П. Храпилова тесно связан с многолетним хобби автора — филателией. Вместе с тем, созданный на материалах недавно открытых архивных источников, он дает яркую картину мировоззрения разных слоев вятского общества времен первой мировой войны. Публикуется впервые.

4. Статья Ю. Н. Тимкина подготовлена специально для данного тома. Автор пишет по этой проблематике кандидатскую диссертацию (1995) и пересмотрел по существу все стереотипы и догматические установки предшественников, обратившись к архивным первоисточникам. Публикуется впервые.

5. Исторические очерки Г. Г. Загвоздкина написаны специально для данного тома. Автором использованы преимущественно архивные источники Центра документации новейшей истории Кировской области и прежде всего официальные отчеты партийного и советского руководства края.

6. Очерк П. Т. Ожегина написан специально для данного тома на основе документальных материалов, ранее никем не использовавшихся. Это первая статья в нашей литературе по истории Вятлага. По существу в России до сих пор нет серьезной научной литературы ни об одном из 53 лагерей ГУЛАГа (по данным 1940 года, ГУЛАГ включал помимо 53 лагерей, где находились 1344 тыс. заключенных, также 425 ИТК с 352 тысячами заключенных). Главным препятствием к работе служит отсутствие ведомственных архивов лагерей.

7. Статья Н. М. Солодянкина написана специально для данного тома. Публикуется впервые.

8. Очерк В. Ф. Пономарева написан специально для данного тома. Публикуется впервые.

9. Приложение IV. Материалы раздела «Вятка в воспоминаниях современников» представлены краеведческим отделом областной научной библиотеки и Центром документации новейшей истории.

Исторический очерк В. А. Бердинских «Сталин глазами вятских крестьян» печатается с изменениями по изданию: В. А. Бердинских. «Россия и русские». Киров, 1994.

* * *

Архивные документы для тома «История» подготовили научные сотрудники Государственного архива Кировской области Г. А. Земцова, М. С. Судовников, Р. С. Шилиева, а также Центра документации новейшей истории Кировской области А. П. Белобородова, Е. В. Мельников, Е. Н. Чудиновских.

Фотоиллюстрации к тому взяты из фондов Государственного архива Кировской области, областного художественного музея им. Васнецовых, объединенного историко-архитектурного и литературного музея, а также из личных архивов В. А. Бердинских и Т. П. Дедовой. Большую работу по подготовке фотоиллюстраций к печати провели М. С. Судовников и Н. П. Мартынова.

СПИСОК авторов тома «История»

БАЛЫБЕРДИН Юрий Александрович — родился в 1966 году в г. Кирове, окончил в 1990 году Кировский пединститут; кандидат исторических наук, автор двух книг и других публикаций по истории общественно-политического движения в Вятском крае и начала XX века.

БЕРДИНСКИХ Виктор Аркадьевич — родился в 1956 году в г. Советске Кировской области, в 1978 году окончил Горьковский госуниверситет; член Союза писателей России, доктор исторических наук, профессор Вятского гос. педагогического университета, автор семи книг и многих статей по истории России XIX—XX веков, истории Вятского края.

БЕРЕЗИН Евгений Васильевич — родился в 1948 году в пос. Арбаж, окончил в 1972 году первый Московский медицинский институт; врач-рентгенолог, краевед, автор публикаций по истории медицины и Вятского речного пароходства.

ЗАГВОЗДКИН Геннадий Григорьевич — родился в 1947 году в дер. Уланово Уржумского района, в 1969 году окончил Кировский пединститут; доктор исторических наук, профессор Вятского гос. технического университета, специалист по истории Великой Отечественной войны, автор монографии и многих статей по этой проблематике.

КОКУРИНА Светлана Петровна — родилась в 1936 году в селе Вожалы Кировской области, в 1958 году окончила Кировский пединститут; библиограф-краевед, председатель совета областного краеведческого объединения «Вятка», автор многих научных работ по местной библиографии и культуре Вятского края.

КУКОВЯКИН Сергей Анатольевич — родился в 1962 году в пос.

Дубровка Кировской области, в 1985 году окончил Пермский медицинский институт; кандидат медицинских наук, преподаватель Кировского медицинского института, автор публикаций по истории здравоохранения в Вятском крае.

ЛУППОВ Павел Николаевич (1867—1949) — родился в селе Усть-Чепца Вятской губернии в семье сельского псаломщика, в 1896 году окончил Московскую духовную академию, после Октябрьской революции жил и работал в Вятке; доктор церковной истории (1913), доктор исторических наук (1944), специалист по истории миссионерской деятельности Русской православной церкви, истории удмуртов, истории Вятского края, автор более чем 100 крупных научных работ.

МАКАРОВ Леонид Дмитриевич — родился в 1951 году в селе Карсовый Базезинского района Удмуртской АССР, в 1977 году окончил Удмуртский госуниверситет, археолог, кандидат исторических наук, специалист по истории Вятского края X—XVI вв.

МАРКОВ Андрей Алексеевич — родился в 1967 году в г. Кирове, в 1994 году окончил Нижегородский госуниверситет; ведущий библиограф Кировской областной научной библиотеки им. А. И. Герцена.

МУСИХИН Валерий Егорович — родился в 1950 году в г. Кирово-Чепецке, в 1978 году окончил Кировский пединститут; кандидат исторических наук, зав. кафедрой краеведения ВГПУ, автор многих статей об экономике Вятского края начала XX в.

ОЖЕГИН Павел Тимофеевич — родился в 1932 году в дер. Русиново Афанасьевского района, в 1963 году окончил Всесоюзный юридический заочный институт; сотрудник областной прокуратуры, автор нескольких статей о репрессиях 1930-х гг. в Вятском крае.

ОСОКИН Иван Михайлович (1864—1921) — родился в с. Верхошижемском Котельничского уезда в семье псаломщика, учился в Яранском духовном училище, Вятской семинарии, Казанской духовной академии, преподавал в Кукарском двухклассном училище, Соликамском, Нолинском и Пермском духовных училищах. С 1902 г. протоиерей Вятского Воскресенского собора, член Духовной консистории, с 1906 г. — смотритель Вятского духовного училища вплоть до его закрытия в мае 1918 г. После революции работал в историческом архиве при Вятской публичной библиотеке, архивном управлении.

ПОНОМАРЕВ Юрий Федорович — родился в 1947 году в г. Кирове, в 1971 году окончил Кировский пединститут; редактор многотиражной газеты Вятской госсельхозакадемии, краевед, автор публикаций по истории Вятского края.

СЕРГЕЕВ Валентин Дмитриевич — родился в 1940 году в г. Кирове, в 1964 году окончил Кировский пединститут; кандидат исторических наук, специалист по народническому движению, автор четырех книг и многих статей по истории Вятского края.

СИТНИКОВ Владимир Арсентьевич — родился в 1930 году в деревне Мало-Кабаново Куменского района, в 1954 году окончил Ленинградский госуниверситет; член Союза писателей России, автор более 40 детских, публицистических и художественных книг.

СОЛОДЯНКИН Николай Михайлович — родился в 1944 году в дер. Заря Кикнурского района, в 1967 году окончил Кировский пединститут; кандидат исторических наук, доцент ВГПУ, автор статей по социально-экономическим проблемам.

СПИЦЫН Александр Андреевич (1858—1931) — родился в г. Яранске

в мешанской семье, в 1882 году окончил историко-филологический факультет Петербургского университета; член-корреспондент Российской академии наук (1927), выдающийся русский археолог, автор многих работ по истории и археологии Вятского края.

СТЕФАНОВА Ирина Игоревна — родилась в 1937 году в г. Кирове, в 1961 году окончила Кировский пединститут; кандидат исторических наук, специалист по истории земства и археологии Вятского края.

ТИМКИН Юрий Николаевич — родился в 1964 году в Орловском районе, в 1990 году окончил Кировский пединститут; преподаватель кафедры краеведения ВГПУ, изучает события 1917 года в Вятском крае.

ХРАНИЛОВ Юрий Павлович — родился в 1938 году в г. Иваново, в 1960 году окончил Ивановский химико-технологический институт; кандидат технических наук, профессор ВГТУ, автор нескольких статей по проблемам экологии и филателии в Вятском крае.

ЭММАУССКИЙ Анатолий Васильевич (1898—1987) — родился в селе Лотошино Московской области в семье учителя, в 1926 году окончил Тверской педагогический институт, с 1930 года работал доцентом, а затем профессором Кировского педагогического института; заслуженный деятель науки РСФСР (1979), автор пяти книг и большого количества статей по истории Вятского края эпохи феодализма.

ОГЛАВЛЕНИЕ

История Вятского края (от составителя)	5
I. ВЯТКА В XII—XVII ВЕКАХ	12
Вятка в XII—XV веках. А. В. Эммаусский	12
Вятская земля в XVI веке. А. В. Эммаусский	27
Вятка в «смутное время». А. В. Эммаусский	36
Вятка в XVII веке. А. В. Эммаусский	41
Земля и люди на Вятке в XVII столетии. А. А. Спицын	50
Культура Вятского края XVII века. А. В. Эммаусский	67
Приложение I	75
Вятка в воспоминаниях современников	
Из «Записок о Московии». С. Герберштейн	75
Из «Истории о Великом княжестве Московском». П. Петрей	76
Исторические очерки	
Русские поселенцы на берегах Вятки. Л. Д. Макаров	76
Значение преподобного Трифона в истории Вятского края. И. М. Осокин ..	91
II. ВЯТСКИЙ КРАЙ В XVIII ВЕКЕ	99
Вятка в первой половине XVIII века. А. В. Эммаусский	99
Вятка во второй половине XVIII века. А. В. Эммаусский	108
Приложение II	124
Вятка в воспоминаниях современников	
Из «Дневных записок путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства»	124
Исторические очерки	
Купец Анфилов, А. А. Марков	133
История вятских сел. П. Н. Луппов	138
III. ВЯТСКИЙ КРАЙ В XIX ВЕКЕ	183
Эпоха великих реформ и вятчане. И. И. Стефанова	183
Вятские разночинцы. В. Д. Сергеев	205
Прошлое вятской медицины. С. А. Куковякин	228
Страницы истории вятского судоходства. Е. В. Березин	241
Приложение III	253
Вятка в воспоминаниях современников	
Письма из ссылки. Г. Каменьский	253
Из «Мемуаров о купце Я. А. Прозорове и его семье». А. А. Прозоров ...	257

Вятские воспоминания. Б. Г. Сергиев	263
Моя жизнь. В. Н. Шкляев	270

Архивные документы

Исторические очерки

А. П. Батуев. В. А. Ситников	274
------------------------------------	-----

IV. ВЯТСКИЙ КРАЙ В XX ВЕКЕ	282
----------------------------------	-----

Вятские крестьяне в начале XX века. В. Е. Мусихин	282
---	-----

Вятские рабочие: от мануфактуры к фабрике. В. Е. Мусихин	298
--	-----

Политические партии в начале века. Ю. А. Балыбердин	311
---	-----

Военная цензура. Ю. П. Хранилов	328
---------------------------------------	-----

1917 год: от революции по телеграфу к революции на штыках.	
--	--

Ю. Н. Тимкин	337
--------------------	-----

Гражданская война. Г. Г. Загвоздкин	351
---	-----

Под знаком серпа и молота. Г. Г. Загвоздкин	359
---	-----

Триумф и трагедия 30-х годов. Г. Г. Загвоздкин	379
--	-----

В битве за Отечество: 1941—1945 гг. Г. Г. Загвоздкин	393
--	-----

Вятлаг. П. Т. Ожегин	408
----------------------------	-----

Кировская область в 1950—1990 гг.: проблемы экономики.	
--	--

Н. М. Солодянкин	421
------------------------	-----

Кировская область в 1950—1990 гг.: образование, наука,	
--	--

здравоохранение. Физическая культура и спорт. В. Ф. Пономарев	436
---	-----

Приложение IV	455
---------------------	-----

Вятка в воспоминаниях современников

Из «Воспоминаний о помещике Т. Я. Александрове и учебе в школе».	
--	--

И. А. Журавлев.	455
----------------------	-----

О том, что запомнилось. К. А. Палкин	456
--	-----

Архивные документы

Исторические очерки

Сталин глазами вятских крестьян. В. А. Бердинских	471
---	-----

Россия и Вятка (послесловие)

Хроника исторических событий. С. П. Кокурина	484
--	-----

Руководители Вятского края в XVII—XX веках	497
--	-----

Библиография. С. П. Кокурина	502
------------------------------------	-----

Комментарии	517
-------------------	-----

Список авторов	520
----------------------	-----

СЕРДЕЧНО БЛАГОДАРИМ!

С чувством сердечной признательности называем имена руководителей организаций, учреждений, предприятий, внесших свой вклад с поддержку четвертого тома Энциклопедии Земли Вятской «История»:

администрация города Кирова, городское управление культуры. Мэр Евгений Анатольевич **КЛЕВАЧКИН**, начальник управления Луиза Борисовна **ВОЛОХОВА**;

федерация профсоюзных организаций Кировской области. Председатель Олег Иванович **ВЫДРИН**;

акционерный банк «Кировсоцбанк». Председатель правления Валентина Дмитриевна **ЕНТАЛЬЦЕВА**, заместитель Анна Дмитриевна **ГОРЕЛОВА**;

Кировский банк Сбербанка Российской Федерации. Председатель Петр Иванович **ЮФЕРЕВ**;

отделение Пенсионного фонда России по Кировской области. Управляющий Владимир Михайлович **НИКИТИН**;

акционерное общество «Кировский молочный комбинат». Директор Василий Куприянович **СУРАЕВ**;

Кировское областное отделение Российского фонда мира. Заместитель председателя правления Ольга Георгиевна **ТРУБИНА**;

администрация Уржумского района. Глава администрации Владимир Иванович **ДАРОВСКИХ**.

Кировское региональное отделение фонда социального страхования РФ. Управляющий Александр Николаевич **СТРЕЛЬНИКОВ**; начальник отдела Капитон Филиппович **ИВОНИН**.

ДОРОГИЕ ЗЕМЛЯКИ!

От всей души рекомендуем Вам поспешить с приобретением Энциклопедии Земли Вятской.

Вас уже ждут первый том «Города», второй — «Литература», третий — «Ратные подвиги», четвертый — «История».

Последующие тома будут посвящены архитектуре, этнографии и фольклору, культуре и искусству, самобытным ремеслам, природе, известным землякам, родословной сел и деревень.

К созданию ЭЗВ привлечены ученые, краеведы, искусствоведы, писатели и журналисты нашей области, Москвы, Санкт-Петербурга, Ижевска, Екатеринбурга, Нижнего Новгорода и других мест.

Энциклопедия — очень ценный и содержательный подарок для людей всех возрастов, к любому юбилею или торжественному событию в жизни выпускника школы, колледжа, института, к свадьбе и дню рождения, для друзей, живущих на чужбине.

Удобнее всего с энциклопедии начать сбор своей собственной библиотеки.

Без ЭЗВ не обойтись никому, кто интересуется историей, культурой, этнографией и другими сторонами жизни родного края.

Не за горами день, когда ЭЗВ станет библиографической редкостью. Спешите!

За книгами обращайтесь в писательскую организацию: 610000, г. Киров, ул. Дрелевского (Спасская), 41-а. Тел. 62-25-79. 62-53-73.

ЖДИТЕ ОЧЕРЕДНОЙ ТОМ

5: АРХИТЕКТУРА

Что же это такое — архитектура? Где она начинается? Заветы римлянина Витрувия. Что говорят об архитектуре великие.

1. Деревянное зодчество Вятской земли.

План средневекового города Хлынова. Система обороны, ее развитие. Избы, усадьбы горожан. Церкви «клетские» и шатровые. Монастыри. Успенская многшатровая церковь мужского монастыря.

2. Начало каменного строительства в Хлынове.

«...Известного камня не знали и не чаяли его». Первый каменный храм. Московские мастера. Монастырские и посадские церкви. Первые гражданские каменные здания. Зарождение местной архитектурной школы. Артель Москвитина и Старкова.

3. Каменное зодчество на земле Вятской в XVII-XIX вв.

Вятские мастера каменных дел. Своеобразие вятской каменной архитектуры. Внешние связи. Взаимовлияние архитектуры Великого Устюга, Перми, Урала, Вятки. Школа Ухтомского на Вятке. Как можно строить «по приговору», по «словесному чертежу» или «по образцу». Начало строительства «по проектам архитекторским». Пропорции в строительстве. Золотое сечение. Числа Фибоначчи. Системы парных мер и новгородских «всемер».

4. Регулярные планы Вятки и застройка города.

Регламентация застройки в конце XVIII века. «Примерные и образцовые проекты начала XIX века. Вятские архитекторы. Подготовка архитектурных кадров. Губернские архитекторы: Ф. М. Росляков, Н. А. Андреевский, И. Д. Дюссар де Нсвиль, А. Е. Тимофеев, В. М. Дружинин, А. С. Андреев, Н. А. Андриевский, И. Т. Соловкин, А. Л. Витберг в Вятке.

5. Архитектура малых вятских городов.

«Регулярные» планы малых городов. Застройка их по «примерным» проектам. «Виды» городов. Заводская архитектура.

6. Архитектурная резьба.

Доски топорные и доски пильные. Лесопиление на Вятке. От глухой резьбы к прорези. Резьба в городе. Резьба по камню. Осталось на фотографии.

7. Реставрация памятников архитектуры.

Для чего это нужно. Историческое исследование. Проектирование реставрационных работ. Памятники архитектуры и сохранение исторической среды.

8. Архитекторы XX века.

И. А. Чарушин и его наследие. И. В. Ведянин, Е. И. Громаковский, А. А. Дубровский, Г. Г. Кугушев, Н. И. Козлов.

Приложения. Словарь архитектурных терминов и словарь имен.

Перечень архитектурных памятников.

Составитель доцент Кировского политехнического института А. Г. Тинский.

Ответственный за выпуск *В. Ситников*

Редактор *Л. Татаренкова*

Технический редактор *Н. Перевозникова*

Корректоры *Т. Смертина, Т. Крючкова*

11523р.

Сдано в набор 24.08.95. Подписано к печати 13.10.95.

Формат 84×108/32. Гарнитура «Таймс». Бумага типографская № 1.

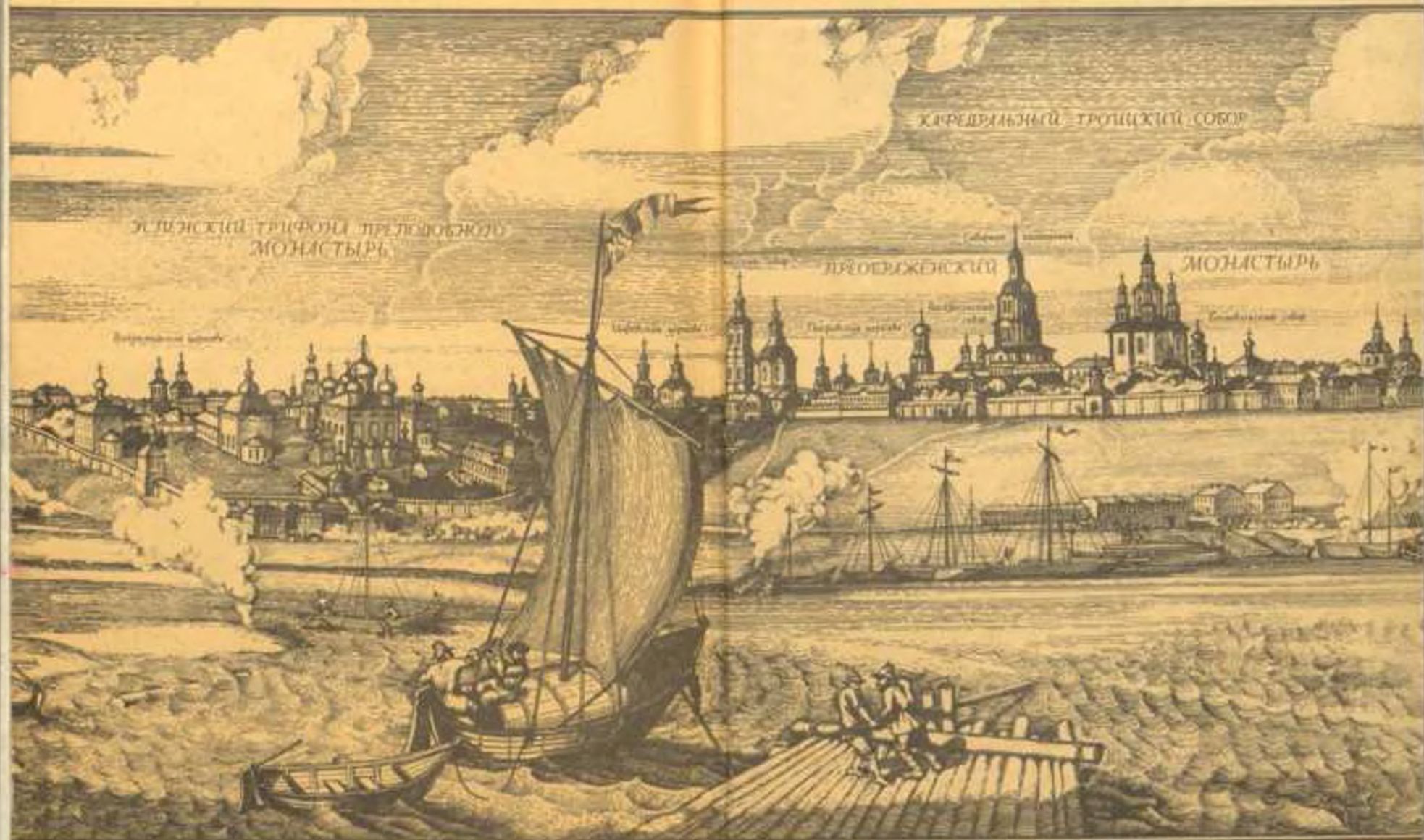
Усл. печ. л. 29,4. Тираж 20000. Заказ 1660.

Государственное издательско-полиграфическое предприятие «Вятка».

610044, г. Киров, ул. Московская, 122.

ВИД ГУБЕРНСКОГО ГОРОДА ВЯТКИ /Киров/

